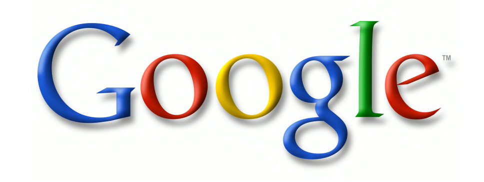
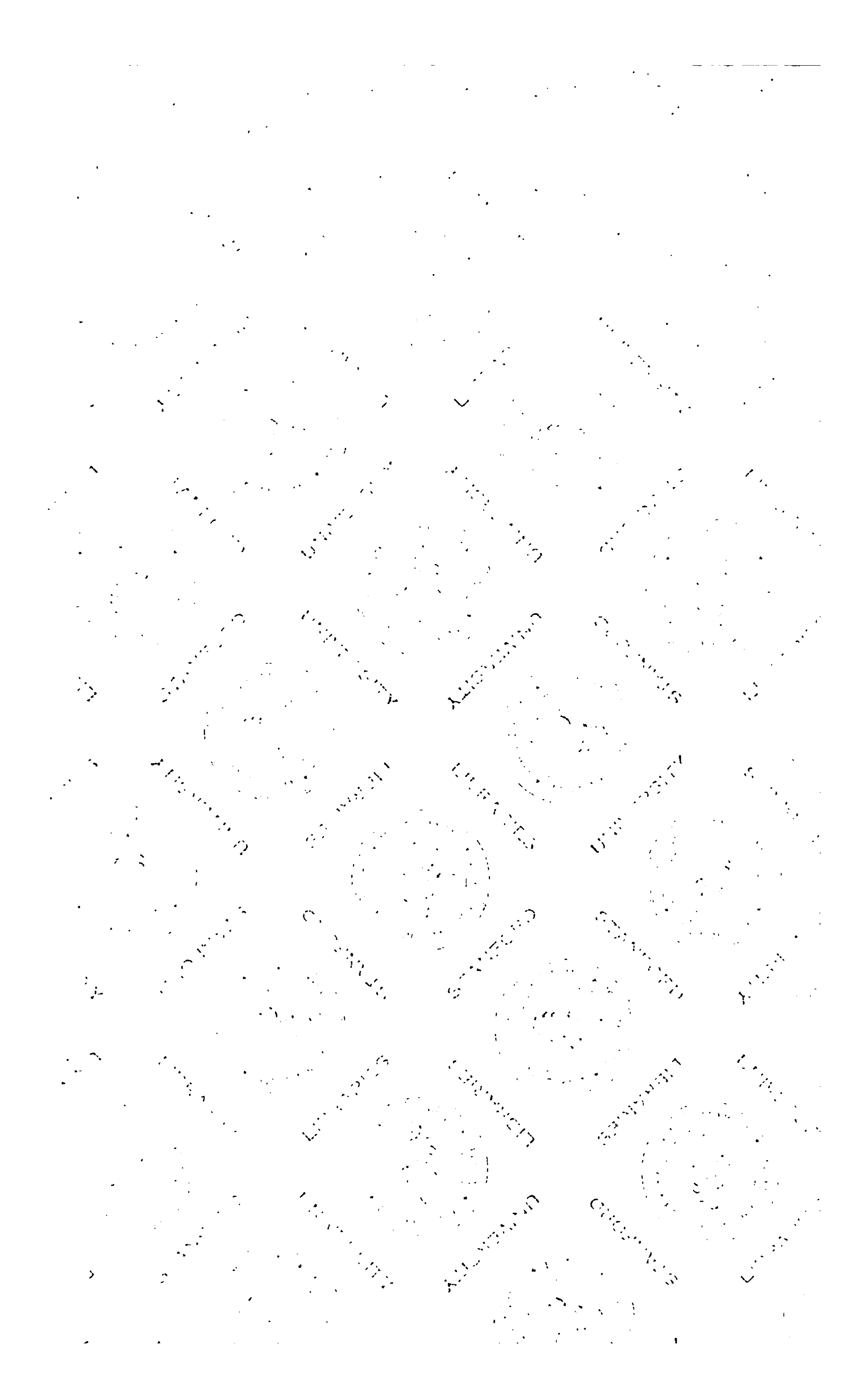
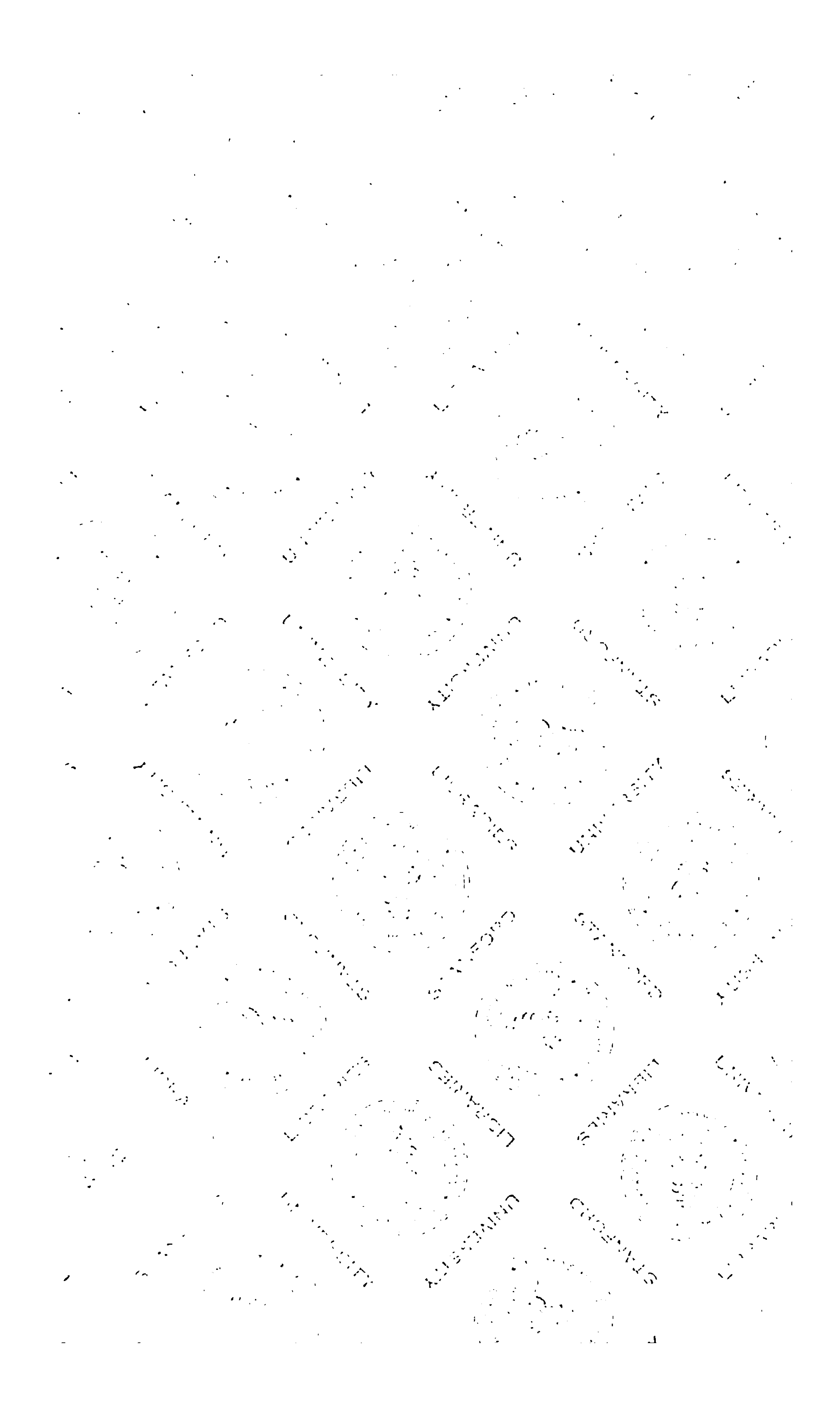

СБОРНИКЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

В. П. БЕЗОБРАЗОВА

ДѢЙСТВИТЕЛЬНАГО ЧЛЕНА ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ

ПРИ БЛИЖАЙШЕМЪ СОДѢЙСТВІИ

ПРОФЕССОРОВЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА: И. Е. АНДРЕЕВСКАГО (по полицейской наукѣ), А. Д. ГРАДОВСКАГО (по государственному праву), Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА (по международному праву), Ю. Э. ЯНСОНА (по статистикѣ), профессора Академіи Генеральнаго Штаба Г. А. ЛЕЕРА (по военнымъ наукамъ), Н. В. КАЛАЧОВА (по исторіи русскаго права) и Ѳ. Г. ТЕРНЕРА (по государственному и народному хозяйству).

ТОМЪ IV.

ЦѢНА 3 РУБ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1877.

СБОРНИКЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ

подъ редакціей

В. П. БЕЗОБРАЗОВА

дѣйствительнаго члена Императорской Академіи Наукъ

при ближайшемъ содѣйствіи

профессоровъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета: И. В. АНДРЕЕВСКАГО (по полицейской наукѣ), А. Д. ГРАДОВСКАГО (по государственному праву), Ѳ. Ѳ. МАРТЕНСА (по международному праву), Ю. Э. ЯНСОНА (по статистикѣ), профессора Академіи Генеральнаго Штаба Г. А. ЛЕЕРА (по военнымъ наукамъ), Н. В. КАЛАЧОВА (по исторіи русскаго права) и Ѳ. Г. ТЕРНЕРА (по государственному и народному хозяйству).

ТОМЪ IV.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1877.

Въ типографіи В. Безобразова и К°. (Вас. Остр., 8 л., д. № 45).

ПОГРѢШНОСТИ ВЪ III ТОМѢ СБОРНИКА ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЗНАНІЙ.

Въ статьѣ *Б. Н. Чичерина* «Ансильонъ и Кругъ» на первой страницѣ (171 стр. книги), во второй строкѣ сверху, опечатка; напечатано: «онъ отрывается отъ данныхъ отношеній», вмѣсто «*отправляется*» и проч.

Въ отдѣлѣ критики, авторъ двухъ рецензій г. *Эйхельманъ*, ошибочно названъ профессоромъ Дерптскаго университета. Онъ этой должности не занимаетъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Начала русской земли, I, *С. М. Соловьева* 1

Современныя условія военнаго судостроенія, *Э. Е. Гуляева* 20

О подоходныхъ налогахъ, *И. Ю. Патлаевскаго* 32

Нуждается ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ, кромѣ опредѣляемыхъ по суду?, I—VI, *Я. Ө. Кистяковскаго* 124

Условія театра войны на Балканскомъ полуостровѣ для русской арміи, *Г. А. Леера* 160

Архивы, ихъ государственное значеніе, составъ и устройство, *Н. В. Калачова* 181

Желѣзныя дороги въ Россіи, *А. А. Головачева*. Исторія построенія дорогъ. Статья первая 220

Критика и библіографія.

Русская литература.

Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича (по поводу «Исторіи кодификаціи, С. В. Пахмана) *М. Ф. Владимірскаго-Буданова* 8

Исторія. Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. С. Соловьева. Т. XXVI. *К. Н. Бестужева-Рюмина* 39

Архивъ юго-западной Россіи. Ч. II, т. II. *В. С. Иконникова* . . . 46

Государственное и народное хозяйство. Англійская свободная торговля, вып. 1-й. И. Янжуля. *А. И. Чупрова* 49

Общинное землевладѣніе, вып. 1-й. А. Посникова. *А. И. Чупрова* . 51

Иностранная литература.

Государство и законы о народномъ образованіи. (По поводу сочиненія Л. Штейна. «Первоначальное и профессіональное образованіе въ Германіи, Франціи и другихъ государствахъ). *Н. Х. Бунге* 56

Свѣдѣнія о современной Сербіи. (По поводу книги «Княжество Сербія» М. Ю. Милечевича). *И. Срезневскаго* 94

Статистика. Сравнительная статистика Царства Польскаго. В. Заляэнскаго. *Г. Ө. Симоненко* 109

Стр.

Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за 1876 г.).

Лондонскій протоколъ, какъ результатъ дипломатическихъ переговоровъ въ 1876 г. и его послѣдствія. — Центральныя государственныя учрежденія. — Текущее международное право.— Войско и военная организація. — Государственное управленіе и государственная служба вообще. — Государственные финансы. — Государственное хозяйство; преміи за успѣхи по лѣсному хозяйству; казенные горные заводы. — Судебная часть. — Народное образованіе; Имп. Медико-хирургическая Академія; гимназіи; реальныя и народныя училища; разныя спеціальныя учебныя заведенія. — Ученая часть. — Мѣстное управленіе; обязательныя постановленія мѣстныхъ административныхъ властей. — Гражданское право. 3

НАЧАЛА РУССКОЙ ЗЕМЛИ.

С. М. СОЛОВЬЕВА,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА.

I.

Три условія имѣютъ особенное вліяніе на жизнь народа: природа страны, гдѣ онъ живетъ; природа племени, къ которому онъ принадлежитъ; ходъ внѣшнихъ событій, вліянія, идущія отъ народовъ, которые его окружаютъ.

Россія есть обширнѣйшее государство въ мірѣ, заучиваемъ мы съ малолѣтства; въ лѣтахъ зрѣлыхъ стараемся уразумѣть смыслъ этихъ словъ. Чрезвычайная величина органическаго тѣла заставляетъ предполагать особенныя условія для поддержанія его строя, равновѣсія частей, заставляетъ опасаться за существованіе этихъ условій въ достаточной степени, за прочность тѣла, заставляетъ опасаться возможности ранняго его распаденія. Если обширное государство произошло путемъ завоеванія разныхъ народовъ однимъ какимъ либо, то непрочность его очевидна; если произошло путемъ распространенія одного народа по обширной странѣ, народа постепенно крѣпнувшаго въ своемъ государственномъ строѣ, то это явленіе предполагаетъ чрезвычайную медленность движенія, отсталость сравнительно съ другими государствами, занимающими меньшую область, ибо всѣ государственныя отправленія

въ обширной области должны совершаться медленно, особенно когда государство представляетъ обширную страну съ относительно небольшимъ, разбросаннымъ по ней народонаселеніемъ; при такомъ отношеніи, въ несплоченные ряды народонаселенія удобно проникаютъ чуждые, неудобоваримые въ народномъ организмѣ элементы; кромѣ того, несплоченныя части народонаселенія должны приводиться въ связь и общее движеніе внѣшнею силою, отчего правительственная дѣятельность должна достигать крайняго напряженія, не встрѣчая подмоги въ крѣпко сплоченной массѣ народонаселенія. Внутренній процессъ развитія совершается здѣсь чрезвычайно медленно, равновѣсіе между частями устанавливается очень не скоро, жизненныя силы народа, по разнымъ обстоятельствамъ приливаютъ то къ тому, то къ другому концу, вслѣдствіе чего происходитъ перенесеніе правительственныхъ центровъ, столицъ изъ одного угла въ другой, что именно необходимо въ обширной странѣ: въ небольшой комнатѣ владѣлецъ ея, сидя въ серединѣ или въ одномъ углу, легко видитъ все, что дѣлается вокругъ него и все у него подъ руками, далеко ходить не нужно; въ помѣщеніи обширномъ съ середины, а тѣмъ менѣе изъ угла не видно, что происходитъ въ другихъ частяхъ зданія; имѣя надобность въ чемъ нибудь находящемся въ одномъ углу, должно совершать туда долгіе переходы и остановки. Хорошо защищена обширная государственная область природными границами, внутренній процессъ развитія совершается правильнѣе и спокойнѣе, причемъ народъ, занятый этимъ внутреннимъ процессомъ, долго живетъ особою жизнію, можетъ навсегда остаться при ней, затвердѣвъ въ извѣстныхъ выработанныхъ имъ формахъ цивилизаціи, потерявши способность къ дальнѣйшему движенію. Дурно защищена государственная область природою, имѣетъ открытыя границы — народъ долженъ съ постояннымъ, напряженнымъ усиліемъ отстаивать главное свое благо, независимость; долженъ вести постоянную, тяжелую борьбу съ сосѣдями, которая мѣшаетъ внутреннему процессу развитія совершаться правильно, постепенно, вынуждаетъ народъ, для уравненія себя въ средствахъ борьбы съ другими народами, спѣшить пріобрѣтеніями этихъ средствъ, быстрѣе должнаго вытягиваться въ ростѣ своемъ, что не можетъ не имѣть также вредныхъ послѣдствій для организма государственнаго.

Если Россія есть обширнѣйшее государство въ мірѣ, то въ ея исторіи мы необходимо должны встрѣтиться съ извѣстнымъ

рядомъ указанныхъ неудобствъ, — неудобствъ, являющихся въ высшей степени именно по отношенію къ чрезвычайной обширности страны. Но если народъ вынесетъ всѣ эти неудобства, преодолѣетъ препятствія, встрѣчавшіяся ему на долгомъ пути развитія, если успѣетъ образовать государство крѣпкое единствомъ своего народонаселенія, крѣпкое соотвѣтствіемъ числа этого народонаселенія пространству, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ частяхъ своихъ, наконецъ крѣпкое цивилизаціею, которая все болѣе и болѣе уничтожаетъ природныя препятствія и главное изъ нихъ, отсутствіе удобныхъ путей сообщенія, уничтожающихъ пространства, — если народъ успѣетъ образовать такое государство, то обширность его станетъ обратно условіемъ въ высшей степени благопріятнымъ, условіемъ внѣшняго могущества и внутренняго процвѣтанія, ибо при равно благопріятныхъ условіяхъ, тѣло бóльшее необходимо сильнѣе меньшаго.

Страна, которую мы называемъ Россіею, природою назначена быть обширнѣйшею областью единаго государства, представляя въ европейской части своей равнину. Долина, какъ бы мала ни была, условливаетъ особность народную и политическую, ибо горы раздѣляютъ народы; равнина, какъ бы обширна ни была, условливаетъ единое государство, равняя однообразія и народонаселенія соотвѣтственно собственной равности и однообразію. Безводныя степи, подобно высокимъ горамъ, разбиваютъ народы на отдѣльныя государства; но въ собственной Россіи такихъ степей нѣтъ; напротивъ обширности равнины соотвѣтствуютъ многочисленныя и большія рѣки, почти переплетающіяся своими притоками, составляющія водную сѣть, которая опутывала народонаселеніе и недавала частямъ его возможности обособляться; Сѣверная Азія, отрѣзанная отъ остальной Азіи пустынею, и отдѣляясь отъ Европейской Россіи горами невысокими, переходъ черезъ которыя незамѣтенъ, естественно примкнула къ послѣдней.

Природа условила обширнѣйшую государственную область и тѣмъ условила медленность развитія страны, образованіе въ ней особаго міра, которому слѣдовало долго жить внѣ общей жизни народовъ, именно вслѣдствіе медленности, трудности процесса внутренняго развитія. Теперь надобно обратить вниманіе на то, другія природныя условія во сколько были благопріятны или неблагопріятны, во сколько могли противодѣйствовать вліянію обширности страны, или усиливать это вліяніе.

Извѣстны благопріятныя условія, которыя сдѣлали изъ Европы

страну свѣта, самую любимую исторіею. Эти условія состоятъ въ умѣренности климата, въ гармоническомъ сочетаніи формъ, въ разчлененіи ея и наибольшей длинѣ береговой линіи, что даетъ сильное вліяніе морю, общителю народовъ. Но, говоря объ этихъ условіяхъ, столь благопріятныхъ развитію народной жизни, надобно разумѣть Европу западную, ибо восточная этихъ условій лишена, представляя обширнѣйшую равнину съ малымъ относительно прикосновеніемъ къ морю, съ суровымъ континентальнымъ климатомъ. Лучшія по природнымъ условіямъ страны скорѣе приходятъ къ исторической дѣятельности, чѣмъ худшія, ибо первыя привлекаютъ къ себѣ народонаселеніе, а вторыя населяются медленно, и этимъ вполнѣ объясняется, почему въ Европѣ сначала на историческую сцену являются полуострова Средиземнаго моря, потомъ приходятъ на нее среднія части, далѣе сѣверо-западныя и послѣ всѣхъ восточная окраина, наша Россія.

Это явленіе, что Россія, хотя и позднѣе другихъ частей Европы, выступила однако на широкую историческую сцену, вошла въ общую жизнь европейскихъ народовъ, и главное, вошла въ нее съ могущественнымъ вліяніемъ, — это явленіе есть слѣдствіе характера господствующаго народонаселенія ея, славянскаго, принадлежащаго любимому исторіею арійскому племени. Въ сильной природѣ этого племени лежала возможность преодолѣнія всѣхъ препятствій, представляемыхъ природою-мачихою, возможность цивилизаціи страны и важное значеніе ея историческое.

Когда и по какимъ обстоятельствамъ Арійцы-Славяне явились на восточной европейской украйнѣ, этотъ темный доисторическій вопросъ, ведущій къ однимъ шаткимъ догадкамъ, не имѣетъ для насъ важности. Для насъ важны условія, въ которыхъ изначала нашлось это племя здѣсь, и всѣ извѣстія о странѣ, идущія изъ глубокой древности, имѣютъ для насъ значеніе въ той мѣрѣ, въ какой они уясняютъ намъ эти условія.

Въ каждомъ отдѣльномъ, значительно обширномъ государствѣ отдѣльныя его части или области имѣютъ, по своему положенію, особое значеніе, особую исторію; особое значеніе имѣютъ области срединныя, особое области, расположенныя по границамъ, и эти послѣднія области рознятся въ своемъ значеніи смотря потому, соприкасаются-ли они съ моремъ, или съ пустынею, или ограждены высокими горами, или безъ всякихъ естественныхъ преградъ сообщаются съ народонаселеніемъ странъ чуждыхъ, причемъ свойство этого народонаселенія оказываетъ важное вліяніе.

Точно также и въ цѣлой группѣ или системѣ государствъ, какую представляютъ государства европейско-христіанскія, тѣсно связанныя другъ съ другомъ единствомъ вѣры, общаго происхожденія и результатами цивилизаціи, выработанной общею историческою жизнію, и въ этой группѣ отдѣльныя государства рознятся другъ отъ друга, смотря по положенію своему, морскія-ли они или континентальныя, и послѣднія рознятся смотря потому, западныя ли они или восточныя, пограничныя съ Азіею. Россія есть государство пограничное, есть европейская окраина или украйна со стороны Азіи. Это украинское положеніе Россіи, разумѣется, должно было имѣть рѣшительное вліяніе на ея исторію.

Въ самой глубокой древности, мы видимъ столкновенія между народами, стоящими на разныхъ ступеняхъ развитія и происходившія именно отъ этого различія. Таковы были издавна противоположность и враждебность двухъ формъ быта, кочевой и осѣдлой. Западная Европа и южные ея полуострова, бывшіе главною сценою древней исторіи, по свойствамъ своей природы не представляли никакихъ удобствъ для кочеваго быта, и потому мы не находимъ въ преданіяхъ этихъ странъ извѣстій о немъ и о столкновеніяхъ между кочевымъ и осѣдлымъ народонаселеніемъ. Азія и Африка, въ своихъ степяхъ и пустыняхъ давали и до сихъ поръ даютъ возможность народамъ вести кочевой образъ жизни, до сихъ поръ Средняя Азія, области, на дняхъ вошедшія въ составъ русскаго государства, представляютъ любопытную картину отношеній между кочевымъ и осѣдлымъ народонаселеніемъ, наглядно возстанавливающую отношенія, которыя нѣкогда существовали и въ другихъ мѣстахъ, именно въ Восточной Европѣ, на той обширной, прилежащей къ Азіи равнинѣ, на которой образовалась русская государственная область. Эта великая восточная равнина во все продолженіе такъ называемой Древней Исторіи носила названіе то Скиѳіи, то Сарматіи. Для нашей цѣли вовсе не нужно входить въ безконечные споры о томъ, къ какому племени принадлежатъ Скиѳы и Сарматы; для насъ важно то, что они безспорно были кочевники, слѣдовательно по условіямъ страны кочевой элементъ долго господствовалъ въ восточной Европѣ. Извѣстны разрушительныя нашествія этихъ кочевниковъ на осѣдлые, образованные народы Европы и Азіи. Въ эпоху паденія Римской имперіи ихъ смѣнили кочевники съ другими именами, но съ тѣмъ же значеніемъ для осѣдлаго и образованнаго міра. Въ это печальное для послѣдняго время кочевники

обнаружили притязаніе привести и западную Европу въ такое же отношеніе къ себѣ, въ какомъ была восточная; но послѣднія средства древняго міра въ соединеніи со средствами новаго, Аэцій съ Германцами остановили Гунновъ съ ихъ Аттилою; на Шалонскихъ поляхъ можно поставить мѣтку, что до сихъ поръ доходило самое сильное наводненіе кочеваго элемента въ Европѣ. За Гуннами слѣдовало наводненіе аварское, за аварскимъ мадьярское, наконецъ, монгольское, но мѣтка этихъ наводненій отодвигается все далѣе и далѣе на востокъ, и вся тяжесть ихъ падаетъ на восточную европейскую равнину, на эту украйну европейскаго міра, и когда исторія начала освѣщать ее, то здѣсь представилась любопытная картина отношеній между кочевымъ и осѣдлымъ народонаселеніемъ, ихъ постоянной борьбы.

Въ первыхъ извѣстіяхъ о восточной Россіи, записанныхъ у Геродота, мы уже встрѣчаемся съ отношеніями между кочевымъ и осѣдлымъ ея народонаселеніемъ. Геродотъ отличаетъ скиѳовъ кочевыхъ и скиѳовъ земледѣльцевъ и говоритъ, что первые господствовали надъ вторыми. Мы не станемъ рѣшать нерѣшимаго вопроса, принадлежали ли эти два вида геродотовыхъ скиѳовъ къ одному племени или разнымъ: для насъ важно отношеніе — кочевые господствуютъ надъ осѣдлыми; для насъ важно то, что въ извѣстіяхъ лѣтописца о началѣ русской исторіи мы находимъ тоже отношеніе: кочевники или полукочевники Хозары, живя на востокѣ, у Дона и Волги, господствуютъ надъ осѣдлыми племенами славянскими, живущими на западѣ по Днѣпру и его притокамъ. Разница для насъ здѣсь въ томъ, что послѣ геродотовскаго извѣстія слѣдуетъ многовѣковой перерывъ, туманъ застилаетъ страну, и благодаря ему только смѣлая фантазія можетъ рисовать какіе-то образы и отношенія между ними, тогда какъ съ начальнаго извѣстія лѣтописца, извѣстія прямаго и яснаго, идетъ безъ перерыва цѣлый рядъ извѣстій, объясняющихъ дѣло. Въ странѣ посредствующей между Европою и Азіею, на украйнѣ живутъ осѣдлыя племена славянъ, и по своему мѣсту жительства входятъ въ постоянныя столкновенія съ кочевыми жителями степей; эти отношенія должны положить рѣзкую печать на исторію народа, государства, которое образуется изъ этихъ осѣдлыхъ племенъ. Мы видимъ что кочевые господствуютъ надъ осѣдлыми, изъ чего заключаемъ что кочевые сильнѣе осѣдлыхъ. Но мы очень хорошо знаемъ что сила кочевниковъ всегда внѣшняя и скоропреходящая; столпившись въ большую массу они могутъ

произвести опустошительный набѣгъ, но потрясти крѣпкое государственное тѣло не могутъ и скоро подчиняются его влiянiю, его господству; потрясти, разрушить, овладѣть они могутъ государствами только дряхлыми, отжившими, или на оборотъ, могутъ подчинить себѣ народы, находящiеся въ младенческомъ состоянiи, не успѣвшiе привесть въ связь свои части, сложиться въ крѣпкiй организмъ. Слѣдовательно, если кочевники господствовали въ концѣ первой половины IX вѣка надъ осѣдлымъ народонаселенiемъ восточной равнины, то мы прямо заключаемъ, что послѣднее было слабо, или отъ дряхлости, или отъ младенчества. Лѣтописецъ указываетъ намъ вторую причину: осѣдлое народонаселенiе жило еще въ первичныхъ формахъ быта, жило разрозненно, не успѣвъ выработать порядка и государственной связи. Такимъ образомъ одно извѣстiе лѣтописца о господствѣ Хозаръ надъ Славянами повѣряется, объясняется и дополняется другими о разрозненномъ бытѣ восточныхъ Славянъ.

Ясно и точно лѣтописецъ опредѣляетъ бытъ осѣдлаго славянскаго народонаселенiя восточной равнины: „жилъ каждый съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣя каждый родомъ своимъ“. Человѣкъ, животное общественное, не можетъ жить безъ общества, безъ связи съ другими людьми, и первымъ союзомъ является кровный или родовой. Семья крѣпка братствомъ младшихъ членовъ ея и естественнымъ, необходимымъ подчиненiемъ ихъ отцу. Отецъ умираетъ; дѣти не хотятъ признать не только совершеннаго исчезновенiя его, не хотятъ признать и отчужденiя, удаленiя его отъ интересовъ потомства при новыхъ безтѣлесныхъ условiяхъ быта. Покойный является божествомъ, покровителемъ своего потомства, ему предлагаются покормы или жертвы, онъ продолжаетъ считаться хозяиномъ жилища: избавился человѣкъ отъ бѣды, получилъ удачу—все это съ нимъ случилось благодаря заступничеству, помощи покойнаго отца, предковъ вообще. Стремленiе возстановить связь съ покойнымъ отцомъ и вообще съ предками, дѣдами, возстановить возможность пользоваться ихъ совѣтами, указанiями въ важныхъ случаяхъ жизни вело къ обычаю, столь распространенному въ древности, къ обычаю вызыванiя умершихъ, некромантiи. Но всѣ эти стремленiя поддержать связь съ умершимъ главою семьи не могли достигать цѣли—видимаго, дѣйствительнаго поддержанiя кровнаго союза, и общественный инстинктъ внушаетъ средство: старшiй братъ получаетъ значенiе отца для младшихъ, союзъ удерживается, ибо

старшій братъ, „въ отца мѣсто“ [1]), какъ отецъ, все остается по старому. Родъ умножается, но союзъ держится, многочисленный родъ все представляетъ одну семью, въ которой старшій въ родѣ, старшій братъ, какой бы то ни было степени, дядя занимаетъ мѣсто отца, сохраняетъ сожитіе членовъ въ одномъ мѣстѣ, общія занятія, общее владѣніе.

Говорятъ, что родовой бытъ можетъ сохраняться только у народовъ кочевыхъ. Но это мнѣніе основано на одностороннемъ взглядѣ. Какъ вообще въ исторіи надобно наблюдать крайнюю осторожность относительно рѣшительныхъ утвержденій, такъ прежде всего относительно разныхъ разграниченій по времени. Въ исторіи, какъ въ естественныхъ наукахъ только самыя внимательныя и точныя, микроскопическія наблюденія всей обстановки явленія въ разныя времена и въ разныхъ мѣстностяхъ могутъ освобождать отъ невѣрныхъ выводовъ относительно общихъ законовъ наблюдаемой жизни. Для того, чтобъ осѣдлость могла разлагающимъ образомъ дѣйствовать на родовой бытъ, необходимо, чтобъ были условія, вызывающія представленіе объ отдѣльной земельной собственности, ибо родовой бытъ необходимо связанъ съ общимъ землевладѣніемъ. Но когда можетъ возникнуть такое представленіе, обнаружиться стремленіе къ отдѣльной земельной собственности, къ отдѣльной хозяйственной дѣятельности? Этому необходимо должны предшествовать особыя явленія, содѣйствующія развитію личности, личныхъ способностей, раздѣленію занятій, однимъ словомъ развитію. Таково появленіе дружины, общества, основаннаго на иномъ началѣ, чѣмъ кровный или родовой союзъ, на началѣ соглашенія, появленіе городовъ, промысловъ, торговли, умноженіе движимаго имущества, денегъ, возвышеніе цѣнности земли, черезъ умноженіе денегъ увеличеніе числа рабовъ, посредствомъ которыхъ можно обработывать большіе участки земли, пріобрѣтаемой въ собственность. Но если народъ, при переходѣ отъ кочеваго быта къ осѣдлости, поселяется въ обширной странѣ, на которой свободно разбрасывается, то родовой бытъ не только получаетъ всѣ условія для своей поддержки, но долженъ необходимо возникнуть и укрѣпиться, если бы даже прежде этотъ бытъ и разлагался при какихъ либо менѣе благопріятныхъ для себя

---

[1]) Думаемъ, что первоначально это выраженіе: «въ отца мѣсто» означало что старшій только намѣстникъ покойнаго, который по прежнему остается владыкою рода.

условіяхъ. Большое разстояніе, въ какомъ отдѣльныя семьи поселились другъ отъ друга, условливаетъ ихъ отдѣльность и самостоятельность, при чемъ каждая должна удовлетворять одна своимъ потребностямъ, изъ которыхъ главныя — пропитаніе и защита. Удовлетвореніе обѣимъ этимъ потребностямъ требуетъ, чтобъ по смерти отца братья поддерживали союзъ, не раздѣлялись, для чего и служитъ родовая форма, единство рода, при управленіи старшаго, при общемъ землевладѣніи и при общей защитѣ и родовой мести. Чѣмъ многочисленнѣе родъ, тѣмъ потребность защиты легче удовлетворяется; всякій побоится напасть на человѣка, за котораго будетъ много мстителей. Понятно, что чѣмъ обширнѣе страна, чѣмъ малочисленнѣе разбросанное по ней народонаселеніе, тѣмъ развитіе, разлагающее родовую форму быта, медленнѣе, тѣмъ родовой бытъ держится упорнѣе, тѣмъ онъ вѣковѣчнѣе, ибо дѣйствительно надо пройти многимъ и многимъ вѣкамъ, чтобъ условія, разлагающія родовой бытъ, появились и усилились. Появится дружина, появятся кое-гдѣ города въ смыслѣ торговыхъ, промышленныхъ и административныхъ центровъ, образуется государство, а родовой бытъ, при благопріятныхъ для себя условіяхъ, именно при обширности страны, при разбросанности малочисленнаго народонаселенія, при земледѣльческомъ характерѣ государства, остается долго и долго въ силѣ, историку долго приходится встрѣчаться съ нимъ, постоянно считаться съ родовыми явленіями, если не хочетъ упорно зажмуривать глаза, если хочетъ по гибельной въ наукѣ привычкѣ, не основываться на наблюденіяхъ сравнительной жизни народовъ, а все размѣрять и разлиневывать по заранѣе принятой теоріи, полагать для формъ народной жизни рѣзкія границы, какъ напримѣръ: кочевой народъ живетъ въ родовыхъ формахъ быта; когда усаживается на одномъ мѣстѣ, живетъ въ общинныхъ формахъ, или: родовой бытъ долженъ быть отнесенъ къ доисторическимъ временамъ, на памяти исторіи является уже общинный бытъ, тогда какъ, чтобъ не далеко ходить, у насъ въ Россіи теперь, послѣ тысячелѣтняго государственнаго существованія, встрѣчаются еще явленія, напоминающія девятый и десятый вѣка. Правильными могутъ быть здѣсь выраженія: при переходѣ народа изъ кочеваго быта въ осѣдлый, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, можетъ начаться ослабленіе родоваго быта; при появленіи дружины, образованіи городовъ въ полномъ смыслѣ слова, при основаніи государства можетъ и должно начаться ослабленіе родо-

ваго быта и замѣна его общиннымъ; но пойдетъ ли упомянутое ослабленіе скоро или медленно, это будетъ зависѣть отъ особыхъ обстоятельствъ народной жизни. Родовой бытъ есть бытъ сельскій; въ городахъ, принимаемыхъ въ нашемъ смыслѣ, онъ невозможенъ, ибо здѣсь постоянный приливъ и отливъ народонаселенія, постоянныя столкновенія чужихъ людей, вступающихъ другъ съ другомъ въ соглашенія, въ искуственныя связи, здѣсь постоянное выдѣленіе личности по способностямъ, которымъ дается просторъ. Большое количество городовъ на сравнительно маломъ пространствѣ даетъ странѣ, государству особый характеръ, который не остается безъ быстраго вліянія и на сельскій бытъ: этотъ бытъ необходимо приравнивается къ быту городскому, и такимъ образомъ въ странѣ гражданственной, цивилизованной, съ сильнымъ развитіемъ промышленнымъ и торговымъ, съ многочисленнымъ народонаселеніемъ на сравнительно небольшомъ пространствѣ, при удобныхъ путяхъ сообщенія, при быстротѣ движенія, родовой бытъ исчезаетъ и развѣ только гдѣ-нибудь въ захолустьѣ отыщутся его остатки — общее землевладѣніе съ сохранившеюся памятью, что эти люди, владѣющіе сообща землею, происходятъ отъ одного родоначальника. Такъ въ западной Европѣ, городской Европѣ; но на востокѣ ея въ странахъ славянскихъ, въ государствахъ до сихъ поръ земледѣльческихъ по преимуществу, тамъ мы до сихъ поръ встрѣчаемся съ родовымъ бытомъ, съ цѣлыми селами, состоящими изъ одного рода, встрѣчаемся съ необходимыми условіями родоваго быта, съ общимъ землевладѣніемъ. Родовой бытъ съ своимъ необходимымъ спутникомъ — общимъ землевладѣніемъ предполагаетъ необходимо экономическую и общую неразвитость, постоянное пребываніе на одной ступени, разобщеніе, отсутствіе столкновенія съ другими формами жизни, возбуждающаго движеніе, желаніе перемѣны, предполагаетъ равенство, равенство бѣдности. Какъ скоро это равенство нарушается вслѣдствіе появленія людей, выдающихся по своимъ способностямъ и средствамъ, болѣе чуткихъ къ явленіямъ, происходящимъ внѣ ихъ узкой сферы, — людей, болѣе потому доступныхъ желанію перемѣны, такъ является выходъ изъ родоваго быта и общаго землевладѣнія; развивающаяся личность въ своей болѣе широкой и свободной дѣятельности не хочетъ стѣсняться ни тѣмъ, ни другимъ. Такимъ образомъ въ результатѣ историческаго наблюденія надъ ходомъ европейской цивилизаціи выходитъ, что родовой бытъ и общее землевладѣніе не совмѣ-

стимы съ развитіемъ, съ цивилизаціею. Но теперь, когда результаты экономическаго развитія ужаснули мыслящихъ людей чудовищемъ пролетаріата, вниманіе естественно обратилось къ явленію добраго стараго, престараго времени, обѣщающему противоядіе настоящему злу; съ особеннымъ вниманіемъ и на западѣ обратились къ изученію родоваго быта и, главное остатка его, общаго землевладѣнія. Къ какимъ практическимъ разультатамъ придетъ экономическая наука въ слѣдствіе этого изученія, мы не знаемъ. Ученый, потрудившійся надъ собраніемъ извѣстій о родовомъ бытѣ, говоритъ: „По мѣрѣ того, какъ движется то, что мы привыкли называть цивилизаціей, чувства и связи семейныя ослабѣваютъ и меньше имѣютъ вліянія на дѣйствія людей. Этотъ фактъ такъ общъ, что можно въ немъ видѣть законъ общественнаго развитія. Теперь личность затеряна среди народа. Религія, эта могущественная связь душъ, потеряла большую часть своего братскаго дѣйствія, и семья сильно потрясенная, представляетъ только организацію наслѣдства. Человѣкъ, существо общественное, и какъ нарочно уничтожили или ослабили учрежденія, гдѣ общественность воплощалась и давала твердое основаніе государству“ [1]). Но возможно ли возстановить эти учрежденія безъ возстановленія „могущественной связи душъ?“ Мы думаемъ, что при сохраненіи этого зиждительнаго духовнаго начала всѣ формы были бы хороши, ибо „духъ есть иже живитъ, плоть ничтоже пользуетъ“. Какъ бы то ни было, для историка важно то, что потрясена вѣра въ безусловный прогрессъ, что поникло знамя, съ которымъ носились такъ долго и съ такимъ торжествомъ, знамя, на которомъ было написано, что золотой вѣкъ впереди, а не назади, ибо теперь провозглашаютъ, что золотой вѣкъ былъ именно назади, когда господствовалъ родовой бытъ съ его условіями. Вслѣдствіе потрясенія вѣры въ безусловный прогрессъ естественно должно произойти обращеніе къ болѣе серьозному и трезвому изученію законовъ развитія общественныхъ организмовъ. Что же касается нашей ближайшей цѣли, то поднятіе вопроса о родовомъ бытѣ западными учеными, внимательное изученіе его и его остатковъ повсюду, внимательное изученіе извѣстій о немъ въ историческихъ и юридическихъ

---

[1]) Laveleye — De la propriété p. 195, 268, 269. — См. объ этомъ подробнѣе въ моихъ: «Наблюденіяхъ надъ историч. жизнью народовъ» въ главѣ о разложеніи древняго міра, стр. 745 и слѣд.

памятникахъ, разумѣется не можетъ не подать помощи намъ въ нашихъ изслѣдованіяхъ объ этомъ, столь важномъ въ нашей исторіи, явленіи, расширяя средства сравненія, а слѣдовательно и уясненія.

Мы не знаемъ славянъ въ кочевомъ быту, ибо предположенія, что извѣстные кочевники, обитавшіе въ восточной Европѣ, были славяне, остаются предположеніями только. Мы знаемъ славянъ осѣдлыми и живущими въ формѣ родоваго союза, въ той самой формѣ, въ какой многіе изъ ихъ потомковъ живутъ и теперь. Когда въ послѣднее время заданъ былъ во многихъ южно-славянскихъ мѣстностяхъ вопросъ: всѣ ли *задругары* (живущіе въ союзѣ, извѣстномъ подъ именемъ *задруги*) свои по крови или нѣтъ? то отовсюду былъ полученъ одинъ отвѣтъ: всѣ задругары свои между собою по крови; принимаютъ чужаго въ томъ случаѣ, когда онъ женится въ задругѣ; всѣ родня и находятся въ тѣсномъ и любовномъ союзѣ; а когда это любовное отношеніе исчезаетъ, то дѣлятся. Задругары свои между собою по крови, во второмъ, третьемъ, четвертомъ и пятомъ колѣнѣ. Употребительно усыновленіе. Случается, что сестра-вдова возвратится къ своимъ и живетъ съ дѣтьми въ задругѣ, дѣти и выросши, остаются въ той же задругѣ. Если случится, что часть членовъ задруги, отдѣлившись отъ своихъ родныхъ, примкнетъ къ совершенно чужой задругѣ, то согласіе между ними не бываетъ продолжительно: начинаются ссоры и они раздѣляются. Наконецъ, если въ какой-нибудь *кучѣ* или задругѣ перемрутъ почти всѣ, то принимаютъ чужихъ людей; обыкновенно же всѣ задругары родня между собою кромѣ прислуги [1]).

Когда внимательно всмотрѣлись въ общины Индіи, то нашли, что это союзы родственниковъ естественно и усыновленно нисходящихъ отъ извѣстнаго праотца и владѣющихъ землею сообща; нашли, что индѣйское народонаселеніе есть совокупность естественныхъ родовыхъ группъ, а не смѣшанная толпа, какъ, напримѣръ, въ Англіи [2]), и такимъ образомъ проведена связь между извѣстіями о настоящемъ бытѣ сельскаго народонаселенія въ Индіи и между древнѣйшимъ свидѣтельствомъ объ этомъ бытѣ, свидѣтельствомъ Неарха, сохранившемся у Страбона, что индѣйцы живутъ отдѣльными родами, которые сообща обработываютъ

---

[1]) Bogišić—Zbornik sadasnjih pravnih obicaja u juznih Slovena, 18.
[2]) Maine—Lectures on the early history of institutions, 30, 78.

землю [1]). Но возвратимся къ Европѣ. Здѣсь мы не будемъ толковать о греческихъ и римскихъ родахъ (γένος и gens): это слишкомъ отдаленно; мы ограничимся указаніемъ на горныхъ шотландцевъ, у которыхъ кланъ считаетъ себя большимъ семействомъ, гдѣ всѣ члены соединены кровною связью. Въ Валлисѣ считаютъ 18 степеней родства; широкая родственность (cousinerie) бретонцевъ вошла въ пословицу; она простирается до безконечности въ Нижней Бретани; 15 августа, день, когда всѣ жители прихода собираются вмѣстѣ, называется братчиною, праздникомъ родни (la fête des cousins). Въ другихъ мѣстахъ Франціи путешественники конца XVIII вѣка указываютъ роды или большія семьи, живущія вмѣстѣ съ нераздѣльнымъ хозяйствомъ относительно недвижимости подъ властью общаго родоначальника, и много свидѣтельствъ, что прежде такая форма сельскаго быта была повсемѣстна во Франціи [2]). Въ швейцарскомъ кантонѣ Аппенцеллѣ существуетъ дѣленіе народонаселенія на группы, въ которыхъ изслѣдователи основательно видятъ родовое происхожденіе, сравнивая ихъ съ кельтическимъ кланомъ и съ римскою *gens;* но что всего любопытнѣе, эти группы сохранили названіе *родовъ* (Rhoden) [3]).

И такъ родовой бытъ есть явленіе общее многимъ временамъ, странамъ и народамъ и, какъ явленіе первоначальное, естественное, простое, представляетъ всюду черты поразительнаго сходства. Это явленіе вовсе не доисторическое. Мы въ своей разработкѣ русской исторіи должны были постоянно считаться съ нимъ: дѣйствуя въ нашей древней исторіи въ самыхъ выпуклыхъ отношеніяхъ, оно провожаетъ насъ и въ XVIII вѣкъ. И вотъ въ послѣднее время западные ученные, начавшіе свои работы совершенно самостоятельно, съ другаго конца, приходятъ къ намъ на помощь, повторяя тѣ же выводы. „Съ той минуты, говоритъ Мэнъ, какъ родовой союзъ окончательно утверждается въ опредѣленной странѣ, земля становится базисомъ общества на мѣсто кровной связи. Но измѣненіе происходитъ чрезвычайно медленно и идетъ чрезъ всю исторію народа“ [4]). Мы употребляемъ названіе родоваго быта, на основаніи извѣстій лѣтописца: „Жилъ каждый съ родомъ сво-

---

1) Κατὰ δυγγένειαν κοινῇ τὺς καρπὺς ἐργαδαμένυς...

2) Laveleye—De la propriété, p. 226 et qu.

3) Тамъ же, стр. 271. Разумѣется, мы поостережемся сказать, что населеніе Аппенцеля было славянское; слово можетъ происходить изъ той древней эпохи, когда кельты, славяне и германцы имѣли много одинакихъ словъ.

4) Означенное соч. стр. 72 и 88.

имъ на своемъ мѣстѣ, владѣлъ родомъ своимъ". Здѣсь лѣтописецъ прямо говоритъ о родоначальникѣ, представителѣ рода, какъ въ послѣдующихъ актахъ перечисляются люди „съ братьями и племянниками", т. е. опять берутся только одни представители родовъ. Понятно, что когда родовой бытъ господствовалъ, то, какъ для явленія общаго, для него не выработались ни особое названіе, ни извѣстныя опредѣленія отношеній между его членами; явленіе получаетъ особое имя и опредѣленія, когда перестаетъ быть господствующимъ, сталкивается съ другими и должно отличиться отъ нихъ, опредѣлиться. Такъ древнѣйшее опредѣленіе, описаніе родоваго быта у славянъ мы встрѣчаемъ въ старой чешской пѣснѣ по поводу столкновенія этого быта съ другимъ новымъ, который являлся чужимъ. Такъ и теперь у южныхъ славянъ во многихъ мѣстностяхъ форма быта цѣлымъ родомъ, какъ форма общая, не имѣетъ особаго названія, а есть оно для явленія исключительнаго, для отдѣльнаго, одинокаго хозяйства (inokostina). Но въ другихъ мѣстностяхъ являются уже различныя названія для родовой формы быта, и здѣсь любопытно слѣдить за постепенною смѣною представленій; простѣйшее представленіе выражается словами: *большая куча* (жилище) для рода и *малая куча* для отдѣльной семьи; далѣе является уже болѣе точное опредѣленіе двухъ формъ быта: *нераздѣльная куча* для рода и *отдѣльная куча* для семьи; здѣсь опредѣляется, описывается внѣшнее отношеніе между ними и вмѣстѣ происхожденіе второй формы. Наконецъ въ родовой формѣ обращается вниманіе на внутреннюю, существенную сторону дѣла, на союзъ, и это выражается въ названіяхъ: *братство*, *дружество*, *задруга*, *скупчина*, *кучна*, *дружина*. Названіе братство для родовой формы быта, какъ видно, употреблялось и у насъ, что показываютъ слова: братство, братовщина, братчина для обозначенія общихъ складчинныхъ пировъ или столовъ, которые всегда и вездѣ были остатками и напоминаніями о прежнемъ дѣйствительномъ братствѣ, родовой связи населенія. Изъ XIV и XV вѣка имѣемъ свидѣтельства, что братья, владѣвшіе нераздѣльно земельною собственностію, назывались *братениками* или *сябрами*. Послѣднее слово любопытно: въ немъ нельзя не узнать слова „*Сербы*", которое Шафарикъ основательно видитъ въ греческомъ словѣ *Споры*, какъ Прокопій называетъ славянъ [1]).

---

[1]) Ср. латинское sobrinus — родственникъ, двоюродный братъ; ср. также пасербъ—пасынокъ. Около Матхуры (въ Индіи) общее владѣніе землею, сохра-

На вопросъ, по скольку бываетъ въ родовомъ союзѣ членовъ изъ разныхъ югославянскихъ мѣстностей, былъ данъ отвѣтъ, что ихъ бываетъ отъ 10 до 60, среднимъ же числомъ можно положить отъ 25 до 30 душъ. Возможность такого большаго количества членовъ при настоящихъ обстоятельствахъ, вообще неблагопріятныхъ для родоваго быта, заставляетъ насъ предполагать, что въ старину, при сильнѣйшихъ побужденіяхъ, при отсутствіи безопасности внѣ большихъ родовыхъ союзовъ, число членовъ этихъ союзовъ должно было быть гораздо больше; родовая связь должна была сохраняться между множествомъ семей. Связь эта сохранялась единымъ родоначальникомъ, который былъ для всѣхъ „въ отца мѣсто". На вопросъ о назначеніи главы родоваго союза въ настоящее время у южныхъ славянъ были получены отвѣты, что такимъ главою обыкновенно бываетъ старый человѣкъ, но можетъ быть и младшій, если имѣетъ больше способностей къ управленію; обыкновенно онъ бываетъ женатый, но если между женатыми нѣтъ способнаго, то можетъ быть холостой или вдовецъ. Холостой молодой человѣкъ рѣдко бываеть старшиною: „Младшій долженъ слушаться, старшій приказывать; гдѣ старшаго не слушаютъ, тамъ Богъ не помогаетъ; у стараго голова, у молодаго тѣлесная сила". Изъ нѣкоторыхъ мѣстностей были даны отвѣты: члены задруги не избираютъ старѣйшины, но старшій изъ нихъ лѣтами становится кучнымъ старшиною. Изъ одной мѣстности доставлено было свѣдѣніе о томъ, какъ именно бываетъ при назначеніи новаго старшины по смерти старшаго. Въ присутствіи всей „кучной челяди" самый старшій въ родѣ начинаетъ говорить: „Братья и дѣти! остались мы безъ главы; давайте по братски договоримся, кого назначить на его мѣсто". Слѣдующій за нимъ по старшинству, отвѣчаетъ ему: „Не надобно никакого договора, нечего новый законъ старой землѣ навязывать, старшинство твое, владѣй и управляй"! Имѣемъ право предположить, что такъ водилось съ незапамятныхъ поръ въ родовыхъ союзахъ; старшинство физическое давало неоспоримое право владѣть и управлять родомъ; исключеніе дѣлалось въ слу-

---

нилось въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ полной силѣ; оно называется здѣсь особымъ терминомъ bhoyacari, что въ приблизительно точномъ переводѣ значитъ «братскій обычай» или «братчина». Совладѣтели, живущіе въ одной деревнѣ, обыкновенно производятъ себя отъ одного предка и принадлежатъ одной кастѣ. Землею надѣляется каждый членъ общины. Ежегодно передѣляютъ они съ изнова свою землю. (Минаева, изъ путешеств. по Индіи, Ж. М. Н. Пр. декабрь 1876 г.).

чаѣ крайности, когда старшій являлся очевидно неспособнымъ; тогда должны были происходить выборы, выбирали младшаго, но способнаго; но къ подобнымъ выборамъ должны были, разумѣется, приступать неохотно, ибо нарушали священный обычай, старой землѣ навязывали новый законъ; потомъ придти къ соглашенію было не всегда легко и это вело къ смутамъ, какъ мы хорошо знаемъ изъ исторіи родовыхъ отношеній русскихъ князей. Такъ было не у однихъ славянъ. Мэнъ приводитъ свидѣтельство Спенсера, что у всѣхъ ирландцевъ по смерти вождя, всѣ собираются въ назначенное мѣсто для выборовъ новаго, и большею частію выбираютъ не старшаго сына и ни кого либо изъ сыновей умершаго вождя, но старшаго въ родѣ и достойнѣйшаго, обыкновенно роднаго или двоюроднаго брата умершаго. Въ недалекомъ родѣ старшинство переходитъ къ старшему сыну умершаго главы рода; но его назначеніе зависитъ отъ выборовъ братства, онъ можетъ быть отстраненъ, и въ такомъ случаѣ выборъ обыкновенно падаетъ на брата умершаго старшины предпочтительно предъ племянникомъ [1]). Такимъ образомъ здѣсь мы видимъ борьбу двухъ представленій о правѣ племянниковъ отъ старшаго брата и правѣ дядей, и родъ даетъ преимущество послѣднему представленію, именно какъ болѣе способному охранять единство рода, ибо первое представленіе необходимо приводитъ къ выдѣлу изъ рода привилегированной семьи, которой родъ долженъ постоянно подчиняться.

Борьба этихъ представленій, подробное описаніе которой мы имѣемъ въ нашихъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ объ отношеніяхъ князей Рюрикова дома, борьба этихъ представленій происходитъ мирно, когда родовые союзы существуютъ въ государствѣ, обязанномъ блюсти за мирнымъ разрѣшеніемъ всякихъ столкновеній; но, разумѣется, эти столкновенія не могли всегда и даже часто разрѣшаться мирно въ тѣ отдаленныя времена, когда роды жили отдѣльно, самостоятельно. Та же исторія родовыхъ отношеній между нашими князьями Рюриковичами показываетъ намъ, что̀ происходитъ, когда главы рода въ своихъ спорахъ не имѣютъ надъ собою никакой сдерживающей власти и расправляются сами собою. Такое же явленіе, т. е. усобицу мы должны предположить и между отдѣльно живущими родами. Самый легкій исходъ усобицы—это удаленіе недовольнаго меньшинства на другія жи-

---

[1]) Early history of institutions, p. 200 и 201.

лища, выдѣлъ изъ рода. Такой выдѣлъ въ государствѣ не можетъ имѣть дальнѣйшихъ послѣдствій; но при несуществованіи государства, при независимости родовъ онъ можетъ вести къ продолженію усобицы и къ ея ожесточенію. Этимъ объясняются извѣстія лѣтописца о войнѣ между родами, хотя эти войны, разумѣется, могли вестись между родами, имѣющими самую отдаленную связь общаго происхожденія, по сосѣдскимъ столкновеніямъ.

Эти войны, не говоря уже о нашествіяхъ хищныхъ ордъ и опасности отъ дикихъ звѣрей, должны были заставить родовые союзы ограждать, укрѣплять свои жилища, жить въ *городахъ*. Отсюда у насъ до сихъ поръ сохранилось такое значительное количество остатковъ старинныхъ укрѣпленій или такъ называемыхъ *городищъ*. Жили ли всѣ члены рода въ такомъ городѣ, или нѣкоторыя семьи выселялись поодаль, сохраняя между собою родовую связь, городъ,—или огороженное, укрѣпленное жилище рода, не могъ имѣть никакого вліянія на дальнѣйшее развитіе, на появленіе дружины, какъ постояннаго отряда, назначеннаго для охраненія города и живущаго всегда въ городѣ около главы или вождя рода. Городъ рубили для безопасности рода и всѣ родичи, въ случаѣ опасности, должны были защищать свое жилище, свой городъ. Если мы и предположимъ, что нѣкоторыя семьи, для хозяйственныхъ или для какихъ бы то ни было удобствъ, жили и внѣ города, то, при вѣсти объ опасности, онѣ сбѣгались въ городъ и всѣ принимали участіе въ его защитѣ; такъ было и въ государственное время, въ XVII вѣкѣ, когда, при вѣсти о приближеніи непріятеля, народонаселеніе уѣзда сбѣгалось въ городъ. Предположеніе образованія дружины изъ постоянныхъ гарнизоновъ или заставъ въ городахъ, слишкомъ отзывается новымъ временемъ, не соотвѣтствуетъ первоначальной простотѣ отношеній, поднимаетъ дѣло на ходули. При изслѣдованіяхъ подобнаго рода необходима чрезвычайная осторожность и точность. Если мы смотримъ на первоначальный городъ, какъ на огороженное, укрѣпленное жилище отдѣльнаго рода, то должны отрѣшиться отъ представленія позднѣйшаго города, какъ жилища дружины, ремесленныхъ и торговыхъ людей и проч. Незначительная обширность нашихъ городищъ должна помогать ученой осторожности, сдерживать фантазію изслѣдователя. Измѣненія въ бытѣ могли происходить отъ другихъ причинъ, которыхъ отвергать нельзя: при войнахъ между родами если одинъ родъ осиливалъ другой

и тотъ почему-либо не могъ уйти далеко для избавленія себя отъ насилій торжествующаго рода и подчинялся ему, то это подчиненіе естественно вело къ осложненію отношеній; между воинственными Шотландцами цѣлые кланы были порабощены другими. Въ началѣ ирландской исторіи мы видимъ различіе между свободными и подчиненными родами.

Съ другой стороны изслѣдователь не можетъ пропустить явленія, встрѣчающагося чрезвычайно рано въ человѣческихъ обществахъ, это именно закладничества или захребетничества. Одинъ человѣкъ или даже съ семьею, по причинамъ физическимъ или по другимъ какимъ-нибудь, волею или неволею лишился рода, оставилъ его, лишился его покровительства, сталъ беззащитнымъ, сталъ *сиротою*, положеніе страшное въ первоначальныя времена человѣческихъ обществъ; у него нѣтъ средствъ къ поддержанію своей жизни трудомъ одиночнымъ, всякій можетъ его обидѣть, убить безнаказанно, ибо не кому за него отомстить. Онъ долженъ приникнуть къ чужому роду, отъ него получить средства къ жизни и безопасности; но, какъ чужой, онъ не можетъ быть принятъ на правахъ родича, онъ долженъ стать въ зависимое положеніе; степень зависимости опредѣляется разными обстоятельствами и условіями: онъ можетъ быть принятъ какъ простой работникъ, холопъ, рабъ или какъ сосѣдъ, подсосѣдникъ, съ большею или меньшею степенью зависимости. Участіе главы рода въ пріемѣ этихъ чужихъ людей и его отношенія къ нимъ имѣютъ важное значеніе. Для всѣхъ остальныхъ родичей онъ старшій, въ отца мѣсто, а для чужихъ онъ начальникъ, не отецъ-господинъ, а хозяинъ, господарь, государь. Родоначальники въ Ирландіи располагали незанятою землею: здѣсь они имѣли своихъ закладчиковъ или захребетниковъ (fuidhirs), изгнанниковъ изъ другихъ племенъ, прибѣгшихъ подъ ихъ покровительство и связанныхъ съ новымъ родомъ только зависимостію отъ вождя. Ирландскій владыка рода окруженъ зависящими отъ него людьми. Такъ какъ въ прежнія времена важность заключалась не въ землѣ, которой такъ много, а въ средствахъ къ ея обработкѣ, то *сирота* обращался къ главѣ рода съ просьбою дать ему извѣстное количество скота; принимая скотъ, свободный ирландецъ становился захребетникомъ, вассаломъ съ извѣстными обязанностями [1]).

---

[1]) Maine, 93, 133, 145, 151, 157, 158.

Вотъ явленія, которыя по ихъ естественности и необходимости, мы не можемъ отрицать нигдѣ при господствѣ родоваго быта, объясняя, какъ могли составиться большіе роды и племена подъ властію одной фамиліи, утвердившей эту власть мало по малу посредствомъ людей подчиненныхъ или зависимыхъ. Съ теченіемъ времени такимъ способомъ образуются цѣлые народы. Но нашъ древнѣйшій источникъ указываетъ не такое происхожденіе русскаго народа. Въ слѣдующей главѣ разсмотримъ его извѣстія.

СОВРЕМЕННЫЯ УСЛОВІЯ ВОЕННАГО СУДОСТРОЕНІЯ[1].

Э. Е. ГУЛЯЕВА.

Паровая сила, въ совокупности съ употребленіемъ желѣза для постройки судовыхъ корпусовъ, дала средство довести военныя суда до такихъ размѣровъ, какіе казались невозможными при прежнемъ судостроеніи, а теперь—стали неизбѣжны, чтобы поддержать на водѣ тяжелыя машины, топливо, броню и пушки нынѣшняго калибра. Не много лѣтъ потребовалось на то, чтобы эти новыя требованія совершенно измѣнили условія военнаго судостроенія. 120-пушечный линейный корабль былъ водоизмѣщеніемъ отъ 2500 до 3000 тонновъ и стоимость его была всего около полъмилліона, между тѣмъ какъ „Warrior“, одинъ изъ самыхъ слабыхъ броненосцевъ, имѣетъ уже 9000 тонновъ и обошелся въ два съ половиною милліона рублей. Постройки въ нѣсколько разъ

---

[1]) Печатая этотъ интересный и общедоступный (для неспеціалистовъ) очеркъ современныхъ системъ военнаго судостроенія, мы обязаны оговорить нашу полную нейтральность относительно весьма рѣшительныхъ заключеній автора по одному изъ самыхъ спорныхъ въ настоящее время вопросовъ русскаго флота. Помѣщеніемъ этой статьи въ нашемъ изданіи мы желали возбудить вниманіе публики къ этому вопросу, столь существенному въ организаціи нашихъ боевыхъ силъ, и вызвать обсужденіе его въ кругу нашихъ спеціалистовъ. *Ред.*

дороже стоющія чѣмъ прежде, съ употребленіемъ для нихъ болѣе цѣнныхъ матеріяловъ, оканчивающіяся въ сравнительно короткій срокъ, въ виду быстроты совершенствованія типовъ, заставляютъ государства увеличивать свои бюджеты. Такъ, Англія, содержащая на водѣ, теперь, почти тоже число судовъ, какъ и 50 лѣтъ тому назадъ, принуждена была увеличить статьи своихъ расходовъ на морскіе матеріялы и судостроеніе за этотъ періодъ времени съ 383 130 ф. с. на 2,614, 920. ф. с.

Броня въ первыхъ броненосныхъ судахъ была всего 4 $^1/_2$ или 5 дюймовъ толщиною, чтобы только препятствовать уничтоженію судна, вошедшими въ употребленіе, разрывными снарядами. Но вскорѣ эта толщина брони оказалась недостаточною въ виду быстраго увеличенія калибровъ орудій, которыя начали ставить на суда. Пришлось измѣнить первоначальную систему расположенія брони и взамѣнъ защиты всей длины судна сплошь и разстановки слабыхъ, но многочисленныхъ орудій по всему протяженію палубъ,—ограничиться сокращеніемъ броненосной поверхности до возможной степени, т. е. прикрывая бронею бо̀льшей толщины только жизненныя части судна, и составлять батарею изъ меньшей числомъ, но болѣе сильной, артиллеріи.

Подъ вліяніемъ этихъ нововведеній, создались суда башенныя—низкобортныя, еще удержавшія сплошную защиту бронею, и суда батарейныя — высокобортныя, казематы которыхъ и только еще поясъ по ватеръ-линіи несли броню, а передняя и задняя оконечности надъ водою были оставлены незащищенными. Какъ та, такъ и другая система позволили достичь сравнительно болѣе толстой брони и болѣе тяжелыхъ пушекъ. Однакожъ, типъ башенный, въ отношеніи величины брони и орудій, всегда имѣлъ превосходство на своей сторонѣ сравнительно съ судами казематированными или вообще высокобортными, а послѣднія, съ другой стороны, удобствомъ и способностью нести на нихъ большую парусность могли служить не только боевыми судами, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильными крейсерами. Самые лучшіе образцы этого послѣдняго типа, усовершенствованные, кромѣ того, измѣненіемъ ихъ относительныхъ размѣровъ и формы, имѣютъ номинальную толщину брони не превосходящую 10 дюймовъ; только въ нѣкоторыхъ важнѣйшихъ частяхъ она увеличена до 12 дюймовъ, что было достигнуто пока на одномъ только бортовомъ суднѣ (Alexandra). Также только два судна бортовой системы (Alexandra и Temeraire) несутъ въ числѣ своей артиллеріи 25-

тонновыя пушки, и не существуетъ ни одного броненосца этого типа съ пушками большаго вѣса, хотя на судахъ башенныхъ уже ставится 100-тонновая артиллерія. Если вспомнимъ, кромѣ того, что не смотря на весьма большую величину бортовыхъ судовъ, способныхъ поднять броню и пушки подобно названнымъ,—плиты брони ихъ дѣлаются тоньше къ оконечностямъ пояса по ватеръ-линіи до 3-хъ, 4-хъ дюймовъ, и что даже на батареѣ въ самыхъ лучшихъ судахъ этого класса броня не превосходитъ 6, 8 дюймовъ, то станетъ очевиднымъ, что такія суда, въ смыслѣ боевыхъ кораблей прежняго времени, дѣлаются при новѣйшихъ пушкахъ, пробивающихъ 2-хъ-футовую броню, — отсталыми, несовременными, прежде чѣмъ они заканчиваются постройкою. Мы сказали достаточно, чтобы показать, что, хотя по настоящее время высокобортные батарейные броненосцы все еще составляютъ чуть-ли не большую половину многихъ флотовъ, суда эти не могутъ быть названы судами будущаго и въ нашемъ флотѣ не имѣютъ цѣли. Конечно, они могутъ служить важными боевыми единицами въ отдѣльныхъ дальнихъ плаваніяхъ, но стоимость ихъ слишкомъ велика для того, чтобы назначать ихъ для боя съ тѣми легкими судами, которыя могутъ встрѣчаться въ дальнихъ водахъ, и суда гораздо дешевле стоющія будутъ дѣйствительнѣе и экономичнѣе отвѣчать такой цѣли.

Суда съ двумя башнями, въ которыхъ поставлены по два тяжелыхъ орудія, съ основаніемъ башень, обнесеннымъ, для ихъ защиты, броненоснымъ брустверомъ или замкомъ, съ поясомъ бортовой брони по ватеръ-линіи и толстою броненосною-же палубою внѣ предѣловъ ихъ брустверовъ, составляютъ еще болѣе сильный типъ боеваго башеннаго судна, развившійся одновременно съ улучшеніемъ высокобортныхъ броненосцевъ. Суда эти не имѣютъ мачтъ вовсе — паръ составляетъ ихъ единственный двигатель. Бортовая броня этого класса судовъ, имѣющаго нѣсколькихъ представителей въ англійскомъ флотѣ, не превысила 12 дюймовъ, (на башняхъ 14 д.), а у насъ на кораблѣ „Петръ Великій“ 16 дюймовъ. Орудія, поставленныя на англійскихъ самыхъ большихъ броненосцахъ этого типа, вѣсятъ 35, 38 тоннъ каждое, почти тоже, что и наши на кораблѣ „Петръ Великій“.

Какъ ни великъ прогрессъ артиллеріи за послѣднее время,— пушки пятидесятыхъ годовъ замѣнялись послѣдовательно пушками большаго вѣса, такъ что единственныя, которыя ставились на башенныя суда послѣдняго времени, были 25 или 26 тон., 38 или

40 тон. Въ Вульвичевскомъ арсеналѣ наконецъ изготовлена была и прошлымъ лѣтомъ удовлетворительно испытана 80-тон. пушка, а мѣсяца два тому назадъ, въ Италіи, стрѣляли изъ 100-тон. орудія; нѣтъ сомнѣнія, что пушки гораздо большаго вѣса будутъ введены въ весьма скоромъ времени съ тою цѣлью, чтобы противудѣйствовать броненосному судостроенію какихъ либо изъ перечисленныхъ типовъ, такъ какъ даже 22-дюймовая броня уже недостаточна для сопротивленія снаряду новой пушки.

Чѣмъ длиннѣе было судно, тѣмъ больше была поверхность, которую приходилось покрывать бронею; вліяніе тяжелыхъ плитъ, на острыхъ оконечностяхъ такого судна, еще больше увеличивало разслабленіе его длиннаго и слѣдовательно безъ того уже слабаго корпуса, въ особенности на волненіи, въ морѣ. Но зато, длинному судну приписывали ходкость, съ будто-бы меньшею силою механизма. Чтобы сберечь вѣсъ брони, чтобы сократить вѣсъ корпуса, г. Ридъ, ставшій во главѣ всѣхъ инженеровъ въ эпоху начала броненоснаго періода, приступилъ къ постепенному укороченію судовъ и увеличенію ихъ относительной ширины. Каждое судно, въ которомъ эта идея была развиваема въ большей степени, оказывалось болѣе дешевымъ, болѣе сильнымъ судномъ и что еще замѣчательнѣе и что шло въ разрѣзъ съ старыми предразсудками,—болѣе короткія суда Рида оказывались также быстроходными, какъ и первые самые дорогіе и самые слабые броненосцы Англіи. Въ виду такихъ результатовъ, замѣчаемъ стремленіе въ новѣйшихъ судахъ увеличивать ширину по отношенію къ другимъ размѣрамъ, и въ Англіи начинаютъ уже обращать вниманіе на непригодность всѣхъ существующихъ доковъ вслѣдствіе недостаточной ихъ ширины.

Вслѣдъ за типомъ „Петра Великаго“ является типъ Inflexible'а. Это судно имѣетъ центральный броненосный замокъ, обезпечивающій надводную пловучесть и устойчивость судна; у него нѣтъ пояса брони по ватеръ-линіи впереди и сзади замка, какъ у всѣхъ прежнихъ броненосцевъ; вмѣсто этого бортоваго пояса, для сохраненія водоизмѣщенія, когда будутъ разстрѣлены легкія небронесныя оконечности судна, служитъ броненосная палуба, помѣщенная на глубинѣ нѣсколькихъ футъ ниже горизонта, внѣ предѣловъ замка. Такимъ снятіемъ брони съ обоихъ бортовъ, спереди и сзади замка, представилась возможность достичь весьма толстой брони на самомъ замкѣ и башняхъ, сдѣлавъ ее въ два фута толщиною. Въ двухъ башняхъ этого броненосца ставятся

по двѣ 80-тон. пушекъ. Чтобы достичь такой брони, и такихъ пушекъ потребовалось выстроить величайшее въ свѣтѣ военное судно вѣсомъ 11400 тон. Но, не смотря на это число тоннъ водоизмѣщенія, не смотря на то, что въ этомъ суднѣ отношеніе длины къ ширинѣ уже меньше чѣмъ $4^1/_2$, тогда какъ существуютъ броненосцы съ этимъ отношеніемъ равнымъ 7 и болѣе, броня его имѣетъ толщину въ 24 дюйма лишь номинальную. Такія плиты положены только по ватеръ-линіи; башни защищены 20-дюйм. бронею, а большая часть замка — плитами этой-же толщины; подъ ватеръ-линіей онѣ сбавлены до 12 дюйм., т. е. не превосходятъ въ этомъ мѣстѣ броню корабля „Петръ Великій". При болѣе тяжелыхъ орудіяхъ потребуется увеличеніе вмѣстѣ съ тѣмъ башенъ и самаго замка для помѣщенія такихъ башень, слѣдовательно съ возрастаніемъ вѣса артиллеріи, не возможно будетъ обойдтись едвали не безъ большаго увеличенія вѣса брони, даже при настоящей ея толщинѣ. Всякая попытка утолщенія послѣдней, въ виду силы артиллеріи близкаго будущаго, повлечетъ къ еще большему увеличенію, безъ того уже громаднаго и неуклюжаго, по своему углубленію, судна, а вмѣстѣ съ тѣмъ и стоимость его возрастетъ до большей цифры.

Уже стоимость Inflexible'а составляетъ около 4,800,000 руб., а такъ какъ онъ несетъ 4 пушки, то стоимость на каждую приходится болѣе милліона. Въ виду такой цифры, которая однакожъ все-таки не обезпечиваетъ того, что судно это со всею своею командою не будетъ потоплено въ свое время удачнымъ непріятельскимъ выстрѣломъ изъ орудія соотвѣтствующей величины, — почти во всѣхъ морскихъ государствахъ замѣчаемъ нерѣшительность относительно выбора наилучшаго типа и даже нѣкоторый застой въ броненосномъ судостроеніи. Въ Англіи сказанные результаты привели къ постройкѣ въ настоящее время двухъ башенныхъ судовъ, хотя также типа Inflexible'а, но значительно меньшей величины и уже не съ 24-дюймовою бронею и 80-тон. пушками, но съ бронею лишь въ 18 дюймовъ, конечно, настолько же номинальною, какъ на первомъ суднѣ и только съ 38-тон. пушками.

Въ прошломъ году въ Англіи не заложено ни одного боеваго броненосца.

Существуетъ даже лагерь такихъ лицъ, которыя предлагаютъ бросить совсѣмъ броню и оставить не только батареи, но даже и самыя ватеръ-линіи незащищенными, обрекая такимъ образомъ

суда и команды ихъ на вѣрную гибель, при встрѣчѣ съ самымъ слабѣйшимъ противникомъ.

Но, въ дѣйствительности, время оставить броню вовсе не настало и предѣлъ увеличенія толщины массъ желѣза, которыми будутъ защищены въ ближайшемъ будущемъ суда и ихъ брустверы, какъ увидимъ ниже, оказывается далеко еще не достигнутымъ. Правда, стоимость толстой брони будетъ больше стоимости брони даже Inflexible'a, потому что невозможно имѣть плиты напр. въ 4 фута толщиною вмѣсто плитъ въ 2 фута и съ тѣмъ вмѣстѣ не увеличить вѣсъ ихъ и слѣдовательно стоимость. Но нести такія и болѣе толстыя плиты —возможно, а для уменьшенія общей стоимости судна съ такою бронею выборъ типа долженъ остановиться на томъ, при которомъ корпусъ имѣетъ возможно наименьшую поверхность, вмѣщающую возможно большее водоизмѣщеніе и при томъ такой формы, которая не требовала бы чрезвычайной величины машинъ для движенія такого судна. Самая величайшая изъ заслугъ г. Рида, какъ инженера, заключалась въ его послѣдовательномъ, хотя медленномъ, приближеніи къ этому несомнѣнному типу будущаго.

Теперь обратимся къ нашему отечественному судостроенію послѣдняго времени.

Мы выше старались показать, до какихъ громадныхъ размѣровъ наконецъ выросли суда общепринятыхъ формъ, чтобы нести тяжелыя пушки и толстую броню, и мы показали также почти безнадежность развитія въ послѣднемъ отношеніи, не прибѣгая къ чрезвычайнымъ затратамъ. Но при нашемъ новомъ типѣ, — при весьма короткихъ и широкихъ судахъ или „поповкахъ“, — мы теперь должны быть убѣждены въ томъ, что у насъ есть средство преодолѣть эти затрудненія.

То обстоятельство, что Россія не имѣла на югѣ дока достаточныхъ размѣровъ, на который могли быть подняты круглыя суда для осмотра ихъ и исправленія послѣ боя, было причиною того, что двѣ готовыхъ въ настоящее время поповки имѣютъ въ діаметрѣ одна всего 100 футъ, а другая только 120 футъ: Севастопольскій эллингъ Р. О. П. и Т. въ состояніи поднять рядомъ два судна въ 1200 тонновъ каждый; ширина воротъ его 120 футъ. Эти цифры опредѣлили границы, изъ которыхъ не могли выходить размѣры нашихъ двухъ первыхъ судовъ этого класса. Глубина Керчь-Еникальскаго пролива опредѣлила углубленіе поповокъ въ 13 футъ.

Понятно что при такихъ размѣрахъ поповки эти „Новгородъ“ и „Вице-Адмиралъ Поповъ“ не имѣютъ такого водоизмѣщенія, какъ послѣднія суда Англіи и другихъ государствъ, которыя по длинѣ своей втрое болѣе, а по углубленію вдвое. Но съ поповкою, по водоизмѣщенію около $2^{1}/_{2}$ разъ меньшею послѣднихъ двухъ англійскихъ строющихся броненосцевъ, которые, слѣдовательно, должны быть почти въ столько же разъ дороже нашей поповки, мы достигли той-же толщины брони, т. е. 18-дюймовой, при такихъ же тяжелыхъ пушкахъ. Все это достигнуто, надо помнить, на углубленіи вдвое меньшемъ. Броня поповокъ не номинальной толщины, какъ на этихъ броненосцахъ, но повсюду однообразна и равномѣрна. Правда, что „Ajax“ и „Agamemnon“, про которыхъ мы говоримъ въ этомъ случаѣ, обладаютъ сравнительно большей скоростью, но благодаря усовершенствованіямъ, введеннымъ въ постройку второй поповки, скорость ея хода доходитъ до 9 узловъ; это больше чѣмъ достаточно, если имѣть въ виду военное назначеніе этого судна—служить исключительно для защиты опредѣленныхъ береговыхъ пунктовъ.

Во время опытовъ на переходѣ изъ Севастополя въ Николаевъ, въ сентябрѣ прошлаго года, оказалось, что поповка „Вице-Адмиралъ Поповъ“, при дѣйствіи только четырехъ изъ шести 80-сильныхъ машинъ этого судна, обгоняла „Новгородъ“, у котораго работали всѣ 6 такихъ-же машинъ, не смотря на то, что первое судно по величинѣ своей въ $1^{1}/_{2}$ раза больше втораго. Причины такого чрезвычайнаго факта суть слѣдующія: во-первыхъ четыре 80-сильныя машины поповки „Вице-Адмиралъ Поповъ“ дѣйствуютъ на гораздо большіе винты, дискъ которыхъ выступаетъ ниже днища судна, и винты эти сравнительно дальше отстоятъ отъ кормовой поверхности судна, чѣмъ винты „Новгорода“—слѣдовательно двигатели большаго изъ судовъ находятся въ лучшихъ условіяхъ, для своего полезнаго дѣйствія, чѣмъ на меньшемъ суднѣ; во-вторыхъ, форма большей поповки, вслѣдствіе увеличенія діаметра относительно углубленія, благопріятнѣе уменьшенію величины сопротивленія воды, чѣмъ форма „Новгорода“. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ въ распоряженіи данныхъ, чтобы привести индикаторныя силы дѣйствовавшихъ въ то время машинъ, на обѣихъ поповкахъ, которыя тѣмъ болѣе были бы интересны въ этомъ случаѣ, что они однѣ представляютъ истинное мѣрило расходываемой силы на движеніе судовъ; но, принимая въ соображеніе могущую имѣть мѣсто при такихъ испытаніяхъ разницу

въ индикаторныхъ силахъ, то и тогда, въ виду того, что разница можетъ происходить только вслѣдствіе качества кочегаровъ, достоинства топлива и нѣкоторой разности въ сравнительной величинѣ котловъ, — принимая въ соображеніе всѣ эти условія, говоримъ мы, все-таки не можетъ быть никакого сомнѣнія, что сказанныя усовершенствованія формы и двигателей привели къ дѣйствительному превосходству поповки „Вице-Адмиралъ Поповъ“ въ отношеніи скорости, не смотря на то, что вѣсъ машинъ, какъ на этомъ суднѣ, такъ и на „Новгородѣ“, одинаковъ.

Этотъ блестящій результатъ позволяетъ положительно сказать, что большія скорости совмѣстимы съ судами чисто круглой формы, а если принять въ разсужденіе приспособленіе обводовъ будущихъ судовъ такихъ типовъ для меньшаго прохожденія ихъ черезъ воду, а также и еще дальнѣйшее совершенствованіе двигателей, — то нельзя сомнѣваться, что въ тѣхъ случаяхъ, когда назначеніе поповокъ будетъ болѣе широкое, чѣмъ первыхъ двухъ, большія скорости будутъ обезпечены.

Впрочемъ, въ дѣйствительности, вопросъ о чрезвычайной скорости тѣхъ судовъ, которыя въ будущемъ замѣнятъ собою прежніе корабли, не составляетъ важнѣйшаго условія. Съ дальнѣйшимъ примѣненіемъ и развитіемъ средствъ самозащиты противъ снарядовъ, минъ и тарановъ, боевая сила поповокъ въ отношеніи обороны и наступленія превзойдетъ и далеко оставитъ за собою все, что было до сихъ поръ выработано и достигнуто въ дѣлѣ современнаго броненоснаго судостроенія. Всѣ другія суда, со включеніемъ англійскаго Inflexible'а, итальянскаго „Duilo“ и нашего „Петра Великаго“, сдѣлались отсталыми по своему принципу еще въ тотъ моментъ, когда положено было начало развитію смѣлой идеи этаго типа.

Нѣтъ двухъ судовъ какого-либо флота, заложенныхъ не въ одинъ и тотъ же годъ, которыя были бы одинаковы въ боевомъ отношеніи: каждое послѣдующее судно, впродолженіе всего броненоснаго періода, строилось такъ, чтобы составить собою улучшеніе ему предшествовавшаго, и слѣдовательно всякій флотъ, въ настоящее время, состоитъ изъ судовъ самыхъ разнообразныхъ системъ, размѣровъ и боевыхъ качествъ. Поэтому только весьма ограниченное число судовъ каждаго изъ иностранныхъ флотовъ могутъ быть названы дѣйствительно сильными и въ военное время только эти сильнѣйшія суда вѣроятно будутъ выставлены непріятелемъ. Чтобы имѣть успѣхъ при такихъ обстоятельствахъ, мы должны

быть въ состоянiи противопоставить непрiятелю суда не менѣе сильныя, и значенiе наше будетъ тѣмъ дѣйствительнѣе, чѣмъ неуязвимѣе и сильнѣе будетъ каждое наше судно, отдѣльно взятое. Для чего же намъ теперь строить длинные слабые броненосцы, какъ того еще продолжаютъ желать и на томъ настаивать нѣкоторые: такiя суда всегда будутъ обречены играть пассивную роль, прятаться въ Кронштадтѣ или иностранныхъ портахъ дружественныхъ намъ державъ, какъ только объявлены будутъ военныя дѣйствiя. Пользуясь существованiемъ въ иностранныхъ флотахъ лишь малаго числа дѣйствительно сильныхъ судовъ, объединенная сѣверная Германiя — не имѣвшая прежде почти никакого флота, — создала въ короткiй срокъ нѣсколько сильныхъ судовъ, которыя уже успѣли обезпечить этому государству извѣстное военно-морское значенiе. Возрожденная Италiя, также, своими послѣдними судами уже соперничаетъ съ Англiей: ея новыя пушки въ состоянiи пробить стѣны каждаго изъ велико-британскихъ броненосцевъ и это заставляетъ англичанъ требовать отъ своего правительства постройки еще дороже стоющихъ гигантовъ, большихъ чѣмъ Inflexible, чтобы сохранить свое преобладанiе на морѣ. Этими примѣрами указывается возможность юнымъ нацiямъ вдругъ стать при нынѣшнихъ обстоятельствахъ почти на одинаковый уровень съ государствами, имѣющими вѣковое морское значенiе. Относя это къ возрожденiю могущества нашего на Черномъ морѣ, гдѣ мы не могли до 1870 г. содержать большихъ судовъ, видимъ, что и оно можетъ быть обезпечено также быстро и съ такимъ же малымъ напряженiемъ финансовыхъ средствъ, какъ создаются могущества Германiи и Италiи. Для этого, при закладкѣ нашихъ новыхъ броненосцевъ, намъ слѣдуетъ опредѣлить въ силѣ защиты и наступленiя тѣ суда, которыя только что начинаются постройкою или находятся еще въ проектахъ въ другихъ государствахъ, и было бы ошибочнымъ строить у насъ суда, даже подобныя англiйскому Inflexible'ю. Нѣсколько такихъ судовъ напр. на Черномъ морѣ, не смотря на то, что стоимость каждаго въ Россiи составила бы никакъ не менѣе $^{1}/_{6}$ всего нашего морскаго бюджета, будутъ обречены, ко времени ихъ готовности, къ участи нашего сравнительно столь же великолѣпнаго и въ то время относительно также сильнаго Севастопольскаго флота въ Крымскую войну, такъ какъ западныя государства съ ихъ гораздо большими бюджетами (Англiя напр. съ девяносто тремя съ половиной миллiоновъ руб.) будутъ въ состоя-

нія выстроить къ тому времени гораздо большее число такихъ же судовъ. Два, три-же Inflexible'я, слабыхъ по отношенію къ совокупнымъ непріятельскимъ флотамъ такихъ же судовъ, кромѣ того не были бы въ состояніи воспользоваться тѣми важными стратегическими условіями, которыя представляются географическимъ положеніемъ Днѣпровскаго лимана и Керченскаго пролива; Николаевъ, единственное адмиралтейство на югѣ Россіи, былъ бы запертъ для нихъ невозможностью проникнуть черезъ мелководья, что можетъ послужить къ гибельнымъ послѣдствіямъ въ военное время. Словомъ — такою постройкою мы только безполезно потратили бы тѣ милліоны руб., которые могутъ принести несомнѣнную пользу, если будутъ употреблены съ большею осмотрительностью.

Хотя новыя сильныя суда, поповки, должны быть не малой величины, но и въ такомъ случаѣ стоимость постройки каждаго изъ нихъ будетъ меньше расхода на созданіе нѣсколькихъ слабыхъ броненосцевъ. Они, также какъ и Inflexible, могутъ и вѣроятно будутъ нести центральную тяжелую батарею на легкомъ подводномъ корпусѣ, защищенномъ только броненосною палубою, но съ тѣмъ отличіемъ, что форма ихъ подводной части обезпечитъ способность нести такія тяжелыя пушки и такую толстую броню, которыя кажутся теперь невозможными, на корпусѣ наименьшемъ по отношенію къ водоизмѣщенію и потому дешевѣйшемъ; усовершенствованія же, о которыхъ было сказано ранѣе, позволятъ уменьшить силу машинъ, необходимыхъ для движенія такого судна. Только одни такія суда имѣютъ то преимущество, что при ихъ очень короткомъ и очень широкомъ корпусѣ, можетъ быть достигнуто малое углубленіе, необходимое для того, чтобы обезпечить наше господство на всѣхъ пунктахъ.

Все это приводитъ насъ къ заключенію, что современныя условія военно-морскаго дѣла требуютъ постройки поповокъ большихъ размѣровъ, назначенныхъ не только для защиты прибрежій, но и для атаки непріятеля въ морѣ. Такія суда удовлетворятъ всѣмъ нашимъ нуждамъ и только одни могутъ съ наименьшими затратами поддержать то положеніе наше въ средѣ другихъ государствъ Европы, какое желательно видѣть каждому русскому.

То ограниченіе размѣровъ, которое было необходимо при началѣ построекъ двухъ первыхъ поповокъ, болѣе уже не существуетъ, по крайней мѣрѣ на югѣ, гдѣ заботою морскаго министерства къ веснѣ будетъ оконченъ постройкою новый пло-

вучій докъ, который можетъ быть развитъ во всѣ стороны для подъема судовъ какихъ бы то ни было формъ и размѣровъ.

Крейсеры должны составлять безъ сомнѣнія совершенно другой типъ судовъ, соотвѣтствующій ихъ спеціальному назначенію. Разбросанные по океанамъ въ военное время, они должны быть въ состояніи прекратить торговлю непріятельской націи, возбудить панику въ промышленномъ мірѣ и такимъ образомъ, увеличивая ущербы войны, заставить непріятеля ускорить прекращеніе военныхъ дѣйствій. Въ мирное время, плавая въ дальнихъ моряхъ, они служатъ къ сообщенію командамъ ихъ тѣхъ драгоцѣнныхъ качествъ, которыя пріобрѣтаются только опытностью.

Для выполненія такой задачи, эти суда должны обладать наибольшею скоростью хода, чтобы перегонять коммерческіе пароходы и уходить отъ сильнѣйшаго непріятеля. Слѣдовательно, при настоящихъ обстоятельствахъ, скорость крейсеровъ должна быть около 16 узловъ въ часъ. Каждый узелъ скорости, когда скорости становятся выше извѣстныхъ предѣловъ, покупается очень дорого: требуются суда большой величины, а потому въ особенности къ крейсерамъ должно быть приложено все искусство архитектуры, чтобы достичь наименьшаго сопротивленія образованіемъ самыхъ обводовъ подводной части.

Крейсеры должны быть вооружены ограниченнымъ числомъ не тяжелыхъ пушекъ, чтобы только быть въ состояніи пробить ватеръ-линію неброненоснаго судна. Они должны имѣть полную парусность, чтобы меньше зависѣть отъ складовъ угля. Желательно чтобы ихъ подводныя поверхности были покрыты такимъ матеріаломъ, который предохранялъ, какъ можно дольше, днища отъ наростовъ, сохраняя тѣмъ скорость хода и позволяя судну не находиться въ зависимости отъ портовъ, въ которыхъ находятся доки.

Въ нашемъ флотѣ существуетъ типъ крейсеровъ, удовлетворяющій означеннымъ условіямъ, и нѣсколько такихъ судовъ уже на водѣ. Фрегаты „Генералъ-Адмиралъ“ и „Герцогъ Эдинбургскій“ имѣютъ сверхъ этого еще ту особенность, что они несутъ 6-дюймовый броневой поясъ по ватеръ-линіи, съ утолщенною желѣзною палубою надъ этимъ поясомъ, такъ что всѣ жизненныя части этихъ судовъ обезпечены отъ снарядовъ изъ такихъ, по крайней мѣрѣ, орудій, какія могутъ, и безъ сомнѣнія будутъ, ставиться на торговыхъ большихъ пароходахъ въ военное время. Слѣдовательно такіе крейсеры имѣютъ то преимущество, передъ другими судами

того же рода въ другихъ флотахъ, что они, догнавъ всякое коммерческое судно, будутъ въ состояніи топить его своими выстрѣлами, не подвергаясь риску быть потопленными въ свою очередь. Новыя суда Англіи. назначенныя для крейсерства. Shannon, Nortchampton и Nelson защищены главнымъ образомъ также только по ватеръ-линіи—бронею въ средней части и палубою въ оконечностяхъ, — а пушки, кромѣ тѣхъ, которыя поставлены въ носу и кормѣ, назначены дѣйствовать позади бортовъ, неприкрытыхъ вовсе бронею.

Въ виду, однакожъ, уменьшенія величины и слѣдовательно стоимости крейсеровъ, у насъ только что выстроены два судна безъ брони и начата постройка четырехъ, имъ подобныхъ. Говоря о небронированныхъ крейсерахъ, мы пользуемся случаемъ упомянуть о новыхъ судахъ этого рода въ Англіи „Iris“ и „Mercury“. Въ нихъ все жертвуется для достиженія наибольшей скорости. Они вооружены легкою артиллеріею, имѣютъ легкій корпусъ, выстроенный изъ стали, но несутъ сильныя машины.

Представленный обзоръ условій современнаго военнаго судостроенія приводитъ насъ къ слѣдующимъ главнѣйшимъ заключеніямъ:

1) Необходима постройка поповокъ, неуязвимость и наступательная сила которыхъ были бы развиты въ высшей степени.

2) Необходимы крейсеры, главнѣйшимъ качествомъ которыхъ была бы чрезвычайная скорость хода.

Декабрь 1876.
г. Николаевъ.

О ПОДОХОДНЫХЪ НАЛОГАХЪ.

И. Ю. ПАТЛАЕВСКАГО,

профессора Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Государство, для выполненія своихъ цѣлей и своихъ задачъ, нуждается въ личномъ содѣйствіи и имущественныхъ жертвахъ со стороны своихъ подданныхъ. Безъ этого содѣйствія и безъ этихъ жертвъ государство существовать не можетъ. Поэтому-то оно, какъ выразился Л. Штейнъ, и имѣетъ безусловное право на эти условія своего существованія. Тотъ стройный юридическій порядокъ общественной жизни, который выработанъ современными европейскими государствами, явился не сразу. Если въ настоящее время всѣ жертвы, которыя несетъ гражданинъ, получаютъ все болѣе и болѣе характеръ жертвъ постоянныхъ, равномѣрныхъ и справедливыхъ, то новѣйшее государство, не смотря на его недостатки, представляетъ собою лучшую, какую только могли создать люди, сферу общежитія, въ которой всякая отдѣльная личность, подданный, находитъ всѣ условія для своего развитія.

Въ началѣ исторіи каждаго народа государство, хотя и является высшею формою общежитія, — но только въ зародышѣ. Почти всѣ тѣ интересы, которые мы привыкли считать государственными, въ то время имѣли значеніе интересовъ личныхъ, сословныхъ, корпоративныхъ, и удовлетворялись силами отдѣльныхъ лицъ, сословій, корпорацій. На первыхъ ступеняхъ развитія государства защита страны отъ внѣшнихъ враговъ, быть можетъ, только и является такимъ интересомъ, который сознается какъ

интересъ государственный. И во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ государство слагалось органическимъ путемъ, и гдѣ населеніе состояло не изъ порабощенныхъ, нарочно обезоруженныхъ, людей, а изъ свободнаго народа, или даже свободной части населенія, тамъ всегда сознавалась тѣсная связь отдѣльнаго свободнаго гражданина съ цѣлымъ государствомъ, и необходимость, какъ личныхъ, такъ и имущественныхъ жертвъ на пользу общую. Народное ополченіе для защиты страны, какъ общая для свободнаго населенія воинская повинность, является уже на первыхъ ступеняхъ государственной жизни. Но наряду съ свободными классами населенія существовали обыкновенно классы покоренные, порабощенные. Имъ оружія въ руки не давали, но за то требовали отъ нихъ различнаго рода услугъ, работъ, платежей, въ пользу государства. Тѣ правовыя отношенія, результатомъ которыхъ являлись эти услуги и платежи, имѣли совсѣмъ иной характеръ. Такъ покоренное населеніе платило дани, какъ и въ настоящее время побѣжденныя провинціи и государства платятъ контрибуціи. Понятно, что эти поборы являются результатомъ не столько правомѣрнаго порядка, сколько фактическаго насилія. Въ мирномъ населеніи въ старое время существовало почти вездѣ цѣлое сословіе рабовъ, крѣпостныхъ, которые разсматривались какъ имущество принадлежащее владѣльцу, изъ котораго послѣдній обязанъ былъ платить налоги въ пользу государства. Не удивительно поэтому, что повинности свободнаго сословія уже въ старое время считались за священный долгъ и за честь, тогда какъ повинности покореннаго и несвободнаго населенія считались безчестіемъ и признакомъ подчиненія, насилія, рабства. Современныя государства Европы успѣли пережить времена сословныхъ розней, рабства, крѣпостнаго права. Всѣ подданные государства сдѣлались свободными гражданами, равными передъ закономъ. Понятно, что, при строгомъ юридическомъ порядкѣ, опирающемся на свободу личности, принципы насилія не могутъ имѣть мѣста, а потому не могутъ имѣть мѣста и тѣ явленія, которыхъ сущность опиралась на этотъ принципъ. Обязанность жертвовать на пользу государства теряетъ во всѣхъ своихъ видахъ унизительный характеръ, дѣлается долгомъ, честью, и оставаясь жертвою, тягостію, обязанностію, получаетъ въ тоже время и характеръ права. Гражданинъ не только обязанъ, но и имѣетъ право служить по мѣрѣ силъ своихъ своему отечеству, если только оно нуждается въ его услугахъ. Понятно, что то

фактическое положеніе дѣлъ, какое мы видимъ въ государствахъ Европы, явилось результатомъ продолжительнаго историческаго развитія, и тѣ принципы, которые наука заявляетъ уже давно, оказываются жизненными только въ наше время. „Для того“, говоритъ Штейнъ, „чтобы ясно понять характеръ нашего времени, въ отношеніи къ государственному хозяйству, слѣдуетъ отличать во всемірной исторіи двѣ великія эпохи: Первая эпоха есть та, въ которой все государственное хозяйство основывается на господствѣ одной части гражданъ надъ другою. Вторая же эпоха есть та, когда получаетъ силу принципъ правоваго и общественнаго равенства всѣхъ. Въ первую эпоху доходы получаются отъ подчиненныхъ, а расходы дѣлаются только въ интересахъ господствующихъ. Во вторую эпоху каждый несетъ по своимъ хозяйственнымъ силамъ, а расходы являются расходами государственнаго управленія. Въ первую эпоху господствующій классъ есть единственный господинъ всей экономической жизни государства, во вторую эпоху совокупность услугъ всѣхъ принадлежитъ всѣмъ. Въ первую эпоху нѣтъ ни настоящаго финансоваго закона (бюджета), ни отвѣтственности по финансовому хозяйству, напротивъ во вторую эпоху все хозяйственное управленіе проникается публичною отвѣтственностью“. Однимъ словомъ, „первая эпоха есть эпоха не свободнаго, а вторая эпоха — конституціоннаго государственнаго хозяйства“ [1]). Если такова разница между старымъ и новымъ порядкомъ въ государственномъ хозяйствѣ, если въ прежнее время государственное хозяйство слагалось подъ вліяніемъ насилія, неравенства и сословныхъ интересовъ, если отдѣльная личность была подавлена, то возникаетъ вопросъ, на какихъ принципахъ построено отношеніе государства къ частному лицу въ новѣйшее время и именно въ сферѣ государственнаго хозяйства, и что въ настоящее время разумѣется здѣсь подъ словомъ равенство передъ закономъ, справедливость?

Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы не можемъ обойти молчаніемъ весьма распространеннаго ученія, господствовавшаго по настоящее время, особенно въ политической экономіи, — ученія такъ называемыхъ индивидуалистовъ. Какъ реакція противъ средневѣковаго деспотизма и порабощенія личности, ученіе это нашло сильныхъ сторонниковъ между политическими и экономическими писателями

---

[1]) L. von Stein, Lehrbuch der Finanzwissenschaft. Dritte Auflage 1875, стр. 16.

прошлаго и начала нынѣшняго вѣка, напр. Руссо, Канта и Смита. У послѣдняго оно подъ вліяніемъ англійскихъ сенсуалистовъ и французскихъ энциклопедистовъ получило особый оттѣнокъ и сдѣлалось преобладающимъ въ политической экономіи до недавняго времени. По этому ученію государство есть простой результатъ договора индивидуумовъ, первоначально, въ естественномъ своемъ состояніи, въ состояніи внѣ общества, совершенно свободныхъ и самостоятельныхъ. Вся цѣль государства должна въ существѣ ограничиваться установленіемъ только юридическаго порядка, охраняющаго частные интересы отдѣльныхъ подданныхъ. Такимъ образомъ государство оказалось явленіемъ случайнымъ, произвольнымъ, неестественнымъ, и при томъ второстепеннымъ, служебнымъ по отношенію къ правамъ и интересамъ отдѣльныхъ личностей. Къ этому взгляду на государство у Смита и его школы, особенно у Рикардо, прибавляется еще одна особенность. Такъ какъ вся дѣятельность отдѣльныхъ лицъ, преслѣдующихъ исключительно свой частный интересъ, направлена къ пріобрѣтенію средствъ для удовлетворенія потребностей, то и самое общежитіе, а также и государство получаетъ значеніе только на столько, на сколько оно способствуетъ увеличенію богатства. Отсюда само собою вытекаетъ взглядъ всѣхъ послѣдователей Смита на тѣ жертвы, которыя государство беретъ у подданныхъ. Съ индивидуальной точки зрѣнія такъ называемаго частнаго интереса, государство является учрежденіемъ дополнительнымъ въ системѣ хозяйственныхъ учрежденій. Оно отчасти доставляетъ особыя услуги каждому подданному въ отдѣльности въ его стремленіи къ накопленію богатства, а главное, предотвращаетъ потери въ производствѣ, гарантируетъ просторъ развитію частныхъ интересовъ и вообще, во многихъ отношеніяхъ, оказываетъ услуги страховаго учрежденія. Только во внѣшнихъ отношеніяхъ съ другими народами дѣятельность государства можетъ имѣть значительный объемъ и быть особенно производительна, покровительствуя торговлѣ, колоніямъ и т. д. Что же касается внутренняго управленія, то чѣмъ меньше государство вмѣшивается въ частные интересы гражданъ, чѣмъ большій дается просторъ борьбѣ частныхъ интересовъ, соперничеству, — тѣмъ лучше. „Съ нѣкоторою циническою наивностью", говоритъ Бернгарди, „объявляетъ Смитъ, что воспитаніе подрастающаго поколѣнія, удовлетвореніе религіозныхъ потребностей народа, школа, церковь суть такія вещи, о которыхъ государ-

ству ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ заботиться" [1]). Понятно, что съ этой точки зрѣнія, всѣ жертвы въ пользу государства оказываются справедливыми и имѣющими смыслъ только до тѣхъ поръ, пока онѣ для плательщика доставляютъ отъ государства по крайней мѣрѣ равноцѣнную выгоду. „Если правительство, говоритъ Сэ, какъ и частное лицо, потребляетъ, и если изъ этого потребленія должно слѣдовать производство цѣнностей большее чѣмъ было потреблено, то слѣдовательно оно ведетъ промыслъ производительный!" Когда частное лицо не пользуется преимуществами, которыя подать можетъ ему дать, когда жертва, которой оно подвергается, не уравновѣшивается выгодами, которыя оно отъ этого извлекаетъ, то тутъ оказывается несправедливость. Имущество принадлежитъ ему и только укравши можно не дать въ обмѣнъ равной цѣнности". Отношеніе простаго обмѣна услугъ, или лучше, купли-продажи является простымъ объясненіемъ отношенія государства къ своему подданному. Если при этомъ свобода соперничества ограничена, такъ какъ частному лицу нельзя обращаться по выбору къ другимъ государствамъ за услугами, то это только дурная сторона дѣла, и напр. Сэ требуетъ чтобы государство, именно на этомъ основаніи, старалось продавать свои услуги возможно дешево.

Общій выводъ изъ этого ученія тотъ, что для опредѣленія количества и распредѣленія всѣхъ жертвъ въ пользу государства, установляется тотъ простой принципъ, что каждый даетъ государству столько, сколько извлекаетъ изъ государства выгодъ. Адамъ Смитъ въ одномъ мѣстѣ своей книги говоритъ: „Расходы правительства, по отношенію къ подданнымъ, суть тоже, что издержки по управленію относительно владѣльцевъ большаго имѣнія, обязанныхъ участвовать въ этихъ издержкахъ въ размѣрахъ дохода, получаемаго каждымъ изъ нихъ съ этого имѣнія. Соблюденіе этого закона, или пренебреженіе къ нему, составляетъ то, что называютъ равномѣрнымъ или неравномѣрнымъ распредѣленіемъ налога". Еще дальше въ этомъ направленіи идутъ ученики Смита. Такъ Макъ-Колохъ, хваля Тьера, говоритъ слѣдующее: „Государство весьма остроумно сравнилъ г. Тьеръ съ компаніею взаимнаго страхованія, гдѣ платежи членовъ точно

---

[1]) Bernhardi. Versuch einer Kritik der Gründe, die für grosses und kleines Grundeigenthum, etc. St. Petersburg 1849. § 6.

пропорціональны суммѣ страхованія или участію каждаго въ компаніи. Тоже самое должно быть и съ подданными правительства".

Недостаточно конечно установить принципъ, нужно указать и практическое его приложеніе, особенно въ такомъ жизненномъ вопросѣ, какъ вопросъ о податяхъ. Нужно опредѣлить, какія услуги государство оказываетъ своимъ подданнымъ, и назначить имъ цѣну. Здѣсь то и оказалась практическая негодность изложенной теоріи. Одни (напр. Шмальцъ), выходили изъ той мысли, что государство защищаетъ собственно страну, а такъ какъ страна есть ни что иное, какъ совокупность поземельныхъ владѣній въ ней, то они предлагали всѣ подати разложить на землевладѣльцевъ пропорціонально размѣрамъ ихъ имѣній. Другіе брали дѣло шире, напр. Сисмонди говоритъ, что граждане должны смотрѣть на подать, какъ на вознагражденіе за покровительство (protection), оказываемое правительствомъ ихъ личности и ихъ имуществу. Самое общежитіе, по его мнѣнію, возможно только благодаря тѣмъ выгодамъ (avantages), которыя каждый изъ него извлекаетъ". Эти общія требованія совсѣмъ не разрѣшаютъ вопроса. Какъ въ самомъ дѣлѣ можно исчислить, взвѣсить и оцѣнить всѣ услуги, оказываемыя государствомъ каждому изъ своихъ подданныхъ. Можно напр. взять охрану имущества или землевладѣніе за мѣру услугъ, оказываемыхъ государствомъ, и считать, что чѣмъ больше имущество, тѣмъ больше государство дѣлаетъ затратъ для его охраны, и тѣмъ больше должно платить государству за эту охрану. Но неужели всѣ услуги государства исчерпываются охраною имущества. Развѣ личность, при своемъ стремленіи къ всестороннему развитію, ничего больше не получаетъ отъ государства и ничѣмъ больше ему не обязана кромѣ охраны имущества. Если же кромѣ охраны имущества брать во вниманіе и всѣ услуги оказываемыя личности, то какъ оцѣнить эти услуги? Есть правда много случаевъ, гдѣ государство дѣлаетъ расходы для учрежденій, которыми воспользуются только извѣстныя лица. Но кромѣ непосредственнаго пользованія государственными учрежденіями существуетъ еще и пользованіе такъ сказать косвенное. Войско, судъ, учебныя заведеня, религіозныя учреждонія и т. д. все это вліяетъ на гражданина, на его всестороннее развитіе, все это выгоды, доставляемыя государственною жизнію каждому, помимо непосредственнаго пользованія этими учрежденіями. Мало того, дѣйствительность показываетъ, что всѣ сферы обще-

житія, начиная съ семьи и кончая государствомъ, держатся не одною куплею-продажею и возможно большимъ извлеченіемъ барышей, а что здѣсь является цѣльная органическая жизнь. Весьма часто государство оказывается призваннымъ дѣйствовать и производить расходы тамъ, гдѣ и мысли не можетъ быть о выгодномъ вознагражденіи. Государство призрѣваетъ сиротъ, больныхъ, неимущихъ. По теоріи Смита и его школы оказывается, по справедливому замѣчанію Миля, что больнымъ и дѣтямъ пришлось бы платить больше чѣмъ здоровымъ и взрослымъ, потому очевидно, что послѣдніе далеко меньше нуждаются въ заботахъ и попеченіяхъ, а слѣдовательно и расходахъ со стороны государства, чѣмъ первые.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что воззрѣніе на отношеніе государства къ подданному, какъ на отношеніе продавца къ покупщику, совершенно непригодно ни для теоріи, ни для практики. „Государство не есть произвольное изобрѣтеніе людей, а тѣмъ менѣе только хозяйственное. Оно также не есть изобрѣтеніе ни нужды, ни удачи, не есть акціонерное общество, не страховая компанія. Оно не есть также машина, или произведеніе договора, ни необходимое зло, ни преступленіе людей, излечиваемое временемъ. Ему не предшествуетъ никакого естественнаго состоянія, напротивъ, оно само есть первоначальный естественный порядокъ, необходимое состояніе, достояніе человѣчества и притомъ достояніе развивающееся вмѣстѣ съ развитіемъ человѣка. Всякое семейство носитъ въ себѣ зачатки государства, потому что и отдѣльный человѣкъ, по словамъ Аристотеля, есть существо государственное“ (Дальманъ). Въ жертвахъ со стороны подданныхъ немыслимо искать платежа за услуги государства, — обмѣна, въ смыслѣ обыкновеннаго своекорыстнаго договора купли-продажи. Государство стоитъ слишкомъ высоко, услуги его неисчислимы, да и самое отношеніе его къ отдѣльной личности подданнаго не есть отношеніе своекорыстнаго торгаша, совершенно чуждаго человѣку. Въ своемъ стремленіи къ достиженію своихъ цѣлей, и въ требованіи жертвъ для этого со стороны своихъ подданныхъ, государство дѣйствуетъ во имя своей верховной власти и руководствуется не исчисленіемъ наслажденій или выгодъ, доставляемыхъ имъ каждому подданному въ отдѣльности, не страхованіемъ имущества, а выполненіемъ своихъ цѣлей и обязанностію каждаго подданнаго способствовать всѣми силами этому выполненію. Основаніе, по которому государство

требуетъ жертвъ, лежитъ, по словамъ Штали, просто въ подданствѣ, или, какъ выразился Блюнчли, въ гражданской обязанности подданныхъ. И такъ слѣдовательно справедливость жертвъ въ пользу государства для подданныхъ будетъ лежать не въ вознагражденіи за эти жертвы, а въ равномѣрномъ распредѣленіи жертвъ между плательщиками. Государство будетъ поступать справедливо, если оно, за необходимыя для его цѣлей жертвы, не будетъ давать никакого вознагражденія, но оно будетъ несправедливо, если тягость этихъ жертвъ будетъ падать не одинаковымъ бременемъ на его подданныхъ.

Такимъ образомъ высшая мѣра жертвъ (повинностей) въ пользу государства со стороны подданныхъ ограничивается только дѣйствительною возможностью жертвовать (нести повинность). Но понятно, что государство имѣетъ цѣлью способствовать всестороннему развитію своихъ подданныхъ, а потому мѣра его требованій всегда опредѣляется и ограничивается самими задачами государства, тѣми цѣлями, которыя оно въ данное время преслѣдуетъ. Указать въ этомъ случаѣ на какія бы то ни было внѣшнія границы невозможно. Нельзя напр. сказать, что государство должно брать у подданныхъ столько средствъ, сколько оно въ состояніи затратить болѣе производительно, чѣмъ затратили бы подданные, удержавши въ своихъ рукахъ эти средства. Необходимость построить крѣпость, проложить дорогу, обезпечивающую военныя цѣли, все это такіе расходы, производительность которыхъ не можетъ быть соразмѣряема съ процентами на затраченный капиталъ. Идти дальше въ этомъ отношеніи и доказывать напр.. что устройство народныхъ школъ принесетъ въ результатѣ 50% или 100% барыша, было бы нелѣпою тратою умственной работы и желаніемъ, вмѣсто себя, заставить числа говорить вздоръ. Споспѣшествованіе духовному развитію народа есть одна изъ главнѣйшихъ цѣлей государства. Учрежденіе народныхъ школъ можетъ являться самою настоятельною, самою существенною мѣрою, которая можетъ отразиться благотворно на всемъ строѣ государственной жизни, хотя бы экономическаго благосостоянія она и не возвысила. Не одно экономическое благосостояніе, не одни проценты на затраченный капиталъ и возможно большее производство богатства должны быть критеріумомъ выгодности или невыгодности государственныхъ расходовъ. Смито-Сэевское воззрѣніе старой экономической школы на государство, считающее всякую жертву въ пользу государства за несчастіе, всякую копѣйку, заплаченную въ подать,

за копѣйку отнятую отъ лучшаго и выгоднѣйшаго употребленія, совершенно ложно. Несомнѣнно, что цѣли государства достигаются также дѣятельностію частныхъ лицъ. Личность гражданина есть единственный двигатель всей общественной жизни. Поэтому государство, для достиженія своихъ же цѣлей, должно возможно меньше стѣснять эту личность, давать возможно большій просторъ ея дѣятельности, охранять ея свободу. Но такъ называемый частный интересъ отдѣльнаго лица есть интересъ существа общежительнаго. Оно не только не исключаетъ, но, напротивъ, требуетъ затратъ на пользу общую, и при томъ не только для увеличенія богатства. а для возможно полнаго и всесторонняго развитія общественной жизни, съ которою такъ тѣсно, такъ органически слита всякая индивидуальная жизнь.

И такъ, слѣдовательно, не въ вознагражденіяхъ и выгодахъ слѣдуетъ искать справедливаго основанія всякихъ жертвъ въ пользу государства. Общая мѣра этихъ жертвъ опредѣляется правильно сознанными и признанными задачами государства, а по отношенію къ плательщикамъ справедливость требуетъ только равномѣрнаго распредѣленія ихъ.

Лучшею гарантіею правильнаго сознанія государственныхъ задачъ и общей мѣры жертвъ на общественныя потребности является конечно народное сознаніе, получающее свое выраженіе въ различныхъ учрежденіяхъ, какъ государственныхъ, такъ и общественныхъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что отношеніе государства къ подданному въ вопросѣ жертвъ на пользу общую не можетъ быть разсматриваемо, какъ гражданская сдѣлка, какъ отношеніе одного частнаго лица къ другому таковому же, какъ договоръ купли-продажи. Во всемъ этомъ отношеніи проявляется напротивъ полнѣйшее господство государства надъ личностью подданнаго и его имуществомъ. И слѣдовательно для права является одинъ только вопросъ, каково должно быть справедливое отношеніе государства къ подданному и его имуществу при этомъ господствѣ. Что касается справедливаго распредѣленія налоговъ между подданными, то и наука и жизнь выработали въ настоящее время самое простое и самое вѣрное правило, именно: каждый гражданинъ обязанъ жертвовать въ пользу государства по мѣрѣ своихъ силъ и способностей и по мѣрѣ потребностей самаго государства. На этомъ основаніи, напр., защита государства будетъ лежать на всѣхъ способныхъ къ военному дѣлу гражданахъ. Если при этомъ будутъ освобож-

дены отъ военной службы женщины, старики, дѣти, больные, то это будетъ дѣломъ только справедливости. Само собою понятно, что и лица, освобожденныя отъ непосредственнаго участія въ военной организаціи страны, могутъ и должны служить защитѣ страны по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, если въ томъ окажется надобность. Такова въ существѣ справедливая форма одной изъ главнѣйшихъ жертвъ въ пользу государства, воинской повинности. Она принадлежитъ къ числу такъ называемыхъ личныхъ повинностей, гдѣ государство требуетъ отъ своихъ гражданъ непосредственнаго личнаго содѣйствія.

Кромѣ воинской повинности, сюда принадлежатъ другіе повинности, напр. участіе въ народномъ представительствѣ, участіе въ судѣ присяжныхъ, обязанность являться въ качествѣ свидѣтеля; далѣе, обязанность принимать участіе въ общемъ государственномъ управленіи, въ управленіи земскомъ, городскомъ, сельскомъ, сословномъ и т. д. Личныя повинности могутъ быть весьма значительны и доставлять государству большія силы во всѣхъ отрасляхъ управленія. Отъ лицъ обязанныхъ онѣ могутъ часто требовать большихъ жертвъ личною дѣятельностью и, кромѣ того, причинять имъ большія хозяйственныя потери. Но существенная ихъ особенность состоитъ въ томъ, что онѣ не подлежатъ денежной оцѣнкѣ, экономически онѣ несоизмѣримы.

Здѣсь непосредственно отъ гражданина требуется услуга личная, сообразная съ его способностями и силами. Выполненіе этой услуги не можетъ быть замѣнено ни другимъ лицомъ, ни тѣмъ болѣе деньгами. Нельзя откупиться отъ обязанности защищать отечество лично, или нанять кого либо вмѣсто себя въ присяжные засѣдатели. Здѣсь никакая замѣна и никакая оцѣнка немыслимы. И такъ въ личныхъ повинностяхъ мы видимъ отношеніе, вытекающее изъ господства государства надъ личностью своихъ подданныхъ. Всѣ такъ называемыя политическія права гражданъ остаются въ силѣ въ этомъ случаѣ только настолько, чтобы заявлять требованіе, при возможности осуществленія его, о равномѣрности такихъ повинностей, т. е. чтобы тягость жертвы падала одинаково на всѣхъ имѣющихъ силы и способности для требуемой жертвы. Само собою понятно, что такое подчиненіе личности государству должно по возможности ограничиваться случаями, гдѣ требуются самимъ характеромъ услуги со стороны подданнаго, незамѣнимыхъ качествъ гражданина. Такія личныя повинности существовали и должны существовать; онѣ лучше

всего поддерживаютъ солидарность личной жизни отдѣльнаго подданнаго съ жизнью всего государства, указываютъ на органическую связь государственной жизни, получаютъ характеръ священныхъ обязанностей и даже права служить своему отечеству, по мѣрѣ личныхъ силъ и способностей. Даже лица, занимающія по собственному призванію высшія воинскія и гражданскія должности, являются служащими государству „по долгу службы и присяги", а не по найму. Отъ офицера и чиновника нашимъ, законодательствомъ требуется служеніе государству полное и безраздѣльное, совершенно независимое отъ того, получаетъ-ли онъ жалованье и сколько.

Всѣ тѣ денежныя полученія, жалованье, обезпеченіе, которыя получаются служащими государству лицами, нельзя разсматривать какъ наемную плату, какъ эквивалентъ оказываемой услуги. Ни жалованье солдата, ни жалованье офицера и чиновника [1]), не суть эквивалентъ ихъ услугъ. Они являются вслѣдствіе необходимости обезпечить матеріальное положеніе лицъ, состоящихъ на государственной службѣ, и соразмѣряются не съ услугами, оказываемыми государству служащими, а съ необходимостью устроить ихъ извѣстное общественное положеніе. Несомнѣнно, что государство въ своихъ потребностяхъ личнаго труда не всегда пользуется своимъ господствомъ надъ подданными. Часто казна, какъ частное лицо, вступаетъ съ подданными въ частноправныя сдѣлки найма, подряда и т. д. Тутъ она въ существѣ дѣла не заявляетъ особенныхъ требованій, и относится къ лицу, какъ къ подрядчику, банкиру корреспонденту, сторожу и т. д. Казна можетъ занимать у своего подданнаго деньги, торговаться на счетъ процентовъ и уплачивать эти проценты аккуратно. Но государство никогда не теряетъ права забрать у этого самаго подданнаго и эти проценты, и имущество и потребовать самой жизни, если то окажется нужнымъ. Тѣ, которые изъ процентовъ думаютъ сдѣлать какую-то политическую неприкосновенность, и въ тоже время сводятъ всѣ отношенія подданнаго къ

---

[1]) Это должно разумѣть конечно только относительно высшихъ государственныхъ должностей, добросовѣстное исполненіе которыхъ немыслимо безъ убѣжденій служащаго; низшія должности могутъ имѣть и имѣютъ чисто техническій и промышленный характеръ обыкновеннаго заработка, хотя безъ сомнѣнія и тутъ должно присоединяться къ экономическому побужденію труда чувство чести и долга передъ государствомъ. *Ред.*

государству на простую куплю-продажу, очевидно слишкомъ узко понимаютъ существо государственной жизни [1]).

Кромѣ личнаго содѣйствія со стороны подданныхъ, государство нуждается также и въ матеріальныхъ, имущественныхъ средствахъ. Та или другая организація этихъ матеріальныхъ, экономическихъ средствъ зависитъ отъ степени развитія самаго государства и развитія народнаго хозяйства.

Государство, для удовлетворенія своихъ имущественныхъ нуждъ, можетъ имѣть свое собственное хозяйство на частномъ правѣ, т. е. свои имущества и промыслы. Но кромѣ того, государство можетъ пользоваться своимъ верховнымъ обладаніемъ надъ имуществами подданныхъ и требовать отъ нихъ имущественныхъ жертвъ, податей.

Въ старое время, главную роль въ доходахъ государства играло собственное хозяйство, т. е. государственныя имущества и промыслы. Что же касается налоговъ, то они играли второстепенную роль, получались главнымъ образомъ со стороны покореннаго, порабощеннаго, подлаго, народа, и часто являлись символомъ рабства и униженія. Но съ теченіемъ времени, съ развитіемъ государственной жизни, съ увеличеніемъ государственныхъ нуждъ, особенно же съ введеніемъ постояннаго войска, налоги возрастаютъ все болѣе и болѣе. При развитіи государственнаго строя, какъ экономической, такъ и политической жизни, можно съ увѣренностью сказать, что только однѣ подати будутъ такимъ источникомъ государственныхъ доходовъ, который вполнѣ будетъ соотвѣтствовать и экономическимъ и правовымъ порядкамъ государственной жизни. Наука и въ настоящее время раздѣляетъ всѣ виды государственныхъ доходовъ на двѣ существенныя категоріи: доходы неорганическіе — государственныя имущества и промыслы, и доходы органическіе — пошлины и подати.

Что касается государственныхъ имуществъ и въ особенности казенныхъ промысловъ, то въ развитомъ государствѣ источники

---

[1]) Вотъ примѣръ до какихъ абсурдовъ можно доходить въ этомъ отношеніи. «Der Leistung, dem Verdienst muss das Einkommen enstprechen. Ihr Einwurf, ob ich nicht durch die Civillisten unserer Fürsten an dieser sinnlichen Lehre stutzig werde, ist wenig schmeichelhaft für diese; ich wiederhole Ihnen einfach, ich spreche vom Durchschnitt und der Durchschnitt von Hohenzollern, wenigstens, war und ist so. dass ihr Einkommen mir durchaus nicht zu gross gegenüber ihrem Verdienst erscheint». См. отвѣтъ Шмоллера Трейтшке «Ueber einige Grundfragen des Rechts und der Volkswirthschaft» von Gustav Schmoller. Zweite Auflage. Jena. 1875. Стр. 63.

эти могутъ быть явленіемъ только случайнымъ. Они не вытекаютъ изъ существа государственной жизни, имѣютъ характеръ частноправныхъ источниковъ и при развитіи народнаго хозяйства экономически оказываются убыточными.

Совсѣмъ другое представляютъ собою органическіе источники государственныхъ доходовъ—пошлины и подати, т. е. такіе источники, которые вытекаютъ изъ существа государственной жизни. Пошлинами [1]) въ старое время назывались различнаго рода поборы не только за услуги, оказываемыя государствомъ подданнымъ, напр., за судъ, за проѣзды и пр., но даже за недѣланіе зла. Въ новѣйшее время значительная часть пошлинъ совершенно уничтожена; остаются только такія, существованіе которыхъ можетъ быть оправдано и при современномъ государственномъ строѣ. Существуютъ нѣкоторыя государственныя учрежденія, предназначающіяся для дѣятельности на пользу общую, но эта дѣятельность слагается изъ ряда услугъ частнымъ лицамъ, вызываемыхъ преслѣдованіемъ совершенно частныхъ интересовъ. Справедливость требуетъ, чтобы часть расходовъ на содержаніе этихъ учрежденій падала на счетъ лицъ, непосредственно вызывающихъ ихъ дѣятельность, а вмѣстѣ съ тѣмъ и расходы. Въ существѣ сборы такого рода должны быть весьма слабы и покрывать только часть расходовъ на содержаніе учрежденій, при которыхъ они взимаются, иначе и самыя учрежденія потеряли-бы характеръ учрежденій государственныхъ, существующихъ ради общей пользы. Такъ къ пошлинамъ можно отнести разнаго рода сборы, взимаемые посредствомъ гербовой бумаги при подачѣ прошеній, объявленій, при засвидѣтельствованіи актовъ. Сюда же относятъ между прочимъ и сборъ за право ученія въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Во всякомъ случаѣ, если пошлины и можно считать источникомъ дохода органическимъ, то источникъ этотъ весьма слабъ. Масса государственныхъ учрежденій совсѣмъ не допускаетъ взиманія пошлинъ за пользованіе ихъ дѣятельностью; тамъ же, гдѣ взиманіе пошлинъ можетъ быть умѣстнымъ, онѣ

---

[1]) Терминологія автора, различающая (въ общей массѣ налоговъ) двѣ категоріи — *подати* (сборы, взимаемые съ подданныхъ, исключительно въ силу общаго права государства на налогъ, на повинность) и *пошлины* (вознагражденія за особыя услуги государственныхъ учрежденій со стороны лицъ ими пользующихся) совершенно правильна, но эта научная терминологія еще мало у насъ извѣстна и совершенно чужда нашему оффиціальному языку (см. объ различеніи податей и пошлинъ, *В. Безобразова*, Государственные доходы, ч. I, актовые налоги). *Ред.*

покрываютъ только часть расходовъ на содержаніе учрежденій, при которыхъ взимаются.

Главнѣйшимъ, если пока не единственнымъ, органическимъ источникомъ государственныхъ доходовъ — служатъ подати. Это тѣ платежи, которые обязательно взносятся гражданами для удовлетворенія общихъ государственныхъ потребностей.

Источникъ этотъ по всей справедливости можетъ быть по преимуществу названъ органическимъ. Онъ выросъ вмѣстѣ съ современнымъ государствомъ и сдѣлался сильнымъ связующимъ элементомъ всего государственнаго строя. Вопросъ о податяхъ былъ всегда вопросомъ о солидарности интересовъ правительства и народа. Участіе народа въ управленіи страною, земскими дѣлами, городскими, насколько оно получило прочную организацію въ современныхъ государствахъ, развилось на податномъ вопросѣ. Подать такимъ образомъ сдѣлалась органомъ солидарности государства отъ его главы до послѣдняго подданнаго, опорою государственной силы, жизненности и цѣлесообразной дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и правъ народа. Для того, чтобы судить, насколько современныя европейскія государства подвинулись въ развитіи податнаго дѣла, прежде всего не слѣдуетъ увлекаться названіемъ податей и считать податями все то, что носитъ это имя. Цѣлый отдѣлъ податей, такъ называемыя косвенныя подати, не имѣетъ почти ничего общаго съ прямыми податями, которыя мы преимущественно имѣемъ въ виду.

Косвенныя подати (т. е., съ потребленія) во всѣхъ ихъ видахъ суть наслѣдіе прошлаго времени, переродившіеся казенные монопольные промыслы, и по существу дѣла остающіеся и до настоящаго времени таковыми. Желаніе ввести косвенные налоги въ систему податей, поставить ихъ на ряду съ прямыми податями всегда оказывалось и оказывается дѣломъ безплоднымъ. Ни съ юридической, ни съ экономической точки зрѣнія не можетъ быть никакого сходства между этими радикально разными налогами. И въ самомъ дѣлѣ, въ прямыхъ податяхъ, на ряду съ строгимъ, опредѣленнымъ правомъ государства требовать налогъ, стоитъ такая же обязанность подданнаго платить ее. Тогда какъ въ косвенныхъ податяхъ, кромѣ случайностей „зазыва въ лавочку“, болѣе или менѣе удачнаго монополизированія промысла въ существѣ ничего и нѣтъ.

Государство конечно не настаиваетъ на томъ, чтобы его подданные потребляли непремѣнно оплаченную акцизомъ водку. По-

требленіе контрабандныхъ товаровъ въ законѣ также не воспрещено. Воспрещено одно только— нарушеніе монопольнаго промысла, производства, продажи, привоза и т. д. Существо дѣла остается почти неизмѣннымъ, занимается ли государство само промысломъ, или же чрезъ посредство откупщиковъ, коммиссіонеровъ, концессіонеровъ и т. д., которымъ сдается монополія.

Податями мы называемъ правильно и постоянно повторяющіеся обязательные платежи со стороны подданныхъ государству, для удовлетворенія общихъ государственныхъ потребностей.

Право государства на подати вытекаетъ изъ обязанности государства выполнять свои задачи. Что же касается обязанности платить подать, то очевидно она лежитъ на подданныхъ государства, какъ гражданахъ, ради которыхъ существуетъ и дѣйствуетъ государство.

При юридическомъ строѣ всей государственной жизни, обязанность платить подати не можетъ быть обязанностію только нравственною, она должна быть въ тоже время обязанностію юридическою. Съ этой точки зрѣнія она является обязательствомъ, долгомъ, лежащимъ на гражданахъ государства.

Какъ всякое обязательство, подать должна быть пріурочена къ личности обязаннаго, должника. И слѣдовательно мы можемъ сказать, что всякая подать въ этомъ смыслѣ есть подать личная. Не имущество обязано платить, а подданный.

Самый принципъ для жертвъ въ пользу государства, требующій, чтобы всякій жертвовалъ по мѣрѣ своихъ силъ и способностей, говоритъ, что недостаточно указать на то, что подать должна быть пріурочена къ лицу, но что это лицо должно имѣть кромѣ того силы и способности платить подать, и только тогда, когда оно имѣетъ эти силы и способности, тогда только оно дѣйствительно является лицомъ, обязаннымъ нести подать.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что платежъ подати, имущественной жертвы, будетъ справедливъ только тогда, когда онъ будетъ падать на имущество свободной личности въ размѣрахъ ея податной способности. Поэтому всѣ физическія и юридическія лица въ государствѣ, имѣющія податную способность, должны подлежать налогу. Этимъ требованіемъ выражается понятіе о всеобщности податей. Подать будетъ не потому всеобщая, что она падаетъ на всѣхъ безъ изъятія, а потому, что она падаетъ на всѣхъ способныхъ къ платежу ея. За то всякія исключенія изъ этого общаго правила будутъ вопіющею несправедли-

востью. Не только чиновники, какъ граждане и подданные государства, должны платить подати, но многіе требуютъ, и не безъ основаній, чтобы сама казна, если она, напр., владѣетъ землею или домомъ, при существованіи поземельныхъ налоговъ и налоговъ на дома, платила бы подати. Всего болѣе основательность такого требованія видна въ мѣстныхъ налогахъ.

Кромѣ того, подать представляетъ собою обязательство, постоянно существующее на подданномъ, пока у него существуетъ способность къ платежу, хотя самая величина подати непостоянна, а можетъ измѣняться изъ года въ годъ, смотря по потребностямъ государства; на этомъ основаніи не могутъ быть допускаемы никакіе выкупы отъ податей навсегда взносомъ капитализированной подати, или какимъ-либо другимъ способомъ. Такъ какъ право государства требовать отъ своего подданнаго въ случаѣ нужды даже все его имущество всегда должно удерживаться за государствомъ, то очевидно, что никакое компенсированіе подати невозможно.

Все сказанное до сихъ поръ о всеобщности подати относится очевидно къ гражданамъ государства, къ подданнымъ. Что касается иностранцевъ, проживающихъ въ странѣ, или имѣющихъ въ ней свое имущество, то они хотя также платятъ подати, но очевидно по другимъ мотивамъ. Подать, платимая иностранцемъ, все-таки не есть плата за охрану его личности и имущества. Гораздо лучшее объясненіе можно найти въ томъ обстоятельствѣ, что подать есть все-таки тягость, и освобожденіе иностранцевъ и ихъ имущества отъ податей ставило бы ихъ въ лучшее и болѣе выгодное положеніе въ государствѣ, чѣмъ подданныхъ и было бы положительно вредно для послѣднихъ (Гокъ).

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, что такое податная способность и въ чемъ она состоитъ.

Лицо, обязанное платить подать, можно назвать субъектомъ подати, а то основаніе, которымъ опредѣляется податная способность лица, и съ которымъ соразмѣряется подать, можно назвать объектомъ подати.

Такъ какъ подать есть часть имущества, принадлежащаго плательщику, то и податная способность можетъ быть только тамъ, гдѣ есть имущество, принадлежащее въ собственность. И объектомъ подати является прежде всего вообще имущество. Мы знаемъ, что къ имуществу могутъ принадлежать вещи и отдѣльныя человѣческія дѣйствія, имѣющія имущественный (произво-

дящій цѣнности) характеръ; но никогда самъ человѣкъ, личность, не можетъ быть разсматриваема, какъ имущество. Свободное лицо съ своими цѣлями, стремленіями и силами должно оставаться лицомъ и не дѣлаться имуществомъ. Только при существованіи рабства рабы могутъ составлять имущество и на ряду съ вещами могутъ быть разсматриваемы, какъ имущественная сила и слѣдовательно какъ податная способность своего владѣльца.

И такъ, если къ имуществу принадлежатъ только вещи и отдѣльныя человѣческія дѣйствія, имѣющія имущественный характеръ, а не сама личность гражданина, то подать, какъ всякое имущественное обязательство, можетъ состоять въ обязанности что-либо дать, сдѣлать или поставить (Obligationum substantia in eo consistit ut alium nobis obstringat ad dandum aliquid vel faciendum vel prestandum). При современномъ развитіи хозяйства всѣ эти услуги теряютъ свой спеціальный характеръ, а получаютъ значеніе общее, имущественное, т. е. перелагаются въ деньги.

Мы видѣли, что обязаны защищать страну по справедливости только тѣ лица, которыя имѣютъ для этого силы и способности. Такое распредѣленіе воинской повинности мы считаемъ правильнымъ и, главное, — равномѣрнымъ, не смотря на то, что масса населенія, не имѣющая способностей и силъ, будетъ совершенно свободна отъ этой повинности. При невозможности всѣхъ имущественныхъ спеціальныхъ потребностей государства переложить въ однообразную форму денегъ, пришлось бы учреждать спеціальныя подати сообразно съ спеціальными способностями гражданъ. Въ старое время, правительства, при своихъ спеціальныхъ потребностяхъ, должны были налагать и подати спеціальныя. Такъ напр. каменщики и плотники должны были производить казенныя постройки, кузнецы и слесаря исполнять для казны работы по своему ремеслу. Этого рода работы подходили близко къ личнымъ повинностямъ, особенно въ старое время, хотя способность ихъ быть переложенными на деньги, обнаружившаяся въ наше время, дѣлаетъ ихъ существенно отличными отъ повинностей личныхъ. Кромѣ работъ, обязанность дать казнѣ или поставить какое либо имущество въ спеціальной формѣ предполагала въ плательщикѣ особую способность, а слѣдовательно являлось и особою податью. Земледѣльческіе продукты доставляли сельскіе хозяева, квартиры войскамъ — домовладѣльцы, подводы выставляли тѣ, у кого были лошади. Очевидно, что

всѣ эти налоги, или, какъ ихъ называютъ, натуральныя повинности, представляли собою массу отдѣльныхъ податей, справедливое распредѣленіе которыхъ возложено было только въ предѣлахъ спеціальныхъ плательщиковъ каждой подати. Съ переложеніемъ натуральныхъ повинностей въ денежную форму явилась возможность равномѣрнаго распредѣленія податей между всею совокупностію гражданъ, потому что и самая способность къ платежу получила общее выраженіе въ деньгахъ. Но переложеніе важно еще не столько потому, что оно дало возможность болѣе равномѣрнаго обложенія гражданъ, сколько потому, что измѣнило отношеніе государства къ личности подданнаго въ опредѣленіи его податной способности.

При существованіи натуральныхъ повинностей, особенно работъ, государство, признавши за извѣстнымъ лицомъ способность къ извѣстному труду, принуждало плательщика къ отбыванію повинности. Но съ развитіемъ денежнаго хозяйства даже и этотъ видъ несвободнаго труда, хотя бы на пользу государства, исчезаетъ. Государство уже не входитъ въ разсмотрѣніе индивидуальныхъ способностей, и въ разрѣшеніе вопросовъ, сколько могло бы данное лицо пріобрѣсти имущества, если бы захотѣло. Государство ограничивается для опредѣленія имущественныхъ силъ существованіемъ имущества, личность гражданина остается свободною. Правда, что лѣнивый будетъ платить меньше подати, чѣмъ трудолюбивый, но свобода личности гражданина не есть пустая фраза и ужъ конечно взята не изъ Домостроя. И такъ мы видимъ, что съ развитіемъ денежнаго хозяйства личность гражданина освобождается отъ обязательнаго труда, а податная способность получаетъ совсѣмъ иное значеніе. Изъ сказаннаго не слѣдуетъ впрочемъ заключать, что государство теряетъ право на трудъ своихъ подданныхъ, на дѣйствія, имѣющія имущественный характеръ. Въ случаѣ нужды правительство можетъ потребовать самыхъ усиленныхъ работъ отъ своихъ гражданъ, также точно какъ оно можетъ потребовать защиты отечества отъ лицъ, которыя хотя и освобождены отъ воинской повинности, но тѣмъ не менѣе не лишены способности носить оружіе, отъ стариковъ. Но эта возможность обязательнаго труда, т. е. обращеніе имущественной жертвы въ личную повинность, также какъ и возможность конфискаціи всего имущества гражданъ на случай крайности, не можетъ служить мѣриломъ податной способности въ

обыкновенномъ, нормальномъ положеніи дѣлъ, гдѣ уважается и личная свобода гражданъ и ихъ собственность

Если государство нуждается въ имущественныхъ средствахъ для выполненія своихъ цѣлей, то при наложеніи податей, слѣдуетъ принимать объектомъ обложенія только имущество подданныхъ При денежномъ хозяйствѣ — все имущество можетъ быть приведено путемъ оцѣнки къ однообразному количественному измѣренію посредствомъ денегъ; это измѣреніе можетъ слѣдовательно дать и лучшее опредѣленіе податной способности, для пропорціональнаго обложенія податью.

Съ развитіемъ политической и экономической жизни, всѣ личныя услуги, имѣющія спеціальный характеръ, остаются въ видѣ личныхъ повинностей; что же касается имущественныхъ жертвъ въ пользу государства, то личность здѣсь должна оставаться совершенно свободною, избавленною отъ всякой тѣни принудительнаго труда, и подать должна падать только на имущество, если оно есть. Всякія личныя работы въ пользу государства должны быть совершенно отброшены. На этомъ основаніи напр. плотникъ или кузнецъ, отбывавшіе прежде работы въ пользу государства, должны быть совершенно свободны отъ всякихъ податей, если они ничего не зарабатываютъ и не имѣютъ никакого имущества. На сколько справедливо такое требованіе, мы видимъ изъ того, что даже въ частныхъ взысканіяхъ, даже при личномъ наймѣ, должника, при отсутствіи у него имущества, не отдаютъ кредитору въ кабалу, или въ заработки, и стараются отмѣнить даже личное задержаніе за долги. Тѣмъ больше свободна должна быть личность подданнаго при требованіяхъ отъ нея имущественной жертвы въ пользу государства. Отвѣтственность въ платежѣ этой жертвы должна ограничиться наличностью имущества. Это—справедливая мѣра взысканія всякихъ недоимокъ.

Итакъ имущество подданныхъ во всѣхъ его родахъ и видахъ, какъ наличное, такъ и долговое, приведенное въ денежную оцѣнку, должно бы служить по видимому лучшимъ выраженіемъ податной способности и лучшимъ объектомъ податнаго обложенія. И несомнѣнно, если бы у государства явилась необходимость затратъ, равняющихся всей наличности имущества у гражданъ, то государство, прежде чѣмъ принуждать гражданъ къ личной работѣ, должно бы было отобрать все наличное имущество и всѣ

долговыя требованія. Если бы потребности государства равнялись половинѣ всего имущества гражданъ, то справедливость требовала бы, чтобы у каждаго была отобрана половина его имущества и т. д. Съ такой точки зрѣнія пропорціональная подать на имущество была бы вполнѣ справедливою.

Въ старое время весьма часто на ряду съ различнаго рода обязательными, принудительными, работами въ пользу государства являлись подати съ характеромъ личныхъ и даже поголовныхъ, гдѣ, хотя имѣлось въ виду имущество, а не лицо, но администрація не входила, или не могла входить, въ исчисленіе имущества, а просто предполагала его существованіе. Несправедливость такихъ податей впрочемъ всегда и вездѣ чувствовалась давно, и правительства, сознавая, что не лицо, не душа, а владѣніе имуществомъ является признакомъ податной способности, начали самое имущество гражданъ приводить въ извѣстность и его принимать за объектъ обложенія.

При отсутствіи денежнаго хозяйства, и при невозможности однообразной оцѣнки, финансовая администрація ограничивалась обыкновенно опредѣленіемъ простаго факта владѣнія имуществомъ, а подати требовала большею частію въ натуральной формѣ. Таковы были старыя подати, напр. по количеству десятинъ земли, съ дыма, домовыя, подворныя и т. д. Сюда же слѣдуетъ отнести и первыя подати съ потребленія гдѣ облагалось не потребленіе, а предметъ, или лучше владѣніе предметомъ какъ имуществомъ. Такія подати, сравнительно съ поголовными и подушными, представляли уже большой шагъ впередъ; но очевидно, что хотя онѣ и указывали не на лицо только, но и на его имущество, тѣмъ не менѣе хоть сколько нибудь вѣрнаго опредѣленія имущественной силы онѣ не давали. Одно опредѣленіе количества десятинъ, домовъ, дыма, дворовъ, очаговъ и т. д. не указываетъ на все разнообразіе этихъ имуществъ, а слѣдовательно и на различную ихъ способность къ платежу податей.

При сознаніи такого рода недостатковъ, и при желаніи устранить ихъ является классификація объектовъ обложенія (земля пахатная, сѣнокосная и пр., дворы тяглые, полутяглые и пр.), пока наконецъ съ развитіемъ денежнаго хозяйства оказалась возможность совершенно устранить обязательныя работы въ пользу государства и путемъ оцѣнки всѣхъ родовъ и видовъ имуществъ привести ихъ такъ сказать къ одному знаменателю. Вмѣстѣ съ тѣмъ

и подать является въ видѣ процента съ цѣны имущества. При этомъ оказывается совершенно безразличнымъ, будетъ ли подать наложена непосредственно на имущество, напр. $^1/_{10}$ р. съ тысячи рублей, или же подать будетъ вычислена по предполагаемому доходу, т. е. при имуществѣ въ 1000 рублей, можно предположить доходъ напр. 10% и таже подать будетъ равна 1% съ дохода. Въ такомъ видѣ имущественныя подати дошли до насъ и какъ между практиками, такъ и между теоретиками, особенно юристами, находятъ, если не многихъ, то горячихъ защитниковъ [1]). Но такія подати не вполнѣ мирятся съ экономическими воззрѣніями на этотъ вопросъ Смита и особенно его послѣдователей. Это-то разногласіе, существующее между экономистами и юристами, въ податномъ дѣлѣ весьма желательно было бы, если не примирить, то по крайней мѣрѣ разъяснить.

Противъ имущественныхъ податей (т. е. податей, облагающихъ прямо имущество, а не его чистые доходы) экономисты приводятъ приблизительно слѣдующія возраженія:

1) Если подъ словомъ имущество разумѣть все, что находится внѣ извѣстнаго лица, чѣмъ оно владѣетъ какъ хозяйственнымъ добромъ, однимъ словомъ, его движимое и недвижимое имущество, то въ такомъ случаѣ самый важный элементъ хозяйственныхъ производительныхъ силъ не войдетъ въ расчетъ, именно,— личная пріобрѣтательная способность. Поэтому было бы весьма несправедливо принимать въ расчетъ, при наложеніи податей, одно только внѣшнее (вещественное) имущество; тогда основное правило, что каждый несетъ налоги по своей способности къ платежу, не получило бы никакого приложенія (Уипфенбахъ).

2) Имуществомъ даннаго лица можно назвать все содержаніе его имущественныхъ правъ въ данный моментъ, слѣдовательно величина эта измѣняющаяся, и во всякій данный моментъ чисто случайная, изъ которой нельзя сдѣлать вѣрнаго заключенія объ общемъ экономическомъ благосостояніи лица. Подать же, которую платитъ лицо, есть напротивъ напередъ опредѣленная величина, на болѣе или менѣе продолжительное время, обыкно-

---

[1]) Кромѣ защитниковъ имущественныхъ податей, названныхъ у Рау, можно указать на Моля (см. его Энциклопедію § 39). Изъ новѣйшихъ, кромѣ Мауруса (Gutachten auf Veranlassung der Eisenacher Versammlung zur Besprechung der socialen Frage. Die Personalbesteuerung. 1873), упомянемъ объ Dr. Gensel'ѣ; особенно интересна небольшая брошюра, довольно извѣстная въ нѣмецкой экономической литературѣ, Dr. Ascher'а (Die direkten Steuern. Hamburg. 1867).

венно на годъ, по крайней мѣрѣ. Величина эта съ величиною имущества во всякій данный моментъ податнаго періода не имѣетъ никакого естественнаго соотношенія; гораздо скорѣе такое соотношеніе будетъ существовать къ суммѣ имущественныхъ правъ, которыя будутъ принадлежать плательщику въ предѣлахъ податнаго періода. Если принять во вниманіе измѣнчивость величины имущества съ теченіемъ времени и поискать такого понятія, которое давало бы мѣру для общей податной способности лица въ теченіе опредѣленнаго періода, то представляется понятіе дохода (Гельдъ).

3) Имущества, имѣющія одинаковую цѣнность, не всегда приносятъ одинаковый доходъ. Иное имущество при громадной цѣнности можетъ совершенно не приносить дохода (собранія рѣдкихъ рукописей, книгъ, картинъ и т. д.). Во всякомъ же случаѣ колебанія цѣнности предметовъ на рынкѣ далеко не соотвѣтствуютъ во всякій данный моментъ измѣненіямъ въ ихъ доходности. Слѣдовательно все-таки не цѣнность имущества, а его доходность слѣдуетъ считать признакомъ податной способности и объектомъ податнаго обложенія (Штейнъ).

Весьма вѣроятно, что лицо, на имущество котораго будетъ наложена подать, постарается заплатить ее не изъ имущества, а изъ своего дохода. Но въ этомъ смыслѣ всякая подать можетъ оказаться подоходною, даже поголовная. Съ другой стороны, доходъ есть также имущество, и подать, падающая на доходъ, будетъ также имущественная подать. Но дѣло въ томъ, что названіе податей поголовными, имущественными и подоходными зависитъ отъ того, что признаетъ государство за объектъ податнаго обложенія, что считаетъ оно признакомъ податной способности и съ чѣмъ соразмѣряетъ оно подать при распредѣленіи ея между гражданами. Поэтому имущественными податями будутъ тѣ, которыя соразмѣряются со всѣмъ имуществомъ лица, а подоходными тѣ, которыя соразмѣряются только съ его доходами. Съ тѣхъ поръ, какъ первые люди начали приносить жертвы „отъ плодовъ земныхъ и отъ первородныхъ изъ стада“, понятіе о подоходныхъ жертвахъ, налогахъ, по всей вѣроятности продолжаетъ существовать въ человѣческихъ обществахъ безъ перерыва и до настоящихъ дней, хотя конечно и патріархальныя воззрѣнія на жертвы, хозяйство, доходы и общественныя отношенія должны были съ теченіемъ времени, съ экономическимъ и государственнымъ развитіемъ, значительно измѣниться. Современныя

экономическія теоріи и даже практика податнаго дѣла настаиваютъ на томъ, что имущество представляетъ собою мертвый міръ вещей, который не выражаетъ живой хозяйственной силы владѣльца. Между тѣмъ всякое частное хозяйство должно представлять собою нѣчто органическое, жизненное. Государство, при наложеніи податей, не должно ограничиваться внѣшнимъ признакомъ, какимъ является количество имущества; оно должно вникнуть въ жизнь хозяйства, въ его процессы, въ его производство, и только въ результатахъ этихъ процессовъ, этого производства, видѣть дѣйствительную имущественную (и податную) силу хозяина. Такимъ результатомъ хозяйственн й дѣятельности является доходъ, поэтому только одинъ доходъ есть такой источникъ, который можетъ удовлетворять всѣмъ потребн стямъ гражданина, въ томъ числѣ и платежу податей, не истощая его имущественныхъ силъ. По всѣмъ этимъ соображеніямъ не имущественныя, а только подоходныя подати будутъ отвѣчать всѣмъ требованіямъ справедливости. Только доходъ является лучшимъ основаніемъ для опредѣленія податной способности и лучшимъ объектомъ обложенія. Само собою понятно, что въ этомъ случаѣ, установленіе правильнаго понятія о доходѣ оказывается дѣломъ первостепенной важности для всего податнаго вопроса „Истина во всемъ этомъ вопросѣ, говоритъ Шёфле, зависитъ, по нашему мнѣнію, отъ вѣрности постановки понятія о доходѣ и его значеніи".

Господствующимъ ученіемъ о доходѣ, какъ въ финансовой наукѣ, такъ и въ финансовой практикѣ, является не то ученіе о плодахъ и процентахъ, которое выработано юристами, а ученіе, выработанное экономистами и преимущественно Адамомъ Смитомъ и и его школою. На это экономическое понятіе о доходѣ опирается вся современная теорія подоходныхъ податей, на немъ же основываются всѣ требованія реформъ современныхъ практиковъ. Къ разсмотрѣнію этого экономическаго, Смитовскаго, ученія о доходѣ мы и переходимъ.

Первая экономическая теорія физіократовъ обратила вниманіе на то, что не всѣ части имущества представляютъ одинаковую экономическую силу, какъ для отдѣльнаго хозяйства, такъ и для цѣлаго народа. Физіократы первые раздѣлили цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ на издержки производства и чистый доходъ. Указаніемъ на эти категоріи имущества положено основаніе совершенно новому воззрѣнію и на податную способность, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и всего общества. Они думали, что

человѣкъ въ существѣ ничего въ природѣ новаго не творитъ, если не прилагаетъ труда къ землѣ, что напротивъ одна природа своими силами и изъ своего матеріала создаетъ все. На этомъ основаніи они пришли къ заключенію, что чистый доходъ (produit net), излишекъ надъ затраченнымъ въ производство имуществомъ, даетъ только земледѣліе. Они первые указали также и на то, что именно этотъ чистый доходъ можетъ считаться объектомъ (и источникомъ) подати и требовали своей единственной (поземельной) подати (impôt unique) на чистый доходъ (praduit net) [1]). Адамъ Смитъ, напротивъ, нашелъ, что чистый доходъ получается не только отъ одного земледѣлія, но и отъ всѣхъ факторовъ производства, которыхъ онъ назвалъ три: трудъ, капиталъ и земля. Ученіе Смита объ этихъ факторахъ производства, объ этихъ трехъ источникахъ дохода, гдѣ рядомъ сопоставлены человѣкъ, имущество и природа, безъ всякаго указанія на соотношеніе между ними, или лучше съ указаніемъ на ихъ значеніе только для производства богатства, а не для человѣка, является ученіемъ господствующимъ до настоящаго времени и имѣетъ громадное значеніе и по вопросу о податяхъ, какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ отношеніяхъ.

Принявъ отъ физіократовъ раздѣленіе дохода на чистый и валовой, Адамъ Смитъ долженъ былъ провести это раздѣленіе не только по отношенію къ доходу, получаемому отъ земли, но и къ доходамъ, получаемымъ отъ другихъ факторовъ производства, именно по отношенію къ доходамъ отъ капитала и труда. Сообразно своему ученію о трехъ производительныхъ силахъ, Смитъ также долженъ былъ отвѣчать и на вопросъ о томъ, что слѣдуетъ разумѣть подъ народнымъ доходомъ и при томъ чистымъ и валовымъ. Что касается дохода отъ земли и отъ капитала, гдѣ дѣло идетъ объ имуществѣ, то раздѣленіе ихъ на валовой и чистый не представляло существенныхъ затрудненій, до тѣхъ поръ пока дѣло не касалось дохода отъ труда. Здѣсь вопросъ значительно усложнялся, дѣло шло не объ имуществѣ, а о личности человѣка и гражданина. Самъ Смитъ, при его широкихъ воззрѣніяхъ на общественные вопросы, не могъ съ своей точки зрѣнія привести этотъ вопросъ къ полной ясности. По понятіямъ Смита, подъ валовымъ доходомъ вообще слѣдуетъ ра-

---

[1]) Ученіе физіократовъ о доходѣ по отношенію къ податямъ довольно подробно изложено у Jakob, Die Staats-Finanswissenschaft. 2 Auflage § 242 и слѣд.

зумѣть весь результатъ производства. Подъ чистымъ же доходомъ слѣдуетъ разумѣть остатокъ отъ валоваго дохода, получающійся за вычетомъ издержекъ производства. Но что же слѣдуетъ разумѣть подъ издержками производства? Изъ перечисленій, дѣлаемыхъ Смитомъ, видно, что къ издержкамъ производства слѣдуетъ отнести: 1) всѣ издержки на поддержаніе постояннаго капитала и 2) весь оборотный капиталъ, который дѣлитъ Смитъ на 4 части: деньги, жизненные продукты, матеріалы и готовую работу. Въ примѣненіи къ доходамъ отъ земли и капиталовъ, плата работникамъ, принимавшимъ участіе въ производствѣ, является поддержкою производства и есть часть валоваго, а не чистаго дохода предпринимателей, т. е. землевладѣльца и капиталиста. Что касается дохода отъ труда, то является вопросъ, что здѣсь должно считать валовымъ и чистымъ доходомъ и можно ли здѣсь провести это раздѣленіе и найти издержки производства. Смитъ въ одномъ мѣстѣ своего труда причисляетъ къ постоянному капиталу, „полезныя знанія и способности, пріобрѣтенныя членами общества". Изъ этого слѣдуетъ пожалуй заключить, что всѣ расходы на поддержаніе этихъ знаній, какъ расходы на поддержаніе постояннаго капитала, слѣдуетъ считать въ числѣ издержекъ производства. Такимъ образомъ и всѣ расходы на поддержаніе рабочей силы нужно будетъ также считать издержками производства. При томъ воззрѣніи на рабочую плату, которое, по стопамъ Смита, Мальтусъ и Рикардо, видятъ въ ней роковое стремленіе къ минимуму, достаточному только для поддержанія насущнаго существованія рабочихъ, очевидно окажется, что рабочая плата не имѣетъ чистаго дохода, а что весь ея доходъ есть возвратъ издержекъ производства рабочей силы. Вслѣдствіе этого, съ точки зрѣнія Смита и его школы на народное хозяйство, національный доходъ чистый, въ смыслѣ излишка, получается только отъ земли и капитала, а рабочее населеніе живетъ своимъ валовымъ доходомъ безъ излишка, получаемымъ отъ капиталистовъ, и составляющимъ также часть ихъ валоваго дохода, или валоваго дохода націи. Стоило при этомъ только посмотрѣть на народъ и государство съ чисто хозяйственной, экономической, точки зрѣнія извлеченія барыша, что и сдѣлали ученики Смита, стоило поставить задачею общества, возможно большее увеличеніе чистаго дохода, чтобы прійти къ заключенію, что въ жизни народа и государства существованіе рабочаго населенія, не получающаго чистаго дохода, и недающаго его націи, теряло всякое

самостоятельное значеніе. Хотя Смитъ за чистымъ доходомъ признаетъ величайшее значеніе для народнаго богатства, но имѣя въ виду то, что частью валоваго дохода націи существуетъ все рабочее населеніе, онъ говоритъ, что могущество націи опредѣляется валовымъ доходомъ, и что болѣе производительная затрата капитала для народнаго хозяйства, которая даетъ большій валовой доходъ. Не смотря на сбивчивость понятій и разграниченій въ доходахъ націи и отдѣльнаго лица, все же широкое и гуманное воззрѣніе Смита на интересы націи проглядываетъ—во многихъ мѣстахъ его книги. Такъ опредѣляя понятіе богатства, онъ говоритъ, что „человѣкъ богатъ или бѣденъ, смотря потому, въ какой степени можетъ онъ пользоваться вещами необходимыми, полезными и пріятными", а не тотъ только богатъ, у кого остается излишекъ. Въ другомъ мѣстѣ, дѣлая разграниченіе между валовымъ и чистымъ народнымъ доходомъ, Смитъ говоритъ, что валовой доходъ народа есть общій годовой продуктъ земли и труда, чистый же доходъ, есть свободный остатокъ за вычетомъ издержекъ на поддержаніе постояннаго и оборотнаго капитала, или то, что, не уменьшая капитала, можетъ быть причислено къ имуществу, непосредственно предназначенному для потребленія, питанія, наслажденія и удовольствій. Говоря здѣсь о питаніи, наслажденіи и удовольствіяхъ націи, не какъ объ издержкахъ производства, а какъ о конечной цѣли производства, о назначеніи дохода служить человѣку, а не о назначеніи человѣка производить доходы, Смитъ очевидно не терялъ изъ виду возможности болѣе высокаго назначенія, какъ отдѣльной личности, такъ и цѣлаго общества, чѣмъ одно только производство чистаго дохода.

Эти уступки болѣе широкому воззрѣнію на народъ, государство и экономическую жизнь, которыя проглядываютъ у Смита, встрѣтили сильныхъ противниковъ въ его ученикахъ и въ особенности въ Рикардо, который барышническое воззрѣніе на общество и государство довелъ до послѣднихъ консеквенцій. „Если еще Юмъ, замѣчаетъ Гельдъ, сказалъ, что для счастія человѣка нужны дѣятельность, удовольствіе и покой, то впослѣдствіи экономисты совсѣмъ оставили эту многостороннюю и по истинѣ человѣческую точку зрѣнія. Перестали даже совсѣмъ и думать, чтобы экономическія стремленія направить такъ, чтобы самый трудъ былъ удовольствіемъ, забыли совсѣмъ, что покой и отдыхъ есть наслажденіе, конкурирующее съ потребленіемъ цѣнностей. Сознательно

или безсознательно стали видѣть въ увеличеніи продуктовъ, которые вѣдь служатъ же только для удовлетворенія потребностей и удовольствія, единственное достойное уваженія стремленіе. Трудъ является только какъ средство для этой цѣли, а отдыхъ какъ не желанная необходимость. Если прежде (школа Руссо) за индивидуумомъ забыли общество, то потомъ, за производствомъ предметовъ собственности (цѣнностей) забыли совсѣмъ человѣка, и развили такую науку политической экономіи, которая разсматриваетъ все съ одной точки зрѣнія, — съ точки зрѣнія увеличенія производства цѣнныхъ предметовъ. Увеличеніе собственности эгоистическаго индивидума сдѣлалось въ этой наукѣ главнымъ содержаніемъ человѣческой жизни, а если человѣкъ разсматривается главнымъ образомъ какъ собственникъ, то очевидно, что на всѣхъ тѣхъ людей, у которыхъ собственность незначительна, слѣдуетъ мало обращать вниманія, рабочій сдѣлался орудіемъ производства въ услугамъ тѣхъ счастливцевъ, которые обладаютъ капиталомъ, и въ рукахъ которыхъ собирается излишекъ производства" [1].

На сколько справедливъ такой упрекъ, легко можно видѣть изъ возраженій Рикардо на замѣчаніе Смита, что могущество націи слѣдуетъ цѣнить по валовому, а не по чистому доходу. „Допустимъ на минуту, что это справедливо", замѣчаетъ Рикардо, „но каковы бы могли быть выгоды, происходящія для страны отъ употребленія бо́льшаго количества производительнаго труда, если бы ея чистая рента и прибыль оставались одинаковы при употребленіи какъ этого количества, такъ и меньшаго. Весь продуктъ почвы и труда каждой страны раздѣляется на три части: одна изъ нихъ посвящается на рабочую плату, другая на прибыль (въ томъ числѣ ростъ), третья на ренту. Только изъ двухъ послѣднихъ частей можетъ быть сдѣланъ какой бы то ни было вычетъ въ пользу налоговъ или сбереженія; первая изъ нихъ, будучи умѣренной, представляетъ всегда необходимыя издержки производства. Для отдѣльнаго лица, капиталъ котораго простирается на 20,000 ф., а прибыль 2,000 въ годъ, является совершенно безразличнымъ, даетъ ли его капиталъ занятіе для 100 или 1,000 человѣкъ, продается ли произведенный товаръ за 10,000 или за 20,000 р. въ годъ, если только во всѣхъ этихъ случаяхъ прибыль его не падаетъ ниже 2,000 ф. Не имѣетъ ли съ этимъ сходства и интересъ націи? Если только чистый доходъ ея, ея

[1]) Held, die Einkommensteuer. Bonn. 1872, стр. 67.

рента и прибыль остаются однѣ и тѣ же, то нѣтъ ни малѣйшей важности въ томъ, состоитъ ли нація изъ 10 или 12 милліоновъ жителей. Средства ея къ содержанію флотовъ и арміи и всякаго рода непроизводительнаго труда находятся въ соотвѣтствіи съ чистымъ, а не съ валовымъ ея доходомъ. Если бы 5 милліоновъ людей могли произвести столько пищи и одежды, сколько необходимо для 10 милліоновъ, то пища и одежда для 5 милліоновъ составили бы чистый доходъ. Будетъ ли представлять для страны какую нибудь выгоду, если на производство такого же чистаго дохода потребуется 7 милліоновъ человѣкъ, иными словами, если 7 милліоновъ будутъ употребляться на производство пищи и одежды достаточныхъ для 12 милліоновъ? Пища и одежда 5 милліоновъ продолжали бы оставаться чистымъ доходомъ. Употребленіе большаго числа людей не дало бы намъ возможности, ни увеличить числа людей въ нашей арміи и флотѣ, ни внести лишней гинеи въ видѣ налога?"

Мѣсто это приводится обыкновенно какъ классическое въ томъ смыслѣ, до какихъ крайнихъ выводовъ можетъ доходить ультра-экономическое воззрѣніе на государство. Интересы націи отождествляются съ интересами предпринимателей, получающихъ излишки, чистый доходъ [1]). Существованіе милліоновъ рабочихъ оказывается совершенно безразличнымъ, если только отъ этого существованія не прирастаютъ излишки у предпринимателей. По справедливому замѣчанію Бернгарди, если стать на точку зрѣнія капиталистовъ-предпринимателей (собственно это и есть точка зрѣнія Рикардо), то только ихъ доходъ, ихъ излишекъ, будетъ мѣриломъ благосостоянія націи, а даже то, что капиталисты платятъ землевладѣльцамъ за землю (излишекъ у землевладѣльцевъ) будетъ также издержкою производства, какъ и рабочая плата.

Ученіе это говоритъ объ интересахъ націи, претендуетъ не только на значеніе хозяйственной, но и общественной науки, физіологіи общества, а между тѣмъ заявляетъ, что съ ея точки зрѣнія „нѣтъ ни малѣйшей важности въ томъ, состоитъ ли нація изъ 10 или 12 милліоновъ жителей". За производствомъ и

---

[1]) Не слѣдуетъ забывать, что эта односторонняя точка зрѣнія на государство давно покинута экономистами и на ней не стоятъ лучшіе представители экономической науки нашего времени. Эта точка зрѣнія имѣла впрочемъ свой смыслъ въ исторіи науки, когда самая крайность экономическихъ воззрѣній была обусловлена исторической необходимостью дать экономическимъ понятіямъ право гражданства въ государственныхъ вопросахъ, находившихся до того въ исключительномъ распоряженіи юристовъ и администраторовъ. *Ред.*

за доходами совсѣмъ забытъ человѣкъ. Понятіе о личности, о ея правахъ, совершенно стирается; на мѣсто ея являются капиталистъ, землевладѣлецъ и рабочій. Первые два класса, какъ владѣльцы имущества, извлекаютъ изъ него доходы; послѣдній классъ, рабочій, занимается извлеченіемъ дохода изъ самаго себя. Это не граждане, даже не люди, пріобрѣтающіе имущество; нѣтъ — это имущество, капиталъ, приносящій доходъ. Капиталъ этотъ оказывается однако же недающимъ чистаго дохода, вслѣдствіе стремленія рабочаго населенія къ размноженію до предѣловъ, гдѣ, вслѣдствіе конкуренціи, классъ этотъ долженъ ограничиваться минимумомъ существованія, т. е. возрожденіемъ рабочей силы, возвратомъ издержекъ производства, безъ всякаго излишка, безъ всякаго чистаго дохода. Итакъ плата за трудъ, которымъ обезпечивается существованіе милліоновъ людей, оказывается издержками производства рабочихъ же. Только къ тѣмъ классамъ, которые владѣютъ доходами отъ имущества, и у которыхъ оказываются излишки, могутъ быть приложимы человѣческія воззрѣнія на ихъ бракъ, семейство и вообще на всю жизнь; потому что только тамъ жизнь можетъ быть сама себѣ цѣлью [1]).

Здѣсь личность владѣльца стоитъ отдѣльно отъ имущества, и если имущество должно быть непремѣнно въ дѣлѣ, въ производствѣ, и приносить доходы, то за то самъ владѣлецъ можетъ быть разсматриваемъ какъ личность, имѣющая свои цѣли, свои задачи, помимо производства. Если бы конечно и на рабочаго посмотрѣть какъ на личность, тогда бы оказалось, что личность не можетъ давать дохода, что посредствомъ своего труда эта личность стремится также къ пріобрѣтенію имущества, что въ рабочей платѣ она имѣетъ средства удовлетворять своимъ потребностямъ текущимъ. Въ случаѣ же излишка, можетъ оказаться возможность накопленія имущества, пріобрѣтенія капитала, который потомъ приносилъ бы доходъ. Нѣтъ, намъ говорятъ, что рабочій не есть личность пріобрѣтающая, или только начинающая пріобрѣтать имущество; здѣсь нѣтъ личности, здѣсь готовая машина, имущество, капиталъ, приносящій сразу доходъ. Вся жизнь рабочаго класса, начиная рожденіемъ и кончая смертью,

---

[1]) Нельзя не замѣтить, что даже первоначальные экономисты, о которыхъ говоритъ авторъ, не доводили своихъ экономическихъ понятій объ человѣкѣ, обществѣ и государствѣ прямо до такихъ крайнихъ выводовъ. Мальтусъ могъ ошибаться въ своей теоріи, но его побужденія были самыя гуманныя и филантропическія по отношенію къ рабочимъ классамъ. *Ред.*

бракъ, воспитаніе дѣтей, — все это процессы производства рабочей силы, размѣры котораго опредѣляются и должны опредѣляться только интересами производства, т. е. возможно большимъ національнымъ чистымъ доходомъ, остающимся въ рукахъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ. Изъ такого воззрѣнія на интересы націи легко сдѣлать выводы о томъ, каковы должны быть задачи государства по отношенію къ такой націи. Очевидно, что государство, преслѣдуя „интересы націи", равнодушное къ тому, какое количество милліоновъ рабочихъ будетъ существовать въ немъ, а заботящееся только о томъ, чтобы у капиталистовъ были большіе излишки, такъ какъ на эти только излишки и можно держать войско и флотъ и непроизводительныхъ рабочихъ, должно въ существѣ выполнять роль плантатора рабовладѣльческаго хозяйства, гдѣ увеличеніе или уменьшеніе количества рабовъ зависитъ отъ выгодности производства, а все содержаніе рабовъ разсматривается какъ издержки производства. Само собою понятно, что для установленія содержанія рабовъ съ ихъ стороны не можетъ быть никакихъ притязаній на правовой порядокъ. „Характеристично", замѣчаетъ Бернгарди, „какъ англичане, самъ Смитъ, а особенно Рикардо и его ученики, ищутъ опредѣленія размѣровъ рабочей платы только въ потребностяхъ рабочаго. Оно и послѣдовательно и совершенно подходитъ къ тому воззрѣнію на общество и государство, въ которомъ рабочій служитъ только простымъ орудіемъ. Здѣсь и не можетъ быть, очевидно, другаго масштаба, когда рабочій незамѣтнымъ образомъ низводится на степень домашняго животнаго, котораго кормъ опредѣляется не на основаніи какого либо права или цѣнности исполненной работы, а просто по его потребности". „При этомъ конечно является сильная забота о томъ, чтобы рабочая плата была достаточна для удовлетворенія потребностей, но опять же нисколько не въ интересахъ этого класса населенія, или отдѣльнаго рабочаго, а совсѣмъ изъ побужденій другаго свойства. Тутъ идетъ дѣло о государствѣ, думающемъ только о самомъ себѣ. Рабочіе должны имѣть хорошій заработокъ, чтобы довольствовались своею судьбою и вели себя спокойно. Далѣе желательно, чтобы этотъ полезный классъ не слишкомъ вымиралъ, а напротивъ соотвѣтственно размножался, и былъ бы въ состояніи доставить рабочую силу для возрастающаго производства". Для рабочаго населенія единственнымъ средствомъ улучшить свое существованіе — оказывается воздержаніе отъ размноженія. Такъ какъ благосостояніе рабочаго класса, го-

воритъ Макъ-Коллохъ, существенно необходимо для счастія и спокойствія государства, то оказывается дѣломъ высочайшей важности, чтобы принципъ воздержанія всѣми возможными мѣрами былъ крѣпко внѣдренъ въ умы рабочихъ" [1]).

Теорія трехъ источниковъ дохода, господствующая почти безъ аппеляціонно надъ умами всего образованнаго міра цѣлое столѣтіе, не только какъ хозяйственная, но и какъ государственная мудрость, не могла же оставаться одною теоріею.

Понятно, что съ давняго времени существовало и существуетъ желаніе провести эту теорію въ жизнь и между прочимъ примѣнить ее къ податному дѣлу. Если вѣрное понятіе о доходѣ найдено, то уже задача практической мудрости изыскать такую организацію податей, которая соотвѣтствовала бы требованіямъ теоріи. Введеніе такъ называемыхъ подоходныхъ податей въ нѣкоторыхъ государствахъ Европы является опытомъ въ этомъ направленіи. Разсмотримъ же, каковы подоходныя подати по теоріи Смита и его послѣдователей.

Физіократы требовали единственной подоходной подати на землю, какъ на единственный факторъ производства, дающій чистый доходъ. Излишекъ, слѣдовательно, получаемый землевладѣльцемъ, за вычетомъ всѣхъ издержекъ производства, оказывался лучшимъ объектомъ подати. Подать въ этомъ случаѣ сокращала нѣсколько потребленіе землевладѣльческаго класса, но не истощала производительныхъ силъ страны, и не падала на такіе классы, которые не создавали излишка. Такъ думали физіократы. Смитъ, установивши три фактора производства — трудъ, капиталъ и землю, — находилъ возможнымъ существованіе трехъ отдѣльныхъ подоходныхъ налоговъ, соотвѣтственно доходамъ, получаемымъ отъ трехъ факторовъ производства. Такъ какъ подать по мнѣнію Смита должна падать только на чистый доходъ отъ земли, труда и капитала, то затрудненій никакихъ не представлялось, по крайней мѣрѣ съ теоретической точки зрѣнія, при обложеніи чистаго дохода отъ земли и отъ капитала. Но когда коснулось дѣло налога на чистый доходъ отъ рабочей платы, гдѣ по теоріи Смита и его школы чистаго дохода не имѣется, да едва ли онъ и возможенъ, то нужно было совершенно отказаться отъ налога на рабочую плату. Поэтому-то Смитъ прямо признаетъ такого рода налоги нелѣпыми и разорительными,

[1]) Bernhardi, стр. 311.

потому что „если бы прямой налогъ на рабочую плату и внесенъ былъ самимъ рабочимъ, то все же нельзя сказать, чтобы налогъ упадалъ собственно на него“... Въ окончательномъ результатѣ онъ падаетъ на поземельныхъ собственниковъ и на потребителей продуктовъ труда. Если спросъ на трудъ и цѣна продовольствія остаются неизмѣнными, то прямой налогъ на рабочую плату не можетъ имѣть другаго дѣйствія, кромѣ нѣкотораго ея повышенія. Но этотъ процессъ возвышенія сопряженъ съ лишеніями для рабочихъ, а также влечетъ за собою возвышеніе поземельной ренты и цѣну мануфактурныхъ товаровъ, и при томъ больше, чѣмъ оказалось бы въ томъ случаѣ, если бы этотъ налогъ прямо былъ разложенъ между поземельнымъ доходомъ и предметами потребленія. Смитъ не одобряетъ этого налога и по отношенію къ рабочей платѣ высшихъ свободныхъ профессій, если только плата эта установляется подъ вліяніемъ свободной конкуренціи. Налогъ уменьшилъ бы плату, издержки производства перестали бы окупаться, и страна принуждена была бы довольствоваться потомъ продуктами (наукъ и искуствъ) низшаго качества. Только по отношенію къ жалованью казенному Смитъ допускаетъ налогъ, и говоритъ даже, что налогъ этотъ былъ бы популяренъ въ Англіи, потому что люди, занимающіе правительственныя должности, вообще расположены къ вознагражденію самихъ себя скорѣе выше, чѣмъ ниже надлежащей мѣры. Налогъ на рабочую плату, по мнѣнію Рикардо, повышаетъ ее, а слѣдовательно уменьшаетъ прибыль капитала, а потому въ существѣ дѣла есть ничто иное, какъ налогъ на прибыль съ капитала. Рикардо оспариваетъ мнѣніе Смита, что налогъ на рабочую плату можетъ пасть на землевладѣльца; по его мнѣнію онъ падаетъ на капиталиста, и приходитъ къ общему заключенію, что всѣ налоги въ концѣ концовъ уплачиваются изъ дохода страны, а такъ какъ чистый доходъ страны находится въ рукахъ капиталистовъ и землевладѣльцевъ, то и всѣ налоги, слѣдовательно, уплачиваются этими двумя классами общества, а потому и налагать подати слѣдуетъ прямо на нихъ. Такое отреченіе отъ налоговъ на рабочую плату у Смита и Рикардо, и вообще у англійскихъ писателей, предполагаетъ низшій уровень рабочей платы и полнѣйшую невозможность для нея подняться выше издержекъ производства — цѣны необходимыхъ жизненныхъ потребностей рабочаго и его семейства. Однимъ словомъ, рабочая плата представляетъ только издержки производства рабочей

силы и чистаго дохода не даетъ. Между тѣмъ опытъ показываетъ, что рабочая плата не одинакова, и въ высшихъ профессіяхъ она можетъ достигать весьма большихъ размѣровъ. Плата предпринимателя есть также своего рода рабочая плата. Мало того, и самый низшій, поденный, трудъ можетъ, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, заработывать далеко больше необходимыхъ средствъ существованія. Могутъ слѣдовательно оказаться излишки, способные къ накопленію, и представляющіе чистый доходъ, способный къ подати, по теоріи же Смита. Практическая жизнь, кромѣ того, показываетъ, что налоги на рабочую плату, особенно въ формѣ косвенныхъ налоговъ, существуютъ почти повсемѣстно, даютъ во многихъ государствахъ Европы значительно большую половину всѣхъ доходовъ, и весьма сомнительно, чтобы всѣ эти налоги перелагались дѣйствительно на доходы отъ земли и капиталовъ. Въ самой Англіи, косвенные налоги падаютъ на массу предметовъ, потребляемыхъ рабочимъ населеніемъ, и хотя для этихъ всевозможныхъ акцизовъ находятъ объясненіе въ свободолюбіи англійскаго народа, но это свободолюбіе, вѣроятно, оказывается къ тому же и выгоднымъ для капиталистовъ. Отвергнуть возможность прямыхъ налоговъ на рабочую плату, особенно въ высшихъ профессіяхъ, нельзя, а признавши такую возможность, нужно указать, что такое чистый доходъ отъ рабочей платы, и какія издержки, какъ издержки производства, нужно вычесть изъ рабочей платы, какъ валоваго дохода. Всѣ данныя для этого указаны отчасти уже Смитомъ. Не удивительно по этому, что у учениковъ Смита, особенно въ Германіи, является ученіе о налогѣ на чистый доходъ отъ рабочей платы, съ тѣми же требованіями, которыя выставляются по отношенію къ налогамъ — на чистый доходъ отъ земли и капитала. „Налогъ на чистый доходъ отъ труда (Industriente), говоритъ Якобъ, „не противорѣчитъ принципамъ политической экономіи, ибо онъ не задѣваетъ основнаго капитала личности. Основной капиталъ есть здѣсь личность рабочаго, его производительная сила и его охота къ работѣ. Чистый доходъ не нуженъ ни для поддержанія его самаго, ни его семейства, ни его способностей и производительной силы, ибо все это должно входить въ рабочую плату прежде чѣмъ можетъ оказаться чистый доходъ (rente). Кромѣ того, вычитая подать изъ ренты, не слѣдуетъ ослаблять охоты къ труду. Хотя всякій чистый доходъ долженъ давать одинаковую подать, но умѣренный налогъ все же будетъ еще оставлять достаточно

для поощренія къ труду. Но если работа не даетъ никакой ренты, и будетъ обложена податью, или подать будетъ поглощать всю ренту, или больше ренты, то плательщикъ мало по малу покорится и подать, всю или отчасти, долженъ будетъ въ возвышенной цѣнѣ своихъ продуктовъ переложить на другихъ" [1]).

По Бирзаку рабочая плата есть валовой доходъ. Чтобы найти доходъ чистый, нужно изъ валоваго дохода вычесть издержки на существованіе рабочаго, сообразное его состоянію. За вычетомъ этого, останется чистый доходъ рабочей платы, образующій составную часть чистаго національнаго дохода [2]).

„Справедливо и умѣстно, замѣчаетъ Рау, чтобы налогу подлежала та часть всего дохода работника, которая превосходитъ среднюю приличную состоянію потребность содержанія его и его семейства (чистая рабочая прибыль); точно также какъ и вообще должны быть вычитаемы издержки, необходимо соединенныя съ полученіемъ дохода". Далѣе, указывая на то, что въ Гессенскомъ Великомъ Герцогствѣ облагалась податью рабочая плата, какъ пожизненная рента, Рау говоритъ, что „вообще рабочую плату нельзя разсматривать какъ пожизненную ренту; она не содержитъ въ себѣ (исключая издержекъ на подготовку) постепеннаго возврата капитала съ процентами, но ежегодный доходъ, назначенный для личныхъ потребностей работника, и пока этотъ доходъ существуетъ, до тѣхъ только поръ онъ можетъ быть и облагаемъ. И подать прекращается со смертью работника! Требуемое существомъ рабочей платы, снисходительное обращеніе съ нею можетъ быть вполнѣ достигнуто, если обратить вниманіе на различіе валовой и чистой рабочей платы. Разумѣется, что работникъ долженъ бы откладывать и нѣсколько изъ своей рабочей платы на время старости, для семейства и пр., что получателю капитальной ренты не такъ необходимо, и откладываніе это дѣйствительно возможно, потому что подать беретъ только нѣкоторую долю вѣроятнаго чистаго дохода". То же самое стараніе выдѣлить чистый доходъ изъ рабочей платы и представить его доходомъ, одинаково способнымъ къ налогу, какъ и чистый доходъ отъ земли и отъ капитала, находимъ мы и у другихъ писателей. Такъ, Фульда требуетъ, чтобы подать падала на чистый доходъ отъ рабочей платы, подъ которымъ онъ

---

[1]) Jakob, § 419 и 420.
[2]) Biersack. Ueber Besteuerung, 1850, § 25.

разумѣетъ то, что остается за вычетомъ необходимыхъ жизненныхъ потребностей владѣльца и его семьи. То-же самое говорятъ Лоцъ, Мургартъ и др. [1]).

Мало-по-малу послѣдователями этого ученія выработана общая схема вычетовъ, которые слѣдуетъ дѣлать изъ рабочей платы, чтобы получить чистый доходъ, способный къ обложенію. Ее можно формулировать слѣдующимъ образомъ:

1) Минимумъ существованія рабочаго, необходимый для поддержанія его рабочей силы, а также минимумъ существованія для семьи, или лучше для подростковъ, какъ будущаго поколѣнія рабочихъ. Принимая въ разсчетъ среднюю семью (напр. 5 человѣкъ), слѣдуетъ разсчитать такъ, чтобы для 1-го члена семьи полагалась вся сумма минимума существованія, напр. 100 р., для 2-го члена уже меньше, напр. 80 р., для 3-го еще меньше, напр. 50 руб. и т. д. Это прогрессивное уменьшеніе основано на томъ, что потребленіе въ семьѣ совокупное и влечетъ за собою уменьшеніе расходовъ.

2) Доля капитализаціи для образованія запаса, могущаго обезпечить минимумъ существованія рабочаго и его семьи на время болѣзни, старости и вообще неспособности къ труду. Этотъ вычетъ опять же дѣлается не по какому либо праву и не въ интересахъ рабочаго, а въ интересахъ общества, которому все равно пришлось-бы содержать инвалидовъ-рабочихъ. Хотя рабочаго и сравниваютъ охотно съ машиною, но подмѣчена также и разница. Машина стирается въ производительной работѣ, а потому затрата на возстановленіе машины, постояннаго капитала, какъ производительная затрата, входитъ съ процентами въ издержки производства. Человѣкъ же теряетъ способность къ работѣ не отъ работы, а по своей природѣ; будетъ онъ работать или нѣтъ, — все равно, онъ будетъ подвергаться болѣзнямъ, старости и смерти. На этомъ основаніи исправленіе и возстановленіе капитала здѣсь не могутъ входить въ издержки производства [2]).

---

[1]) См. Die Lehre vom Einkommen in ihrem Zusammenhang mit den Grundprincipien der Steuerlehre v. Dr. Gust. Schmoller. Zeitschr für die Gesam. Staatswiss. 1863. Heft I.

[2]) Этимъ же по мнѣнію Рау и др. отличается рабочая плата отъ пожизненной ренты. Якобъ, указывая на разницу между выручкою и доходомъ, изъ которыхъ первая указываетъ всегда собственное производство, тогда какъ послѣдній можетъ получаться даромъ отъ другихъ лицъ, говоритъ: «Въ этомъ случаѣ доходъ для того, кто его получаетъ, есть вполнѣ чистый доходъ; такъ какъ въ немъ не заключается частей его капитала, то поэтому изъ такого дохода и

3) Содержащееся въ рабочей платѣ вознагражденіе издержекъ на подготовку человѣка къ занятіямъ, требующимъ особеннаго искусства.

Въ Германіи и вообще въ Европѣ главнымъ представителемъ системы податей, основанныхъ на началахъ Адама Смита и его школы — является Рау. Всѣ подати у него въ существѣ дѣла подводятся къ тремъ факторамъ производства, землѣ, капиталу и труду. Слѣдовательно, коренныхъ подоходныхъ податей должно быть три: на доходъ отъ земли, отъ капитала и отъ рабочей платы. Другія подати, какъ напр. домовая, промысловый налогъ и т. д., являются только видоизмѣненіями коренныхъ. Разсмотримъ же, какъ относится Рау въ этой системѣ подоходныхъ податей къ личной производительной дѣятельности человѣка. Что касается податей на доходъ отъ земли и капитала, то владѣльцы оказываются здѣсь лицами, гражданами. неимѣющими ничего общаго съ имуществомъ. Земля и капиталы разсматриваются какъ промышленныя учрежденія, доходъ которыхъ можетъ быть опредѣленъ арендною платою, она-же представляетъ чистый доходъ за вычетомъ всѣхъ издержекъ управленія; однимъ словомъ, она допускаетъ совершенное устраненіе владѣльца отъ непосредственнаго участія въ производствѣ. Налогъ долженъ опредѣляться по среднему доходу, а потому всякое усиленное занятіе своими собственными дѣлами давало бы владѣльцу только излишніе доходы, въ видѣ рабочей платы, неподлежащіе платежу податей. Защищаясь отъ тѣхъ, которые желали-бы еще, чтобы и издержки на личное содержаніе владѣльца были вычитаемы изъ средняго дохода отъ земли или капитала, какъ часть издержекъ производства, Рау говоритъ между прочимъ: „владѣлецъ ренты имѣетъ значительное преимущество передъ работникомъ и предпринимателемъ: онъ господинъ своего времени, можетъ жить соотвѣтственно своимъ склонностямъ и имѣть другой еще доходъ отъ какого либо занятія, напр., отъ государственной службы или промысла, для чего удобнымъ условіемъ служитъ ему его иму-

---

вычитать нечего для поддержанія. Пусть тѣ, которые даютъ изъ своего дохода, заботятся уже о поддержаніи источника, изъ котораго они даютъ. *Пансіонеры, нищіе, обманщики* и т. д., въ томъ, что они получаютъ, имѣютъ чистый доходъ. То, что необходимо для поддержанія ихъ жизни, ни въ какомъ случаѣ нельзя считать принадлежащимъ къ валовому доходу, ибо всѣ они могутъ себѣ жить или нѣтъ, то, что составляетъ ихъ чистый доходъ, не будетъ отъ этого уменьшено, потому что ихъ личность нисколько не содѣйствуетъ выручкѣ, которая создаетъ ихъ чистый доходъ. Jacob, § 231.

щество. Если онъ этого не дѣлаетъ, то нельзя конечно упрекать его за это: онъ можетъ многими другими способами быть полезнымъ обществу; но нѣтъ, по крайней мѣрѣ, достаточной причины смотрѣть на расходы его содержанія, какъ на издержки, необходимыя для полученія дохода. Если же въ этомъ отношеніи поставить его наравнѣ съ упомянутыми трудящимися классами, то это усилитъ соблазнъ къ праздной жизни".

Къ этому весьма справедливо прибавляетъ Рау, что только семейства, неспособныя къ трудовой жизни и ограниченныя въ своихъ средствахъ исключительно скудною рентою, заслуживаютъ нѣкотораго снисхожденія. Это послѣднее замѣчаніе указываетъ на то, что Рау держался здѣсь весьма вѣрнаго и правильнаго пониманія отношенія государства къ плательщику-капиталисту, какъ къ личности.

Совсѣмъ иначе устанавливается отношеніе государства къ подданному въ то время, когда онъ не имѣетъ еще капитала, когда вся его имущественная сила заключается въ заработкѣ, т. е. имуществѣ, изъ котораго впослѣдствіи могъ бы образоваться капиталъ, приносящій доходъ. Здѣсь вмѣсто личности, гражданина, является имущество, приносящее валовой доходъ. Здѣсь оказываются вычеты издержекъ производства рабочей силы, подростковъ и т. д. Мало того, для правильнаго обложенія рабочей платы на ряду съ другими доходами отъ капиталовъ рекомендуются даже подходящія манипуляціи. Такъ какъ при наложеніи подати на доходъ отъ земли и капитала, опредѣляется часто не только ихъ доходность, но и капитальная стоимость, то и по отношенію къ рабочей платѣ Рау допускаетъ такую же капитальную оцѣнку рабочаго. Какъ примѣръ, достойный подражанія, онъ приводитъ оцѣнку, произведенную въ Баденѣ, какъ кажется, не безъ его собственнаго вліянія. Здѣсь напр. оказывается, что при рабочей платѣ въ 4,700 гульд., капитальная стоимость плательщика будетъ равна 24,600 гульд., а вѣроятный доходъ отъ 984 до 1,230 гульденовъ. Не смотря на постоянныя оговорки въ родѣ того, что рабочая плата гораздо менѣе обильный источникъ податей, чѣмъ поземельные и капитальные доходы, Рау все-таки остается вѣрнымъ послѣдователемъ ученія Смита о трехъ источникахъ дохода, и проводитъ до конца воззрѣніе на рабочую плату, какъ на доходъ, подлежащій налогу также какъ и ренты, т. е. что предстоящій заработокъ лица въ 1,000 руб. въ теченіи года и 20,000 руб. съ 5%

купонами должны нести совершенно равную подать, какъ два совершенно равные объекты обложенія. Но и его рвеніе останавливается передъ практическимъ приложеніемъ Смитовской теоріи дохода въ Венгріи, Саксоніи и т. п. Въ послѣдней подать должны были платить даже прядильщицы, мотальщицы, няньки, кормилицы. Здѣсь снисхожденія совершенно не предполагается, а проводится теорія чистаго дохода до конца. И въ самомъ дѣлѣ, сколько тонкихъ соображеній и расчисленій можно потратить здѣсь, чтобы сначала опредѣлить капитальную стоимость, потомъ валовой доходъ и наконецъ вычесть изъ валоваго дохода минимумъ существованія, издержки для пріобрѣтенія необходимыхъ качествъ и т. д., чтобы получить чистый доходъ, подлежащій налогу. Рау сознается, что налогъ на чистый доходъ отъ рабочей платы введенъ въ большей части государствъ только въ новѣйшее время. И въ самомъ дѣлѣ, были налоги въ старое время, и даже остались до настоящаго времени, поголовные, подушные и т. д. Они остаются памятниками прошедшаго рабства, крѣпостнаго права, часто просто несовершенства финансовой администраціи, но дѣйствительно нѣтъ и не было налога, который бы такъ систематически, такъ псевдонаучно и притомъ такъ цинически среди новой свободной Европы низводилъ человѣка на степень животнаго.

Коренное зло въ теоріи Смита, какъ мы видѣли, заключается въ томъ, что онъ на ряду съ имуществомъ поставилъ человѣка, какъ источникъ дохода. Такое отношеніе къ свободной личности гражданина для современнаго строя государственной жизни не можетъ имѣть никакого практическаго значенія. Мы видѣли, что не только свободнаго человѣка нельзя разсматривать какъ имущество или какъ капиталъ въ какомъ бы то ни было, въ прямомъ или переносномъ смыслѣ, но что даже отдѣльныя человѣческія дѣйствія, имѣющія имущественный характеръ, пока они не оказали результата, т. е. пріобрѣтенія имущества, не должны быть разсматриваемы какъ имущество въ податномъ дѣлѣ. Всѣ личные и даже поголовные налоги, падающіе на личность свободнаго гражданина, должны имѣть въ виду пріобрѣтаемое трудомъ имущество, и слѣдовательно будутъ имущественными налогами, считать ихъ подоходными налогами нельзя, потому что самое лицо плательщика нельзя считать имуществомъ, капиталомъ, а пріобрѣтаемое имущество доходомъ. Поголовная подать

на несвободное население, а особенно на рабовъ, вполнѣ соотвѣтствовала бы теоріи Смита.

Случается, какъ это и было напр. въ Римѣ, что на ряду съ поголовною податью на рабовъ существуетъ такая же поголовная подать и на рабочій скотъ. Тутъ очевидно, что рабы, на ряду со скотомъ, разсматриваются какъ имущество владѣльца, а выручка рабскаго труда, какъ процентъ на капиталъ, представляемый рабомъ. Рабъ есть имущество, и личности его никто не признаетъ, ни государство, ни законъ. У Римлянъ, какъ народа, умѣвшаго дать своимъ общественнымъ отношеніямъ строгія юридическія формы, мы видимъ яснѣе всего разницу отношенія государства къ личности и къ рабу.

Въ Римѣ существовалъ поземельный налогъ подъ названіемъ capitatio terrana Но независимо отъ него существовала подать поголовная, подъ названіемъ capitatio humana. Вотъ что говоритъ объ этихъ налогахъ Кламажеранъ:

„Когда опредѣляли цѣнность сельскаго хозяйства, то принимали въ разсчетъ все, что опредѣляло его богатство. Опредѣляли плодородность почвы, растительность ее покрывающую, животныхъ, которыхъ она питала, наконецъ руки, которыя ее обработывали, т. е. рабовъ и колоновъ. Колоны, нѣчто среднее между свободными и рабами, принадлежали однако къ землѣ, тѣмъ болѣе, что они были связаны, приписаны къ землѣ,—terrae inhaereant, какъ говорилъ законъ. Они входили въ счетъ поземельнаго капитала. Изъ чего и слѣдуетъ, что capita humana входила въ capita terrana. Понятно, что собственникъ платилъ за колоновъ, очищая поземельный налогъ, потому что налогъ этотъ и исчислялся, имѣя въ виду ихъ присутствіе. Но, съ другой стороны, колонъ-собственникъ не платилъ подати за свою голову, потому что званіе собственника уничтожало въ немъ званіе работника. На него переставали смотрѣть, какъ на вещь, какъ на элементъ цѣнности. Онъ дѣлался личностію, и такъ какъ онъ платилъ уже какъ собственникъ, то съ него уже больше ничего и не требовали“ [1]).

---

[1]) Clamageran. Histoire de l'impot en France. Paris, 1867, т. I, стр. 24. Существо дѣла нисколько не измѣняется, если бы оказалось, что кромѣ рабовъ и колоновъ платили поголовную подать и всѣ другія лица, какъ напр. плебеи, ремесленники и художники городскіе и т. д. кромѣ possessores. Всеже свободное

Изъ этого ясно, что объектомъ подати считалось имущество, какого бы свойства оно ни было; но никогда само лицо гражданина не считалось объектомъ подати. Отсюда понятно унизительное значеніе поголовнаго налога; онъ падалъ на раба, какъ на вещь, какъ на рабочій скотъ. Отсюда понятна также и мысль Монтескьё, когда онъ говоритъ, что „подать поголовная прилична рабству, а подать на имущество — свободѣ“. При такихъ воззрѣніяхъ на дѣло, само собою очевидно также, что лицо своею дѣятельностію могло пріобрѣтать имущество, а имущество могло приносить доходъ, но никогда и ни какимъ образомъ лицо не могло приносить дохода. Дѣйствія свободнаго лица, имѣющія имущественный характеръ, могли быть причисляемы къ имуществу, а не къ доходу; но ни какимъ образомъ лицо нельзя было разсматривать какъ имущество, какъ капиталъ, а его дѣйствіе какъ доходъ; для этого нужно было сдѣлаться рабомъ, имуществомъ, вещью, принадлежащею кому-либо, и тогда дѣйствія, дающія въ результатѣ имущество, можно было разсматривать, какъ доходъ на капиталъ.

Само собою понятно, что при такомъ воззрѣніи на дѣло, при такомъ отношеніи государства къ свободному лицу, какъ къ гражданину и подданному, государство могло требовать или личной службы, напр. въ войскѣ, въ Сенатѣ, которая ничего не имѣла общаго съ имуществомъ; или же государство могло требовать отъ свободнаго лица имущественныхъ жертвъ, т. е. имущества во всѣхъ его родахъ и видахъ, въ томъ числѣ и отдѣльныхъ дѣйствій, имѣющихъ имущественный характеръ повинностей натуральныхъ. Но лицо гражданина оставалось свободнымъ. Даже и въ томъ случаѣ, если бы государство потребовало всей дѣятельности лица и направило бы эту дѣятельность на производство или пріобрѣтеніе имущества, все же государство не могло смотрѣть на своего гражданина какъ на машину, какъ на имущество или капиталъ. Законъ, признавая за гражданиномъ свободную личность, признавалъ вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней существо свободное и разумное съ своею особою природою, съ своими индивидуальными стремленіями и цѣлями. Законъ противупоставилъ этой личности внѣшній міръ вещей, далъ ей право

лицо очевидно платило съ имущества своего, а рабы сами составляли имущество своихъ господъ. См. Die Römische Steuerverfassung unter den Kaisern, von Savigny. Abhandlungen der Königlichen Akademie der Wissenschaften zu Berlin 1822—1823. Historisch-philologische Klasse. Стр. 28 и слѣд.

господствовать надъ нимъ и призналъ слѣдовательно имущество только средствомъ для достиженія цѣлей своего обладателя. Такъ относилось государство Римское къ своимъ гражданамъ и ихъ быту. Оно никогда не смѣшивало лица съ имуществомъ, никогда не допуская мысли, чтобы римскій гражданинъ, какъ рабочая сила, на ряду съ рабомъ, или рабочимъ скотомъ, могъ быть разсматриваемъ какъ имущество или какъ капиталъ, приносящій доходъ. Та разница, что доходъ отъ раба получаетъ его господинъ, а заработокъ свободнаго лица принадлежитъ ему самому, нисколько не измѣняетъ существа дѣла. Въ гражданскомъ правѣ Рима строгое разграниченіе имущества съ личностью гражданина нашло себѣ полное выраженіе. Со времени освобожденія крестьянъ тоже самое мы находимъ и въ нашемъ X томѣ, какъ конечно и во всѣхъ другихъ европейскихъ гражданскихъ кодексахъ. Нигдѣ напр. законъ не считаетъ наемной рабочей платы доходомъ на капиталъ, представляемый работникомъ. Такое единогласіе оказывается очевидно не по одному заимствованію, а по существу самаго дѣла. Государство, въ самыхъ элементарныхъ своихъ зачаткахъ не есть рабовладѣльческое хозяйство, состоящее изъ одной только личности хозяина и ихъ имущества. Всякое государство предполагаетъ людей, гражданъ, для которыхъ оно и существуетъ.

Кромѣ этого кореннаго недуга ученія Смита, который остается неизлечимымъ у всѣхъ его послѣдователей, оказывается много другихъ недостатковъ, надъ исправленіемъ которыхъ трудятся и теорія и практика. По теоріи Смита подати должны падать на источники дохода, а потому другихъ подоходныхъ податей, кромѣ налога на доходы отъ земли, капитала и рабочей платы, въ существѣ дѣла не можетъ и быть. Всякая лишняя подать портила бы только стройную систему обложенія чистаго дохода. Но сопоставленіе трехъ источниковъ дохода очевидно имѣло въ виду производство богатства; оно совсѣмъ не выясняло вопроса о различномъ значеніи этихъ источниковъ по отношенію къ личности владѣльца. Между тѣмъ равномѣрность подати является главнѣйшимъ вопросомъ податнаго дѣла. Смиту хотѣлось найти такую мѣрку для требованій государства, которая не позволяла бы нарушать развитіе народнаго хозяйства. Подать, падая на доходъ, могла бы только стѣснять производство, но не разрушать его, а самый источникъ подати оставался бы въ полной силѣ и на будущее время. То-же самое разумѣлось и по отношенію къ каждому част-

ному хозяйству. Если бы самое понятіе о доходѣ было одинаково пріурочено къ личности и выражало бы ея податную способность, тогда очевидно подоходная подать по Смиту, т. е. пропорціональная величина дохода, была бы вполнѣ равномѣрною и справедливою. Но самое понятіе о доходѣ, пріуроченное къ тремъ источникамъ, въ числѣ которыхъ на ряду съ имуществомъ поставленъ человѣкъ, очевидно не могло дать общаго выраженія имущественной силы владѣльцевъ разныхъ категорій дохода, а потому и для равномѣрности подати потеряна была общая мѣра. И въ самомъ дѣлѣ, можно ли доходъ, получаемый отрѣзываніемъ купоновъ, сопоставить, какъ равную имущественную силу, съ доходомъ, получаемымъ отъ личнаго труда. Эту-то сторону дѣла Смитъ упустилъ изъ виду; у него одинъ доходъ тѣсно связанъ съ личностію тогда, какъ другой оказывается совершенно объективнымъ. При одномъ изъ источниковъ дохода, именно при рабочей платѣ, въ податномъ вопросѣ дѣло касалось близко человѣка, но здѣсь на него теорія Смита посмотрѣла, какъ на орудіе производства, какъ на имущество, и несомнѣнно, для человѣка было бы гораздо лучше, если бы она и здѣсь совсѣмъ забыла объ немъ, какъ забыла она землевладѣльца и капиталиста, говоря только о налогахъ на доходы отъ ихъ имущества, земли и капитала. Капиталисты и землевладѣльцы отъ этого остались только въ выигрышѣ.

Сами послѣдователи Смита замѣтили, что теорія подати на чистый доходъ съ земли и капиталовъ, при проведеніи ее на практикѣ представляла большія трудности. Она требовала спеціальныхъ разысканій чистаго дохода у каждаго владѣльца, требовала сложной администраціи, и въ существѣ дѣла все-таки облагала не дѣйствительный доходъ, а фиктивный: на практикѣ она должна была ограничиваться предположеніями существованія одинаковаго дохода отъ приблизительно одинаковаго имущества. Она вездѣ предполагаетъ производство даже тамъ, гдѣ его совсѣмъ нѣтъ; по этой теоріи, вездѣ капиталы приносятъ одинаковые проценты, и потому возникаетъ даже вопросъ, нужно ли разыскивать дѣйствительный доходъ и не слѣдуетъ ли установлять подати по фиктивному, такъ сказать нормальному доходу. А если такъ, то подоходная подать на дѣлѣ оказывается имущественною, а не подоходною, потому что доходъ оказывается фикціею, въ среднемъ выводѣ быть можетъ вполнѣ вѣрною, но по отношенію къ отдѣльнымъ лицамъ, при разнообразіи ихъ положеній

и способностей, совсѣмъ несоотвѣтствующею фактическому существу дѣлъ. Подать же, имѣющая въ виду извѣстную долю фиктивнаго дохода, вычисленнаго по цѣнѣ имущества, очевидно будетъ имущественною, а не подоходною. И такъ мы видимъ, что здѣсь дѣйствительный доходъ въ его отношеніи къ владѣльцу и всѣ индивидуальныя особенности положенія послѣдняго совершенно упускаются изъ виду.

Если бы понятіе дохода одинаково относилось ко всѣмъ лицамъ, если бы при этомъ на возрастаніе дохода можно было смотрѣть въ то-же время какъ на пропорціональное возвышеніе имущественной силы владѣльца, тогда теорія Смита была бы вѣрна. Личность гражданина съ ея кругомъ свободы можно было бы оставить въ покоѣ и налагать подать на имущество или, что одно и то-же, на фиктивный доходъ, какъ на хозяйственное явленіе совершенно объективное. Но при исчисленіи чистаго дохода у рабочаго населенія, и теорія и финансовая администрація должны очевидно входить во всѣ индивидуальныя особенности положенія рабочаго, игнорируя совершенно самостоятельность и свободу личности. Здѣсь регламентируются, для вѣрнаго исчисленія чистаго дохода, и количество пищи, и число дѣтей и т д., и потому самый доходъ получаетъ индивидуальный, субъективный характеръ. Здѣсь нѣтъ свободы движенія для личности, здѣсь всякій по теоріи лишній кусокъ хлѣба, всякая по теоріи лишняя копѣйка отнимается отъ потребленія и является чистымъ доходомъ, способнымъ къ подати. Не удивительно поэтому, что у самаго Смита является сознаніе о различномъ значеніи дохода и податной способности у владѣльцевъ разныхъ источниковъ дохода, а у послѣдователей Смита обнаруживается желаніе дать новое значеніе понятію доходъ, — пріурочить его одинаково ко всѣмъ плательщикамъ, придать ему субъективное значеніе, которымъ бы выражалась дѣйствительная податная способность лица, а вмѣстѣ съ тѣмъ было бы найдено основаніе для равномѣрнаго наложенія подати.

Подать, говорятъ они, не можетъ быть чисто объективною, по источникамъ дохода; она должна быть пріурочена къ лицу и соотвѣтствовать его податной способности. По существу дѣла, подать должна падать не на факторовъ производства, не на промыслы, а на доходъ, когда онъ находится въ рукахъ владѣльца, когда болѣе субъективное отношеніе его къ плательщику ближе опредѣляетъ податную способность лица. Между тѣмъ

вся Смитовская система податей основана на понятіи о чистой выручкѣ съ того или другаго промысла. Можно вычислить чистую среднюю выручку напр. съ земледѣльческаго имѣнія, дома, капитала; но какое значеніе имѣетъ эта выручка въ рукахъ владѣльца, въ его субъективномъ доходѣ, — еще ничего неизвѣстно. Если оставить въ сторонѣ понятіе о личности и о самостоятельной сферѣ ея имущественныхъ правъ, и все-таки желать и доискиваться справедливой подати, то нужно, чтобы она представляла одинаковую тягость для всѣхъ, чтобы она сообразовалась съ индивидуальнымъ положеніемъ плательщика, съ его податною способностью. Для дѣла совершенно безразлично, изъ какихъ источниковъ получается доходъ, важно то, какое значеніе доходъ, изъ какихъ бы источниковъ онъ ни получался, имѣетъ для личности. Между тѣмъ въ системѣ податей Смита „личность", говоритъ Шмоллеръ, „какъ членъ посредствующій между податью и государствомъ, забыта. Вмѣсто распредѣленія благъ обращено вниманіе на производство". Съ точки зрѣнія лица, владѣльца, раздѣленіе дохода на три рода — отъ земли, отъ капитала, отъ труда, — не имѣетъ значенія; для него доходъ одинъ. Поэтому въ существѣ дѣла и подать на доходъ должна бы быть одна.

Мысль о единственной подоходной подати, исключающей всѣ другіе подоходные налоги съ отдѣльныхъ факторовъ производства, ведетъ свое начало еще со времени физіократовъ, и въ настоящее время представляется идеаломъ податнаго дѣла. Но идеалъ этотъ ни малѣйше не отклоняется отъ ученія Смита о трехъ источникахъ дохода. При этой единственной подоходной подати, нисколько не отступая отъ ученія Смита, доходъ отъ рабочей платы въ 500 руб. и отрѣзанные 5% купоны съ 10,000 рублей представляются какъ доходы, подлежащіе одинаковому налогу. Отъ этого сведенія доходовъ къ личности и отъ единственной подоходной подати ожидаютъ разныхъ результатовъ. Одни видятъ возможность установленія такого равенства налоговъ, при которомъ подать падала бы дѣйствительно одинаковою тягостью для каждаго, и путемъ прогрессивнаго обложенія уравнивала бы даже неравенство распредѣленія имущества. Другіе, напротивъ, желаютъ создать только одну общую администрацію для общей подоходной подати и исправить тѣ неточности при исчисленіи чистаго дохода, которыя могли быть при Смитовой системѣ подо-

ходныхъ податей, т. е. обратить вниманіе на долги, на издержки производства, и наконецъ на индивидуальныя особенности каждаго хозяйства. Единственная подоходная подать, замѣняющая собою всѣ другіе налоги, остается и до настоящаго времени только идеаломъ, который нигдѣ еще не осуществлялся. Опытъ показалъ, что нѣтъ возможности сколько нибудь правильно опредѣлить чистый доходъ лица, не обращая вниманія на тѣ источники, изъ которыхъ онъ получается. Единственный способъ создать однообразную форму исчисленія доходовъ, находящихся въ рукахъ плательщика, опирается на собственное показаніе, а это показаніе, не смотря на различнаго рода контроль, даетъ весьма плохіе результаты. Полагаться на одну такую подать для всякаго финансоваго хозяйства было бы дѣломъ весьма рискованнымъ. Между тѣмъ желаніе пріурочить къ личности существующіе налоги отъ земли, капитала и труда повело къ мысли, что этого можно достигнуть при помощи еще четвертаго налога, именно общей подоходной подати, которая, при существующихъ налогахъ на доходы отъ факторовъ производства, облагала бы еще доходъ владѣльца (его индивидуальный доходъ), безразлично, откуда бы онъ его ни получалъ. При этомъ налогѣ могутъ быть сдѣланы вычеты долговъ и обращено вниманіе на индивидуальное положеніе плательщика. Противъ такой общей подоходной подати, очевидно далеко уже не единственной, финансовая практика также не могла ничего имѣть. Напротивъ, она посмотрѣла на этотъ налогъ, какъ на весьма удобный для увеличенія средствъ казны, на случай чрезвычайныхъ потребностей. Такимъ образомъ, общая подоходная подать, по крайней мѣрѣ въ теоріи, должна являться какъ дополнительная, какъ коррективъ, къ системѣ подоходныхъ податей, взимаемыхъ съ факторовъ производства. Но даже и противъ такого значенія общей подоходной подати, какъ исправительной и дополнительной, возстаютъ многіе. На практикѣ общая подоходная подать въ большинствѣ случаевъ оказывается просто надбавкою къ существующимъ податямъ, отличающеюся отъ нихъ развѣ только болѣе неправильнымъ и слѣдовательно худшимъ обложеніемъ. Собственное показаніе плательщика, на которомъ главнымъ образомъ построено обложеніе, требуетъ контроля, а контроль возможенъ только при указаніи на источникъ дохода, поэтому подоходная подать въ Англіи подраздѣляется на отдѣльные роды доходовъ, въ существѣ соотвѣтствующіе тремъ факто-

рамъ производства. Въ Австріи же она прямо является въ видѣ простой надбавки, по крайней мѣрѣ по отношенію къ податямъ съ капиталовъ.

Самое появленіе общей подоходной подати, какъ исправительной или добавочной, показываетъ, что ученіе Смита о трехъ источникахъ дохода, на которомъ и построена его система податей, если не совсѣмъ не пригодно, то по крайней мѣрѣ требуетъ исправленій, особенно тамъ, гдѣ, какъ въ податномъ вопросѣ, проведеніе этого ученія въ дѣйствительную жизнь должно было вызвать большія несообразности. Если бы теорію дохода и податей Смита примѣнить къ рабовладѣльческому государству,—то она вполнѣ соотвѣтствовала бы положенію дѣлъ. Но въ приложеніи къ свободному населенію европейскихъ государствъ она совсѣмъ не выдерживаетъ критики.

Между нѣмцами Германъ первый хотѣлъ понятіе дохода пріурочить прямо къ личности [1]). По его ученію, доходъ есть сумма хозяйственныхъ благъ, которыя могутъ быть употреблены субъектомъ на удовлетвореніе его потребностей, не уменьшая его имущества. Для всякаго плоды его труда и его имущества суть первоначальный доходъ; производный имѣетъ только тотъ, кто не имѣетъ такихъ плодовъ, т. е. живетъ только доходами другихъ. Какъ рабочій, такъ и чиновникъ, живутъ своими доходами, также какъ и капиталисты. Всякая страна живетъ своимъ доходомъ, а не капиталомъ или доходомъ другихъ. Къ доходу принадлежатъ всегда также всѣ непосредственно, т. е. безъ обмѣна потребляемые или полезные плоды труда и имущества. Національный доходъ есть только сумма доходовъ отдѣльныхъ лицъ. Необходимыя потребности, или потребности сообразныя положенію рабочаго, не слѣдуетъ вычитать изъ его дохода, для того чтобы получить такъ называемый чистый доходъ, а также и изъ національнаго дохода сумму, для содержанія постояннаго числа подростковъ. Перваго не слѣдуетъ дѣлать потому, что оно опирается на ложномъ понятіи излишка у предпринимателя, введенномъ въ науку о доходѣ, а послѣдняго потому, что, какъ думаетъ Германъ, воспитаніе подростковъ рабочихъ происходитъ само собою, вслѣдствіе естественнаго чувства родителей. Основаніе здѣсь то, что воспитаніе подростковъ есть

---

[1]) См. Schmoller. Die Lehre vom Einkommen. Zeitschr. für G. S. 1863, 1 Heft, и Hermann, Staatswirthschaftliche Untersuchungen. München 1870, стр. 582 и слѣд.

уже наслажденіе, тогда какъ издержки на средства производства еще не наслажденіе, и не могутъ разсматриваться какъ удовлетвореніе потребностей. Забота о пополненіи рабочей силы въ обществѣ не достигаетъ сферы жизни отдѣльнаго лица, которому принадлежитъ доходъ. Для продолженія своей дѣятельности рабочій или промышленникъ не нуждается въ производствѣ дѣтей. Для націи конечно нужно, чтобы поддерживалось поколѣніе рабочихъ, но эта цѣль достигается законами высшаго порядка. Она не входитъ въ область хозяйственныхъ цѣлей лица. Вслѣдствіе только одной аналогіи между затратами капитала въ отдѣльномъ хозяйствѣ и издержками воспитанія рабочаго класса для народнаго хозяйства не слѣдуетъ еще называть этихъ двухъ разныхъ фактовъ однимъ и тѣмъ же именемъ; ибо не все то подходитъ къ народному хозяйству, что подходитъ къ хозяйству частному. Конечно, этимъ не сказано, что рабочая плата не должна быть такъ высока, чтобы можно было воспитывать дѣтей. Германъ спрашиваетъ, если доходомъ считать излишекъ надъ необходимыми потребностями, то почему вычетъ ихъ дѣлать только у рабочихъ; отчего и не у способнаго къ работѣ рентьера? А если основа вычета — возможность не нарушать производства дальнѣйшаго, то почему не подлежатъ этому вычету всѣ производительные люди? Въ приложеніи къ человѣку, съ точки зрѣнія субъективной на доходъ, Германъ совершенно отвергаетъ понятіе о валовомъ и чистомъ доходѣ. Онъ говоритъ, что валовой и чистый доходъ существуетъ съ точки зрѣнія предпринимателя, дѣловаго механизма, отдѣльнаго производства, однимъ словомъ, съ объективной точки зрѣнія, но съ точки зрѣнія личности существуетъ только доходъ. Конечно, не всякое поступленіе (приходъ) есть доходъ. Выручка купца — не вся его доходъ. Тогда какъ все ученіе Рикардо только на это и опирается. Смѣшеніе валовой и чистой выручки (Ertrag) съ такъ называемымъ валовымъ и чистымъ доходомъ повело къ смѣшенію и ложнымъ выводамъ, что напр. одна часть націи живетъ чистымъ, другая валовымъ доходомъ. Рабочій получаетъ плату изъ валовой выручки предпринимателя, но не изъ валоваго дохода націи. Итакъ, по Герману, слѣдуетъ отличать понятіе доходъ отъ понятій валовой и чистой выручки. Если удержать выраженія чистый и валовой доходъ, какъ у Вернгарди, Рошера и др. учениковъ Германа, то валовой доходъ — это вся получка лица, а чистый доходъ есть доходъ въ смыслѣ Германа. Тѣхъ же воззрѣній на доходъ держится и

Шмоллеръ. Доходомъ, говоритъ онъ, мы называемъ сумму средствъ, которую отдѣльное лицо можетъ употреблять для себя и для своего семейства, для душевныхъ и тѣлесныхъ потребностей, для своихъ наслажденій и цѣлей, короче, для развитія личности, не уменьшая въ то же время своего имущества. Доходъ—это есть только категорія выручки. Это не продуктъ какого либо хозяйственнаго разсчета, а есть живое цѣлое, какъ оно вытекаетъ изъ понятія о личности въ ея связи съ удовлетвореніемъ потребностей. Съ процессами производства доходъ этотъ состоитъ только въ посредственной связи. Къ доходу слѣдовательно принадлежитъ не только оказавшаяся при обмѣнѣ чистая выручка (Reinertrag) того или другаго продукта, той или другой сдѣлки, но всякое непосредственное потребленіе, которое оказывается въ пользованіи собственнымъ домомъ, собственною лошадью, собственнымъ садомъ, или даже состоитъ въ наслажденіи возможностью такого пользованія. Не только то, въ чемъ нуждается самъ человѣкъ, но и то, что издерживается для жены и дѣтей, есть для него удовлетвореніе потребностей. Не только то, что составляетъ издержку роскоши, входитъ здѣсь въ счетъ, не только то, что можетъ быть сбережено. Наше понятіе дохода также далеко отъ такъ называемаго чистаго дохода, или излишка въ хозяйствѣ, какъ и отъ такъ называемаго валоваго дохода, т. е. валовой выручки (Rohertrag) или общаго дохода (Gesammteinnahme), которые безъ всякаго отношенія къ личности имѣютъ только сдѣлочное значеніе и о хозяйственной силѣ личности ничего не говорятъ. А нужно твердо помнить, что платежъ подати лежитъ тягостію на личности. Онъ основывается на правѣ и есть, какъ и всякое право, отношеніе воли къ волѣ. Съ тѣмъ или другимъ благомъ (Gut), или кучею благъ, съ доходами, которые не означаютъ ни какой хозяйственной силы личности, государство, какъ личность, не имѣетъ никакой связи; оно вступаетъ въ сношеніе съ внѣшнимъ міромъ и съ процессами единичныхъ хозяйствъ только чрезъ посредника — личность гражданина. Итакъ, по ученію Германа и Шмоллера, понятіе дохода получаетъ чисто субъективное (личное) значеніе, и этотъ-то доходъ долженъ являться объектомъ обложенія. Несомнѣнно, что только такой доходъ, доходъ личности, какъ сумма средствъ удовлетворяющихъ ея потребностямъ, будетъ выражать податную способность. Но что такое будетъ въ этомъ случаѣ доходъ? Не будетъ ли это все имущество, сумма всѣхъ имущественныхъ правъ, принадлежащихъ данному лицу. На первый взглядъ

ученіе Германа и Шмоллера о доходѣ и о податной способности можетъ показаться болѣе Рикардовскимъ, чѣмъ ученіе самаго Рикардо, и при томъ лишеннымъ всякой системы, логической послѣдовательности и всякаго научнаго значенія. И въ самомъ дѣлѣ, вникая въ смыслъ приведенныхъ нами выписокъ, мы приходимъ къ заключенію, что Германъ и Шмоллеръ видятъ доходъ, а слѣдовательно и податную способность, не только въ чистой выручкѣ съ промысла (Reinertrag), но во всемъ потребляемомъ человѣкомъ и его семьею, даже въ возможности такого потребленія. Послѣдній кусокъ хлѣба, лекарство женѣ, рубашка дитяти — все это доходъ, подлежащій налогу. Одно, чего государство не смѣетъ касаться, есть уже сложившійся капиталъ [1]). Все, кромѣ капитала! Этимъ лозунгомъ, передѣланнымъ очевидно для нашего вѣка, можно формулировать ученіе Германа и Шмоллера въ податномъ дѣлѣ.

А между тѣмъ ученіе это представляетъ величайшій шагъ впередъ сравнительно съ ученіемъ Смита. Германъ первый изъ экономистовъ попробовалъ внести въ экономическую теорію дохода и податной способности воззрѣніе на рабочаго, какъ на личность и гражданина. Обратимся къ тѣмъ результатамъ, къ которымъ пришли сторонники ученія Германа о доходѣ въ вопросѣ о податяхъ.

„Мы желаемъ, говоритъ Шмоллеръ, чтобы доходы понимались въ ихъ жизненномъ подраздѣленіи. Во всѣхъ каналахъ и вѣтвяхъ дохода должна быть сдѣлана попытка его опредѣленія, и потому мы не сторонники общей единственной подоходной подати. Шефле говоритъ, что доходъ существуетъ только въ бухгалтеріи,—это вѣрно въ томъ смыслѣ, что, не смотря на реальность удовлетворенія потребностей, нѣтъ въ жизни суммы, которая рѣзко выдѣлялась бы какъ доходъ. Это доказываетъ только ложность желанія установить, какъ идеалъ, подоходную подать, замѣняющую всѣ остальныя. Наша податная система, основанная на доходѣ, совсѣмъ не предполагаетъ возможности настигать (облагать) доходъ, какъ опредѣленную, въ опредѣленномъ пунктѣ существующую сумму. У насъ доходъ долженъ давать только пробный измѣрительный камень для отношенія различныхъ податей между

---

[1]) Но и капиталъ, чтобы быть капиталомъ, долженъ давать доходъ, который будетъ подлежать податному обложенію. Поэтому, въ силу изложеннаго ученія, еще не создается никакого привиллегированнаго положенія для капитала.—*Ред.*

собою. Высшее единство различныхъ формъ должно охраняться единствомъ мѣры. Общая сумма, которую отдѣльное лицо платитъ въ разныхъ податяхъ, должна приблизительно соотвѣтствовать его доходу. Не отдѣльная подать, а система податей должна имѣть мѣру въ доходѣ. Самое понятіе о системѣ податей безъ этого центра не мыслимо." Далѣе Шмоллеръ говоритъ, что во всемъ онъ согласенъ съ ученіемъ Штейна о податной системѣ, только у Штейна основною мѣрою является чистый доходъ, а Шмоллеръ въ основу своей системы кладетъ Германовскій доходъ.

Посмотримъ же, какимъ образомъ думаютъ достигнуть справедливаго обложенія дохода такіе писатели, какъ Шмоллеръ и Штейнъ. Шмоллеръ не отвергаетъ системы податей съ чистой выручки. Такъ какъ доходъ поддается вѣрному опредѣленію только на основаніи извѣстныхъ внѣшнихъ проявленій, и такъ какъ къ этимъ внѣшнимъ признакамъ принадлежитъ несомнѣнно владѣніе участкомъ земли, домомъ, промысломъ, то при нѣкоторыхъ условіяхъ подать съ чистой выручки будетъ лучшимъ средствомъ обложить части дохода, даваемаго каждымъ изъ объектовъ въ своей средней чистой выручкѣ. А для того, чтобы предметомъ обложенія былъ вѣроятный доходъ личности, а не дѣйствительная выручка, должна существовать подать съ движимыхъ капиталовъ, какъ необходимое дополненіе системы податей съ выручки. Доходъ капиталистовъ, какъ доходъ, будетъ подлежать подати, хотя бы его должникъ за занятыя деньги купилъ землю и съ нея платилъ поземельную подать. Двойнаго обложенія капитала тутъ не будетъ, если только у должника, при наложеніи на него подати, будетъ обращено вниманіе на его долги. Только этимъ вниманіемъ къ долгамъ примирятся система податей съ выручки съ требованіемъ обложенія субъективнаго дохода. Эти вычеты долговъ можно, конечно, дѣлать и при каждой подати въ отдѣльности, но лучше всего при дополнительной подоходной подати. Существованіе этой послѣдней Шмоллеръ оправдываетъ еще и тѣмъ, что подати съ выручки, падающія на объекты, имѣютъ всегда въ виду только среднюю выручку. Въ этихъ границахъ онѣ вѣрнѣе всякой подоходной подати; но такъ какъ онѣ не затрогиваютъ пріобрѣтательной силы хозяина, то обыкновенно должны быть на столько низки, чтобы едва достигать того, что объектъ всякому можетъ дать. Слѣдовательно на дѣлѣ дохода не охватываютъ. Здѣсь-то и не-

обходима подоходная дополнительная подать, которая обнимала бы разомъ заедино всѣ подати съ выручки. Она будетъ пропорціональна уже не средней чистой выручкѣ, а дѣйствительному доходу; но за то она должна быть меньше, такъ какъ ею захватывается не только излишекъ надъ среднею чистою выручкою, но и самая эта выручка. Такъ напримѣръ въ Австріи поземельная подать равняется почти 21% средней чистой выручки, а подоходная отъ 1 до 57%.

Притомъ уже совершенно неумѣстно заботиться о томъ, чтобы средняя выручка приближалась къ дѣйствительной, а также и о томъ, чтобы подоходная подать взималась, какъ пропорціональная прибавка къ прямымъ податямъ съ выручки. Всего менѣе при промысловыхъ податяхъ возможно правильное и полное обложеніе, основанное на объективныхъ признакахъ. Тутъ субъективныя отношенія личности дѣлаютъ все, тогда какъ объективные признаки не даютъ никакого заключенія о выручкѣ. Здѣсь-то подоходная подать, какъ пополняющая, наиболѣе необходима. Въ Пруссіи это давно сознано, и промысловая и подоходная подати разсматриваются, какъ нѣчто цѣлое, и даже взимаются вмѣстѣ. Здѣсь собственно и беретъ свое начало исторія подоходной подати, о которой Штейнъ сказалъ, „что она выражаетъ эпоху господства промысловаго капитала; пока напримѣръ вездѣ господствуетъ трехпольная система, — подать съ чистой выручки будетъ правильна; но когда и земледѣліе дѣлается спекуляціею, тогда нужна подоходная подать; она не задержитъ предпріимчивости уже по своему несовершенству." Такъ какъ подоходная подать является только дополнительною, то отъ нея могутъ быть свободны низкіе доходы; не потому чтобы имъ дѣлать льготу, а потому, что они могутъ быть уже обложены другими, прямыми и косвенными, податями. Подоходная подать главнымъ образомъ должна облагать только высшія, а потому ускользающія отъ этихъ податей, доли дохода. Шмоллеръ замѣчаетъ при этомъ, что тѣхъ же цѣлей можно достигнуть въ этомъ случаѣ системою податей на предметы роскоши и съ потребленія высшихъ классовъ.

Изъ сказаннаго видно, что система податей, предлагаемая Шмоллеромъ, пока не представляетъ существенной разницы передъ системою Рау. Вычеты долговъ могутъ быть сдѣланы и безъ подоходной подати. Желаніе обложить пріобрѣтательную способность владѣльца и доискаться не средней выручки, а дѣйстви-

тельнаго дохода лица, оказывается въ существѣ дѣла только желаніемъ и не получаетъ никакого или самое ничтожное практическое значеніе. Если бы подать подоходная въ состояніи была охватить дѣйствительный доходъ, а не ту же среднюю выручку, тогда очевидно она должна бы обратить вниманіе и на тѣ случаи, гдѣ вслѣдствіе несчастій, неурожаевъ и т. д. дѣйствительная выручка оказывается далеко ниже средней, а также отъ подоходной подати слѣдовало бы требовать, чтобы личная пріобрѣтательная способность владѣльца была обличена во всемъ своемъ многообразіи; между тѣмъ мы видимъ, что Шмоллеръ требуетъ прибавки, подъ видомъ подоходной подати къ податямъ съ выручки, но только не пропорціональной, а съ колебаніемъ напр. отъ 1% до 5% въ виду индивидуальныхъ особенностей доходовъ. Само собою понятно, что въ дѣйствительной жизни особенности въ доходахъ, зависящія и отъ личности хозяина и отъ другихъ условій, представляютъ далеко большія колебанія. Наконецъ при трудности опредѣлить всѣ особенности въ доходахъ лицъ, отсутствіе объективныхъ основаній, кромѣ тѣхъ, на которыхъ исчислена средняя выручка, ведутъ къ тому, что подоходная подать сдѣлается пропорціональною выручкѣ, а слѣдовательно простымъ возвышеніемъ налога. Тоже самое можно сказать и по отношенію къ промысловымъ податямъ. Развѣ подоходная подать создаетъ какіе нибудь новые способы обложенія промысловъ, которые уже не практиковались бы или, по крайней мѣрѣ, не могли бы практиковаться при простомъ промысловомъ налогѣ, обращающемъ вниманіе на долги. Величина капитала постояннаго, оборотнаго, мѣстность, помѣщеніе, потребленіе, собственное показаніе, развѣ это не такіе признаки, которыми могутъ пользоваться промысловые налоги, и развѣ подоходная подать можетъ создать новые, неприменимые въ промысловомъ налогѣ. Не будетъ ли она простымъ увеличеніемъ промысловаго налога, только съ новою сложною организаціею? Что же касается налоговъ на рабочую плату, то хотя Шмоллеръ и не одобряетъ косвенныхъ налоговъ, и старается обложеніе высшихъ доходовъ, посредствомъ податей съ потребленія и на роскошь, привести въ равновѣсіе съ обложеніемъ низшихъ доходовъ, но, какъ мы увидимъ дальше, вопросъ объ обложеніи рабочей платы у него рѣшенъ далеко хуже, чѣмъ даже у Рау. Теперь разсмотримъ ту систему податей, какая выработана Штейномъ. Если мы, говоритъ Штейнъ, и отклоняемся отъ понятій Германа и Шмоллера

(о доходѣ), то только въ томъ, что мы главнымъ образомъ напираемъ на движеніе дохода, ускользающее отъ всякаго измѣренія, и поэтому именно считаемъ это понятіе неспособнымъ быть положеннымъ въ основу обложенія. Поэтому, разсматривая вопросъ объ объектѣ подати, Штейнъ говоритъ, что съ 19-го столѣтія пришли къ убѣжденію, что самихъ капиталовъ измѣрять не слѣдуетъ, а только выручку. А политическая экономія указала, что даже тамъ, гдѣ прямо нельзя опредѣлять выручки, она косвенно должна находиться; такъ является счетная выручка, способность къ выручкѣ (Ertragsfähigkeit), и дѣлается объектомъ. Но это понятіе объ объектѣ (или предметѣ податнаго обложенія) по существу вытекаетъ изъ природы дохода, поэтому мы скажемъ, что всякій самостоятельно отличаемый факторъ экономическаго дохода почитается объектомъ. Рядъ объектовъ не замкнутъ; но понятно, что податная обязанность исчезаетъ въ моментъ, когда дохода не оказывается, хотя бы и было имущество и большей цѣнности (драгоцѣнныя коллекціи и т. п.). Слѣдовательно цѣнное имущество и податной объектъ не одно и то-же. Но за то субъектъ сдѣлается объектомъ, потому что хозяйственная сила его является источникомъ дохода. Изъ сказаннаго получается общее правило, что формы и виды выручки опредѣляютъ и самую систему податей, а установленіе для каждой изъ этихъ податей особой мѣрительной единицы даетъ возможность создать равенство между ними или гармонію въ цѣлой системѣ. Особая организація наложенія отдѣльныхъ видовъ податей приводитъ ихъ къ тремъ главнымъ категоріямъ: прямыя, косвенныя и подоходная:

А) Прямыя подати составляютъ видъ податей, которыхъ основаніемъ служитъ та часть дохода, которая производится капиталомъ. Общее всѣмъ имъ,—капиталу вообще, — что онъ обладаетъ самъ по себѣ производительною способностію, т. е. способностію производить доходъ даже безъ индивидуальной дѣятельности владѣльца. Далѣе имъ обще то, что основа ихъ продолжительна, а потому отъ государства требуетъ общихъ и важныхъ мѣръ, поэтому онѣ должны оплачивать существенную часть правительственной дѣятельности и составлять основу всего податнаго обложенія. Такъ какъ подати эти обезпечены и правильны, и такъ какъ развитіе государственной жизни имѣетъ для нихъ возращательное значеніе, то и подати эти должны возрастать. Самое обложеніе этихъ факторовъ дохода опирается на то, что измѣреніе ихъ участія въ доходѣ основывается на нихъ самихъ,

а не на индивидуальныхъ усиліяхъ или способностяхъ тѣхъ, кто ихъ производитъ. Отсюда для подати безразлично, какой въ дѣйствительности существуетъ доходъ. Всякая прямая подать должна платиться, если бы и не было никакого дохода. Только потеря субстанціи (имущества, источника дохода) освобождаетъ отъ подати. Итакъ при измѣреніи не должно обращать здѣсь вниманія на дѣйствительный доходъ. Нужно мѣрить самостоятельно мыслимую и исчисляемую способность выручки, а чтобъ ее найти, нужно подвергнуть измѣренію самый капиталъ, и потомъ его выручку. Такимъ образомъ всякая прямая подать имѣетъ два вида объектовъ и единицъ. Первый — капиталъ; тутъ измѣряется величина отдѣльнаго имущества, подлежащаго налогу. Второй — самостоятельно исчисленная для капитальной единицы единица выручки. По послѣдней опредѣляется уже окладъ самой подати. Здѣсь уже видно отличіе отъ косвенныхъ налоговъ, при которыхъ выручка совсѣмъ не исчисляется, и отъ подоходной подати, гдѣ исчисляется не нормальная, фискальная, а дѣйствительная выручка. Но и прямыя подати не одинаковы. Разница въ участіи капитала даетъ основу двумъ большимъ группамъ, изъ которыхъ каждая образуетъ особыя системы податей. Это во 1) подати съ выручки (Ertragsteuer) и 2) промысловыя подати (Erwerbsteuer). Особенность первыхъ заключается въ томъ, что на личный капиталъ не обращается никакого вниманія, а только на вещественный капиталъ, капиталъ цѣнностей, въ его способности къ выручкѣ. Здѣсь ясно отличается единица капитала отъ единицы выручки; измѣреніе получаетъ объективность и прочность, что придаетъ подати, при невниманіи къ дѣйствительному доходу, характеръ гипотеки. Виды податей съ выручки: 1) поземельная, 2) домовая и 3) подать на проценты съ денежныхъ капиталовъ (Rentensteuer). Разрѣшеніе вопроса о томъ, справедливо ли здѣсь оставаться равнодушнымъ къ дѣйствительной выручкѣ, составляетъ переходъ къ подоходной подати. Промысловыя подати основываются напротивъ на томъ, что капиталъ здѣсь разсматривается не какъ самостоятельно дѣйствующій, а какъ примѣняемый къ промыслу личною дѣятельностью. Формы, въ которыхъ это происходитъ, суть промыслы (Gewerbe) и предпріятія (Unternehmen). Конечно, доходъ основывается здѣсь главнымъ образомъ на личномъ капиталѣ, т. е. на пріобрѣтательныхъ способностяхъ личности; но величина вещественнаго капитала, капитала

цѣнностей, и здѣсь важна, ибо съ увеличеніемъ ея увеличивается доходъ, при одинаковыхъ личныхъ способностяхъ. При обложеніи нужно слѣдовательно измѣрить величину промысловаго капитала. Это возможно только тогда, если положить въ основу критеріумъ внѣшняго объема. Но чтобы здѣсь найти прочную мѣру, нельзя уже выходить изъ единицы вещественнаго капитала; тутъ скорѣе нужно попытаться внѣшніе признаки объекта свести къ группамъ и потомъ отдѣльныя хозяйства подвести подъ эти группы. Группы эти лучше всего назвать классами. Слѣдовательно для всѣхъ формъ промысловыхъ податей податною единицею будетъ классъ, а окладъ подати — классный окладъ. Этотъ окладъ, какъ и въ податяхъ съ выручки, не имѣетъ отношенія къ дѣйствительному доходу. Пріобрѣтаетъ промышленникъ или нѣтъ, онъ долженъ такъ же платить, какъ и землевладѣлецъ, ибо окладъ вычисленъ по средней вѣроятной выручкѣ для классной единицы. Итакъ промысловая подать есть такъ же прямая. Но именно при ней вѣроятность большей разницы между предположительно исчисленною и дѣйствительною выручкою гораздо большая, чѣмъ при податяхъ съ выручки. Слѣдовательно подоходная подать имѣетъ здѣсь за собою еще больше мотивовъ. Виды промысловыхъ податей: 1) промысловая, 2) предпринимательская и 3) съ передачъ имуществъ (Verkehrsteuer).

В) Косвенныя подати основываются на простомъ экономическомъ законѣ, что трудъ есть второй великій источникъ дохода. Но объектъ косвенной подати не есть трудъ, соединенный съ настоящимъ капиталомъ, а трудъ, какъ самостоятельный факторъ дохода. Здѣсь очевидно нельзя, какъ въ прямыхъ податяхъ, измѣрить капиталъ, и на основаніи этого капитала опредѣлить способность къ выручкѣ. Ни капиталъ — личность, ни выручка труда, не поддаются измѣренію; слѣдовательно объектомъ подати личность и ея выручка могутъ сдѣлаться только тогда, когда онѣ проявятся въ чемъ нибудь, какъ измѣримый объектъ. Это оказывается только въ одномъ пунктѣ, — именно въ потребленіи, въ которомъ рабочая сила нуждается для существованія. Какъ въ прямыхъ податяхъ опредѣляется не дѣйствительная выручка, а только способность къ выручкѣ, такъ и здѣсь дѣйствительная выручка труда, обложеннаго въ потребленіи, остается безразличною. Работаетъ ли личность или нѣтъ, зарабатываетъ ли она трудомъ, или нѣтъ, — это безразлично собственно для по-

дати съ потребленія. Но ясно, что на дѣлѣ такъ же мало есть рабочей силы, абсолютно отдѣльной отъ обладанія капиталомъ [1]), какъ и потребленія, на которое вліяло бы обладаніе капиталомъ. Это отношеніе къ капиталу разграничиваетъ два класса потребленія и даетъ основу двумъ формамъ косвенныхъ податей: податямъ съ потребленія необходимыхъ предметовъ (Verzehrungssteuer) и податямъ на предметы роскоши (Genussteuer). Объектомъ податей съ потребленія необходимыхъ предметовъ служитъ совокупность всѣхъ тѣхъ предметовъ, которые необходимы для поддержанія всякой личной жизни: хлѣбъ, мясо, соль, жилище, отопленіе и освѣщеніе. Для этихъ податей всякое лице есть безусловно субъектъ. Но въ наше время является и господствуетъ вопросъ, можетъ ли трудъ, отдѣленный отъ капитала, производить дѣйствительный доходъ, и не исчерпывается ли этотъ доходъ расходами на насущное существованіе (издержками производства труда). Если это такъ, то трудъ не есть податная сила, и если его заставить платить подать, то должно или сдѣлать захватъ физическаго трудоваго капитала рабочаго (питаніе плоше, раньше оставляютъ силы), или же рабочій, возвышеніемъ платы, переложитъ подать на рядчика. Все это ведетъ къ заключенію, что подать съ потребленія необходимѣйшихъ предметовъ, — хлѣба, мяса, соли, — должна быть уничтожена. Но такъ какъ правительства въ настоящее время дѣлаютъ много для безкапитальнаго труда, и рабочій является вслѣдствіе этого (т. е. вслѣдствіе даровыхъ благъ жизни) съ большею или меньшею способностью къ чистой выручкѣ, то здѣсь оказывается возможною классная подать по признакамъ потребленія. Итакъ вся система косвенныхъ податей сводится: 1) къ податямъ съ потребленія классным и 2) податямъ на предметы роскоши.

C) Дѣйствительная подоходная подать является безусловно необходимымъ дополненіемъ къ системѣ податей. Какъ прямыя, такъ и косвенныя подати, исчисляютъ фиктивную (т. е. предполагаемую) выручку, безъ вниманія къ дѣйствительному доходу. Поэтому обложеніе только прямыми и косвенными податями

---

[1]) Вся эта весьма остроумная и новая теорія косвенныхъ податей (съ потребленія), изложенная Л. Штейномъ въ послѣднемъ изданіи его курса финансовъ, не только не получила господства въ наукѣ, но до сихъ поръ не нашла для себя приверженцевъ. Противъ нея можетъ быть сдѣлано слишкомъ много возраженій и она слишкомъ мало вяжется съ основными началами податей, чтобы можно было ожидать ея упроченія и въ наукѣ и въ практикѣ.

Ред.

грѣшило бы и противъ дѣйствительности и противъ справедливости. Творящая сила разницы въ массѣ дохода при одинаковомъ капиталѣ — есть индивидуальность хозяйства (при промыслѣ большею частію личная, а при земледѣліи большею частію вещественная, — выгодное положеніе пр.). Что эта разница есть источникъ подати, — не подлежитъ никакому сомнѣнію. Вопросъ идетъ только о томъ, какъ ее измѣрить. Индивидуальность, какъ таковую, конечно, измѣрить нельзя; нужно слѣдовательно опредѣлить ее въ ея результатахъ, въ доходѣ отъ нея. Доходъ же имѣетъ два вида: онъ является или общимъ доходомъ хозяйства, какъ отдѣльной единицы, или индивидуальнымъ доходомъ отдѣльнаго вида капитала. Въ первомъ случаѣ объектомъ является отдѣльное хозяйство, а источникомъ подати общій доходъ, для котораго единицею служитъ извѣстная денежная сумма (напр. фунтъ стерлинговъ), а окладомъ подати проценты этой единицы. Во второмъ случаѣ общій доходъ распадается на отдѣльные элементы и разсматриваются особенности дохода отдѣльнаго источника подати; такъ что здѣсь каждая подать на выручку пріобрѣтаетъ способность возвышаться по особенностямъ своего источника. Отсюда, въ первомъ случаѣ подоходная подать является самостоятельною (система англійская). Во второмъ же случаѣ (система континентальная), обложеніе дохода является, какъ возвышеніе окладовъ прямыхъ и косвенныхъ податей. Такъ что здѣсь возможно возвышеніе одной подати и оставленіе безъ перемѣны и даже уменьшеніе другой [1]).

Такова въ существѣ послѣдняя и совершеннѣйшая постановка вопроса о подоходныхъ налогахъ. Теорія податей Штейна почти всѣми въ Германіи признается за послѣднее слово въ наукѣ [2]).

Остановимся нѣсколько на этой системѣ и постараемся дать себѣ отчетъ въ томъ, на сколько система податей Штейна можетъ удовлетворять требованіямъ современной государственной жизни.

---

[1]) Lorenz von Stein, Lehrbuch der Finanzwissenschaft, 3 Auflage.

[2]) За исключеніемъ однако теоріи косвенныхъ податей (см. предъидущее примѣчаніе), которая и самимъ Л. Штейномъ едва-ли разсматривается какъ последнее слово, и по всей вѣроятности будетъ имъ переработана (подобно многимъ другимъ его ученіямъ). Что касается до *подоходной* подати (какъ самостоятельной и специфической, отличной отъ всѣхъ прочихъ прямыхъ податей), то глубокій взглядъ Л. Штейна на эту подать впервые опредѣлилъ ея существо и ея мѣсто въ системѣ податей. Этотъ взглядъ едва-ли можетъ быть оспоренъ. *Ред.*

Прежде всего Штейнъ, хотя и соглашается во многомъ съ Шмоллеромъ и Германомъ, но остается вѣрнымъ Смиту. Его прямые налоги съ земли, домовъ и капиталовъ движимыхъ, оказываются податями съ выручки (т. е., чистаго дохода) по принципу, и при томъ не съ дѣйствительной, а съ мыслимой или вѣроятной выручки. Почему, спрашивается, эти налоги называются подоходными, а не имущественными? Если одна десятина земли стоитъ 100 р., мыслимая выручка равна 4 р., а подать 1 р., то безъ сомнѣнія, на дѣлѣ, подать будетъ дѣйствительно имущественная, и только фиктивно подоходная. Пріобрѣтательная способность владѣльцевъ остается здѣсь необложенною такъ же по принципу.

Что касается промысловыхъ податей, то здѣсь, на ряду съ оцѣнкою вещественныхъ капиталовъ, идетъ оцѣнка и капитальной стоимости самихъ промышленниковъ.

Здѣсь лице, до полученія результатовъ своего труда, работаетъ въ пользу государства и при томъ, какъ капиталъ. Вмѣсто ревизіи книгъ и баланса предпріятія, куда конечно не входитъ предприниматель какъ капиталъ, устраиваются классы, куда, хотя конечно самымъ поверхностнымъ образомъ, внесено все и вещи, и люди.

Такимъ образомъ классъ все-таки представляетъ собою капиталъ. Мыслимая выручка здѣсь предполагаетъ захватить не только доходъ отъ имущественнаго капитала, но и пріобрѣтательную способность лица, дающую доходъ, подобно всякому другому капиталу. Опять и здѣсь подать является имущественною больше, чѣмъ подоходною, потому что при ней вѣроятность большей разницы между предположительно исчисленною и дѣйствительною выручкою гораздо большая или такая же, какъ и въ ошибкахъ класснаго опредѣленія капитальной цѣнности (каждаго промышленника).

Наконецъ косвенные налоги, на которые Штейнъ смотритъ, какъ на спеціальные налоги на рабочую плату, представляютъ тоже самое. Штейнъ стѣсняется произвести прямо капитальную оцѣнку рабочаго населенія, но все-таки и его раздѣляетъ на классы, которые очевидно ни что иное, какъ капитальная оцѣнка. Здѣсь Штейнъ отказывается также повидимому и отъ мыслимой выручки, но соглашается на классную подать съ потребленія.

Очевидно, что и здѣсь въ существѣ дѣла является ужъ во всякомъ случаѣ не подоходная, а имущественная подать. Итакъ мы видимъ, что всѣ прямыя и косвенныя подати, за исключе-

ніемъ дѣйствительно подоходной, какъ она названа у Штейна, являются въ сущности не подоходными, а имущественными податями.

Вся суть дѣла заключается въ томъ, что прямо приступить къ капитальной оцѣнкѣ промышленниковъ и рабочаго населенія (т. е. къ оцѣнкѣ ихъ личныхъ капиталовъ) представляется дѣломъ нѣсколько затруднительнымъ. Не у всѣхъ послѣдователей Смита и защитниковъ подоходныхъ налоговъ найдется столько мужества и пониманія, какъ у Рау. Рау смѣло снимаетъ занавѣсь съ этихъ подоходныхъ миражей и говоритъ, что общая имущественная подать была бы вполнѣ справедлива, если бы рядомъ съ капитальною оцѣнкою имущества произвести такую же капитальную оцѣнку рабочаго населенія (нужно предполагать, что при этомъ жены и дѣти вошли бы въ дебетъ). Установивъ такую оцѣнку, можно бы прямо наложить общую имущественную подать. Если бы при этомъ и потребовалась мыслимая выручка, то только для однообразной капитальной оцѣнки имущества и рабочихъ, и для того, чтобы указать государству ту высоту подати, которую оно не должно переступать, въ виду возможности захвата капитала. Мысль о капитальной оцѣнкѣ граждавъ на ряду со всѣмъ имуществомъ не пропала даромъ. Шефле занялся разработкою этого вопроса и указываетъ на величайшую важность этой операціи не только для податнаго дѣла, но и для другихъ соціальныхъ вопросовъ, напр. для опредѣленія издержекъ производства гражданъ и т. д. [1]).

Остается дѣйствительная подоходная подать, которая должна (по ученію Штейна) сглаживать индивидуальныя особенности хозяйствъ. Если понятіе о личности и сферѣ ея самостоятельныхъ правъ изъ податнаго вопроса совершенно исключено, то спрашивается, на чемъ должно останавливаться сглаживанье индивидуальныхъ разли-

---

[1]) Мы нисколько не сомнѣваемся въ важности и возможности исчисленія различнаго рода затратъ, напр. на воспитаніе людей, на пріобрѣтеніе ими различнаго рода знаній, физической силы и т. д. Но мы считаемъ совершенно невозможнымъ съ точки зрѣнія общественной науки производить оцѣнку гражданъ. Шефле ссылается на Тюнена, стоявшаго за опредѣленіе цѣнности человѣка. Но «für den gut aristokratischen v. Thünen» это совсѣмъ не заслуга. «Тюненъ сердится», говоритъ между прочимъ Шефле, «на сельское населеніе, которое допускаетъ уводить на долгое время посредствомъ конскрипцій самое цѣнное свое имущество, тогда какъ уводъ коровы или быка вызвалъ бы цѣлое возстаніе». Слѣдуетъ полагать, что, отправляя человѣка на войну, какъ семья его, такъ и государство, несутъ жертву, которая въ цѣломъ не имѣетъ ничего общаго съ быками и коровами. См. das Gesellschaftliche System der menschlichen Wirthschaft. Von Schäffle 3 Auflage 1873, т. I, стр. 263.

чій въ хозяйствѣ. Что должно значить требованіе равномѣрности налога, желаніе, чтобы подать падала одинаковою тягостью на всѣхъ, чтобы каждый чувствовалъ одинаковое лишеніе? Если это дѣлается во имя человѣческаго лица, а не личности, то подоходная подать должна взяться за трудную задачу привести въ равное положеніе всѣхъ. Здѣсь очевидно не помогутъ даже Фехнеровы Empfindungs-wellen (волны ощущеній). Тутъ сами собою напрашиваются всевозможные прогрессивные налоги и т. д. Но Штейнъ, какъ мы видимъ, въ своей дѣйствительной подоходной подати совсѣмъ иначе относится къ дѣлу. У него сглаживаніе индивидуальныхъ различій въ существѣ ограничивается незначительными прибавками къ имущественнымъ податямъ и исправленіемъ неправильностей капитальной оцѣнки. Въ этомъ отношеніи дѣйствительная подоходная подать оказывается на ряду съ другими податями вторымъ, и также напраснымъ покушеніемъ превратить поимущественное обложеніе въ подоходное. Остается слѣдовательно одно несомнѣннымъ, что система подоходныхъ податей, какъ у Рау, такъ и у Штейна, въ существѣ дѣла сводится къ имущественной подати, при которой рабочее населеніе разсматривается какъ имущество; оно приводится въ оцѣнку, и подать налагается сообразно не дѣйствительной, а фиктивной, мыслимой выручкѣ, которая нужна только для того, чтобы не задѣть уже сложившагося готоваго капитала, все кромѣ капитала! Справедливо ли такое отношеніе къ своимъ гражданамъ?

Не можетъ быть сомнѣнія, что та предпринимательская точка зрѣнія на государство и на его экономическую жизнь, которую мы находимъ въ школѣ Смита-Рикардо, совершенно немыслима для установленія юридическихъ отношеній между государствомъ и гражданиномъ. Только въ томъ случаѣ, если бы мы желали разсматривать общество какъ хозяйство, съ точки зрѣнія, возможно большаго накопленія капиталовъ у одной только части населенія, успѣвшаго накопить его, только тогда такая точка зрѣнія могла бы быть пригодна. Но очевидно, накопленіе капиталовъ, а тѣмъ болѣе въ рукахъ только одной части населенія, не можетъ быть цѣлью для общественной жизни. Существованіе и развитіе личности, существованіе и развитіе государства, — вотъ тѣ исходные моменты и цѣли, на которыхъ зиждется общественная жизнь, и которымъ служитъ и должна служить всякая общественная наука. Съ этой точки зрѣнія вся экономическая дѣятельность народа есть сумма отдѣльныхъ дѣйствій, имѣющихъ имущественный характеръ, и сумма результатовъ этихъ

дѣйствій. Но ни эта дѣятельность, ни эти результаты, не исчерпываютъ жизни отдѣльныхъ людей и цѣлаго общества. Напротивъ, они всегда являются и должны являться съ служебнымъ характеромъ и получаютъ смыслъ, значеніе и самое бытіе только ради человѣка и ради государства.

Желаніе со стороны Германа и его школы радикально исправить воззрѣніе на доходъ, установившееся у Смита и особенно у Рикардо, заслуживаетъ полнаго вниманія. Для общественныхъ и политическихъ наукъ, а также и для практической жизни, не можетъ быть никакого примѣненія того ученія, которое на существованіе государства и личности смотритъ, какъ на издержки производства чистаго дохода. Если доходъ этотъ принадлежитъ предпринимателямъ-капиталистамъ, которые принуждены дѣлиться, къ великому сожалѣнію Рикардо, съ поземельными владѣльцами, какъ монополистами земли, болѣе надѣленной естественными производительными свойствами; если все остальное, — государство съ его органами, и населеніе, живущее трудомъ,—оказываются хозяйственными учрежденіями съ значеніемъ страховаго капитала, машины, рабочаго скота и т. д., то для вопроса о податяхъ, къ какимъ же другимъ рѣшеніямъ можно было прійти, какъ не къ тѣмъ, къ которымъ пришли Рикардо и Смитъ, т. е. что хозяева, капиталисты и отчасти землевладѣльцы должны содержать на свой счетъ, какъ неизбѣжное зло, и государство и остальныхъ его гражданъ, и содержать конечно въ такомъ видѣ, въ какомъ это необходимо для полученія большаго дохода. Желаніе очистить это ученіе, поставить его на другую точку отправленія, и сдѣлать изъ него дѣйствительно пригодную науку для государственной жизни, составляетъ несомнѣнную заслугу Германа. Ему по крайней мѣрѣ приписываютъ первоначальную обработку политической экономіи въ томъ направленіи, котораго держатся въ Германіи, и которое, хотя потеряло значительную долю стройности и послѣдовательности математическихъ выводовъ Рикардо, но за то получило болѣе жизненное значеніе. Не даромъ многіе представители экономической науки въ современной Германіи, какъ Рошеръ, Книсъ, Умпфенбахъ, Шефле и др., считаютъ себя учениками Германа.

Попытка Германа и его учениковъ свести понятіе о доходѣ съ объективной точки зрѣнія производства, или, лучше сказать, съ точки зрѣнія предпринимательской, и пріурочить это понятіе къ человѣку, къ личности, дать ему субъективное значеніе, дала

все-таки хорошіе результаты. Она возбудила вопросъ о личности въ податномъ дѣлѣ; она дала возможность посмотрѣть на національный доходъ, на интересы личности, народа и государства съ точки зрѣнія гражданскаго и государственнаго благосостоянія, а не съ точки зрѣнія возможно большаго процента на капиталъ, какъ у Рикардо. Это желаніе пріурочить доходъ къ личности могло бы повести къ признанію личности, ея господствующаго значенія въ области экономіи, какъ и въ области всѣхъ другихъ общественныхъ наукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ признанію государства, какъ высшей формы человѣческаго общежитія. Само собою ясно, что если ужъ указываютъ на доходъ, какъ на лучшій объектъ податнаго обложенія, то установленіе политическою экономіею правильнаго понятія о доходѣ для финансовой науки и практики должно бы имѣть громадное значеніе. Но также ясно и то, что всѣ понятія, совѣты и наставленія политической экономіи, всѣ выводы такъ называемой пользы, могутъ быть принимаемы, какъ финансовою наукою, такъ и финансовою практикою, только въ такой мѣрѣ, въ какой они не противорѣчатъ справедливости, природѣ государства и человѣка, и не нарушаютъ основныхъ правъ государства, личности и собственности. Личность и собственность въ жизни европейскихъ государствъ суть понятія, которыми нельзя пользоваться такъ или иначе, по произволу, соображаясь съ тою или другою теоріею. Обыкновенно въ основныхъ, конституціонныхъ законахъ, на ряду съ постановленіями объ устройствѣ верховной власти въ государствѣ, являются постановленія о правахъ личности и собственности. Такимъ образомъ, не только административная власть оказывается безсильною измѣнять или толковать эти постановленія по произволу, но даже законодательная власть, въ обыкновенной своей дѣятельности, связана постановленіями основныхъ, конституціонныхъ законовъ [1]). Тамъ, гдѣ законъ признаетъ личность,

---

[1]) Четыре рода установленій въ составѣ общежитія необходимы: 1) установленіе предѣловъ собственности личной; 2) собственности вещественной; 3) установленіе верховной власти, и 4) установленія нравственныя. Собственность лица есть власть человѣка надъ собственными его силами, какъ душевными, такъ и тѣлесными. Власть сія основана на первобытной власти духа надъ душою, и души надъ тѣломъ. Сіе называется личностію, самостоятельностью (personnalité). Собственность имущественная есть власть надъ тѣмъ, что произведено или пріобрѣтено нашими силами. Та и другая власть присвоены человѣку отъ Бога, какъ естественное достояніе разума его и воли. По сему начало ихъ не есть въ общежитіи. (Руководство къ познанію законовъ соч. графа Сперанскаго 1845 года §§ 44—48).

тамъ онъ человѣка и гражданина умѣетъ рѣзко противупоставить имуществу. При существованіи рабства, законъ съ строгою, даже цинической послѣдовательностью отличаетъ раба, вещь, орудіе, имущество отъ гражданина, субъекта правъ, личности. Смѣшивать такія радикально противоположныя понятія, въ угоду какой бы то ни было теоріи, оказывается дѣломъ немыслимымъ для практической европейской государственной жизни. Напротивъ, было бы желательно перенести эти основныя понятія гражданской жизни въ область экономіи, потому что только тогда и могло бы быть упрочено за нею значеніе общественной науки.

Германъ и его школа прежде всего прямо отвергаютъ воззрѣніе на рабочаго, какъ на орудіе производства и на рабочую плату, какъ на издержки производства рабочей силы. Это признаніе личности не улучшаетъ повидимому положенія рабочаго непосредственно, и не устраняетъ возможности такой низкой рабочей платы, которой едва достаточно для поддержанія физической силы, необходимой для работы; но это признаніе личности рабочаго должно было бы повести къ рѣшенію податнаго вопроса радикально противуположному тому, какое мы находимъ у Смита и его школы.

Если рабочая плата не есть издержки производства, необходимыя для поддержанія рабочей силы, то сами собою падаютъ тѣ требованія вычетовъ изъ рабочей платы, какъ издержекъ производства, которыя предъявлялись школою Смита-Рикардо въ интересахъ производства. Рабочій разсматривается какъ личность, существующая самостоятельно и служащая сама себѣ цѣлью.

Онъ перестаетъ быть машиною, или рабомъ, всѣ потребности котораго не имѣютъ ни самостоятельнаго интереса, и ни малѣйшихъ правъ на удовлетвореніе, если эти потребности не суть естественныя побужденія, способствующія поддержанію рабочей силы и поколѣнія рабочихъ, и при томъ, въ такихъ размѣрахъ, въ какихъ это необходимо для производства богатства. Рабочій у Германа и его послѣдователей поставленъ рѣзко какъ самостоятельная личность и въ борьбѣ его съ природою и въ отношеніи его къ государству. Собственная жизнь, бракъ, рожденіе и воспитаніе дѣтей оказываются не средствами для какихъ-то постороннихъ цѣлей, хотя бы и увеличенія національнаго богатства, а самостоятельными цѣлями, цѣлями жизни свободной личности гражданина. Напротивъ, всѣ тѣ матеріальныя блага, которыя служатъ для удовлетворенія этимъ цѣлямъ, оказываются

простыми средствами. Слѣдовательно все хозяйство, всѣ имущественныя силы человѣка являются въ противуположность его жизни, его цѣлямъ, его потребностямъ, какъ простыя средства, удовлетворяющія этимъ цѣлямъ, этимъ потребностямъ. И по отношенію къ государству рабочій поставленъ, какъ самостоятельная личность, какъ гражданинъ. Государство оказывается существующимъ и для него, какъ и для всѣхъ гражданъ. Оно не признаетъ роковой необходимости и безвыходности положенія рабочаго, не признаетъ рассы или касты рабочихъ, а относится къ личности рабочаго какъ къ гражданину, для котораго государство есть лучшая среда всесторонняго развитія и прогресса. Само собою понятно также, что и въ податномъ дѣлѣ рабочій долженъ стоять въ томъ же положеніи, въ какомъ стоятъ всѣ другіе граждане; и для него, какъ для другихъ, платить подать, если есть податная способность, оказывается такимъ же неизбѣжнымъ дѣломъ, какъ и смерть.

Установивъ въ области экономіи правильное понятіе о личности и государствѣ и ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, школа Германа должна была установить правильное понятіе объ имущественной силѣ гражданъ, о тѣхъ внѣшнихъ признакахъ, по которымъ можно было бы опредѣлить степень этой силы и способности ея къ платежу податей въ пользу государства.

Къ сожалѣнію, въ этомъ именно пунктѣ школа Германа не сдѣлала ничего. Она приняла тѣ категоріи, которыя выработаны были школою Смита, и хотѣла свести ихъ, примирить съ своими воззрѣніями на государство и личность. Въ практическомъ отношеніи результаты оказались хуже, чѣмъ они были у Смита и даже Рикардо. Имущественную силу гражданъ школа Германа видитъ не просто въ имуществѣ, а также какъ и школа Смита въ доходѣ, и при томъ доходъ она находитъ тамъ, гдѣ находила его и школа Смита—въ рабочей платѣ и въ доходѣ съ капитала. Сопоставленіе этихъ двухъ доходовъ, какъ совершенно равносильныхъ источниковъ имущественной силы личности, повело къ совершенно превратнымъ выводамъ въ податномъ вопросѣ. „Доходъ, говоритъ Германъ, есть сумма экономическихъ или способныхъ къ обмѣну благъ (т. е., цѣнностей), которая въ данный періодъ времени прибавляется къ нерушимо продолжающему существовать основному имуществу даннаго лица, и которую оно можетъ употреблять по усмотрѣнію.“ „Доходомъ, говоритъ Шмоллеръ, мы называемъ сумму средствъ, которую отдѣльное лицо можетъ упо-

треблять для себя и для своего семейства, для душевныхъ и тѣлесныхъ наслажденій и цѣлей, короче для развитія личности, не уменьшая въ то же время своего имущества (Vermögen)." Изъ этихъ опредѣленій само собою слѣдуетъ, что подъ доходомъ нужно разумѣть всю [1]) рабочую плату и только чистый доходъ съ капитала. „А такъ какъ, говоритъ Шмоллеръ, наша теорія основана на неоспоримомъ фактѣ, что мѣра матеріальнаго и духовнаго владѣнія находитъ себѣ соотвѣтственное выраженіе въ доходѣ лица, то поэтому мы и смотримъ на доходъ, какъ на масштабъ хозяйственной силы." Поэтому очевидно и подать должна падать въ равной степени только на всю рабочую плату и на чистый доходъ съ капитала, не касаясь самаго капитала. Легко видѣть, что практическіе результаты этой теоріи далеко хуже тѣхъ, какіе мы видѣли у Смита, Рикардо и Рау. Ими рабочій разсматривался какъ капиталъ, а рабочая плата какъ валовой доходъ, изъ котораго нужно было сдѣлать вычетъ издержекъ производства рабочей силы для того, чтобы получить чистый доходъ, способный къ подати, также точно, какъ изъ валоваго дохода, приносимаго имущественнымъ капиталомъ, нужно было сдѣлать вычетъ издержекъ производства, чтобы получить чистый доходъ, способный къ податному взносу. Но новая теорія, особенно Книса, Шмоллера, Гельда, не желаетъ относиться къ рабочему какъ къ капиталу; они признаютъ его самостоятельною личностью; объ издержкахъ производства рабочей силы тутъ не можетъ быть и рѣчи, а потому вся рабочая плата, безъ всякихъ вычетовъ, оказывается такимъ же точно податнымъ источникомъ, какъ и чистый доходъ съ имущественнаго капитала. „Теорія чистаго дохода (Рикардо Рау), говоритъ Шмоллеръ, не только требуетъ болѣе низкаго обложенія нефундированнаго дохода, но указываетъ, что фундированный (происходящій отъ вещественнаго капитала) и нефундированный (происходящій отъ рабочей силы или личнаго капитала) доходы относятся между собою какъ вѣчная и пожизненная ренты и въ такомъ отношеніи должны быть облагаемы. Мы не согласны съ первымъ

---

[1]) За исключеніемъ однако частей рабочей платы, необходимыхъ не только на питаніе рабочей силы (насущное существованіе), но и на содержаніе (накопленіе капитала для этого) во время болѣзни, старости и проч. При такомъ расчетѣ заработокъ въ нисшихъ рабочихъ классахъ не будетъ заключать въ себѣ никакого чистаго дохода и не можетъ быть предметомъ податнаго обложенія. *Ред.*

и являемся противниками втораго. Джонъ С. Милль противъ этой теоріи возразилъ, что временный доходъ болѣе короткое время и подать платитъ, чѣмъ доходъ вѣчный. Всѣ попытки, говоритъ онъ, оправдать претензіи временнаго дохода ариѳметически, другими словами, доказать, что пропорціональная подать не есть пропорціональная подать, содержитъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе. [1]) Если Милль, не смотря на это, защищаетъ, изъ состраданія. болѣе слабое обложеніе нефундированнаго дохода, то мы съ этимъ не согласны. Мы желаемъ не состраданія, а справедливости".

Съ этой именно точки зрѣнія, съ точки зрѣнія справедливости, а не состраданія, постараемся резюмировать податной вопросъ. На личность человѣка и гражданина и на его способности мы не можемъ смотрѣть какъ на имущество, или какъ на капиталъ. Въ этомъ отношеніи мы вполнѣ раздѣляемъ воззрѣнія Шмоллера, и ставимъ такое отношеніе къ дѣлу всей германовской школѣ въ величайшую заслугу. Итакъ, въ податномъ вопросѣ мы имѣемъ прежде всего отношеніе государства къ свободнымъ гражданамъ. Для государства, имѣющаго въ виду не производство цѣнностей, не увеличеніе процентовъ на капиталы, а всестороннее развитіе своихъ подданныхъ, не только личность гражданина, но и всякое имущество, составляющее частную собственность, должно быть одинаково священнымъ и неприкосновеннымъ.

Государство, какъ высшая форма человѣческаго общежитія, какъ организмъ, какъ личность высшаго порядка, пользуется полнымъ безграничнымъ господствомъ (imperium) надъ личностію гражданъ и надъ ихъ имуществомъ. Оно можетъ для своихъ

---

[1]) Часто предполагаютъ, что доходъ долженъ нести подать не по своей ежегодной суммѣ, а по величинѣ своей капитальной цѣнности. Въ такомъ случаѣ очевидно доходъ будетъ измѣряться другимъ масштабомъ, чѣмъ платежъ подати. Капитализируя доходъ, нужно капитализировать такъ же и подать. Если вѣчная рента въ 100 тал. ежегодно платитъ подать въ 10 тал., при капитальной цѣнѣ въ 3,000 тал., то думаютъ, что пожизненная рента въ 100 тал. и при капитальной цѣнѣ въ 1,500 т. должна платить только 5 тал. Но при этомъ забываютъ, что рента въ 3,000 т. капитальной цѣны постоянно изъ года въ годъ платитъ 10 тал., что равно капитальной цѣнѣ въ 360 т., тогда какъ временная рента платитъ 10 т. въ годъ только до смерти владѣльца, что по принятому исчисленію составитъ капитальную цѣнность только въ 150 тал. См. Bergius, Grundsätze der Finanzwissenschaft, 2 Aufl. 1871, стр. 413 и слѣд. Бергіусъ указываетъ впрочемъ на ариѳметическую вѣрность этихъ исчисленій и на невѣрность ихъ при вниманіи къ дѣйствительной податной способности плательщика. Очевидно, что владѣлецъ ренты не оставляетъ свою семью послѣ своей смерти безъ куска хлѣба.

цѣлей требовать отъ гражданъ жизни и всего достоянія. Это господство въ существѣ дѣла ни чѣмъ бы не отличалось отъ частнаго господства лица надъ вещью (собственность), если бы со стороны объекта этого господства не было притязаній на правомѣрный порядокъ. Будутъ ли притязанія эти на правомѣрный порядокъ выходить изъ прирожденныхъ правъ человѣка, или изъ природы и назначенія самаго государства, во всякомъ случаѣ мы видимъ, что эти притязанія имѣютъ жизненныя основы, на нихъ опирался и опирается прогрессъ политической жизни европейскихъ государствъ. Слѣдовательно, несмотря на полнѣйшее господство государства надъ личностію гражданъ, это господство не есть господство надъ вещью, а есть господство надъ личностію, субъектомъ права. Въ самыхъ неограниченныхъ отношеніяхъ своихъ къ гражданамъ государство не должно упускать изъ виду сферы правъ частныхъ лицъ, и правомѣрный порядокъ въ обнаруженіи государственной власти будетъ состоять именно въ томъ, что государство, при всѣхъ своихъ требованіяхъ, при всѣхъ обнаруженіяхъ своей власти, будетъ относиться къ подданному не только какъ къ человѣческой особи, но и какъ къ личности.

Граждане въ государствѣ должны быть самостоятельны, должны пользоваться индивидуальною свободою, которая по Блюнчли есть ихъ частное право. Государство не должно ни само порабощать личности, ни допускать порабощенія со стороны кого-либо другаго въ предѣлахъ своей территоріи. И именно тамъ, гдѣ вслѣдствіе недостатка собственныхъ силъ у подданнаго поддержать независимость своей личности, своей индивидуальной свободы, является опасность порабощенія личности, государство обязано поддерживать эти силы, кормить и призрѣвать безпомощныхъ, все-таки гражданъ, а не индивидовъ (особей). Индивидуальное положеніе гражданъ въ государствѣ не можетъ быть одинаково, пока существуетъ сфера свободы движенія личности, сфера ея правъ. Эта сфера правъ, которая принадлежитъ подданному, должна меньше всего нарушаться государствомъ, и если для государства существуетъ неизбѣжная необходимость вторгаться въ эту сферу, то это вторженіе для справедливости должно опираться на правомѣрный порядокъ и быть одинаковымъ по отношенію къ личности каждаго (равенство всѣхъ передъ закономъ), хотя для каждаго подданнаго въ отдѣльности это вторженіе не можетъ быть одинаковымъ при всемъ разнообразіи, какъ самихъ лицъ, такъ и условій, свободно сложившейся жизни.

Въ свободномъ государствѣ жизнь слагается не изъ однихъ отношеній господства и подчиненія. Вся гражданская жизнь есть масса отношеній равныхъ къ равнымъ, граждан между собою, личностей съ своими правами. Мы видимъ также, что само государство въ отношеніяхъ къ подданнымъ не всегда дѣйствуетъ во имя своей власти, а напротивъ является въ сферѣ частныхъ правоотношеній, какъ казна, какъ частное лицо, и ведетъ дѣла съ гражданами, какъ равное съ равнымъ. Государство, пользуясь своею властью, не должно уничтожать этого строя гражданской жизни, правомѣрнаго порядка въ этой сферѣ, опирающагося на свободу личности.

Такимъ образомъ, при всѣхъ обнаруженіяхъ верховной власти государства надъ подданными, является отношеніе государства къ личности съ сферою ея политическихъ и гражданскихъ правъ.

Во всей области финансоваго управленія мы встрѣчаемъ два рода отношеній между государствомъ и подданными. Одни изъ нихъ опираются на принципъ господства государства надъ подданнымъ и его имуществомъ. Другія являются результатомъ частноправныхъ отношеній казны въ сферѣ имущественныхъ гражданскихъ правъ. Въ первомъ случаѣ, гдѣ отношенія вытекаютъ изъ господства государства и признанія и подчиненія этому господству со стороны подданныхъ, нѣтъ и не можетъ быть и тѣни какихъ либо частноправныхъ сдѣлокъ, договорныхъ правоотношеній и т. д. Отъ подданнаго требуется одно безусловное подчиненіе. Со стороны же государства правомѣрный порядокъ дѣйствій будетъ состоять главнымъ образомъ въ томъ, чтобы въ обнаруженіи своей власти оно одинаково относилось къ своимъ подданнымъ и къ сферѣ ихъ личныхъ и имущественныхъ правъ. Не интенсивностію своей власти, конечно, а именно признаніемъ личности и сферы ея правъ, отличается современное европейское государство отъ всякихъ деспотій, рабовладѣльческихъ хозяйствъ и т. д., гдѣ власть имѣетъ дѣло только просто съ человѣческими особями.

И въ податномъ вопросѣ мы имѣемъ прежде всего не прямое завладѣніе частнымъ имуществомъ, а отношеніе государства къ личности гражданина и къ сферѣ его имущественныхъ правъ. Поэтому-то всякая подать личная, и только на этомъ основаніи является вопросъ о правомѣрности подати и о справедливомъ ея распредѣленіи. Государство могло бы при наложеніи податей со-

7*

вершенно оставить въ сторонѣ разысканіе имущественной силы гражданъ, не вторгаться въ сферу имущественныхъ правъ плательщика, а наложить одинаковую подать на всѣхъ. „Поголовная подать, говоритъ Блюнчли, совсѣмъ не такъ несправедлива, какъ объ ней часто думаютъ“. Но это не вѣрно. Поголовная или подушная подать все равно будетъ нарушать не только сферу имущественныхъ правъ, но будетъ имѣть характеръ личной натуральной повинности, при отсутствіи имущества у плательщика, не говоря уже о неравномѣрности. Вторженіе въ сферу частныхъ правъ въ податномъ дѣлѣ со стороны государства неизбѣжно, а если оно неизбѣжно, то должно быть равномѣрно. Государство должно входить въ разсмотрѣніе имущественныхъ силъ возможно подробное, останавливаясь конечно на такихъ объективныхъ признакахъ, которые оно могло бы одинаково прилагать ко всякому подданному и къ его имущественнымъ правамъ, не навязывая по возможности никакихъ полицейскихъ цѣлей, и не стѣсняя свободы движенія лица, въ кругу своихъ правъ. Для воинской повинности государство отдѣляетъ самую физически здоровую часть населенія, изслѣдуетъ одинаково состояніе здоровья, мѣряетъ ростъ, объемъ груди и т. д. Въ интересахъ общественныхъ и семейныхъ оно дѣлаетъ извѣстныя льготы, и такая форма важнѣйшей жертвы со стороны подданныхъ считается правомѣрною. Цѣлая половина населенія, женщины, оказывается свободною отъ этой повинности. Изъ другой половины освобождаются также всѣ, не имѣющіе для этого дѣла силъ и способностей. Наконецъ по отношенію къ избраннымъ повинность падаетъ не одинаковою тягостію. Не говоря уже о случайностяхъ войны, гдѣ равномѣрное распредѣленіе жертвъ и невозможно, за что конечно и государство не отвѣчаетъ, трусливый будетъ вообще чувствовать большую тягость, чѣмъ храбрый.

Что касается податей, имущественной жертвы, то не будетъ несправедливости, если государство оставитъ въ покоѣ личность и обратится просто къ изслѣдованію ея имущественныхъ правъ. Здѣсь освобождать придется только лицъ совершенно неимѣющихъ имущества; напротивъ всѣ тѣ, у которыхъ имущественныя права существуютъ, какъ бы они ничтожны ни были, должны подлежать подати, развѣ бы государство нашло нужнымъ сдѣлать какія либо исключенія въ видахъ общественныхъ интересовъ. Такимъ образомъ оказывается, что „одни жертвуютъ

государству своею кровью, а другіе своимъ имуществомъ". Но это старинное правило получаетъ въ новой европейской жизни совершенно новое значеніе.

Для того чтобы подать, имущественная жертва, являлась равномѣрною, необходимо, чтобы государство при разсмотрѣніи значенія имущества для личности, а въ особенности при опредѣленіи тягости платежа подати руководствовалось бы такими соображеніями, которыя были бы одинаково приложимы ко всякой личности и ея имущественнымъ силамъ, не смотря на все ихъ разнообразіе. Прежде всего должны быть разысканы такіе объективные признаки, по которымъ можно было бы судить о справедливости подати и объ ея одинаковой тягости для всѣхъ гражданъ. Такъ какъ подать представляетъ собою жертву, лишеніе имущества, то было бы со стороны государства дѣломъ несправедливымъ входить въ оцѣнку тягости подати съ субъективной точки зрѣнія плательщика. Очень можетъ быть, что скупому милліонеру труднѣе разстаться съ рублемъ, чѣмъ расточительному бѣдняку. Да наконецъ такая оцѣнка и невозможна. Съ другой стороны, было бы также несправедливымъ со стороны государства создавать фикцію нормальнаго человѣка и сообразно этой фикціи у однихъ отбирать лишнее, а другимъ пополнять недостающее. Пока люди свободны, они для государства нормальны во всемъ своемъ разнообразіи. Поэтому понятіе о податной способности очевидно должно относиться къ личности, а не только къ человѣческому индивиду. Безъ сферы правъ личности и безъ вниманія къ ней, безграничная власть государства получила бы характеръ власти рабовладѣльца въ своемъ хозяйствѣ, гдѣ податная способность можетъ быть ограничена только смертью раба, вниманіе къ индивидамъ изъ коммерческихъ или другихъ расчетовъ, но на справедливое распредѣленіе тягостей не можетъ быть никакихъ притязаній и никакихъ правъ. Государство, признавая равенство гражданъ предъ закономъ, должно выходить изъ той мысли, что при равномъ имуществѣ и лишеніе одинаковой доли, будетъ одинаково тягостно для плательщика. Такимъ образомъ оказывается, что количество имущества будетъ главнымъ объектомъ подати, а пропорціональное распредѣленіе ея будетъ самымъ справедливымъ. Наглядная картина такой подати представлена весьма удачно Шталемъ. Государство вычитаетъ необходимое для него имущество изъ совокупности всѣхъ имуществъ своихъ подданныхъ (Societätsvermögen) и потомъ изъ остальнаго, не нарушая су-

ществовавшаго распредѣленія, отдаетъ соотвѣтственную долю каждому частному лицу.

Все разнообразіе условій, при которыхъ затрата одинаковой суммы можетъ быть и со стороны государства разсматриваема, какъ не одинаковая тягость, въ существѣ сводится къ двумъ обстоятельствамъ: 1) Какую роль играетъ имущество въ процессѣ борьбы человѣка съ природою изъ-за удовлетворенія своихъ потребностей, т. е. какое значеніе имѣетъ имущество въ его хозяйствѣ, въ производствѣ, и 2) Отношеніе подати, какъ части имущества, къ удовлетворенію потребностей гражданина, т. е. какое значеніе имѣетъ имущество въ потребленіи. Кромѣ этихъ двухъ условій, государство съ своей стороны посредствомъ податей можетъ преслѣдовать свои полицейскія цѣли, какъ въ отношеніи производства, потребленія, такъ и распредѣленія имущества.

Говорятъ, что государство поступитъ несправедливо, если оно, при наложеніи подати, будетъ обращать вниманіе на одно количество имущества, что имущественной силы хозяйства, а слѣдовательно и личности, нужно искать не въ мертвой массѣ вещественнаго добра, а въ живой экономической силѣ производства и въ его способностяхъ удовлетворять потребностямъ хозяина не только въ настоящемъ, но обезпечивать это удовлетвореніе и развитіе въ будущемъ. Обратимся къ производству и въ различныхъ категоріяхъ имущества по отношенію къ производству поищемъ лучшаго объекта обложенія.

Подъ производствомъ богатства мы разумѣемъ борьбу человѣка съ природою изъ-за пріобрѣтенія матеріальныхъ средствъ для удовлетворенія потребностей. Высшая цѣль этой борьбы есть возможно полная побѣда надъ природою, т. е. возможность заставить природу служить человѣческимъ цѣлямъ. До тѣхъ поръ, пока человѣкъ отвоевываетъ у природы только средства для удовлетворенія текущихъ потребностей, потребностей дня, недѣли, года,—дѣло производства не кончено. Оно съ каждымъ разомъ заканчивается только для того, чтобы возобновиться снова. Конца побѣды надъ природою, конца ея подчиненія человѣку еще нѣтъ. При развивающихся потребностяхъ человѣка полная побѣда едва ли и возможна. Только тогда природу можно бы считать вполнѣ подчиненною, если бы она сама служила удовлетворенію потребностей безъ борьбы и усилій со стороны человѣка. Только тогда дѣло производства было бы закончено и побѣда человѣка надъ природою была бы полною. Въ современныхъ обществахъ такая борь-

ба человѣка съ природою является въ формѣ усилій къ пріобрѣтенію имущества, а возможно полная побѣда — въ формѣ накопленія капитала, приносящаго доходъ. По отношенію къ человѣческимъ потребностямъ всѣ категоріи имущества — доходъ, капиталъ, простой заработокъ (рабочая плата), суть средства для достиженія человѣческихъ цѣлей; но далеко не одинаковое значеніе имѣютъ эти категоріи имущества по отношенію къ борьбѣ человѣка съ природою и къ степени его господства надъ нею.

Если только на трудящуюся личность смотрѣть какъ на личность, а не какъ на имущество, то ученіе Смита о трехъ самостоятельныхъ источникахъ дохода оказывается (для податной задачи) несостоятельнымъ. Человѣческій трудъ является главною творящею силою на всѣхъ стадіяхъ производства, во всей борьбѣ человѣка съ природою до полнаго подчиненія ея. При этомъ рабочая плата есть главнѣйшій способъ пріобрѣтенія имущества въ обществѣ и при томъ самый элементарный, и по существу дѣла первоначальный, своего рода завладѣніе. Въ сферѣ производства богатства, т. е. средствъ для удовлетворенія потребностей, рабочая плата является результатомъ самой тяжелой, самой несовершенной борьбы человѣка съ природою. Человѣкъ здѣсь для удовлетворенія своихъ потребностей является совершенно безоружнымъ лицомъ къ лицу съ природою. Только личныя его способности, удача, таланты могутъ дать его труду лучшіе результаты. Только здѣсь онъ тяжелымъ опытомъ научается познавать цѣну земныхъ благъ. Только желаніе выйти изъ такого положенія заставляетъ человѣка усилить и безъ того тяжелый трудъ, ограничивать свои потребности, отдѣлять изъ скудной рабочей платы долю для сбереженія и для образованія капитала. Переходъ человѣка отъ удовлетворенія своихъ потребностей рабочею платою къ удовлетворенію ихъ доходомъ отъ капитала заключаетъ въ себѣ весь процессъ борьбы съ природою, переходъ отъ самаго худшаго къ самому лучшему положенію въ производствѣ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что сопоставлять двѣ противуположныя крайности, рабочую плату и доходъ съ капитала, не трогая самаго капитала, по меньшей мѣрѣ несправедливо и ошибочно. Самое названіе рабочей платы доходомъ неумѣстно, и ведетъ къ ложнымъ заключеніямъ. Если только на самаго человѣка не смотрѣть какъ на имущество, и какъ на капиталъ, то рабочую плату, какъ бы она низка или высока ни была, слѣдуетъ называть не доходомъ, а просто имуществомъ, и при томъ

имуществомъ первоначальнымъ. Мы совсѣмъ не допускаемъ нефундированнаго дохода, доходъ только и можетъ быть фундированнымъ, онъ есть плодъ основнаго имущества. Тѣ, которые въ рабочей платѣ видятъ доходъ и въ тоже время не хотятъ смотрѣть на человѣка, какъ на капиталъ, производящій этотъ доходъ, находятся очевидно сами съ собою въ противорѣчіи. Такъ напр. Штейнъ, болѣе всѣхъ послѣдовательный въ своихъ выводахъ, долженъ былъ или отказаться отъ признанія рабочей платы доходомъ, или признать человѣка капиталомъ. Штейнъ выбралъ послѣднее и за то остался по крайней мѣрѣ послѣдовательнымъ въ своемъ ученіи. Шмоллеръ, признавая за теоріею податей Штейна величайшее значеніе, вторую эпоху въ наукѣ Смита, не могъ однакоже не сдѣлать ему упрека именно въ этомъ отношеніи. „Тогда какъ Германовское воззрѣніе“, говоритъ Шмоллеръ, „болѣе и болѣе распространяется, Лоренцъ Штейнъ пролагаетъ новую дорогу, хотя самостоятельную, но близкую къ англичанамъ. Въ своей системѣ онъ оперируетъ съ понятіями валовой и чистой выручки, но въ руководствахъ политической экономіи и финансовъ, онъ возвращается къ понятію дохода. Какъ ни высоко мы цѣнимъ Штейна, но тутъ съ нимъ не согласны. Здѣсь очевидно неправильное употребленіе слова доходъ, и въ понятіе издержекъ производства введены двѣ величины, которыя слѣдуетъ различать: дѣловые расходы и поддержаніе жизни лица (производителя). Первое есть средство, второе—само для себя цѣль. Пока эти двѣ величины смѣшиваются въ понятіи валоваго дохода, то кажется, что какъ будто человѣкъ ѣстъ и пьетъ, чтобы производить, а не производитъ для того, чтобы жить. Особая подкладка этому ученію о доходѣ дается ученіемъ Штейна о капиталѣ, ибо коль скоро рабочую силу называютъ капиталомъ, то поддержаніе рабочей силы—валовой доходъ, а что за тѣмъ останется, то доходъ чистый. Но можно ли сказать, что капиталъ и рабочая сила одно и тоже? Смѣшеніе этихъ понятій есть отголосокъ не этическаго ученія англичанъ. Особенно неумѣстно оно у того философа, который первый въ экономіи противупоставилъ натуральное личному, и хозяйство назвалъ взаимодѣйствіемъ этихъ двухъ элементовъ. А здѣсь между тѣмъ смѣшиваетъ эти противуположности. Что понятіе капиталъ есть только экономическая категорія, что оно обозначаетъ только производительную цѣлесообразность средства производства, — это правда, — но это не извиненіе. Смѣшивать эти двѣ вещи нельзя.

Капиталъ есть объективный міръ добра, въ его продуктивной цѣлесообразности, а рабочая сила есть человѣкъ въ его продуктивной цѣлесообразности“. Этотъ упрекъ Штейну будетъ совершенно справедливъ тогда, если на человѣка перестать совсѣмъ смотрѣть, какъ на продуктивную цѣлесообразность, а смотрѣть на него какъ на цѣлесообразность высшаго порядка, для которой производство служитъ только средствомъ, а не цѣлью. Тогда очевидно и рабочая плата перестанетъ быть доходомъ, а окажется простымъ и при томъ первоначальнымъ имуществомъ [1]).

---

[1]) Всѣ тѣ попытки, которыя дѣлаются въ новѣйшее время экономистами, напр. Шефле, найти оправданіе Смитовскимъ воззрѣніямъ на личность, или лучше, на отсутствіе личности въ рабочемъ, въ соціально-антропологическихъ розысканіяхъ и изслѣдованіяхъ объ обществѣ и гражданинѣ, оказываются по меньшей мѣрѣ наивными. Пользуясь самыми темными, самыми незаконченными выводами антропологіи, какъ напр. ученіемъ объ индивидѣ, Шефле хочетъ доказать, что человѣка нельзя отличать отъ имущества. «Для самыхъ общихъ положеній общественныхъ наукъ», говоритъ онъ, «особенно для права и государствовѣдѣнія, оказывается дѣломъ величайшей важности положить въ основу и выяснить изъ общественно-опытнаго міра понятіе о соціально-дѣятельныхъ, т. е. внутри человѣческаго общественнаго организма самостоятельно дѣйствующихъ субъектахъ или личностяхъ (Personen, Selbstwesen въ смыслѣ соціологіи)». «Опытъ показываетъ, въ совершенную противуположность въѣвшимся представленіямъ индивидуалистически-атомистическаго ученія объ обществѣ, что соціально другіе субъекты, не «физическія лица» индивидуальной антропологіи, исполняютъ ту массу взаимодѣйствій, въ которыхъ обнаруживается жизнь соціальнаго тѣла. Всякое эмпирически за дѣло берущееся анатомико-физіологико-психологическое наблюденіе соціальныхъ явленій показываетъ намъ дѣятелями не «физическихъ» индивидовъ, а учрежденія (Anstalten), т. е. соціальную ткань и органы, которые сложены изъ персонала и имущества. Жизненная единица соціальнаго тѣла не есть человѣческій индивидъ, а элементарное основное общежитіе индивидовъ вмѣстѣ съ матеріальнымъ добромъ, потребляемымъ и переработываемымъ въ домашнемъ хозяйствѣ, вмѣстѣ съ окружающею матеріею, посредствомъ которой это общежитіе вклеено въ цѣлый организмъ и на него дѣйствуетъ. Эта жизненная единица есть семейство и имущество». «И такъ настоящая субстанція соціальнаго тѣла представляетъ двойной элементарный составъ: субстанцію личную и субстанцію имущественную. Психическія и физическія силы обѣихъ составляетъ фондъ изъ котораго черпаетъ общественное тѣло свои сложнѣйшія движенія. Его содержаніе личнаго вида — есть народонаселеніе, а совокупность внѣшняго добра для соціальнаго взгляда является народнымъ имуществомъ. Внѣшній, окружающій міръ, такъ называемая свободная природа, заключаетъ множество матерій и силъ, которыя могутъ быть полезны или вредны соціальному организму. Личная же и имущественная субстанція соціальнаго тѣла, т. е. народонаселеніе и народное имущество представляютъ собою фонды силъ, которые позитивно или негативно для пользы и для защиты уже принаровлены къ цѣлямъ соціальной жизни. Народъ и народное имущество суть съ одной стороны массы рабочей энергіи и пользованіе вещественнымъ добромъ. Съ другой стороны, они суть эквиваленты издержекъ тѣхъ жертвъ, которыя посвящены были на поставку и воспитаніе лицъ и имущества. Народонаселеніе по новѣйшимъ исчисленіямъ представляетъ цѣнность издержекъ, провосходящую внѣшнее имущество. Народонаселеніе и народное имущество являются отчасти какъ фондъ, основаніе (Stamm), т. е. какъ персоналъ (личный составъ) и капиталъ, часто же въ отдѣльныхъ обнаруженіяхъ ихъ силы, т. е. какъ услуги труда и пользованія имуществомъ.

Теперь мы обратимъ вниманіе на то, на сколько различныя категоріи имущества въ производствѣ, или лучше самыя стадіи производства могутъ служить выраженіемъ имущественной силы личности и податной ея способности. Очевидно, что рабочая плата, какъ элементарное имущество, заключаетъ въ себѣ въ зародышѣ возможность развитія всѣхъ дальнѣйшихъ, высшихъ формъ производства. Она заключаетъ въ себѣ средства для непосредственнаго удовлетворенія потребностей, возможность накопленія имущества и слѣдовательно капитала и дохода. Простой запасъ предметовъ потребленія, при другихъ равныхъ условіяхъ, улучшаетъ и усиливаетъ имущественное положеніе его владѣльца, а

Персоналъ и трудъ, капиталъ и пользованіе суть двѣ разныя стороны одной и той же вещи».

«Заблужденія неизбѣжны отъ того, что соціологическія основныя явленія не всегда твердо удерживаются ученіемъ о государствѣ, и совсѣмъ оказываются стертыми юридическою терминологіею· Совсѣмъ голый человѣческій индивидъ, и только со стороны его частной воли, называютъ личностію, субъектомъ правъ, а рядомъ съ нимъ предъявляютъ «фикціи» личности для самыхъ сложныхъ учрежденій (юридическія лица). При этомъ упускается совершенно изъ виду, что относительно общественныхъ дѣяній, для которыхъ всякое право есть правило, никогда голый человѣческій индивидъ, не говоря уже объ его абстрактной, безсодержательной сторонѣ воли, не обнаруживается реально, а напротивъ индивидъ обнаруживается какъ элементъ соціальной ткани, какъ активный членъ разнообразныхъ учрежденій, въ которыхъ «физическое» лицо или многія физическія лица съ извѣстнымъ имуществомъ соединяются въ одно соціальное, способное къ дѣйствію общее учрежденіе. Даже послѣдній поденьщикъ, если онъ ужъ не совсѣмъ рабъ, т. е. соціальный нуль или неличность (Unperson), выступаетъ при своемъ частноправномъ взаимодѣйствіи съ нанимателемъ, какъ носитель соціально способнаго къ дѣйствію учрежденія, какъ вмѣститель жизни и работы. Даже пролетарій, низведенный до степени рабочаго животнаго, почитается какъ активный элементъ соціально способнаго къ дѣйствію учрежденія, а не просто какъ физическое лицо. Очень жаль, что антропологіею пользуются только для того, чтобы «интегрировать и диференцировать» на напередъ заданныя темы. Но все-таки, при всемъ по видимому произволѣ въ этомъ отношеніи, и при всемъ желаніи поддержать ученіе Смита, человѣкъ и имущество интегрируются плохо. Это тѣмъ болѣе замѣтно у такого писателя, какъ Шефле, который духъ и матерію не считаетъ возможнымъ свести на общее третье. Онъ говоритъ, что соціальная связь людей въ организмѣ и взаимодѣйствіе ихъ чисто духовнаго свойства, что первыхъ задатковъ новой универсальной и духовной, т. е. соціальной интеграціи и диференціаціи достигаетъ органическая природа въ высшемъ и послѣднемъ пунктѣ—въ отдѣльномъ человѣкѣ. Онъ приводитъ наконецъ слова Вирхова, что «междуклѣтчатое вещество (съ которымъ Шефле сравниваетъ имущество) не обладаетъ возбуждаемостью; жизнь отдѣльныхъ частей есть исключительное свойство клѣточекъ (по Шефле—семья). И все-таки онъ считаетъ возможнымъ производить оцѣнку людей, считать рабочую плату доходомъ на капитальную цѣнность человѣка, вводитъ понятіе объ издержкахъ производства туда, гдѣ по его взгляду ничего нѣтъ кромѣ причинъ и слѣдствій, и вообще не можетъ отличить отъ гражданина «ни раба его, ни скота его». Какой смыслъ можетъ имѣть для соціологіи и для практической жизни это ученіе? Не можетъ же государство и право равнять человѣка съ вещью. См. Schäffle, Ueber den Begriff der Person, Zeitschr. für Gesam. Staatsw. 1875. Heft I. Его же Bau und Leben des socialen Körpers. 1875, стр. 55 и слѣд.

тѣмъ болѣе имущественное положеніе дѣлается сильнымъ у того лица, которое обладаетъ капиталомъ, т. е. имуществомъ, приносящимъ доходъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что капиталъ для производства, и вообще для человѣческаго развитія, является громаднѣйшимъ двигателемъ, что быстрое развитіе цивилизаціи, на сколько оно зависитъ отъ матеріальнаго добра, обязано капиталу. Но мы должны помнить, что въ рабочей платѣ лежитъ зародышъ капитала, и что уходъ за первоначальнымъ росткомъ гораздо труднѣе, чѣмъ уходъ за большимъ деревомъ. Государство, заботясь о развитіи благосостоянія всѣхъ своихъ подданныхъ, должно если не особенно покровительствовать рабочему въ стремленіи его къ улучшенію своего положенія, къ накопленію имъ капитала, то по крайней мѣрѣ не создавать несправедливыхъ налоговъ, не закрывать для трудящейся личности возможность накопленія капитала. Покровительствовать накопленнымъ уже капиталамъ и препятствовать накопленію у тѣхъ, которые еще его не имѣютъ, значитъ создавать и усиливать неравенство между людьми и нарушать основное требованіе справедливости, по которому всѣ должны быть равны передъ закономъ. Несомнѣннымъ оказывается, что изъ всѣхъ категорій имущества въ производствѣ одинъ только доходъ на капиталъ является результатомъ уже законченной борьбы человѣка съ природою изъ-за удовлетворенія потребностей, и что при всѣхъ другихъ равныхъ условіяхъ онъ представляетъ по видимому наибольшую податную способность. Но всѣ эти другія условія въ существѣ дѣла и сводятся къ количеству имущества по отношенію къ личности и ея потребностямъ.

Изъ сказаннаго можно прійти къ слѣдующимъ заключеніямъ: государство, заботясь о развитіи народнаго хозяйства, и желая быть справедливымъ въ распредѣленіи податей, должно было бы ограничиваться пріисканіемъ такихъ неизсякаемыхъ, фундированныхъ источниковъ податей, обложеніе которыхъ меньше всего стѣсняло бы личность владѣльца, производство, и, вообще, имущественное положеніе гражданъ. Такимъ источникомъ оказался бы только дѣйствительный (а не фиктивный) доходъ съ капитала, и при томъ за вычетомъ изъ него всѣхъ расходовъ владѣльца на его содержаніе и проценты для приращенія капитала, какъ поощренія къ дальнѣйшему производству и накопленію капиталовъ. Очевидно, прежде всего, что такихъ плательщиковъ

пришлось бы искать съ фонаремъ, а главное было ли бы это справедливо?

Въ состояніи ли государство услѣдить за всѣмъ производствомъ и опредѣлить не только дѣйствительные (а не фиктивные) результаты его, но и всѣ категоріи имущества, входящія въ составъ этого процесса? Если капиталъ есть ни что иное, какъ объективный міръ добра, количество имущества въ его производительной цѣлесообразности, то какъ услѣдить за владѣльцемъ и за его предположеніями, планами и намѣреніями, отъ которыхъ только и зависитъ дать то или другое назначеніе имуществу. Производство есть процессъ, а для государства, при опредѣленіи податной способности, приходится ограничиваться разрѣзомъ этого процесса (въ данный моментъ), который ничего другаго не можетъ показать, кромѣ безразличнаго количества имущества. А потому очевидно, государство, вмѣсто изслѣдованія дѣйствительнаго положенія дѣлъ, совершенно недоступнаго изслѣдованію, если всетаки желаетъ различать категоріи имущества въ производствѣ, должно прибѣгать къ фикціямъ.

Но будетъ ли это справедливо? Не будетъ ли это вторженіемъ со стороны государства въ сферу частныхъ правъ личности. Почему государство непремѣнно должно предполагать производство и при томъ успѣшное, почему капиталы должны непремѣнно приносить проценты? Какъ будто отдача въ займы денегъ безъ процентовъ, или занятіе дѣятельностью, которая вызываетъ одни расходы существующаго имущества, а не приращеніе его, оказываются дѣломъ для государства немыслимымъ. Положимъ, что „капитализировать и постоянно производить есть добродѣтель и обязанность", какъ говоритъ Шефле; но эта обязанность очевидно только экономически нравственная, потому что потребленіе своего имущества, а не умноженіе его, законъ нигдѣ не считаетъ преступленіемъ. А если государство допускаетъ законность такихъ явленій если на личность, въ сферѣ ея имущественныхъ правъ, не налагается производство, какъ непремѣнная обязанность, а предоставляется собственному усмотрѣнію, то возникаетъ вопросъ, какъ установить равенство подати между хозяйствами, изъ которыхъ одно производитъ, а другое только потребляетъ произведенное. Неужели „самостоятельно мыслимая выручка" будетъ здѣсь умѣстна и законна и будетъ лучше выражать экономическую силу этихъ хозяйствъ, чѣмъ простое количество наличнаго

имущества. Очень можетъ быть, что въ громадномъ большинствѣ хозяйствъ производство существуетъ и при томъ производство успѣшное. Но мы говоримъ не о большинствѣ явленій, а о справедливомъ распредѣленіи податей между гражданами, сообразно съ имущественными силами каждаго.

Почему податная обязанность должна исчезать въ моментъ „когда дохода не оказывается, хотя бы и было имущество и большой цѣнности“ (драгоцѣнныя коллекціи и т. д.)?

Не будетъ ли поэтому подоходный налогъ, какъ замѣчали уже многіе, именно штрафомъ на производство. „Лордъ Веллингтонъ“, приводитъ примѣръ Пфейферъ, „велѣлъ вдѣлать въ рамки и повѣсить на стѣну билетъ англійскаго банка въ 100.000 ф. ст. Эта часть его имущества очевидно не должна подлежать подоходному налогу, потому что англійскій банкъ на свои билеты процентовъ не платитъ. Не досадно ли въ самомъ дѣлѣ, что этотъ великобританскій гражданинъ не будетъ обложенъ податью за эту сумашедшую роскошь. Если бы эти 100.000 ф. ст. помѣщены были въ какую нибудь отрасль промышленности, то они помогали бы увеличенію національнаго богатства, потому что при помощи этого капитала были бы произведены новыя цѣнности. Между тѣмъ пока билетъ виситъ въ галлереѣ высокаго лорда, въ сундукахъ англійскаго банка должна праздно лежать соотвѣтствующая сумма серебра, а владѣлецъ билета достигаетъ только одной цѣли: самымъ нагляднымъ, и самымъ не эстетическимъ образомъ, удовлетворяетъ свое чванство, показывая людямъ, какъ онъ богатъ. Почему лордъ Веллингтонъ при этомъ долженъ быть меньше обложенъ податью, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы онъ для пользы своей, а еще болѣе для пользы націи, затратилъ бы эту сумму въ какую нибудь отрасль промышленности. Тоже самое, что сказали мы о банковомъ билетѣ въ 100.000 ф., можно повторить въ томъ случаѣ, если другой лордъ 100.000 ф. затратитъ на свое серебро, а третій столько же употребитъ на брильянты. Вездѣ есть части имущества, которыя могли бы быть употреблены производительно, и гдѣ между тѣмъ владѣлецъ находитъ болѣе личнаго для себя наслажденія оставлять ихъ мертвымъ капиталомъ. Нѣтъ при этомъ никакого основанія, чтобы государство особенно покровительствовало такимъ явленіямъ, скорѣе на оборотъ“. Между тѣмъ подоходная подать не трогаетъ праздно лежащихъ капиталовъ или непроизводительно затрачиваемаго имущества, и потому является поощреніемъ для рос-

коши и почти штрафомъ за прилежаніе. Возьмемъ двухъ людей съ одинаковымъ имуществомъ. Одинъ изъ нихъ употребляетъ свое имущество на полезныя предпріятія, тогда какъ другой растрачиваетъ совершенно непроизводительнымъ образомъ. Одинъ создаетъ новыя цѣнности для пользы всего общества, другой тѣшитъ только себя сумашедшею роскошью. Между тѣмъ послѣдній при подоходныхъ податяхъ оказывается свободнымъ, а первый облагается тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше энергіи и прилежанія оказываетъ онъ, преслѣдуя свои задачи" [1]).

Какъ наконецъ примирить подоходную систему податей съ податями на потребленіе. Очевидно, что всѣ подати, для того чтобы обложеніе было правильнымъ, въ системѣ своей должны быть построены на одномъ принципѣ. Между тѣмъ принципъ обложенія чистаго дохода съ принципомъ обложенія потребленія не имѣютъ ничего общаго [2]). Желаніе и въ потребленіи опредѣлить и обложить только чистый доходъ, и такимъ образомъ подати съ потребленія ввести въ общую систему подоходныхъ податей, оказывается дѣломъ совершенно неисполнимымъ. Попытка Штейна придать косвеннымъ податямъ значеніе налога на чистый доходъ отъ рабочей платы, при всѣхъ діалектическихъ тонкостяхъ аргументаціи, даетъ самые печальные результаты. Такъ оказывается, между прочимъ, что при прямыхъ податяхъ собраніе картинъ, статуй и т. д., вообще имущества, не приносящаго дохода, остается свободнымъ отъ подати по принципу, тогда какъ по тому же принципу слѣдуетъ облагать потребленіе предметовъ первой необходимости [3]). Всѣ надежды изгладить эту несообразность путемъ обложенія предметовъ роскоши нисколько не примиряютъ двухъ совершенно противоположныхъ принциповъ самаго обложенія.

Мы не говоримъ уже о тѣхъ практическихъ результатахъ, къ какимъ приводятъ подоходныя подати въ разныхъ государствахъ. Если бы кто нибудь задался мыслью говорить одно, а дѣлать другое, то по всей вѣроятности не могъ бы достигнуть большаго контраста, чѣмъ тотъ, который существуетъ между теоріею

---

[1]) Pfeiffer. Die Staatseinnahmen. 2 B. 1866, стр. 297.

[2]) Между ними только то общее, что какъ тѣ, такъ и другія подати облагаютъ признаки чистаго дохода: прямыя подати—*положительные* признаки имущества (или прямо доходы), а косвенныя — *отрицательные* признаки (расходы или потребленіе). *Ред.*

[3]) Обложеніе этихъ предметовъ косвенными податями не оправдывается ни современною финансовою наукою, ни теоріей косвенныхъ податей Л. Штейна, которая впрочемъ принадлежитъ ему одному лично (какъ выше сказано).

и практикою подоходныхъ податей въ настоящее время. Стоитъ указать напр. на Англію, гдѣ подоходная подать является почти единственнымъ прямымъ налогомъ и даетъ всего какихъ нибудь 10% общей суммы государственныхъ доходовъ, а остальные 90% получаются почти исключительно отъ косвенныхъ податей. Мало того, изъ подоходнаго налога только половина падаетъ на движимые и недвижимые капиталы, тогда какъ остальная половина падаетъ на рабочую плату.

Всѣ тѣ несообразности, которыя неизбѣжны при подоходныхъ налогахъ, давно уже приводили къ мысли искать другихъ основаній для справедливаго обложенія. Одни совершенно теряли вѣру въ возможность правильнаго податнаго обложенія, и, опираясь на фактъ переложенія (или передвиженія) податей (съ однихъ подданныхъ на другихъ, посредствомъ всѣхъ хозяйственныхъ сдѣлокъ), считали наилучшимъ просто избрать какіе нибудь признаки возможности получить подать, напр. существованіе какихъ нибудь личныхъ способностей у даннаго лица, или владѣніе имуществомъ, правами, или наконецъ направленіе дѣятельности. Эту мысль высказалъ Гофманъ [1]), а за нимъ почти тоже повторяетъ Блюнчли. Но другіе продолжаютъ разыскивать болѣе вѣрное основаніе обложенія чѣмъ доходъ.

Такимъ основаніемъ должно бы конечно являться прежде всего потребленіе, тѣмъ больше, что практическая жизнь давно и усердно пользовалась этимъ основаніемъ. „Жертва", говоритъ Пфейферъ, „которую каждый испытываетъ при всякомъ спеціальномъ расходѣ, зависитъ меньше отъ общей суммы его имущества, или его дохода, чѣмъ отъ отношенія, въ какомъ находится этотъ особый расходъ къ общей суммѣ остальнаго его потребленія". „Это ведетъ насъ къ убѣжденію, что было бы лучше, если бы вмѣсто дохода каждаго за масштабъ при обложеніи принималась сумма его расходовъ. При этомъ осталось бы свободнымъ всякое сбереженіе и каждый для уплаты подати постарался бы сократить только отчасти свои привычные расходы. Конечно, при такомъ податномъ обложеніи всѣ тѣ расходы каждаго, которые принадлежатъ къ необходимѣйшимъ для поддержанія жизни (а не къ расходамъ, соотвѣтственнымъ только общественному положенію), должны быть свободны отъ подати" [2]). Мы согласны съ тѣмъ, что подати съ потребленія

---

[1]) Die Lehre von den Steuern. Von Hoffmann. Berlin. 1840, стр. 63,
[2]) Pfeiffer. Die Staatseinnahmen. B. 2, стр. 17.

были бы лучше податей подоходныхъ; но вопросъ опять сводится къ тому, на-сколько справедливы такіе налоги? Если при податяхъ съ потребленія имѣютъ въ виду обложить не самое наслажденіе потребленіемъ, а просто количество потребляемаго имущества, то возникаетъ вопросъ, почему именно только это имущество выражаетъ собою податную силу, и почему то имущество, которое остается непотребленнымъ, не выражаетъ этой силы и должно быть свободно отъ подати. При такомъ обложеніи очевидно незначительные заработки и небольшое имущество, которые потребляются почти безъ остатковъ, несли бы большую часть налога, между тѣмъ какъ громадные капиталы, при незначительномъ сравнительно потребленіи ихъ владѣльцевъ, были бы почти свободны отъ податей. При такомъ распредѣленіи податей препятствія являлись бы для первоначальнаго накопленія капиталовъ и покровительство капиталамъ, уже накопленнымъ. Очевидно, слѣдовательно, что потребленіе въ этомъ отношеніи не можетъ быть справедливымъ масштабомъ при обложеніи податями. Если же государство при обложеніи потребленія должно имѣть въ виду не количество потребляемаго имущества, а самое наслажденіе потребленіемъ, какъ желали бы нѣкоторые, то такое требованіе было бы уже совершенно невыполнимымъ. Индивидуальный міръ ощущеній для государства закрытъ, и потому для него не можетъ быть здѣсь ни мѣрки для равномѣрнаго обложенія, ни пониманія тѣхъ рѣшеній, къ которымъ приходитъ воля лица въ сферѣ ея имущественныхъ правъ при потребленіи. Самое большее, что можетъ допустить государство, это то, что потребленіе предметовъ первой необходимости во всякомъ данномъ хозяйствѣ одинаково обязательно и не избѣжно, но каково дальнѣйшее назначеніе имущества — это сфера воли собственника. Неужели, говорятъ, государство, берущее у рабочаго послѣдній грошъ, расходуемый на табакъ, не воспользуется случаемъ завоевать себѣ мѣста за столомъ креза, который въ безумныхъ пирахъ расточаетъ свое неисчерпаемое богатство? На это можно сказать, что государству совсѣмъ нѣтъ надобности присутствовать ни на пирахъ, ни на поминкахъ. Во всякомъ случаѣ оно, если и можетъ присутствовать, то только въ качествѣ полиціи, но ни какъ не въ качествѣ сотрудника. Если имущество подданныхъ напередъ опредѣлено, то опредѣлено слѣдовательно и количество подати, а какое дѣлается употребленіе изъ имущества, если только общественныя права не нарушаются, — государству нѣтъ дѣла.

И такъ, при денежномъ хозяйствѣ, гдѣ всякое значеніе имущества и въ производствѣ и въ потребленіи получаетъ количественное выраженіе въ деньгахъ, только это безразличное количество имущества въ его отношеніи къ личности можетъ быть для государства единственнымъ справедливымъ основаніемъ для наложенія податей. Производитъ ли данное лицо, или потребляетъ имущество, сберегаетъ или отдаетъ нищимъ, для государства во всѣхъ этихъ случаяхъ нѣтъ никакого дѣла. Оно не можетъ регулировать и предписывать употребленіе имущества, не вторгаясь въ сферу частныхъ имущественныхъ правъ, не нарушая правъ собственности. Всякія предположенія государства и фикціи (возможно большее производство, возможно меньшее потребленіе и т. д.) будутъ имѣть очевидно полицейскій, а не финансовый характеръ. Но сама природа личности и ея хозяйства вызываютъ сферу самостоятельныхъ частныхъ имущественныхъ правъ, и признаніе ея государствомъ является лучшимъ доказательствомъ ея силы и прогрессивнаго значенія въ экономической жизни общества. Мы не отвергаемъ за государствомъ права регулировать частную экономическую дѣятельность, и если государство находитъ самымъ удобнымъ дѣйствовать путемъ налоговъ, то, понятно, оно можетъ создать различнаго рода налоги, имѣющіе полицейскій характеръ. Оно можетъ преслѣдовать роскошь, потребленіе вредныхъ напитковъ, опіума и т. д., способствовать развитію земледѣлія, внутренней обрабатывающей промышленности и т. д. Но эта полицейская и административная дѣятельность не входитъ въ область нашихъ изслѣдованій, — въ область финансовъ. Мы желаемъ оставаться въ области финансоваго управленія, въ области, гдѣ частныя имущественныя права остаются ненарушимыми, нормальными и правильными, и гдѣ именно признаніе этихъ правъ даетъ справедливыя основанія и мѣру податной обязанности. Нежеланіе поощрять или препятствовать тому или другому дѣйствію, тому или другому явленію, лежитъ въ основѣ отношенія государства къ частной личности и ея хозяйству при наложеніи и распредѣленіи податей, а въ опредѣленіи имущественныхъ силъ во всякомъ ихъ видѣ закону не противномъ, и въ изысканіи объекта, который равно былъ бы справедливымъ для всевозможныхъ хозяйствъ, какими только могутъ онѣ являться у свободной личности гражданина, въ сферѣ его неотъемлемыхъ и нестѣсняемыхъ имущественныхъ правъ. Пусть государство предоставитъ самому собствен-

нику рѣшить вопросъ, изъ какихъ источниковъ слѣдуетъ заплатить подать — изъ рабочей платы, капитала, или изъ дохода. Для государства только итогъ имущества является справедливымъ объектомъ обложенія. Съ этой точки зрѣнія для государства и для финансоваго управленія только и могутъ быть важны всѣ явленія частнаго хозяйства, — производство, сбереженіе, обращеніе и потребленіе имущества. Они могутъ быть признаками, доказательствомъ существованія имущества и его размѣровъ и ничего больше. Намъ могутъ возразить, что если и принимать все количество имущества, принадлежащаго данному лицу, безразлично за объектъ обложенія, то все же слѣдуетъ обратить вниманіе на значеніе этого количества имущества по отношенію къ нѣкоторымъ потребностямъ владѣльца. Если финансовое управленіе и не должно вмѣшиваться во внутреннюю жизнь частнаго хозяйства, то все же оно можетъ отличить и выдѣлить потребности первой необходимости отъ другихъ. На этомъ основаніи можно бы требовать, чтобы то количество имущества, которое необходимо для удовлетворенія первыхъ потребностей владѣльца и его семьи, было бы свободно отъ всякаго налога. На это слѣдуетъ возразить только одно, что и государство не есть предметъ роскоши, а есть одна изъ первѣйшихъ потребностей подданнаго. Обязанность поддерживать государство тѣсно связана съ правами личности и гражданина. Поэтому всѣ попытки основать право гражданина на свободѣ отъ подати имущества, удовлетворяющаго первымъ потребностямъ, намъ кажутся неудачными. Не только воззрѣнія Рикардо и его школы на необходимость вычетовъ, какъ издержекъ производства рабочей силы, намъ кажутся невозможными въ свободномъ государствѣ, но и требованія напр. Мауруса особой льготы для рабочей платы на томъ основаніи, что капиталисты обязаны труду и трудящемуся населенію тѣмъ, что ихъ капиталы приносятъ имъ доходы, намъ кажутся также несправедливыми. Всѣ граждане должны содержать государство, а не одни капиталисты. Наконецъ требованіе освобожденія необходимыхъ расходовъ отъ подати многіе, почти вся германовская школа, а также Д. С. Милль, основываютъ на состраданіи. Но во всемъ разсмотрѣніи подоходныхъ податей мы держались точки зрѣнія только права. Мы желаемъ, также какъ и Шмоллеръ, не состраданія, а справедливости. Можетъ быть, это одно и тоже, но въ такомъ случаѣ, по нашему мнѣнію, въ государствѣ слѣдуетъ различать гражданъ, не имѣющихъ иму-

щества и неспособныхъ пріобрѣтать его, которыхъ государство или общество обязано содержать на свой счетъ, и гражданъ, имѣющихъ имущество; послѣдніе не нуждаются въ состраданіи. Они должны платить подать наравнѣ съ другими гражданами, по своимъ имущественнымъ силамъ. Но эти имущественныя силы выражаются не доходомъ по ученію Смита, а цѣнностію всѣхъ имущественныхъ правъ, принадлежащихъ лицу въ данное время. Замѣчательно, что аппеляція къ состраданію является въ большинствѣ случаевъ не потому, что законъ въ самомъ дѣлѣ жестокъ, а потому, что онъ нарушенъ, неправильно истолкованъ или примѣненъ. Тоже самое мы видимъ и здѣсь. Самъ Ад. Смитъ, установивши ученіе о трехъ источникахъ дохода, вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ начало и такъ называемой соціальной постановкѣ податнаго вопроса. Повидимому чистый доходъ, изъ какого бы источника онъ ни получался, долженъ бы представлять и одинаковую податную способность, но Смитъ сознается, „что не можетъ быть неблагоразумія въ томъ, что богатые принимаютъ участіе въ расходахъ государства не только въ размѣрахъ своего дохода, но и нѣсколько большихъ противъ него". Такъ положено начало ученію о прогрессивномъ налогѣ. И въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только не обращать вниманія на личность гражданина и на самостоятельную сферу его имущественныхъ правъ, какъ немедленно можетъ явиться желаніе посредствомъ подати привести всѣхъ въ одинаковое положеніе по отношенію къ имущественнымъ силамъ. По видимому даже требованіе, чтобы подать представляла одинаковую тягость для всѣхъ, оправдываетъ такое желаніе. Мало того, при воззрѣніи на рабочую плату какъ на доходъ, равносильный доходу съ капитала, когда доказываютъ, что 1000 рублей заработка равносильны 1000 рублей процентовъ, является желаніе аппелировать къ состраданію потому именно, что нарушена справедливость.

Если такимъ образомъ потеряны всѣ основанія для справедливаго распредѣленія податей, то возникаетъ вопросъ: почему въ самомъ дѣлѣ подать должна быть пропорціональна, а не прогрессивна? За прогрессивную подать стоитъ и чувство состраданія, или лучше, чувство потоптанной справедливости. Не удивительно поэтому, что такъ или иначе прогрессивная подать признается и практикуется, а кромѣ того, допускаются разнаго рода манипуляціи, вычеты необходимыхъ средствъ существованія, доли капитализаціи и т. д. изъ состраданія.

Однимъ словомъ, изъ сострадания повторяются тѣже вычеты, какіе въ сочиненіяхъ Рикардо и Рау дѣлались, какъ издержки производства [1]).

Все это дѣлается не соціалистами и коммунистами, нѣтъ, мы о нихъ не говоримъ; это дѣлается почти всѣми современными корифеями экономической науки и практикуется, хотя самымъ нескладнымъ образомъ, и въ дѣйствительной жизни. [2]) Гельдъ, написавшій между прочимъ весьма интересное сочиненіе о подоходныхъ налогахъ, признается, что онъ не можетъ найти никакихъ основаній для разрѣшенія вопроса, должна ли быть подать пропорціональна или прогрессивна. Шмоллеръ въ своемъ отвѣтѣ Трейтшке аппелируетъ къ „распредѣлительной справедливости“, находитъ, что соціальный вопросъ долженъ вести и къ исправленію первоначальнаго несправедливаго распредѣленія имущества, совершенно не отвѣчающаго требованію Аристотеля, чтобы богатство сопутствовало добродѣтели. У Штейна, наконецъ, мы находимъ цѣлую поэму соціальной постановки податнаго вопроса.

„Соціальный вопросъ“, говоритъ Штейнъ, „въ его общемъ видѣ, есть вопросъ объ условіяхъ, при которыхъ неимущіе классы могутъ достигнуть основъ всякаго личнаго развитія, всякаго общественнаго значенія и основъ капитала“. Замѣтимъ, что дѣло идетъ о тѣхъ лицахъ, которыхъ самъ же Штейнъ признаетъ готовымъ капиталомъ. „Этотъ вопросъ всемірная исторія ставитъ въ первый разъ во французской революціи. Съ того времени онъ не затеривается, а распространяется со всѣми своими консеквенціями мало по малу по цѣлой Европѣ. Онъ обнимаетъ и проникаетъ всю жизнь міра, онъ проявляется во всѣхъ обла-

---

[1]) Это далеко не одно и тоже. Вычеты изъ доходовъ на насущное существованіе, для податнаго обложенія, болѣе сильный масштабъ обложенія доходовъ пожизненныхъ и срочныхъ, и проч. не имѣютъ цѣлію *уравненіе* имуществъ, которое составляетъ главную задачу прогрессивнаго масштаба. *Ред.*

[2]) Напр. въ Австріи прогрессивный налогъ устроенъ только для рабочей платы свободныхъ и вообще высшихъ профессій и составляетъ отъ 1% (при заработкѣ свыше 630 гульд.) до 10% (при заработкѣ свыше 9450 гульд.) Почти тоже встрѣчаемъ и въ нѣкоторыхъ мелкихъ государствахъ Германіи. Такое приложеніе прогрессивнаго налога указываетъ какъ бы на желаніе оберегать существующіе капиталы и препятствовать накопленію новыхъ. См. Chlupp. Systematisches Handbuch der direkten Steuern in den Ländern der Oest. Monarchie. 1874, стр. 201. E. Pfeiffer. Die Staatseinnahmen. 2 B., стр. 226, 261 и слѣд. *Авт.*

Эти прогрессивные масштабы имѣютъ въ основаніи не прогрессивный масштабъ соціалистовъ, а единственно желаніе обложить однѣ категоріи (а не суммы) доходовъ (не требующихъ вычетовъ для обложенія) сильнѣе другихъ. *Ред.*

стяхъ его съ своими вполнѣ опредѣленными требованіями. Наша задача характеризовать дѣйствіе его въ податномъ дѣлѣ. Въ XIX вѣкѣ уже побѣждена старая, аристократическая свобода отъ подати. Теперь платятъ всѣ [1]); но съ соціальнымъ движеніемъ является въ новомъ видѣ старое понятіе: соціальная свобода отъ подати. Ученіе объ обществѣ показываетъ что всякій общественный строй заключаетъ въ себѣ порядокъ классовъ: господствующій, средній и низшій. Этотъ строй классовъ абсолютный, т. е. безъ него почти немыслимо общество. Вмѣстѣ съ тѣмъ и неволя, неразлучная съ этими абсолютными категоріями, была бы такъ же абсолютна, если бы она не встрѣчала противовѣса въ личности, элементѣ вѣчно работающемъ, стремящемся къ своему совершенству. Эта вѣчная работа личности состоитъ въ томъ, что каждый отдѣльный человѣкъ имѣетъ задачею изъ низшаго класса подняться въ высшій. Этотъ неуспокаивающійся процессъ мы назовемъ восхождательнымъ движеніемъ классовъ. Это свободный, безконечный моментъ въ исторіи. Въ немъ лежитъ вѣчная дѣятельность человѣчества. Каждый народъ и каждое государство не потому свободны и сильны, что не имѣютъ никакого различія классовъ, а потому, что каждый принадлежащій къ нему собственными силами можетъ побѣдить это различіе. Эта возможность и есть живая сила, свобода общества. Но и здѣсь первое и послѣднее условіе этого восхождательнаго движенія классовъ есть возможность прежде всего добыть себѣ хозяйственную самостоятельность, а потомъ отъ нея идти впередъ къ образованію капитала. Всякая часть общественной жизни, въ хозяйствѣ и правѣ, которая съ этимъ стоитъ въ противорѣчіи, является такъ же въ противорѣчіи съ великимъ принципомъ личной свободы, что, въ связи съ понятіемъ о доходѣ и капиталѣ, называется соціальнымъ принципомъ нашего времени. Великій вопросъ настоящаго состоитъ повидимому въ томъ, на какомъ пунктѣ государство посредствомъ податей можетъ способствовать этому соціальному процессу восхождательнаго движенія. Очевидно, на сколько дѣло касается дохода и образованія капитала, пунктъ такой можетъ быть указанъ политическою экономіею. Она показываетъ, что процессъ образованія капитала, а слѣдовательно и матеріальнаго обезпеченія личной свободы, начинается только тамъ, гдѣ доходъ получаетъ способность въ своемъ

[1]) Замѣтимъ, что у насъ въ Россіи и это еще не достигнуто. *Ред.*

излишкѣ образовать чистый доходъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и капиталъ. Пока этого нѣтъ, не можетъ быть и рѣчи о восхождательномъ движеніи классовъ. Напротивъ, начинается неволя при доходѣ, неудовлетворяющемъ необходимымъ потребностямъ. Поэтому подать, которая беретъ часть отъ такихъ потребностей, стоитъ въ прямомъ противорѣчіи съ соціальнымъ движеніемъ, а государство, которое допускаетъ это, противорѣчитъ собственному высшему жизненному принципу—свободѣ своихъ подданныхъ. Оно должно безусловно поставить границу дохода, которой переступать ни въ какомъ случаѣ оно не должно при своихъ требованіяхъ податей. Всякій доходъ, который покрываетъ только необходимыя потребности, долженъ быть во имя свободы освобожденъ отъ подати. Этотъ необходимый доходъ называется минимумъ существованія (Existenzminimum) и свобода отъ подати этого минимума существованія есть соціальная свобода подати."

Послѣ всей этой тирады, Штейнъ, держась строго воззрѣнія на рабочую плату какъ на доходъ, приходитъ къ тому же почти заключенію, къ какому приходилъ и Рау, совсѣмъ не задѣвавшій соціальнаго вопроса, т. е. что необходимые предметы, какъ хлѣбъ, соль и мясо, можно считать расходами на питаніе (на производство) труда, и эти предметы должны быть свободны отъ податей, очевидно для всѣхъ доходовъ какъ отъ труда, такъ и отъ капитала. Если же работникъ получаетъ больше, чѣмъ необходимо для хлѣба, соли и мяса, то это есть чистый доходъ, такъ же способный къ налогу, какъ и чистый доходъ съ капитала. „Остается капиталъ", продолжаетъ Штейнъ, „и здѣсь начинается настоящій серьезный бой новаго соціальнаго направленія, который перешелъ и въ область податей. Капиталъ овладѣваетъ производствомъ и большею частію производительной способности, и трудъ иногда весьма серьезнымъ образомъ страдаетъ подъ такимъ господствомъ. Этимъ можно объяснить односторонность соціальнаго движенія просто отрицающаго капиталъ. Капиталъ какъ излишекъ труда признается собственностью послѣдняго, и отдѣленіе капитала отъ труда признается враждебнымъ человѣческому развитію. Отмѣна всѣхъ отдѣльныхъ (или частныхъ) капиталовъ признается иными какъ будущее человѣчество, которое будто бы должно имѣть общность капиталовъ. Форма же, въ которой подати должны способствовать этому будущему — весьма проста. Она состоитъ въ томъ, что обложеніе капитала должно возрастать въ такомъ отношеніи, въ какомъ отдѣльный капиталъ является большимъ. Мы

называемъ это соціальное основаніе прогрессивнымъ податнымъ окладомъ. Онъ, въ своемъ послѣднемъ выводѣ, ведетъ къ совершенному уничтоженію капитала. Легко понять, что этотъ прогрессивный масштабъ податей ведетъ къ самому тяжелому противорѣчію. Несомнѣнно, что подать, которой конечнымъ результатомъ было бы отрицаніе капитала, содержала бы такъ же отрицаніе образованія капитала и вообще самостоятельной личности. Но присмотрѣвшись поближе, можно и здѣсь подмѣтить истину. Несомнѣнно, что при всякомъ капиталѣ способность его къ образованію капитала (самоувеличенію) съ величиною растетъ при одинаковой затратѣ на него дѣятельности, а между тѣмъ потребности владѣльца не въ такой степени увеличиваются. Если это такъ, то сила образованія капитала, даваемая величиною капитала, есть конечно объектъ особой расчитанной по ней подати. При этомъ подать для всякой единицы капитала должна быть тѣмъ меньше, чѣмъ меньше такихъ единицъ находится. Прогрессивной подати самой по себѣ никакъ нельзя не оправдывать. Ея соціальная и хозяйственная опасность начинается тамъ, гдѣ она имѣетъ задачею поражать самый капиталъ. Поэтому прогрессивная подать должна имѣть своимъ объектомъ не выручку, а только такую процентную часть ея, которую можно назвать долею самовозрастанія капитала. Такая подать при всѣхъ прямыхъ податяхъ неумѣстна, при косвенныхъ только въ высшихъ районахъ потребленія, но болѣе всего она умѣстна при настоящей подоходной подати“ [1]). Мы возстаемъ противъ всѣхъ вычетовъ минимумовъ существованія, а также противъ и прогрессивнаго налога Мы считаемъ требованіе ихъ результатомъ ложной теоріи, идущей въ разрѣзъ съ основными законами гражданской жизни.

Прежде чѣмъ думать о соціальныхъ вопросахъ, о новыхъ задачахъ права и государства, необходимо перестать исповѣдывать теоріи, которыя идутъ въ разрѣзъ не только съ желаніями и предположеніями для будущаго, но даже съ фактическимъ положеніемъ дѣлъ настоящаго, съ юридическимъ строемъ, уже выработаннымъ европейскою жизнію, съ правами личности и собственности.

Противъ ученія (Смита) о трехъ источникахъ дохода въ недавнее время лучше всѣхъ высказался Шефле: „увлекшись картиннымъ представленіемъ трехъ источниковъ, говоритъ Шефле, экономисты

---

[1]) Lorenz v. Stein. Lehrbuch der Finanzwissenschaft. 3 Aufl., стр. 221 и слѣд.

потеряли этическій (нравственный) характеръ науки, и первый трудъ настоящей экономіи, анализа хозяйничающаго человѣка, хозяйничающей личности, удержать за нею этотъ характеръ. Такой анализъ сразу покажетъ, что все ученіе объ источникахъ добра (цѣнностей) имѣетъ коренную болѣзнь. Движеніе производства, въ сущности этическій процессъ, сознательное воздѣйствіе воли на внѣшній міръ, сведено на картину источниковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ все человѣческое, свободное, нравственное, сообразное культурѣ, изъ этого процесса совсѣмъ ушло прочь. Трудъ, капиталъ и природа оказались тремя исключительными источниками богатствъ. Это ученіе о трехъ или четырехъ источникахъ уничтожаетъ этическій характеръ производства. Новые экономисты это чувствуютъ, но побѣдить не въ силахъ. Мы говоримъ, что главная ошибка заключается въ лишеніи процесса производства этическаго характера. Подъ этическимъ, нравственнымъ направленіемъ въ обширномъ смыслѣ мы разумѣемъ осуществленіе разумныхъ жизненныхъ цѣлей посредствомъ дѣйствій человѣческой воли, слѣдовательно процессъ культурный въ противуположность естественному процессу. Хозяйничать, и въ этихъ предѣлахъ производить, есть, слѣдовательно, этическая область, область человѣческаго обнаруженія воли, культурный, а не естественный процессъ. Основное отношеніе въ производствѣ добра есть господство человѣка какъ субъекта надъ вещественнымъ міромъ, какъ объектомъ. Тутъ нѣтъ слѣдовательно никакого „совмѣстнаго дѣйствія", нѣтъ сліянія „источниковъ" какъ въ природѣ и въ химическомъ процессѣ, никакого механическаго коэфиціентнаго отношенія математическихъ „факторовъ", и опредѣленіе безсознательнаго и лишеннаго воли внѣшняго міра господствующею сознательною и разумною волею. Очевидно, что радикальная ревизія ученія о трехъ источникахъ въ указанномъ смыслѣ возможна только для антропологическаго воззрѣнія на экономію. Какъ человѣка, какъ этическое, какъ культурное существо поставить въ центръ, поднять его какъ дѣятеля и цѣль хозяйства, совершенно исключить процессъ производства, какъ естественный процессъ, какъ продуктъ трехъ механически взаимно дѣйствующихъ „факторовъ"; какъ сліяніе трехъ равнозначащихъ силъ, — тогда этическій характеръ не уплыветъ. Въ этомъ смыслѣ, продолжаетъ Шефле, мы предлагаемъ антропологическую, вмѣсто хрематистической экономіи. Если нравственный культурный человѣкъ есть центръ экономіи, то не такой, какимъ его рекомендуютъ идеологи, а дознанный

на опытѣ, дѣйствительный, эмпирическій, въ исторіи развивающійся, культурно-историческій человѣкъ. Другими словами, реформа экономіи имѣетъ основою совершенную, реальную антропологію, и притомъ антропологію, которая имѣетъ въ виду не только отдѣльнаго, средняго и дѣйствительнаго, а общественнаго и исторически разнаго человѣка". Мало этого, Шефле замѣчаетъ, что эманципація отъ стараго ученія есть условіе того, что въ экономіи анализъ будетъ острѣе и многостороннѣе и наконецъ допуститъ между экономіею и юриспруденціею гражданскаго права сближеніе, такъ долго по необходимости напрасно изыскиваемое до настоящаго времени. Шефле, къ сожалѣнію, думаетъ, что при сближеніи экономіи съ правомъ, эта антропологическая экономія удержитъ безъ ущерба всѣ важнѣйшіе моменты прежней экономіи и только пополнитъ пробѣлы.

Эта безусловная вѣра въ Смитовскую экономію повела Шефле къ тому, что у него разница между лицомъ и имуществомъ исчезла, что и у него человѣкъ есть капиталъ, а рабочая плата доходъ. Не удержавши этой разницы, Шефле и въ податномъ вопросѣ, хотя и отвергаетъ подоходные налоги, но исправленіе дѣла находитъ въ обложеніи между прочимъ дохода валоваго и въ разысканіи какой-то квалитативно динамической податной личности [1]). Мы думаемъ, напротивъ, что антропологическая обработка политической экономіи и сближеніе съ гражданскимъ правомъ именно начинается строгимъ разграниченіемъ личности и имущества. Какъ и въ гражданскомъ правѣ, въ политической экономіи изъ личности нельзя будетъ сдѣлать капитала, ни въ прямомъ, ни въ переносномъ смыслѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ политическая экономія перестаетъ смотрѣть и на рабочую плату, какъ на доходъ съ капитала.

Очень можетъ быть, что политическая экономія въ своемъ новомъ видѣ для податей найдетъ какой нибудь болѣе современный объектъ обложенія, а не просто цѣнность имущества; но пока мы имѣемъ право думать, что лучшаго объекта обложенія, какъ простое количество имущества, т. е. сумма цѣны его, не существуетъ. Пока государство въ податномъ дѣлѣ относится къ подданному какъ къ свободной личности, какъ къ гражданину, уважая сферу его имущественныхъ правъ, до тѣхъ поръ и всѣ отношенія имущества къ личности въ глазахъ государства должны

---

[1]) См. Schäfle приведенная выше статья Mensch und Gut etc,

исчерпываться правомъ собственности. Для финансоваго управленія даже раздѣленіе имущества на движимое и недвижимое, родовое и благопріобрѣтенное и т. д. не имѣетъ существеннаго значенія. Для него важна только величина имущества, т. е. цѣна его, и то — кому оно принадлежитъ. Другое дѣло въ полицейскомъ управленіи; тамъ можно различать имущество, представляющее собою предметы первой необходимости, предметы роскоши, желательные и нежелательные и т. д.

Итакъ, окончательный выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что рабочая плата есть доходъ и при томъ совершенно равносильный (для податнаго обложенія) съ доходу капитала. На этомъ основаніи мы отвергаемъ справедливость подоходныхъ налоговъ, въ основѣ которыхъ лежитъ это ученіе.

Далѣе, мы требуемъ строгаго разграниченія личности отъ имущества, и только въ послѣднемъ мы видимъ справедливый объектъ податнаго обложенія.

Вся сумма, по цѣнности имущества, принадлежащаго гражданину, выражаетъ его имущественную силу, а потому, при справедливой подати, должна и облагаться пропорціонально. На этомъ основаніи напр. рабочая плата въ 1,000 руб. въ теченіе года и капиталъ въ 20,000 рублей съ 5% купонами должны облагаться податью не одинаково, а въ такой пропорціи, въ какой 21,000 относится къ тысячѣ. Никакихъ при этомъ вычетовъ минимума существованія, доли капитализаціи и т. д. мы не допускаемъ, такъ же какъ и не допускаемъ и прогрессивнаго налога.

Мы знаемъ, что въ глазахъ строгихъ послѣдователей Смита такое воззрѣніе на податное дѣло найдетъ полнѣйшее порицаніе Такъ напр. Виртъ говоритъ, что „подать на имущество въ благоустроенномъ государствѣ не должна взиматься; ибо она есть, называя дѣло настоящимъ именемъ, ничто иное какъ грабежъ“ [1]). Между тѣмъ какъ представители школы Смита и Рикардо, какъ мы видѣли, совершенно отрицали полезность подати на рабочую плату и требовали вмѣсто того прямаго обложенія только капиталовъ по ихъ чистымъ доходамъ. Наше требованіе, слѣдовательно, не такъ грѣшитъ противъ Смита и Рикардо, какъ противъ слишкомъ усердныхъ ихъ учениковъ. Въ практической жизни, до 19 столѣтія, т. е. до распространенія ученія Смита о трехъ

[1]) M. Wirth, die Grundzüg. der Nationalöcon. Cöln, 1859, т. 2, стр. 365.

источникахъ, имущественная подать была идеаломъ податнаго обложенія. И въ настоящее время такія подати существуютъ въ разныхъ государствахъ Европы и въ Сѣверной Америкѣ, только скрываясь подъ заманчивымъ титуломъ подоходныхъ податей. Такимъ образомъ, наши соображенія не представляютъ ничего радикально противнаго установившемуся порядку въ государственной жизни. Напротивъ, мы приглашаемъ отказаться только отъ заблужденій, тяготѣвшихъ цѣлое столѣтіе, ближе вникнуть въ дѣйствительный юридическій строй общественной жизни и понять давно высказанную мысль Монтескье, что поголовная подать прилична рабству, а подать на имущество—свободѣ.

Предметомъ для настоящей статьи я избралъ вопросъ о подоходныхъ налогахъ въ виду ожидаемыхъ измѣненій нашей податной системы. Мнѣ казалось не лишнимъ анализировать тѣ воззрѣнія на подати, которыя считаются господствующими въ наукѣ и европейской практикѣ, и свѣрить ихъ съ тѣми желаніями, какія несомнѣнно существуютъ въ русскомъ обществѣ, переживающемъ свое обновленіе. Всѣ великія событія нашей общественной жизни, какъ освобожденіе крестьянъ, введеніе общей воинской повинности, развитіе самоуправленія, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, новые суды и т. д., въ основѣ своей имѣютъ одну общую, животворящую идею—это гражданскую свободу или освобожденіе личности. Слѣдуетъ вѣрить, что и въ основу будущей податной реформы будетъ положена эта идея.

Нуждается ли общественная безопасность въ другихъ наказаніяхъ кромѣ определяемыхъ по суду?

А. Ѳ. КИСТЯКОВСКАГО,

ПРОФЕССОРА ИМПЕРАТОРСКАГО УНИВЕРСИТЕТА СВ. ВЛАДИМИРА.

I.

Развитіе и усовершенствованіе человѣческой общественности идетъ подчиняясь слѣдующей формулѣ: чѣмъ ниже человѣкъ стоитъ въ развитіи общественной жизни, чѣмъ формы этой жизни находятся болѣе въ зародышномъ состояніи, чѣмъ меньшимъ совершенствомъ онѣ отличаются, тѣмъ болѣе человѣкъ склоненъ подвергать и дѣйствительно подвергаетъ себѣ подобныхъ наказанію безъ суда и права, по произволу, прихоти и собственному усмотрѣнію. И наоборотъ: чѣмъ болѣе человѣческая общественность развивается, крѣпнетъ и совершенствуется; чѣмъ выше человѣкъ, среди такой общественности, подымается въ своемъ умственномъ и нравственномъ развитіи, чѣмъ выше становится его экономическая обезпеченность и матеріальное благосостояніе; тѣмъ болѣе онъ усвоиваетъ себѣ твердое убѣжденіе, что никто изъ ему подобныхъ не можетъ и не долженъ быть наказанъ иначе, какъ по суду, т. е. съ соблюденіемъ такихъ правилъ, которыя столько же способствуютъ открытію и карѣ виновнаго, сколько и противодѣйствуютъ наказанію невиннаго.

Въ самомъ дѣлѣ, что такое представляетъ тотъ періодъ, когда племена человѣческія выражаютъ свою уголовную юстицію въ видѣ частной, семейной или родовой мести, какъ не типическое воплощеніе правила, по которому наказаніе было опредѣдѣляемо безъ суда и нерѣдко безъ права, по произволу и прихоти, словомъ по собственному усмотрѣнію тѣхъ, кто наказываетъ.

Слагавшаяся и сложившаяся государственная власть во всевозможныхъ ея видахъ является первая носителемъ идеи и защитникомъ правила объ опредѣленіи наказанія не иначе какъ по суду. Но степень осуществленія этого правила находится въ прямомъ отношеніи къ степени совершенства государственнаго устройства.

Человѣку, какъ существу общественному, стоило вѣковыхъ усилій и тяжкихъ трудовъ, чтобы добиться примѣненія хотя бы въ самомъ ограниченномъ видѣ правила: объ опредѣленіи наказанія не иначе какъ по суду.

Даже въ государственное время долго оставался въ употребленіи обычай отнимать у гражданина не только права и блага меньшей важности, но и жизнь и имущество безъ суда, по прихоти и усмотрѣнію какого-нибудь властелина, будь то единичное лицо, тѣсное собраніе въ родѣ какого нибудь сената, или народъ, присвоившій себѣ державную (верховную) власть.

Правило о наказаніи не иначе какъ по суду прежде всего встрѣчается въ примѣненіи къ охранѣ жизни и имущества отъ административнаго произвола. Гдѣ народонаселеніе даннаго государства развивается на столько, что оно не можетъ сносить восточныхъ деспотовъ или турецкихъ султановъ, тамъ тотчасъ получаетъ силу твердаго закона правило: никто безъ суда не можетъ быть лишенъ жизни и имущества; а если въ такомъ государствѣ народъ раздѣленъ на сословія, что обыкновенно и бываетъ, то къ сему присоединяется дальнѣйшее развѣтвленіе этого правила: никто, имѣющій сословное право, не можетъ быть лишенъ его безъ суда. Господство этихъ положеній мы находимъ въ большинствѣ европейскихъ государствъ съ неограниченнымъ монархомъ во главѣ, типомъ котораго можетъ служить Людовикъ XIV.

Рядомъ однакоже съ правиломъ о томъ, что никто не можетъ быть безъ суда и права лишенъ жизни, имущества и правъ состоянія, долго остается въ дѣйствіи другое правило, по которому считается дозволительнымъ опредѣлять иныя мѣры уголовнаго взыс-

канія по произволу административной власти, по волѣ главы государства или по волѣ державнаго народа. И вотъ до позднѣйшихъ временъ и до послѣднихъ государственныхъ усовершенствованій, внесенныхъ въ жизнь западно-европейскихъ народовъ, мы видимъ у всѣхъ народовъ, за исключеніемъ очень немногихъ, ссылки, тюремныя заключенія и аресты, всевозможныхъ видовъ ограниченія мѣста жительства и права передвиженія гражданина, отдачу подъ надзоръ полиціи, отдачу на поруки, въ нѣкоторыхъ государствахъ отдачу въ солдаты, выговоры, замѣчанія и предостереженія, — примѣненіе всѣхъ этихъ мѣръ взысканія безъ суда, по усмотрѣнію и произволу административныхъ властей.

II.

Не говоря о вѣкахъ прошедшихъ, не говоря о концѣ XVIII стол., когда французскіе революціонеры окрещивали себя именами Гракховъ и Катоновъ, видя въ нихъ типическихъ дѣятелей древней свободы, еще и въ наше время не исчезло убѣжденіе, что въ древнихъ республикахъ человѣкъ обладалъ величайшею личною свободою и неприкосновенностію. А между тѣмъ, такое мнѣніе есть одна изъ грубыхъ ошибокъ, происшедшая отъ того, что мы, усвоивъ этотъ взглядъ вслѣдъ за древними, тѣмъ самымъ принимаемъ, сами того не замѣчая, свободу и личную безопасность не многихъ привилегированныхъ гражданъ за свободу и безопасность человѣка вообще въ государствѣ.

Должно признать за аксіому слѣдующія два положенія. Первое: въ томъ обществѣ, въ которомъ, какъ въ древнихъ республикахъ Греціи и Рима, господствуетъ рабство, быть не можетъ личной свободы и неприкосновенности человѣка, будетъ ли господствовать рабство въ чистомъ его видѣ, или въ видѣ нѣсколько очищенномъ, каково крѣпостное состояніе. Личная свобода и неприкосновенность въ такомъ государствѣ будетъ не личною неприкосновенностію человѣка, а привилегіею не многихъ лицъ, примѣняемою ими въ своемъ кругѣ, между собою, или по отношенію къ представителямъ верховной власти. Но ее никакъ нельзя считать личною неприкосновенностью съ низу. Достаточно общаго или и одиночныхъ возстаній порабощеннаго населенія, что составляетъ обыкновенное явленіе государствъ питающихъ рабство, доста-

точно только честолюбія одного, который бы захотѣлъ свое властолюбіе опереть на инстинкты угнетенныхъ, чтобы перевернуть сначала фактически, а потомъ и юридически вверхъ дномъ личную свободу и неприкосновенность немногихъ привилегированныхъ. Такъ это и случилось съ развитіемъ императорской власти въ Римѣ. Второе положеніе: быть не можетъ личной свободы и неприкосновенности въ томъ государствѣ, въ которомъ гражданинъ, низко или высоко онъ поставленъ, можетъ безъ суда, по произволу подчиненнаго должностнаго лица или хотя бы по усмотрѣнію верховныхъ властей, или по желанію державнаго народа, быть сосланъ, арестованъ, заключенъ въ тюрьму, отданъ подъ надзоръ полиціи и т. п. Посему если общество или государство не желаетъ вѣчно стоять на вулканѣ, оно должно превратить въ положительный законъ слѣдующее правило: никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію и какому бы то ни было стѣсненію свободы или взысканію иначе, какъ по суду [1]).

Это правило есть величайшее открытіе новѣйшей общественности, которая первая признала рабство учрежденіемъ тормозящимъ развитіе рода человѣческаго. Это правило было чуждо учрежденіямъ древнихъ республиканскихъ народовъ, и не только чуждо ихъ учрежденіямъ, но и осталось неизвѣстно мыслителямъ древности.

Древность, кажется, не знала степени развитія народнаго самоуправленія и политической свободы выше той, на которой стояли учрежденія аѳинской республики. Здѣсь верховная власть непосредственно принадлежала народу. И однакоже, при всемъ верховенствѣ народа, отдѣльный гражданинъ, носитель частицы этой верховной власти, не былъ изъятъ отъ дѣйствій произвола цѣлаго народа, отъ наказанія безъ суда и права. Этотъ произволъ по отношенію къ отдѣльному гражданину имѣлъ силу не какъ злоупотребленіе, а какъ нѣчто узаконенное. Я говорю объ *остракизмѣ* аѳинской и нѣкоторыхъ другихъ древне-греческихъ республикъ. Что такое былъ остракизмъ? Это былъ узаконенный

---

[1]) Само собою разумѣется, что эти положенія не исключаютъ изъ новѣйшаго государства необходимыхъ полицейскихъ мѣръ для предупрежденія и пресѣченія преступленій, при которыхъ нерѣдко неизбѣжно лишеніе и стѣсненіе личной свободы безъ судебнаго постановленія, но такія мѣры могутъ быть обставлены судебными и правомѣрными гарантіями, которыя дѣлаютъ личный произволъ административныхъ властей невозможнымъ. Эту сторону обсуждаемаго вопроса авторъ вѣроятно и разсмотритъ во второй (практической) части своего труда (въ V г. Сборника). Такой порядокъ существуетъ въ Англіи. *Ред.*

произволъ державнаго народа надъ своимъ согражданиномъ. Это было изгнаніе сего послѣдняго въ силу одного желанія народа. Это было насиліе надъ гражданиномъ, который въ томъ только былъ виноватъ, что считался опаснымъ для той или другой политической партіи, для того или другаго честолюбца, который не былъ судебнымъ порядкомъ ни судимъ, ни осужденъ, ни приговоренъ къ наказанію. Партія или честолюбецъ ею руководившій разсѣевали въ массѣ убѣжденіе, что такой-то гражданинъ опасенъ для общества, для его свободы и его учрежденій. Этого было достаточно, чтобы граждане признали его подлежавшимъ изгнанію. Еще греческіе писатели указывали на то, какія злоупотребленія родились изъ остракизма. Онъ сдѣлался удобнымъ орудіемъ въ рукахъ узкихъ интересовъ партій; къ нему въ особенности прибѣгали, какъ къ легкому и подручному средству, демагоги и честолюбцы, чтобы отдѣлаться отъ своихъ противниковъ, и достигнуть своихъ частныхъ цѣлей. Ѳемистоклъ при помощи остракизма изгналъ изъ отечества своего соперника по славѣ Аристида, имя котораго до сихъ поръ употребляется какъ эпитетъ для означенія справедливости, честности, безкорыстія. Периклъ прибѣгъ къ остракизму, чтобы удалить изъ государства своихъ соперниковъ: Кимона и Ѳукидида, полезнѣйшихъ и заслуженнѣйшихъ гражданъ.

Оцѣнивая остракизмъ съ точки зрѣнія древнихъ, публицисты новаго времени неправильно иногда понимаютъ природу сего учрежденія и недостаточно оцѣниваютъ весь вредъ, отъ него происходившій. Такъ Монтескьё, столь тонко умѣвшій подмѣчать причины попранія личной неприкосновенности гражданина, не замѣчалъ тѣхъ гибельныхъ послѣдствій, которыя неразлучны теоретически и неизбѣжны практически съ этимъ учрежденіемъ. Онъ не только не находитъ, чтобы остракизмъ позорилъ какое бы то ни было народное правленіе, а напротивъ видитъ въ этомъ учрежденіи доказательства его мягкости. Созерцая остракизмъ съ такой точки зрѣнія, можно, по его мнѣнію, выдѣлить изъ идеи остракизма идею наказанія. Онъ говоритъ далѣе, что остракизмъ, какъ приговоръ народа, увеличивалъ славу того, кого онъ поражалъ, что дѣйствію его подвергались люди съ извѣстными заслугами, что когда стали имъ злоупотреблять, примѣняя его къ людямъ безъ заслугъ, онъ вышелъ изъ употребленія, что слѣдуетъ признать удивительнымъ тотъ законъ, который предупреждаетъ тѣ дурныя послѣдствія, которыя можетъ произвести

слава одного гражданина. Монтескьё въ подтвержденіе своего мнѣнія ссылается на авторитетъ Аристотеля, который въ остракизмѣ видѣлъ нѣчто человѣчное и приходившееся близко по душѣ народу. При этомъ онъ дѣлаетъ странную посылку и заключеніе въ такомъ родѣ: если это учрежденіе не считали ненавистнымъ тамъ и тогда, гдѣ и когда его примѣняли, то какъ же намъ иначе о немъ думать (L'esprit des lois T. III. Liv. XXVI. Ch. t. VII). Въ другомъ мѣстѣ онъ однакоже сознается, что только въ Аѳинахъ остракизмъ былъ примѣняемъ съ нѣкоторымъ благоразуміемъ, а въ другихъ греческихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Сиракузахъ, онъ порождалъ тысячу золъ. При помощи его граждане другъ друга изгоняли изъ отечества (ib. Liv. XXIX. Ch. VII).

Вся несостоятельность такой оцѣнки остракизма заключается въ непониманіи предѣловъ, до которыхъ можетъ простираться надъ гражданиномъ власть суверена, кто бы онъ ни былъ,—единичное ли лице, или цѣлый народъ, — а также въ ошибочномъ опредѣленіи природы изгнанія. Верховная власть, хотя бы она принадлежала цѣлому народу, называется верховною не въ силу того, что она можетъ дѣлать съ гражданами все, что ей вздумается, или что ей захочется, а потому что она есть наивысшая власть въ государствѣ, власть въ своихъ сношеніяхъ съ гражданами однако же столь же строго подчиняющаяся закону, и дѣйствующая въ предѣлахъ его, какъ и власти подчиненныя, второстепенныя. Посему для дѣйствій ея по отношенію къ гражданамъ не можетъ быть оправданіемъ ни мнимый интересъ цѣлаго, ни тѣмъ менѣе, ея личная воля. Слѣдовательно, гражданинъ можетъ нести отвѣтственность не по политическимъ, а по гражданскимъ и уголовнымъ соображеніямъ, не въ силу усмотрѣнія и воли того или другаго носителя власти, а въ силу приговора судьи, основаннаго на точной силѣ закона. Экспериментъ очищенія идеи остракизма отъ понятій наказанія для здраваго смысла невозможенъ; ибо какими бы софизмами мы ни украшали дѣйствіе остракизма, послѣдствія его останутся послѣдствіями изгнанія, но изгнаніе всегда останется мѣрою стѣсненія, причиненія зла, а не уваженія. Посему о мягкости, о человѣчности остракизма не можетъ быть рѣчи, если мы не будемъ эту мягкость понимать въ смыслѣ относительномъ, то есть въ томъ, что власть поступитъ мягче, если она ненавидимаго ею гражданина, вмѣсто того, чтобы лишить жизни по своему усмотрѣнію, изгонетъ изъ государства, или это сдѣлаетъ, вмѣсто по-

жизненнаго заключенія въ тюрьму. Наивно видѣть доброту остракизма въ томъ, что онъ способствовалъ возвышенію славы тѣхъ, которыхъ онъ поражалъ; съ этой точки зрѣнія можно одобрить даже смертную казнь, которая постигнетъ гражданина по прихоти и произволу тирана, или по волѣ необузданнаго народа. Всякое невинно или по произволу понесенное наказаніе возбуждаетъ къ понесшему состраданіе и сочувствіе, и въ тоже время возбуждаетъ негодованіе противъ виновниковъ такой несправедливости. А если понесшій принадлежитъ къ числу извѣстныхъ гражданъ, если онъ явится жертвою интригъ, страстей и своеволія партій, если онъ подвергнется изгнанію или претерпитъ другое подобное тому зло за свои полезныя дѣла, или убѣжденія, то очевидно, что гоненіе воздвигнутое противъ него послужитъ для увеличенія его славы. На томъ зиждется слава политическихъ и религіозныхъ мучениковъ. Но въ высшей степени было бы нелѣпо славою ихъ оправдывать всякія жестокости и несправедливости.

Народное правленіе римское также не исключало возможности причиненія гражданину зла, не по постановленію суда, а по усмотрѣнію и прихоти державнаго народа. Административныя или народныя насилія и стѣсненія надъ гражданами обыкновенно оправдывались необходимостію защиты общественной безопасности. Но въ сущности это было дѣйствіе интригъ, личнаго раздраженія и борьбы партій, прикрытыхъ священнымъ именемъ общественной безопасности. Во имя этой-то мнимой общественной безопасности были изгоняемы лучшіе граждане Рима; ею какъ удобнымъ орудіемъ пользовались предводители партій. Еще задолго до образованія императорской власти въ Римѣ граждане другъ друга изгоняли, то есть дѣлали то по отношенію другъ къ другу, что стали потомъ дѣлать императоры въ примѣненіи ко всѣмъ. Измѣнились только форма и способъ осуществленія наказаній безъ суда, а содержаніе осталось одно и тоже. Вотъ почему задолго до императоровъ, послѣ всякихъ волненій, стычекъ партій, переворотовъ и торжества одной партіи надъ другой, слѣдовалъ рядъ административныхъ насилій, изгнаній безъ суда, производимыхъ гражданами - побѣдителями надъ гражданами - побѣжденными. Такимъ образомъ, та общественность, которая повидимому такъ была благопріятна свободѣ, незнакома была съ элементарнымъ правиломъ правильной общественности, съ неприкосновенностію личности, съ наказуемостію не иначе, какъ по суду.

III.

Нынѣшніе европейскіе народы, за исключеніемъ Англіи, до позднѣйшаго времени не были знакомы практически съ правиломъ о наказуемости неиначе какъ по суду. Слѣдовательно, ихъ общественности чуждъ былъ принципъ личной неприкосновенности и законной свободы.

Правда, какъ выше было сказано, они уже давно усвоили правило объ отнятіи жизни, имуществъ и права привилегированныхъ лицъ не иначе, какъ по суду. Но изгнаніе, ссылка, разныя ограниченія относительно мѣста жительства, лишенія свободы и другія стѣсненія долго у нихъ примѣнялись въ видѣ произвольныхъ распоряженій администраціи.

Самыя правила уголовнаго судопроизводства прошедшихъ столѣтій не представляли собою гарантій неприкосновенности лица гражданина и опредѣленія наказанія не иначе, какъ послѣ судебнаго признанія виновности. Напротивъ того, въ силу господствовавшихъ ложныхъ убѣжденій, признано было и возможнымъ и справедливымъ совершать надъ гражданами такія насилія, которыя хотя не носили названія наказанія, но которыя по своей сущности ни чѣмъ не отличались отъ самыхъ тяжкихъ наказаній. Здѣсь рѣчь идетъ о пыткѣ. Пытка, не считаясь наказаніемъ, была по своей природѣ причиненіемъ гражданину, только заподозрѣваемому въ совершеніи преступленія, тягчайшихъ мученій, превосходившихъ жестокостію иныя наказанія. Она была въ сущности наказаніемъ, опредѣляемымъ прежде признанія виновности. Она была величайшимъ насиліемъ, совершаемымъ надъ тѣломъ гражданина нерѣдко невиннаго, и во всякомъ случаѣ непризнаннаго виновнымъ. Она была не мѣрою, вызываемою общественною необходимостію, а актомъ насилія, основаннаго на произволѣ, хотя освященнаго положительнымъ закономъ. Какое же оправданіе ея существованія искали ея защитники? Опять таки мотивъ ея существованія думали находить въ охранѣ общественной безопасности, хотя послѣдняя немыслима безъ безопасности частной, безъ соблюденія личной неприкосновенности гражданина.

Пока существовала пытка, казалось бы не могло быть рѣчи о примѣненіи къ гражданамъ другихъ мѣръ уголовнаго взыска-

нія безъ признанія виновности; ибо пытка была направлена къ тому, чтобы превращать подозрительнаго въ виновнаго. Она вынуждала признаніе въ преступленіи даже у тѣхъ, которые его вовсе не совершали. Слѣдовательно, всякій подозрительный, къ которому позднѣе, по отмѣнѣ пытки, примѣняемы были наказанія путемъ администраціи, въ это время путемъ пытки былъ превращаемъ въ виновнаго, и такимъ образомъ никто не могъ избѣгнуть наказанія. Но на дѣлѣ, какъ увидимъ ниже, даже пытка въ старыхъ государствахъ считалась недостаточною, чтобы достигнуть кары всѣхъ подозрительныхъ. Для этого существовали въ видѣ дополненія такъ называемыя экстраординарныя наказанія и мѣры взысканія или наказанія, опредѣляемыя безъ суда, по произволу администраціи.

Экстраординарными назывались наказанія, налагаемыя судьею на такихъ обвиняемыхъ, противъ которыхъ не могли быть, даже при помощи пытки, отысканы достаточныя, вполнѣ убѣдительныя, словомъ, совершенныя доказательства. Будучи не въ состояніи, не въ правѣ признать обвиняемаго виновнымъ, судья признавалъ его подозрительнымъ и подвергалъ его не тому наказанію, которое было положено по закону, а иному менѣе тяжкому. Слѣдовательно экстраординарныя наказанія были рѣзкимъ исключеніемъ изъ правила, по которому нельзя подвергать наказанію лицо непризнанное положительно виновнымъ. Въ нихъ содержалось попраніе личной неприкосновенности, которая должна быть ограждена отъ всякаго произвола, откуда бы онъ ни исходилъ, отъ суда или отъ администраціи.

Несмотря на то, что экстраординарныя наказанія опредѣляемы были судомъ, они ни въ какомъ случаѣ не могли быть признаны мѣрою судебною, и по своему существу относились къ разряду произвольныхъ, административныхъ взысканій, хотя и исходившихъ отъ суда.

Въ тоже время въ государствахъ западной Европы до реформъ прошедшаго и настоящаго столѣтія были въ употребленіи сверхъ того и административныя взысканія. Типическимъ ихъ выраженіемъ можно признать столь извѣстныя, столь обыкновенныя во Франціи стараго строя „Lettres de Cachet“. Этимъ именемъ назывались повелѣнія короля, издаваемыя за его частною печатью. Употребленіе во Франціи этихъ повелѣній достигаетъ въ XVIII стол. ужасныхъ размѣровъ. Они сдѣлались въ рукахъ министровъ и придворныхъ орудіемъ для удовлетворенія самыхъ

отвратительныхъ капризовъ и позорныхъ страстей. Честь, свобода, имущество и самая жизнь гражданъ отданы были благодаря этому учрежденію на произволъ сильныхъ и богатыхъ. Насчитываютъ 80,000 Lettres de Cachet, которыя выданы были во Франціи по религіознымъ поводамъ. Въ миролюбивое министерство Флери, при помощи Lettres de Cachet, изгнано было и подверглось разнымъ видамъ преслѣдованій множество янсенистовъ, протестантовъ и вообще уклонявшихся отъ исполненія католическихъ религіозныхъ обрядовъ. Это было обыкновенное орудіе, посредствомъ котораго заключали въ темницы Бастиліи сочинителей произведеній, проникнутыхъ новымъ духомъ и критическимъ направленіемъ.

Lettres de Cachet, будучи орудіемъ насилія надъ жизнію, честью, имуществомъ и свободою гражданъ, вмѣстѣ съ тѣмъ служили средствомъ покровительства оказываемаго могущественнымъ преступникамъ. Къ нимъ прибѣгали всѣ тѣ, кто хотѣлъ обойти законъ и погубить своего противника.

Все нѣкогда основано было на привилегіи. Монополія опутывала всѣ отрасли производительности. Горе тому, чьи открытія и успѣхи становились поперекъ привилегированной фабрикаціи. Его обременяли налогами, его преслѣдовали разными придирками и притѣсненіями, и доведя до разворенія, заключали въ Бастилію, или въ другое какое нибудь мѣсто. Авторы, книгопродавцы, типографы, техники разнаго рода были жертвами этихъ Lettres de Cachet. Это учрежденіе, имѣвшее столь гибельное вліяніе на судьбу Франціи, было одно изъ тѣхъ, которое возбудило революціонныя страсти, и которое было уничтожено въ 1790 г. 16-го марта.

Французская революція провозгласила теоретически правило о неприкосновенности личности гражданина, помимо обвиненій въ преступленіи, о наказуемости не иначе, какъ по суду. Но оно въ самый разгаръ революціи осталось только правиломъ на бумагѣ, или лучше сказать оно въ это же самое время было попрано и потоптано самымъ рѣзкимъ образомъ, напомнившимъ худшія изъ худшихъ времена старой монархіи. Время французской революціи было моментомъ, когда господствовало подозрѣніе каждаго противъ всѣхъ и всѣхъ противъ каждаго, когда власть вездѣ искала подозрительныхъ, когда одно неосторожное слово сказанное гражданиномъ, или одно враждебное слово произнесенное противъ него считалось достаточнымъ для совершенія самыхъ

тяжкихъ насилій надъ личностію его, когда убѣжденія возведены были въ преступленіе и когда въ погонѣ за общественною безопасностію исчезла всякая частная безопасность. Во время французской революціи, если и существовали суды, если они и дѣйствовали, если они заключали въ тюрьму граждань, или конфисковали ихъ имѣнія, лишали ихъ жизни массами, то самая дѣятельность судовъ, которые покинули соблюденіе вѣковыхъ правилъ, формъ и обрядовъ уголовной юстиціи, отнюдь не похожа была на отправленіе уголовной юстиціи, а была полнѣйшимъ выраженіемъ административнаго, и притомъ самаго страшнаго, самаго необузданнаго произвола. Можно положительно сказать, что въ этой революціонной дѣятельности должно искать причинъ той непрочности и той неустойчивости, которою отличались всѣ существовавшія съ тѣхъ поръ и смѣнявшія другъ друга правительства Франціи.

Попраніе революціоннымъ правительствомъ частной неприкосновенности и произволъ въ наложеніи уголовныхъ взысканій безъ суда, или съ нарушеніемъ основныхъ началъ и формъ суда, послужили примѣромъ и образцомъ для послѣдующихъ правительствъ, которыя свой произволъ по отношенію къ гражданамъ прикрывали дорогимъ именемъ общественной безопасности.

При первой имперіи, полиція пользовалась властью заключать въ тюрьму, изгонять изъ территоріи или высылать въ отдаленныя отъ постояннаго мѣста жительства страны тѣхъ гражданъ, которые не были виновны ни въ одномъ преступленіи, и которыхъ единственное преступленіе состояло въ томъ, что они могли не понравиться главѣ государства и его агентамъ. Самъ Наполеонъ I-й предъ своимъ паденіемъ, желая свалить свою вину на другихъ, стремясь выгородить себя отъ отвѣтственности за произволъ, жаловался государственному совѣту 13 дек. 1811 г., говоря: „полиція дѣйствуетъ какъ ей нравится; она арестуетъ кого ей вздумается, она задерживаетъ гражданъ столько времени, сколько она признаетъ нужнымъ“.

Вторая имперія воскресила преданія первой. Она издала законы 12 дек. 1851 г. и 27 февр. 1858 г. о мѣрахъ общественной безопасности. Въ силу этихъ законовъ администрація получила власть ссылать въ Каэнну и Алжиръ безъ суда лицъ, находящихся подъ надзоромъ полиціи, или подвергшихся по суду наказанію послѣ отбытія его.

Законы эти, прикрытые именемъ общественной безопасности, доставили возможность правительству Наполеона III карать безъ

суда и права своихъ политическихъ враговъ, и притомъ карать — тяжко. Они были отмѣнены въ 1870 г. іюня 17 дня единогласно принятымъ постановленіемъ законодательнаго собранія.

IV.

Отмѣна пытки и проникновеніе въ положительные законы нѣкоторыхъ улучшеній судопроизводства и судоустройства, въ томъ числѣ идеи отдѣленія власти судебной отъ административной, породили необходимость теоретическаго пересмотра вопроса: какъ поступать съ такъ называемыми подозрительными личностями; можно ли ихъ подвергать мѣрамъ взысканія, или же, въ виду отсутствія доказательствъ, слѣдуетъ ихъ отпускать на свободу, какъ непризнанныхъ виновными?

Въ прежнее время не было почвы для теоретической постановки этого вопроса. Во-первыхъ потому, что вслѣдствіе смѣшенія суда и администраціи, вслѣдствіе присутствія въ производствѣ суда элементовъ самаго грубаго насилія, никому въ голову не приходило теоретически сомнѣваться въ томъ, имѣетъ ли право администрація по своему усмотрѣнію и произволу подвергать гражданъ наказаніямъ. Во-вторыхъ — и это самое главное — посредствомъ пытки правительства достигали превращенія наибольшаго количества подозрѣній, какъ бы основательны они ни были, въ полную виновность. Стоило только власти напередъ рѣшить вопросъ о необходимости расправы съ подозрительнымъ и опаснымъ съ его точки зрѣнія лицомъ, чтобы его осужденіе считалось дѣломъ напередъ рѣшеннымъ.

Теоретическая постановка вопроса о правѣ опредѣленія наказаній помимо суда, или помимо основныхъ началъ суда въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія породила двѣ теоріи: нѣмецкую и французскую. Первая была не новостью; она только стремилась возвести въ перлъ теоретическаго созданія то, что фактически существовало прежде, она хотѣла только оправдать старые порядки подъ благовиднымъ предлогомъ общественной безопасности. Вторая теорія, выработанная раньше въ Англіи, была для континентальныхъ народовъ истинною новостію; она возвѣстила личную неприкосновенность гражданина, основавъ ее на отрицаніи справедливости какихъ бы то ни было взысканій и наказаній, опредѣляемыхъ по произволу и усмотрѣнію адми-

нистраціи. Скоро эта послѣдняя теорія признана была и нѣмецкою наукою за единственно вѣрную. Съ паденіемъ старыхъ порядковъ должна была потерять и послѣднюю силу нѣмецкая теорія, которая въ сущности была только софистическою защитою отжившихъ порядковъ.

Назвавъ весьма симпатическимъ именемъ *мѣръ безопасности* всякія взысканія и всякія наказанія, опредѣляемыя по произволу, нѣмецкіе теоретики старались разрѣшить слѣдующіе вопросы: можно ли вообще принимать мѣры безопасности противъ освобожденныхъ отъ наказанія по суду, или противъ тѣхъ, которые отбыли наказаніе; если можно, то въ какой именно формѣ, въ формѣ ли такъ называемыхъ экстраординарныхъ наказаній, или въ видѣ наказаній, опредѣляемыхъ администраціею; кто эти послѣднія долженъ опредѣлять, — судебная или полицейская власть? [1])

Нѣмецкіе теоретики къ такимъ мѣрамъ безопасности причисляли слѣдующія наказанія и мѣры взысканія: а) взятіе залога; б) отдачу заподозрѣннаго подъ надзоръ полиціи; в) отдачу въ солдаты; г) лишеніе свободы въ видѣ ареста и заключенія въ тюрьму; д) изгнаніе заподозрѣннаго изъ государства, данной провинціи, и вообще данной мѣстности; е) ссылки въ отдаленныя провинціи. Въ концѣ XVIII и началѣ XIX стол. нѣмецкіе полицеисты и криминалисты стояли за справедливость примѣненія этихъ наказаній въ видѣ мѣръ безопасности, то есть или помимо суда, или хотя бы и по суду, но съ нарушеніемъ существенныхъ началъ, формъ и обрядовъ суда (что̀ въ сущности одно и тоже что безъ суда).

Разногласіе въ ихъ взглядахъ касалось не существа дѣла, а способовъ примѣненія. Такъ, одни изъ нихъ, окрещивая мѣры безопасности старымъ именемъ экстраординарныхъ наказаній, предоставляли судамъ право ихъ опредѣленія. Другіе же, отрицая справедливость послѣднихъ, признавали необходимымъ примѣненіе вышеисчисленныхъ наказаній подъ именемъ мѣръ без-

---

[1]) Archiv des Criminalrechts, 1. B. 1799. *Klein.* Ueberschreitet der Richter die Grenzen seiner Gewalt, wenn er gegen den, welchen er einstweilen freispricht oder auch mit einer Strafe belegt, auch Sicherheitsmassregeln erkennt? ib. *ю же.* Darf ein Verbrecher, welcher zur Strafe schon auf eine gewisse Zeit seiner Freiheit beraubt worden, nach ausgestandener Strafe, dann noch zur Sicherheit des gemeinen Wesens gefangen gehalten werden? ib. *его же.* Verträgt sich der Unterschied zwischen Freiheitsverlust zur Strafe und zur künftigen Sicherheit des Staats, mit der Meinung, dass der Zweck der Strafe die Verhütung künftiger Verbrechen sei? 2. B. *его же.* Von dem wesentlichen Unterschiede zwischen der Einsperrung zur Sicherheit und der eigentlichen Gefängnissstrafe.

опасности. Въ сущности, — экстраординарныя наказанія первыхъ были тѣми же мѣрами безопасности вторыхъ, и наоборотъ мѣры безопасности вторыхъ ничѣмъ не отличались отъ экстраординарныхъ наказаній первыхъ.

Выше было сказано, что экстраординарными назывались такія наказанія, которыя судья опредѣлялъ при недостаткѣ доказательствъ виновности извѣстнаго лица. Они назывались экстраординарными потому, что они были мягче обыкновенныхъ. Но еще съ большимъ основаніемъ они могли назваться экстраординарными потому, что они были опредѣляемы внѣ основнаго правила всемірной справедливости, по которому только тотъ подвергается наказанію, кто признанъ виновнымъ. Судья опредѣлялъ экстраординарное наказаніе въ томъ случаѣ, когда онъ не могъ найти достаточныхъ доказательствъ виновности обвиняемаго, а только имѣлъ право считать его подозрительнымъ. Слѣдовательно это были столько же произвольныя мѣры взысканія, хотя и опредѣляемыя по суду, какъ и тѣ мѣры безопасности, которыя принимались противъ гражданъ административными властями.

Чтобы оправдать необходимость примѣненія экстраординарныхъ наказаній, при недостаткѣ достаточныхъ доказательствъ, нѣмецкіе теоретики прибѣгали къ слѣдующей аргументаціи. Хотя пытка отвергнута разумомъ и изгнана изъ практики, но она не отмѣнена положительнымъ закономъ. На экстраординарное наказаніе слѣдуетъ смотрѣть какъ на суррогатъ пытки. Пыткѣ подвергали того обвиняемаго, заподозрѣннаго въ преступленіи, противъ котораго существовали только полудоказательства. Сама по себѣ пытка, не будучи наказаніемъ, причиняла обвиняемому такое страданіе, которое превосходило страданія самаго наказанія. Необходимость ея основана была на томъ доводѣ, что посредствомъ ея подозрительныя личности были доводимы до сознанія ихъ вины и такимъ образомъ государство и общество охраняли и защищали себя отъ опасныхъ людей. А если такъ, то съ отмѣною пытки, отвергнутой разумомъ и совѣстію, не слѣдуетъ ли удержать экстраординарныя наказанія, какъ учрежденіе, которое можетъ пополнить пустое мѣсто, оставленное пыткою. Государство подвергнется великой опасности, если оно должно оставить нетронутымъ лицо, заподозрѣнное въ высшей степени. Они предупредили эту опасность и предназначили экстраординарныя наказанія потому, что они предохраняютъ государство отъ вреда, которымъ ему угрожаютъ лица подозрительныя; они справедливы потому, что

замѣняютъ пытку, которая причиняла тяжкія физическія страданія лицу только заподозрѣнному, но не признанному виновнымъ.

Эта теорія, существовавшая до конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтія, являлась до такой степени неосновательною и безсмысленною, что она пала сама собою. Аргументація экстраординарныхъ наказаній была тождественна съ аргументаціей пытки. Сами защитники экстраординарныхъ наказаній считали ихъ суррогатомъ пытки. Неудивительно поэтому, если противъ теоріи экстраординарныхъ наказаній возстали даже приверженцы опредѣленія наказаній по произволу администраціи. Нужно было отыскать какое-нибудь другое средство. Такимъ средствомъ и явились наказанія по произволу и усмотрѣнію администраціи, для которыхъ придумано было весьма приличное названіе мѣръ безопасности.

Приверженцемъ мѣръ взысканій по усмотрѣнію и произволу администраціи выступилъ Эйзенгардтъ. Названный полицеистъ и криминалистъ конца прошедшаго и начала нынѣшняго столѣтій доказывалъ, что противъ обвиняемаго, надъ которымъ тяготѣетъ сильное подозрѣніе, не можетъ быть употреблено никакое экстраординарное наказаніе, если онъ, по доказательствамъ, не можетъ быть признанъ виновнымъ. Но этотъ ученый написалъ сочиненіе увѣнчанное преміею на тему о томъ, что противъ такого лица могутъ и должны быть, *въ силу началъ справедливости*, примѣнены такъ называемыя мѣры безопасности; то есть: административнымъ порядкомъ заключеніе въ тюрьму, отдача подъ надзоръ полиціи, ссылка въ отдаленныя мѣста, запрещеніе жить въ данномъ мѣстѣ и изгнаніе [1]).

Онъ говоритъ, что совершенно недоказанное подозрѣніе имѣетъ силу равную съ пустымъ подозрѣніемъ. Оно должно повлечь за собою безусловно одно послѣдствіе — освобожденіе обвиняемаго отъ всякаго взысканія. Но какъ быть, спрашиваетъ онъ, если изъ слѣдственныхъ актовъ рождается противъ обвиняемаго подозрѣніе въ такой степени сильное, что оно не исключаетъ вѣроятности его

---

[1]) Archiv des Criminalrechts. 3. B. — *E. L. A. Eisenhart.* Gekrönte Preisschrift über die Frage: Inwiefern lässt sich eine ausserordentliche Strafe, welche nicht als bloses Sicherheitsmittel, sondern als eigentliche Strafe erkannt wird, rechtfertigen? und wenn dieses nicht möglich ist, welches Mittel kann man an deren Stelle setzen, um auf der einen Seite das gemeine Wesen gegen listige oder hartnäckige Verbrecher, und auf der andern, die ohne ihre Schuld Verdächtigen gegen den Eigendünkel und die Willkühr des Richters zu schützen? стр. 65 — 118, 1 — 63.

вины, хотя впрочемъ допускаетъ также предположеніе его невинности? Если экстраординарное наказаніе, въ этомъ случаѣ, опредѣлено быть не можетъ, если результатомъ недостаточныхъ доказательствъ должно быть простое освобожденіе обвиняемаго, то какимъ образомъ при этомъ можетъ устоять безопасность общества? Лицо, которое по всей вѣроятности можетъ быть признано виновникомъ преступленія, которое если не можетъ быть признано положительно виновнымъ, то, съ другой стороны, не имѣетъ за себя и доказательствъ положительной невинности, имѣетъ противъ себя подозрѣніе злой воли. Кто поручится, что подобное лице не сдѣлается въ будущемъ виновникомъ въ какомъ нибудь новомъ преступленіи. Этого тѣмъ больше можно ожидать отъ заподозрѣннаго, чѣмъ болѣе онъ заявилъ, что легкомысліе, сильныя страсти, испорченное сердце составляютъ главныя черты его характера. На такой почвѣ произростаютъ дурные плоды. И такихъ плодовъ мы въ правѣ отъ заподозрѣннаго ожидать, основываясь на ничѣмъ неопровергнутой вѣроятности, что онъ уже оказался виновнымъ въ нарушеніи уголовнаго закона. Какъ же поступить въ этомъ случаѣ по отношенію къ заподозрѣнному? Предаться судьбѣ и ждать, пока заподозрѣнный совершитъ новое преступленіе, которое наконецъ доведетъ его до заслуженнаго наказанія? Это значило бы поставить себя въ безпомощное состояніе, въ виду опасности угрожающей обществу со стороны заподозрѣннаго. Это значило бы совершить непростительную небрежность по отношенію къ обществу. Правительство, которое не приметъ средствъ противъ опасности угрожающей обществу въ лицѣ заподозрѣннаго, дѣлается отвѣтственнымъ предъ гражданами за послѣдствія небрежности; оно не выполняетъ тѣхъ условій, при дѣйствіи которыхъ охраняются права гражданъ. Правительство, не желающее подвергать себя отвѣтственности за эту небрежность, въ правѣ принимать мѣры безопасности противъ заподозрѣннаго, въ видѣ отдачи подъ особый надзоръ полиціи, въ видѣ лишенія свободы, изгнанія, ссылки и разныхъ ограниченій касающихся мѣста жительства.

Желая предупредить справедливый упрекъ, что подъ этими мѣрами безопасности скрывается ничто иное, чѣмъ экстраординарныя наказанія, Эйзенгардтъ *съ самымъ серьезнымъ видомъ* усиливается установить различіе между этими мѣрами и отвергаемыми имъ экстраординарными наказаніями. Конечно это ему не удается, но самыя мысли его объ этомъ различіи въ высокой

степени интересны, какъ доказательство того, до чего можетъ доходить ослѣпленіе теоретика, который ставитъ слова выше дѣла, форму выше содержанія, который въ состояніи самый вопіющій произволъ возвести въ доктрину справедливости.

Во-первыхъ, онъ видитъ различіе между экстраординарными наказаніями и мѣрами безопасности въ ихъ цѣли. Цѣль наказанія состоитъ въ томъ, чтобы поддержать уваженіе и силу уголовнаго закона назначеніемъ виновному того зла, которымъ законъ грозитъ нарушителю. При принятіи мѣръ безопасности на эту цѣль не обращается вовсе вниманія. При примѣненіи ихъ имѣется въ виду не то; дѣйствительно ли заподозрѣнный нарушилъ уголовный законъ, а только то, грозитъ ли, въ лицѣ заподозрѣннаго, обществу опасность, которую отвратить предназначены мѣры безопасности. Уголовное наказаніе можетъ быть по праву опредѣлено не иначе, какъ въ силу уголовнаго закона, цѣль котораго состоитъ въ томъ, чтобы угрозою чувственнаго зла произвести ужасъ во всѣхъ гражданахъ къ противузаконнымъ дѣйствіямъ. При назначеніи мѣръ безопасности нѣтъ нужды въ этомъ предположеніи. Правительство опредѣляетъ ихъ въ силу ему принадлежащей полицейской власти, не для того, чтобы поддержать силу уголовнаго закона, а для того, чтобы подозрительный не предпринялъ противъ уголовнаго закона никакого нарушенія. Съ цѣлями мѣръ безопасности несовмѣстно намѣреніе причинить заподозрѣнному чувственное зло. Если бы возможно было изобрѣсть такую мѣру безопасности, которая бы не ограничивала свободы подозрительнаго лица, не причиняла ему зла, и въ то же время достаточно защищала государство отъ опасности, которою грозитъ это лице, то ее слѣдовало бы предпочесть всѣмъ другимъ мѣрамъ до сихъ поръ употребляющимися. Но какъ такая идеальная мѣра безопасности немыслима, то во всякомъ случаѣ слѣдуетъ помнить то, что отягченіе участи заподозрѣннаго, сопряженное съ принятіемъ мѣръ безопасности, не составляетъ существенной цѣли ихъ, и то зло, которое ему причиняется, не есть уголовное зло.

Еще рѣзче выразилъ ту же мысль извѣстный криминалистъ Клейнъ: онъ *не шутя* доказывалъ, что лишеніе свободы только въ видѣ наказанія есть чувствительное зло, а отнятіе свободы въ видѣ мѣръ безопасности не должно быть чувствительно для заподозрѣннаго.

Масштабомъ при опредѣленіи свойства и размѣра мѣръ без-

опасности служатъ не величина и качество того наказанія, которое слѣдовало бы заподозрѣнному, если бы онъ признанъ былъ виновнымъ въ подозрѣваемомъ преступленіи, а величина и качество той опасности, которая грозитъ обществу въ лицѣ заподозрѣннаго. Слѣдовательно, стѣсненіе свободы подозрительнаго, опредѣленное въ видѣ мѣры безопасности, можетъ быть и болѣе легкое и болѣе тяжкое, чѣмъ то стѣсненіе, которое опредѣляется въ видѣ наказанія за преступленіе.

Во-вторыхъ, Эйзенгардтъ видитъ различіе между наказаніемъ и мѣрами безопасности въ различіи ихъ дѣйствія и ихъ послѣдствій. Отбытое наказаніе имѣетъ то дѣйствіе, что оно освобождаетъ наказаннаго отъ дальнѣйшаго наказанія за тоже преступленіе. Напротивъ того, примѣненныя противъ заподозрѣннаго мѣры безопасности не избавляютъ заподозрѣннаго отъ того наказанія, которое должно быть опредѣлено ему, если бы въ послѣдствіи времени онъ былъ бы изобличенъ полными доказательствами въ томъ преступленіи, подозрѣніе въ которомъ подало поводъ къ принятію мѣръ безопасности.

Эйзенгардтъ, говоря такъ, забываетъ, что онъ самъ и согласные съ нимъ въ воззрѣніяхъ теоретики, въ родѣ Клейна, держались того мнѣнія, что субъектъ, отбывшій наказаніе (напримѣръ отсидѣвшій въ тюрьмѣ извѣстный срокъ лишенія свободы) можетъ быть удержанъ въ тюрьмѣ въ видѣ мѣры безопасности, если правительство признаетъ не безопаснымъ отпускать его на свободу. Такимъ образомъ по ученію этихъ доктринеровъ мѣры безопасности могутъ быть замѣнены наказаніемъ, а наказаніе—примѣненіемъ мѣръ безопасности. Слѣдовательно дѣйствіе того и другаго тождественно: ни то, ни другое не спасаетъ гражданина отъ угрозы будущимъ зломъ, будетъ ли это послѣднее носить названіе наказанія или мѣръ безопасности; ни то ни другое не ставитъ обвиняемаго внѣ предѣловъ подозрѣнія со стороны правительства; гражданинъ цѣлую жизнь можетъ подвергаться, попеременно, то наказанію, то мѣрамъ безопасности, смотря по тому отысканы ли противъ него доказательства или нѣтъ. Нѣтъ достаточныхъ доказательствъ вины даннаго субъекта, но администрація считаетъ его почему-либо подозрительнымъ, а слѣдовательно и опаснымъ. Такой субъектъ подвергается лишенію свободы въ видѣ мѣры безопасности; онъ посаженъ въ тюрьму на этомъ основаніи. Во время такого заключенія отыскиваются доказательства его вины, его опять судятъ, и приговариваютъ тоже

къ тюремному заключенію, но только въ видѣ наказанія. И опять онъ сидитъ въ тюрьмѣ, только по мотивамъ, носящимъ иное названіе. Можетъ случиться наоборотъ, что сначала подозрѣваемаго лишатъ свободы въ видѣ наказанія, а потомъ станутъ держать его въ тюрьмѣ въ видѣ безопасности. Итакъ эта процедура можетъ продолжаться до безконечности.

Эйзенгардтъ переходитъ далѣе къ рѣшенію вопроса: кому должно быть предоставлено право примѣнять мѣры безопасности,— суду, или администраціи? Вопросомъ этимъ серьезно занимались криминалисты конца XVIII и начала XIX в. Были сторонники того мнѣнія, что это право должно быть предоставлено не иному кому, какъ только судьѣ, который одинъ можетъ быть безобиднымъ рѣшителемъ судьбы гражданина. Этого мнѣнія держались между прочимъ Самуилъ Веверъ и Клейнъ. Другіе, какъ напримѣръ Лейзеръ, Штрюбенъ, Фейербахъ, находили, что судьѣ въ семъ случаѣ дѣлать нечего, что ему принадлежитъ право судить по законамъ, что онъ поступилъ бы вопреки своей обязанности, если бы сдѣлалъ распоряженіе, клонящееся къ стѣсненію личности гражданина, въ томъ случаѣ, въ которомъ молчитъ законъ. Эйзенгардтъ держится того мнѣнія, что только судья можетъ быть рѣшителемъ вопроса, слѣдуетъ или нѣтъ, въ данномъ случаѣ и къ данному лицу, примѣнить мѣры безопасности. Онъ говоритъ, что хотя по природѣ своей это право составляетъ принадлежность полицейской власти, но тѣмъ не менѣе должно быть примѣняемо въ силу установленнаго закономъ уголовнаго изслѣдованія и на основаніи результатовъ его. А если такъ, то кто, кромѣ уголовнаго судьи, можетъ рѣшить вопросъ, въ какой степени обвиняемый подозрителенъ, и на столько ли подозрѣніе важно, чтобы оно могло вызвать необходимость принятія мѣръ безопасности. Кто другой, какъ не уголовный судья, можетъ точнымъ образомъ, путемъ слѣдствія, познакомиться съ личностію обвиняемаго, и на основаніи этого знакомства установить какъ степень его опасности для общественнаго порядка, такъ и соотвѣтствующую этой степени мѣру безопасности.

Вникая ближе въ это разномысліе упомянутыхъ теоретиковъ, нельзя не замѣтить того, что въ сущности оно несущественно. Тѣ, которые стоятъ за предоставленіе права опредѣленія мѣръ безопасности администраціи, только представляютъ положеніе дѣла безъ прикрасъ, въ томъ видѣ, какъ оно есть. Между тѣмъ, какъ сторонники предоставленія этого права суду хотятъ прикрыть

узаконенный произволъ именемъ суда. Судья, примѣняющій это право, въ моментъ его примѣненія, является не судьей, а полиціантомъ. Для сущности дѣла безразлично какое званіе будетъ носить то должностное лицо, которому будетъ предоставлено право лишать, безъ суда и достаточныхъ доказательствъ, гражданина свободы; будетъ ли оно носить имя судьи, или администратора, во всякомъ случаѣ оно будетъ въ этомъ случаѣ отправлять не судейскую должность, а дѣйствіе узаконеннаго произвола, которое не должно быть предоставляемо ни одному должностному лицу.

Разномысліе упомянутыхъ теоретиковъ въ этомъ пунктѣ до такой степени несущественно и потому, что приверженцы примѣненія мѣръ безопасности исключительно дѣятельностію администраціи возлагаютъ однакоже на судью обязанность сообщить о семъ свое мнѣніе извѣстному административному вѣдомству. И съ другой стороны, тѣ, которые признаютъ умѣстнымъ рѣшеніе вопроса о необходимости примѣненія мѣръ безопасности предоставить суду, утверждаютъ при этомъ, что главная затѣмъ дѣятельность по примѣненію или непримѣненію той или другой мѣры принадлежитъ администраціи.

V.

Совершенно противоположную теорію мы находимъ у французскихъ теоретиковъ конца XVIII и начала XIX стол. Типическимъ представителемъ этой теоріи можно признать Бенжамена-Констана, который имѣлъ мужество отстаивать ее во время наполеоновскаго абсолютизма, и въ виду произвольныхъ дѣйствій, которыя дозволяла себѣ реставрація [1]).

Проводя параллель между свободою древнихъ республикъ и новѣйшихъ монархій, онъ отдаетъ рѣшительное преимущество послѣднимъ въ отношеніи охраны личной неприкосновенности. Въ древнихъ республикахъ, каковы Аѳинская и Римская, гражданинъ взятый въ отдѣльности, имѣлъ гораздо большее политическое значеніе, чѣмъ то, какое принадлежитъ гражданину въ новѣйшихъ монархіяхъ. Гражданину древнихъ республикъ принадлежала частица

---

1) *Benjamin Constant*. Cours de droit constitutionnel. T. 1, ch. XVIII, XIX, pag. 356, 265, 325, 334, 342, 356, 370. T. II. De la liberté des anciens comparée à celle des modernes, p. 537.

верховной власти; онъ принималъ непосредственное, личное участіе въ выборѣ должностныхъ лицъ, въ собраніяхъ рѣшавшихъ вопросы о войнѣ и мирѣ, онъ непосредственно голосовалъ принятіе или непринятіе того или другаго закона; словомъ онъ былъ единицею того народа, которому принадлежала верховная власть, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, онъ былъ одною изъ единицъ того собранія, которое осуществляло на дѣлѣ эту верховную власть. Такимъ образомъ политическое значеніе гражданина древнихъ республикъ было велико.

Иное политическое значеніе имѣетъ гражданинъ новѣйшей монархіи; значеніе это далеко уже, меньше, потому что онъ принимаетъ участіе въ законодательствѣ, управленія, въ рѣшеніи вопросовъ о войнѣ и мирѣ не прямо и не посредственно, а косвенно и посредственно. На выборъ высшихъ должностныхъ лицъ, на принятіе того или другаго закона, на войну и миръ онъ имѣетъ вліяніе не своимъ непосредственнымъ участіемъ въ тѣхъ собраніяхъ, которыя рѣшаютъ эти дѣла, а посредствомъ своихъ представителей, въ выборѣ которыхъ онъ принимаетъ участіе. Слѣдовательно его вліяніе, проходя чрезъ другую среду, преломляется, теряетъ и въ своемъ существѣ и въ своей силѣ.

Совершенно въ обратномъ отношеніи находятся независимость и неприкосновенность личности гражданина въ древнихъ республикахъ и въ новѣйшихъ государствахъ. Пользуясь частицею верховной власти какъ одна изъ единицъ цѣлаго народа, гражданинъ древнихъ республикъ находился какъ частное лицо въ полномъ подчиненіи у этого суверена; личность его не была ограждена отъ произвола этой верховной власти; гражданинъ не былъ неприкосновененъ въ своей индивидуальной независимости отъ желанія народной массы поступить съ нимъ какъ ей захочется, безъ суда и права.

Далеко, къ счастію, иное положеніе имѣетъ гражданинъ въ дѣлѣ личной независимости, въ новѣйшемъ государствѣ. Не участвуя непосредственно ни въ законодательствѣ, ни въ управленіи, не имѣя ни малѣйшей доли верховной власти, онъ ищетъ, онъ хочетъ полной независимости и неприкосновенности своей личности въ частной жизни; онъ требуетъ чтобы верховная власть къ нему относилась въ этой сферѣ, какъ къ силѣ независимой и самостоятельной, безъ малѣйшей доли произвола,—какъ къ такой силѣ, которая находитъ ограниченіе только въ законѣ и терпитъ стѣсненіе въ своихъ правахъ и въ своей индивидуальной свободѣ только по суду.

Аѳинскій остракизмъ, говоритъ Бенжаменъ-Констанъ, основывался на той гипотезѣ, что общество всевластно надъ своими членами. И въ самомъ дѣлѣ, въ маломъ государствѣ, гдѣ вліяніе одной личности, сильной своимъ кредитомъ, своею партіею, своею славою, часто колеблетъ могущество массы, остракизмъ могъ имѣть хоть какое нибудь оправданіе, хоть какую-нибудь видимость пользы. Не то между нами, гдѣ индивидуальное вліяніе до такой степени теряется во множествѣ вліяній, равныхъ и высшихъ, что всякое угнетеніе, мотивированное необходимостію уменьшить это вліяніе, безполезно, а слѣдовательно и несправедливо. Никто не имѣетъ права ссылать гражданина, если онъ не осужденъ правильно устроеннымъ судомъ, въ силу положительнаго закона, который опредѣляетъ ссылку — въ видѣ наказанія за дѣйствіе, въ которомъ онъ признанъ виновнымъ. Никто не имѣетъ права отторгнуть гражданина отъ своего отечества, собственника отъ своихъ земель, купца отъ своей торговли, супруга отъ своей супруги, отца отъ своихъ дѣтей, писателя отъ своихъ размышленій, старика отъ своихъ привычекъ. Всякая политическая ссылка есть насиліе политическое.

Римская цензура предполагаетъ, подобно остракизму, произвольную власть. Въ какой нибудь республикѣ, въ которой всѣ граждане, удерживаемые бѣдностію при крайней простотѣ нравовъ, живутъ въ томъ же самомъ городѣ, не занимаются ничѣмъ, что̀ бы отвлекало ихъ вниманіе отъ дѣлъ государственныхъ, и такимъ образомъ постоянно являются наблюдателями и судьями дѣйствій общественной власти, цензура съ одной стороны можетъ имѣть извѣстное вліяніе, а съ другой стороны произволъ цензоровъ сдерживается нѣкотораго рода моральнымъ надъ ними надзоромъ полиціи. Но какъ только расширеніе республики, сложность соціальныхъ отношеній, и утонченность цивилизаціи, отняли у этого учрежденія то, что служило ему въ одно время и базисомъ и ограниченіемъ, цензура выродилась въ самомъ Римѣ. Такимъ образомъ не цензура создала добрые нравы; а простота нравовъ условливала могущество и дѣйствительность цензуры. Столь произвольное учрежденіе какъ цензура оказалась бы въ большомъ государствѣ новѣйшаго времени и недѣйствительнымъ и невыполнимымъ. Въ настоящемъ состояніи общества, нравы слагаются изъ тонкихъ оттѣнковъ, волнующихся, неуловимыхъ, которые способны на тысячу ладовъ выродиться, при первой же попыткѣ дать имъ болѣе опредѣленности. Одно общественное мнѣ-

ніе можетъ ихъ касаться; одно оно можетъ ихъ судить, будучи одной и той же природы съ ними.

Личная свобода вотъ истинная свобода новаго времени. Политическая свобода есть только гарантія ея (средство къ этой цѣли); потому только она и необходима. Но требовать у народовъ нашихъ дней, чтобы они принесли, какъ нѣкогда, всю совокупность ихъ личной свободы въ жертву политической свободѣ, это значило бы посовѣтовать попрать первый и главный видъ свободы; съ тѣмъ вмѣстѣ и сама политическая свобода не замедлила бы исчезнуть. Я требую, говоритъ Бенжаменъ-Констанъ, свободы соотвѣтствующей новымъ временамъ, и желалъ бы, чтобы монархіи, среди которыхъ мы живемъ, не занимали у древнихъ республикъ средствъ насъ угнетать.

Личная неприкосновенность есть цѣль человѣческаго общежитія. На ней опирается общественная и частная нравственность. На ней покоятся разсчеты промышленности. Безъ нея не существуетъ для человѣка ни мира, ни достоинства, ни чести.

Личная необезпеченность и правительственный произволъ разрушаютъ нравственность. Нравственность немыслима безъ личной безопасности (и личной отвѣтственности, которая немыслима безъ личной свободы). Когда произволъ не стѣсняясь поражаетъ людей, которые кажутся для него подозрительными, то тѣмъ самымъ онъ не только преслѣдуетъ отдѣльное лице, но оказываетъ презрѣніе къ цѣлой націи. Люди всегда стремятся къ тому, чтобы избавиться отъ страданій; когда угрожаютъ тому, что они любятъ, они или его лишаются, или его защищаютъ. Нравы, говоритъ одинъ писатель XVIII в., вдругъ портятся въ городахъ подвергшихся моровой язвѣ; умирая, одинъ другаго обворовываетъ, одинъ другаго грабитъ; что для физической природы моровая язва, то для нравственной произволъ.

Произволъ есть врагъ домашнихъ связей; ибо санкція домашнихъ связей коренится въ надеждѣ жить вмѣстѣ, жить свободными, въ неприкосновенности, которую юстиція гарантируетъ гражданамъ. Произволъ принуждаетъ: сына равнодушно смотрѣть на притѣсненіе своего отца, отнимая у него возможность защиты, супругу переносить въ молчаніи произвольное заключеніе своего мужа, друзей и близкихъ отрекаться отъ самыхъ святыхъ привязанностей.

Произволъ есть врагъ всякихъ сдѣлокъ, на которыхъ основывается благосостояніе народовъ; онъ колеблетъ кредитъ, унич-

тожаетъ торговлю, поражаетъ всякую обезпеченность. Когда отдѣльная личность страдаетъ, не будучи признана виновною, все что не лишено умственнаго развитія считаетъ себя небезопаснымъ, и не безъ основанія; ибо гарантіи разрушены, почва поколеблена, всѣ сдѣлки приходятъ въ застой, или же совершаются подъ давленіемъ страха.

Когда произволъ господствуетъ, онъ проникаетъ во всѣ поры общества такъ, что самый невинный гражданинъ можетъ вдругъ натолкнуться на него и вооружить его противъ себя. Достаточно только держать себя въ сторонѣ и допускать, чтобы его удары поражали другихъ. Тысячи связей насъ соединяютъ съ подобными намъ, и самый черствый эгоизмъ не доходитъ до того, чтобы разорвать ихъ всѣ до одной. Вы считаете себя неуязвимымъ въ вашей добровольной неизвѣстности, но вы имѣете сына, который увлекся молодостію; братъ вашъ, менѣе благоразумный, чѣмъ вы, позволилъ себѣ ропотъ; старый врагъ вашъ, котораго вы нѣкогда задѣли, успѣлъ пріобрѣсть нѣкоторое вліяніе. Что вы сдѣлаете тогда? Послѣ того какъ вы съ горечью порицали всякій ропотъ, послѣ того какъ вы отвергали всякую жалобу, не станете ли вы сами въ свою очередь жаловаться? И вотъ вы напередъ осуждены, и вашею собственною совѣстію и тѣмъ развращеннымъ общественнымъ мнѣніемъ, образованію котораго вы сами столько способствовали. Вы видѣли угнетенныхъ; вы признали ихъ виновными; слѣдовательно вы сами пробили дорогу, по которой вы въ свою очередь пойдете.

Произволъ несовмѣстенъ съ стойкостью правительственнаго порядка. Стойкость правительства предполагаетъ точные и ненарушимые предѣлы власти, что не совмѣстно съ произволомъ личныхъ агентовъ власти, для которыхъ границъ не существуетъ, кромѣ границъ собственнаго благоразумія, или правильнѣе неблагоразумія.

Произволъ опасенъ для самаго правительства, разсматриваемаго съ точки зрѣнія его дѣятельности. Придавая ей нѣкоторый видъ внѣшней силы, онъ тѣмъ не менѣе отнимаетъ у нея характеръ правильности, постоянства и полезности.

Административный произволъ, дѣлающій распоряженія помимо закона и суда, какъ бы говоритъ народу: твои законы недостаточны для того, чтобы тобою управлять. А говоря такъ, онъ какъ бы уполномочиваетъ народъ отвѣчать: если такъ, если наши законы недостаточны для указанной цѣли, то мы желаемъ другихъ законовъ.

Этимъ самымъ подвергается сомнѣнію всякая законная власть; въ результатѣ остается одна только сила. Значило бы слишкомъ вѣрить въ глупость людей, если бы можно было имъ сказать: вы согласились подвергнуться такому-то, или такому стѣсненію, для того чтобы обезпечено было для васъ такое-то покровительство. Мы отнимаемъ отъ васъ покровительство, но вы оставляете намъ право примѣнять къ вамъ это стѣсненіе; отнынѣ вы будете съ одной стороны переносить всѣ ограниченія, неразлучныя съ общественнымъ строемъ, и съ другой стороны вы должны будете подвергнуться всѣмъ случайностямъ дикаго состоянія.

Произволъ не приноситъ никакой помощи правительству въ отношеніи его безопасности. То что правительство дѣлаетъ противъ своихъ враговъ руководствуясь закономъ, враги его, не могутъ тоже дѣлать противъ него во имя же закона. Но то, что правительство дѣлаетъ противъ своихъ враговъ во имя произвола, то его враги въ силу того же произвола могутъ предпринять противъ него самаго; ибо произволъ есть сила неопредѣленная и неимѣющая границъ.

Когда правильно устроенное правительство позволяетъ себѣ употребленіе произвола, оно цѣль своего существованія приноситъ въ жертву тѣмъ мѣрамъ, которыя оно принимаетъ для сохраненія его. Почему желаютъ, чтобы власть принимала мѣры репрессіи противъ тѣхъ, которые нападаютъ на нашу собственность, на нашу свободу или нашу жизнь? Для того чтобы обезпечить за нами пользованіе сими благами. Но если наша собственность можетъ быть уничтожена, наша личная неприкосновенность попрана, наша жизнь поставлена въ опасность, благодаря только одному произволу, какое благо мы можемъ извлечь изъ покровительства власти? Зачѣмъ желаютъ, чтобы власть наказывала по суду тѣхъ, которые дѣлаютъ заговоры противъ государственнаго устройства? Затѣмъ, что боятся, чтобы на мѣсто законной всѣхъ охраняющей организаціи государства не стала власть способная угнетать. Но если правительство само употребляетъ власть, руководствуясь не закономъ, а произволомъ, не для защиты безопасности всѣхъ и каждаго, а для угнетенія, какое нравственное превосходство показываетъ оно надъ попытками крамольныхъ партій захватить власть? Правда, произвольныя мѣры правительства, законно сложившагося, всегда бываютъ не столь сложны и не столь многочисленны, какъ произвольныя мѣры такихъ партій, которыя должны еще установить свое могущество; но даже эта выгода те-

ряется по причинѣ того же произвола. Мѣры разъ допущены, — и вотъ ихъ находятъ столь простыми, столь удобными, что уже болѣе не думаютъ объ употребленіи другихъ, то, что сначала представлялось крайнимъ средствомъ въ обстоятельствахъ безконечно рѣдкихъ, то произволъ превращаетъ въ разрѣшеніе всѣхъ задачъ, въ практику каждаго дня.

Если что предохраняетъ людей отъ произвола, такъ это соблюденіе установленныхъ законныхъ формъ. Формы это ангелы хранители человѣческаго общежитія; формы это единственныя покровительницы невинности; формы суть лучшіе способы сношеній людей между собою. Внѣ ихъ всё является тёмнымъ, все бываетъ предоставлено колеблющемуся измѣнчивому мнѣнію,—невидимой и иногда неуловимой совѣсти. Однѣ формы обладаютъ наглядностію, къ нимъ однѣмъ угнетенный можетъ аппелировать.

Отвѣтственность правительственныхъ агентовъ есть одно изъ средствъ противодѣйствія произволу. Древніе считали, что мѣста запятнанныя преступленіемъ должны подвергнуться искупительному очищенію. Новые народы должны признать, что почва заклейменная произволомъ, чтобы очиститься, имѣетъ нужду въ явномъ наказаніи виновныхъ, агентовъ власти. Если у какого нибудь народа гражданинъ подвергается произвольному заключенію въ тюрьму, если виновникъ произвольнаго заключенія, или заключенія совершеннаго съ нарушеніемъ формъ и обрядовъ предписанныхъ закономъ, не несетъ быстраго наказанія, то значитъ этотъ народъ не знакомъ съ первыми элементами гражданской свободы и личной неприкосновенности.

Нѣкоторые въ примѣненіи произвола видятъ только мѣру полиціи. Это именно тѣ люди, которые надѣются всегда быть примѣнителями этой мѣры, а не объектомъ, къ которому она будетъ примѣняться. Въ этомъ и причина, почему они считаютъ ее мѣрою, хорошо разсчитанною для поддержанія общественнаго спокойствія и добраго порядка. Не такъ думаютъ тѣ, которые заинтересованы въ сохраненіи общественнаго спокойствія въ высшемъ смыслѣ слова. По ихъ убѣжденію предоставить представителямъ исполнительной власти право произвольно распоряжаться личною свободою гражданъ, это значило бы уничтожить всѣ гарантіи, которыя составляютъ первое условіе и единственную цѣль соединенія людей подъ властію законовъ.

Въ той странѣ, въ которой представители административной власти могутъ безъ суда производить неограниченные аресты и ссылки,

напрасны были бы попытки, направленныя къ тому, чтобы ради интересовъ просвѣщенія, предоставить нѣкоторый просторъ и нѣкоторую обезпеченность печати. Если писатель, совершенно покорный законамъ, станетъ нападать на мнѣнія и критиковать дѣйствія власть имѣющихъ, то его посадятъ въ тюрьму, или сошлютъ въ ссылку не какъ писателя, а какъ опаснаго человѣка, и это сдѣлаютъ съ нимъ безъ объясненія причинъ.

Тѣ, которые извиняютъ произволъ, или по крайней мѣрѣ стараются ослабить его опасности, обыкновенно говорятъ такъ, какъ если бы граждане имѣли непосредственныя сношенія съ представителемъ верховной власти. Но на дѣлѣ выходитъ не то. Неизбѣжныя и самыя прямыя отношенія граждане имѣютъ только къ второстепеннымъ представителямъ власти. Позволить ссылку, тюремное заключеніе, или всякое другое притѣсненіе, которое не установлено закономъ, которому не предшествовали судебный приговоръ, или постановленіе учрежденной власти, это значитъ поставить гражданъ не подъ власть монарха и даже не подъ власть министровъ, а подъ произволъ самыхъ низшихъ представителей администраціи. Эти-то представители подчиненной власти, совершивъ насиліе надъ гражданиномъ принятіемъ произвольной мѣры, обыкновенно оправдываютъ примѣненіе этой мѣры какою нибудь ложною исторіею. Чѣмъ болѣе государь и министры счастливы тѣмъ, что они поставлены для того, чтобы управлять общимъ ходомъ дѣлъ, чтобы содѣйствовать возрастанію благосостоянія, достоинства, богатства и могущества государства; тѣмъ болѣе обширность этихъ важныхъ обязанностей дѣлаетъ для нихъ невозможнымъ подробное изслѣдованіе интересовъ отдѣльныхъ лицъ, интересовъ мелкихъ и незамѣтныхъ, если ихъ сравнивать съ цѣлымъ, но тѣмъ не менѣе священныхъ, потому что они обнимаютъ жизнь, свободу и безопасность невинности. Слѣдовательно забота о сихъ интересахъ должна быть предоставлена тѣмъ, которые могутъ ими заниматься, она должна быть предоставлена судамъ, на которые возложена исключительная обязанность изслѣдованія жалобъ, повѣрка обвиненій, раскрытіе преступленій; судамъ, которые имѣютъ столько же досуга, сколько обязанности, во все углубляться, все взвѣшивать на точныхъ вѣсахъ правосудія,—судамъ, которые имѣютъ во всемъ этомъ свою спеціальную обязанность, и которые одни въ состояніи ее выполнить.

Нѣкоторые считаютъ административную ссылку мѣрою болѣе

мягкою, чѣмъ произвольный арестъ и таковое же тюремное заключеніе. Но это грубая ошибка. Конечно арестъ и тюремное заключеніе безъ суда и права примѣняемыя, прямо бросаются въ глаза своею жестокостію и несправедливостію. Но не менѣе тяжка и административная ссылка. Чтобы въ этомъ убѣдиться, нужно спуститься въ тѣ классы общества, которые она поражаетъ, нужно взвѣсить то, что она производитъ. И что же мы видимъ? Мы видимъ, что ссылка отторгаетъ отца отъ своихъ дѣтей, мужа отъ жены, комерсанта отъ своихъ предпріятій; она принуждаетъ родителей прервать выработанную систему воспитанія своей семьи или ввѣрить ихъ наемнымъ рукамъ, она разлучаетъ друзей; она поражаетъ промышленнаго человѣка въ его предпріятіяхъ, талантъ въ его работахъ. Ссылка неразлучна съ нищетою и бѣдностію, она преслѣдуетъ свою жертву въ неизвѣстной ей мѣстности лишеніями, отнятіемъ возможности не только пользоваться удовольствіями, но удовлетворять первымъ нуждамъ; ссылка неразлучна съ опалою, окружая тѣхъ, кого она поражаетъ, подозрѣніями и недовѣріемъ; она бросаетъ свои жертвы въ ту атмосферу, которая неразлучна съ гоненіемъ, которая окружаетъ ихъ убійственнымъ холодомъ общества и подвергаетъ ихъ заносчивости послѣдняго агента власти.

VI.

Изложенная выше французская теорія съ конца прошедшаго столѣтія постепенно пріобрѣтала значеніе общепринятой европейской теоріи,—скоро перешедшей въ положительный законъ. Основные законы нынѣшнихъ западно-европейскихъ народовъ покоятся именно на ея началахъ. На континентъ Европы эта теорія перешла изъ Англіи, гдѣ она давно сдѣлалась основаніемъ государственной жизни англійскаго народа и оплотомъ личной неприкосновенности гражданина. И замѣчательна логика европейской общественности, она подчиняетъ себѣ даже такіе народы, которые казалось далеко отстоятъ отъ европейскихъ порядковъ. Я говорю о Турціи, которая вынуждена была въ свои основные законы внести гарантію личной свободы и неприкосновенности. Явленіе замѣчательное даже тогда, когда бы мы сомнѣвались въ осуществимости на дѣлѣ этихъ гарантій въ Турціи. Во всякомъ случаѣ, оно служитъ рѣшительнымъ доказательствомъ господства въ міросозерца-

нія европейскихъ народовъ того глубокаго убѣжденія, что внѣ этихъ гарантій невозможно дальнѣйшее развитіе благосостоянія и безопасности народовъ. Согласно основнымъ началамъ изложенной теоріи въ основныхъ законахъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ приняты слѣдующія правила въ огражденіе личной неприкосновенности.

Первое основное правило: Никто безъ суда, и помимо суда не можетъ быть ни привлеченъ къ отвѣтственности передъ судомъ, ни наказанъ [1]).

---

[1]) Это правило почти въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ принято во всѣхъ основныхъ законахъ нынѣшнихъ европейскихъ народовъ, начиная съ конца прошедшаго столѣтія. Такъ въ законѣ Франціи 1791 г. 14 сентября, въ которомъ опредѣлены были права человѣка, сказано: ст. 7. Никто не можетъ быть обвиненъ, арестованъ, заключенъ въ тюрьму иначе, какъ въ случаяхъ точно опредѣленныхъ закономъ. Тотъ, кто ходатайствуетъ о произвольныхъ распоряженіяхъ, посылаетъ таковыя, приводитъ или заставляетъ приводить ихъ въ исполненіе, долженъ быть наказанъ. ст. 8. Никто не можетъ быть наказанъ иначе, какъ въ силу закона, установленнаго, обнародованнаго прежде преступленія и примѣненнаго законно. Гл. II, от. I, ст. 3. Король Франціи не имѣетъ власти выше власти закона. Король управляетъ только посредствомъ закона, и можетъ требовать повиновенія только во имя закона. Гл. II, отдѣл. 4, ст. 5. Министры отвѣтственны за всякое покушеніе на свободу гражданина. Тѣже правила повторены въ основныхъ законахъ 1793 г. ст. 14, 1795 г. ст. 8, 1814 г. ст. 4. Въ добавочномъ законѣ 1815 г. 22 дек. сказано: Никто не можетъ быть *преслѣдуемъ*, арестованъ, заключенъ въ тюрьму или *сосланъ*, въ другихъ случаяхъ кромѣ тѣхъ, которые указаны въ законѣ. Тоже буквально повторено въ основныхъ законахъ 1848 г. гл. II ст. 2. Въ 9 ст. Бельгійскихъ основныхъ законовъ 1831 г. говорится: никакое наказаніе не можетъ быть установлено и примѣнено иначе, какъ только въ силу закона. Ст. 7. Никто не можетъ быть преслѣдуемъ въ другихъ случаяхъ, кромѣ тѣхъ, которые предусмотрѣны закономъ. Баварскіе осн. законы 1818 г. тит. IV, ст. 8. Государство гарантируетъ каждому жителю государства безопасность его личности, собственности и правъ. Основные законы Норвегіи 1814 г. ст. 96. Никто не можетъ быть *судимъ иначе*, какъ согласно закону, ни наказанъ иначе, какъ послѣ того, *какъ судъ произнесетъ приговоръ*. Прусскіе основные законы 1850 г. ст. 5. Личная свобода гарантируется. Ст. 8. Преслѣдованіе можетъ быть предписано и наказаніе можетъ быть примѣнено только въ силу закона. Англійскіе основ. законы. Никто не можетъ, противъ своей воли, быть принужденъ оставить британскую территорію, если только онъ не принадлежитъ къ сухопутной, или морской арміи, и если только благо государства не требуетъ, чтобы войско было употреблено внѣ территоріи королевства. Никто не можетъ быть наказанъ лишеніемъ свободы иначе, какъ только въ силу приговора, поставленнаго судомъ, на основаніи вердикта о виновности, произнесеннаго единогласно присяжными. Въ Англіи это основное правило было установлено еще въ XIII стол., но оно не разъ было нарушаемо. Вслѣдствіе этого подымались жалобы. Въ этомъ отношеніи интересно содержаніе петиціи поданной въ 1628 г. Карлу I-му. «Статутомъ называемымъ Великою Хартіей вольностей Англіи, говорится въ этой петиціи, было рѣшено и установлено, что никакой гражданинъ не можетъ быть ни брошенъ въ тюрьму, ни лишенъ собственности, свободы и вольностей, ни изгнанъ, ни сосланъ, ни преданъ смерти, иначе какъ только въ силу законнаго приговора своихъ перовъ, на основаніи законовъ страны. Равнымъ образомъ постановленіемъ парламента, въ 28 годъ царствованія Эдуарда III-го объявлено было, что никто, какого бы званія и состоя-

Все, что несетъ на себѣ характеръ требованія у гражданина отчета въ его поведеніи, относится къ вѣдомству суда. Посему только органы суда могутъ: признать существованіе повода къ возбужденію противъ гражданина обвиненія въ законопреступномъ дѣяніи, то есть признать его заподозрѣннымъ; потребовать явки или привода гражданина къ установленной власти для допроса; подвергнуть его формальному допросу, войти въ его жилище и произвесть въ немъ обыскъ; посадить на скамью подсудимыхъ; и наконецъ признать его заслуживающимъ наказанія.

Никакая власть, и ея органы и служители, ни власть административная, ни законодательная (за исключеніемъ принадлежащаго верховной власти права помилованія) не имѣютъ права вмѣшательства въ нормальное отправленіе уголовнаго суда. Посему всякое дѣйствіе, носящее на себѣ подобіе уголовнаго суда и уголовнаго наказанія и исходящее не отъ суда, а отъ администраціи, считается нарушеніемъ основныхъ законовъ, проявленіемъ гибельнаго для общественной и частной безопасности произвола.

Посему признается незаконнымъ и потрясающимъ общественную безопасность, если кто нибудь изъ гражданъ былъ бы, помимо власти суда и ея компетентныхъ органовъ и агентовъ, властію администраціи, или даже законодательнаго органа, заподозрѣнъ въ преступленіи, призванъ къ допросу и допрошенъ, если бы ненарушимость его жилища была нарушена обыскомъ, если бы онъ подвергнутъ былъ аресту, и наконецъ какъ виновный понесъ такое стѣсненіе, какое по своей природѣ составляетъ одинъ изъ видовъ наказаній.

Что такое наказаніе по своей природѣ? Это есть причиненіе человѣку физическаго и моральнаго страданія; это есть внесеніе въ жизнь гражданина стѣсненій и ограниченій; это есть пори-

---

нія онъ ни былъ, не можетъ быть ни лишенъ своей земли, своего дома, ни арестованъ или заключенъ въ тюрьму, ни лишенъ наслѣдства, ни преданъ смерти, безъ предоставленія ему права себя защищать. Несмотря однакожъ на этотъ статутъ и другіе добрые законы и постановленія Вашего королевства, установленные съ тою же цѣлію, многіе изъ Вашихъ подданныхъ заключены въ тюрьму, невѣдомо для нихъ за что, и когда они были приводимы предъ вашихъ судей, въ силу Habeas corpus, и предъявлено было тюремнымъ смотрителямъ требованіе, чтобы они объявили о причинѣ заключенія въ тюрьму, то они не могли указать другаго основанія кромѣ того, что заключенные были арестованы по частному повелѣнію Вашего Величества, подписаннаго членомъ тайнаго Вашего совѣта.» Извѣстно что Карлъ I-й вызвалъ революцію своимъ произволомъ и самоуправствомъ, въ томъ числѣ нарушеніемъ правила: никто безъ суда себѣ равныхъ не можетъ быть наказанъ. Это правило окончательно было признано билемъ о правахъ при Вильгельмѣ Оранскомъ.

цаніе и неодобреніе его поведенія и его поступковъ. Таковымъ наказаніе было изъ начала вѣковъ. Таковымъ оно является и нынѣ. Прежде оно состояло главнымъ, если не исключительнымъ, образомъ въ причиненіи физическаго страданія. Нынѣ оно выражается главнымъ образомъ въ стѣсненіи свободы, въ разныхъ ограниченіяхъ и нравственномъ осужденіи со стороны общества. Итакъ все, что носитъ характеръ причиненія человѣку физическаго и нравственнаго страданія и боли, все что содержитъ въ себѣ стѣсненіе и ограниченіе принадлежащей каждому гражданину свободы трудиться такъ, или иначе, жить здѣсь или тамъ, оставаться въ данную минуту въ мѣстѣ своего жительства, или его навсегда или на время оставить, жить неприкосновенно въ своемъ домѣ, въ общеніи съ своею семьею, друзьями и знакомыми, все, что говоритъ ему въ реальныхъ формахъ: „страдай, потому что ты виноватъ", все это не можетъ быть ничѣмъ другимъ, какъ только наказаніемъ.

Подданному или гражданину предложено помимо суда, по распоряженію административной власти оставить извѣстное мѣстожительство и не возвращаться туда безъ дозволенія администраціи, или ему предписано не выѣзжать и никуда не отлучаться изъ настоящаго мѣста жительства. Оказывается ли такимъ предписаніемъ гражданину уваженіе, или порицаніе, причиняется ли ему добро или зло? Очевидно, послѣднее. А если такъ, то подобное стѣсненіе свободы гражданина не можетъ быть для него ничѣмъ другимъ, какъ только наказаніемъ. И этого свойства нельзя отнять отъ этихъ распоряженій никакими софизмами. Опредѣлять же гражданину наказаніе никто, безъ нарушенія вѣковыхъ началъ нормальной общественности, не можетъ быть уполномоченъ, кромѣ суда. Сдѣлано распоряженіе безъ вѣдома и вмѣшательства суда о высылкѣ гражданина въ болѣе или менѣе отдаленную провинцію. Этимъ онъ оторванъ отъ того мѣста, гдѣ онъ жилъ и дѣйствовалъ, гдѣ онъ имѣлъ исторически сложившуюся возможность добывать своимъ трудомъ средства содержать себя и свою семью, гдѣ онъ свилъ себѣ гнѣздо, гдѣ живутъ всѣ его привязанности, всѣ связи, гдѣ обитаетъ его душа. У кого достанетъ смѣлости и доктринерства доказывать, что высылка путемъ администраціи причиняетъ меньше страданія, меньше стѣсненія и бѣдствій, чѣмъ та высылка, или ссылка, которая опредѣляется судомъ? А если такъ, то ссылка была, есть и будетъ, по своей природѣ, ничѣмъ другимъ, какъ только наказаніемъ, отъ кого бы она ни исходила, какое бы она названіе

ни носила, и потому ее никто другой не можетъ опредѣлять, кромѣ суда. Взято извѣстное лицо подъ арестъ и заключено въ тюрьму, по распоряженію не судебной, а административной власти. Пусть отыщется такой ученый, который бы нашелъ какое либо различіе въ физическомъ отношеніи между тюремнымъ заключеніемъ по суду и тюремнымъ заключеніемъ безъ суда, по произволу администраціи. Если такого различія отъискать невозможно, то слѣдовательно арестъ и тюремное заключеніе по своей природѣ, кѣмъ бы они ни были наложены, не могутъ быть ничѣмъ другимъ, кромѣ наказаніемъ.

Что сказано о природѣ запрещенія или повелѣнія жить въ данномъ мѣстѣ, о природѣ ссылки, ареста и тюремнаго заключенія, кѣмъ бы они ни были опредѣлены, тоже должно быть сказано и относительно отдачи властію администраціи подъ надзоръ полиціи, отдачи на поруки, замѣчаній, выговоровъ и предостереженій. Если найдется такой острый умъ, который можетъ доказать, что эти мѣры причиняютъ или не причиняютъ страданіе гражданину, смотря по тому опредѣляются ли они судомъ или администраціею, тогда дѣло административнаго произвола выиграно. А если это недостижимо, если никакой смѣлый доктринеръ не можетъ въ наше время отыскать это различіе, то слѣдовательно полицейскій надзоръ, отдачу на поруки, отдачу въ солдаты, выговоръ, замѣчаніе и предостереженіе мы не можемъ ни къ чему другому причислить, какъ только къ роду мѣръ извѣстныхъ подъ именемъ наказаній. Сомнѣваться въ этомъ невозможно.

Итакъ все то, что причиняетъ гражданину страданіе физическое, или моральное, всякое стѣсненіе и ограниченіе свободы, всѣ виды запрещенія жить въ данномъ мѣстѣ, повелѣніе не оставлять и не выѣзжать изъ даннаго города, деревни или мѣстности, высылка или ссылка въ отдаленныя провинціи, арестъ, тюремное заключеніе, отдача подъ надзоръ полиціи, отдача на поруки, выговоръ, замѣчаніе и предостереженіе — все это, будучи по своему существу наказаніемъ, какія бы имена имъ не прикладывали, какія бы основанія подъ нихъ не подводили; кромѣ основаній уголовнаго права, можетъ быть опредѣляемо только судомъ, однимъ судомъ, и никѣмъ другимъ, какъ только судомъ. Тѣ разсужденія и доводы, которыми усиливаются провести различіе между этими мѣрами, смотря потому опредѣляются ли они судомъ, или помимо суда, есть недозволительное въ наше время доктринерство, есть без-

застѣнчивая софистика, есть фарисейское лицемѣріе болѣе опасное, чѣмъ даже та дѣйствительность, которую они усиливаются оправдать.

Второе основное правило: Никто не можетъ быть судимъ, осужденъ и приговоренъ къ наказанію иначе, какъ на точномъ основаніи закона и съ строгимъ соблюденіемъ точно установленныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства. Это правило представляетъ столь же незыблемый оплотъ для личной неприкосновенности гражданина, какъ и первое. Въ этомъ второмъ основномъ правилѣ содержится все то, чѣмъ дѣятельность суда отличается отъ администраціи. И это до такой степени, что сдѣлайте эти правила обязательными для извѣстнаго административнаго органа, и онъ превратится въ судъ, и съ другой стороны, увольте судъ отъ обязанности, ихъ исполнять, и онъ превратится въ административное учрежденіе, и самое имя суда будетъ только прикрытіемъ необузданнаго произвола.

Въ чемъ же эти начала, формы и обряды, по которымъ опредѣляется виновность и наказуемость гражданина?

Первое и самое существенное правило это то, что никто не можетъ быть изъятъ изъ подсудности того суда, которому онъ подчиненъ въ силу разъ на всегда изданнаго ординарнаго закона. Судьи установленные общимъ закономъ называются естественными, нормальными законными судьями, въ противоположность судьямъ экстраординарнымъ, чрезвычайнымъ, назначаемымъ по усмотрѣнію и произволу на каждый данный случай. Правило это установлено для прекращенія тѣхъ злоупотребленій, которыми столь богаты предшествующіе вѣка, вѣка господства произвола и гражданской необезпеченности. Правительство, не надѣясь найти вполнѣ послушное орудіе въ закономъ установленныхъ судьяхъ, и желая обойти нормальныя правила судопроизводства, чтобы тѣмъ съ большею жестокостію наказать извѣстныя лица, обыкновенно прибѣгали къ учрежденію на каждый данный случай экстраординарныхъ судовъ, или коммиссій, набирая членовъ ихъ изъ самыхъ послушныхъ должностныхъ лицъ. Экстраординарныя коммиссіи являлись судомъ не для рѣшенія всѣхъ случаевъ будущихъ преступленій, а для рѣшенія обвиненія въ томъ преступленіи, или въ томъ событіи, которое совершилось раньше учрежденія сего суда. Такимъ образомъ экстраординарные суды были однимъ изъ видовъ тѣхъ законовъ, которые будучи строже старыхъ имѣли силу обратнаго дѣйствія. Въ самомъ образованіи экстраординарныхъ судовъ какъ бы высказывалось тайное желаніе правитель-

ства, чтобы обвиняемые были примѣрно наказаны. Это достигалось не только благодаря тому, что члены этихъ учрежденій набирались изъ людей не независимыхъ, или по крайней мѣрѣ изъ самыхъ преданныхъ извѣстному режиму, но и еще болѣе благодаря тому, что они сами дѣйствовали подъ давленіемъ опасенія и боязни недостаткомъ усердія навлечь на себя немилость или даже гоненіе. Вотъ почему экстраординарные суды всегда изрекали приговоры по строгости наиболѣе соотвѣтствовавшіе намѣреніямъ назначившей ихъ власти. Вотъ почему, какъ только сознанъ былъ вредъ произвола и необходимость личной обезпеченности, каждый народъ западно-европейскій спѣшилъ занесть въ свои основные законы слѣдующую формулу: „граждане не могутъ быть изъяты изъ подсудности того суда, которому они подвѣдомы по закону, ни путемъ установленія какой либо коммиссіи, ни путемъ установленія какихъ нибудь другихъ изъятій“ [1]).

[1]) Такъ сказано въ 4 ст. 5 гл. II отдѣл. французскихъ основныхъ законовъ 1791 г. Это правило повторяется въ многочисленномъ родѣ основныхъ законовъ какъ Франціи, такъ и другихъ народовъ. «Никто, говорится въ 62 основ. зак. Франц. 1814, не можетъ быть изъятъ изъ подсудности своихъ естественныхъ судей. Ст. 63. «Слѣдовательно, запрещается учреждать коммиссіи и экстраординарные суды». Тоже самое повторено въ 53 и 54 статьяхъ основныхъ законовъ 1830 г. 8 статья Баденской конституціи 1818 г. гласитъ: никто въ дѣлахъ уголовныхъ не можетъ быть изъятъ изъ подсудности своихъ естественныхъ судей. Въ подобныхъ же выраженіяхъ это правило высказано въ 26 ст. ст. основныхъ законовъ Вюртембергскаго корол. 1819 г., въ 150 ст. основ. законовъ королевства Нидерландовъ, 1815, 1840 и 1848 г., 9 ст. основн. зак. Баваріи 1818 ст., въ 7 ст. основн. законовъ Пруссіи 1850; въ ст. 54 основ. законовъ Швейцаріи 1848 г. 12 сент. Въ Англіи еще со временъ изданія Великой хартіи установлено было правило, въ силу котораго только по суду себѣ равныхъ англичанинъ можетъ подвергнуться наказанію. Это правило не рѣдко было нарушаемо. Вотъ, что говорится въ петиціи, поданной въ 1628 г. Карлу I-му: «Не смотря на то, что властію парламента, въ 25 годъ царствованія Эдуарда III-го установлено, что никто не можетъ быть осужденъ къ потери жизни или какого нибудь члена, вопреки содержанію великой хартіи и законамъ страны, и что, въ силу сказанной великой хартіи и другихъ законовъ и статутовъ Вашего королевства, ни одинъ человѣкъ не можетъ быть осужденъ на смерть иначе, какъ на основаніи законовъ, установленныхъ въ королевствѣ, или обычаевъ королевства, или акта парламента; что съ другой стороны никакой уголовный преступникъ, какаго бы состоянія онъ ни былъ, не можетъ быть изъятъ отъ формъ обыкновенной юстиціи, и избѣжать наказанія, которымъ ему угрожаютъ законы и статуты королевства; не смотря на это, съ нѣкоторыхъ поръ, изданы за великою печатью Вашего Величества многія повелѣнія, въ силу которыхъ нѣкоторыя лица получили право и власть производить слѣдствіе по военнымъ законамъ, вѣдать дѣла сокращеннымъ порядкомъ, судить, осуждать, приводить въ исполненіе приговоры и предавать административнымъ порядкомъ виновныхъ смерти, согласно военному закону, по образцу военныхъ совѣтовъ, и такимъ образомъ, какъ это дѣлается въ военное время въ арміяхъ; и не смотря на это лица снабженныя этою властію и облеченныя этимъ порученіемъ лишили жизни многихъ изъ вашихъ подданныхъ, которые если заслуживали смертной казни по законамъ и статутамъ страны, то они могли быть осуждены и казнены только въ силу сихъ

Не менѣе обезпечивается неприкосновенность гражданина самымъ характеромъ дѣятельности судьи. Судья отправляетъ свою должность не въ силу чьего бы то ни было предложенія, повелѣнія или приказанія, а въ силу предписанія одного закона. Въ постановленіи своего рѣшенія онъ ни отъ кого не зависимъ; за него онъ не отвѣтственъ ни предъ кѣмъ, кромѣ своей совѣсти, общественнаго мнѣнія и закона. Надъ нимъ нѣтъ высшей власти, которая могла бы сказать, какъ она говоритъ администратору: рѣши дѣло такъ, а не иначе, признай виновнымъ такого, и провозгласи невиннымъ другаго. И если судья пользуется смѣняемостію неиначе, какъ только по суду; если онъ состоитъ подъ контролемъ публичности и гласности; если онъ обладаетъ глубокими свѣдѣніями юридическими и вообще научными; словомъ если онъ есть спеціалистъ своего дѣла; то его приговоръ будетъ выраженіемъ вполнѣ понятнаго существа дѣла, словомъ будетъ соотвѣтствовать истинѣ и намѣреніямъ закона.

Дѣятельность администраціи, какъ учрежденія имѣющаго въ виду достиженіе полезнаго, во многихъ случаяхъ требуетъ того, что называется тайною. Приготовленіе этого или другаго мѣропріятія можетъ до самаго момента его осуществленія оставаться неизвѣстнымъ для того общества, котораго она касается. Не такова дѣятельность суда, какъ учрежденія имѣющаго въ виду справедливость. Первый шагъ его, направленный противъ личности гражданина, долженъ быть въ точности извѣстенъ сему последнему. Въ уголовной юстиціи дѣйствуетъ слѣдующее правило: никто не можетъ быть заподозрѣнъ въ самой малѣйшей винѣ иначе, какъ съ немедленнымъ объявленіемъ ему о томъ, въ чемъ именно его подозрѣваютъ или обвиняютъ. Обвиненіе или заподозриваніе гражданина въ чемъ нибудь и сохраненіе въ тайнѣ отъ обвиняемаго или заподозрѣннаго содержанія сего обвиненія или подозрѣнія — два дѣйствія несовмѣстимыя въ теоріи нынѣшняго уголовнаго процесса. Сочетаніе ихъ относится къ самымъ скромнымъ временамъ господства инквизиціоннаго процесса и торже-

---

законовъ и статутовъ; съ другой стороны, различные великіе преступники, которыхъ законы и статуты королевства осудили бы на тяжкія наказанія, избѣгли ихъ, уклонившись отъ юрисдикціи общеустановленныхъ судовъ, и подчинившись экстраординарнымъ коммиссіямъ, которыя, какъ и всякія другія этого рода, прямо противорѣчатъ законамъ и статутамъ королевства». Указанныя злоупотребленія стоили власти Карлу I-му. Они продолжались и при его пріемникахъ, пока не призванъ былъ Вильгельмъ III, который принялъ билль о правахъ, со временъ котораго англичане судятся своими законными, естественными судьями.

ства произвола, надъ справедливостію. Цѣль правила, что никто не можетъ быть заподозрѣнъ въ чемъ нибудь, безъ немедленнаго объявленія ему о содержаніи подозрѣнія, состоитъ въ томъ, чтобы дать возможность заподозрѣнному немедленно же представить свои объясненія и свои оправданія, и немедленно опровергнуть подозрѣніе, или обвиненіе, если они ошибочны и ни на чемъ не основаны. Въ этой съ перваго взгляда маловажной формальности содержится до такой степени важная гарантія личной неприкосновенности гражданина безъ повода и основаній, что въ основныхъ законахъ европейскихъ государствъ принято слѣдующее правило: и гражданинъ арестованный и приведенный къ полицейскому чиновнику долженъ быть допрошенъ тотчасъ, и во всякомъ случаѣ не позже 24 часовъ [1]).

Что сказано о первомъ шагѣ уголовной юстиціи, направленномъ къ установленію подозрѣнія въ преступленіи противъ извѣстнаго лица, тоже должно сказать и о дальнѣйшемъ ходѣ уголовнаго правосудія съ момента объявленія подозрѣнія до момента объявленія приговора. Каждый шагъ органовъ судебной власти, каждое ихъ дѣйствіе, каждый актъ судопроизводства совершается не иначе какъ съ объявленіемъ о томъ подозрѣваемому, или обвиняемому, съ соблюденіемъ притомъ точно установленныхъ правилъ и обрядовъ судопроизводства. Всѣ эти правила и обряды направлены къ тому, чтобы открыть истину. Искомая уголовнымъ правосудіемъ истина состоитъ сколько въ томъ, чтобы виновный былъ открытъ и наказанъ, столько же и въ томъ, чтобы обвинительный приговоръ не палъ на невиннаго, и чтобы сей послѣдній былъ освобожденъ отъ всякаго подозрѣнія, если онъ имѣлъ несчастіе попасть въ число подозрѣваемыхъ. Чтобы достигнуть этой цѣли, предоставляется органамъ судебной власти право производить такія дѣйствія, которыя ведутъ къ открытію совершоннаго злодѣянія и его виновника, а съ другой стороны, дается обвиняемому право и возможность пользоваться закономъ установленными средствами, какъ для опроверженія взводимаго обвиненія, такъ и для доказательства положительной невинности. Этотъ двоякій результатъ достигается посредствомъ предоставленія равнаго права и равной возможности доказывать и опровергать оба

---

[1]) Такъ говорится въ 11 ст. основн. законовъ Франціи 1791 г. Тоже повторяется и въ основныхъ законахъ 1795 г. ст. 224. Подобныя же постановленія можно найти въ основныхъ законахъ Бадена 1818 ст 8, Виртемберга 1819 г. ст. 26, Нидерландовъ 1815 г., 1848 гг. ст. 151, Даніи 1865 и 1866 гг. ст. 80.

положенія: виновность и невинность. Ни одно доказательство, ни одинъ доводъ обвиненія не изъяты отъ опроверженія, отъ критики со стороны обвиняемаго. Каждый шагъ, каждое дѣйствіе суда можетъ быть подсудимымъ обжаловано; и если оно не согласно съ закономъ, произвольно, или притѣснительно, то оно не только отмѣняется, но и можетъ повлечь отвѣтственность для своего виновника. Присоедините къ этому такія формы и обряды судопроизводства, какъ публичность, какъ участіе защитника, равнаго по своему образованію съ обвинителемъ; прибавьте къ этому драгоцѣннѣйшую обрядность — участіе судей народныхъ (присяжныхъ), выбранныхъ на данный случай; завершите все это аппелляціоннымъ и кассаціоннымъ пересмотромъ разъ постановленнаго приговора и возможностью этимъ путемъ исправить ошибку, если бы таковая вкралась; присоедините все это, — и вы получите такія незыблемыя гарантіи личной неприкосновенности гражданина, при соблюденіи которыхъ, во-первыхъ, немыслимо вообще умышленное привлеченіе невинныхъ въ разрядъ подозрительныхъ и обвиняемыхъ, а во-вторыхъ, невозможно намѣренное признаніе невинныхъ виновными. Гарантіи эти столь многочисленны, столь крѣпки и побѣдоносны, что при дѣйствіи ихъ, въ концѣ концовъ, никогда не можетъ у представителей власти сложиться въ постоянную систему поползновеніе привлекать въ число подозрительныхъ по другимъ поводамъ, кромѣ тѣхъ, которые создаются преступленіемъ.

Повторяю: отнимите эти формы и обряды отъ производства суда, сдѣлайте ихъ для него необязательными, — и вы получите въ результатѣ не судебный приговоръ, а административное распоряженіе, превратите судъ въ администрацію. Съ другой стороны, поставьте администрацію въ положеніе той независимости, въ которой находится судъ, признайте формы и обряды судебные обязательными для администраціи, эта послѣдняя преобразуется изъ администраціи въ судъ. Но дѣло въ томъ, что администрація въ сферѣ своей дѣятельности не можетъ отказаться отъ свойственныхъ ея природѣ пріемовъ дѣятельности, и если бы она усвоила для своего хода формы и обряды, свойственные суду, она бы превратилась изъ силы благодѣтельной въ силу косную и тормозящую общественную жизнь. Зная это—правители народовъ никогда не считали цѣлесообразнымъ навязывать администраціи несвойственныя судебныя формы дѣятельности, а если ей навязывали такіе предметы вѣдомства, какъ опредѣленіе наказа-

ній, то именно для того, чтобы обойти спасительныя, закономъ установленныя формы и обряды судопроизводства.

Третье основное правило: предварительный арестъ по общему правилу есть дѣйствіе судебной власти, подчиняющее арестъ извѣстнымъ формальностямъ. Въ виду полной невозможности избѣгнуть лишенія свободы гражданъ во время слѣдствія и суда, т. е. прежде произнесенія приговора о виновности, это лишеніе должно быть актомъ судебнымъ и по возможности обставлено такими формальностями и такими правилами, которыя бы опредѣленіе этой мѣры по пріемамъ осторожности, по точной оцѣнкѣ фактовъ, по неизмѣнному исполненію предписаній закона, приближали къ опредѣленію самаго наказанія. Вопросъ о предварительномъ арестѣ есть одинъ изъ труднѣйшихъ въ его практическомъ примѣненіи; оно не представляетъ той простоты и той односложности, какою отличаются вышеизложенные вопросы объ опредѣленіи гражданину наказанія только по суду, и притомъ не иначе, какъ съ соблюденіемъ тѣхъ формъ и обрядовъ судопроизводства, которые предупреждаютъ возможность превращенія невиннаго въ виновнаго и, во всякомъ случаѣ, ограждаютъ гражданина отъ произвола. Тѣмъ не менѣе, европейскіе народы успѣли внести въ свои основные законы нѣкоторыя вполнѣ раціональныя правила, которыя и въ этомъ случаѣ гарантируютъ личную неприкосновенность и индивидуальную свободу гражданина и въ состояніи предупредить лишеніе свободы невиннаго, или-же безъ нужды лишеніе свободы виновнаго.

Прежде всего въ основныхъ законахъ и въ уставахъ судопроизводства европейскихъ народовъ опредѣлительно высказано то положеніе, что предварительный арестъ есть такая мѣра стѣсненія свободы гражданъ, которая, будучи неизбѣжнымъ зломъ, должна ограничиваться самымъ тѣснымъ кругомъ примѣненія. Къ ней слѣдуетъ прибѣгать только тогда, когда на лице есть обвиненіе въ тяжкомъ преступленіи. Это правило имѣетъ свое основаніе въ томъ предположеніи, что только виновнымъ въ тяжкихъ преступленіяхъ есть положительный личный интересъ предпочесть скитальническую жизнь (т. е., обратиться въ бѣгство) той карѣ, которая ожидаетъ ихъ постигнуть въ случаѣ обвиненія. Для остальныхъ же обвиняемыхъ выгоднѣе перетерпѣть наказаніе, чѣмъ подвергнуться всѣмъ тѣмъ бѣдствіямъ и неудобствамъ, которыя неизбѣжно сопряжены съ уклоненіемъ отъ слѣдствія и суда. Съ цѣлію же по возможности уменьшить число случаевъ примѣненія

предварительнаго ареста въ европейскихъ законодательствахъ установлены суррогаты лишенія свободы во время слѣдствія и суда; я говорю о предоставленіи обвиняемому права требовать, или по крайней мѣрѣ просить своего отпущенія на свободу подъ поручительство или залогъ [1]).

Самый способъ примѣненія предварительнаго ареста основанъ на правилахъ, имѣющихъ аналогію съ опредѣленіемъ наказанія. Общее правило то, что примѣненіе предварительнаго ареста есть дѣло органовъ суда, а не полиціи или администраціи. Правда, сама жизнь создаетъ ничѣмъ неустранимую необходимость, которая вынуждаетъ законодателя предоставлять полицейскимъ чинамъ и даже частнымъ лицамъ право задерживать совершителей преступленія. Такая неизбѣжная уступка есть исключеніе изъ общаго правила. Отказать въ этомъ правѣ полиціи, или частному лицу, значило бы дать предпочтеніе преступленію предъ охраною общественной и частной безопасности. Но уступая неизбѣжное право полиціи и даже частному лицу задерживать совершителей преступленія, положительные законы европейскихъ народовъ устанавливаютъ слѣдующія ограниченія: во-первыхъ, право это предоставляется полиціи, или частному лицу только въ случаяхъ, когда застигнутъ виновный на горячихъ слѣдахъ, а во-вторыхъ, полицейскій чиновникъ, или частное лицо обязаны немедленно, и никакъ не позже такого-то часа или дня послѣ задержанія, представить или отослать задержаннаго къ подлежащему должностному лицу судебной власти. Такимъ образомъ, право это въ рукахъ полиціи есть своего рода исключеніе; оно ограничивается только короткимъ, такъ сказать, фактическимъ задержаніемъ, въ крайней необходимости, такъ сказать, нѣкотораго рода самообороною. Чтобы перейти въ предварительный арестъ, задержаніе, учиненное полиціею, или частнымъ лицомъ, должно быть при-

---

[1]) Въ 11 ст. гл. 2 отд. III основн. законовъ Франціи 1791 г. сентября 14 сказано: никто, будучи арестованъ, не можетъ быть удержанъ, если онъ представитъ достаточное поручительство во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ законъ дозволяетъ оставаться на порукахъ. Тоже выражено въ 226 ст. основн. законовъ Франціи 1795 г. Въ основныхъ законахъ Даніи 1865 и 1866 г. говорится: никто не можетъ быть подвергнутъ предварительному заключенію въ тюрьмѣ за преступленіе, за которое опредѣляется арестъ, или простое тюремное заключеніе. Обвиняемый, по англійскимъ уголовнымъ законамъ, можетъ всегда требовать своего отпуска на свободу подъ поручительство, до дня произнесенія приговора; поручительство служитъ обезпеченіемъ явки или представленія обвиняемаго къ слѣдствію и суду. Если однакожъ преслѣдованіе возбуждено за государственную измѣну, или за тяжкое преступленіе, то отдача на поруки можетъ имѣть мѣсто только съ разрѣшенія судьи королевской скамьи.

знано и утверждено формальнымъ постановленіемъ органа судебной власти, судебнаго слѣдователя, или слѣдственнаго судьи. Такимъ образомъ, если кратковременное задержаніе гражданина предоставляется органамъ полиціи и даже частнымъ лицамъ, подъ личную отвѣтственность тѣхъ и другихъ, то это исключеніе нисколько не колеблетъ того общаго правила, по которому предварительный арестъ есть дѣло судебной, а не административной власти. Представители полицейской власти въ дѣлѣ задержанія гражданъ по поводу преступленія находятся въ полной зависимости и подчиненіи не административной, а судебной власти [1]).

Предварительный арестъ, будучи дѣйствіемъ судебной власти, долженъ, подобно опредѣленію наказанія, быть обставленъ извѣстными формальностями. Прежде всего дѣйствительному осуществленію его должно предшествовать формальное письменное постановленіе, безъ котораго задержаніе въ тюрьмѣ считается противозаконнымъ лишеніемъ свободы. Для предупрежденія предварительнаго ареста безъ формальнаго постановленія подлежащей власти, въ положительныхъ законахъ европейскихъ народовъ мы находимъ различныя мѣры. Такъ, въ нѣкоторыхъ всякому судьѣ предоставляется право освобождать заключеннаго безъ письменнаго постановленія, исходящаго отъ уполномоченнаго закономъ лица, или мѣста. У всѣхъ европейскихъ народовъ мы встрѣчаемъ

[1]) Всякій, какое бы мѣсто и какую бы должность ни занималъ, кто не будучи тѣмъ, кому законъ предоставляетъ право ареста, однакожъ издастъ, подпишетъ, исполнитъ, или заставитъ исполнить повелѣніе объ арестованіи гражданина, долженъ быть признанъ виновнымъ въ преступленіи, носящемъ названіе произвольнаго ареста. Таково правило высказанное въ основныхъ законахъ Франціи 1791 г. ст. 16, 1795 г. ст. 231 и 1799 г. ст. 81. Никто не можетъ, говорится въ основныхъ законахъ Голландіи 1815, 1840 и 1848 гг., быть арестованъ иначе, какъ только въ силу постановленія судьи. Если, говорится далѣе въ 152 ст., въ экстраординарныхъ случаяхъ, государственная власть сдѣлаетъ распоряженіе объ арестованіи жителя королевства, то тотъ, по чьему распоряженію арестованіе совершено, обязанъ непосредственно дать знать о семъ мѣстному судьѣ, и въ теченіи 3-хъ дней передать ему арестованнаго. Уголовные суды обязаны наблюдать за точнымъ исполненіемъ этого постановленія. Ст. 4 бельгійскихъ основныхъ законовъ 1831 г. гласитъ: «Кромѣ случаевъ *flagrant delit*, никто не можетъ быть арестованъ иначе, какъ только въ силу постановленія судьи». Всякій арестованный долженъ быть преданъ судьѣ въ теченіи 24 часовъ, — такъ сказано въ основныхъ законахъ Даніи 1865 и 1866 г. По англійскимъ основнымъ законамъ, никто не можетъ быть арестованъ и задержанъ иначе, какъ въ силу постановленія подписаннаго судьею. Въ случаѣ *flagrant delit*, всякій констабль, всякая оскорбленная преступленіемъ сторона, и вообще всякое лице имѣетъ право и обязанность арестовать преступника, но въ этихъ случаяхъ арестованіе должно быть непосредственно подтверждено повелѣніемъ объ арестѣ, изданномъ въ законо-установленной формѣ компетентною властію, т. е. судьею.

или въ основныхъ законахъ, или въ уставахъ судопроизводства постановленіе, коимъ строго запрещается директорамъ и смотрителямъ тюремъ, подъ опасеніемъ личной отвѣтственности, принимать въ завѣдываемыя ими мѣста заключенія такихъ лицъ, объ арестѣ которыхъ нѣтъ постановленія, закономъ предписаннаго [1]). Постановленія, безъ котораго предварительный арестъ, какъ мѣра пресѣченія обвиняемому уклоняться отъ слѣдствія и суда, не можетъ считаться законнымъ дѣйствіемъ, должно удовлетворять извѣстнымъ условіямъ, а именно: а) оно должно содержать въ себѣ точное означеніе лица задержаннаго; б) въ немъ должно быть указано то преступленіе, которое подало поводъ къ аресту, и тотъ законъ, который разрѣшаетъ прибѣгать къ лишенію свободы въ случаѣ обвиненія въ такомъ-то преступленіи; в) въ немъ должны быть приведены доказательства и улики, подтверждающія обвиненіе, и г) наконецъ оно должно быть подписано тѣмъ лицомъ, которое дѣлаетъ распоряженіе объ арестѣ. Такимъ образомъ предварительный арестъ долженъ быть документально мотивированъ [2]).

---

[1]) Никакой директоръ или смотритель тюрьмы не можетъ ни принять, ни удержать кого бы то ни было иначе, какъ только въ силу повелѣнія объ арестѣ, ордонанса о взятіи подъ стражу, декрета о преданіи суду, или въ силу судебнаго приговора, и притомъ не иначе, какъ со внесеніемъ въ реэстръ. Такъ сказано въ основныхъ законахъ Франціи 1791 г. 14 сент. ст. 14 и 1799 г. ст. 78. Въ статутѣ англійскаго короля Карла II, 1679 г. въ 9 ст. говорится: подданный этого королевства, состоящій подъ стражею должностнаго лица по уголовному дѣлу, не можетъ быть отданъ подъ стражу другаго должностнаго лица, иначе какъ только въ силу акта Habeas corpus, или другаго повелѣнія; арестованный передается констаблю, или другому низшему чиновнику, для отвода въ какую нибудь общую тюрьму, или когда онъ отсылается по повелѣнію какого нибудь ассизнаго судьи, или судьи мироваго, въ рабочій, или исправительный домъ, или когда онъ переводится изъ одного мѣста въ другое того же графства для того, чтобы быть судимымъ, или по случаю внезапнаго пожара, или эпидеміи, или всякой другой превосходящей силы; лица, которыя подпишутъ или контрасигнируютъ или сдѣлаютъ распоряженіе о переводѣ вопреки этому акту, также какъ должностное лицо, которое приведетъ въ исполненіе такое распоряженіе, подвергаются штрафу какъ за первую, такъ и за вторую обиду въ пользу оскорбленной стороны. Имѣя въ виду основные законы, мы воздерживаемся отъ цитатъ законовъ судопроизводства.

[2]) Въ англійскихъ основныхъ законахъ дѣйствуетъ еще слѣдующее правило: если отъ задержаннаго обвиняемаго не принято поручительство, или если хотя и принято, но имъ не представлено, то онъ можетъ быть удержанъ въ предварительномъ заключеніи, въ продолженіи слѣдствія, не иначе, какъ въ силу повелѣнія о тюремномъ заключеніи, за подписью и приложеніемъ печати судьи, съ точнымъ обозначеніемъ лица обвиняемаго и свойства обвиненія. Въ 223 ст. основныхъ законовъ Франціи 1795 г. 22 авг. сказано: для того, чтобы актъ, содержащій повелѣніе объ арестѣ, былъ исполненъ, необходимо: 1) чтобы онъ содержалъ въ себѣ положительное указаніе мотива ареста и ссылку на законъ, въ силу котораго арестованіе предписано; 2) чтобы онъ былъ объявленъ тому,

Установленіе этихъ формальностей имѣетъ чрезвычайно важное значеніе въ дѣлѣ огражденія личной свободы и неприкосновенности, какъ ни кажутся онѣ съ перваго взгляда маловажными. Предписанныя къ исполненію, онѣ заставляютъ лице арестующее дѣйствовать обдуманно, онѣ по необходимости принуждаютъ его рѣшать вопросъ, дозволяетъ ли законъ подвергать предварительному аресту въ данномъ преступленіи; онѣ рождаютъ для арестующаго неизбѣжную необходимость войти въ оцѣнку доказательствъ и уликъ обвиненія, а слѣдовательно, не только предупреждаютъ лишеніе свободы неумѣстное, но и неосновательное. Мотивированнымъ постановленіемъ о предварительномъ арестѣ арестующій такъ сказать протоколируетъ свою дѣятельность и даетъ въ руки матеріалъ для оцѣнки ея законности, или незаконности.

Мѣстомъ осуществленія предварительнаго ареста могутъ быть только тѣ учрежденія, которыя для того закономъ предназначены и которыя принадлежатъ къ публичнымъ мѣстамъ содержанія подъ стражею. Такъ, въ основныхъ законахъ Франціи 14 сентября 1791 г., въ 13 ст. сказано: въ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ закономъ установлено задержаніе, никто не можетъ быть приведенъ и заключенъ въ другое мѣсто, кромѣ того, которое закономъ и властію предназначено для того, чтобы служить домомъ ареста, домомъ судебнаго задержанія, или тюрьмой. Это правило направлено къ предупрежденію злоупотребленій прошедшихъ вѣковъ, когда арестованный былъ содержимъ гдѣ

кто служитъ его предметомъ, и чтобы ему выдана была съ него копія. Въ ст. 77 п. 2 основныхъ законовъ Франціи 1799 г. 13 декаб. прибавлено правило, чтобы актъ объ арестѣ исходилъ отъ должностнаго лица, которому законъ положительно предоставилъ власть арестовать. Въ бельгійскихъ основныхъ законахъ 1831 г., положительно вмѣнено въ обязанность судебной власти производить аресты только въ силу *мотивированнаго* постановленія, которое должно быть составлено и подписано въ моментъ арестованія и никакъ не позже 24 часовъ. Никто не можетъ быть арестованъ иначе какъ въ случаяхъ, закономъ установленныхъ и съ соблюденіемъ *закономъ предписанныхъ формъ*, такъ сказано въ 8 ст. IV титула основныхъ законовъ Баваріи. Основные законы Голландіи 1815, 1840 и 1848 г. предписываютъ, чтобы повелѣніе судьи объ арестѣ содержало въ себѣ указанія мотивовъ арестованія и вообще соотвѣтствовало формамъ, установленнымъ закономъ (ст. 151). Тотъ, говорится въ 29 ст. основныхъ законахъ Норвегіи, кто безъ мотивовъ и инымъ способомъ, кромѣ того, который въ законѣ предписанъ, кого нибудь арестуетъ и незаконно удержитъ въ тюрьмѣ, тотъ за это отвѣчаетъ предъ арестованнымъ. Въ Датскихъ основныхъ законахъ въ 80 статьѣ ихъ сказано, что если арестованный не можетъ быть отпущенъ тотчасъ на свободу, то судья дѣлаетъ распоряженіе о заключеніи его въ тюрьму въ видѣ мотивированнаго постановленія, которое должно быть сколь возможно скоро и никакъ не позже 3-хъ дней составлено.

ни попало, или былъ бросаемъ въ мрачныя и сырыя подземелья и тайныя тюрьмы и темницы, куда не проникала никакая живая душа человѣческая, кромѣ тюремщика, и гдѣ арестованный въ буквальномъ смыслѣ слова былъ заживо погребенъ. Эти мѣста были удалены отъ нормальнаго публичнаго контроля и подчинены были надзору такихъ лицъ, которыя изъяты были изъ подчиненія судебной власти. Основные европейскіе законы, нынѣ дѣйствующіе, потому-то и требуютъ, чтобы мѣста предварительнаго заключенія были публичныя, всѣмъ и каждому извѣстныя учрежденія; чтобы они подчинены были должностнымъ лицамъ, подсуднымъ ординарной власти, чтобы они подлежали контролю и отвѣтственности наравнѣ со всѣми другими агентами власти; чтобъ устройство мѣстъ предварительнаго заключенія, содержаніе и жизнь заключенныхъ, были такъ организованы, какъ слѣдуетъ организовать мѣста, въ которыхъ содержатся лица только обвиняемыя, но не осужденныя, лица, въ пользу которыхъ, до постановленія приговора, существуетъ предположеніе, что они невинны.

Какъ бы вѣнцомъ всѣхъ предъидущихъ формальностей, предписанныхъ къ исполненію, при осуществленіи предварительнаго ареста, служатъ: во-первыхъ, вмѣненіе въ обязанность арестующему предъявлять, немедленно и никакъ не позже, по возможности, самаго короткаго срока, постановленіе объ арестѣ лицу, которое подвергается аресту [1]); во-вторыхъ, право, принадлежащее сему послѣднему, требовать копіи съ этого постановленія и затѣмъ право жалобы въ высшую судебную инстанцію. Въ предписаніи предъявлять арестуемому постановленіе объ арестѣ и въ правѣ его требовать копіи съ этого постановленія заключается

[1]) Всякій человѣкъ арестованный и приведенный къ полицейскому чиновнику долженъ быть тотчасъ допрошенъ и никакъ не позже 24 часовъ. Если изъ допроса откроется, что противъ него нѣтъ ничего, что служило бы къ его обвиненію, то онъ долженъ быть тотчасъ отпущенъ на свободу. (Основные законы Франціи 1791 г. 14 сент. ст. 11 главы 2, отд. I. 1795 г. ст. 224 и 225). Никто не можетъ быть содержимъ въ тюрьмѣ, говорится въ основныхъ законахъ Бадена 1818 г., болѣе 48 ч. безъ допроса о мотивахъ его ареста. Виртембергскіе основные законы 1819 г. гласятъ: никто не можетъ быть оставляемъ болѣе 24 часовъ въ невѣдѣніи причинъ своего ареста (ст. 26). Постановленіе объ арестѣ, сказано въ 151 ст. основныхъ законовъ Голландіи, должно быть объявлено лицу арестованному въ моментъ арестованія или сколь возможно скоро послѣ арестованія. Спеціальнымъ закономъ долженъ быть установленъ срокъ, въ теченіи котораго должно быть приступлено къ допросу арестованнаго. Законы 1815, 1840 и 1848 гг. Всякое лицо, взятое подъ арестъ по англійскимъ основнымъ законамъ, должно быть въ самый короткій срокъ приведено предъ судью, который немедленно допрашиваетъ его и собираетъ свидѣтельскія показанія.

не пустая и не маловажная формальность. Предъявленіемъ постановленія и выдачею съ него копіи, арестованному дается возможность немедленно же и точно узнать поводы, причину и основаніе ареста; съ введеніемъ и исполненіемъ этихъ формальностей становится невозможнымъ повтореніе того, что сплошь и рядомъ творилось въ прежніе вѣка, когда арестованный по цѣлымъ годамъ оставался въ невѣдѣніи, за что и по какимъ основаніямъ онъ арестованъ; съ осуществленіемъ этихъ предписаній закона арестованный пріобрѣтаетъ твердую почву, ставши на которую онъ можетъ на реальномъ основаніи, а не въ области гаданій, опровергать поводъ и причину ареста,—и если предварительное задержаніе предпринято или легкомысленно, или злонамѣренно, если ни поводъ, ни основаніе его не выдерживаютъ критики, то арестованный на первыхъ же порахъ имѣетъ возможность это доказать. Основные законы нѣкоторыхъ европейскихъ народовъ содержатъ положительное предписаніе имѣющимъ власть ареста выдавать арестованному копію съ постановленія объ арестѣ. Англійскіе законы, устанавливая уголовную отвѣтственность за отказъ выдать копію, дозволяютъ арестованному или лицу его заступающему при подачѣ жалобы, подтверждать присягою то, что арестовавшій отказалъ ему въ выдачѣ копіи.

Наконецъ, законы европейскихъ народовъ установили точныя формы и обряды, которыми обезпечивается право обжалованья и облегчается возможность его реализаціи посредствомъ обращенія съ просьбою въ надлежащій судъ. Это право составляетъ только одно изъ выраженій общаго правила, нормально организованнаго судопроизводства, по которому каждое дѣйствіе, предпринятое по поводу обвиненія въ преступленіи, можетъ быть обжаловано тѣмъ, противъ котораго оно предпринято. Но кромѣ этого общаго правила, въ нѣкоторыхъ государствахъ изданы спеціальные законы обжалованія предварительнаго задержанія, съ цѣлію предупрежденія и прекращенія незаконныхъ арестовъ, незаконныхъ какъ по формѣ, такъ и по содержанію, словомъ, арестовъ произвольныхъ. Въ этомъ отношеніи англійскіе основные законы о такъ называемомъ Habeas Corpus занимаютъ первостепенное, хотя и не единственное мѣсто въ ряду спеціальныхъ способовъ обжалованія. Въ силу этихъ законовъ, которые окончательно были редактированы еще въ концѣ XVII вѣка, всякое лицо, задержанное внѣ случаевъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, слѣдовательно поводу преступленій, или хотя по поводу преступленій,

безъ соблюденія закономъ установленныхъ формальностей, или въ случаяхъ, не указанныхъ въ законѣ или безъ основанія, имѣетъ право или само, или чрезъ посредство другаго, обратиться съ жалобою къ королевскому судьѣ. Получивши эту жалобу, судья немедленно же обязанъ потребовать отъ лица арестовавшаго присылки какъ объясненія, такъ и самого задержаннаго. Предписаніе это подъ страхомъ уголовной отвѣтственности подлежитъ исполненію не позже какъ въ теченіи трехъ дней, или же въ случаѣ отдаленности въ срокъ поверстный. По представленіи и выслушаніи арестованнаго, судья тотчасъ его отпускаетъ на свободу, безъ всякаго условія, если арестъ былъ произвольный, не по поводу явнаго преступленія, или отпускаетъ на поруки, если задержаніе оказалось, хотя предпринятымъ по поводу преступленія, но или въ случаяхъ неустановленныхъ закономъ, или безъ достаточныхъ основаній. Англійскій законъ о Habeas Corpus есть одно изъ замѣчательнѣйшихъ учрежденій, изобрѣтенныхъ умомъ человѣческимъ для противодѣйствія и прекращенія арестовъ, предпринятыхъ въ силу административнаго произвола, а равно тѣхъ видовъ ареста, которые предпринимаются хотя компетентною властію, но въ случаяхъ закономъ не установленныхъ, или безъ достаточныхъ основаній. Законъ этотъ окончательно уничтожаетъ всякую почву для развитія административнаго произвола, направленнаго къ попранію свободы о личной неприкосновенности гражданина. Онъ болѣе чѣмъ всѣ другіе законы предупреждаетъ вторженіе администраціи въ дѣло уголовнаго суда, разъ навсегда возводя арестъ въ дѣло суда. Въ связи съ установленіемъ уголовной и гражданской отвѣтственности виновниковъ незаконныхъ и произвольныхъ арестовъ, законъ этотъ есть крѣпчайшій фундаментъ англійской свободы.

УСЛОВІЯ ТЕАТРА ВОЙНЫ НА БАЛКАНСКОМЪ ПОЛУОСТРОВѢ ДЛЯ РУССКОЙ АРМІИ [1].

СТРАТЕГИЧЕСКІЙ ЭТЮДЪ.

Г. А. ЛЕЕРА,

профессора Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба.

I.

Войны, въ теченіе почти двухъ вѣковъ, убѣдили насъ и всю Европу въ громадныхъ затрудненіяхъ, представляемыхъ театромъ войны на Балканскомъ полуостровѣ.

---

[1]) Въ статьѣ этой авторъ разсматриваетъ самый животрепещущій вопросъ Россіи, въ настоящую минуту, *съ чисто теоретической точки зрѣнія*, обобщая, по возможности, всѣ стратегическія и политическія условія боя русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ и отвлекая ихъ до послѣдней крайности отъ всякихъ *случайныхъ обстоятельствъ*, хотя бы и возможныхъ и даже вѣроятныхъ. Этотъ теоретическій характеръ всѣхъ соображеній автора, основанныхъ исключительно на самыхъ общихъ стратегическихъ и тактическихъ элементахъ балканскаго театра войны, не долженъ быть упускаемъ изъ виду читателями. Болѣе или менѣе успѣшная практическая комбинація этихъ сложныхъ (объективныхъ) элементовъ для разрѣшенія задачи въ данномъ случаѣ, при тѣхъ или другихъ непредвидимыхъ впередъ внѣшнихъ политическихъ обстоятельствахъ, зависитъ отъ личной воли, стоящей во главѣ военныхъ операцій, и составляетъ другой, не менѣе важный, *личный* (*субъективный*) *элементъ* военнаго дѣла, котораго авторъ не могъ и не долженъ былъ принимать въ расчетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ читатели должны

Затрудненія эти, какъ извѣстно, сводятся: 1) къ переправѣ черезъ такую рѣку, какъ Дунай, въ низкихъ ея частяхъ [1]); 2) къ переходу черезъ такой труднодоступный хребетъ какъ Балканы [2]); 3) къ дѣйствію въ такихъ странахъ, гдѣ, вслѣдствіе недостатка дорогъ, находящихся большею частью въ естественномъ положеніи [3]), недостатка воды [4]), малой густоты населенія, а теперь и раззоренія его, нельзя разсчитывать на выполненіе одного изъ самыхъ существенныхъ условій стратегіи: на *безостановочность, быстроту и свободу въ стратегическихъ*

обратить вниманіе и на другое обстоятельство, чтобы дополнить практическое примѣненіе теоретическихъ взглядовъ автора всѣми необходимыми поправками: генералъ Лееръ предполагаетъ и исчисляетъ только всѣ *наихудшіе* для насъ шансы, оставляя въ сторонѣ наиболѣе выгодные и счастливые. Просвѣщенные читатели Сборника по всей вѣроятности вполнѣ оцѣнятъ пользу и глубокій патріотизмъ подобнаго отношенія къ дѣлу и къ ожидающимъ насъ великимъ событіямъ. Чѣмъ ближе каждый образованный русскій человѣкъ принимаетъ къ сердцу эти событія, тѣмъ менѣе онъ можетъ желать встрѣтить ихъ съ тѣмъ легкомысліемъ, которое исторически запечатлѣлось въ слишкомъ извѣстныхъ словахъ парижанъ, говорившихъ въ 1870 г. объ войнѣ съ Пруссіей, какъ объ «promenade à Berlin» (прогулкѣ въ Берлинъ). Какія бы ни были возможныя, при невѣдомыхъ случайностяхъ будущаго, ошибки въ противоположномъ этому легкомыслію пессимистическомъ настроеніи, которое очевидно преобладаетъ если не въ воззрѣніяхъ автора, то въ пріемахъ его изслѣдованія, оно конечно никогда не можетъ быть поставлено ему въ укоръ, когда онъ исполняетъ настоящимъ своимъ трудомъ долгъ не только ученый, но и высоко патріотическій. *Ред.*

[1]) Ширина Дуная измѣняется отъ 80 саж. (при выходѣ изъ Желѣзныхъ воротъ), 80 — 150 саж. (у Виддина) до 300 саж. у Исакчи и даже до 3-хъ верстъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ на обоихъ его берегахъ встрѣчаются бухты. Средняя глубина его около 10 саж. Обстоятельство чрезвычайно невыгодное для арміи, переправляющейся съ лѣваго берега на правый заключается въ свойствахъ обоихъ береговъ, изъ которыхъ *правый* высокъ — высоты подходятъ непосредственно къ Дунаю, удаляясь отъ него лишь на нѣкоторое разстояніе на протяженіи отъ Никополя, Систова, Рущука, Туртукая до Силистріи, а *лѣвый* низменный, покрытый заливнями и камышами. Этотъ лѣвый берегъ возвышается лишь у Туртукая, Гирсова и ближе къ устью Дуная, начиная отъ Браилова; этимъ уже и опредѣляются наиболѣе удобные пункты для переправы съ лѣваго на правый берегъ Дуная.

[2]) *Балканы* не столько по высотѣ своей (5—7 т. фут.) составляютъ серьезную преграду, сколько по свойствамъ предгорій съ крайне крутыми скатами и покрытыхъ лѣсомъ большею частью колючками, свойствамъ дорогъ, представляютъ серьезную преграду, на прохожденіе которой необходимо отъ 3 — 6 дней. Они отстоятъ отъ Дуная около 200 верстъ и тянутся отъ Софіи на Востокъ подъ разными наименованіями (Высокаго Ходжи-Балкана, далѣе Большаго — Беюкъ-Б.), къ Черному морю до мыса Эмине верстъ на 300, отбрасывая вѣтви отъ двухъ главныхъ узловъ: *Софіи* и окрестностей *Слинно*, — *отъ перваго* на с.-з. къ Дунаю къ Орсовѣ и другую на ю.-в. — Деспоти-Дагъ, *отъ втораго* Малый Балканъ между верховьевъ обоихъ Камчиковъ и Бинаръ-Дагъ.

[3]) Безъ мостовъ черезъ рѣки и въ добавокъ, какъ въ Болгаріи, въ слѣдствіе дождей, распускающихся въ непроходимую грязь.

[4]) Не говоря уже о безводной Добрудзи, но и въ Болгаріи, во время лѣтней жары высыхаютъ всѣ ручьи и рѣки и цѣлая армія (подобно тому какъ въ степныхъ походахъ) обречена довольствоваться колодцами и пожалуй фонтанами.

операціяхъ; 4) къ необходимости овладѣнія значительнымъ числомъ крѣпостей [1]), которыя находятся большею частію хотя и въ неудовлетворительномъ положеніи, но въ упорной оборонѣ которыхъ, въ особенности въ послѣдній періодъ ихъ защиты, Турки, какъ то показываетъ исторія, оказываются такими мастерами; 5) къ борьбѣ съ полудикимъ, до крайности фанатизированнымъ противникомъ [2]), хотя нынѣ и пользующимися покровительствомъ международнаго права, но не признающимъ его основныхъ началъ въ дѣлѣ гуманнаго способа веденія войны.

Все это затрудненія весьма серьезнаго свойства, не представляемыя по крайней мѣрѣ въ общей совокупности ни однимъ изъ европейскихъ театровъ войны. Возьмемъ хоть театръ послѣдней европейской войны, Францію, страну богатую, доставлявшую все въ избыткѣ наступающей арміи, съ ея превосходною сѣтью дорогъ и въ особенности желѣзныхъ, не представлявшую вторгнувшейся арміи ни горъ, въ родѣ Балкановъ, ни рѣкъ въ родѣ Дуная, ни фанатизированнаго населенія... Нѣмецкимъ арміямъ необходимо было только побѣдить сопротивленіе французскихъ армій, овладѣть нѣсколькими крѣпостями и не дать распространиться народному ополченію. Вотъ единственныя затрудненія, которыя предстояло имъ преодолѣть. Никто не будетъ отрицать ихъ серьезнаго значенія, но затрудненія эти далеко уступаютъ той *суммѣ крайне неблагопріятныхъ условій*, которыя были перечислены выше и при которыхъ должна вести наступательную войну наша армія на Балканскомъ полуостровѣ. Этимъ преимущественно и объясняется продолжительность всѣхъ нашихъ войнъ въ Турціи. Правда, эта *продолжительность войнъ* составляетъ общую черту всѣхъ войнъ прошлаго столѣтія; нынѣшнія войны оканчиваются гораздо скорѣе. Усовершенствованныя средства военнаго искусства, значительныя арміи, выдвигаемыя съ той и съ другой стороны, короче, крайнее напряженіе силъ воюющихъ сторонъ, — все это значительно сокращаетъ періодъ новѣйшихъ международныхъ столкновеній и, въ противо-

---

[1]) Кр. Виддинъ, Никополь, Систова, Рущукъ, Туртукай, Силистрія, Гирсово, Мачинъ, Исакча и Тульча, *обороняющія переходъ черезъ Дунай*. Кр. Шумла въ предгорьяхъ Балкановъ и кр. Варна на берегу Чернаго моря.

[2]) Населеніе Болгаріи напр. доходитъ до 3-хъ мил., изъ этого числа около половины мусульманскаго вѣроисповѣданія. Слѣдовательно и въ Болгаріи мы можемъ расчитывать на симпатію только приблизительно половины населенія, и то турки позаботились эту половину поселить ближе къ Балканскому хребту, а мусульманскую половину ближе къ Дунаю.

положность войнамъ прошлаго столѣтія, придаетъ нынѣшнимъ характеръ *скоротечности*. Все это совершенно вѣрно по отношенію къ прочимъ европейскимъ театрамъ войны, но только не по отношенію къ войнѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Здѣсь за войною, подъ вліяніемъ указанной выше совокупности причинъ, долженъ, если только такъ можно выразиться, сохраниться *хроническій характеръ* прежнихъ войнъ. При всемъ желаніи возможно полнаго примѣненія къ дѣлу одного изъ поставленныхъ на видъ *Клаузевицемъ* основныхъ принциповъ стратегіи, именно: принципа *„крайняго напряженія силъ для достиженія разъ поставленной цѣли въ кратчайшее время“* [1]), при всемъ желаніи поставить сразу по возможности болѣе на карту, въ видахъ скорѣйшаго достиженія цѣли, скорѣйшаго окончанія войны,—этому неизбѣжно воспротивится то или другое изъ вышеприведенныхъ неблагопріятныхъ условій; придется средства для борьбы вводить не *одновременно* въ дѣло, а *послѣдовательно* по частямъ; по каплямъ, такимъ образомъ, будутъ вытягиваться силы изъ живаго организма арміи въ продолжительной борьбѣ. Это расходованіе средствъ и силъ по частямъ, являющееся преступленіемъ въ дѣлѣ стратегіи, по отношенію къ прочимъ европейскимъ театрамъ войны, въ войнѣ на Балканскомъ полуостровѣ является дѣломъ вполнѣ законнымъ, лишь уклоненіемъ отъ вышеприведеннаго принципа, въ видѣ неизбѣжной уступки тяжкимъ условіямъ обстановки. Такимъ образомъ, если бы, подобно нѣмцамъ въ войну 1870—71 г., обратиться къ одному изъ самыхъ обыкновенныхъ средствъ — къ скорѣйшему окончанію войны, къ выставленію сразу *подавляющаго численнаго превосходства силъ надъ противникомъ*, — этому тотчасъ же воспротивится обстановка. Какъ ихъ продовольствовать? *Средствами края* и *подвозомъ*—это два обыкновенные способа; но на первый, составляющій именно самое благопріятное условіе въ подобномъ случаѣ — разсчитывать нельзя, развѣ

---

[1]) «*Первый принципъ* и наиболѣе важный въ дѣлѣ достиженія цѣлей войны, по мнѣнію *Клаузевица*, заключается въ *крайнемъ напряженіи* для этого *всѣхъ силъ*, какими только возможно располагать, до окончательнаго ихъ истощенія. Всякое уклоненіе отъ этого можетъ повести къ недостиженію поставленной цѣли, по недостаточности къ тому средствъ. Хотя бы успѣхъ и былъ вѣроятенъ, все-таки было бы въ высшей степени неблагоразумно не напрячь всѣхъ усилій къ тому, чтобы сдѣлать его *окончательно вѣрнымъ*, такъ какъ это не можетъ повлечь за собою никакихъ невыгодныхъ послѣдствій. Допуская даже, что страна отъ этого будетъ вдвойнѣ обременена, это не представитъ въ окончательномъ результатѣ невыгодъ, такъ какъ, вслѣдствіе этого, бремя, которое ей придется нести, будетъ тѣмъ менѣе продолжительнымъ».

въ очень и очень слабыхъ размѣрахъ и то для небольшихъ силъ. Остается подвозъ, но *море* не въ нашихъ рукахъ; *Дунай* (предполагая его даже въ нашихъ рукахъ), вслѣдствіе направленія своего теченія, не можетъ служить коммуникаціонною линіею (путемъ подвозовъ); далѣе не встрѣчается судоходныхъ рѣкъ, которыя могли бы принять на себя подобное назначеніе; *желѣзныхъ дорогъ* [1]) мало и тѣ перерываются Балканами, дороги въ жалкомъ состояніи, перевозочныхъ средствъ почти нѣтъ. Остается, въ видахъ *безостановочности операціи* сильной арміи, организовать громадныя транспортныя средства, *обширные подвижные магазины*, но чѣмъ продовольствовать массу входящихъ въ ихъ составъ лошадей, воловъ? Вотъ новое затрудненіе, ограничивающее значительно размѣръ подвозовъ, а слѣдовательно и размѣръ операціонной арміи; короче, строгое примѣненіе къ указаннымъ даннымъ обстановки одного изъ *основныхъ законовъ стратегіи* („крайняго напряженія силъ для достиженія въ кратчайшее время разъ поставленной цѣли") обращается въ трудно разрѣшимую дилемму, въ невозможность на Балканскомъ полуостровѣ.

II.

Настолько же затруднительнымъ оказывается и примѣненіе къ дѣлу другаго *основнаго закона стратегіи: безопасности операціи* (безопасности операціонной линіи), вслѣдствіе крайне неблагопріятныхъ *политическихъ условій* (мы до сихъ поръ ихъ еще не касались), которыми театръ на Балканскомъ полуостровѣ является окруженнымъ для насъ. Упомянувъ о вышеприведенныхъ затрудненіяхъ, представляемыхъ театромъ военныхъ дѣйствій на Балканскомъ полуостровѣ для насъ лишь *вообще*,— мы позволимъ себѣ остановить *особенное* вниманіе на разборѣ именно того вопроса: *какого рода затрудненія изъ политическихъ условій, окружающихъ театръ войны на Балканскомъ полуостровѣ, возникаютъ для нашей арміи по отно-*

---

[1]) 1) Рущукъ — Разградъ — Варна; 2) вѣтвь отъ Ямболы къ дорогѣ изъ Софіи — Филиполь — Адріанополь — Константинополь; и 3) вѣтвь отъ послѣдней изъ Демотаки внизъ по р. Морицѣ.

шенію къ стратегической сторонѣ дѣла? Это и составляетъ собственно главную задачу нашего настоящаго изслѣдованія.

Хотя стратегія является обобщеніемъ всего военнаго дѣла, его философіею, вслѣдствіе чего, какъ казалось бы по крайней мѣрѣ, ей, какъ уходящей въ отвлеченности, нѣтъ никакого дѣла до *линій* и *угловъ*, однако, для бо́льшей наглядности и осязательности *сущности* дѣла, къ этому пріему обращается большая часть изъ писавшихъ о стратегіи, причемъ *одни* коллективную идею стратегіи относятъ къ *операціонной линіи*, линіи идеальной, выражающей идею операціи, ея цѣль и направленіе; *другіе же* считаютъ болѣе правильнымъ относить коллективную идею стратегіи къ *базѣ*, линіи (правильнѣе, извѣстнымъ образомъ организованной полосѣ страны) [1]), дѣйствительно существующей на дѣлѣ и вмѣщающей въ себѣ продовольственные запасы, боевые, запасы людей, короче, всѣ средства, необходимыя для веденія войны. *Первые* правы съ точки *теоретической*, логической, съ точки чистой стратегіи, выводя все изъ основной идеи операціи и относя все къ ней. *Вторые*, имѣя въ виду важное значеніе обстановки по отношенію къ принятію того или другаго рѣшенія, правы съ точки *практической*, съ точки прикладной стратегіи, выводя все изъ источника существованія арміи и относя все къ нему. Такимъ образомъ *Клаузевицъ* говоритъ: „какъ бы ни было устроено снабженіе войскъ запасами, изъ магазиновъ, или путемъ реквизицій, затрудненіе это представляется такого рода, что ему должно принадлежать *первенствующее значеніе* при обсужденіи вопроса объ операціяхъ. Нерѣдко оно препятствуетъ приведенію въ исполненіе наиболѣе дѣйствительныхъ комбинацій, и вынуждаетъ армію искать средствъ къ пропитанію, вмѣсто того, чтобы искать побѣду и заботиться о неизбѣжно необходимомъ, вмѣсто того, чтобы думать о блескѣ успѣха. Именно этотъ вопросъ о запасахъ и придаетъ всю матеріальную тяжеловѣсность машинѣ и такъ сильно задерживаетъ ея дѣйствія, не позволяя ей подняться на высоту грандіозныхъ предначертаній („*О войнѣ*“ *VI, 345, фр. переводъ*).

Такимъ образомъ рѣшающее значеніе въ вопросѣ о выборѣ

---

[1]) Въ извѣстномъ (административномъ) смыслѣ, въ особенности при нынѣшнихъ условіяхъ (желѣзныхъ дорогахъ), весь тылъ является базою для арміи, т. е. *административною базою*; здѣсь же имѣется въ виду база, такъ сказать, въ *тактическомъ смыслѣ*, т. е. собственно *операціонная база*.

той или другой операціонной линіи (о выборѣ той или другой операціи) будетъ сплошь и рядомъ принадлежать базѣ.

Изъ приведеннаго видно, что въ извѣстномъ смыслѣ правы, какъ тѣ, которые коллективную идею стратегіи относятъ къ операціонной линіи, такъ и тѣ, которые относятъ ее къ базѣ, а также и то, что *положеніе арміи на театрѣ военныхъ дѣйствій, степень свободы и безопасности ея операцій*, короче, стратегическое положеніе арміи *вообще* ближе всего обусловливается свойствами (выгодами и недостатками) этихъ двухъ линій и отношеніемъ ихъ другъ къ другу.

Послѣдній вопросъ разрѣшается стратегіею такъ: наибольшую степень безопасности операціи (операціонной линіи) и свободы въ ней доставляютъ базы длинныя, двойныя, тройныя, вообще обхватывающія (само собою разумѣется, что, въ виду особенной важности базы, она сама прежде всего должна быть безопасна отъ прорыва и охвата, т. е. обезпечена съ фронта и флянговъ). И обратно, чѣмъ база короче (база въ видѣ короткой прямой линіи и тѣмъ болѣе база точки), тѣмъ болѣе страдаетъ какъ свобода, такъ и безопасность операціи (операціонной линіи). Такимъ образомъ стратегическимъ операціямъ, отправляющимся отъ короткихъ операціонныхъ базъ и задающимся отдаленными цѣлями, выражающимися въ длинныхъ операціонныхъ линіяхъ, т. е. въ слабо или вовсе необезпеченныхъ операціонныхъ линіяхъ (другими словами *когда вся операція виситъ на воздухѣ*), присвоенъ французами особый терминъ „une pointe“ (не переведенный пока на другіе языки, но казалось бы, что даже и подстрочный переводъ „*стратегическое шило*“ вѣрно передавалъ бы понятіе „pointe“).

Приведенныхъ теоретическихъ положеній: 1) *о безопасности операціонной линіи* во всѣхъ смыслахъ: въ смыслѣ пути наступленія, пути отступленія и пути подвозовъ, и прежде всего: 2) о *безопасности базы*, а равно и 3) о *желательномъ направленіи и вообще положеніи базы къ операціонной линіи*, въ видѣ доставленія послѣдней возможно большей безопасности, намъ вполнѣ достаточно, чтобы приступить къ разбору поставленнаго нами вопроса о *положеніи наступающей на Балканскомъ полуостровѣ русской арміи.*

Вслѣдствіе извѣстныхъ *географическихъ и политическихъ* условій, театръ войны на Балканскомъ полуостровѣ представляется для насъ въ весьма неблагопріятномъ видѣ. Окруженный съ трехъ сторонъ морями, не находящимися въ нашей власти и,

съ четвертой, почти сплошь замкнутый Австріею, исключая узкаго отверстія между низовьями Дуная и Карпатами, отъ 80—100 верстъ, онъ представляетъ крайне неблагопріятныя условія для *базированія*, а слѣдовательно (какъ выше было объяснено) и въ дѣлѣ дальнѣйшаго *оперированія* нашей арміи. Онъ представляетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ *мѣшокъ*, въ узкое отверстіе котораго приходится лѣзть нашей арміи и далѣе двигаться по узкому и длинному *корридору* между двумя преградами, отстоящими другъ отъ друга на 100 — 150 верстъ и не находящимися въ нашей власти: *Карпатами* съ одной стороны и *Дунаемъ* съ другой и притомъ двигаться къ отдаленному *предмету дѣйствій*, къ Константинополю [1]), гдѣ, въ случаѣ необходимости, должна окончательно рѣшиться участь войны. И такъ *крайне короткая база* и неизбѣжно *крайне длинная операціонная линія* — вотъ въ какомъ видѣ представляется обстановка для нашей арміи, наступающей на Балканскомъ полуостровѣ. Такимъ образомъ „*pointe*“, являющаяся преступленіемъ противъ законовъ стратегіи, тамъ, гдѣ только мало-мальски ее избѣжать можно, здѣсь является *неизбѣжнымъ зломъ*, вызываемымъ силою самой обстановки.

Приведенныя неудобства еще не вполнѣ обрисовываютъ всѣ трудности положенія нашей арміи, въ данномъ случаѣ. Мало того, что база коротка, но и степень безопасности ея весьма сомнительна, такъ какъ оба фланга ея недостаточно безопасны: съ одной стороны, она примыкаетъ къ Австріи, на благопріятную политику которой для насъ въ нашихъ восточныхъ дѣлахъ мы едва ли можемъ разсчитывать, а съ другой, къ Дунаю или къ Черному морю, не находящимся въ нашей власти; но мало и этого — короткости базы, слабаго обезпеченія, правильнѣе даже необезпеченія ея фланговъ, — база еще открыта съ тыла на всемъ протяженіи сѣвернаго прибрежья Чернаго моря.

Сумма всѣхъ приведенныхъ затрудненій вполнѣ обрисовываетъ крайне трудное стратегическое положеніе для нашей арміи на Балканскомъ полуостровѣ.

Изъ сказаннаго ясно: 1) въ какой мѣрѣ важную роль играетъ Австрія, т. е. политическія условія по отношенію къ тѣмъ цѣлямъ, которыя мы можемъ себѣ ставить въ войнѣ на Балканскомъ по-

---

[1]) Удаленный отъ нижняго теченія Дуная въ прямомъ направленіи на 400 — 500 верстъ.

луостровѣ, и 2) въ какой степени важно было бы для насъ обладаніе Чернымъ моремъ, господство на немъ.

Господство на Черномъ морѣ даетъ намъ возможность тотчасъ же удлинить базу, и вмѣстѣ съ тѣмъ предоставляетъ намъ желательную свободу и безопасность въ операціяхъ, какъ то и было въ кампанію 1829 г. Мало того, *флотъ*, служа могущественнымъ средствомъ для перевозки запасовъ, позволяетъ намъ сразу двинуть на театръ войны значительныя силы и тѣмъ способствуетъ приближенію дѣла къ развязкѣ. Вся громадная разница въ характерѣ нашихъ медленныхъ, вялыхъ и нерѣшительныхъ операцій въ кампанію 1828 г. и столько же рѣшительныхъ и блистательныхъ операцій въ кампанію 1829 г. именно и объясняется содѣйствіемъ флота въ послѣдней и отсутствіемъ этого содѣйствія въ первой.

Не менѣе важное значеніе, въ стратегическомъ отношеніи, принадлежитъ и извѣстнымъ благопріятнымъ для насъ *политическимъ условіямъ*, напр. если бы Австрія дѣйствовала въ союзѣ съ нами. Подобно тому, какъ содѣйствіе флота, удлиняя нашу базу влѣво, значительно облегчаетъ наше стратегическое положеніе, подобно тому союзъ съ Австріею удлиняетъ нашу базу въ правую сторону, и мало того, даетъ намъ выгоды двойной обхватывающей базы, доставляющей полную свободу и полную безопасность въ операціяхъ.

Изъ приведеннаго само собою обрисовываются двѣ крайнія такъ сказать *полярныя гипотезы* (а слѣдовательно и всѣ промежуточныя между ними): *наиболѣе благопріятная* въ стратегическомъ отношеніи для насъ, обусловливаемая союзомъ съ Австріею и господствомъ на Черномъ морѣ, и *наименѣе благопріятная*, обусловливаемая необладаніемъ Чернымъ моремъ и враждебнымъ къ намъ отношеніемъ Австріи.

Остановимся на разборѣ именно послѣдней. Она можетъ произвести столь трудное для насъ положеніе, что при такихъ условіяхъ, вторженіе нашей арміи на Балканскій полуостровъ дѣлается совершенно *невозможнымъ*, обращается въ предпріятіе *авантюристское*, въ родѣ нѣкоторыхъ предпріятій Карла XII. Оно почти такъ и было въ исходѣ кампаніи 1854 года, когда условія именно въ этомъ видѣ и сложились.

Слово „*невозможно*", только что нами употребленное, слишкомъ сильно и не вполнѣ выражаетъ сущности дѣла въ данномъ случаѣ. Гораздо правильнѣе было бы замѣнить его другимъ

„*крайне трудно*", какъ это ближе всего видно изъ той *массы силъ*, которыя, для ослабленія приведенныхъ выше неблагопріятныхъ условій, пришлось бы развернуть, и то только для цѣлей второстепеннаго характера, для цѣлей вспомогательныхъ по отношенію къ главной.

Такимъ образомъ, сверхъ арміи, преслѣдующей главную цѣль вторженія, пришлось бы отдѣлить еще:

1) *особую армію*, наступающую одновременно съ первою (двигающуюся первоначально на Рущукъ или Виддинъ) [1]), вдоль по Дунаю съ цѣлью захвата переправъ или по крайней мѣрѣ воспрепятствованію переправѣ непріятеля (съ цѣлью обезпеченія операціонной линіи слѣва въ смыслѣ *пути наступленія*, — нѣчто въ родѣ цѣлаго ряда боковыхъ авангардовъ Наполеона въ 1809 г., во время движенія его по правому берегу Дуная отъ Регенсбурга къ Вѣнѣ). Далѣе, послѣ переправы главной арміи (положимъ у Рущука или Виддина), на вышеозначенную армію пришлось бы возложить окончательное овладѣніе Дунаемъ, т. е. обоими его берегами, равно какъ и вообще наблюденіе и обложеніе крѣпостей, оставленныхъ главною арміею въ тылу и на флангахъ, въ видахъ уже обезпеченія операціонной линіи въ смыслѣ *пути подвозовъ* и *пути отступленія*.

2) *Особую армію* для непосредственной обороны сѣвернаго прибрежья Чернаго моря.

и 3) *особую армію* для обезпеченія праваго фланга базы и операціонной линіи, короче всей операціи на Балканскомъ полуостровѣ, со стороны Австріи, располагая ее или въ княжествахъ, или въ Бессарабіи, или въ Царствѣ Польскомъ.

Существованіемъ этихъ трехъ вспомогательныхъ армій, помимо главной, упомянутыя выше затрудненія были бы если и не совершенно устранены, то значительно ослаблены и со всей операціи былъ бы снятъ характеръ „*Pointe*"; но какія силы для этого потребовались бы?

Полагая главную армію въ 150 т. (едва ли по указаннымъ въ своемъ мѣстѣ причинамъ можетъ быть разомъ двинута на Балканскій полуостровъ болѣе сильная армія?), армію въ пунктѣ 1-мъ

---

[1]) Не предполагаемъ, чтобы, при нынѣшнихъ условіяхъ (Черное море не въ нашей власти), изъ 4-хъ главныхъ операціонныхъ направленій: 1) на Варну, 2) на Шумлу отъ Силистріи, 3) отъ Рущука и 4) отъ Виддина — были бы выбраны: 1-ое, само по себѣ столь затруднительное и не отвѣчающее общей обстановкѣ и 2-ое запертое сильно укрѣпленною позиціею у Шумлы.

поименованную пришлось-бы сдѣлать около 100 т., — въ 2-мъ тоже около 100 т., — а въ 3-мъ до 300 т. (minimum); — слѣдовательно для обезпеченія операціи арміи въ 150 т. пришлось бы употребить 500 т. войскъ minimum [1]).

Эта стратегическая ариѳметика ближе всего показываетъ, на сколько полновѣсны указанныя выше затрудненія, которыя должна встрѣтить наша армія при своемъ вторженіи на Балканскомъ полуостровѣ.

Указанныя стратегическія затрудненія для нашей арміи на Балканскомъ полуостровѣ могутъ быть ослаблены и другими средствами, — политическими, — тѣмъ или другимъ соглашеніемъ съ Австріей, и притомъ такъ, что стратегическая обстановка нашихъ военныхъ операцій можетъ сдѣлаться для насъ даже весьма благопріятною. Но средства эти въ распоряженіи уже не стратегіи а политики, вдаваться въ которую не наше дѣло [2]).

Цѣль нашего этюда заключалась главнымъ образомъ въ томъ, чтобы, освѣтивъ нѣкоторыя изъ данныхъ, касающихся операцій

---

[1]) Не должно терять изъ виду, что при этомъ предположеніи, мы были бы обезпечены (посредствомъ 300 т. арміи) противъ всякихъ случайностей со стороны Австріи. При этомъ условіи, — т. е. при наиболѣе невыгодномъ для насъ развитіи войны съ Турціей, или при превращеніи ея въ общеевропейскую войну (противъ наиболѣе вѣроятныхъ нашихъ противниковъ въ Европѣ, въ случаѣ нашихъ успѣховъ на Балканскомъ полуостровѣ), общая сумма (650 тыс.) боевыхъ силъ, нужная по вычисленіямъ автора, нисколько не превышаетъ дѣйствительныхъ средствъ Россіи, а скорѣе ниже ихъ. Итакъ соображенія автора, основанныя на самыхъ точныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самыхъ невыгодныхъ стратегическихъ предположеніяхъ, нисколько не страшны для Россіи. *Ред.*

[2]) Изъ всѣхъ соображеній автора возникаютъ двѣ политическія гипотезы, долженствующія опредѣлить собою такъ или иначе всѣ наши военныя дѣйствія на Балканскомъ полуостровѣ: мы должны предположить, или что Австрія будетъ дѣйствовать съ нами совокупно, какъ союзная держава, или же что она будетъ находиться съ нами въ непріятельскихъ отношеніяхъ. Первая изъ этихъ двухъ гипотезъ была бы для насъ выгодна преимущественно въ стратегическомъ отношеніи, но могла бы быть невыгодна въ политическомъ (такъ какъ могла бы ослабить результаты нашихъ успѣховъ и породить политическія недоразумѣнія, которыя бы, при различіи національныхъ условій Австро-Венгріи и Россіи могли бы парализовать выполненіе нашей исторической задачи въ Турціи или-же привести къ войнѣ съ Австро-Венгріей); вторая гипотеза была бы преимущественно выгодна для насъ въ политическомъ отношеніи (не связывая насъ никакими компромиссами съ Австро-Венгріей, противными нашимъ національнымъ цѣлямъ) и затруднительна въ стратегическомъ отношеніи (по крайней мѣрѣ теперь, когда наши военныя дѣйствія въ Турціи уже начались и мы не можемъ болѣе перемѣнить нашъ основной стратегическій планъ, направивъ нашу операціонную линію къ Константинополю черезъ Вѣну, какъ на это указывали уже давно военные авторитеты). Во всякомъ случаѣ, мы должны желать одного:

нашихъ армій на Балканскомъ полуостровѣ, поставить на видъ тѣ громадныя затрудненія, которыя этотъ своеобразный театръ войны представляетъ, и тѣмъ до нѣкоторой степени оріентировать въ многотрудномъ дѣлѣ справедливой критики военныхъ операцій общественное мнѣніе, всегда, въ особенности въ началѣ каждой войны, склонное впадать въ эфемерныя ожиданія, а отсюда въ обратную крайность при малѣйшей неудачѣ, даже при естественномъ иногда замедленіи дѣла.

1 Апрѣля 1877 г.

чтобы какъ можно скорѣе опредѣлилось, при какой изъ этихъ двухъ гипотезъ должны дѣйствовать наши войска за нашей южной и западной границахъ, и чтобы та или другая гипотеза превратилась въ ясную, несомнѣнную дѣйствительность. Мы можемъ наконецъ желать, чтобы скорѣе осуществилась, во всей ясности, хотя бы еще одна третья мыслимая гипотеза, — чтобы Австрія заняла относительно насъ безусловно *нейтральное* положеніе, съ какими бы трудностями не было для нея сопряжено сохраненіе этого положенія при дальнѣйшемъ развитіи нашихъ операцій на Балканскомъ полуостровѣ. Мы сочли нужнымъ сдѣлать эти замѣчанія въ виду извѣстій, шедшихъ въ послѣднее время изъ Вѣны (хотя бы и изъ сомнительныхъ мадьяро-туркофильскихъ источниковъ) объ возможности какой-то четвертой гипотезы, — объ *параллельномъ движеніи* (parallel-action) австро-венгерской арміи на Балканскомъ полуостровѣ (т. е., параллельномъ, въ отношеніи къ движенію русскихъ войскъ на томъ-же театрѣ). Такое параллельное положеніе было бы нѣчто совершенно новое и для международнаго права и для стратегіи, которыя до сихъ поръ знали только три положенія государства относительно воюющихъ сторонъ: союзное, непріятельское и нейтральное. Четвертое — казалось бы и немыслимо. *Ред.*

АРХИВЫ,

ИХЪ ГОСУДАРСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНІЕ,

СОСТАВЪ И УСТРОЙСТВО.

Н. В. КАЛАЧОВА.

Въ настоящее время, когда нетолько въ западныхъ государствахъ, но и въ нашемъ отечествѣ обращено серьезное вниманіе на устройство архивовъ для храненія въ нихъ документовъ, имѣющихъ столь важное значеніе какъ въ сферѣ международныхъ отношеній, такъ и во внутренней жизни каждаго государства съ одной стороны для огражденія общественнаго его положенія, а съ другой — для подкрѣпленія тѣхъ правъ, которые принадлежатъ многочисленнымъ разрядамъ такъ называемыхъ юридическихъ лицъ въ ихъ частной жизни и дѣятельности, – не можетъ конечно представиться неумѣстнымъ встрѣтить въ „Сборникѣ Государственныхъ Знаній“ нѣкоторыя мысли, соображенія и положительныя данныя о томъ, что̀ составляетъ цѣль архивныхъ занятій, въ чемъ заключается задача лицъ, спеціально приставленныхъ къ этому дѣлу, извѣстныхъ на западѣ подъ именемъ *архивистовъ*, и въ какомъ положеніи находятся теперь архивы какъ за границей, такъ въ особенности у насъ. Взявъ на себя трудъ предложить въ настоящей статьѣ все, что намъ извѣстно

по каждому изъ этихъ предметовъ, на сколько они, по нашему мнѣнію, могутъ интересовать неспеціалистовъ дѣла, мы постараемся однако пользоваться для нашей цѣли матеріалами иностранной литературы и нашими личными заграничными наблюденіями преимущественно въ той мѣрѣ, насколько считаемъ ихъ пригодными для практическаго примѣненія ихъ въ Россіи.

I.

Во всѣхъ европейскихъ государствахъ, несмотря на тѣ безконечныя опустошенія, которыя въ разное время произведены были въ массѣ документовъ, накоплявшихся въ каждомъ изъ нихъ разными сдѣлками, имѣвшими характеръ офиціальный и юридическій, не только пожарами и разгромами военными, но еще въ большей степени невѣжествомъ правительственныхъ и частныхъ лицъ, не понимавшихъ долгое время, да въ большинствѣ случаевъ и нынѣ еще не сознающихъ важнаго значенія такихъ актовъ, которые не относятся непосредственно къ ихъ кругу занятій, къ ихъ собственности или къ ихъ домашней жизни, — все таки сохранились еще такіе богатые вклады въ сокровищницы исторіи, какъ справедливо могутъ быть названы архивы, что, благодаря указаніямъ науки, признавшей вполнѣ ихъ важность, всюду приняты болѣе или менѣе энергическія мѣры для сохраненія этихъ памятниковъ дипломатической, государственной и частной дѣятельности отъ дальнѣйшаго истребленія. Независимо отъ того, что во всѣхъ зданіяхъ, гдѣ сосредоточивается правительственная дѣятельность того или другого учрежденія въ кругу ввѣренныхъ ему занятій, уже съ давняго времени отдѣляются кое-какія помѣщенія для храненія бумагъ, нужныхъ для справокъ, начинаютъ заботиться и о томъ, чтобы эти, такъ сказать, справочные акты хранились въ порядкѣ. Но дѣлъ, производящихся въ каждомъ правительственномъ и присутственномъ мѣстѣ такъ много и такъ они разнообразны, что какъ ихъ сдача въ архивъ, такъ и размѣщеніе ихъ въ немъ, въ какомъ либо порядкѣ, уже требуютъ нѣкоторыхъ правилъ. На первыхъ порахъ *регистратура* отмѣчаетъ, что̀ и когда сдано въ архивъ, а пріемщикъ документа или дѣла назначаетъ мѣсто, гдѣ тотъ или другой нумеръ должны храниться. Но оставаясь въ такомъ

положеніи, бумаги съ теченіемъ годовъ разрастаются такъ, что наконецъ въ умѣ архиваріуса невольно возникаетъ вопросъ: гдѣ ихъ помѣщать на будущее время, такъ какъ архивъ ими уже переполненъ, да и нужно ли оставлять ихъ на *вѣчное* храненіе? Припомнивъ, что мѣсто, сдающее свои дѣла, ограничивается при этомъ лишь требованіемъ, чтобы они окончены были производствомъ, а не объясняетъ, насколько они могутъ быть ему полезны на будущее время для *справокъ*, архиваріусъ естественно приходитъ къ мысли, что конечно многія изъ принимаемыхъ имъ дѣлъ совершенно безполезны и впредь не потребуются и что слѣдовательно ихъ необходимо уничтожить по крайней мѣрѣ для того, чтобы *очистить* мѣсто для будущихъ дѣлъ. Но при этой мысли онъ опять останавливается на вопросѣ: а какъ мнѣ знать, что когда потребуется? могу ли я безнаказанно уничтожить дѣла, ввѣренныя моему храненію? Такимъ образомъ въ самомъ скоромъ времени по учрежденіи архива является потребность въ установленіи положительныхъ правилъ, съ одной стороны, относительно *разбора* и *размѣщенія* дѣлъ въ архивѣ, а съ другой относительно *уничтоженія* тѣхъ изъ нихъ, которыя оказываются безполезными. Но если первая изъ этихъ задачъ можетъ быть разрѣшена болѣе или менѣе удачно, смотря по степени теоретическаго образованія и практическихъ соображеній архиваріуса, вторая напротивъ того составляетъ по истинѣ камень преткновенія для человѣка сколько нибудь развитаго и интересующагося дѣломъ. Легко уничтожить все, что попадетъ подъ руку; но если дѣло, дѣйствительно не нужное для учрежденія, въ которомъ оно производилось, имѣетъ за собою тѣмъ не менѣе интересъ историческій или представляется любопытнымъ въ отношеніи юридическомъ, сельско-хозяйственномъ и т. под., то неужели можно его уничтожить; однако и оставлять такое дѣло въ этомъ архивѣ не слѣдуетъ, такъ куда же съ нимъ дѣваться, кому его сдать для дальнѣйшаго, вѣчнаго храненія? И вотъ въ умѣ добросовѣстнаго знатока своихъ документовъ мелькаетъ уже мысль о необходимости устройства *центральныхъ ученыхъ архивовъ*, въ которыхъ изслѣдователи, жаждущіе изученія своего предмета на основаніи первыхъ источниковъ, могли бы черпать нужныя имъ свѣдѣнія изъ дѣлъ, имѣющихъ для нихъ значеніе еще нетронутыхъ наукою рудниковъ. Такимъ образомъ назначеніе спеціальнаго архива въ одно и тоже время и разрослось и раздвоилось, а цѣль архивныхъ занятій раздѣлилась на двѣ: одна изъ нихъ составляетъ впредь

прямую задачу архиваріуса — разбирать и описывать документы съ выдачею изъ нихъ справокъ, требующихся учрежденіемъ, при которомъ состоитъ архивъ; а другая —задачу археографа, приставленнаго къ документамъ, имѣющимъ исключительно научное значеніе, съ цѣлью облегчать къ нимъ доступъ изслѣдователей. Но пока центральные ученые архивы еще не образовались, начальству каждаго учрежденія, имѣющаго архивъ, не мѣшало бы помнить, что на немъ лежитъ обязанность поставить своему архиваріусу за правило не только знать и хранить ввѣренныя ему дѣла для доставленія изъ нихъ справокъ, требуемыхъ учрежденіемъ, но точно также заботиться и о цѣлости тѣхъ документовъ, которые могутъ быть полезны для ученыхъ занятій. Нельзя не согласиться, что въ виду этого архиваріусъ долженъ обладать достаточными знаніями, нетолько спеціальными по своему предмету, но и общеобразовательными, и что вмѣстѣ съ тѣмъ ему предлежитъ много дѣла, если онъ хочетъ удовлетворительно исполнять свою обязанность въ строгомъ смыслѣ этого слова. Къ сожалѣнію, всѣмъ извѣстно, какъ далеко отстоятъ отъ такого идеала хранители нашихъ архивовъ. Если даже въ столицахъ почти нѣтъ спеціалистовъ по этой части, то относительно архиваріусовъ въ губернскихъ и уѣздныхъ городахъ можно смѣло сказать, что, за немногими счастливыми исключеніями, въ эту должность нарочно выбираются и назначаются чиновники самые старые, едва не выжившіе изъ ума и потому уже неспособные быть въ чемъ либо полезными въ самомъ учрежденіи, гдѣ они состоятъ на службѣ, и что по жалованью, которое имъ опредѣляется, удивительно какъ еще могутъ они существовать, не пользуясь для своихъ необходимыхъ потребностей бумажнымъ матеріаломъ, который у нихъ подъ рукою (что впрочемъ, къ несчастію, случается довольно часто). Невольно поэтому приходитъ на мысль, что составъ нашихъ архивовъ, особенно провинціяльныхъ, долженъ быть вполнѣ преобразованъ и именно не только значительнымъ увеличеніемъ жалованья лицамъ, назначаемымъ въ должности архиваріусовъ и чиновниковъ архивовъ, но прежде всего спеціальнымъ подготовленіемъ для этого дѣла лицъ, получившихъ уже передъ тѣмъ высшее образованіе.

На западѣ вопросъ о подготовленіи такихъ спеціалистовъ архивнаго дѣла уже въ первыя десятилѣтія нынѣшняго столѣтія не только былъ поставленъ, выясненъ и разработанъ, но даже, именно съ цѣлью приведенія мысли о томъ въ исполненіе, во Франціи

получило начало учрежденіе, извѣстное подъ именемъ école des chartes, которое не только образовало значительное число лицъ, коихъ можно было смѣло поставить во главѣ провинціальныхъ архивовъ, но также, указавъ на важное значеніе изученія письменныхъ памятниковъ, разомъ поставило изслѣдованія по части исторіи на небывалую доселѣ высоту, ибо историческіе труды пробавлялись передъ тѣмъ разсказами, анекдотами и вообще матерьялами, не имѣвшими серьезнаго значенія источниковъ. Такъ какъ это учрежденіе въ послѣднее время было признано и другими западными государствами такою важною основою для того, чтобы поставить архивное дѣло на должную ногу, что такіе же институты или курсы были открыты и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, то считаю долгомъ сказать нѣсколько словъ о его началѣ и дальнѣйшемъ развитіи.

Первое предложеніе объ учрежденіи école des chartes было сдѣлано во Франціи барономъ Жерандо Наполеону I въ 1807 г., но открыта она была лишь въ 1821 г. и хотя дѣятельность ея вскорѣ прекратилась, но возобновилась въ 1829 г., а въ 1846 г. ей данъ былъ новый уставъ, котораго сущность заключается въ слѣдующемъ: 1) учрежденіе это находится подъ управленіемъ директора и наблюденіемъ совѣта; письмоводствомъ завѣдуетъ секретарь; 2) въ немъ три курса, которые проходятъ въ три года; преподаются предметы, коихъ знаніе необходимо для архивиста: палеографія, дипломатика, древнее право и проч.; 3) кандидаты, поступающіе въ это учрежденіе, должны быть моложе 24 лѣтъ, имѣть дипломъ bachelier ès lettres и быть утверждены въ ихъ пріемѣ министромъ народнаго просвѣщенія; 4) двумъ лучшимъ изъ нихъ, выдержавшимъ экзаменъ во второй курсъ, назначается стипендія въ 600 франк.; такая же стипендія назначается тремъ лучшимъ воспитанникамъ при переходѣ ихъ въ третій курсъ и тремъ, окончившимъ третій курсъ, каждому на слѣдующій годъ; 5) дипломъ архивиста-палеографа даетъ право на полученіе: а) шестерымъ изъ кончившихъ курсъ наукъ съ этимъ званіемъ, каждому въ теченіи трехъ лѣтъ, стипендіи въ 600 франковъ, если не получатъ ранѣе мѣста съ опредѣленнымъ жалованьемъ; б) должностей профессоровъ, ихъ помощниковъ и секретаря въ самой école des chartes, архивиста и начальника отдѣленія въ національномъ архивѣ, архивиста департаментскаго и чиновниковъ въ библіотекахъ, и проч.

Примѣру Франціи послѣдовала прежде всего Италія. Здѣсь

при архивахъ въ Неаполѣ и другихъ городахъ молодые люди, поступающіе сюда для занятій, должны слушать въ теченіи двухъ лѣтъ нѣкоторые предметы, необходимые для архивиста и лишь по полученіи диплома въ знаніи этихъ предметовъ, имъ дается соотвѣтствующее мѣсто въ архивѣ. Въ Вѣнѣ такіе же курсы проходятся молодыми людьми, имѣющими университетское образованіе, подъ руководствомъ профессора Сикели. Въ Берлинѣ въ послѣднее время имѣлось также въ виду учрежденіе подобныхъ курсовъ, но намъ неизвѣстно въ какой мѣрѣ это предположеніе осуществилось.

Мы не будемъ распространяться о томъ, какое плодотворное вліяніе имѣютъ западные архивисты на кругъ любителей исторіи и памятниковъ старины вообще, которые встрѣчаются какъ во всѣхъ французскихъ департаментахъ и разныхъ мѣстностяхъ Италіи, такъ и во многихъ даже незначительныхъ городахъ Германіи, Австріи, Англіи, Бельгіи, Голландіи, Швеціи, Даніи и Швейцаріи. Во Франціи министръ народнаго просвѣщенія въ глазахъ публики возвышаетъ еще званіе архивистовъ учрежденіемъ въ департаментахъ археологическихъ и историческихъ обществъ, въ которыхъ имъ принадлежитъ конечно всегда видное мѣсто; сверхъ того назначеніе, дѣлаемое министромъ ежегодно въ Сорбоннѣ наградъ за лучшія сочиненія въ средѣ каждаго такого общества, которыя нерѣдко достаются именно архивистамъ, но такъ, что при этомъ назначается также премія и самому обществу, въ средѣ котораго возникло и исполнено увѣнченное наградою сочиненіе, еще болѣе придаетъ цѣны такимъ общественнымъ дѣятелямъ. Но независимо отъ этого, понятно какъ должны работать въ самихъ архивахъ такіе ученые, приготовленные спеціально къ своему дѣлу и глубоко проникнутые убѣжденіемъ въ пользѣ, которую они приносятъ своею дѣятельностію и наукѣ и обществу. Намъ удавалось видѣть этихъ почтенныхъ тружениковъ въ самой средѣ ихъ занятій какъ во Франціи и Бельгіи, такъ и въ большихъ и малыхъ городахъ Германіи, и мы выносили всегда изъ бесѣдъ съ ними самыя отрадныя чувства, проникаясь невольно и уваженіемъ къ нимъ и любовью къ ихъ дѣлу. Не можемъ однако не прибавить, что посѣщеніе архивовъ въ Италіи оставляетъ въ этомъ отношеніи самыя лучшія, самыя свѣтлыя воспоминанія: не говоря о порядкѣ, найденномъ нами въ архивахъ, во всѣхъ посѣщенныхъ нами городахъ этого государства (такъ какъ большая часть хранящихся въ нихъ до-

кументовъ уже приведена въ извѣстность и даже значится въ изданныхъ за послѣднее время описаніяхъ каждаго значительнаго архива, посѣтителя глубоко поражаетъ то вниманіе, съ какимъ относятся къ нему начальники архивовъ и всѣ служащіе въ нихъ, предоставляя въ его распоряженіе не только рукописи, но и свои знанія.

Состоя самъ начальникомъ одного изъ важнѣйшихъ нашихъ архивовъ, я не могъ не поддаться соблазнительной мысли употребить всѣ свои старанія къ тому, чтобы и въ нашемъ отечествѣ образовалось сословіе такихъ архивистовъ, какихъ мнѣ удалось видѣть на западѣ. Прежде всего, конечно, я не могъ не убѣдиться, что серьезное подготовленіе къ должности хранителя архивныхъ документовъ должно быть первымъ условіемъ для того, чтобы достигнуть этой цѣли. Благодаря счастливому стеченію обстоятельствъ, давшихъ возможность развиться и въ Россіи исторической наукѣ, я воспользовался первыми открывшимися у насъ археологическими съѣздами, бывшими, какъ извѣстно, въ Москвѣ и Петербургѣ, чтобы положить начало разработкѣ вопроса объ устройствѣ отечественныхъ архивовъ. Прочтя на первомъ съѣздѣ мою статью относительно этого предмета, я повторилъ ее и на второмъ съѣздѣ въ декабрѣ 1872 года съ опредѣленнымъ уже заявленіемъ, чтобы съѣздъ указалъ что могло бы быть сдѣлано для приведенія моей мысли въ исполненіе. Не могу безъ особенной благодарности вспомнить о томъ живомъ участіи, какое я встрѣтилъ въ членахъ съѣзда къ моему предложенію: они признали необходимымъ открыть въ своей средѣ коммиссію для обсужденія возбужденнаго мною вопроса и пригласить къ участію въ ней спеціалистовъ по архивному дѣлу изъ разныхъ министерствъ. Вслѣдствіе единогласнаго заключенія этой коммиссіи, съѣздъ положилъ ходатайствовать передъ правительствомъ объ учрежденіи, съ Высочайшаго соизволенія, временной коммиссіи изъ представителей разныхъ вѣдомствъ съ тѣмъ, чтобы она, обсудивъ всѣ вопросы относительно устройства архивовъ и храненія въ нихъ документовъ, составила положеніе о главной архивной коммиссіи, какъ правительственномъ учрежденіи, и объ ея отношеніяхъ къ архивамъ разныхъ вѣдомствъ. Министръ народнаго просвѣщенія, прежде всеподданнѣйшаго доклада о таковомъ ходатайствѣ бывшаго археологическаго съѣзда, счелъ долгомъ отнестись по этому предмету къ министрамъ и главноуправляющимъ разныхъ вѣдомствъ какъ для полученія отъ нихъ

заключеній по вопросу, возбужденному съѣздомъ, такъ и для назначенія ими членовъ въ предполагаемую коммиссію. Всѣ они не замедлили дать отзывы вполнѣ благопріятные касательно предположенія подчинить архивы разныхъ учрежденій (за исключеніемъ такъ называемыхъ секретныхъ дѣлъ) однообразнымъ правиламъ съ цѣлью сохраненія дѣлъ и документовъ, которые имѣютъ научное значеніе; а многіе изъ нихъ признали необходимымъ учредить главную архивную коммиссію, которая, преслѣдуя чисто ученыя задачи, состояла-бы изъ образованныхъ спеціалистовъ и знатоковъ архивнаго дѣла. 3 февраля 1873 года представленіе министра народнаго просвѣщенія было Высочайше утверждено и назначена, подъ моимъ предсѣдательствомъ, временная коммиссія объ устройствѣ архивовъ. Въ теченіе четырехъ лѣтъ своей дѣятельности коммиссія эта исполнила по мѣрѣ возможности все, что предстояло ей собрать и обсудить. Она обладаетъ значительнымъ запасомъ свѣдѣній почти обо всѣхъ архивахъ разныхъ вѣдомствъ; но оказывается, къ сожалѣнію, что этими свѣдѣніями возможно будетъ воспользоваться лишь тогда, когда архивные документы будутъ подвергнуты разбору спеціалистовъ этого дѣла и когда приняты будутъ рѣшительныя мѣры къ устройству въ губерніяхъ центральныхъ историческихъ архивовъ, куда изъ мѣстныхъ архивовъ каждаго вѣдомства могли бы поступать документы, признанные излишними для дальнѣйшаго въ нихъ храненія вслѣдствіе спеціальной цѣли тѣхъ учрежденій, въ коихъ они накопились въ теченіи долгаго времени. Но прежде чѣмъ подготовлены будутъ необходимые для того знатоки дѣла, даже возвышеніе окладовъ по архивамъ не можетъ принести существенной пользы. Подтвержденіемъ этому служатъ улучшенія, сдѣланныя по части устройства архивовъ въ новыхъ судебныхъ мѣстахъ, которыя имѣли своимъ послѣдствіемъ, и то лишь отчасти, приведеніе въ извѣстность дѣлъ, переданныхъ для дальнѣйшаго храненія изъ прежнихъ установленій въ окружные суды, при коихъ учреждены новые судебные архивы. Въ виду такой необходимости образованія и у насъ архивистовъ, какими можетъ въ настоящее время гордиться большая часть западныхъ государствъ, коммиссія остановилась на томъ соображеніи, что на первый разъ у насъ требуются неотложно два учрежденія, изъ коихъ одно подготовляло бы спеціалистовъ, желающихъ и способныхъ посвятить себя разбору дѣлъ въ архивахъ, а другое направляло бы этотъ разборъ, пользуясь всѣми пригодными къ тому способами и особенно своими

ношеніями съ правительственными властями разныхъ вѣдомствъ и преимущественно тѣмъ вниманіемъ, какое, безъ сомнѣнія, будетъ оказывать ему министръ народнаго просвѣщенія въ виду той существенной пользы, какую должны принести центральные ученые архивы и историческія общества въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они будутъ учреждены. Польза эта заключается не только въ поощреніи, которое будетъ дано означенными архивами и обществами разработкѣ отечественной исторіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ въ возвышеніи въ средѣ народа какъ образованія вообще, такъ и любви къ своей роднинѣ и въ особенности къ своей мѣстности, которую такъ сильно развиваетъ наглядное изученіе ихъ исторіи и памятниковъ. Въ справедливости такого заключенія мнѣ еще недавно удалось убѣдиться на примѣрѣ миланскихъ мальчиковъ, которыхъ одинъ изъ образованнѣйшихъ аббатовъ-археологовъ (Росси), преподавая имъ самыя элементарныя свѣдѣнія, водитъ по городу и его окрестностямъ и, показывая имъ разсѣянные здѣсь памятники и замѣчательныя урочища, запечатлѣваетъ такимъ образомъ въ ихъ юномъ умѣ и минувшую судьбу роднаго имъ края и привязанность ко всему, что ихъ окружаетъ. Руководствуясь этими побужденіями, коммиссія начертала съ одной стороны проектъ археологическаго института (соотвѣтствующаго французской école des chartes), а съ другой — проектъ главной архивной коммиссіи. Считаю не лишнимъ изложить здѣсь статьи этихъ проектовъ, хотя и не подвергнутыхъ еще разсмотрѣнію высшаго правительства, въ томъ вниманіи, что указаніе критики на нѣкоторые могущіе въ нихъ встрѣтиться недостатки могло бы послужить къ исправленію ихъ въ самой коммиссіей, пока она еще не закрыта.

Относительно археологическаго института коммиссія выработала слѣдующія положенія: 1) археологическій институтъ имѣетъ цѣлью приготовленіе спеціалистовъ по русской старинѣ для занятія мѣстъ въ архивахъ правительственныхъ, общественныхъ и частныхъ; 2) въ археологическій институтъ принимаются только лица, кончившія курсъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ; 3) курсъ ученія въ археологическомъ институтѣ ограничивается двумя годами; 4) слушатели, отличившіеся своими успѣхами въ наукахъ, могутъ пользоваться стипендіями по назначенію педагогическаго совѣта института; 5) окончившіе курсъ наукъ въ институтѣ получаютъ аттестатъ и пользуются содѣйствіемъ института къ полученію мѣста въ одномъ изъ ар-

хивовъ; 6) въ институтѣ преподаются: а) палеографія вообще и въ особенности русская; б) русскія древности по частному и общественному быту до XVIII-го столѣтія включительно вообще и въ особенности по части юридической; в) хронологія, генеалогія, нумизматика, сфрагистика, геральдика, основанія науки объ архивахъ и древняя географія вообще и въ особенности Россіи до XVIII-го вѣка включительно; 7) исчисленные предметы преподаются профессорами, избираемыми главною архивною коммиссіею съ утвержденія министромъ народнаго просвѣщенія; 8) археологическій институтъ состоитъ подъ вѣдѣніемъ особаго директора; 9) директоръ института опредѣляется и увольняется Высочайшими приказами по министерству народнаго просвѣщенія и пользуется всѣми правами службы, по ученому вѣдомству сего министерства; 10) по дѣламъ педагогическимъ состоитъ въ институтѣ совѣтъ изъ всѣхъ профессоровъ онаго подъ предсѣдательствомъ директора; 11) при археологическомъ институтѣ полагаются: а) библіотека; б) собраніе образцовыхъ принадлежностей архива; в) кабинетъ древностей; 12) собраніе образцовыхъ принадлежностей архива показываетъ наглядно способы какъ лучшаго храненія и размѣщенія документовъ, такъ и пользованія ими для занятій въ самомъ архивѣ; въ немъ помѣщаются также образцы описей и указателей, соотвѣтствующихъ архивнымъ цѣлямъ; 13) кабинетъ древностей заключаетъ въ себѣ образцы шрифтовъ, древнихъ рисунковъ, монетъ, печатей и т. под. предметовъ до XVIII-го вѣка включительно; 14) день своего учрежденія институтъ празднуетъ особымъ актомъ, въ которомъ читается отчетъ за минувшій годъ и выдаются награды слушателямъ, которые представили сочиненія по предметамъ своихъ занятій, заслуживающія особаго вниманія. *Примѣчаніе.* Штатная сумма на всѣ расходы по институту полагается ежегодно въ 15.000 руб.

По главной архивной коммиссіи проектированы слѣдующія статьи: 1) главная архивная коммиссія заботится о правильномъ устройствѣ и приведенія въ порядокъ архивовъ всѣхъ правительственныхъ и общественныхъ установленій имперіи и имѣетъ цѣлью наблюденіе за храненіемъ находящихся въ нихъ дѣлъ, бумагъ, книгъ и иныхъ документовъ; начертаніе правилъ по этимъ предметамъ; доставленіе надлежащимъ вѣдомствамъ заключеній по всѣмъ вопросамъ, касающимся архивнаго дѣла; опредѣленіе порядка разбора и уничтоженія архивныхъ докумен-

товъ; принятіе мѣръ къ сохраненію документовъ, представляющихъ научный интересъ; распространеніе свѣдѣній о состояніи архивовъ и о хранящихся въ нихъ документахъ. Коммиссія имѣетъ свою печать съ изображеніемъ государственнаго герба. *Примѣчаніе*. Разборъ и уничтоженіе архивныхъ дѣлъ, книгъ и документовъ предоставляются министерствамъ и другимъ вѣдомствамъ, коимъ они принадлежатъ на основаніи правилъ, которыя будутъ составлены самими вѣдомствами по соглашенію съ главной архивной коммиссіей. 2) Коммиссія имѣетъ право: а) посылать своихъ членовъ для осмотра архивовъ; б) представлять, по принадлежности, о приведеніи архивовъ въ порядокъ и вообще дѣлать указанія о лучшемъ устройствѣ архивовъ; в) заявлять требованія о сохраненіи въ цѣлости всѣхъ тѣхъ архивныхъ документовъ, которые, по мнѣнію ея членовъ, будутъ подлежать сохраненію, точно также и о томъ, чтобы дѣла и бумаги указанныхъ ею категорій не были уничтожаемы безъ ея вѣдома, и г) получать свѣдѣнія о состояніи архивовъ разныхъ вѣдомствъ по составленнымъ ею формамъ. *Примѣчаніе*. Способъ участія коммиссіи въ разборѣ документовъ, предназначенныхъ къ уничтоженію въ архивахъ разныхъ вѣдомствъ лишь съ ея вѣдома, будетъ опредѣленъ особою инструкціею главной архивной коммиссіи. 3) Коммиссія сносится съ подлежащими вѣдомствами или непосредственно или чрезъ министра народнаго просвѣщенія. 4) На содержаніе коммиссіи, изданіе ея трудовъ, командировки ея членовъ и другіе ея расходы отпускается ежегодно, по смѣтѣ министерства народнаго просвѣщенія, опредѣленная штатомъ сумма. 5) Коммиссія находится въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія и состоитъ изъ предсѣдателя, постоянныхъ членовъ, членовъ-представителей министерствъ по одному отъ каждаго, и членовъ-сотрудниковъ. Сверхъ того коммиссія можетъ имѣть соревнователей въ разныхъ городахъ имперіи по предметамъ ея занятій. 6) Предсѣдатель коммиссіи назначается по представленію министра народнаго просвѣщенія Высочайшимъ указомъ. 7) Постоянные члены коммиссіи, избираемые на первый разъ министромъ народнаго просвѣщенія, а впослѣдствіи самою коммиссіею изъ лицъ, извѣстныхъ своими учеными трудами, опредѣляются и увольняются Высочайшими приказами и пользуются всѣми правами учено-учебной службы. 8) Должность постоянныхъ членовъ и членовъ-сотрудниковъ коммиссіи не можетъ быть совмѣщаема съ другою должностью,

сопряженною съ постоянными занятіями; это ограниченіе не касается лицъ ученаго и учебнаго вѣдомствъ. 9) Члены-представители министерствъ участвуютъ въ засѣданіяхъ коммиссіи съ правомъ голоса. 10) Члены-сотрудники избираются самою коммиссіею и утверждаются въ своемъ званіи министромъ народнаго просвѣщенія; они пользуются правами учено-учебной службы и участвуютъ въ засѣданіяхъ коммиссіи съ правомъ совѣщательнаго голоса. 11) Въ случаѣ болѣзни или отсутствія предсѣдателя, должность его исправляетъ старшій въ чинѣ постоянный членъ. 12) Дѣла въ коммиссіи рѣшаются по большинству голосовъ. Въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ предсѣдателя даетъ перевѣсъ. 13) Коммиссія имѣетъ право приглашать, для совѣщаній и объясненій, въ свои засѣданія лицъ, не принадлежащихъ къ ея составу, съ правомъ совѣщательнаго голоса. 14) Порядокъ засѣданій и занятій коммиссіи опредѣляется особымъ наказомъ, составляемымъ коммиссіею и утверждаемымъ министромъ народнаго просвѣщенія. 15) Журналы засѣданій ведутся правителемъ дѣлъ, избираемымъ предсѣдателемъ изъ членовъ-сотрудниковъ, и подписываются всѣми присутствовавшими въ засѣданіи членами съ правомъ рѣшительнаго голоса. 16) Потребныя на расходы коммиссіи суммы отпускаются по ассигновкамъ департамента народнаго просвѣщенія. 17) Коммиссія представляетъ министру народнаго просвѣщенія ежегодный отчетъ о своей дѣятельности. Отчетъ этотъ читается въ публичномъ засѣданіи коммиссіи, бывающемъ въ день ея открытія. Въ засѣданія этомъ происходятъ, кромѣ того, чтенія по предметамъ вѣдѣнія коммиссіи. *Примѣчаніе.* Штатная сумма на всѣ расходы по главной архивной коммиссіи полагается ежегодно въ 34,000 руб.

Конечно, весьма трудно предсказать заранѣе, какіе именно плоды принесло бы совмѣстное существованіе этихъ двухъ учрежденій, но можно смѣло думать, что безъ ихъ содѣйствія нельзя ожидать, чтобы архивное дѣло могло получить у насъ благопріятный исходъ, а скорѣе можно придти къ убѣжденію, что тѣ невѣроятныя потери, которымъ ежегодно подвергается нашъ ученый фондъ, утрачивающій вслѣдствіе небрежности, недобросовѣстности, необразованности и по другимъ еще худшимъ побужденіямъ цѣлыя массы интереснѣйшихъ документовъ и въ фамильныхъ складахъ, и въ правительственныхъ архивахъ, не только не будутъ уменьшаться, а скорѣе увеличиваться. Чѣмъ поэтому ранѣе правительство признаетъ возможнымъ положить начало означен-

нымъ учрежденіямъ, или же сознающія важность ихъ частныя лица окажутъ необходимое содѣйствіе къ ихъ осуществленію, тѣмъ болѣе выиграетъ наука сохраненіемъ отъ гибели полезныхъ ей матеріаловъ, а самые архивы тѣмъ скорѣе подвергнутся надлежащему устройству и приведенію въ извѣстность уцѣлѣвшихъ въ нихъ источниковъ для разработки нашей исторіи.

II.

Переходя ко второму условію для храненія рукописей—помѣщенію ихъ въ приспособленныхъ къ тому зданіяхъ, мы должны прежде всего остановиться на нѣкоторыхъ архитектурныхъ основахъ, которыя выработаны съ этою цѣлью, послѣ того какъ въ теченіе цѣлыхъ столѣтій и у насъ, и на западѣ не только отдѣльныя рукописи подвергались порчѣ, даже совершенному истребленію и гибели, но и цѣлые архивы испытывали пожары и наводненія. Въ наше время, къ счастію, правительственныя учрежденія во всѣхъ государствахъ пришли уже къ сознанію, что совершенное разобщеніе съ другими сосѣдними строеніями посредствомъ брандмауэровъ или еще лучше посредствомъ широкихъ улицъ или даже незастроенныхъ площадей составляетъ первое требованіе для всякаго архива, предназначаемаго къ храненію бумагъ государственной важности. Въ Англіи и Франціи, не смотря на то, что собственно лишь въ нынѣшнемъ столѣтіи правительства вполнѣ усвоили себѣ это правило, сдѣланы невѣроятныя усилія къ его осуществленію. Нельзя конечно не отдать должной справедливости въ этомъ отношеніи прежде всего Англіи. Здѣсь задумано обширнѣйшее зданіе подъ архивъ и въ 1850 году составленъ ему проектъ, зданіе, которое по грандіозности своего фасада могло быть окончено только чрезъ нѣсколько десятилѣтій и потому готово теперь лишь въ двухъ третяхъ своихъ размѣровъ. Для постройки его скуплено было правительствомъ нѣсколько частныхъ домовъ между двумя улицами, при чемъ, вслѣдствіе предстоящей нивеллировки занятой подъ архивъ мѣстности, образуются еще новыя улицы, такъ что архивъ не только будетъ отдѣленъ отъ всѣхъ другихъ зданій, но и два его главные корпуса пересѣкутся также улицей и будутъ соединены между собою лишь галлереей во второмъ этажѣ. Этотъ громадный ар-

хивъ носитъ названіе „The Public Record office“. За ні
на второе архивное зданіе, также почти вполнѣ приспо
къ своей цѣли, слѣдуетъ указать на Парижское хран
только рукописей, но и другихъ предметовъ средневѣк
кусства и произведеній XVI — XVIII вѣка, извѣстн
подъ именемъ: Archives nationales et Musée. Зданіе
жено съ трехъ сторонъ улицами и лишь съ одной сто
мыкаетъ къ частнымъ домамъ. Постройка его началась
вые года нынѣшняго столѣтія, но собственно архивъ во
въ два періода времени – одна часть окончена при
Филиппѣ, а другая въ прошедшее десятилѣтіе, однако
не вся еще мѣстность застроена. Одно отдѣленіе архи
подъ école des chartes; впрочемъ, по тѣснотѣ помѣщ
ректоръ архива не доволенъ тѣмъ, что это учрежден
полезное для образованія архивистовъ, отнимаетъ мно
хотя собственно имъ занято лишь комнатъ пять и въ н
одна весьма небольшая зала для лекцій. По двумъ эти
нымъ архивамъ двухъ соперничающихъ по части цивили
падныхъ государствъ, можно быть увѣреннымъ, что на
время архивы, которые будутъ устроиваемы въ ихъ про
займутъ помѣщенія столь же приспособленныя для ихъ без
отъ пожаровъ, и въ этомъ мы могли убѣдиться на сам
осмотрѣвъ въ 1873 году новый архивъ, отдѣлываемый
Переходъ отъ такой системы воздвигаемыхъ вновь а
зданій (не останавливаемся на знаменитомъ архивѣ-го
ществующемъ въ Испаніи, котораго намъ, къ сожалѣнію
лось видѣть) къ зданіямъ *приспособляемымъ* подъ архи
представляютъ нѣкоторыя главныя хранилища рукописе
ліи, составляютъ архивы нѣмецкіе, которые въ послѣд
подвергаются также значительнымъ передѣлкамъ по вн
устройству, но остаются на мѣстахъ недостаточно
ныхъ отъ другихъ сосѣднихъ зданій, а съ другой сторо
щенныхъ другъ съ другомъ, хотя одинаково хранятъ въ
кументы государственной важности. Такъ въ Берлинѣ
archiv“ находится при министерствѣ юстиціи, а кор
архивъ при дворцѣ. Въ Вѣнѣ, государственныя дѣла
щены даже въ трехъ отдѣльныхъ другъ отъ друга ар
неразъединенныхъ однако съ другими зданіями и помѣщ
изъ нихъ одно находится въ частномъ домѣ. Понятно, съ
наслажденіемъ, послѣ такихъ неудобствъ странствованія по

[illegible] архивъ в [illegible]
[illegible] в [illegible]
[illegible] в [illegible]
[illegible]
[illegible]
[illegible] [illegible]
[illegible]
Неаполь архивъ. [illegible]
[illegible] въ немъ болѣе 3 [illegible]
большія залы), тѣмъ не менѣе [illegible]
ніе прежде монастыря [illegible]
Въ Римѣ государственные [illegible]
въ знаменитомъ Ватиканѣ; [illegible]
королевства находятся [illegible]
бевю въ исторіи, которая такъ [illegible]
хотя постояннаго зданія нѣтъ [illegible]
время, когда я былъ въ Римѣ, еще [illegible]
[illegible] такъ какъ столица совершенно [illegible]
[illegible] своихъ частяхъ для доставленія [illegible]
[illegible] разныхъ вѣдомствъ [1]). Въ Турин[illegible] [illegible]
[illegible], Болоньѣ, Луккѣ, Пизѣ, Сіенѣ и [illegible]
[illegible] архивы въ помѣщеніяхъ, отведенныхъ [illegible]
[illegible] Италіи, и многіе изъ начальниковъ [illegible]

[1] Не могу не вспомнить здѣсь объ одномъ обстоятельствѣ [illegible] въ [illegible] моихъ бесѣдахъ въ Римѣ съ началь[illegible] именно о неудовольствіи, которое [illegible] которые архивы государства остаются въ [illegible] управленія архивами [illegible]. Причина раздвоенія управленія [illegible] дѣлъ и министерствомъ народнаго [illegible] государства, [illegible] въ прежнемъ раздробленіи Италіи на отдѣльныя государства [illegible] архивы находились подъ вѣдѣніемъ перваго министерства, а въ [illegible] вѣдѣніемъ втораго. Нынѣшній король всей Италіи не [illegible] передать архивы въ вѣдѣніе какого-либо [illegible] для разрѣшенія вопроса, которому [illegible] управлять теперь государственными архивами; но [illegible] голоса членовъ, раздѣлилась на двѣ равныя части. [illegible] министерства, подали голосъ за оставленіе архивовъ [illegible] министерствъ. Министерство внутреннихъ дѣлъ, [illegible] его чиновниковъ считаютъ любящими менѣе [illegible] документовъ, чѣмъ преданы имъ [illegible] просвѣщенія, и чтобы доказать свое уваженіе [illegible] ввѣренный ему архивъ въ Миланѣ знаменитаго [illegible] (Cesare Cantù), который съ жаромъ принялся [illegible] этого архива, и еще прежде, [illegible] труды, званіе сенатора.

[illegible]ютъ ихъ съ энергіей,
даже въ недалекомъ
[illegible]казать прежде всего,
[illegible]ный совѣтъ, на ми-
[illegible]шій синодъ, и на
[illegible]ства не только при-
документовъ и ихъ
лучшаго помѣщенія
[illegible] въ отношеніи ар-
[illegible]тей сообщенія, вну-
и проч., при чемъ
[illegible]й разъ въ зданіяхъ
правительственныхъ
[illegible]ѣютъ уже бо́льшею
[illegible]аняющія документы
[illegible]нности до первыхъ
[illegible]веденіе архива го-
[illegible]еніе его въ отдѣль-
[illegible]ъ для дѣлъ хоро-
[illegible]слугу незабвеннаго
[illegible]ніи бывшаго госу-
[illegible]ъ. Но и нынѣшній
мы слышали, идти
въ скоромъ времени
[illegible]ь его о перенесеніи
устроено со всѣми
[illegible]аненія документовъ.
[illegible]хъ дѣлъ и святѣй-
[illegible]ими сдѣлано въ от-
[illegible]ающимъ государст-
[illegible]рѣчаютъ они здѣсь
[illegible]за, хотя и находя-
[illegible]ностранныхъ дѣлъ
[illegible]й главный архивъ
[illegible]вое зданіе, вполнѣ
[illegible]ентовъ. Занимая
[illegible]зь Кремля), зда-
[illegible]только съ одной
[illegible]инаетъ ограж-
[illegible]ли. Широкій

уже похвастаться мнѣ не только приведеніемъ своихъ бумагъ въ совершенный порядокъ, но и изготовленными ими описаніями архивовъ.

Переходя послѣ бѣглаго отчета о зданіяхъ, занимаемыхъ архивами въ западныхъ государствахъ, къ тому, что мы находимъ въ этомъ отношеніи въ Россіи, должно сознаться, что до послѣдняго времени почти не было обращаемо у насъ вниманія на то, гдѣ и какъ помѣщаются архивы, хотя бы и были они наполнены бумагами, имѣющими важное значеніе, не только въ историческомъ, но и въ практическомъ отношеніи. Обыкновенно каждое присутственное мѣсто имѣло свой архивъ, которому отдѣлялось самое неудобное и невзрачное помѣщеніе: бумаги и дѣла, часто даже несшитыя, а еще рѣже переплетенныя въ книги, помѣщались на сколоченныя кое-какъ полки или клались въ сундуки или даже сваливались, какъ мусоръ, на полъ, иногда каменный и сырой, а большею частію деревянный, не рѣдко съ большими пазами, пропускавшими холодъ въ комнаты и безъ того плохо отапливаемыя; иногда-же архивы бывали и на чердакахъ, гдѣ зимою заносились даже снѣгомъ — примѣры всему этому мы видѣли сами и потому считаемъ себя въ правѣ сказать, что такое печальное положеніе архивовъ было слѣдствіемъ неуваженія нашего къ тому, что въ нихъ хранится, или, лучше сказать, незнанія того, что бумаги и клочки, нерѣдко истребляемые крысами и гибнущіе отъ сырости, заключаютъ въ себѣ иной разъ драгоцѣннѣйшія данныя для исторіи нашего государственнаго или по крайней мѣрѣ провинціальнаго быта. Къ счастію, нашъ взглядъ въ этомъ отношеніи на архивы начинаетъ все болѣе и болѣе измѣняться, а въ столицахъ и даже губернскихъ городахъ уже нерѣдко слышатся голоса ученыхъ, не только отстаивающихъ архивное дѣло и храненіе документовъ, но и пользующихся ими для изданій, приносящихъ честь ихъ знаніямъ и трудолюбію и вмѣстѣ съ тѣмъ проливающихъ свѣтъ на исторію родной земли. Въ настоящее время, можно сказать положительно, что въ министерствахъ и высшихъ слояхъ общества вопросъ объ устройствѣ архивовъ и о приведеніи находящихся въ нихъ бумагъ въ извѣстность уже на очереди, и потому всякое о нихъ доброе слово вызоветъ не насмѣшку, а готовность принять участіе въ дѣлѣ, которое касается возможнаго достиженія того, что въ этомъ отношеніи уже сдѣлано на западѣ. Скажемъ болѣе: нѣкоторыя управленія уже сами присту-

пили въ той и другой задачамъ и исполняютъ ихъ съ энергіей, которая обѣщаетъ самые блестящіе успѣхи даже въ недалекомъ будущемъ. Справедливость обязываетъ насъ указать прежде всего, какъ на такихъ дѣятелей, на государственный совѣтъ, на министерство иностранныхъ дѣлъ, на святѣйшій синодъ, и на министерство юстиціи. Но и другія вѣдомства не только принимаются за работы по разбору своихъ документовъ и ихъ описанію, но и думаютъ уже о мѣрахъ для лучшаго помѣщенія своихъ архивовъ; такія свѣдѣнія имѣемъ мы въ отношеніи архивовъ министерствъ: военнаго, морскаго, путей сообщенія, внутренихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и проч., при чемъ нельзя оставить безъ вниманія, что на первый разъ въ зданіяхъ разныхъ министерствъ и другихъ главныхъ правительственныхъ учрежденій состоящіе при нихъ архивы имѣютъ уже бόльшею частію весьма удобныя помѣщенія, предохраняющія документы отъ сырости и огня. Что касается въ особенности до первыхъ изъ исчисленныхъ выше учрежденій, то приведеніе архива государственнаго совѣта въ порядокъ и помѣщеніе его въ отдѣльной части сенатскаго зданія съ устройствомъ для дѣлъ хорошихъ шкаповъ и картоновъ составляютъ заслугу незабвеннаго по своей заботливости о народномъ просвѣщеніи бывшаго государственнаго секретаря графа М. А. Корфа. Но и нынѣшній государственный секретарь намѣренъ, какъ мы слышали, идти по слѣдамъ своего ученаго предшественника: въ скоромъ времени должна быть приведена въ исполненіе мысль его о перенесеніи архива въ новое помѣщеніе, которое будетъ устроено со всѣми улучшеніями, выработанными наукою для храненія документовъ. Съ своей стороны, министерство иностранныхъ дѣлъ и святѣйшій синодъ уже могутъ указать на то, что ими сдѣлано въ отношеніи къ своимъ архивамъ. Всѣмъ посѣщающимъ государственный архивъ извѣстно какія удобства встрѣчаютъ они здѣсь благодаря внутреннему устройству этого архива, хотя и находящагося въ центрѣ другихъ зданій министерствъ иностранныхъ дѣлъ и министерства финансовъ. Но за то московскій главный архивъ того-же министерства недавно переведенъ въ новое зданіе, вполнѣ приспособленное для безопаснаго храненія документовъ. Занимая видное, центральное мѣсто (на Вздвиженкѣ, близь Кремля), зданіе это съ трехъ сторонъ окружено улицами и только съ одной примыкаетъ къ частному дому. Фасадъ его напоминаетъ ограждающими его башнями древнія монастырскія обители. Широкій

дворъ съ зеленѣющимъ передъ внутреннимъ зданіемъ лугомъ, внѣшняя чистота и изящество этого зданія, составляющаго самый архивъ, манятъ изслѣдователя во внутренніе его покои, гдѣ онъ находитъ самые драгоцѣнные памятники международныхъ сношеній Россіи съ древнѣйшаго времени до XIX столѣтія и самый радушный пріемъ со стороны директора архива, барона *Ѳ. А. Бюлера*. Архивъ св. синода помѣщается въ Петербургѣ въ зданіи синода: онъ не великъ, но внутреннее его устройство (шкапы, стоившіе большихъ денегъ), и заведенный уже порядокъ въ размѣщеніи его документовъ оставляютъ въ посѣтителѣ самыя отрадныя воспоминанія, которыя усиливаются глубокимъ знаніемъ дѣла начальника этого архива *Н. И. Григоровича*. Съ заботливостью, не менѣе достойною уваженія, преслѣдуетъ и министерство юстиціи мысль объ устройствѣ своихъ архивовъ, съ одной стороны, въ Петербургѣ и Москвѣ, а съ другой, во всѣхъ городахъ, гдѣ учреждены окружные суды. Въ Петербургѣ для помѣщенія сенатскаго архива приспособлено большое отдѣленіе сенатскаго зданія, и канцелярія этого архива, въ недавнее время, совершенно преобразованная благодаря неутомимымъ трудамъ его начальника, *П. И. Баранова*, удовлетворяетъ требованіямъ не только справокъ, но и ученыхъ розысканій, съ готовностію, дѣлающею величайшую честь этому учрежденію. Въ Москвѣ устройство межеваго архива, состоящаго по тому-же министерству, получило большую извѣстность при бывшемъ его начальникѣ *М. Н. Муравьевѣ*, который понялъ, что большія затраты, употребленныя имъ на образцовые шкапы для плановъ и документовъ и на размѣщеніе ихъ въ такомъ порядкѣ, что свѣдѣнія о каждой мѣстности, подлежавшей межеванію, отыскиваются въ нѣсколько минутъ, — вполнѣ вознаградятся временемъ, которое будетъ сберегаться для другихъ занятій межевой канцеляріи, обремененной межевыми дѣлами всей Россіи. Справедливость и личная искренняя благодарность министерству юстиціи побуждаютъ меня остановиться нѣсколько долѣе на заботахъ его объ устройствѣ московскаго его архива, котораго я состою начальникомъ. Архивъ этотъ, вмѣщающій въ себѣ документы о службѣ, поземельной собственности и судебномъ производствѣ въ Россіи съ XIII-го до XVIII-го столѣтія включительно, есть центральное хранилище драгоцѣннѣйшихъ матеріаловъ внутренняго быта нашего отечества, безъ которыхъ историческая разработка этого быта въ

настоящее время уже совершенно немыслима; слѣдов. это архивъ по преимуществу историческій, а по своей спеціальности историко-юридическій, лишь въ недавнее время пополненный производствами бывшихъ московскихъ департаментовъ сената и общаго ихъ собранія, которыя впрочемъ составляютъ въ немъ совершенно самостоятельное отдѣленіе. Но конечно не историческое значеніе документовъ, оцѣняемое лишь съ недавняго времени по ихъ достоинству, а практическая ихъ важность заставляла правительство принимать особыя мѣры къ ихъ храненію. Вотъ почему, при общей небрежности къ архивному дѣлу, въ которой нельзя не упрекнуть бо́льшую часть нашихъ вѣдомствъ едва-ли не до конца прошедшаго столѣтія, на архивы, въ коихъ хранились означенные выше документы, совмѣщавшіе въ себѣ наиболѣе существенные для практической жизни интересы, обращаемо было однако постоянное вниманіе. Такъ еще при существованіи помѣстнаго приказа (въ XVI и XVII-мъ столѣтіяхъ), котораго дѣла служатъ основою нынѣшняго московскаго архива министерства юстиціи, составленныя по его распоряженію и подъ его наблюденіемъ писцовыя и другихъ названій книги вмѣстѣ съ его производствомъ образовали уже въ началѣ XVIII-го столѣтія большой архивъ, перешедшій въ наслѣдство вотчинной коллегіи и потому названный государственнымъ архивомъ старыхъ дѣлъ въ отличіе отъ архива дѣлъ по службѣ, который назывался государственнымъ разряднымъ архивомъ, съ такимъ количествомъ древнихъ и уже ветхихъ столбцевъ, что въ 1726 году правительствующій сенатъ призналъ необходимымъ переписать ихъ въ тетради, а самые столбцы болѣе никуда не брать и „содержать ихъ для справокъ въ сохранномъ сухомъ мѣстѣ.“ Въ тоже время сенатъ приказалъ составить самые полные алфавиты именъ владѣльцевъ и земель разныхъ названій и заботился о починкѣ казаримъ, въ которыхъ хранились означенные столбцы. Въ 1787 году, дѣла этого архива были помѣщены въ верхнемъ этажѣ „новопостроеннаго для присутственныхъ мѣстъ кремлевскаго дома“ (бывшаго впослѣдствіи сенатскимъ зданіемъ, а нынѣ именуемаго зданіемъ московскихъ судебныхъ установленій), и хотя самые документы во время занятія этого дома французами въ 1812 году много пострадали, бывъ выброшены въ кремлевскіе рвы, но уже въ тридцатыхъ годахъ здѣшнія архивныя залы, замѣщенныя лишь по стѣнамъ шкапами съ рукописями, удивляли посѣтителей своею обширностію и наружнымъ поряд-

комъ. Съ учрежденіемъ однако въ Москвѣ новыхъ судебныхъ мѣстъ пришлось сначала сократить помѣщеніе всѣхъ бывшихъ при сенатѣ архивовъ, переименованныхъ въ 1852 году въ московскій архивъ министерства юстиціи, на цѣлую половину, а черезъ нѣсколько лѣтъ этотъ архивъ совсѣмъ былъ отсюда выведенъ и помѣщенъ на время въ домѣ бывшей московской сенатской типографіи. Дѣйствительно, размѣры этого помѣщенія были весьма ограничены, а архивъ сталъ ежедневно увеличиваться присылкою для храненія въ немъ дѣлъ закрываемыхъ старыхъ судебныхъ мѣстъ до 1800 года, такъ какъ лишь дѣла XIX столѣтія передавались въ архивы, учреждаемые при новыхъ окружныхъ судахъ. Это обстоятельство побудило нынѣшняго министра юстиціи, близко принявшаго въ сердцу интересы архива, озаботиться о назначеніи для него новаго постояннаго помѣщенія, котораго пространство соотвѣтствовало бы той массѣ документовъ, какая въ немъ уже накопилась, а съ теченіемъ времени должна еще увеличиться до неопредѣленныхъ размѣровъ. Къ счастію, соединеніе въ одно учебное заведеніе двухъ бывшихъ заведеній межеваго вѣдомства — школы межевыхъ топографовъ и константиновскаго межеваго института, переведеннаго вслѣдствіе этого въ прекрасное помѣщеніе, въ которомъ находилась школа, — дало возможность назначить подъ архивъ большое зданіе прежняго института, бывшій великолѣпный дворецъ князя Куракина, выходящій на Старую Басманную, поразительный и своимъ величественнымъ фасадомъ и обширнымъ занимаемымъ имъ дворомъ. Дворъ этотъ прилегаетъ, съ одной стороны, къ небольшому деревянному дому межеваго вѣдомства, который уже предположено сломать, засадивъ занимаемое имъ мѣсто деревьями, и за тѣмъ къ прекрасному саду, остающемуся за тѣмъ же вѣдомствомъ, а съ двухъ другихъ сторонъ, хотя еще и соединенъ съ зданіями нынѣшняго межеваго института, но безъ сомнѣнія въ скоромъ времени будетъ съ ними разграниченъ и тогда съ третьей стороны архивъ съ своими строеніями былъ-бы огражденъ переулкомъ, хотя и не широкимъ, но который защищалъ бы ихъ достаточно отъ пожара, такъ какъ всѣ окна этихъ строеній обращены во дворъ. По осуществленіи этого разграниченія, архивъ въ отношеніи къ занимаемой имъ мѣстности будетъ имѣть положеніе не хуже Парижскаго архива и зданія, занимаемаго московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Но заботясь объ устройствѣ архива въ этомъ

отношеніи, *графъ Паленъ* принимаетъ мѣры и къ внутренней передѣлкѣ прекраснаго Куракинскаго дворца для размѣщенія въ немъ документовъ согласно тѣмъ требованіямъ, которыя западная наука уже признала существенными условіями для зданій подобнаго рода. Съ Высочайшаго разрѣшенія, нашъ даровитый архитекторъ Маевскій былъ посланъ за границу для осмотра и изученія на мѣстахъ лучшихъ иностранныхъ архивовъ и представилъ въ министерство юстиціи вмѣстѣ съ отчетомъ о своей поѣздкѣ альбомъ снимковъ со всего замѣчательнаго изъ видѣннаго имъ по архивному дѣлу въ Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и Гановерѣ, дополненный детальными рисунками тѣхъ частей, которыя составляютъ необходимыя принадлежности архивныхъ помѣщеній. Въ настоящее время министръ юстиціи призналъ уже возможнымъ приняться за составленіе проекта для внутренняго устройства бывшаго зданія межеваго института подъ архивъ и съ этою цѣлью назначилъ коммиссію, въ коей главными дѣйствующими членами состоятъ архитекторы Маевскій и Жиберъ. Судя по тому, что уже выработано этою коммиссіею въ отношеніи къ означенному проекту, можно смѣло сказать, что если ея предположенія осуществятся, то наша древняя столица будетъ имѣть такой архивъ, какимъ не могутъ гордиться и западныя государства въ виду того, что находимыя въ ихъ архивахъ по разнымъ частямъ несовершенства будутъ устранены по проекту нашего архива.

До сихъ поръ, мы говорили собственно объ условіяхъ зданій, требующихся подъ архивы, и лишь мимоходомъ упомянули о внутреннемъ ихъ устройствѣ. Предположенная по проекту г. Маевскаго работа побуждаетъ насъ обратить вниманіе и на тѣ главныя условія, которыя должны быть наблюдаемы для удобнѣйшаго расположенія въ архивахъ наибольшаго числа шкаповъ или полокъ, для предохраненія рукописей отъ пыли, сырости и огня, для скорѣйшаго удовлетворенія посѣтителей всѣми нужными имъ справками и свѣдѣніями и выдачею имъ для ученыхъ занятій самыхъ документовъ и проч. Постараемся остановиться на всѣхъ этихъ условіяхъ, не вдаваясь однако въ слишкомъ большія техническія подробности.

Каждый архивъ составляютъ собственно два отдѣленія: 1) хранилище рукописей, 2) помѣщеніе для канцеляріи архива и для личнаго состава его чиновниковъ, находящихся при главныхъ частяхъ, на которыя раздѣляются рукописи по своему со-

держанію. Первое изъ этихъ отдѣленій, вмѣщающее въ себѣ то, что составляетъ цѣль архива, безъ сомнѣнія должно занимать самую главную его часть: это архивъ въ собственномъ смыслѣ этого слова — рядъ шкаповъ или полокъ, предназначенныхъ для установки и храненія здѣсь рукописей разной величины и формата. Чѣмъ болѣе такого помѣщенія въ архивномъ зданіи, тѣмъ полнѣе и разнообразнѣе можетъ быть его ученый инвентарь, лишь бы, съ достиженіемъ этой цѣли, было оставлено достаточно мѣста между шкапами для того, чтобы вынимать изъ нихъ или брать съ полокъ нужные манускрипты и даже просматривать ихъ на мѣстѣ на устроенныхъ у шкаповъ и полокъ подъемныхъ столикахъ. Удовлетворительнѣйшимъ въ отношеніи этого условія оказывается устройство шкаповъ и полокъ металлическихъ. Но какъ и самый полъ, на которомъ утверждаются шкапы и полки, если онъ каменный или деревянный, занимаетъ также много мѣста, то архитектура новѣйшаго времени представляетъ, для устраненія такого недостатка, нововведенія, столь успѣшно уже приспособленныя заграницей, что нельзя не рекомендовать ихъ и для нашего отечества. Дѣло въ томъ, что признано возможнымъ самые полы и потолки замѣнять устроенными вдоль шкаповъ галлереями, соединенными для перехода отъ одного ряда шкаповъ къ другому мостиками съ перилами, такъ что затѣмъ все пространство отъ нижняго этажа архивнаго помѣщенія до его крыши остается ничѣмъ не занятымъ и даетъ чрезъ то возможность свободно проходить воздуху по всѣхъ направленіямъ, чтò при хорошемъ устройствѣ вентиляціи представляетъ огромное преимущество для предохраненія рукописей отъ сырости передъ спертыми со всѣхъ сторонъ залами хотя бы и довольно значительныхъ размѣровъ. Эта система *висячихъ галлерей* тѣмъ болѣе удобна, что дозволяетъ самые шкапы между каждою нижнею и верхнею галлереею дѣлать такой лишь высоты, чтобы легко было брать рукописи даже съ верхнихъ полокъ безъ помощи лѣстницъ, требующихъ много мѣста для своего передвиженія и слѣдовательно стѣсняющихъ помѣщенія безъ всякой пользы; для свободнаго же перехода съ нижнихъ галлерей на верхнія и обратно внизъ устраиваются въ углахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ это оказывается болѣе удобнымъ и нужнымъ, винтовыя и другія лѣстницы, также чугунныя или вообще занимающія немного мѣста. Для лучшаго освѣщенія, если недостаточно свѣта со стороны стѣнъ, по невозможности иногда дѣлать въ нихъ окна, крыша

надъ такимъ помѣщеніемъ можетъ быть устроена стеклянная. Такимъ образомъ огромная зала, въ которой глазъ видитъ снизу нѣсколько этажей висячихъ галлерей, вполнѣ освѣщенныхъ, представляетъ поразительное зрѣлище, и такова именно зала парижской національной библіотеки. Но за границей, по причинѣ болѣе умѣреннаго климата, чѣмъ у насъ, не требуется такой заботы объ отопленіи архивныхъ помѣщеній, которое совершенно необходимо въ большей части нашихъ городовъ для доставленія возможности заниматься въ архивахъ во всякое время и еще болѣе для предохраненія рукописей отъ вредныхъ для нихъ послѣдствій частой и иногда слишкомъ быстрой перемѣны температуры. Вотъ почему вопросъ о томъ способѣ отопленія, какой слѣдуетъ примѣнять въ нашихъ архивахъ, требуетъ самаго внимательнаго обсужденія. Но какъ обыкновенная топка посредствомъ нагрѣванія печей, устроенныхъ въ самихъ комнатахъ, не можетъ быть допускаема въ помѣщеніяхъ рукописей, то остается на выборъ отопленіе водяное или паровое. Та и другая системы имѣютъ за собою какъ нѣкоторыя преимущества, такъ и нѣкоторыя неудобства; но, какъ кажется, водяное отопленіе не только по своей дешевизнѣ (оказывающейся впрочемъ лишь въ сбереженіи топлива, такъ какъ самое устройство этого отопленія обходится дороже, чѣмъ устройство отопленія пароваго), но и по бо́льшей равномѣрности распространяемаго имъ въ комнатахъ тепла, заслуживаетъ предпочтенія, что и подтверждается опытами примѣненія этого отопленія во многихъ значительныхъ зданіяхъ въ Петербургѣ и Москвѣ и именно въ послѣдней, въ упомянутомъ выше Межевомъ Архивѣ и въ Лицеѣ Цесаревича Николая. Не менѣе важенъ и вопросъ о лучшемъ способѣ вентиляціи, еще недостаточно разработанный и за границей, — вотъ почему мы и оставляемъ его совершенно открытымъ, хотя не можемъ не замѣтить, что недостатокъ хорошей вентиляціи имѣетъ вредное вліяніе на рукописи не только непосредственно, но и чрезъ самое зданіе, въ которомъ устроенъ архивъ, подвергающееся сырости и порчѣ, если воздухъ въ немъ не перемѣняется и не осушаетъ правильно и повсемѣстно внутреннія стѣны. Наконецъ самый капитальный вопросъ — о мѣрахъ, которыя должны быть принимаемы для предохраненія архивныхъ помѣщеній отъ огня, когда, не смотря на отдѣленіе ихъ отъ сосѣднихъ зданій улицами и брандмауерами, пожаръ перенесется вѣтромъ на крыши или въ самый архивъ чрезъ окна и двери, или же возникнетъ въ самихъ архивныхъ

залахъ. Въ предупрежденіе легкаго возгаранія наружныхъ частей зданія, не только крыша его должна быть желѣзная, но и потолки должны быть устраиваемы съ желѣзными балками, а окна и двери ограждаемы желѣзными ставнями, которыя слѣдуетъ затворять по окончаніи дневныхъ занятій въ архивѣ. Что касается до предосторожностей, какія слѣдуетъ принимать противъ пожаровъ, возникающихъ внутри зданій, то въ практикѣ уже достаточно выработалось правило, что архивъ отнюдь не долженъ быть жилымъ строеніемъ; что огонь и вообще всякіе легко возгараемые матеріалы не должны быть въ немъ отнюдь дозволяемы, что слѣдовательно не только зажигательныя спички, но и свѣчи или лампы, которыя могли бы подать мысль зажечь ихъ, должны быть здѣсь строго возбраняемы; что тѣмъ не менѣе и при исполненіи всѣхъ этихъ условій въ разныхъ мѣстахъ зданія не мѣшаетъ имѣть пожарныя трубы, и что наконецъ всюду должна имѣться по близости вода, какъ проведенная въ краны, такъ и въ болѣе значительныхъ резервуарахъ, наполняемыхъ періодически. При всемъ этомъ само собою разумѣется, что наблюденіе за отопленіемъ архива, за калориферами, трубами и отдушинами должно быть самое внимательное, равно какъ и въ томъ случаѣ, если отопленіе водяное, должны быть предупреждаемы вредныя послѣдствія отъ разрыва трубъ и разлитія воды.

Исчисленными указаніями еще далеко не исчерпываются условія, требующіяся для лучшаго храненія рукописей, для переноски ихъ съ мѣста на мѣсто, для очищенія ихъ отъ пыли, которая незамѣтно закрадывается даже въ закрытые шкапы, для безопаснаго (отъ похищеній) обозрѣнія рукописей съ рисунками въ тѣхъ залахъ, куда допускается публика, для удобства сношеній между чиновниками въ разныхъ отдѣленіяхъ архива, и проч. и проч. Подробное разъясненіе всего, что придумано за границей по этимъ предметамъ, завлекло бы насъ слишкомъ далеко; но не лишнимъ считаемъ замѣтить, что разныя усовершенствованія по части механики, разныя открытія, сдѣланныя въ области физики, разные пріемы, примѣненные въ мастерствахъ столярномъ, металлическомъ, переплетномъ, нашли себѣ мѣсто для лучшаго приспособленія того, что требуется по архивнымъ работамъ. Такъ, возбуждены и окончательно еще не разрѣшены вопросы о томъ, слѣдуетъ ли рукописи на полкахъ ставить подъ рядъ или класть одну на другую для предохраненія ихъ отъ излишняго тренія; какъ дѣлать картоны и ящики, въ которыхъ должны сберегаться

болѣе цѣнные манускрипты, чтобы легче вынимать ихъ съ предохраненіемъ отъ порчи; какъ и чѣмъ покрывать книги менѣе цѣнныя, чтобы и онѣ не такъ легко поддавались пыли; на какихъ телѣжкахъ и носилкахъ перетаскивать рукописи съ мѣста на мѣсто и съ помощью какихъ машинъ и въ какихъ коробахъ или ящикахъ или просто вязками поднимать ихъ въ верхніе этажи; какъ сподручнѣе и надежнѣе очищать съ полокъ и бумагъ накопляющуюся на нихъ пыль; какъ лучше устраивать витрины для рѣдкихъ рукописей и рисунковъ и т. под. Но тѣмъ не менѣе въ разныхъ иностранныхъ архивахъ испытаны уже тѣ или другіе пріемы, а для сообщеній между должностными лицами заведены не только переговорныя трубы, но и телеграфы. Словомъ, устройство всѣхъ такого рода приспособленій есть задача весьма трудная, которую однако разрѣшаютъ болѣе или менѣе удачно западные архивисты; отъ нихъ не слѣдуетъ отставать и намъ.

О второмъ изъ упомянутыхъ выше отдѣленій архивовъ, какъ средоточіи для всѣхъ офиціальныхъ занятій, должно замѣтить, что составляющія это отдѣленіе комнаты необходимо располагать такъ, чтобы сношенія изъ нихъ со всѣми залами, занятыми документами, было самое удобное и прямое. Но изъ сказаннаго выше о значеніи архивовъ для ученыхъ занятій очевидно, что по крайней мѣрѣ въ архивахъ наиболѣе замѣчательныхъ по количеству и значенію рукописей, особенно если они находятся въ одной изъ нашихъ столицъ и могутъ быть названы, для изучающихъ рукописи въ отношеніи историческомъ, центральными, должны быть устроены одна или нѣсколько залъ для посѣтителей, желающихъ здѣсь заниматься, съ подручной библіотекой, которая вмѣстѣ съ тѣмъ необходима и для чиновниковъ архива, посвящающихъ себя серьезной разработкѣ хранящихся въ немъ рукописей. Если же число архивовъ какого-либо вѣдомства въ разныхъ мѣстностяхъ имперіи довольно значительно, то, крайне полезно, по примѣру французской école des chartes и курсовъ въ италіянскихъ архивахъ, имѣть въ его главномъ или центральномъ столичномъ архивѣ особое учрежденіе подъ тѣмъ или другимъ названіемъ, для преподаванія молодымъ людямъ, желающимъ быть архивистами, основъ палеографіи, геральдики, древностей и другихъ предметовъ, не преподаваемыхъ спеціально въ университетахъ и другихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи получившіе аттестатъ въ знаніи такихъ

предметовъ, могли занимать мѣста начальниковъ архивовъ въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ ихъ вліяніе на поднятіе мѣстнаго образованія и на пробужденіе любви къ древностямъ, было бы, безъ сомнѣнія, и у насъ столь же плодотворно, какъ во Франціи и Италіи [1]). Съ этою цѣлью необходима въ такихъ центральныхъ архивахъ особая зала для чтенія лекцій съ отдѣльнымъ въ нее входомъ и передней, комната, въ которую собираются профессора, и библіотека съ книгами, назначенными исключительно для изученія архивнаго дѣла.

III.

Исполненіемъ въ отношеніи къ архивнымъ помѣщеніямъ всѣхъ техническихъ условій архитектуры для зданій этого рода и для внутренняго ихъ устройства достигается лишь первая задача храненія рукописнаго матерьяла. Другая же задача, составляющая собственную цѣль накопленія и сбереженія пригодныхъ для науки документовъ, заключается въ томъ, чтобы безмолвные памятники старины, наполняющіе такія хранилища, были открыты изслѣдователямъ, чтобы послѣдніе знали, гдѣ и что найти и чтобы, благодаря ихъ трудамъ, историческія данныя, частью уже забытыя отдаленнымъ отъ нихъ потомствомъ, но сохранившіяся въ рукописяхъ, были передаваемы во всеобщее свѣдѣніе. Но чѣмъ значительнѣе количество бумагъ, составляющихъ архивъ, тѣмъ труднѣе знать ихъ безъ указателей не только разныхъ отдѣловъ ихъ по содержанію, но и каждой рукописи въ особенности. Такіе указатели важны еще и въ другомъ отношеніи: ученый, живущій не въ томъ городѣ, гдѣ находится архивъ, по составленному хорошо указателю, можетъ судить на сколько ему необходимо посѣщеніе архива для изученія въ немъ рукописи, хотя бы и относящейся къ предмету его занятій. Итакъ, первою главною обязанностью служащихъ въ архивѣ есть составленіе описаній и указателей рукописямъ ввѣреннаго имъ хранилища. Эта обязанность далеко не такъ легка, какъ можетъ она казаться съ пер-

---

[1]) Считаемъ не лишнимъ повторить здѣсь еще разъ сказанное выше по этому предмету съ большими подробностями, ибо, по нашему мнѣнію, цѣль устройства архивовъ, о которой мы говоримъ въ настоящемъ мѣстѣ, не будетъ достигнута, если архивными помѣщеніями не будутъ завѣдывать спеціалисты по этой части, извѣстные подъ именемъ архивистовъ.

ваго взгляда: лишь спеціалистъ, знающій основательно свой предметъ, можетъ въ нѣсколькихъ словахъ точно и ясно опредѣлить какъ названіе, такъ и существенное содержаніе рукописи; однако и спеціальному ученому для болѣе подробнаго отчета объ описываемомъ имъ документѣ необходимо внимательно прочесть его отъ начала до конца, ибо иначе его указатель не всегда будетъ въ состояніи удовлетворить изслѣдователя, желающаго воспользоваться имъ для своей цѣли. Но какъ ни полезно составленіе подобныхъ указателей, многіе-ли даже изъ спеціалистовъ архивнаго дѣла готовы принять на себя такую работу? Вотъ почему имена немногихъ знатоковъ рукописей, жертвующихъ и своими свѣдѣніями и временемъ для пользы ученаго міра, слишкомъ извѣстны и за границей, а тѣмъ болѣе у насъ. Повторяю, это жертва, приносимая ими наукѣ, такъ какъ при своихъ знаніяхъ архивистъ можетъ пріобрѣсти гораздо болѣе славы и даже матеріальнаго вознагражденія за свои изслѣдованія, составленныя на основаніи рукописей своего же архива. Жертву эту слѣдуетъ тѣмъ болѣе цѣнить, что молодые чиновники, которымъ обыкновенно поручается въ архивахъ составленіе указателей, не только не отличаются знаніемъ дѣла, но даже часто и вниманіемъ къ механическому исполненію возлагаемой на нихъ обязанности, отчего составляемыя ими описи оказываются большею частію никуда негодными. Этимъ самымъ объясняется почему, хотя въ архивахъ уже давно заведено составленіе описей или по крайней мѣрѣ краткихъ реестровъ рукописямъ, имѣющіеся въ нихъ въ наличности указатели не могутъ быть изданы въ свѣтъ безъ новой строгой провѣрки ихъ съ содержаніемъ описываемыхъ въ нихъ документовъ. Прибавимъ къ этому, что и описывать слѣдуетъ лишь то, что̀ послѣ тщательнаго разбора должно оказаться дѣйствительно пригоднымъ для ученыхъ цѣлей, если опись не должна быть только реестромъ бумагъ, нужныхъ для справокъ присутственнаго мѣста. Вотъ почему, еще прежде приступленія къ описанію или составленію подробнаго указателя тому или другому отдѣлу рукописей, на обязанности архивныхъ дѣятелей лежитъ другая, весьма трудная работа — разборъ накопившихся чрезъ долгое время бумагъ и дѣлъ съ цѣлью *уничтоженія* тѣхъ изъ нихъ, которыя совершенно безполезны для храненія или же вполнѣ замѣняются документами, оставляемыми впредь для справокъ или ученыхъ занятій. Уничтоженіе это необходимо и для очищенія мѣста, которое требуется поступающими вновь документами, какъ

бы ни были значительны размѣры архива. Но зная по опыту, какъ большею частію невнимательно относятся къ весьма тяжелой для добросовѣстнаго специялиста обязанности—указать какія бумаги подлежатъ уничтоженію, обыкновенные чиновники, приступающіе къ этому дѣлу лишь на основаніи какихъ-либо формальныхъ указаній, мы не можемъ не отмѣтить самымъ рѣзкимъ образомъ, что слѣдуетъ уничтожать какъ можно менѣе и лишь при совершенной необходимости. Соблюденіе такого правила тѣмъ возможнѣе въ архивахъ, имѣющихъ научное значеніе, что сюда должны поступать только матерьялы, уже признанные болѣе или менѣе полезными для историческихъ розысканій и поэтому предварительно уже отобранные въ тѣхъ учрежденіяхъ, которыми они сдаются въ эти архивы для вѣчнаго храненія. Слѣдовательно разсмотрѣніе вопроса объ уничтоженіи документовъ и о правилахъ, какія надлежитъ имѣть при этомъ въ виду, должно касаться по преимуществу специальныхъ учрежденій разныхъ вѣдомствъ, которыя и жалуются такъ часто на то, что накопившіяся въ ихъ архивахъ дѣла старыхъ лѣтъ не оставляютъ вовсе мѣста сдаваемымъ вновь дѣламъ, конечно болѣе ихъ необходимымъ для справокъ. У насъ эти жалобы уже признаны высшимъ правительствомъ на столько основательными, что едва ли не по всѣмъ вѣдомствамъ есть даже Высочайше утвержденныя начала для разбора и уничтоженія ихъ дѣлъ. Нельзя не сознаться, что на основаніи этихъ началъ въ разныхъ учрежденіяхъ документы уничтожаются безпощадно и что въ числѣ ихъ этой участи подпадаютъ многіе матеріалы, драгоцѣнные для науки, но не имѣющіе никакого значенія въ глазахъ чиновника, оставляющаго нетронутыми лишь бумаги; пригодныя для справокъ [1]). Вотъ почему временная коммиссія, учрежденная для разсмотрѣнія вопроса объ устройствѣ архивовъ, очень здраво и строго отнеслась къ этому предмету. Она обратилась съ просьбою къ представителямъ въ ней отъ разныхъ вѣдомствъ о доведеніи до свѣдѣнія управляющихъ ими, что въ интересѣ науки было бы крайне желательно пріостановить уничтоженіе документовъ до того времени, когда выработаются правила о томъ, какіе документы должны быть, при

---

[1]) Не можемъ забыть одного рѣзко выдающагося факта, подтверждающаго сказанное здѣсь: какъ на документъ, подлежащій уничтоженію по совершенной безполезности его дальнѣйшаго храненія въ архивѣ, было намъ однажды указано на переписку Россіи въ XVI вѣкѣ съ Венеціанской республикой по *какимъ-то* денежнымъ расчетамъ (?!).

разборѣ архивныхъ дѣлъ, оставляемы нетронутыми для передачи ихъ въ вѣчное храненіе, какъ матеріаловъ, полезныхъ по своему научному значенію, въ имѣющіе быть для того учрежденными центральные архивы. Вмѣстѣ съ тѣмъ она поспѣшила выяснить и самый характеръ этихъ правилъ. По ея заключенію, они должны лишь указывать на то, что дозволяется каждому вѣдомству уничтожать, съ тѣмъ, чтобы документы, не упомянутые въ составленномъ вновь по всякому вѣдомству росписаніи, какъ подлежащіе уничтоженію, были отнесены къ числу подлежащихъ вѣчному храненію. Но если изданныя прежде правила о порядкѣ храненія и уничтоженія дѣлъ должны быть признаны несостоятельными, потому что они даютъ слишкомъ большой просторъ въ уничтоженіи бумагъ произволу архиваріусовъ или вообще дѣлопроизводителей въ присутственныхъ мѣстахъ, сдающихъ дѣла въ архивъ своего вѣдомства, то и предполагаемыя вновь правила не могутъ вполнѣ охранить отъ уничтоженія документы, важные въ научномъ отношеніи, если не привлечены будутъ къ участію въ разборѣ дѣлъ какъ высшія начальства тѣхъ учрежденій, коихъ они касаются, такъ и люди науки, которые въ качествѣ экспертовъ могли бы указывать на матерьялы, подлежащіе передачѣ въ хранилища, устроенныя для исторической ихъ разработки. Пока же такія хранилища или центральные ученые архивы еще не учреждены, временная коммиссія заявляетъ, что была бы уже громадная польза для науки, если бы каждое министерство учредило въ своемъ вѣдомствѣ центральный архивъ, въ которомъ были бы сосредоточены документы всѣхъ департаментовъ и установленій министерства и который состоялъ бы въ завѣдываніи особаго самостоятельнаго и независимаго отъ департамента лица: при существующей въ настоящее время разрозненности архивовъ въ нѣкоторыхъ большихъ по составу министерствахъ, невозможно достичь ни необходимаго единства въ направленіи архивнаго дѣла, ни замѣщенія должностей архиваріусовъ людьми, если не науки, то съ болѣе или менѣе достаточнымъ запасомъ историческихъ и другихъ свѣдѣній, т. е. такими людьми, безъ которыхъ сохраненіе научныхъ матерьяловъ невозможно.

Къ чести начальствъ, завѣдующихъ многими изъ нашихъ архивовъ, должно сказать, что они поняли важное значеніе составленія описаній или указателей ввѣренныхъ имъ документовъ и не выжидая времени, когда будутъ разобраны всѣ эти документы и выдѣлены изъ нихъ матерьялы, полезные въ научномъ

отношенія, приступили къ изданію въ свѣтъ указателей тѣхъ отдѣленій рукописей, которыя они успѣли, при небольшомъ составѣ имѣющихся у нихъ подъ рукою спеціалистовъ, разсмотрѣть, привести въ порядокъ, очистить отъ находящихся въ числѣ ихъ ненужныхъ для дѣла бумагъ и расположить по времени или въ признанной болѣе для того удобною системѣ. Но прежде, нежели мы приступимъ къ отчету обо всѣхъ такого рода изданіяхъ, заслуживающихъ особаго вниманія по сравнительной еще бѣдности нашей ученой литературы, особенно по этой части, считаемъ необходимымъ, для лучшаго уясненія въ чемъ заключается содержаніе каждаго изъ означенныхъ указателей, остановиться на разныхъ пріемахъ трудовъ этого рода.

Изъ лежащихъ передъ нами описаній рукописей разныхъ библіотекъ и архивовъ оказывается, что въ основѣ ихъ лежатъ три, болѣе или менѣе различныя между собою, системы: одни изъ составителей описаній ограничиваются самымъ краткимъ означеніемъ содержанія документовъ или, вѣрнѣе сказать, реестрами ихъ. Таковы напр. извѣстныя описанія археографа Строева рукописей библіотекъ графа Толстаго, Царскаго и Московскаго общества исторіи и древностей россійскихъ. Другіе, къ составленнымъ такимъ образомъ заглавіямъ, присоединяютъ еще извлеченія самыхъ любопытныхъ и важныхъ почему либо мѣстъ описываемаго матерьяла: такая система принята, наприм., въ знаменитомъ описаніи Востокова рукописей Румянцовскаго музеума. Третьи раздѣляютъ описываемые ими матерьялы на группы и о содержаніи каждой группы даютъ подробный отчетъ, выписывая при этомъ изъ отдѣльныхъ документовъ наиболѣе любопытныя мѣста: таковы описанія, составленныя кунгурскимъ актомъ, хранящимся въ археографической коммиссіи (въ С.-Петербургѣ), которыя напечатаны въ 1-мъ и 2-мъ выпускахъ „Лѣтописи занятій коммиссіи". Изъ этихъ способовъ первый, по видимому, самый близкій къ цѣли: онъ даетъ хотя краткое, но точное понятіе о каждомъ документѣ. Но какъ въ каждомъ хранилищѣ рукописей число ихъ бываетъ обыкновенно очень значительно, то онъ оказывается мало облегчающимъ справки, ибо для того, чтобы отыскать требуемый документъ, а иногда какое либо заключающееся въ немъ свѣдѣніе, необходимо не только пересмотрѣть всѣ описи того разряда актовъ, въ которомъ это свѣдѣніе предполагается находящимся, но весьма часто прочесть и самые акты, чтобы узнать ближе ихъ содержаніе. Не смотря однако на это

неудобство, нѣтъ сомнѣнія, что такой способъ не можетъ быть устраненъ въ описаніи какого бы то ни было архива: онъ даетъ инвентарь всего, что здѣсь хранится, и необходимъ съ одной стороны для цѣлости документовъ, а съ другой — для того, чтобы подробно, хотя и кратко, ознакомить дѣлающаго справку или розысканіе съ содержаніемъ каждаго отдѣльнаго матерьяла. Второй способъ уже болѣе удовлетворяетъ изслѣдователя; но какъ означеніе того, что есть въ каждомъ документѣ дѣйствительно интереснаго и важнаго, зависитъ совершенно отъ взгляда составителя описанія, то очень легко можетъ случиться, что онъ опуститъ при этомъ изъ виду то, что для изслѣдователя съ другимъ направленіемъ и взглядомъ не менѣе любопытно и важно. Притомъ и этотъ способъ представляетъ то неудобство, что для каждой справки заставляетъ проходить всѣ нумера описи, по совершенной неизвѣстности, въ какомъ изъ нихъ находится отыскиваемое свѣдѣніе. Третій способъ для изслѣдователя очевидно самый удобный. Подраздѣленіе описываемыхъ матеріаловъ на группы и довольно подробное изложеніе содержанія каждой группы даетъ точное понятіе о заключающихся въ нихъ данныхъ и указываетъ отыскивающему нужную справку или свѣдѣніе прямо на тотъ документъ, къ которому онъ долженъ обратиться. Но этотъ способъ, на оборотъ, не выгоденъ въ томъ отношеніи, что не даетъ полнаго отчета о каждой рукописи въ отдѣльности. Отсюда оказывается, что только соединеніе, въ описаніи книгъ и дѣлъ какого либо архива, перваго и третьяго способовъ можетъ дать вполнѣ удовлетворительные результаты, какъ для цѣли практической, такъ и для ученыхъ розысканій. Описаніе по первому способу, какъ инвентарь, въ которомъ занумерованъ каждый отдѣльный документъ, должно храниться въ архивѣ при самыхъ книгахъ и дѣлахъ для непосредственныхъ въ нихъ справокъ, описаніе же по третьему способу, какъ систематическое и ученое, должно быть издано въ свѣтъ. Такое изданіе будетъ не только справочною книгою о документахъ архива, но и само по себѣ любопытнымъ и важнымъ сборникомъ свѣдѣній для изслѣдователей по русской исторіи и праву. При этомъ само собою разумѣется, что къ описанію по такому способу должны быть присоединяемы алфавитные указатели: 1) именъ личныхъ, т. е. фамилій и собственныхъ именъ; 2) географическихъ названій и 3) предметовъ. Впрочемъ недостатокъ въ спеціалистахъ, которые могли бы принять на себя такое описаніе, застав-

ляетъ желать, чтобы издаваемы были по крайней мѣрѣ указатели или реестры документовъ архива, ибо иначе, даже при наличности такихъ реестровъ въ самихъ хранилищахъ, ученые, живущіе не въ той мѣстности, гдѣ находится извѣстный архивъ, будутъ лишены возможности имѣть какія либо свѣдѣнія о тѣхъ рукописяхъ, которыя могутъ быть въ немъ полезны для ихъ розысканій. Приложеніе къ такимъ указателямъ означенныхъ выше алфавитовъ также крайне необходимо.

Первымъ изъ нашихъ архивовъ, обратившихъ особенное вниманіе на составленіе описей своимъ документамъ, слѣдуетъ назвать московскій главный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Еще въ концѣ прошедшаго столѣтія и началѣ нынѣшняго, когда этотъ архивъ назывался коллегіей иностранныхъ дѣлъ, помѣщаясь въ старомъ домѣ, бывшемъ нѣкогда дьяка посольскаго приказа Украинцева (въ Колпашномъ переулкѣ, близъ Покровки) и находясь подъ вѣдѣніемъ знаменитыхъ своею ученостію начальниковъ — *Миллера, Стриттера* и *Бантышъ-Каменскаго*, онъ представлялъ собою разсадникъ молодыхъ любителей древностей, привлекавшихъ въ то время живое участіе публики и къ нимъ самимъ и къ мѣсту ихъ служенія, такъ что быть „архивнымъ юношей“ (т. е. служить въ Архивѣ) считалось нѣкоторымъ почетомъ своего рода. И дѣйствительно, многіе впослѣдствіи заслуженные наши дѣятели въ разныхъ сферахъ (въ томъ числѣ графъ Д. Н. Блудовъ) начали здѣсь свое поприще и сохранили навсегда свѣтлое воспоминаніе о первыхъ годахъ своихъ занятій подъ сѣнію этого дряхлѣвшаго отъ старости своихъ стѣнъ хранилища. Но какъ наиболѣе трудолюбивый архивистъ изо всѣхъ служившихъ здѣсь ученыхъ и любителей древностей извѣстенъ Н. Н. Бантышъ-Каменскій, бывшій сорокъ слишкомъ лѣтъ начальникомъ этого архива. Составленныя имъ самимъ и подъ его руководствомъ многочисленныя описи замѣчательны по своей тщательности и вѣрности и мы думаемъ, что было бы очень полезно, не смотря на нѣкоторую устарѣлость ихъ въ слогѣ, издать ихъ въ свѣтъ. Точно также не печатаются еще и составленные послѣ него реестры рукописямъ, поступившимъ въ архивъ въ послѣдующее время, между тѣмъ какъ, благодаря щедрости одного изъ меценатовъ первой четверти нынѣшняго столѣтія, учрежденіе это получило возможность издавать даже самые документы, которые въ немъ хранятся. Мы говоримъ о графѣ Н. П. Румянцевѣ, пожертвовавшемъ значительную сумму (40,000 р.) на учрежденную имъ

при архивѣ коммиссію печатанія государственныхъ грамотъ и договоровъ, съ тѣмъ, чтобы на проценты съ этой суммы, подъ наблюденіемъ главнаго редактора и чиновниковъ этой коммиссіи, издавались наиболѣе важные матерьялы отечественной исторіи. Начало такимъ изданіямъ было положено „Собраніемъ государственныхъ грамотъ и договоровъ"; вышло въ свѣтъ 4 тома, изданные въ листъ, съ соблюденіемъ правописанія подлинниковъ, съ снимками печатей и нѣкоторыхъ грамотъ и съ многими fac-simile (съ 1813—1828 г.), а впослѣдствіи былъ начатъ, но не оконченъ еще одинъ томъ. Затѣмъ слѣдовали изданія „Законовъ великаго князя Іоанна III Вас. и Судебника царя Іоанна IV Вас." съ дополнительными указами (1819 г.), „Софійскаго Временника, или русской лѣтописи съ 862 по 1534 г.", въ 2 частяхъ (1820—1821 г.), и друг. Приводимъ впрочемъ эти заглавія разныхъ изданій памятниковъ не какъ перечень всѣхъ документовъ архива, уже изданныхъ въ свѣтъ, а какъ доказательство тому, что легче печатать памятники, нежели составлять имъ описанія или реестры съ цѣлью обнародованія этихъ послѣднихъ, даже при такихъ глубокихъ знатокахъ древней письменности, какими были археографы П. М. Строевъ и К. Ѳ. Калайдовичъ [1]). Но чтобы не пройти молчаніемъ и изданія памятниковъ, хранящихся въ Петербургскихъ архивахъ министерства иностранныхъ дѣлъ, мы должны указать на выпущенные имъ (съ 1823—1825 г.) „Документы для исторіи дипломатическихъ сношеній Россіи съ западными державами европейскими, отъ заключенія всеобщаго мира въ 1814 г. до конгресса въ Веронѣ въ 1822 г.", и прибавить, что изданіе дипломатическихъ матерьяловъ означенныхъ архивовъ продолжается и въ настоящее время, благодаря трудамъ профессора Мартенса.

Вслѣдъ за московскимъ архивомъ министерства иностранныхъ дѣлъ состоявшіе при Московскомъ сенатѣ архивы государственный разрядной, государственный старыхъ дѣлъ и вотчиннаго департамента, еще до преобразованія этихъ архивовъ въ 1852 г.

---

[1]) Точно также и при дѣлаемыхъ нами далѣе указаніяхъ нѣкоторыхъ изданій документовъ, хранящихся въ разныхъ архивахъ, мы не ставимъ себѣ цѣлью полное обозрѣніе всѣхъ такихъ изданій, тѣмъ болѣе, что многіе документы разныхъ архивовъ издаются какъ правительственными мѣстами, такъ и частными лицами независимо отъ дѣятельности въ этомъ отношеніи самихъ архивовъ, а приводимъ означенныя изданія лишь для того, чтобы выяснить отчасти на сколько архивы въ настоящее время у насъ уже изучаются и документы ихъ разрабатываются.

въ московскій архивъ министерства юстиціи, были подвергнуты тщательному пересмотру и описанію назначеннаго для сего (въ 1835 г.) комитета. Трудами этого комитета (продолжавшимися впрочемъ только до 1842 г. и далеко неоконченными) воспользовался, не совсѣмъ однако удачно, бывшій членъ его, а впослѣдствіи директоръ московскаго архива министерства юстиціи *П. И. Ивановъ*, который издалъ въ свѣтъ: „Систематическое обозрѣніе помѣстныхъ правъ и обязанностей въ Россіи существовавшихъ (1836 г.)", съ указаніемъ на значеніе въ этомъ отношеніи бывшаго помѣстнаго приказа, и 2) „Описанія" архивовъ разряднаго (1842 г.) и старыхъ дѣлъ (1850 г.). Въ этихъ изданіяхъ читатель находитъ, къ сожалѣнію, почти исключительно историческія данныя, извлеченныя изъ Полнаго Собранія Законовъ, описей же самимъ актамъ и другимъ бумагамъ нѣтъ, а замѣнены онѣ отчасти вѣдомостями нумеровъ документовъ означенныхъ архивовъ съ поясненіемъ времени и мѣстъ ихъ производства и нѣкоторыми наиболѣе любопытными документами, напечатанными вполнѣ или въ извлеченіяхъ. Что же касается собственно до указателей, то г. Ивановъ издалъ только алфавиты собственныхъ именъ и географическихъ названій, упоминаемыхъ въ писцовыхъ книгахъ по губерніямъ: Московской, Новгородской и Псковской, и алфавитъ фамилій и лицъ, упоминаемыхъ въ такъ называемыхъ „боярскихъ книгахъ" (росписяхъ чинамъ, должностямъ и окладамъ разныхъ служилыхъ людей высшаго класса). Вслѣдствіе такихъ недостатковъ въ означенныхъ изданіяхъ, въ послѣднее время, признано было необходимымъ приступить къ новому разбору и приведенію въ извѣстность всего что хранится въ нынѣшнемъ московскомъ архивѣ министерства юстиціи (со всѣми поступающими сюда вновь документами), чему и посвящено изданіе, выходящее въ свѣтъ подъ заглавіемъ „Описаніе документовъ и бумагъ", хранящихся въ архивѣ. Этого изданія вышло до сихъ поръ 3 книги (съ 1869 — 1875 г.) и печатается еще нѣсколько книгъ. Въ первой изъ нихъ, помѣщенъ общій указатель всѣхъ матерьяловъ, которые заключалъ въ себѣ архивъ въ 1869 г.; далѣе, въ той же книгѣ и во 2-й помѣщена обстоятельная опись всѣмъ такъ называемымъ „писцовымъ, переписнымъ, дозорнымъ, перечневымъ, платежнымъ и межевымъ книгамъ", хранящимся въ архивѣ, а во 2-й книгѣ сверхъ того „Описаніе книгъ дозорныхъ, переписныхъ, описныхъ, межевыхъ и проч., составленныхъ по патріаршимъ указамъ 1620 — 1703 г.".

Но какъ для описанія документовъ цѣлыхъ приказовъ и другихъ учрежденій принята система распредѣленія заключающихся въ нихъ матерьяловъ по содержанію ихъ или группамъ, то по этой системѣ изготовляется въ архивѣ разомъ нѣсколько работъ (чему посвятили себя исключительно нѣсколько молодыхъ людей, окончившихъ курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно въ университетахъ), изъ коихъ во второй книгѣ того же „Описанія" напечатана статья г. Сѣвернаго о дѣлахъ сыскнаго приказа; въ 3-й помѣщены статьи г. Петровскаго „О сенатѣ въ царствованіе Петра Великаго" и г. Мрочекъ-Дроздовскаго „Областное управленіе эпохи перваго учрежденія губерній (1708—1719)"; а въ слѣдующихъ затѣмъ книгахъ печатается между прочимъ систематическое описаніе въ высшей степени любопытныхъ бумагъ, относящихся къ кратковременному царствованію Іоанна Антоновича. Въ тоже время цѣльные документы, имѣющіе важное значеніе какъ матерьялъ для разработки русской исторіи и русскаго права, издаются архивомъ въ свѣтъ благодаря содѣйствію историческихъ обществъ С.-Петербургскаго и Московскаго, Императорскаго Русскаго Географическаго Общества и Императорской Академіи Наукъ. Изъ такихъ изданій уже появилось въ свѣтъ одно отдѣленіе первой части писцовыхъ книгъ XVI вѣка, — начало весьма обширнаго и многотомнаго труда, который прольетъ свѣтъ на древній бытъ Россіи особенно въ отношеніи географическомъ, экономическомъ и финансовомъ; оконченъ первый томъ Сенатскихъ рѣшеній (съ 1711 г.) въ царствованіе Петра Великаго и приготовляются къ печати новые матерьялы, относящіеся къ исторіи Пугачевскаго бунта.

Московскому архиву министерства юстиціи соревнуетъ съ недавняго времени описаніемъ своихъ документовъ С.-Петербургскій сенатскій архивъ. Съ 1872 по 1875 года имъ выпущено въ свѣтъ два тома, заключающіе въ себѣ описи Высочайшимъ указамъ и повелѣніямъ, хранящимся въ этомъ архивѣ (въ хронологическомъ порядкѣ), съ 1704 — 1740 года. Справедливость обязываетъ насъ прибавить, что за этотъ трудъ занимающіеся въ сенатскомъ архивѣ должны быть особенно благодарны начальнику его *П. И. Баранову*.

Съ 1870 года приступлено къ описанію документовъ, хранящихся въ архивѣ св. сѵнода. Съ этою цѣлью учреждена особая коммиссія, избравшая своимъ предсѣдателемъ А. Ѳ. Бычкова; ею изданы въ свѣтъ одинъ томъ „Описанія дѣлъ Св. Сѵ-

нода“ (за 1721 г.) и четыре тома „Полнаго Собранія постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Росс. Имперіи“, заключающіе въ себѣ документы съ учрежденія синода по день кончины Петра I.

Изъ прочихъ изданій, выходящихъ въ Петербургѣ по разнымъ архивамъ, мы не можемъ не остановиться въ особенности на работахъ по Первому и Второму Отдѣленіямъ Собственной Его Величества канцеляріи и на изданіи протоколовъ и журналовъ государственнаго совѣта. Начало обнародованію документовъ перваго изъ этихъ учрежденій положено статсъ-секретаремъ *С. А. Танѣевымъ,* изданіемъ въ 1876 году 1-го выпуска ихъ, подъ заглавіемъ: „Сборникъ историческихъ матерьяловъ“, извлеченныхъ изъ этого архива. Разборъ же и приведеніе въ порядокъ бумагъ Архива Втораго Отдѣленія начались собственно съ порученіемъ этого дѣла нашему заслуженному библіографу и археологу *Д. М. Полѣнову.* Изъ работъ его по описанію документовъ этого архива особенно выдается дѣлаемое имъ обстоятельное извлеченіе изъ бумагъ коммиссіи по составленію проекта новаго Уложенія на основаніи знаменитаго наказа Императрицы Екатерины II, которое помѣщается въ Сборникѣ С.-Петербургскаго Историческаго Общества. Что касается до означеннаго выше изданія по государственному совѣту, то оно началось по мысли графа *Д. Н. Блудова* и бывшаго государственнаго секретаря *В. П. Буткова.* Сочувствуя горячо приведенію въ извѣстность документовъ всѣхъ высшихъ учрежденій, особенно государственнаго совѣта и комитета министровъ, они сами трудились надъ планомъ приведенія ихъ мысли въ исполненіе и остановились прежде всего надъ составленіемъ описи всѣмъ бумагамъ архива государственнаго совѣта, съ тѣмъ, чтобы начать изданіе въ свѣтъ важнѣйшихъ изъ нихъ, каковы суть конечно протоколы и журналы совѣта. А какъ дѣятельность этого высшаго учрежденія началась въ царствованіе Императрицы Екатерины II, то и самое изданіе хранящихся въ его архивѣ матерьяловъ начато подъ именемъ „Архива Государственнаго Совѣта“ съ 1768 года, когда открытъ былъ совѣтъ. До сихъ поръ вышли 1-й томъ этого изданія, заключающійся въ двухъ частяхъ (царствованіе Екатерины II) и 2 первыя части IV тома (въ коихъ помѣщены журналы департамента законовъ съ 1810 по 1825 года). Отмѣчая съ чувствомъ глубокой благодарности къ виновникамъ всѣхъ этихъ трудовъ, начало ихъ изданій, столь полезныхъ для разработки

нашей исторіи и права, мы не можемъ однако не пожалѣть, что до сихъ поръ самыя описи документовъ, хранящихся въ архивахъ означенныхъ учрежденій, составленныя даже, сколько намъ извѣстно, довольно удовлетворительно, остаются еще неизданными.

Переходя къ тому, что сдѣлано въ послѣднее время для приведенія въ извѣстность документовъ, хранящихся въ архивахъ губернскихъ и другихъ городовъ, мы должны остановиться почти исключительно на работахъ, посвященныхъ разбору матерьяловъ и изданію даже многихъ изъ нихъ въ свѣтъ учрежденными для сего особыми коммиссіями въ архивахъ генералъ-губернаторствъ Кіевскаго и Виленскаго. Но какъ ни важны для науки изданія этихъ коммиссій и какъ ни драгоцѣнны многіе изъ помѣщенныхъ здѣсь архивныхъ документовъ, но какъ въ сборникахъ памятниковъ, сюда относящихся, рядомъ съ такими документами помѣщаются и матерьялы, хранящіеся въ монастыряхъ и даже въ частныхъ библіотекахъ, то мы укажемъ здѣсь только на „Каталогъ древнимъ актовымъ книгамъ губерній: Виленской, Гродненской, Минской и Ковенской, также книгамъ нѣкоторыхъ судовъ губерній Могилевской и Смоленской“, хранящимся въ центральномъ архивѣ въ Вильнѣ, составленный архиваріусомъ его *П. Горбачевскимъ* (въ 1872 г.). Въ предисловіи къ этому изданію, ученый составитель предлагаетъ обозрѣніе разнаго рода книгъ, протоколовъ и реестровъ, которые велись въ западныхъ присутственныхъ мѣстахъ, съ объясненіемъ языка, на которомъ они писаны и исчисленіемъ главнѣйшихъ судовъ въ великомъ княжествѣ Литовскомъ, которыхъ актовыя книги сохранились до нашего времени; но въ самомъ каталогѣ помѣщаетъ лишь нумера и годы актовъ, за исключеніемъ подлинныхъ королевскихъ привилегій, описываемыхъ имъ каждая отдѣльно, и связокъ съ документами и слѣдственными дѣлами, обозначенныхъ по имѣющимся при нихъ оглавленіямъ; въ концѣ же изданія прилагаетъ алфавитный указатель всѣхъ имѣній и дворищъ, которымъ имѣются инвентари, и о которыхъ упоминается въ подкоморскихъ книгахъ. Во всякомъ случаѣ, это въ высшей степени важное пособіе для желающихъ пользоваться документами архива.

Объ изданіяхъ описей документамъ или этихъ послѣднихъ архивами другихъ городовъ губернскихъ и уѣздныхъ мы, къ сожалѣнію, ничего сказать не можемъ, не потому впрочемъ, чтобы они не заслуживали вниманія или чтобы небыло вовсе лицъ, которыя желали бы посвятить себя разбору и обнародованію храня-

щихся въ нихъ бумагъ. Напротивъ того, встрѣчая въ разныхъ изданіяхъ, столичныхъ и мѣстныхъ, и особенно въ губернскихъ и епархіальныхъ вѣдомостяхъ, много болѣе или менѣе важныхъ документовъ или даже составляемыхъ имъ описей, доставленныхъ въ редакціи мѣстными любителями старины, мы приходимъ къ заключенію, что и любопытные документы въ архивахъ и специялисты у насъ въ провинціяхъ есть, но что нѣтъ у насъ центральнаго учрежденія, въ которомъ провинціяльные архивные дѣятели могли бы найти себѣ пріютъ и опору; нѣтъ центральнаго изданія, въ которомъ ихъ тяжелыя работы могли бы находить себѣ мѣсто. А между тѣмъ какая оттого потеря и для развитія у насъ архивнаго дѣла и для самой науки! Спрашивается: кто слѣдитъ за статьями и документами, разсѣянными въ изданіяхъ періодическихъ и случайныхъ, выходящихъ въ свѣтъ въ разныхъ краяхъ нашего государства; кто собираетъ ихъ и дѣлаетъ имъ описи и оцѣнку, и притомъ оцѣнку не на основаніи одной выписки заглавій, но и вслѣдствіе добросовѣстнаго изученія самихъ документовъ? Не подтачивается-ли дѣятельность мѣстныхъ специялистовъ такимъ невниманіемъ къ ихъ трудамъ, и безъ того неблагодарнымъ; не бросаются ли они чрезъ это по неволѣ—рано или поздно—въ другую область занятій, болѣе для нихъ сподручную, почетную и выгодную. Въ какой мѣрѣ такое предположеніе справедливо, видно изъ того, что только болѣе ученые и притомъ болѣе даровитые изъ такихъ тружениковъ продолжаютъ разъ начатыя ими специальныя работы, да и то убаюкивая себя мечтою перенести ихъ со временемъ въ одну изъ столицъ, гдѣ для ихъ дѣятельности откроется болѣе матерьяловъ и болѣе въ ней надобности, а чрезъ это представится имъ и болѣе средствъ къ жизни; имена же остальныхъ, появившись раза два въ печати, большею частію изчезаютъ навсегда. Руководствуясь этимъ, мы думаемъ, что прежде чѣмъ правительство признаетъ необходимымъ учрежденіе, которое взяло бы въ свое завѣдываніе интересы архивнаго дѣла всей Россіи, даже указаніе частнаго лица, что оно желало бы получать свѣдѣнія отъ всѣхъ занимающихся по архивамъ разныхъ вѣдомствъ объ ихъ документахъ, по крайней мѣрѣ наиболѣе интересныхъ и важныхъ для науки, и что оно готово предпринять изданіе, въ которомъ должны помѣщаться сообщенія такихъ специялистовъ, а отчасти и доставляемые ими матерьялы, было бы въ высшей степени полезно. Въ этомъ убѣжденіи, чтобы положить начало осуществленію нашей

мысли, предлагаемъ всѣмъ сочувствующимъ ей любителямъ архивнаго дѣла доставлять свѣдѣнія о своихъ трудахъ на наше имя [1]) въ надеждѣ дать имъ въ скоромъ времени то направленіе и ту извѣстность, какія окажутся возможными по нашимъ средствамъ.

Оканчивая мой очеркъ того, что мнѣ пришлось видѣть, читать и обсуждать относительно архивнаго дѣла въ Россіи, я невольно задаюсь смѣлою мыслію, что благія начинанія, проявляющіяся въ послѣднее время по этой части, какъ въ нашихъ столицахъ, такъ и въ другихъ мѣстностяхъ нашего пространнаго государства, не остановятся на первыхъ своихъ успѣхахъ, а будутъ все болѣе и болѣе развиваться, все болѣе и болѣе пробуждать въ насъ любовь къ нашему прошлому быту, — тяжелому, но тѣмъ не менѣе близкому и любезному намъ. И вотъ крылатая мечта переноситъ меня за нѣсколько десятилѣтій впередъ, когда уже въ разныхъ наиболѣе людныхъ городахъ нашихъ губерній не только устроятся центральные историческіе архивы, но и будутъ завѣдывать ими служители науки, спеціально приготовленные къ своему дѣлу; когда, благодаря ихъ неусыпнымъ трудамъ, ихъ горячимъ розысканіямъ и примѣру, и въ нынѣшнихъ глухихъ и повидимому непробудныхъ степяхъ появятся не только отдѣльные любители нашей прежней письменности и памятниковъ, но и возникнутъ цѣлыя провинціяльныя общества — археологическія и историческія; когда составлены будутъ рукописямъ, собраннымъ въ этихъ хранилищахъ, описи и указатели, и когда наконецъ любознательная молодежь, съ свойственнымъ ей увлеченіемъ и жаромъ, будетъ неутомимо отыскивать здѣсь драгоцѣнныя, еще неизвѣстныя намъ данныя для занесенія ихъ въ свои изслѣдованія:

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу.

---

[1]) Адресъ: въ С.-Петербургѣ, на Васильевскомъ Острову, по 12-й линіи, домъ № 19.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ ВЪ РОССІИ.

А. А. ГОЛОВАЧЕВА.

ИСТОРІЯ ПОСТРОЙКИ ДОРОГЪ.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ [1]).

Сорокъ лѣтъ уже прошло послѣ того, какъ въ Россіи разрѣшена первая желѣзная дорога, минуло 25 лѣтъ, какъ выстроена Николаевская дорога и 20 лѣтъ — съ того времени, какъ Главное общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ взялось облагодѣтельствовать Россію и построить ей разомъ цѣлыя четыре тысячи верстъ рельсовыхъ путей по главнымъ магистральнымъ направленіямъ. Съ тѣхъ поръ, въ Россіи выстроено и эксплуатируется болѣе 18 тысячъ верстъ. да въ постройкѣ находится болѣе 2 тысячъ верстъ. На первоначальное ихъ устройство затрачено слишкомъ полтора милліарда рублей, въ томъ числѣ средствъ Государственнаго Казначейства 735 мил. руб. Кромѣ того уплата гарантированнаго дохода, недоимокъ по уплатѣ процентовъ

---

[1]) Къ сожалѣнію, обширный трудъ А. А. Головачева не могъ быть оконченъ къ выходу въ свѣтъ IV тома Сборника; его окончаніе (послѣдній періодъ историческаго очерка и общіе статистическіе выводы относительно сооруженія и эксплуатаціи нашихъ желѣзныхъ дорогъ) войдетъ въ составъ V тома. Но и первая часть этого труда, здѣсь помѣщаемая, представляетъ цѣльный интересъ для чтенія и массу фактическихъ данныхъ для соображеній по разнороднымъ современнымъ вопросамъ нашего желѣзно-дорожнаго дѣла. *Ред.*

съ облигаціоннаго капитала и различныя ссуды обществамъ образовали значительный долгъ послѣднихъ Государственному Казначейству; этотъ долгъ къ 1-му января 1877 года по всей вѣроятности долженъ составить цифру не менѣе 340 мил. рублей [1]). Если къ этимъ суммамъ мы прибавимъ затраты для постройки Николаевской желѣзной дороги, доходящія съ процентами за время постройки до 100 мил. руб. [2]), и суммы, затраченныя на развитіе рельсоваго производства и постройки вагоновъ и паровозовъ въ Россіи, на что израсходовано изъ желѣзно-дорожнаго фонда къ 1-му января 1876 года болѣе 23 мил. руб. [3]), то общая сумма всѣхъ пожертвованій казны на желѣзнодорожное дѣло дойдетъ до 1,200 мил. руб. Повидимому и время и денегъ потрачено было достаточно и работъ произведено не мало, чтобы разрѣшить вопросы о болѣе выгодной системѣ постройки и эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, а между тѣмъ вопросъ этотъ у насъ до сихъ поръ остается вопросомъ не только не рѣшеннымъ, но повидимому въ правительственныхъ сферахъ не имѣется въ виду и достаточныхъ данныхъ для его рѣшенія. Мы не умѣемъ себѣ объяснить иначе постоянное колебаніе въ условіяхъ концессій и въ порядкѣ ихъ утвержденія точно также какъ и образованіе особой коммиссіи внѣ вѣдомствъ Министерства Финансовъ и Путей Сообщенія, для изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла во всѣхъ отношеніяхъ.

Образованію этой коммиссіи мы серьезно порадовались, такъ какъ до сихъ поръ у насъ вопросъ о желѣзнодорожномъ дѣлѣ никогда не обобщался и не разсматривался во всемъ общемъ его значеніи для государственной жизни. При самомъ внимательномъ разсмотрѣніи этого вопроса у насъ принимались въ соображеніе только тѣ потребности, которымъ могли удовлетворять желѣзныя дороги, наличность средствъ къ ихъ сооруженію и возможность ихъ изысканія, но никогда не обращалось серьезнаго вниманія, по крайней мѣрѣ мы не знаемъ ни одного случая, когда бы подвергались серьезному обсужденію вопросы напр. такого рода: насколько настоятельна та потребность, для которой строились желѣзныя дороги достаточно ли будетъ одного проведенія рельсоваго пути для того, чтобъ удовлетворить этой потребности, а нѣтъ ли необходимости

[1]) Отчетъ Государственнаго Контроля за 1875 годъ (приложеніе). Отечественныя Записки за ноябрь 1876 года, Современное Обозрѣніе, стр. 38 и 39.
[2]) Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ въ Россіи, за 1868 годъ изд. Д. Ж. дорогъ.
[3]) Отчетъ Государственнаго Контроля за 1875 годъ (приложеніе).

въ другихъ паралельныхъ мѣропріятіяхъ для того, чтобъ желанная цѣль была достигнута? Если же эти мѣропріятія нужны, то въ чемъ они состоятъ и какихъ потребуютъ средствъ? Не отвлечетъ ли быстрая постройка желѣзныхъ дорогъ капиталовъ отъ другихъ видовъ производительной дѣятельности и будемъ ли мы имѣть достаточно средствъ, чтобы развитіе нашего производства шло паралельно съ развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, такъ какъ дороги составляютъ только средство для развитія производства, а средства не должны заслонять собою цѣли? Если же такое опасеніе могло возникать, то съ нимъ вмѣстѣ возникалъ вопросъ: какъ привлечь капиталы на нашъ рынокъ не для одной постройки дорогъ только, но и для развитія производства вообще?—За тѣмъ, вопросъ о пользѣ и необходимости дорогъ долженъ былъ разрѣшаться только по отношенію къ ихъ стоимости: наши желѣзныя дороги могли быть выгодны, достигать вполнѣ тѣхъ цѣлей, для которыхъ онѣ предприняты и отнюдь не вредить другимъ производствамъ, если бы онѣ стоили половину той цѣны, въ которую онѣ обошлись, и напротивъ едва ли не убили окончательно много отраслей производства, поглотивъ двойную сумму капиталовъ. Онѣ подняли цѣну топлива и возвысили рыночный процентъ на столько, что другія отрасли промышленности были не въ силахъ съ ними бороться, не говоря уже о дальнѣйшемъ развитіи производительной промышленности, безъ котораго желѣзныя дороги всегда останутся мало производительными по недостатку грузовъ, и это становится очень замѣтнымъ въ настоящее время. Ни одинъ изъ исчисленныхъ нами вопросовъ не былъ и не могъ быть серьезно затронутъ при обсужденіи какъ общей сѣти желѣзныхъ дорогъ, такъ и отдѣльныхъ проектовъ на постройку различныхъ линій. Мы говоримъ *не могъ быть затронутъ* на томъ основаніи, что для сужденія о подобныхъ вопросахъ не доставало данныхъ, а эти данныя могли быть собраны только спеціальными изслѣдованіями предпринятыми въ видахъ всесторонняго изученія нуждъ и потребностей страны. Такимъ образомъ наше желѣзнодорожное дѣло испытало ту же участь какъ и другія наши законодательныя работы. Оно пострадало вслѣдствіе отсутствія болѣе широкой общей точки зрѣнія и сосредоточилось на ближайшихъ подробностяхъ и преимущественно на изысканіи денежныхъ средствъ, выборѣ направленія дороги и разработкѣ техническихъ условій постройки. Что же касается вопроса о значеніи желѣзныхъ

дорогъ въ общей системѣ государственнаго хозяйства, то повидимому подобнаго вопроса въ нашей административной практикѣ вовсе не возникало. По своей непрактичности наше общество вѣрило въ безусловную пользу желѣзныхъ дорогъ, чего бы онѣ не стоили и гдѣ бы ни строились, лишь бы только строились. Недостатокъ нашихъ внутреннихъ сообщеній былъ дѣйствительно великъ: всѣмъ казалось, что только одно это препятствіе и задерживаетъ развитіе нашего производства; вѣрили, что стоитъ намъ только устранить это неудобство сооруженіемъ рельсовыхъ путей—и развитіе нашихъ производительныхъ силъ двинется гигантскими шагами. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, никто не хотѣлъ и думать, что удобные пути сообщенія есть только одно изъ средствъ, и притомъ далеко не главное, къ развитію производства. Никто не хотѣлъ думать о томъ, что для достиженія этой цѣли нужны прежде всего капиталы и притомъ не одни матеріальные, но и умственные, т. е. знаніе и предпріимчивость. Между тѣмъ послѣднихъ у насъ вовсе не было въ наличности, да и первыми мы были не богаты. Положимъ, что матеріальные капиталы могли пріобрѣтаться за извѣстный процентъ на иностранныхъ рынкахъ, но все же при особыхъ порядкахъ и условіяхъ цѣлаго общественнаго строя, которые у насъ однакожъ далеко еще не осуществились; что же касается знанія и предпріимчивости, то купить ихъ нельзя, а въ нихъ-то всего болѣе и былъ у насъ недостатокъ, котораго наше общество отнюдь не сознавало, да и въ силу всей прошлой своей жизни, основанной на крѣпостныхъ порядкахъ, и сознавать не могло. Всѣ требовали желѣзныхъ дорогъ во что бы то ни стало и какъ можно скорѣе — такъ было сильно увлеченіе общества.

Къ сожалѣнію такая безусловная вѣра въ могущество желѣзныхъ путей не могла не перейти и въ правительственныя сферы, которыя повидимому также не допускали сомнѣнія въ безусловной пользѣ и необходимости желѣзныхъ дорогъ. Всѣ бывшія по этимъ вопросамъ работы, какъ мы увидимъ ниже, сосредоточивались исключительно на томъ, какое число верстъ можетъ быть разрѣшено къ постройкѣ, какой линіи слѣдуетъ отдать преимущество и какое направленіе должна принять извѣстная линія. Это убѣжденіе было на столько сильно, что цѣны постройки дорогъ, не смотря на всю важность этого вопроса, при бѣдности нашего капитала, мало обращали на себя вниманія, такъ что иногда отдавалось предпочтеніе менѣе выгоднымъ предложеніямъ

въ виду болѣе выгодныхъ, только на основаніи одного соображенія о большой или меньшей благонадежности предпринимателя, хотя сужденіе о такой благонадежности всегда бываетъ очень шатко. Даже количество предположеннаго подвижнаго состава, существенно вліяющее на стоимость сооруженія, подвергалось разсмотрѣнію только въ техническихъ учрежденіяхъ Министерства Путей Сообщенія, и никогда не входило на разсмотрѣніе высшихъ правительственныхъ учрежденій. При такихъ воззрѣніяхъ и надеждахъ на желѣзнодорожное дѣло не было никакой надобности въ обобщеніи вопроса и въ разрѣшеніи его съ точки зрѣнія общаго государственнаго хозяйства. Вопросъ о пользѣ и необходимости желѣзныхъ дорогъ, съ этой точки зрѣнія, казался внѣ всякихъ сомнѣній: онъ былъ такъ сказать заранѣе предрѣшенъ вслѣдствіе общаго и молчаливаго согласія.

Вотъ почему мы сказали выше, что серьезно порадовались образованію специальной коммиссіи для всесторонняго изслѣдованія желѣзнодорожнаго дѣла. Эта первая попытка опредѣлить его значеніе въ общей системѣ государственнаго хозяйства не можетъ остаться безъ послѣдствій. Пожелаемъ только, чтобъ подробности дѣла, безпорядки, а иногда и явныя злоупотребленія желѣзнодорожныхъ дѣятелей, съ которыми коммиссія необходимо должна будетъ встрѣтиться, не поглотили всецѣло ея вниманія и не отвлекли ее отъ главной, какъ намъ кажется, задачи, т. е. отъ опредѣленія того значенія, какое имѣетъ забота объ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ среди многоразличныхъ функцій правительственной власти. Нельзя не пожелать, чтобъ эти безпорядки послужили поводомъ къ возбужденію главнаго вопроса, насколько правильна нынѣ существующая система предоставленія частнымъ анонимнымъ обществамъ монопольнаго права эксплуатаціи дорогъ на долгій періодъ 80 лѣтъ. Мы выражаемъ такое пожеланіе, во-первыхъ, въ виду того обстоятельства, что положеніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ до такой степени неудовлетворительно, что стремленіе немедленно устранить эти недостатки, не касаясь главнаго вопроса, можетъ весьма естественно увлечь на путь пальятивныхъ мѣръ, забота о которыхъ можетъ оставить въ тѣни предстоящее зло въ будущемъ. Во-вторыхъ, въ виду того обстоятельства, что движеніе по желѣзнымъ дорогамъ развивается прогрессивно и если такое развитіе пойдетъ въ той же степени какъ было до сихъ поръ, то порядокъ этотъ въ теченія 80 лѣтъ дастъ возможность акціонерамъ обществъ безъ всякаго

труда, безъ всякаго созданія новыхъ цѣнностей, создать колоссальныя состоянія единственно вслѣдствіе пользованія монопольнымъ правомъ передвиженія пассажировъ и грузовъ между двумя пунктами государственной территоріи. Мы думаемъ, что если удовлетвореніе какой нибудь общественной потребности по существу своему должно оставаться монопольнымъ, то оно ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть предоставлено въ распоряженіе частнаго лица или общества и въ особенности, когда доходность этого дѣла возрастаетъ въ такой прогрессивной степени, какъ въ настоящемъ случаѣ. Въ видахъ соблюденія справедливости такое дѣло должно находиться только въ рукахъ правительства. Чеканка монеты, почта, телеграфы, улучшеніе водяныхъ и сухопутныхъ сообщеній, а слѣдовательно и сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, составляютъ такія серьезныя потребности общественной жизни, раціональное удовлетвореніе которыхъ не можетъ и не должно быть поставлено въ зависимость отъ интересовъ частныхъ лицъ или отдѣльныхъ обществъ.

Къ этому необходимо прибавить, что возможность образованія колоссальныхъ состояній безъ всякаго труда и заслугъ, только вслѣдствіе расширенія сѣти желѣзныхъ дорогъ, т. е. новыхъ пожертвованій Государственнаго Казначейства, создаетъ возможность проѣданія не дѣйствительныхъ, а будущихъ доходовъ. Конечно никто не станетъ спорить съ нами, что цѣнность акцій возвышается въ виду будущихъ, возрастающихъ доходовъ желѣзной дороги и что это возвышеніе идетъ тѣмъ сильнѣе и быстрѣе, чѣмъ болѣе вѣроятна прогрессивность доходности. На этомъ основаніи, человѣкъ, заплатившій двойную сумму за акцію получаетъ съ своего капитала существующій рыночный процентъ, между тѣмъ какъ продавецъ этой акціи удвоилъ свой капиталъ безъ всякаго труда, не создавъ никакой новой цѣнности. Но удвоивъ такимъ образомъ свой капиталъ, онъ весьма естественно можетъ позволить себѣ и лишнія траты вовсе непроизводительнаго характера и притомъ не только единовременно, но и постоянно. Чѣмъ менѣе развито общество, тѣмъ неизбѣжность подобныхъ тратъ становится вѣроятнѣе, а степень ихъ сильнѣе и всѣ эти траты должны быть покрыты не дѣйствительно полученнымъ доходомъ, но ожидаемымъ въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, теперь же онѣ удовлетворяются изъ оборотнаго капитала страны и слѣдовательно необходимо уменьшаютъ ея производительныя силы. Необ-

ходимымъ послѣдствіемъ такого порядка является пониженіе средняго размѣра заработной платы, который равняется частному отъ дѣленія общей суммы оборотныхъ капиталовъ на число рабочихъ рукъ. Намъ могутъ возразить, что эти барыши рѣдко достаются въ однѣ руки, а вслѣдствіе постепеннаго перехода акцій изъ однѣхъ рукъ въ другія, распредѣляются между многими лицами и поэтому способствуютъ развитію благосостоянія въ большей массѣ лицъ. Но такое возраженіе нисколько не устраняетъ вреднаго вліянія того обстоятельства, на которое мы указывали, и создаетъ только для большаго числа лицъ возможность или жить безъ труда или позволять себѣ непроизводительныя траты.

Если обратить серьезное вниманіе на указанное нами явленіе, то мы невольно приходимъ къ обобщенію этого факта и должны замѣтить, что развитіе благосостоянія тогда только полезно и выгодно въ экономическомъ отношеніи, когда оно развивается въ массахъ. Всякое же развитіе благосостоянія между отдѣльными лицами или въ отдѣльныхъ классахъ общества (тогда какъ массы остаются въ прежнемъ безотрадномъ положеніи) имѣетъ тѣмъ болѣе невыгодныя послѣдствія, чѣмъ быстрѣе оно совершается и чѣмъ менѣе развито общество. Послѣднее обстоятельство важно потому, что чѣмъ менѣе развитъ въ нравственномъ и умственномъ отношеніи случайно разбогатѣвшій индивидуумъ, тѣмъ менѣе производительными становятся его траты и тѣмъ чаще онъ позволяетъ себѣ расходы, удовлетворяющіе только его тщеславію. На этомъ основаніи всякое быстрое возвышеніе окладовъ служащихъ лицъ, всякія операціи правительства, дающія возможность значительныхъ барышей, а также внезапное возвышеніе цѣнъ недвижимой собственности имѣютъ тѣ же вредныя въ экономическомъ отношеніи послѣдствія, какъ и сильное вздорожаніе акцій. Все это вызываетъ непроизводительныя траты въ ожиданіи будущихъ, а не дѣйствительно полученныхъ доходовъ, въ минуту же производства этихъ тратъ онѣ удовлетворяются изъ оборотнаго капитала страны.

Къ этому мы должны прибавить еще одно соображеніе. Помимо указаннаго вреднаго вліянія, эти траты необходимо ведутъ за собою повышеніе общаго уровня потребностей обыденной жизни, удовлетвореніе которыхъ становится необходимымъ, чтобы не отстать отъ своихъ близкихъ и знакомыхъ. Вслѣдствіе этого жизнь дорожаетъ съ каждымъ днемъ, а эта

дороговизна обрушивается всею своею тяжестью на людей, не имѣвшихъ возможности воспользоваться извѣстной долей барышей и оставшихся при прежнихъ средствахъ или прежнихъ заработкахъ, т. е. на людей бѣдныхъ, которыхъ всегда болѣе, нежели богатыхъ. Если мы пристально вглядимся въ наше недалекое прошлое, то увидимъ, что переживаемое нами трудное время, на которое слышатся жалобы со всѣхъ сторонъ, и существующій денежный кризисъ, въ значительной степени обусловливаются причинами нами указанными. Быстрое возрастаніе тратъ достаточныхъ классовъ и возвышеніе общаго уровня потребностей обыденной жизни далеко опередили производительность страны и должны были удовлетворяться не дѣйствительными доходами, а на счетъ оборотныхъ капиталовъ, вслѣдствіе чего явились неизбѣжныя послѣдствія: общая задолженность страны и паденіе производства. Само собою разумѣется, что если бы общій строй нашей общественной жизни и характеръ нашего населенія были иные, то этотъ кризисъ въ виду дешевизны рыночнаго процента на западѣ Европы (въ Берлинѣ учетный процентъ въ настоящее время менѣе $2^1/_2$%) прошелъ бы для насъ гораздо легче; но къ сожалѣнію недостатокъ какъ практическихъ, такъ и теоретическихъ знаній и предпріимчивости, въ средѣ нашихъ капиталистовъ, съ одной стороны, и необезпеченность капиталовъ, съ другой, лишаютъ насъ возможности воспользоваться этой дешевизной роста. Западно-европейскіе капиталы, не смотря на всѣми признанный космополитизмъ капитала вообще, какъ-то туго рѣшаются искать помѣщенія на нашемъ рынкѣ. Явленіе замѣчательное и вполнѣ достойное серьезнаго вниманія.

Мы просимъ извиненія у нашихъ читателей за это отступленіе отъ нашего предмета, и думаемъ, что они не посѣтуютъ на насъ за обобщеніе встрѣченнаго нами явленія и за наше уклоненіе въ область общихъ воззрѣній. Оно казалось намъ совершенно необходимымъ и можетъ служить повѣркою частныхъ положеній по вопросу, которымъ мы занимаемся. Но возвратимся къ нашему предмету.

Мы сказали выше, что завѣдываніе сооруженіемъ и эксплуатаціей желѣзныхъ дорогъ мы считаемъ одной изъ функцій правительственной власти, такъ какъ потребность передвиженія на столько существенна для всѣхъ общественныхъ интересовъ, что не можетъ быть поставлена въ зависимость отъ интересовъ частныхъ лицъ. Противъ такого положенія обыкновенно возражаютъ, что казен-

ное хозяйство вполнѣ доказало свою несостоятельность и въ виду этой несостоятельности всякая безурядица частнаго хозяйства все таки-будетъ выгоднѣе, нежели казенное хозяйство. Какъ примѣръ такой невыгодности обыкновенно выставляется постройка и эксплуатація Николаевской желѣзной дороги. Такое возраженіе вовсе не выдерживаетъ критики, такъ какъ оно ничего не говоритъ противъ самой системы, а указываетъ только на частный случай нехозяйственности или невыгодности распоряженій. Противъ такого возраженія можно привести цѣлую массу случаевъ частнаго хозяйства, которые были ведены гораздо болѣе убыточно, нежели хозяйство Николаевской желѣзной дороги. Повсемѣстно можно встрѣтить цѣлую массу хозяйствъ частныхъ, изъ которыхъ одни ведутся очень выгодно, другія убыточно, несмотря на то, что, повидимому, они находятся въ одинаковыхъ условіяхъ. Развѣ можно утверждать, что сами сельскія хозяйства, основанныя у насъ большею частью на чисто хищническомъ началѣ, выгодны, не смотря на то, что въ нихъ вполнѣ осуществляется принципъ частнаго хозяйства. Почему же напримѣръ въ Пруссіи становится возможной казенная эксплуатація не только желѣзныхъ дорогъ, но даже казенныхъ земель и притомъ съ значительной выгодой? Подобные факты были бы невозможны, если бы казенное хозяйство было обречено въ самомъ принципѣ на безусловную несостоятельность [1]). На этомъ основаніи мы полагаемъ, что всѣ неудобства и невыгодность бывшихъ примѣровъ казенной эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ кроются въ тѣхъ порядкахъ и условіяхъ, при которыхъ она производилась. Стоитъ только измѣнить эти условія,—и результаты будутъ другіе. Наше казенное хозяйство, какъ и всякое другое дѣло, не могло идти хорошо, потому что оно обставлялось чисто путемъ бюрократическимъ. Во главѣ предпріятія ставились люди не по способностямъ и знанію, а по старшинству службы, и они не имѣли никакого интереса въ успѣхѣ дѣла; свѣтъ гласности не проникалъ сюда и дѣло велось подъ покровомъ канцелярской тайны на столько, что полной отчетности какъ по постройкѣ, такъ и по эксплуатаціи Николаевской дороги до сихъ поръ не опубликовано и эти свѣдѣнія трудно собрать, даже путемъ офиціальнымъ. Мы утверждаемъ это на томъ осно-

---

[1]) Есть промышленныя предпріятія дѣйствительно несовмѣстимыя съ казеннымъ хозяйствомъ, но всего менѣе это относится къ желѣзнымъ дорогамъ, — въ особенности къ ихъ сооруженію. *Ред.*

ванія, что какъ въ прежнихъ изданіяхъ „Сборника свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ" точныхъ данныхъ по этому предмету не имѣлось, такъ и въ послѣднихъ они не пополнены. Что же касается отвѣтственности за успѣхъ предпріятія даже вслѣдствіе небрежности и безпорядковъ, то ее вовсе не существовало. При такихъ условіяхъ даже недурные люди очень склонны относиться къ дѣлу на столько безучастно, что кромѣ убытковъ оно ничего не доставитъ; люди же *себѣ на умѣ* найдутъ возможнымъ эксплуатировать дѣло для своихъ личныхъ интересовъ. Но установите отчетность не формальную только, а дѣйствительную, освѣтите эту отчетность свѣтомъ гласности и главное вырвите съ корнемъ чисто бюрократическое начало чиновничьей безотвѣтственности, тогда и казенное хозяйство не только сдѣлается возможнымъ, но и выгоднымъ. Противники казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства въ оправданіе своихъ мнѣній должны бы доказать, что въ частныхъ обществахъ немыслимы тѣ безпорядки и злоупотребленія, которыя случались при казенномъ управленіи. Но они доказать этого не могутъ, такъ какъ въ частныхъ обществахъ бывали случаи такихъ злоупотребленій и такого безцеремоннаго обращенія съ общественными и казенными суммами, какихъ ни одинъ чиновникъ себѣ не позволитъ, да если бы и пожелалъ сдѣлать что либо подобное, то не въ состояніи будетъ исполнить. Вообще въ нашихъ желѣзнодорожныхъ обществахъ, благодаря отсутствію дѣйствительнаго контроля акціонеровъ, которыхъ въ большинствѣ обществъ вовсе не имѣется, образовались также бюрократическіе порядки, какъ и въ прежнемъ казенномъ хозяйствѣ, порядки, при которыхъ даже лица, стоящіе во главѣ дѣла становятся безсильными. Разница между казеннымъ управленіемъ и нынѣшнимъ, за весьма немногими исключеніями, состоитъ только въ томъ, что при первомъ есть какая нибудь отвѣтственность, а при послѣднемъ никакой.

Чтобы высказанное нами мнѣніе не казалось голословнымъ, мы представимъ читателю во-первыхъ исторію постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ и этимъ ограничимъ на этотъ разъ нашу задачу, а за тѣмъ впослѣдствіи представимъ читателю и статистическое изслѣдованіе эксплуатаціи съ 1870 года. Сравнительное изученіе данныхъ дастъ намъ возможность критической ихъ оцѣнки, при чемъ, конечно, не будутъ забыты техническія и мѣстныя условія каждой дороги.

Исторія постройки нашихъ желѣзныхъ дорогъ начинается съ

учрежденія акціонернаго общества для постройки Царскосельской желѣзной дороги на основаніи положенія 21 марта 1836 года. Капиталъ этого общества по послѣднему уставу, утвержденному 29 декабря 1852 года и дополненій къ нему 31 марта 1867 и 5 апрѣля 1869 годовъ, опредѣляется въ 1.050,000 рублей съ раздѣленіемъ на 17,500 акцій, по 60 рублей каждая. Дорога эта предоставлена въ полную собственность общества. Это единственный примѣръ подобнаго рода концессіи: всѣ послѣдующія выдавались съ опредѣленіемъ срока, въ который акціонерный капиталъ долженъ быть погашенъ и дорога со всѣми ея принадлежностями должна поступить въ собственность правительства. Правда, что сроки эти очень продолжительны, простираются почти на вѣковой періодъ времени, т. е. 80—88 лѣтъ, и такимъ образомъ для настоящаго времени мало чѣмъ отличаются отъ полной собственности. Впрочемъ, здѣсь весьма важно самое установленіе принципа. Государство, установляя его, тѣмъ самымъ признало желѣзныя дороги государственной, а не частной собственностію и передаетъ частному обществу только право эксплуатаціи на опредѣленный срокъ, въ видахъ вознагражденія за употребленный имъ на постройку капиталъ. Такимъ образомъ устанавляется то общее начало, по которому удовлетвореніе потребности населенія въ передвиженіи признается одной изъ тѣхъ функцій правительственной власти, которыя не могутъ и не должны быть передаваемы частному обществу въ монопольное право на вѣчныя времена. Если исключеніе изъ этого общаго правила мы встрѣчаемъ въ положеніи о Царскосельской дорогѣ, то оно объясняется лишь тѣмъ обстоятельствомъ, что желѣзныя дороги въ то время не имѣли и тѣни того общегосударственнаго значенія, какое онѣ пріобрѣли впослѣдствіи. Никому и въ голову тогда не приходило, чтобы эти пути могли сдѣлаться когда-нибудь главными артеріями передвиженія и людей и грузовъ. На этомъ основаніи, мы вполнѣ убѣждены, что недалеко то время, когда, въ силу измѣнившагося значенія желѣзныхъ дорогъ, должно исчезнуть изъ нашего законодательства и это единственное, чисто монопольное право общества царскосельской желѣзной дороги, съ установленіемъ способа погашенія акцій.

Не смотря однакожъ на ничтожную длину дороги въ 25 верстъ, она строилась въ теченіи двухъ лѣтъ и открыта для движенія только 4 апрѣля 1838 года. Такимъ образомъ дорога обошлась въ 42,000 руб. на версту; но этого капитала было далеко

не достаточно общество принуждено было еще въ 1837 году прибѣгнуть къ займу у правительства. По отчетамъ общества, стоимость желѣзной дороги въ годъ ея открытія, т. е. въ 1838 году доходила уже до 1.437,619 руб., что составитъ 57,504 руб. на версту (Сборникъ свѣдѣній желѣзныхъ дорогъ, изд. 1875 года, отдѣлъ II, таб. II). Но этимъ еще не исчерпывается вся стоимость Царскосельской желѣзной дороги, такъ какъ доходы ея долго не позволяли ей удовлетворять потребностей эксплуатаціи и правленіе должно было прибѣгать къ займамъ у правительства въ 1839 и въ 1859 году, которые въ совокупности съ займомъ на окончаніе дороги доходили до 625,000 руб. и погашались ежегодными уплатами. Въ послѣднее же время общество выпустило на 1.800,000 рублей облигацій для устройства 2-го пути. На этомъ основаніи стоимость Царскосельской желѣзной дороги въ настоящее время доходитъ до 2.850,000 руб., что̀ составитъ 114 тыс. руб. на версту, независимо отъ долга правительству, котораго въ 1875 году состояло 252.000 руб., что увеличиваетъ ея стоимость еще на 10,000 руб. съ версты.

Имѣя въ виду, что чистый доходъ дороги представляетъ цифру отъ 180 до 200,000 руб., можно было бы сказать, что наша старѣйшая желѣзная дорога достигла блестящаго положенія, если бы издержки ея первоначальнаго сооруженія и устройства втораго пути не доходили до такихъ громадныхъ размѣровъ. Но при такой стоимости этого сказать нельзя и акціи ея стоятъ о сю пору на 10 руб. ниже номинальной ихъ стоимости, принося немногимъ болѣе шести процентовъ на вложенный капиталъ. Результатъ далеко не утѣшительный, если принять въ соображеніе, сколько лѣтъ акціонеры не получали никакого дохода на затраченный ими капиталъ.

Этотъ первый опытъ постройки желѣзныхъ дорогъ не могъ поощрить новыхъ предпріятій въ томъ же родѣ, и потому, не смотря на то, что правительство въ то время стремилось привлечь частные капиталы къ постройкѣ желѣзной дороги между двумя столицами, охотниковъ взяться за это дѣло не оказывалось. Самое главное разумѣется препятствіе состояло въ недостаткѣ капиталовъ и въ высотѣ роста на нашемъ рынкѣ, но конечно не малую долю препятствій составляли отсутствіе умѣнья взяться за дѣло, недостатокъ гарантій для предпринимателя, а также недостатокъ предпріимчивости. Заграничные капиталисты также не рѣшались взяться за это дѣло въ виду

того обстоятельства, что весь строй нашей общественной жизни не представлялъ никакого вѣрнаго обезпеченія для капитала: всякое предпріятіе въ Россіи казалось иностранцу весьма рискованнымъ и только правительственные займы могли еще отчасти привлекать заграничные капиталы.

Въ виду такого положенія дѣлъ въ 1842 году было рѣшено строить желѣзную дорогу между Москвою и Петербургомъ на счетъ правительства, пріобрѣтая средства для того путемъ займовъ по мѣрѣ надобности. Постройка Николаевской желѣзной дороги была предположена по самому кратчайшему направленію. Говорятъ, что покойный Государь въ отвѣтъ на вопросъ, по какому направленію вести дорогу, положилъ на картѣ линейку и, проведя черту между С.-Петербургомъ и Москвою, сказалъ: „вотъ вамъ направленіе". Конечно, мы не можемъ ручаться за достовѣрность этого факта, но если онъ справедливъ, то указываетъ, что Государь имѣлъ положительно вѣрный взглядъ на дѣйствительное значеніе желѣзныхъ дорогъ. Еслибы въ послѣдующее время распорядители держались этого взгляда, то Россія сохранила бы много милліоновъ, хотя быть можетъ и не имѣла бы стольких тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ. Намъ памятно такое рѣшеніе о направленіи Николаевской дороги, памятны и тѣ толки, которые тогда были имъ вызваны. Какъ, говорили, можно было обойти Новгородъ? какъ можно прокладывать путь по пустырямъ между Волгою и Волховымъ? Не лучше ли строить дорогу по мѣстности густо населенной вдоль линіи существующаго шоссе? Удобство подвозки матеріаловъ значительно бы удешевило постройку. Такъ говорили тогда. Но что же вышло? Николаевская дорога, несмотря на эти толки, прошла по самому кратчайшему направленію и оказалась на 70 верстъ короче, нежели по направленію на Новгородъ. Со времени ея постройки прошло не болѣе 25 лѣтъ и она перевозитъ болѣе 120 милліоновъ пудовъ груза малой скорости по $^{1}/_{25}$ коп. съ версты по среднему тарифу. Весь этотъ грузъ долженъ былъ бы заплатить за лишнія 70 верстъ провозу по $^{1}/_{25}$ коп. съ пуда и версты, что составило бы 3.360,000 руб. Такимъ образомъ, не считая той экономіи, которую дѣлаетъ каждый пассажиръ отъ сокращенія пути, наша промышленность выигрываетъ ежегодно всю вышеозначенную сумму, которая представляетъ собою процентъ съ капитала въ 56 милл. рублей, т. е. болѣе половины той суммы, въ которую обошлась постройка Николаевской дороги. Но если приложить къ этой цифрѣ ту экономію, которую дѣлаютъ

пассажиры, то тогда результаты будутъ еще поразительнѣе. Въ самомъ дѣлѣ, если мы возьмемъ среднiй проѣздъ каждаго пассажира и увеличимъ его пропорцiонально удлиненiю пути на 70 верстъ, то онъ будетъ составлять не 261 версту, какъ показываютъ отчеты главнаго общества, а 291 версту, т. е. увеличится на 30 верстъ; помножая же общее число пассажировъ на 30 верстъ, получимъ цифру излишнихъ пассажироверстъ, за которыя публика должна была бы платить, еслибы дорога была длиннѣе, но такъ какъ число всѣхъ пассажировъ по Николаевской дорогѣ превышаетъ 1.600,000, а среднiй пробѣгъ каждаго изъ нихъ увеличился бы на 30 верстъ, то всѣ они должны бы сдѣлать 48 мил. лишнихъ пассажироверстъ; считая же за каждую пассажироверсту только по тарифу третьяго класса $1^1/_4$ коп. оказывается, что переплата представила бы цифру 600,000 рублей, т. е. общая экономiя русскаго общества отъ уменьшенiя длины линiи Николаевской дороги составляетъ 3.960,000 руб. или круглымъ числомъ до 4 мил. рублей въ годъ. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что цифра этой экономiи съ увеличенiемъ движенiя возрастаетъ постоянно и мы не можемъ себѣ представить, на чемъ она остановится.

Мы нарочно указали на этотъ яркiй примѣръ, чтобъ указать дѣйствительное значенiе прямолинейнаго направленiя желѣзныхъ дорогъ и дѣйствительную выгоду подобной постройки, не смотря на излишнюю быть можетъ затрату при первоначальномъ ихъ сооруженiи. Обстоятельство это въ особенности важно у насъ, такъ какъ частныя общества стремятся во что бы то ни стало удешевить постройку дороги хотя бы на счетъ ея удлиненiя. Съ другой стороны, и техники, производящiе изысканiя, стараются по возможности вести линiи по направленiямъ водораздѣловъ, вполнѣ забывая, а можетъ быть даже не сознавая, что они такимъ образомъ жертвуютъ гораздо болѣе важными общими и постоянными интересами будущаго въ пользу интересовъ настоящей минуты. Но бывали примѣры разрѣшенiя удлиннить дорогу безъ увеличенiя стоимости ея сооруженiя и къ сожалѣнiю это послѣднее обстоятельство служило почти всегда достаточнымъ и единственнымъ мотивомъ такого разрѣшенiя. Подобная уступка представляется намъ тѣмъ болѣе ошибочною, что она допускается въ интересахъ частнаго лица, которое такимъ образомъ получаетъ возможность сдѣлать экономiю въ издержкахъ

сооруженія на счетъ излишнихъ издержекъ будущаго передвиженія пассажировъ и грузовъ.

На этомъ основаніи мы утверждаемъ, что въ рѣшеніи покойнаго государя вести дорогу между С.-Петербургомъ и Москвою по кратчайшему направленію выразился весьма вѣрный взглядъ на дѣйствительное значеніе желѣзныхъ путей и должны пожалѣть, что этотъ взглядъ на дѣло не удержался впослѣдствіи. Постройка Николаевской желѣзной дороги продолжалась 9 лѣтъ и открыта для движенія въ концѣ 1851 года. По даннымъ опубликованнымъ въ Сборникѣ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ за 1868 годъ стоимость ея содержанія достигаетъ цифры 76 мил. рублей, но при этомъ не принимаются въ расчетъ ни проценты на затраченный капиталъ, ни расходы по реализаціи займовъ, ни дефициты за первое время эксплуатаціи. Если же всѣ эти расходы принять въ соображеніе, то стоимость этой дороги далеко перейдетъ за цифру 100 мил. руб. Но принимая въ соображеніе только эту послѣднюю цифру, окажется, что постройка этой дороги обошлась въ 165 т. руб. на версту. Конечно, постройка этой дороги самая капитальная: такихъ сооруженій нѣтъ ни на одной изъ нашихъ дорогъ, длина прямыхъ ея путей составляетъ 95%, чего также нѣтъ ни на одной изъ нашихъ дорогъ (исключая Царскосельскую, прямизна которой въ виду ничтожнаго ея протяженія и условій мѣстности нисколько не удивительна), она устроена въ два пути и уклоны ея не превышаютъ 0,006 сажени. Всѣ эти условія, въ связи съ пустынной и болотистой мѣстностью, по которой она проходитъ на значительномъ протяженіи и съ продолжительностію времени ея постройки, должны были сильно повліять на возвышеніе стоимости ея сооруженія. Но все же цѣна эта представляется намъ чрезмѣрною. Такая дороговизна только и можетъ быть объяснена той вѣрою въ свою непогрѣшимость, которая господствовала въ то время въ нашихъ административныхъ сферахъ. Ни общество, ни литература не имѣли права высказывать своихъ мнѣній въ дѣлѣ столь новомъ для самой администраціи и столь важномъ для будущности Россіи; между тѣмъ какъ администрація вовсе была не знакома съ тѣми практическими свѣдѣніями и хозяйственными условіями, которыя здѣсь требовались. Цѣны на земляныя работы были опредѣлены различныя, смотря по крѣпости грунта, по глубинѣ выемки и высотѣ насыпи и по разстоянію подвозки и

отвозки земли, что давало поводъ выводить совершенно произвольную стоимость земляныхъ работъ. Цѣны на строительные матерьялы въ различныхъ мѣстностяхъ линіи вовсе были неизвѣстны и мы съ полною увѣренностію можемъ сказать, что многія поставки даже въ настоящее время, когда цѣны возрасли значительно, производятся дешевле нежели это было во время постройки. При такихъ условіяхъ понятно, какой просторъ представлялся для произвола нисшихъ агентовъ администраціи и производителей работъ, тѣмъ болѣе, что въ силу возможности канцелярской отписки и отсутствія дѣйствительнаго контроля, являлась полная безответственность.

Этотъ печальный опытъ примѣненія правительственной инціативы въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ послужилъ основаніемъ тому убѣжденію, что система казенной постройки не возможна. Это убѣжденіе къ сожалѣнію господствуетъ у насъ до сихъ поръ и вызвало послѣдствія гораздо болѣе вредныя въ экономическомъ отношеніи, нежели издержки лишнихъ 20 или 30 мил. рублей на постройку Николаевской дороги. Въ настоящее время причины дороговизны этой дороги очевидны до осязательности; многія издержки, которыхъ можно было избѣжать въ то время оказались впослѣдствіи весьма полезны; къ устраненію же другихъ, непроизводительныхъ тратъ и возможныхъ злоупотребленій не представляется, по видимому, никакихъ препятствій, а между тѣмъ достойное сожалѣнія мнѣніе о невыгодности казенной постройки продолжаетъ господствовать въ нашихъ административныхъ сферахъ, не смотря на то, что результаты частной инаціативы нисколько не утѣшительны и пожертвованія государственнаго казначейства на поддержаніе шаткаго положенія желѣзнодорожныхъ обществъ растутъ съ каждымъ годомъ.

Само собою разумѣется, что опытъ постройки Николаевской дороги не могъ привлечь частныхъ капиталовъ къ этого рода предпріятіямъ; напротивъ того значительные займы, заключенные правительствомъ съ этого цѣлью, и медленность постройки утвердили въ обществѣ мнѣніе, что подобное дѣло немыслимо для частныхъ лицъ. Затрата значительныхъ капиталовъ безъ всякой надежды на полученіе дивиденда въ теченіе продолжительнаго срока для частныхъ лицъ была положительно невозможна, а механизмъ реализаціи ихъ былъ въ то время у насъ вовсе не извѣстенъ. Въ виду такихъ обстоятельствъ правительство не могло расчитывать на содѣйствіе частныхъ капиталовъ, между тѣмъ какъ развитіе цѣ-

лой желѣзнодорожной сѣти на западѣ Европы ясно уже указало ту роль, которую эти улучшенные пути должны играть въ общемъ прогрессѣ человѣчества и въ особенности у насъ въ Россіи, гдѣ огромныя пространства, несвязанныя между собою никакими естественными путями сообщенія, представляютъ громадныя препятствія къ улучшеніямъ всякаго рода. Но въ особенности обращало на себя вниманіе, въ силу господствовавшихъ тогда мнѣній — стратегическое значеніе желѣзныхъ дорогъ.

На этомъ основаніи дальнѣйшая постройка желѣзныхъ дорогъ должна была производиться во что бы то ни стало, и 15 февраля 1851 года состоялось высочайшее повелѣніе, которымъ предписывалось приступить къ сооруженію с.-петербурго-варшавской желѣзной дороги также на счетъ правительства. Нельзя при этомъ не замѣтить, что экономическіе интересы страны и даже выгоды правительства требовали тогда постройки отнюдь не этой линіи, а продолженія Николаевской желѣзной дороги на югъ до соединенія ея съ южными портами на Азовскомъ и Черномъ моряхъ. Такое направленіе, прорѣзывая цѣлую Россію, соединило бы плодородныя мѣстности съ обѣими столицами и двумя морями, чѣмъ давало бы возможность сбыта избытка нашихъ произведеній на внутреннемъ и внѣшнемъ рынкахъ. Обезпечивая доходность Николаевской линіи, оно дало бы скорѣйшую возможность къ устройству тѣхъ путей, которые, не имѣя особеннаго экономическаго значенія, важны въ стратегическомъ или политическомъ отношеніи. Къ тому же послѣдующія историческія событія доказали, что южная дорога, помимо своего экономическаго значенія, имѣла не меньшую важность и въ стратегическомъ отношеніи. Не смотря однакожъ на эти, не лишенныя основанія соображенія, с.-петербурго-варшавской линіи, связывающей нашу столицу съ западноевропейскимъ міромъ, отдано было предпочтеніе, хотя эта линія даже и въ настоящее время, послѣ сооруженія цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, имѣетъ очень второстепенное экономическое значеніе. Изъ этого факта можно вывести только одно заключеніе, что въ силу господствовавшихъ тогда взглядовъ, стратегическіе интересы шли далеко впереди экономическихъ, не смотря на то, что первые не могутъ даже и возникать, если послѣдніе не находятся въ благопріятныхъ условіяхъ. Какъ бы ни были удобны стратегическіе пути государства, оно не можетъ дѣйствовать энергично, если средства плательщиковъ скудны. Если Петръ 1-й, построивъ Петербургъ, про-

рубилъ окно въ Европу, то постройкой варшавской дороги это окно обращено въ открытую дверь, въ которую, съ одной стороны, устремился весь нашъ праздношатающійся людъ, чтобы тратить свои доходы за границею и по возвращеніи разсказывать, что былъ тамъ-то и тамъ-то, съ другой, весь заграничный людъ, жаждущій хорошихъ Geschäft'овъ, бросился эксплуатировать нашъ рынокъ. Такимъ образомъ варшавская дорога прежде всего удовлетворяла пустому тщеславію нашего бомонда и подчинила нашу биржу берлинскимъ и вѣнскимъ дѣльцамъ. Именно только эти свойства дороги и могли въ данную минуту одержать верхъ надъ всѣми другими соображеніями, такъ какъ мнѣнія и интересы только такимъ образомъ заинтересованныхъ лицъ совпадали съ стратегическими соображеніями. Впрочемъ, на постройку этой линіи правительствомъ было затрачено не болѣе 18 милліон. рублей, такъ какъ военныя дѣйствія въ 1853 году помѣшали продолженію работъ: открытое въ этомъ году движеніе между Петербургомъ и Гатчиною на этомъ и остановилось.

Съ окончаніемъ крымской войны въ общественномъ мнѣніи является переломъ. Всѣ пережитыя нами бѣдствія этой эпохи, бывшія слѣдствіемъ положительной безурядицы, которая царствовала въ то время въ казенномъ хозяйствѣ, заставили призадуматься очень многихъ, а недостатокъ путей сообщенія, имѣвшій такое гибельное вліяніе на ходъ борьбы подъ Севастополемъ, заставилъ пожалѣть не только о дороговизнѣ постройки Николаевской дороги, но и о чрезвычайной ея медленности. Всѣ были убѣждены въ необходимости широкаго развитія желѣзнодорожной сѣти и вмѣстѣ съ тѣмъ въ невозможности вести подобныя операціи за счетъ казны. Несостоятельность казеннаго хозяйства была у всѣхъ на виду, между тѣмъ какъ средствъ исправить эти недостатки не предвидѣлось никакихъ, въ особенности при господствовавшихъ тогда крѣпостныхъ порядкахъ въ цѣломъ строѣ общества. Къ этому присоединилось въ то время и бѣдственное положеніе финансовъ. Ликвидація военныхъ расходовъ требовала огромныхъ средствъ, между тѣмъ какъ кассы государственнаго казначейства не имѣли ихъ давно и давно уже военные расходы покрывались выпускомъ кредитныхъ билетовъ. Тѣмъ же средствомъ покрывались и по заключеніи мира всѣ дефициты 1856 и 1857 годовъ. Объ изысканіи новыхъ средствъ для постройки желѣзныхъ дорогъ на счетъ правительства и думать было нечего. Конечно, при болѣе правильномъ взглядѣ на условія де-

нежнаго обращенія, можно было поступать иначе. По заключеніи мира не слѣдовало продолжать выпускъ новыхъ кредитныхъ билетовъ, а напротивъ надлежало воспользоваться тѣмъ избыткомъ денежныхъ знаковъ, который образовался на рынкѣ вслѣдствіе ихъ усиленныхъ выпусковъ во время военныхъ дѣйствій, и объявить внутренній заемъ на условіяхъ, которыя были выгоднѣе нежели взносъ капиталовъ въ кредитныя установленія. Но мы въ то время еще не доросли до подобныхъ взглядовъ и продолжали ликвидацію военныхъ расходовъ покрывать новыми выпусками, а накоплявшіеся денежные знаки въ кредитныхъ учрежденіяхъ принимали за дѣйствительные капиталы, искавшіе помѣщенія. Заблужденіе было на столько сильно, что наши банки стали дѣйствовать по примѣру европейскихъ, когда въ нихъ скопляется наличность звонкой монеты, и понизили процентъ на вклады. Это вызвало настоящую акціонерную горячку, которая въ свою очередь была принята за развитіе промышленности и народнаго богатства.

Печальнѣе всего то обстоятельство, что эти мнѣнія общества проникли даже въ правительственныя сферы. Безпорядки въ казенномъ хозяйствѣ во время войны такъ были значительны, что само правительство прониклось увлеченіемъ общества, и убѣжденіе о невозможности правительственной иниціативы въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ явилось именно въ эту эпоху и продолжаетъ держаться до сихъ поръ, не смотря на всю шаткость его основанія. Мы называемъ шаткими эти основанія потому, что опираясь на нихъ можно дойти логическимъ путемъ до чистаго абсурда. Въ самомъ дѣлѣ, если государство не въ силахъ устроить правильное хозяйственное управленіе для постройки и эксплуатаціи желѣзной дороги, то отсюда прямо слѣдуетъ, что для него еще менѣе возможно управленіе всѣми государственными силами во всей ихъ совокупности, такъ какъ подобное дѣло представляется гораздо болѣе труднымъ и сложнымъ, а такое положеніе равнозначительно отрицанію самаго понятія о государствѣ.

Какъ бы то ни было, но въ то время и общество и правительство были того убѣжденія, что въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ необходима частная иниціатива. Подъ вліяніемъ этого настроенія, при содѣйствіи банкировъ Петербурга, Варшавы, Лондона, Амстердама и въ особенности Парижа, образовалось Главное Общество Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, которому и предоставлена была концессія первыхъ четырехъ тысячъ

верстъ. Высочайшій указъ объ утвержденіи этого общества послѣдовалъ 28 января. Линіи, предоставленныя обществу, были: С.-Петербурго-Варшавская, Нижегородская, Московско-Ѳеодосійская и Орловско- или Курско-Либавская. Такимъ образомъ выдачею этой концессіи утверждены, повидимому, магистральныя линіи, проведеніемъ которыхъ обусловливалось дальнѣйшее развѣтвленіе цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ. Россія перерѣзывалась отъ сѣвера къ югу, отъ Балтійскаго до Чернаго моря, главной магистральной линіей; наиболѣе важный пунктъ на рѣкѣ Волгѣ, этой главной артеріи торговаго движенія въ Россіи, Нижній Новгородъ соединялся съ центромъ промышленности Москвою, и одинъ изъ центровъ наиболѣе производительной черноземной полосы соединялся на Балтійскомъ прибрежьѣ съ портомъ, свободнымъ отъ замерзанія въ теченіи почти цѣлаго года. Вмѣстѣ съ этимъ были намѣчены и два пункта въ центральной Россіи, которые должны были сдѣлаться главными желѣзнодорожными узлами—Москва и Курскъ или Орелъ. Эти три первыя линіи вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительнымъ экономическимъ интересамъ Россіи; но нельзя, конечно, сказать того же о Варшавской дорогѣ, хотя тѣмъ не менѣе продолженіе ея было возложено прежде всего на обязанность Главнаго общества. Потребность высшихъ классовъ Петербурга сблизиться съ Западной Европой была настолько сильна, что ей были принесены въ жертву самые существенные интересы промышленности, и вмѣсто того, чтобы приступить къ постройкѣ южной линіи прежде всего главное общество обязывалось строить линію проходящую по безлюдной и бесплодной мѣстности, не имѣвшей ничего для сбыта на заграничныхъ рынкахъ, линію, доставлявшую только возможность Пруссіи доставлять въ Россію предметы роскоши и эксплуатировать нашъ рынокъ. Безошибочно можно утверждать, что Варшавская линія была сооружена въ интересахъ прусской торговли и въ первое десятилѣтіе служила исключительно этимъ интересамъ. Мы возвратимся къ этому вопросу, когда будемъ разсматривать статистическія данныя эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, а теперь попросимъ читателя повѣрить намъ на слово, что и до сихъ поръ значительная часть выручки этой дороги получается доставкою въ Петербургъ такихъ предметовъ, которые идутъ не на производительное употребленіе. Убѣжденіе въ необходимости постройки этой дороги такъ было сильно, что его не могла поколебать даже крымская война, доказавшая самымъ положительнымъ образомъ,

на сколько южная Россія страдаетъ отъ недостатка путей сообщенія и на сколько южная дорога необходима даже въ стратегическомъ отношеніи. Эта необходимость, конечно, сознавалась, но все-таки прежде всего предположено было строить дорогу, главная выгода которой была на сторонѣ Пруссіи, а не Россіи.

Другой характеристичный признакъ тогдашняго настроенія какъ общества, такъ и правительственныхъ сферъ представляетъ то безусловное довѣріе, съ которымъ относились тогда къ предстоявшему образу дѣйствій вновь образующагося общества. Мы живо помнимъ блестящія упованія, возлагавшіяся на его дѣятельность: „Вотъ, говорилось вездѣ, наконецъ-то взялись за правильную систему! въ состояніи ли наше казенное хозяйство сдѣлать что нибудь хорошее? намъ необходимо поучиться этому дѣлу у иностранцевъ, и нѣтъ сомнѣнія, что при ихъ содѣйствіи мы будемъ имѣть желѣзныя дороги". Что такая увѣренность существовала, что наше самоуничиженіе доходило до крайности, то доказательства этому имѣются даже въ самомъ указѣ 28 января 1857 года, которымъ учреждалось главное общество. Во-первыхъ, обращеніе къ иностранной промышленности по устройству желѣзныхъ дорогъ мотивируется въ этомъ законодательномъ актѣ необходимостію *„воспользоваться значительною опытностію, пріобрѣтенною при устройствѣ многихъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ на западѣ Европы"*, — а во-вторыхъ, главному обществу предоставляется преимущественное право предъ всѣми соискателями строить тѣ линіи, которыя будутъ впослѣдствіи признаны нужными, если только онѣ гдѣ-либо будутъ соприкасаться съ линіями главнаго общества, такъ что въ этихъ случаяхъ правительство ограничивало свое право на выдачу концессій и только при отказѣ главнаго общества, оно могло выдавать концессіи другимъ соискателямъ.

Изъ этого читатель легко можетъ убѣдиться, на сколько были извѣстны не только нашему обществу, но даже высшимъ сферамъ, учредительскія махинаціи, которыя даже въ то время пріобрѣли уже громкую извѣстность на парижской биржѣ. Подъ покровительствомъ шайки бонапартистовъ, захватившихъ власть въ свои руки, и даже съ ея участіемъ различные Миресы и Перейры, говоря языкомъ нашего сатирика, совершенно законнымъ путемъ перемѣщали капиталы французскаго общества въ свои собственные карманы, учреждая различныя банковыя, желѣзнодорожныя, пароходныя и другія акціонерныя общества и играя ихъ бума-

гами при содѣйствіи своихъ друзей, стоящихъ во главѣ правительства, — друзей, которымъ, конечно, ничего не стоило повышать и понижать курсъ этихъ бумагъ не только распоряженіями, но даже какимъ нибудь словомъ, сказаннымъ публично. Напрасно г. Струсбергъ на судѣ во время процесса Московскаго Ссуднаго Банка, съ большимъ нахальствомъ увѣрялъ, что система обиранія общества, которой онъ держался, была изобрѣтена его геніемъ: это неправда. Всѣ подобныя системы были примѣняемы въ размѣрахъ гораздо болѣе широкихъ и притомъ гораздо ранѣе во Франціи и принадлежатъ къ знаменитымъ idées Napoléoniennes, отъ которыхъ Франція страдаетъ до сихъ поръ. Только богатство этой страны, замѣчательная бережливость ея населенія и его трудолюбіе спасли Францію отъ окончательнаго раззоренія. Никакая другая страна не въ состояніи была бы выдержать подобной, дерзкой эксплуатаціи, производившейся съ участіемъ правительственной власти. L'affaire deplumée, такъ хорошо переведенное на русскій языкъ выраженіемъ *общипанное дѣло*, есть выраженіе, происхожденіе котораго можетъ быть отнесено именно къ той эпохѣ, когда Франція, измученная политическими смутами и лишившаяся въ борьбѣ съ узурпаторомъ своихъ честныхъ руководителей, искала только спокойствія, а такое настроеніе французскаго общества было какъ разъ на руку эксплуататорамъ, которые не останавливались ни передъ какими средствами, чтобъ ковать свои миліонныя состоянія изъ ничего; къ тому же красный призракъ, такъ напугавшій Францію, всегда былъ у нихъ подъ руками для того, чтобъ снова усыплять общество, какъ только оно начинало просыпаться. Весь механизмъ учредительскихъ операцій французскихъ предпринимателей состоялъ въ томъ, чтобъ возвысить капитальную стоимость предпріятія до наибольшихъ размѣровъ, затѣмъ получить отъ правительства гарантію на акціонерный капиталъ, представляющій собою извѣстную долю этой стоимости, и, наконецъ, ссуду въ размѣрахъ недостающихъ средствъ. Какъ скоро дѣло обставлено такимъ образомъ и концессія получена, остается заключить договоры съ однимъ или нѣсколькими лицами на производство нужныхъ работъ и поставокъ съ тѣмъ, чтобъ весь исчисленный капиталъ былъ ими поглощенъ номинально, въ дѣйствительности же съ тѣмъ, чтобы или всѣ или большая часть акцій оставалась въ рукахъ учредителей, а затѣмъ, какъ только всѣ эти распоряженія будутъ утверждены общимъ собраніемъ акціонеровъ, возвысить искуственно цѣну акцій и сбыть ихъ на

биржѣ, часто не дождавшись даже окончанія дѣла, чему значительно способствуетъ гарантія чистаго дохода, дарованная правительствомъ. Если впослѣдствіи контрагенты или самое общество оказываются несостоятельными, то учредители тутъ не причемъ и остается или акціонерамъ дѣлать дополнительные взносы по акціямъ, или правительству дѣлать новыя ссуды обществу въ тѣхъ видахъ, чтобъ не потерять вовсе тѣхъ суммъ, которыя были затрачены прежде, и привести дѣло къ окончанію. Этотъ учредительскій механизмъ всеобщаго обмана, повидимому, совершенно не былъ извѣстенъ у насъ и мы искали спасенія въ средѣ именно этой оргіи биржевыхъ спекуляцій у тѣхъ же самыхъ гг. Перейровъ, которымъ становилось уже тѣсно во Франціи, и вотъ они являются у насъ во главѣ Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ.

Само собою разумѣется, что означенный выше способъ наживы у насъ былъ еще несвоевременевъ, такъ какъ русскій кредитъ еще не установился и нельзя было разсчитывать прямо на ссуды правительства. Средства его были въ то время ограничены и не только ликвидація военныхъ расходовъ, но даже дефицитъ въ обыкновенныхъ расходахъ покрывались выпусками кредитныхъ билетовъ, а также билетовъ государственнаго казначейства, что отнюдь не указываетъ на хорошее положеніе государственныхъ финансовъ. На этомъ основаніи прежде всего необходимо было втянуть правительство въ извѣстныя, постепенныя затраты, а затѣмъ уже требовать болѣе дѣйствительныхъ пособій. Вслѣдствіе такихъ соображеній учредители ограничились только гарантіей правительства на капиталъ общества, который опредѣленъ въ 275 милліоновъ руб. и долженъ былъ образоваться выпускомъ акцій и облигацій. По утвержденіи общества оно выпустило акцій на 75 милліоновъ рублей, которыя всѣ были разобраны, и на нихъ скоро образовалась премія. Главное распоряженіе дѣлами общества сосредоточено было въ Парижскомъ Комитетѣ, а для завѣдыванія дѣлами здѣсь учрежденъ былъ совѣтъ изъ 20 членовъ, изъ коихъ половина русскихъ подданныхъ. Ближайшее же распоряженіе дѣломъ поручено было французскому инженеру Колиньону съ званіемъ главнаго директора. На всѣ высшія и даже второстепенныя должности приглашены были французскіе техники и инженеры съ громадными окладами, и оргія безобразныхъ расходовъ началась. Намъ памятны роскошь обстановки этихъ господъ и ихъ разъ-

ѣзды съ цѣлыми свитами экипажей, благо эти расходы дѣлались на счетъ общества; памятны также и путешествія парижскихъ дамъ къ гг. техникамъ въ Россію тоже на счетъ общества. Затѣмъ баснословныя цѣны на различныя работы и поставки, о которыхъ мы здѣсь въ Россіи и не слыхивали. Достаточно упомянуть, что за шпалы по Нижегородской дорогѣ, проходящей большею частію по лѣсной мѣстности, платилось за шестивершковыя пластины по 1 р. 25 коп. за штуку и такъ какъ пропитка ихъ мѣднымъ купоросомъ не могла стоить болѣе 20 коп., то стало быть самый лѣсъ стоилъ 1 р. 05 к., тогда какъ шпалы въ 1874 году на той же дорогѣ обходились въ 36 к. Въ соразмѣрность съ этимъ производились и всѣ другіе расходы.

Впрочемъ, не говоря уже ни слова о той обстановкѣ, которую сдѣлали себѣ французскіе инженеры на счетъ общества, не говоря даже о тѣхъ процентахъ, которые они могли оставлять въ свою пользу при заключеніи условій на работы и поставки, одно уже то обстоятельство, что главными распорядителями подобнаго громаднаго и сложнаго хозяйства являются люди положительно незнакомые съ нашими мѣстными условіями и притомъ въ самыхъ разнообразныхъ мѣстностяхъ отъ С.-Петербурга до Ѳеодосіи и отъ Нижняго до Варшавы, повидимому достаточно говоритъ противъ раціональности подобныхъ пріемовъ. Мы, русскіе, будучи здѣсь у себя дома, имѣя возможность изучить каждый уголокъ нашего отечества отдѣльно, признаемъ себя неспособными вести такое сложное хозяйственное предпріятіе, и эти люди, незнающіе русскаго языка, что называется ни въ зубъ толкнуть, пріѣзжаютъ къ намъ и съ полной беззастѣнчивостію становятся во главѣ предпріятія и нисколько не сомнѣваются въ своихъ силахъ, а напротивъ всячески стараются показать намъ, что мы въ этомъ дѣлѣ ничего не понимаемъ. Такъ по крайней мѣрѣ держали себя и Колиньоны и Перейры. Конечно не удивительно, что эти господа такъ поступали: они и не могли иначе дѣйствовать, но для насъ всего удивительнѣе, что подобный образъ дѣйствій могъ быть допущенъ съ нашей стороны, что это съ перваго же раза не шокировало никого, какъ будто это такъ и быть должно. Какъ можно было подумать, что люди, не имѣющіе ни малѣйшаго понятія о мѣстныхъ условіяхъ и цѣнахъ, въ состояніи сколько нибудь раціонально вести предпріятіе, тѣмъ болѣе, что всѣ эти господа, исключительно распоряжавшіеся дѣломъ, были люди вовсе неизвѣстные и нисколько не были заинтересо-

ваны въ успѣхѣ дѣла. Дѣйствительно страннымъ кажется, какъ всѣ эти соображенія самаго элементарнаго свойства не приходили въ голову даже лицамъ, засѣдавшимъ въ совѣтѣ главнаго общества, которые, конечно, могли бы помѣшать осуществленію тѣхъ порядковъ, которые привели къ несостоятельности общества.

Въ результатѣ получилось то, что при окончательной достройкѣ Варшавской и Нижегородской линій, одни общіе расходы содержанія администраціи и составленіе проектовъ и смѣтъ обошлись обществу около 32 мил. руб., не считая процентовъ по купонамъ акцій и облигацій, на уплату которыхъ правительство выдало особыя суммы [1]).

На другой годъ по открытіи дѣйствій общества, а именно въ началѣ 1858 года, уже оказалось, что собранный по подпискѣ на акціи капиталъ въ 75 мил. руб. былъ издержанъ и представилась необходимость выпустить облигацій на 35 мил. рублей, а затѣмъ въ 1861 году еще на 2.359,625 руб.

Капиталъ на постройку двухъ линій Варшавской и Нижегородской, съ котораго доходъ былъ сначала гарантированъ правительствомъ, былъ исчисленъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: на С.-Петербурго-Варшавскую линію 85 мил. руб. Вѣтвь къ прусской границѣ отъ Ландварово до Вержболова по 69,000 руб. на версту, а за 161 версту 11.109,000 руб., на Московско-Нижегородскую линію по 62,000 на версту, всего 25.626,000 рублей, всего на сумму 121.735,000 руб., а такъ какъ обществомъ было выпущено бумагъ всего на сумму 112.359,652 руб., то эта цифра и составляетъ основной капиталъ общества, которому присвоена гарантія чистаго дохода.

Въ 1861 году оказалось до очевидности яснымъ съ одной стороны, что капиталовъ, собранныхъ за выпущенныя обществомъ бумаги, далеко недостаточно даже на окончаніе двухъ начатыхъ постройкою дорогъ, а съ другой паденіе цѣнности акцій и облигацій общества отнимало всякую надежду на возможность выпуска новыхъ бумагъ. Впрочемъ, учредители, конечно, отъ этого не потеряли, такъ какъ они имѣли полную возможность сбыта своихъ акцій до ихъ паденія; затѣмъ общіе расходы помимо самаго сооруженія дорогъ не могли же въ самомъ дѣлѣ стоить 32 мил. руб. и, конечно, значительная часть этой суммы составляетъ барышъ предпринимателей, въ видѣ коммиссіонныхъ и кур-

[1]) Сбор. свѣд. о желѣзныхъ дорогахъ 1867 года, стр. 91 и 92.

тажныхъ денегъ. Наконецъ заграничные заказы для дорогъ также были не безвыгодны для предпринимателей и слѣдовательно могли понизить цѣну оставшихся въ рукахъ учредителей акцій, продажа которыхъ даже по пониженнымъ цѣнамъ не могла быть убыточна. Мы думаемъ, что самое паденіе цѣны акцій явилось только слѣдствіемъ ихъ продажи учредителями, когда сливки съ этого дѣла были уже сняты, т. е. когда всѣ работы и поставки были сданы другимъ лицамъ. Такъ исчезла возможность окончанія первой сѣти желѣзныхъ дорогъ, устройство которыхъ приняло на себя главное общество, и Россія осталась безъ южнаго, наиболѣе производительнаго пути, тогда какъ путь отъ С.-Петербурга до Варшавы, наименѣе желательный въ экономическомъ отношеніи, подвинулся настолько, что продолжать его слѣдовало во что бы ни стало. Постройка Нижегородской линіи шла довольно быстро; земляныя работы были окончены на всемъ пути, а на участкѣ отъ Москвы до Владиміра даже открыто было движеніе 14-го іюня 1861 года.

Положеніе дѣлъ общества было самое печальное. Оно вовсе не имѣло средствъ для окончанія даже и тѣхъ двухъ линій, постройка которыхъ была начата, и обратилось къ правительству съ ходатайствомъ о пособіи. Такое ходатайство повидимому должно бы вызвать строгое и внимательное изслѣдованіе причинъ, по которымъ общество впало въ несостоятельность, тѣмъ болѣе, что на общихъ собраніяхъ 1859 и 1860 годовъ, меньшинство акціонеровъ заявляло громкія жалобы на дѣйствія распорядителей, но было подавлено искусственно составленнымъ большинствомъ собранія. Повидимому справедливость этихъ жалобъ вполнѣ подтверждалась несостоятельностію общества и въ интересахъ цѣлой Россіи, въ интересахъ самаго желѣзнодорожнаго дѣла строгая ревизія дѣйствій управленія и преслѣдованіе судебнымъ порядкомъ виновныхъ въ расхищеніи общественныхъ суммъ, если бы таковые открылись, были необходимы. Такое отношеніе правительства къ дѣйствіямъ распорядителей главнаго общества поставило бы наше желѣзнодорожное дѣло прямо въ правильную колею, оно раскрыло бы всѣ извороты французской спекуляціи, созданные для обиранія своихъ ближнихъ, и во время предупредило бы противъ нихъ и высшія правительственныя сферы и наше общество; оно указало бы стоимость постройки даже при полномъ незнакомствѣ распорядителей съ мѣстными хозяйственными условіями и слѣдовательно возможность громадной экономіи; оно разсѣяло бы ту

туманную завѣсу на глазахъ нашего общества, которая заставляла преувеличивать трудность подобнаго рода операцій и нашу собственную несостоятельность. Однимъ словомъ подобныя мѣры подтвердили бы еще разъ русскую пословицу „не боги горшки обжигаютъ, а тѣ же люди“. Поступить такъ правительство имѣло полное право на томъ основаніи, что оно уже уплатило въ то время до 27 мил. рублей гарантированнаго по акціямъ и облигаціямъ дохода и отъ него требовались новыя жертвы на достройку дорогъ и избавленіе общества отъ обязанности строить наиболѣе необходимыя для Россіи линіи. Но главная польза подобнаго образа дѣйствій состояла бы въ томъ, что правительство имѣло бы въ виду противъ какихъ махинацій слѣдуетъ принимать мѣры, входя въ подобный договоръ съ частнымъ обществомъ, а учредители не имѣли бы повода убѣдиться, что они внѣ всякой отвѣтственности и могутъ позволять себѣ все, что угодно, если только внѣшняя сторона дѣла обставлена сколько нибудь сносно. Но ничего подобнаго сдѣлано не было. Повидимому, какъ въ то время, такъ и впослѣдствіи господствовало у насъ такое убѣжденіе, что несостоятельность перваго желѣзнодорожнаго общества можетъ повредить нашему кредиту и задержать постройку нашихъ желѣзныхъ дорогъ, между тѣмъ какъ сооруженіе цѣлой сѣти считалось единственнымъ средствомъ для развитія всѣхъ экономическихъ силъ. Повидимому въ то время еще не сознавалась та великая истина, что желѣзныя дороги представляютъ, конечно, весьма сильный рычагъ для промышленнаго развитія, но далеко не единственный, и что слишкомъ быстрая ихъ постройка можетъ имѣть совершенно обратное дѣйствіе въ странѣ бѣдной капиталами. Отвлекая ихъ отъ промышленнаго производства и направляя на постройку дорогъ надеждой на значительные барыши при самой постройкѣ, можно создать такое положеніе, что промышленность не только не будетъ развиваться, но можетъ даже сократиться, вслѣдствіе отсутствія и дороговизны капиталовъ. Такимъ образомъ затраченный капиталъ будетъ лежать впустѣ, а страна будетъ поставлена въ необходимость платить за него проценты и нести новыя податныя тягости. Такъ это и случилось въ нашемъ отечествѣ, при быстрой, несоотвѣтствующей потребностямъ промышленнаго развитія постройкѣ желѣзныхъ дорогъ; доказательство этому мы представимъ тоже при разсмотрѣніи статистическихъ данныхъ эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ. Во всякомъ организмѣ, а тѣмъ болѣе въ сложномъ по-

литическомъ, только равномѣрное удовлетвореніе всѣхъ потребностей, только параллельное развитіе всѣхъ жизненныхъ силъ могутъ оказаться благотворными; всякое же одностороннее направленіе дѣятельности общества не приноситъ ничего кромѣ вреда. Итакъ, опасеніе повредить дальнѣйшему развитію желѣзно-дорожнаго дѣла помѣшало принятію радикальныхъ мѣръ къ искорененію открытаго зла и заставило остановиться на полумѣрахъ. Уставъ общества былъ измѣненъ. Общество было освобождено отъ обязанности сооруженія, какъ южной, такъ и Либавской линій; изысканія, работы и матеріалы по Одесской линіи, стоившія обществу 6.400,000 рублей, переданы правительству въ уплату 18 мил., должныхъ обществомъ за Варшавскую дорогу, а на довершеніе двухъ линій правительство даровало обществу пособіе въ 28 мил. рублей серебромъ. Парижскій комитетъ, въ которомъ сосредоточивалась главная распорядительная власть, былъ упраздненъ, въ совѣтъ общества назначено 4 члена отъ правительства, а число членовъ отъ акціонеровъ уменьшено до 10 ти. Уставъ этотъ по соглашенію съ уполномоченными представителями общества утвержденъ 3-го ноября 1861 года.

Не смотря однакожъ на сдѣланныя обществу льготы, не смотря на сокращеніе штатовъ, составленныхъ прежнимъ управленіемъ, и уменьшеніе расходовъ по работамъ, на сколько дозволяли заключенныя прежде невыгодныя для общества обязательства, пособіе правительства оказалось недостаточнымъ и долгъ общества къ 1-му января 1867 года возросъ до 47,238,583 руб. независимо отъ уплаты процентовъ по гарантіи, на что правительствомъ употреблено было къ тому же времени до 32 мил. рублей.

По послѣднему же отчету Государственнаго Контролера весь долгъ главнаго общества къ 1876-му году простирается до 120,461,972 р., изъ которыхъ 61,280,948 руб. употреблены на достройку линіи, — и считая съ основнымъ капиталомъ въ 112,329,625 р. стоимость двухъ линій въ 1,616 верстъ длины будетъ равняться 183,640,573 руб., что составитъ болѣе 113 т. руб. на версту. Такая цѣна немногимъ ниже стоимости Николаевской дороги, если не брать въ расчетъ процентовъ на капиталъ во время сооруженія, но не слѣдуетъ забывать, что послѣдняя дорога на всемъ протяженіи идетъ въ два пути, имѣетъ монументальныя сооруженія и снабжена большимъ количествомъ подвижнаго состава.

Изъ всего сказаннаго читатель видитъ, что обѣ системы по-

стройки дорогъ какъ на счетъ казны, такъ и при посредствѣ частнаго общества оказались далеко неудовлетворительны и обошлись весьма дорого. Стало быть корень зла лежалъ не въ той или другой системѣ постройки, а совершенно въ другихъ условіяхъ, которыя и слѣдовало поэтому подвергнуть тщательному и всестороннему изслѣдованію прежде нежели окончательно усвоить одну изъ нихъ. Такое изслѣдованіе указало бы какъ достоинства, такъ и недостатки обѣихъ системъ и дало бы средства устранить послѣдніе въ той и другой. Затѣмъ такое изслѣдованіе привело бы необходимо къ опредѣленію дѣйствительнаго значенія желѣзныхъ дорогъ въ народномъ хозяйствѣ и слѣдовательно къ опредѣленію того отношенія, въ которомъ должно находиться правительство, какъ главный организаторъ этого хозяйства, къ желѣзнодорожному дѣлу. Въ этомъ случаѣ монопольный характеръ этого дѣла, безусловная необходимость быстраго и наиболѣе дешеваго способа передвиженія, какъ одного изъ главныхъ средствъ развитія промышленности, постоянное возрастаніе движенія по дорогамъ и потому прогрессивное увеличеніе ихъ доходности въ особенности съ развитіемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, не могли бы ускользнуть отъ вниманія добросовѣстныхъ изслѣдователей и поэтому должны были бы необходимо привести ихъ къ заключенію, что такое право ни въ какомъ случаѣ не могло быть предоставлено частнымъ обществамъ на долгій періодъ времени, въ виду необходимости основывать всѣ разсчеты только на условіяхъ настоящаго времени и полной невозможности предусмотрѣть доходность дорогъ въ отдаленномъ будущемъ. Въ виду этихъ соображеній, результатъ изслѣдованія привелъ бы къ устраненію изъ системы казенной постройки тѣхъ безпорядковъ и злоупотребленій, которые возвышали ея стоимость. Другимъ послѣдствіемъ такого изслѣдованія были бы нѣкоторыя замедленія въ постройкѣ дорогъ, что дало бы возможность правильнѣе разрѣшить направленіе главныхъ магистральныхъ линій, опредѣляющихъ дальнѣйшее развитіе желѣзнодорожной сѣти и вмѣстѣ съ тѣмъ не только не отвлекло бы внутреннихъ капиталовъ отъ параллельнаго съ улучшеніемъ путей развитія производительной промышленности, но направило бы туда-жъ и ту часть заграничныхъ капиталовъ, которые нашли помѣщеніе въ нашихъ бумагахъ. Но ничего подобнаго, какъ мы видимъ, у насъ не случилось. Заграничные капиталы, устремившіеся на нашъ рынокъ съ 1866 года, вслѣдствіи выпуска выигрышныхъ займовъ, заклад-

ныхъ листовъ поземельнаго кредита, акцій желѣзнодорожныхъ и банковыхъ обществъ и наконецъ консолидированныхъ облигацій, вовсе не шли на усиленіе нашего производства, а затрачивались исключительно на устройство перевозочныхъ средствъ и на биржевую спекуляцію. Мало того, даже выкупныя бумаги, которыя были выданы помѣщикамъ за отведенныя крестьянамъ земли, поступили не на образованіе оборотныхъ капиталовъ въ ихъ имѣніяхъ, а на уплату ихъ долговъ, или очутились въ рукахъ желѣзнодорожныхъ дѣятелей, получавшихъ ихъ за извѣстный процентъ для представленія залогами по своимъ обязательствамъ съ казною. Такимъ образомъ мы имѣемъ значительныя средства для развитія производства, желѣзныя дороги и кредитныя учрежденія, но не имѣемъ самаго производства въ размѣрахъ, достаточныхъ чтобы дать работу желѣзнымъ дорогамъ, а слѣдовательно и цѣнностей, дѣйствительный обмѣнъ которыхъ могъ бы создать твердую почву для банковой дѣятельности. Понятно, что при такомъ положеніи дороги остаются бездоходными, а банки производятъ рискованныя операціи, опираясь на фиктивныя цѣнности. Такой порядокъ вещей, конечно, не могъ бы долго держаться, если бы желѣзныя дороги не пользовались содѣйствіемъ правительства, а частные банки содѣйствіемъ государственнаго, опирающагося на выпуски неразмѣнныхъ бумажныхъ денегъ. Къ чему все это приведетъ, — покажетъ будущее.

Мы сдѣлали это небольшое отступленіе отъ изложенія исторіи нашего желѣзнодорожнаго дѣла съ цѣлью, во-первыхъ, уяснить читателю нашъ взглядъ на направленіе этого дѣла, котораго слѣдовало бы держаться для правильнаго удовлетворенія потребностей общественнаго организма, и во-вторыхъ, указать тѣ послѣдствія, которыя возникли вслѣдствіе уклоненія отъ элементарныхъ правилъ общественной гигіены. Теперь же будемъ продолжать изложеніе фактической стороны дѣла.

Мы не будемъ говорить о дорогахъ, построенныхъ въ то же время въ привислянскихъ губерніяхъ, такъ какъ онѣ не имѣли существеннаго вліянія на положеніе нашей внутренней торговли. Но не можемъ не упомянуть объ одномъ фактѣ, совершившемся также на нашей западной окраинѣ. Мы говоримъ о постройкѣ Риго-Динабургской линіи. Выдача главному обществу концессіи на постройку желѣзной дороги отъ Орла или Курска до Либавы не могла не возбудить въ рижскомъ обществѣ значительныхъ и не безосновательныхъ опасеній относительно будущности города

Риги и возможной впослѣдствіи конкуренціи города Либавы, портъ котораго, открытый почти въ теченіи всего года, при соединеніи съ внутренними губерніями Россіи, могъ привлечь къ себѣ значительную долю рижской торговли. Чтобъ парализовать планъ правительства покрайней мѣрѣ на первое время, оставалось построить дорогу, которая укорачивала бы значительно линію, проектированную правительствомъ для соединенія внутреннихъ губерній съ Балтійскимъ моремъ. Въ виду недостаточности средствъ для осуществленія необходимыхъ въ Россіи путей расчетъ былъ сдѣланъ вѣрно. Трудно было предположить, чтобы правительство рѣшилось, въ близкомъ будущемъ, строить лишнихъ четыреста верстъ дороги, когда цѣль соединенія внутреннихъ губерній съ Балтійскимъ моремъ достигается направленіемъ дороги изъ внутреннихъ губерній къ оконечному пункту дороги идущей отъ Риги. Этимъ пунктомъ избранъ былъ Динабургъ, лежащій на линіи Варшавской дороги. Такимъ образомъ желѣзный путь изъ внутреннихъ губерній не могъ миновать города Риги, и конкуренція устранялась. Если бы даже впослѣдствіи (какъ это дѣйствительно и было) дорога въ Либаву и была выстроена, то конкуренція для города Риги была не страшна. Она имѣетъ за себя и краткость пути и давность торговли, а разъ установившаяся практика рутинна по преимуществу и способна удержаться долго въ силу инерціи.

Въ виду этихъ соображеній необходимо было парализовать правительственный проектъ, тѣмъ болѣе, что къ выполненію его не предполагалось приступить немедленно, а лишь по окончаніи первыхъ трехъ линій. Стало быть времени было достаточно. Тѣмъ не менѣе рижскій биржевой комитетъ, до этого времени никогда не думавшій о соединеніи Динабурга съ Ригою рельсовымъ путемъ, тотчасъ же взялся за агитацію этого вопроса и дѣйствовалъ на столько энергично, что не далѣе какъ черезъ годъ со дня утвержденія устава главнаго общества, а именно 23 января 1858 года, былъ утвержденъ уставъ общества Риго-Динабургской желѣзной дороги [1]), такъ какъ главное общество не пожелало оставить за собою постройки этой линіи, не усматривая вѣроятно особыхъ при этомъ выгодъ. Дѣйствительно дорога эта могла имѣть только одно значеніе, именно помѣшать будущему осуществленію проекта соединенія Балтійскаго моря съ внутренними

[1]) Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ 1867 года (стр. 107).

губерніями помимо города Риги. Мы утверждаемъ это на томъ основаніи, что въ виду дѣйствительныхъ интересовъ того времени, гораздо было выгоднѣе вести дорогу на Псковъ или Островъ, такъ какъ это направленіе значительно сокращало бы путь къ Петербургу, проходило бы по мѣстности, въ которой особенно развито производство льна, и за тѣмъ составляло бы начало линіи, имѣющей громадную будущность при соединеніи съ Рыбинско-Бологовской дорогой, о которой въ то время не только говорили, но производились даже изысканія и въ этихъ изысканіяхъ принимали участіе лица, имѣвшія, какъ намъ извѣстно, не малую долю вліянія на осуществленіе проекта Риго-динабургской дороги. Перевѣшивать эти интересы могло только желаніе перехватить одинъ изъ пунктовъ будущаго направленія Орлово-Либавской линіи и упразднить или отсрочить необходимость продолженія ея къ западу отъ Варшавской линіи.

Первоначальный капиталъ Риго-Динабургской линіи опредѣленъ въ 10,200,000 рублей акціонернаго капитала, на который обществу дана гарантія въ 4½% чистаго дохода. Но дѣйствительная ея стоимость обошлась въ 10,926,629 руб. или 53,562 руб. на версту [1]). Дорога открыта 12 сентября 1861 года.

Мы приводимъ этотъ фактъ на томъ основаніи, что онъ указываетъ ясно, какъ шатки были въ то время воззрѣнія на важность и значеніе разъ избранныхъ и утвержденныхъ магистральныхъ линій. Достаточно было мѣстному интересу города Риги столкнуться съ проектомъ, выработаннымъ въ видахъ общаго государственнаго интереса, и послѣдній уступилъ первому. Если же интересъ города Риги совпадалъ съ общегосударственнымъ интересомъ, то мы позволимъ себѣ спросить, почему же онъ не былъ принятъ въ соображеніе при утвержденіи устава главнаго общества и почему восточная магистральная линія, утвержденная этимъ уставомъ, направлена на Либаву, а не на Ригу? Отсюда слѣдуетъ, что твердаго основанія при начертаніи главной сѣти не было. Это колебаніе проходитъ чрезъ всю исторію развитія нашего желѣзнодорожнаго дѣла, а утвержденіе Риго-динабургской линіи представляетъ только первый примѣръ такого колебанія. Впослѣдствіи три раза утверждалась сѣть самонужнѣйшихъ линій и ни одна изъ нихъ не была выполнена въ точности. Напротивъ того, дороги, не

---

[1]) Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ 1867 года (стр. 109).

входившія въ сѣть, строились вслѣдствіе особыхъ распоряженій, между тѣмъ, какъ сооруженіе признанныхъ самонужнѣйшими отсрочивалось, а затѣмъ, при утвержденіи новой сѣти, вовсе изъ нея исключалось,—такъ что существующая сѣть нашихъ дорогъ представляетъ послѣдствіе случайныхъ распоряженій, а вовсе не есть исполненіе строго обдуманнаго плана. Все это мы увидимъ ниже, — но теперь позволимъ себѣ поставить вопросъ: какое значеніе имѣла бы Риго-динабургская дорога, еслибы Главное общество оказалось состоятельнымъ и построило бы путь разрѣшенный ему концессіей отъ Орла до Либавы, оставивъ въ сторонѣ и Динабургъ и Ригу? Очевидно, что правительство стало бы платить гарантію дохода по такой дорогѣ, которая, конечно, не покрывала бы расходовъ эксплуатаціи, такъ какъ Динабургъ, не соединенный съ хлѣбородными губерніями, вовсе не представляетъ такого пункта, который могъ бы обезпечить достаточное движеніе по дорогѣ. Поэтому утвержденіе проекта на постройку этой дороги можно объяснить только тѣмъ вниманіемъ, которымъ пользуются у насъ всѣ интересы этого края. Во всякомъ случаѣ, оно представляется преждевременнымъ, такъ какъ въ то время нельзя было еще предполагать несостоятельности Главнаго общества.

Эта несостоятельность однакожъ совершилась, а вмѣстѣ съ нею предположеніе объ устройствѣ Либавской дороги было отсрочено надолго. При нынѣшнемъ же ея осуществленіи она не можетъ вредить торговлѣ города Риги. Риго-динабургская линія имѣетъ полную возможность получать грузы прямо съ Динабурго-витебской дороги, тогда какъ Либавская получаетъ черезъ Варшавскую, и Либавскій портъ далеко не приведенъ въ то положеніе, до котораго предполагалось его довести, если бы Главное общество устроило прямой путь отъ Орла или Курска и при которомъ онъ могъ бы конкурировать съ Рижскимъ или Кенигсбергскимъ. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, Либавская дорога представляетъ теперь постоянный дефицитъ по эксплуатаціи и затраченный на ея постройку капиталъ пропадаетъ безслѣдно.

Хотя положительная несостоятельность Главнаго общества оказалась только въ 1861 году, но уже и въ 1859 году можно было видѣть, что дѣло это не можетъ кончиться ни чѣмъ инымъ. Въ особенности это можно было замѣтить по тѣмъ жалобамъ, которыя возбудило меньшинство акціонеровъ въ общемъ собраніи 1859 года. Если бы на эти предметы было обращено должное вниманіе, то конечно пересмотръ устава совершился бы ранѣе и,

Главное общество было бы освобождено также ранѣе отъ постройки новыхъ линій и правительство было бы свободно предоставить южную линію въ другія руки. Но такъ какъ эта линія была въ рукахъ этого общества, то образовавшееся въ 1859 году Русское общество обратило вниманіе на юго-восточную линію для соединенія Москвы съ Саратовомъ. По утвержденному 17 іюля 1859 года уставу, учредители общества обязывались въ теченіе 6 лѣтъ построить дорогу черезъ Коломну, Рязань и Моршанскъ съ вѣтвями ко всѣмъ судоходнымъ рѣкамъ, которыя она будетъ пересѣкать, а также къ Волгѣ и Николаевской дорогѣ, съ правомъ владѣнія этой дорогою въ продолженіе 80 лѣтъ со дня окончанія опредѣленнаго на постройку срока. Основной капиталъ общества опредѣленъ въ 45 мил. рублей, долженствовавшихъ образоваться посредствомъ выпуска акцій. Правительство гарантировало $4\frac{1}{2}$% чистаго дохода, включая сюда и погашеніе, но не свыше какъ на 62,000 руб. съ версты дѣйствительнаго протяженія главной линіи и съ тѣмъ, чтобы сумма гарантированнаго дохода не превышала 2.025,000 руб.

Такія условія могли быть дѣйствительны для Риго-динабургской линіи, которая на всемъ протяженіи идетъ долиной рѣки Западной Двины, слѣдовательно постройка ея не могла обойтись дорого и предпринималась Рижскимъ биржевымъ купечествомъ въ видахъ самосохраненія; сверхъ того капиталъ въ остзейскихъ провинціяхъ всегда можно было имѣть дешевле, нежели на нашемъ внутреннемъ рынкѣ. Ничего подобнаго у насъ не было и понятно, что общество, выпустивъ 100,000 акцій по 100 руб., на томъ и остановилось, такъ какъ значительное количество акцій не были оплачены послѣдующими взносами. Дальнѣйшій выпускъ акцій былъ невозможенъ и общество по истеченіи трехъ лѣтъ, т. е. 20 іюля 1862 года, было въ состояніи открыть для движенія только участокъ въ 117 верстъ отъ Москвы до Коломны. Въ виду такого положенія, общество обратилось еще прежде съ ходатайствомъ объ увеличеніи какъ срока постройки, такъ и гарантіи чистаго дохода, вслѣдствіе чего 20 апрѣля 1862 года Высочайше утверждено измѣненіе устава, по которому гарантія увеличена до 5% на ту же поверстную стоимость 62,000 руб., а срокъ окончанія постройки продолженъ до 1868 года. Но и эти условія не представили возможности собрать весь основной капиталъ, необходимый для окончанія всей линіи, и въ концѣ того же 1862 года общество обратилось съ ходатайствомъ къ

правительству о дозволеніи ограничиться постройкою дороги отъ Москвы до Рязани. Новый уставъ утвержденъ 8 января 1863 г., по которому общество приняло наименованіе Общества Московско-рязанской желѣзной дороги. Основной его капиталъ опредѣленъ въ 15 мил. руб., образуемый 10 т. акцій, по 100 рублей каждая, и выпускомъ облигацій на остальную сумму. Что же касается гарантіи, то таковая назначена въ томъ же размѣрѣ 5% на капиталъ въ 62,000 руб. на версту, а на 196 верстъ длины дороги, на сумму въ 12.152,000 рублей. Облигаціи общества на 5 мил. металлическихъ руб. выпущены въ прусскихъ талерахъ, по 200 тал. каждая, и дорога открыта для движенія 26 августа 1864 года. Такимъ образомъ, переводя металлическіе рубли въ кредитные по 20%, стоимость Рязанской дороги обошлась въ 16 мил. руб. или 81,632 руб. кредит. на версту. Такая громадная стоимость сооруженія дороги въ сравненіи съ стоимостію Риго-динабургской дороги объясняется новизною дѣла, продолжительностію ея сооруженія и быть можетъ дороговизною реализаціи облигаціоннаго капитала, такъ какъ это былъ первый примѣръ реализаціи облигацій русскаго акціонернаго общества за границею. Хотя этому обществу и дарована была гарантія правительства, но однакожъ не на весь его капиталъ, а лишь на три его четверти. Несмотря однакожъ на всѣ неудачи и промахи перваго русскаго желѣзнодорожнаго общества, вслѣдствіе которыхъ рушились блестящія надежды на устройство юго-восточнаго пути къ низовьямъ Волги, нельзя не замѣтить, что оно выполнило свою задачу болѣе удовлетворительно, нежели Главное общество, которое построило свои дороги гораздо дороже и съ большими пособіями правительства.

Тѣмъ не менѣе, намъ кажется, что выдача концессіи на постройку этой дороги была важною ошибкою, которая дала неправильное направленіе развитію нашей желѣзнодорожной сѣти. Въ настоящее время, мы имѣемъ двѣ дороги по направленію отъ Москвы къ Ростову и Таганрогу. Но если бы дорога была проведена по среднему, между этими двумя линіями, направленію, соединялась вѣтвями съ губернскими городами и раздваивалась бы только въ какихъ нибудь ста верстахъ отъ конечныхъ пунктовъ Ростова и Таганрога, то во первыхъ эта линія была бы короче линіи Москва—Ростовъ покрайней мѣрѣ на сто верстъ, а Москва—Таганрогъ гораздо болѣе; вовторыхъ не было бы надобности строить двухъ дорогъ, а потребность передвиженія была бы удовлетворена вполнѣ вѣтвями, протяженіе которыхъ вмѣстѣ

взятое не превысило бы той разницы, на которую главная линія была бы короче; въ третьихъ, общая сумма валоваго сбора, доставляемаго обѣими линіями, сосредоточилась бы на одной линіи и правительство давно бы перестало доплачивать гарантію чистаго дохода и давно уже получало бы исправные проценты съ облигаціоннаго капитала, выданнаго обществамъ; наконецъ, въ четвертыхъ, самая главная выгода состоитъ въ томъ, что промышленность не переплачивала бы лишняго за провозъ товаровъ вслѣдствіе удлинненія главныхъ путей,—а это удешевленіе провоза въ свою очередь имѣло бы большое вліяніе на увеличеніе движенія. Такой результатъ былъ бы необходимымъ слѣдствіемъ, еслибъ въ 1859 году не поспѣшили выдать концессію на постройку Московско-Саратовской дороги.

Мы позволимъ себѣ обратить вниманіе читателей на то обстоятельство, что даже и въ 1859 году можно было ожидать несостоятельности главнаго общества, и слѣдовательно требовать отъ него или положительныхъ доказательствъ, что оно будетъ въ состояніи устроить южную дорогу, или прямаго отказа отъ устройства линіи. Въ послѣднемъ случаѣ, правительство могло свободно предоставить постройку этой линіи каждому. Но обществу капиталистовъ, предположившихъ строить Саратовскую дорогу, конечно, было гораздо выгоднѣе строить южную линію, такъ какъ потребность въ этомъ пути была гораздо болѣе настоятельна въ виду того движенія, которое было по этой линіи даже въ то время. Если же это общество предположило строить Саратовскую линію, то это потому только, что постройка южной линіи была предоставлена уже главному обществу. На этомъ основаніи, если бы выдача концессіи была отсрочена только до слѣдующаго года, въ видахъ уясненія вопроса на сколько будетъ состоятельно главное общество, то въ 1860 году уже не было никакого сомнѣнія въ необходимости искать новаго строителя и оставалось только оформить это право правительства особымъ соглашеніемъ съ обществомъ. Такимъ образомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго въ томъ, что отсрочка утвержденія устава Саратовской дороги навела бы прямо на мысль предложить этому обществу постройку южной линіи. Важное же значеніе этой линіи въ государственномъ и экономическомъ отношеніи позволяло предложить обществу и болѣе выгодныя условія и болѣе значительныя пособія. Намъ, можетъ быть, возразятъ, что общество Саратовской дороги едва могло дотянуть дорогу до Рязани, стало быть и на южномъ на-

правленія его ожидала та-же участь. Но подобное возраженіе вовсе не выдерживаетъ критики. Потребность юго-восточной или Саратовской дороги вовсе не на столько была настоятельна, какъ потребность южной; доказательствъ этому цѣлая масса. Прежде всего количество движенія тутъ и тамъ. Затѣмъ правительство включало южную линію въ самыя первыя предположенія сѣти дорогъ, тогда какъ Саратовская линія не вошла ни въ одно изъ нихъ, даже и тогда, когда первое общество Саратовской дороги переименовалось въ общество Московско-Рязанской. Ясно, что значеніе южной дороги, признаваемое правительствомъ, не могло быть неизвѣстно капиталистамъ, которые просили о постройкѣ юго-восточной линіи только потому, что южная уже была сдана главному обществу, наконецъ въ виду того значенія, которое придавало этой дорогѣ правительство, и въ виду тѣхъ затратъ, которыя оно само сдѣлало для осуществленія этой линіи, содѣйствіе правительства могло быть оказано въ болѣе существенной формѣ, чѣмъ для Саратовской линіи, а это содѣйствіе облегчило бы реализацію капитала на заграничныхъ биржахъ. Но особенныя выгоды первоначальной постройки южнаго направленія состояли въ томъ, что тогда дорога прошла бы по среднему направленію между двухъ нынѣ существующихъ южныхъ дорогъ и подходя вѣтвями къ губернскимъ городамъ, лежащимъ на этихъ путяхъ, захватила бы районы дѣятельности того и другаго. При этихъ условіяхъ недостатка въ средствахъ для постройки ожидать было трудно. Точно также не можетъ быть возраженіемъ противъ нашего мнѣнія значительное движеніе по Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской дорогамъ, съ одной стороны и Московско-Курской, съ другой, такъ какъ отъ замѣны этихъ двухъ линій одною движеніе на послѣдней могло только усилиться. Если бы предположеніе наше было осуществлено, то оно дало бы значительный толчекъ развитію каменноугольнаго дѣла, такъ какъ тогда дорога проходила бы по самой срединѣ каменноугольнаго бассейна и путь къ Москвѣ могъ сократиться болѣе, чѣмъ на 100 верстъ; уменьшеніе же цѣны этого продукта даже на одну копѣйку имѣетъ громадное значеніе въ развитіи производства. Еще большее значеніе имѣло бы сбереженіе капиталовъ, которое оказалось бы при постройкѣ одной линіи вмѣсто двухъ, а эти капиталы въ свою очередь могли бы идти на другія промышленныя предпріятія и создавать новые предметы перевозки, далеко нелишніе для нашихъ южныхъ дорогъ.

Но ничего подобнаго у насъ не случилось. Юго-восточное направленіе остановилось на Рязани и обратилось въ южное, проходя на Козловъ и Воронежъ и конкурируя, такимъ образомъ, съ Московско-Курской дорогой.

Послѣ несостоятельности главнаго общества и общества Саратовской дороги наше желѣзнодорожное дѣло вступаетъ въ весьма трудный періодъ. Новыя общества не образуются, а между тѣмъ живо сознается необходимость цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ и въ особенности южной дороги отъ Москвы черезъ Тулу, Орелъ, Курскъ, Харьковъ и Екатеринославль до Севастополя.

Въ виду такихъ обстоятельствъ, въ Министерствѣ Путей Сообщенія былъ составленъ первый проектъ сѣти самонужнѣйшихъ дорогъ, который и разсмотрѣнъ въ декабрѣ 1862 и въ январѣ 1863 годовъ въ совѣтѣ министровъ. По этому проекту предполагалось выстроить слѣдующія линіи:

	Вер.
1) *Южную*, какъ выше сказано отъ Москвы до Севастополя	1440
2) *Восточную* отъ Орла чрезъ Тамбовъ до Саратова	680
3) Западную отъ Орла чрезъ Смоленскъ и Витебскъ до Динабурга	945
4) Юго-западную отъ Одессы черезъ Балту, Врацлавъ, Кіевъ, Черниговъ на соединеніе съ западной линіей между Брянскомъ и Ракосовлемъ	1065
5) Юго-восточная или антрацитная отъ Екатеринослава до Грушевки	380
Всего . . .	4510

Но этимъ благимъ начинаніямъ не суждено было исполниться, также какъ и предположеніямъ въ уставѣ Главнаго общества. Изъ указанныхъ дорогъ первая осуществилась только впослѣдствіи по частямъ, окончена въ 1874 году и представляетъ значительныя уклоненія отъ прямаго пути; восточная линія была признана далеко не существенною, не была внесена впослѣдствіи ни въ одинъ изъ проектовъ сѣти желѣзныхъ дорогъ; участокъ же ея отъ Козлова до Тамбова и отъ Тамбова до Саратова былъ выстроенъ по особому ходатайству земскихъ собраній и подъ ихъ гарантіею, на что дано разрѣшеніе только въ 1868 году; третья дорога выстроена вполнѣ согласно предположенію и также частями; четвертая осуществилась только частью, и въ измѣненномъ видѣ, а пятая и вовсе не

осуществилась. Взамѣнъ изъ оставленныхъ такимъ образомъ дорогъ было разрѣшено строить нѣсколько новыхъ, вовсе не входившихъ въ число первостепенныхъ, но допущенныхъ какъ въ силу ходатайства мѣстныхъ властей южнаго края, такъ и вслѣдствіе ходатайства частныхъ лицъ о продолженіи выстроенныхъ и строющихся линій. Вслѣдствіе этого потребовалось составить новый проектъ сѣти желѣзныхъ дорогъ „наиболѣе необходимыхъ и нетерпящихъ отлагательства, на которыя, такимъ образомъ, прежде всего должны быть обращены усилія и средства государства" [1]). Проектъ этой сѣти составленъ по соглашеніи министровъ путей сообщенія и финансовъ, и по разсмотрѣніи въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ былъ Высочайше утвержденъ 23 апрѣля 1866 года. Но прежде нежели мы перейдемъ къ изложенію исторіи постройки этой сѣти, мы должны сказать нѣсколько словъ о постройкѣ тѣхъ дорогъ, которыя не были внесены въ сѣть, а выстроены по отдѣльнымъ разрѣшеніямъ.

Къ числу такихъ дорогъ относится Рязанско-Козловская желѣзная дорога, постройка которой измѣнила окончательно первоначальное направленіе юго-восточной линіи и обратила его въ южное, вслѣдствіе чего осуществленіе одной магистральной линіи по направленію къ югу съ широкимъ развѣтвленіемъ въ сторону сдѣлалось невозможнымъ. Мы уже указывали на это, говоря о постройкѣ Рязанской дороги и теперь можемъ прибавить къ этому только то, что Рязанская дорога могла еще обратиться въ юго-восточную впослѣдствіи, если бы Рязанско-Козловская дорога не была бы выстроена и не вошла бы въ районъ южной дороги; но эта постройка окончательно парализировала возможность развѣтвленія южной дороги и сдѣлалась линіей конкурирующей съ этой послѣдней. За тѣмъ она отодвинула эту линію нѣсколько на западъ, вслѣдствіе чего разстояніе между Москвою и каменноугольнымъ бассейномъ увеличилось. Повидимому главное направленіе между исходной и конечной точкой дороги должно опредѣляться прямою линіею и уклоненія отъ этой линіи могутъ быть допускаемы только вслѣдствіе естественныхъ препятствій, представляемыхъ почвою, и притомъ въ тѣхъ только случаяхъ, когда эти уклоненія при ничтожномъ удлинненіи пути представляютъ возможность значительныхъ сбереженій въ издержкахъ постройки. Но никакіе мѣстные интересы не должны отклонять глав-

---

[1]) Сборникъ свѣдѣній 1867 г., № 56.

ную магистральную линію въ сторону, такъ какъ подобное уклоненіе будетъ тяжело падать на промышленность и мѣшать ея развитію въ продолженіи долгаго времени. Мѣстные интересы никогда не должны заслонять собою интересовъ общихъ и вполнѣ удовлетворяются вѣтвью отъ главнаго пути, устройство которой не можетъ представить затрудненій.

Прежде нежели мы будемъ говорить объ условіяхъ концессіи на Рязанско-Козловскую дорогу, необходимо прослѣдить ходъ вопроса о постройкѣ линій для соединенія Москвы съ Одессой и Севастополемъ. Только тогда для читателя уяснятся причины, подъ вліяніемъ которыхъ совершился этотъ печальный эпизодъ, на цѣлыя поколѣнія отодвинувшій у насъ устройство раціональной сѣти и повлекшій за собою непроизводительныя затраты на устройство въ южномъ направленіи двухъ линій вмѣсто одной.

Еще въ апрѣлѣ 1857 года образовалась компанія учредителей при участіи торговаго дома Томсона Бонаръ и Ком. и многихъ высокопоставленныхъ русскихъ лицъ, которая просила о дозволеніи составить акціонерное общество для сооруженія желѣзной дороги отъ Одессы черезъ Балту, Брацлавъ, Кіевъ, Нѣжинъ и Кролевецъ до встрѣчи съ предположенными къ сооруженію Өеодосійскою или Либавскою дорогами и съ вѣтвью отъ Брацлава къ Бродамъ на протяженіи 1,400 верстъ. Капиталъ общества предположенъ былъ въ 92,800,000 рублей, что составляло 66,286 руб. на версту. Общество просило на 48 лѣтъ гарантію чистаго дохода въ 5½ процентовъ, а на послѣдніе 27 лѣтъ въ 4%. Въ виду тѣхъ условій, которыя были предоставлены главному обществу, общая поверстная стоимость дорогъ котораго опредѣлена въ 68,750 руб. металлическихъ, такая поверстная стоимость не могла быть названа высокою, тѣмъ болѣе, что въ этомъ предложеніи (какъ значится въ сборникѣ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ 1867 года) о металлической валютѣ вовсе не упоминается и если гарантія дохода потребована на ½% выше, то она все-таки не достигла цифры той поверстной гарантіи, которая предоставлена была Главному обществу, вслѣдствіе ея назначенія въ металлической валютѣ. Не смотря однакожъ на это повидимому болѣе выгодное предложеніе, просителямъ, по опредѣленію комитета желѣзныхъ дорогъ 31 мая 1857 года объявлено, что гарантія можетъ быть дана въ 5 процентовъ на 60 лѣтъ при поверстной стоимости въ 53,000 руб. и въ 4½% на 75 лѣтъ при поверстной стоимости въ 50,000

руб. и что во всякомъ случаѣ необходимо прежде всего произвести точныя изысканія для опредѣленія направленія и длины дороги, а также составить смѣтныя исчисленія.

Мы не имѣемъ въ виду подлиннаго опредѣленія комитета желѣзныхъ дорогъ и потому, конечно, не можемъ судить о тѣхъ мотивахъ, которые послужили основаніемъ для подобнаго отвѣта, но если необходимость соединенія Одессы съ общей предположенной сѣтью дѣйствительно сознавалась и было желательно скорѣйшее осуществленіе такого соединенія, то намъ непонятно, чѣмъ руководствовался комитетъ при назначеніи такой цѣны, за которую въ то время немыслимо было сдать постройку какой бы то ни было желѣзной дороги, въ особенности въ виду принятыхъ и утвержденныхъ условій Главнаго общества. Вѣроятнѣе всего, что предложеніе это считалось необходимымъ отклонить на томъ основаніи, чтобы не помѣшать Главному обществу дальнѣйшую реализацію акцій на заграничныхъ биржахъ и тѣмъ не затруднить постройку уже разрѣшенныхъ линій. Если такое опасеніе дѣйствительно существовало и отказъ мотивировался этимъ опасеніемъ, то послѣдствія доказали, что мѣра, принятая для содѣйствія Главному обществу, вовсе не достигла своей цѣли. Первый выпускъ акцій уже былъ помѣщенъ, а послѣдующихъ выпусковъ Главное общество все-таки сдѣлать не могло, не смотря на оказанное ему такимъ образомъ содѣйствіе. Отсюда можно вывести одно практическое правило, не лишнее для будущаго, что кредитъ общества, принявшаго на себя серьезныя обязательства, поддерживается раціональностію его распоряженій, а отнюдь не косвенными мѣрами, имѣющими въ виду освободить его отъ конкуренціи. Подобныя мѣры влекутъ за собою только пожертвованія собственными интересами, нисколько не спасая контрагентовъ отъ конкуренціи, которая все-таки является съ другой стороны, такъ какъ капиталы не остаются праздными и — изыскиваютъ для себя новыя помѣщенія. Конечно, нѣтъ никакихъ гарантій въ томъ, что общество, предложенное торговымъ домомъ Томсонъ Бонаръ, было бы болѣе состоятельно, чѣмъ Главное общество, но позволительно думать, что участіе въ нашемъ желѣзнодорожномъ дѣлѣ другой крупной компаніи не поставило бы въ необходимость спасать отъ несостоятельности Главное общество во что бы то ни стало. Къ тому же и послѣднее, имѣя въ виду, что въ Россіи дѣйствуетъ также Англійскій финансовый міръ, быть можетъ повело бы свои дѣла иначе.

Ровно черезъ, годъ т. е. 31 мая 1853 года, такой же отвѣтъ былъ данъ другой компаніи учредителей, къ которой присоединилась и прежняя. Эта компанія просила разрѣшенія на постройку дорогъ отъ Одессы до Бердичева и отъ Радзивилова черезъ Бердичевъ и Кіевъ до Курска на протяженіи 1,200 верстъ. Несостоятельность Главнаго общества въ то время еще не выяснилась, а потому и мотивы отказа, по всей вѣроятности, были тѣже.

Затѣмъ 4 декабря 1862 года представленъ былъ новый проектъ общества Одесско-Кіевской дороги. Въ число учредителей этого общества вступили нѣкоторые изъ прежней компаніи, а также представители высшей администраціи и инженернаго дѣла въ Россіи. По уставу предполагалось вести дорогу отъ Одессы на Крыжаполь до Кіева съ вѣтвью черезъ Тирасполь до Парколя на Днѣстрѣ. Отъ Крыжаполя къ Кіеву предполагалось направить дорогу не на Брацлавъ и Бѣлую Церковь, а по водораздѣлу, вслѣдствіе чего достигалась экономія въ постройкѣ на 8 мил. рублей. Длина проектированной линіи опредѣлялась въ 647 верстъ, при чемъ испрашивалось 5% гарантіи чистаго дохода на капиталъ 85,000 руб. кредитныхъ на версту. Уставъ общества на этихъ условіяхъ утвержденъ по постановленію комитета гг. министровъ 21 марта 1863 года. Между тѣмъ по ходатайству Новороссійскаго генералъ-губернатора 15 января того же 1863 года было разрѣшено начать постройку дороги отъ Одессы къ колоніи Парканы на Днѣстрѣ на счетъ казны хозяйственнымъ образомъ, поручивъ производство работъ барону Унгернъ-Штернбергу подъ надзоромъ генералъ-адъютанта Коцебу. Вслѣдствіе этого вмѣстѣ съ утвержденіемъ устава учредителямъ объявлено, что разрѣшенная постройка будетъ продолжаться и произведенныя работы, если общество состоится, будутъ ему переданы по дѣйствительной ихъ стоимости, при чемъ за участки оконченные гарантія правительства будетъ считаться не съ 85,000 руб. за версту, а съ той суммы, въ которую они обойдутся правительству.

Въ этомъ ходѣ дѣла обращаютъ на себя особенное вниманіе два обстоятельства, характеризующія тогдашніе взгляды на дѣло какъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ, такъ и въ средѣ предпринимателей. Прежде всего бросаются въ глаза два противуположныхъ теченія въ стремленіяхъ мѣстной и центральной администраціи. Проектъ устава общества былъ подписанъ многими вліятельными лицами, такъ что не довѣрять серьезности сдѣлан-

ныхъ предложеній не было основанія, и это выразилось въ его утвержденіи. Сверхъ того онъ былъ представленъ 4-го декабря 1862 года и поэтому въ виду существовавшихъ шансовъ на его утвержденіе послѣдовательность требовала отложить утвержденіе ходатайства Новороссійскаго генералъ-губернатора, по крайней мѣрѣ, до разрѣшенія вопроса объ утвержденіи устава общества, тѣмъ болѣе, что разсмотрѣніе этого устава предстояло въ ближайшемъ будущемъ. Вмѣсто того былъ избранъ путь, имѣвшій, какъ кажется, въ виду согласить желаніе мѣстной власти о немедленной постройкѣ дороги хозяйственнымъ способомъ, помимо всякаго вліянія главнаго управленія путей сообщенія, съ желаніемъ центральной администраціи вести это дѣло согласно общепринятому порядку. Само собою разумѣется, что такое стремленіе согласить совершенно два противуположныя требованія должно было потерпѣть неудачу, такъ какъ утвержденное общество не состоялось именно потому что возникло затрудненіе въ немедленной передачѣ обществу работъ произведенныхъ правительствомъ по линіи между Одессой и Парканами, что и было заявлено предсѣдателемъ временнаго правленія графомъ Барановымъ въ засѣданіи комитета желѣзныхъ дорогъ 29 апрѣля 1864 года. Хотя обязательство на передачу этихъ работъ и было обусловлено, какъ мы видѣли выше при самомъ утвержденіи устава общества, но затрудненіе дѣйствительно возникло вслѣдствіе тѣхъ порядковъ, которые были введены при производствѣ работъ, а именно онѣ производились сформированными для этой цѣли арестантскими командами изъ лицъ, содержавшихся въ арестантскихъ ротахъ гражданскаго вѣдомства. Дѣйствительно, если бы работы эти передать частному обществу, то расходы по формированію этихъ командъ, только что произведенные, были бы чистою потерею. Такимъ образомъ, разрѣшеніе на производство работъ хозяйственнымъ образомъ, котораго также настоятельно требовала мѣстная власть и тѣ порядки, которые при этомъ введены, парализовали впослѣдствіи не только возможность исполненія обязательствъ, принятыхъ комитетомъ гг. министровъ въ отношеніи учреждаемаго общества, но и помѣшали образованію самаго общества, а вслѣдствіе этого отсрочили на значительный періодъ времени постройку желѣзной дороги отъ Одессы къ Кіеву.

Другое обстоятельство, на которое мы желали указать, это та шаткость взглядовъ на значеніе денежной валюты, которая господствовала въ то время въ нашемъ обществѣ и которая до

извѣстной степени остается до сихъ поръ. Дѣло въ томъ, что предпріятіе, о которомъ мы говоримъ, представляло собою цѣнность въ 55 мил. рублей, которые могли быть реализованы только на заграничныхъ рынкахъ и подлежали затратѣ на длинный періодъ времени въ 85 лѣтъ, а между тѣмъ учредители оцѣнивали его на кредитный рубль, стоимость котораго значительно уже понизилась, и никто не могъ сказать остановится ли это пониженіе и гдѣ именно. Весьма естественно, что при дальнѣйшемъ пониженіи курса гарантированный доходъ, выдаваемый кредитными рублями, представлялъ бы собою процентъ ниже того, на что капиталисты разсчитывали при подпискѣ на акціи. Вслѣдствіе этого подписка не состоялась и временное правленіе общества ходатайствовало о дарованіи ему гарантіи въ металлической валютѣ, о чемъ и представлено прошеніе Главноуправляющему Путей Сообщенія 7 марта 1864 года. Само собою разумѣется, что такое ходатайство не встрѣтило бы затрудненій, такъ какъ подобной гарантіей пользовалось уже Главное общество, но въ виду невозможности передать обществу работы на линіи между Одессой и Парканами и заявленія предсѣдателя правленія о невозможности безъ этой передачи образовать общество, опредѣленіемъ комитета желѣзныхъ дорогъ 29 апрѣля 1864 года дѣйствіе устава общества прекращено. Вмѣстѣ съ тѣмъ, вслѣдствіе ходатайства Новороссійскаго генералъ-губернатора, предписано работы на линіи отъ Одессы къ Днѣстру вести на тѣхъ же основаніяхъ и продолжить ихъ до Балты, а по окончаніи дороги оставить этотъ путь въ вѣдѣніи правительства.

Просматривая наши замѣчанія по поводу несостоявшагося общества Одесско-Кіевской дороги, читатель можетъ замѣтить какъ бы оттѣнокъ сожалѣнія объ этой неудачѣ и на этомъ основаніи упрекнуть насъ въ противорѣчіи основнымъ нашимъ принципамъ, по которымъ мы считаемъ вреднымъ предоставленіе частнымъ обществамъ права постройки желѣзныхъ дорогъ и ихъ эксплуатаціи на продолжительные сроки. Но читатель очень ошибется, если выведетъ изъ нашихъ словъ подобное заключеніе. Въ нашихъ словахъ есть дѣйствительно сожалѣніе, но только о томъ, что тенденціи мѣстнаго управленія взяли такъ сказать верхъ надъ соображеніями центральной администраціи и такимъ образомъ средства государственнаго казначейства раздвоились. Вмѣсто того, чтобъ быть направленными исключительно на скорѣйшую постройку южной линіи отъ Москвы къ портамъ Азов-

скаго моря, часть ихъ была употреблена на постройку Одесско-Балтской и Балтско-Кременчугской дорогъ, не имѣвшихъ почти никакого значенія до устройства Балтско-Кіевской и Харьково-Кременчугской; кромѣ того съ постройкой Знаменско-Николаевской дороги значеніе Кременчугско-Балтскаго участка совершенно исчезаетъ. Такимъ образомъ наше сожалѣніе можетъ относиться лишь къ тому обстоятельству, что была сдѣлана непроизводительная затрата въ видахъ удовлетворенія мѣстныхъ интересовъ въ ущербъ обще-государственнымъ. Послѣ этой оговорки мы возвращаемся къ нашему предмету.

Въ теченіи 1864 года наше общество было сильно заинтересовано вопросомъ о направленіи южной линіи и въ печати того времени серьезно обсуждался вопросъ: должна ли идти дорога на югъ отъ Москвы, на соединеніе съ ближайшими портами Азовскаго моря, черезъ Тулу, Орелъ, Курскъ и Харьковъ, или на соединеніе съ Одессой, черезъ Калугу и Кіевъ. Вопросъ этотъ возбудилъ очень горячую полемику между газетами, и защитники послѣдняго направленія основывали свои доводы преимущественно на политическихъ и стратегическихъ соображеніяхъ. Руководствуясь недавними смутами, возникшими въ югозападномъ краѣ вмѣстѣ съ польскимъ мятежемъ, они доказывали необходимость парализовать сепаратистическія стремленія польской интеллигенціи, притянувъ матерь городовъ земли Русской къ ея центру самымъ кратчайшимъ путемъ. Противники же ихъ, не отрицая политическаго и стратегическаго значенія желѣзныхъ дорогъ, утверждали, что главное ихъ значеніе есть чисто экономическое и что только удовлетворяя прежде всего экономическимъ интересамъ, государство можетъ получить средства для дальнѣйшаго преслѣдованія своихъ политическихъ и стратегическихъ цѣлей, дѣйствуя же наоборотъ, оно рискуетъ не достигнуть ни тѣхъ, ни другихъ. Средства на постройку желѣзныхъ дорогъ, говорили они, требуются громадныя, и имѣются таковыя въ очень ограниченномъ количествѣ, а потому весь вопросъ сводится къ тому, какая линія должна строиться напередъ, а вовсе не въ томъ, нужна ли та или другая линія. Но такъ какъ насущная потребность промышленности въ данную минуту состоитъ въ томъ, чтобы сблизить производительныя губерніи, съ одной стороны, съ моремъ, а съ другой съ Москвою, какъ съ центромъ торговой и мануфактурной дѣятельности, и кратчайшій путь для этого идетъ изъ Москвы черезъ Тулу, Орелъ и Харьковъ, къ портамъ Азовскаго

моря, то слѣдуетъ отдать предпочтеніе этому направленію. По мнѣнію первыхъ, впереди должны были идти политическія требованія, по мнѣнію послѣднихъ—экономическія. Ниже мы укажемъ рѣшеніе, которое положило конецъ возникшей между газетами полемикѣ, а теперь посмотримъ, что сдѣлано было со времени несостоятельности Главнаго общества для осуществленія желѣзной дороги по южному направленію отъ Москвы, поставленному во главѣ всѣхъ при утвержденіи въ 1862 году сѣти главныхъ магистральныхъ линій.

Въ виду неуспѣха осуществленія Ѳеодосійской линіи средствами Главнаго Общества, 25 іюля 1863 года заключенъ уступочный договоръ на постройку линіи отъ Москвы до Севастополя съ вѣтвью къ антрацитовымъ копямъ съ англійскими учредителями Пальмеромъ, Фрюлингомъ и Комп. По этому договору учредители обязывались въ теченіи года составить въ Англіи общество для постройки этой дороги въ теченіи 6 лѣтъ и эксплуатаціи ея въ теченіи 99 лѣтъ со времени ея окончанія. Нарицательный капиталъ общества опредѣленъ въ $22^{1}/_{2}$ м. фунтовъ или 140,625,000 металлическихъ рублей, что составитъ по расчету 1,446 верстъ по 97,251 руб. металлическихъ за версту. На этотъ капиталъ условлена гарантія правительства по $5^{1}/_{24}$ процентовъ и погашеніе даже во время постройки дороги по мѣрѣ взноса капитала. Кромѣ этихъ и обыкновенныхъ правъ, даруемыхъ обществамъ, Московско-Севастопольскому обществу даны были слѣдующія привиллегіи: 1) Безплатный отводъ участка въ донецкомъ бассейнѣ для исключительнаго добыванія каменнаго угля и гарантія въ тѣхъ же размѣрахъ на капиталъ, который будетъ затраченъ обществомъ на устройство шахтъ и добываніе каменнаго угля и на постройку желѣзной дороги отъ Екатеринослава или другой точки дороги къ шахтамъ. 2) Безплатная уступка обществу части казенной мѣстности у Севастополя съ находящимися при ней строеніями, пристанями и магазинами подъ товарную станцію, съ распространеніемъ гарантіи правительства на капиталъ, израсходованный обществомъ на улучшеніе порта, набережныхъ, магазиновъ и проч., и 3) объявленіе мѣстности при Севастопольскомъ портѣ у оконечности желѣзной дороги вольнымъ портомъ.

Такія необычайныя привиллегіи, и такая громадность поверстной цѣны могутъ быть объяснены, съ одной стороны, тѣмъ экономическимъ значеніемъ, которое придавало правительство осуществленію этой линіи, съ другой же стороны, полнымъ отсутствіемъ

данныхъ для сужденія о количествѣ земляныхъ работъ и о дѣйствительной стоимости какъ этихъ работъ, такъ и другихъ принадлежностей дороги. Но какъ бы велика ни была поверстная стоимость сооруженія дороги, всетаки эта величина данная и точно опредѣленная, но всего удивительнѣе въ этомъ договорѣ то, что правительство рѣшалось обезпечить извѣстнымъ чистымъ доходомъ тотъ капиталъ, который будетъ употребленъ на устройство каменноугольныхъ шахтъ, желѣзной дороги къ нимъ, а также на улучшеніе порта, набережныхъ и магазиновъ, безъ ограниченія цифры этого капитала. На такіе предметы и при такихъ условіяхъ можно затратить баснословныя суммы въ видахъ сокращенія расходовъ производства, хотя бы это сокращеніе равнялось даже ничтожной долѣ процента на затраченный капиталъ.

Не смотря однакожъ на такія баснословно выгодныя условія, учредители не могли образовать общества и къ счастію Россіи принуждены были отказаться отъ исполненія договора. Какъ объяснить подобный фактъ, въ особенности въ виду тѣхъ цѣнъ, за которыя нынѣ дорога эта вполнѣ осуществилась? Намъ кажется, что въ этомъ случаѣ нежеланіе англійскихъ капиталистовъ принять участіе въ такомъ выгодномъ дѣлѣ можетъ быть объяснено причинами двойнаго рода. Прежде всего надо вспомнить, что до этого времени русскій бюджетъ представлялъ государственную тайну и государственная роспись только въ 1863 году была опубликована въ первый разъ и притомъ въ самыхъ общихъ чертахъ, такъ что даже и для русскаго читателя представлялось очень мало возможности судить о дѣйствительномъ положеніи русскихъ финансовъ, англійскій же капиталистъ не могъ объ нихъ имѣть никакого понятія. Съ другой стороны, самая громадность предоставленныхъ обществу привиллегій заставляла практическихъ людей опасаться и предполагать, нѣтъ ли въ этомъ дѣлѣ какихъ нибудь непреодолимыхъ препятствій, если Главное общество отказалось отъ постройки этой линіи, а правительство соглашается на такія обременительныя условія. Практическій умъ англичанъ не могъ допустить предположенія, что точныя изысканія по этой линіи начаты только въ этомъ году, при заключеніи же договора ихъ вовсе въ виду не имѣлось. Такое предположеніе казалось тѣмъ менѣе возможнымъ, что Главное общество, которому была предоставлена первоначально эта линія, начинало работы по этой линіи и передавало ихъ правительству вмѣстѣ съ проектами и смѣтами. Поэтому съ точки зрѣнія

практическаго человѣка необходимо было предположить особыя затрудненія въ дѣлѣ, если правительство соглашается на подобныя рискованныя условія, при которыхъ оно можетъ быть втянуто въ такіе непроизводительные расходы, которыхъ оно и не предполагаетъ. Подобная точка зрѣнія могла имѣть тѣмъ большее оправданіе, что сами учредители также не имѣли подробныхъ изысканій. Наконецъ всякое отсутствіе въ то время даже судебныхъ гарантій для затраченнаго въ Россіи капитала и обыкновенное предубѣжденіе англичанъ противъ нашихъ порядковъ могли также повліять на невозможность образованія въ Англіи общества съ такимъ значительнымъ капиталомъ. Какъ бы то ни было, но общество не состоялось, и сожалѣть объ этомъ конечно нечего.

Но еще прежде договора съ учредителями, а именно въ апрѣлѣ 1863 года, сдѣлано было распоряженіе о производствѣ изысканій между Москвою и Орломъ. По окончаніи этихъ изысканій избранное направленіе утверждено 21 мая 1864 года, а въ іюлѣ того же года приступлено къ работамъ на участкѣ между Москвою и Серпуховымъ. За уничтоженіемъ уступочнаго договора на постройку Севастопольской дороги работы велѣно продолжать. Выше мы говорили о той полемикѣ, которая возникла въ газетахъ по поводу направленія южной дороги въ теченіи 1863 года. Около этого же времени Новороссійскій генералъ-губернаторъ въ виду продолженія строившейся желѣзной дороги отъ Одессы до Балты возбудилъ вопросъ о направленіи этой линіи не на Кіевъ, а на Кременчугъ и Харьковъ. Въ то время мысль о возможности быстрой реализаціи цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ, конечно, никому не приходила въ голову и подобное измѣненіе въ направленіи южной желѣзной дороги могло оставить внѣ всякаго рельсоваго сообщенія съ одной стороны Кіевъ и Подольскую губернію, а съ другой Крымъ и Азовское побережье съ его портовыми городами. Весьма естественно, что такое мнѣніе, дошедшее до свѣдѣнія публики, возбудило еще большую полемику въ газетахъ. Аргументы противъ подобнаго предположенія были на столько сильны, что породили разномысліе въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ, которое разрѣшено однакожъ состоявшимся, 28 декабря 1864 года, рѣшеніемъ, удовлетворившимъ до извѣстной степени обѣ стороны: „южную дорогу, начатую отъ Москвы до Серпухова и отъ Одессы до Балты продолжать строить средствами казны по возможности дѣятельно съ

одной стороны отъ Серпухова черезъ Тулу, Орелъ и Курскъ до Кіева, а съ другой отъ Балты, на Кременчугъ и Харьковъ, предоставивъ дальнѣйшему соображенію изысканіе средствъ для соединенія сего послѣдняго города съ Курскомъ" (Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ 1867 года).

Такимъ образомъ вопросъ о южной желѣзной дорогѣ, признанной уже нѣсколько разъ наиболѣе необходимой, опять не былъ рѣшенъ окончательно, а раздѣленіе средствъ Государственнаго Казначейства на постройку двухъ путей, не имѣющихъ между собою связи, отсрочило на нѣсколько лѣтъ соединеніе внутреннихъ губерній Россіи съ портами Азовскаго моря и Кіева съ Одессой. Такое раздвоеніе средствъ государственнаго казначейства замедляло постройку дороги къ югу отъ Курска, мѣшало производительности капитала, употребленнаго на постройку дороги отъ Москвы до Курска и вмѣстѣ съ тѣмъ давало совершенно другое направленіе вопросу о способѣ дальнѣйшаго продолженія этой линіи; наконецъ оно было причиною совершенно непроизводительной затраты на постройку дороги отъ Балты до Кременчуга, которая въ настоящее время представляется тяжелымъ бременемъ для двухъ желѣзнодорожныхъ обществъ, [1]) между которыми она раздѣлена, такъ какъ доходы этихъ участковъ не покрываютъ расходовъ эксплуатаціи.

Не смотря однакожъ на такое категорическое рѣшеніе, исполненіе его замедлилось значительно. Много было выстроено и открыто для движенія другихъ дорогъ прежде, чѣмъ это предположеніе осуществилось. Немедленно было приступлено только къ постройкѣ дороги отъ Балты до Елизаветграда и за тѣмъ отъ Елизаветграда до ст. Крюкова, лежащаго на берегу Днѣпра противъ Кременчуга, такъ какъ это зависѣло отъ распоряженія мѣстной власти. Что же касается участка отъ Харькова до Кременчуга, то концессія на постройку его выдана три съ половиною года спустя, т. е. 24 августа 1868 года; движеніе же на немъ окончательно открыто только 15 іюня 1871 года. Обстоятельство это, вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ этотъ промежутокъ времени выстроено много такихъ дорогъ, о которыхъ и не думали въ 1864 году, прямо указываетъ, что особенной потреб-

---

[1]) Харьково-Николаевской и Одесской желѣзныхъ дорогъ, изъ которыхъ первая владѣетъ участкомъ отъ Кременчуга до Елизаветграда, а послѣдняя остальнымъ.

ности въ этой дорогѣ отнюдь не существовало. Мало этого, возникалъ даже вопросъ, доходившій до комитета желѣзныхъ дорогъ, объ относительной важности направленія дороги отъ Харькова къ Севастополю и къ Кременчугу и о замѣнѣ послѣдняго первымъ, при чемъ возникло разногласіе. Постановленіемъ большинства голосовъ 31-го мая 1868 года вопросъ этотъ разрѣшенъ въ смыслѣ одинаковой важности обѣихъ линій и предположено приступить къ постройкѣ какъ той, такъ и другой.

Въ исполненіе означеннаго выше рѣшенія совѣта министровъ 28 декабря 1864 года, въ комитетѣ министровъ 23 февраля 1865 года утверждено положеніе о постройкѣ Московско-Орловской желѣзной дороги, начальнику работъ которой предоставлено право дѣлать на мѣстѣ всѣ распоряженія по производству работъ и поставокъ и утверждать подряды до 10.000 руб., а въ крайнихъ случаяхъ даже отступать отъ утвержденныхъ проектовъ безъ ущерба однакожъ прочности сооруженій. Заказъ же рельсовъ и подвижнаго состава возложенъ на департаментъ желѣзныхъ дорогъ. Поверстная стоимость сооруженія, кромѣ расхода на рельсы и подвижной составъ, опредѣлены среднимъ числомъ въ 45.000 руб. кредитныхъ съ версты. Если изъ этой суммы сдѣлано будетъ сбереженіе заботами строителей, то предоставлено въ пользу ихъ 10% съ суммы этого сбереженія. Это послѣднее распоряженіе, въ виду трудности окончанія счетовъ по постройкѣ, повидимому до сихъ поръ еще не приведено въ исполненіе, —хотя не подлежитъ никакому сомнѣнію, что работы по первоначальной постройкѣ оказались ниже этой разцѣнки.

Между тѣмъ какъ дѣлались всѣ эти распоряженія для постройки линіи, долженствующей соединить Москву съ портами Азовскаго и Чернаго морей, одновременно, и, быть можетъ, даже вслѣдствіе медленности рѣшенія этого вопроса, возникала по частямъ новая линія, которая сдѣлалась впослѣдствіи серьезнымъ конкурентомъ дороги, предположенной строить на счетъ правительства. Мы говоримъ о линіи отъ Рязани до Ростова, первый участокъ которой Рязанско-Козловская дорога разрѣшена 12 марта 1865 г. и выстроена на протяженіи 197 верстъ съ небывалою до сихъ поръ быстротою: она открыта для движенія менѣе чѣмъ черезъ полтора года, а именно 5 сентября 1866 года. Неудачи, колебанія и споры, происходившіе по поводу направленія главной магистральной линіи къ югу отъ Москвы

замедлили на столько ея постройку, что дали возможность другому направленію пройти почти параллельно главной линіи и сдѣлаться не только линіей конкурирующей съ нею, но и получить первенствующее значеніе въ системѣ желѣзныхъ дорогъ. При такихъ обстоятельствахъ Московско-Харьково-Севастопольская линія едва ли когда нибудь будетъ имѣть возможность достигнуть такого положенія, на которое она могла бы расчитывать, еслибъ она составляла единственный путь къ югу отъ Москвы, развѣтвляясь постоянно на всемъ своемъ протяженіи. Постройка Рязанско-Козловской дороги, быть можетъ даже помимо желанія ея строителей, какъ мы сказали выше, повернула преполагавшуюся юго-восточную магистральную линію къ югу и тѣмъ опредѣлила дальнѣйшее ея направленіе и тяготѣніе отнюдь не къ низовьямъ Волги, а къ Воронежу и Ростову. На этомъ основаніи разрѣшеніе постройки дороги къ Козлову и далѣе мы считаемъ очень важной ошибкой, не смотря на то, что результаты эксплуатаціи повидимому противорѣчатъ этому мнѣнію и вполнѣ оправдываютъ постройку. Мы убѣждены въ томъ, что потребность этой мѣстности въ передвиженіи точно также была бы удовлетворена вѣтвью дороги, проходящей чрезъ Рязань и Моршанскъ. Разстояніе до Саратова сократилось бы значительно и не пришлось бы строить бездоходной линія отъ Козлова до Воронежа и Грушевки, что было уже необходимо какъ только желѣзная дорога отъ Рязани дошла до Козлова. Какъ бы то ни было, но фактъ совершился, и мы должны говорить объ условіяхъ постройки этой дороги.

Концессія была выдана статскому совѣтнику фонъ-Дервизу, бывшему директору въ правленіи Московско-Рязанской дороги. Основной капиталъ общества опредѣленъ въ 14.965,252 руб. металлическихъ, изъ которыхъ акціонерный капиталъ представлялъ собою цифру 4.886,625 руб. и облигаціонный 10.078,627 руб. Акціи были выпущены въ 100 фун. стерлинговъ, а облигаціи въ 200 прусскихъ таллеровъ. Капиталъ этотъ при длинѣ дороги въ 197 верстъ составляетъ поверстную стоимость въ 75,965 руб. 75 коп. металлическихъ, что въ переводѣ на кредитные рубли по тогдашнему курсу составляютъ 91,158 р.

Въ это самое время уже имѣлись въ виду поверстныя цѣны Рязанской, Риго-Динабургской и Динабургско-Витебской дорогъ, также какъ и цѣны, которыя предлагали предприниматели южныхъ дорогъ между Одессою и Кіевомъ, а потому цѣна

Рязанско-Козловской дороги можетъ показаться громадной даже и для того времени, не говоря уже о цѣнахъ, по которымъ строились дороги нѣсколько лѣтъ спустя. Но если мы примемъ въ соображеніе техническія условія постройки, то громадность этой цѣны поразитъ всякаго. Начать съ того, что общество въ Рязани не имѣетъ своего дебаркадера, а отправляетъ пассажировъ со станціи Московско-Рязанской дороги. За тѣмъ всѣ промежуточныя станціи деревянныя; ширина полотна дороги предположена въ одинъ путь, точно также какъ и желѣзныя части мостовъ; продольные склоны допускались въ 0,01 сажени, тогда какъ на другихъ дорогахъ они не превышали 0,008; всѣхъ мостовъ 14 и самый большій изъ нихъ черезъ рѣку Проню имѣетъ длину не болѣе 40 саж., 1 мостъ въ 25 саж., 2 моста по 20 саж., 2 по 15 саж. и 1 въ 10 саж., остальные не могутъ даже быть названы мостами, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не достигаетъ и двухъ саженъ. При этомъ надо обратить вниманіе, что мѣстность, по которой проходитъ дорога, не представляла ни малѣйшихъ затрудненій и земляныя работы въ нѣсколько большихъ размѣрахъ встрѣчаются только на первыхъ 35 верстахъ отъ Рязани, но и тутъ выемки не превышаютъ 4 саженъ; на всемъ же остальномъ протяженіи количество земляныхъ работъ ничтожно. Что же касается второй половины дороги отъ Ряжска до Козлова, то она идетъ по мѣстности, имѣющей характеръ совершенной равнины и почти безъ всякихъ земляныхъ работъ: здѣсь просто по грунту насыпанъ баластъ и положены шпалы, а вдоль дороги проведены канавки. Кромѣ того необходимо принять въ соображеніе, что и количество подвижнаго состава, которымъ была первоначально снабжена дорога, было далеко ниже другихъ дорогъ. Такъ на Нижегородской дорогѣ 1 паровозъ приходился на 4 версты, и 4 вагона всѣхъ наименованій на версту, тогда какъ на Рязанско-Козловской дорогѣ, 1 паровозъ приходился на 6 верстъ и только 3½ вагона на версту. Но если сравнить эти условія съ Варшавско-Вѣнской дорогой, то они окажутся еще болѣе поразительными. Стоимость этой дороги обошлась 55 т. рублей съ версты, а между тѣмъ количество подвижнаго состава представляется въ слѣдующемъ видѣ: 1 паровозъ приходится на 4,7 версты, и 5 вагоновъ на 1 версту дороги. При такихъ условіяхъ, основной капиталъ Рязанско-Козловской дороги представляется преувеличеннымъ чуть не вдвое. Утвержденіе этой

цѣны можетъ быть объяснено только совершеннымъ отсутствіемъ данныхъ для сужденія какъ объ условіяхъ мѣстности и количествѣ предстоящихъ работъ, такъ и о дѣйствительной стоимости желѣзнодорожныхъ принадлежностей. Нельзя конечно отвергать и того, что неудача проекта общества Севастопольской дороги вызвала такое настроеніе въ правительственныхъ сферахъ, которымъ учредитель весьма ловко воспользовался. При отсутствіи точныхъ данныхъ дѣйствительно могло казаться, что если одно общество отказывается строить дорогу за 97 т. рублей металлическихъ, а другое берется ее выстроить за 91 т. руб. кредитныхъ съ версты, то при поверхностномъ сравненіи только этихъ двухъ цифръ (а другихъ, по всему вѣроятію, въ виду не было) можно придти къ заключенію, что послѣдняя цифра нисколько не преувеличена. Конечно, придирчивый читатель скажетъ, что подобные вопросы не могутъ быть разрѣшаемы такимъ образомъ и что здѣсь необходимо прежде всего принять въ соображеніе цифру необходимаго для предпріятія капитала, такъ какъ найти 10 или 15 милліоновъ гораздо легче, чѣмъ 140 мил. и что условія мѣстности и постройки могутъ разнообразить значительно поверстную стоимость. Все это, конечно, будетъ правда, но она выразитъ только личную точку зрѣнія читателя отнюдь не обязательную для нашихъ желѣзнодорожныхъ предпринимателей.

Разсматривая поверстную стоимость Рязанско-Козловской дороги, мы можемъ положительно утверждать, безъ опасенія сдѣлать значительную ошибку, что одного облигаціоннаго капитала было достаточно для постройки этой дороги, хотя бы онъ и былъ реализованъ по невыгодному курсу, и что акціонерный капиталъ остался чистымъ барышомъ отъ этого дѣла, т. е. что взноса по акціямъ не приходилось дѣлать и что весь капиталъ, представляемый ими, не болѣе какъ фикція, которая приноситъ однакожъ далеко не призрачный доходъ.

Изъ всего сказаннаго читатель можетъ видѣть, что, не смотря на утвержденную въ 1862 году сѣть главныхъ магистральныхъ линій, наше желѣзнодорожное дѣло находилось въ шаткомъ положеніи. Изъ всѣхъ сдѣланныхъ въ томъ году предположеній вполнѣ осуществилась только одна линія, а именно отъ Орла къ Динабургу. На первый участокъ этой линіи отъ Динабурга до Витебска концессія была выдана 19 марта 1867 г. лондонскимъ банкирамъ Фрюлингу и Гешену, которые обязались обра-

зовать общество для постройки этой дороги въ Великобританіи по законамъ этой страны; въ Россіи же управленіе дѣлами по сооруженію и эксплуатаціи дороги было поручено агентству изъ трехъ директоровъ съ полномочіемъ отъ общества и съ подчиненіемъ русскимъ законамъ. Основной капиталъ общества опредѣленъ въ 16.250.000 металлическихъ рублей и долженъ былъ быть составленъ выпускомъ акцій и облигацій, что составляетъ поверстную стоимость 66.872 руб. металлическихъ или 80.246 руб. кредитныхъ по тогдашнему курсу. Хотя и эта цѣна представляется очень высокою, но она далеко ниже предыдущей, не смотря на болѣе трудныя техническія условія сооруженія. Дорога проходитъ по мѣстности гораздо болѣе перерѣзанной, не имѣющей ничего общаго съ той плоскостію, которая стелется между Ряжскомъ и Козловомъ: вмѣсто 14 мостовъ она имѣетъ 40, такъ что на Рязанско-Козловской приходится 1 мостъ на 14 верстъ, а на Динабурго-Витебской 1 на 6 верстъ, т. е. болѣе чѣмъ вдвое, и притомъ одинъ изъ нихъ въ 40 саженъ и 6 отъ 15 до 30 саженъ. Вся дорога открыта для движенія 5 октября 1866 г. Общество Динабурго-Витебской дороги было послѣднимъ, образованнымъ при содѣйствіи заграничныхъ банкировъ, если не считать въ числѣ нашихъ благодѣтелей доктора Струсберга, которому долго спустя была выдана концессія на Бресто-Граевскую дорогу, которой онъ однакожъ не строилъ, а взявъ съ нея только отступнаго $3^1/_2$ мил. рублей и предоставилъ другимъ контрагентамъ вести дѣло какъ они знаютъ, вслѣдствіе чего акціи этого общества и потеряли 77% своей номинальной стоимости. Съ этого же времени, желѣзнодорожное дѣло принимаетъ другой характеръ и на нашемъ рынкѣ является цѣлая масса предпринимателей, которыхъ прежде правительство искало, но не находило.

Интересно вглядѣться въ причины возникновенія этой предпріимчивости, и мы позволимъ себѣ остановить на нихъ вниманіе читателя. Постройка Рязанско-Козловской дороги дала, какъ намъ кажется, сильный толчекъ этому дѣлу. Прежде всего она представила наглядный примѣръ, что реализація капитала при извѣстныхъ условіяхъ возможна и для русскихъ предпринимателей, что при той поверстной стоимости, которую правительство готово гарантировать, не только можно дѣлать значительныя скидки банкирамъ съ цѣны облигацій, но можно построить дорогу на одинъ облигаціонный капиталъ и оставить за собою всѣ акціи, не внося

за нихъ ни одной копѣйки. Мы утверждаемъ это на томъ основаніи, что акцій этихъ обществъ ни во время постройки, ни послѣ, въ продажѣ вовсе не было. Затѣмъ Рязанско-Козловская дорога также наглядно доказала, что постройка желѣзныхъ дорогъ въ Россіи можетъ производиться быстро и не встрѣчаетъ затрудненій; наконецъ, она показала, что желѣзная дорога, входящая въ нашу черноземную полосу, получаетъ разомъ достаточное количество грузовъ и развиваетъ значительно движеніе ихъ на той дорогѣ, продолженіемъ которой она служитъ (примѣръ Московско-Рязанской дороги, доходы которой сильно возросли и акціи поднялись именно съ открытіемъ движенія по Рязанско-Козловской дорогѣ). Такимъ образомъ постройка этой дороги съ одной стороны указала экономическое значеніе русскихъ желѣзныхъ дорогъ, опровергнувъ, положительно установившееся на европейскомъ денежномъ рынкѣ со времени несостоятельности главнаго общества мнѣніе о ихъ невыгодности; съ другой же, представила до очевидности наглядный примѣръ, во что обходится постройка дорогъ при умѣньѣ распорядиться и какія выгоды можетъ получить строитель, когда дѣйствительная стоимость сооруженія остается неизвѣстною. Слѣдствіемъ успѣшнаго и быстраго сооруженія этой дороги явилась цѣлая масса предложеній со стороны разныхъ предпринимателей, осаждавшихъ правительство предложеніями о разрѣшеніи изысканій и постройки дорогъ по всѣмъ направленіямъ. Кому только не приходило въ голову сдѣлаться желѣзнодорожнымъ строителемъ? Этого общаго увлеченія не избѣгли даже земскія учрежденія, и представители ихъ, пользуясь тѣмъ авторитетомъ, который придавало имъ ихъ избраніе и ссылаясь на желаніе и ручательство своихъ довѣрителей, конкуррировали съ различными предпринимателями, желая заручиться правомъ на устройство желѣзной дороги. Нѣкоторыя изъ земствъ даже успѣли получить это право, но, какъ доказали послѣдующія событія, особыхъ выгодъ собственно для земства изъ этого не произошло, хотя участіе это и не осталось безъ послѣдствій для лицъ, дѣйствовавшихъ отъ имени земства. Такія печальныя явленія, характеризующія состояніе нашего общества, говорятъ сами за себя и не требуютъ поясненій для мыслящаго человѣка; но мы опасаемся, чтобы насъ не обвинили въ голословности утвержденія, что постройка желѣзныхъ дорогъ приноситъ такія баснословныя выгоды. Поэтому мы не считаемъ лишнимъ сдѣлать сравненіе разцѣнки Рязанско-Козловской дороги съ Привислянской линіей. Мы пользуемся для этого той

разцѣнкой, которая публикована въ Сборникѣ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ 1867 года, и разцѣночной вѣдомостью, предъявленной при подпискѣ на акціи Привислянской дороги. Изъ этой послѣдней мы беремъ цѣны за работы и поставки на металлическіе рубли и расчитываемъ ихъ на число верстъ Рязанско-Козловской дороги и количество подвижнаго состава, которымъ эта дорога была снабжена первоначально. Мы думаемъ, что цѣны съ 1863 года по 1874 могли только повыситься и что цѣна желѣзныхъ рельсовъ, принятая въ разцѣночной вѣдомости въ 145 коп. метал., была не выше въ 1865 г. Что касается количества земляныхъ работъ, то, въ виду совершенно ровной плоскости, по которой проходитъ дорога отъ Козлова до Ряжска, это количество можетъ быть гораздо ниже, но ни въ какомъ случаѣ не выше, чѣмъ на Привислянской желѣзной дорогѣ, а потому мы предположили для Рязанско-Козловской дороги тоже самое количество, т. е. 2,302 куб. саж. на версту. Судя же по суммѣ, которая значится въ разцѣнкѣ этой дороги, слѣдовало бы предположить, что на ней число кубичес. саженъ земляныхъ работъ доходило до 7,783 на версту, если только принять тѣ же цѣны, которыя предположены съ разцѣночной вѣдомости Привислянской дороги, чему, конечно, не повѣритъ ни одинъ техникъ.

	Во что обошлись работы и поставки по Рязанско-Козловской дорогѣ.	Что они дѣйствительно могли стоить по цѣнамъ Привислянской дороги.
1. Изысканія	60,000 р.	19,700 р.
2. Отчужденіе земель. .	461,000 „	140,700 „ [1])
3. Земляныя работы . .	2.513,300 „	766,921 „ [2])
4. Укрѣпленіе откосовъ и огражденіе земель.. .	305,000 „	82,543 „
5. Мосты, трубы, переѣздные мосты	1.587,180 „	512,973 „
6. Переѣзды въ уровнѣ пути.	135,000 „	15,620 „
7. Баластный матеріалъ .	739,045 „	278,755 „

[1]) Мы принимаемъ по 6 десятинъ на версту, по 15 десятинъ подъ второклассныя станціи и по 5 десятинъ подъ трехклассныя. Цѣна за землю подъ дорогу по 100 и подъ станціи по 300 руб.
[2]) По 2,302 куб. саж. на версту и по 1 р. 60 к. метал. за кубикъ.

	Во что обошлись работы и поставки по Рязанско - Козловской дорогѣ.	Что они дѣйствительно могли стоить по цѣнамъ Привислянской дороги.	
8. Матеріалы верхняго деревяннаго строенія . .	296,392 „	154,251 „	
9. Поставка рельсовъ и скрѣпленій	1.715,415 „	1.578,955 „	
10. Стрѣлки, крестовины, поворотные круги, передвижныя телѣжки и проч.	156,000 „	89,044 „	
11. Укладка верхняго строенія и рельсовъ. . .	150,579 „	112,141 „	
12. Станціи, пассажирскіе дома, паровозные и вагонные сараи и другія станціонныя зданія .	1.162,120 „	449,620 „	[1])
13. Водоснабженіе станцій	230,000 „	65,096 „	[2])
14. Сторожевые дома, будки, казармы . . .	240,000 „	73,632 „	
15. Верстовые и указательные столбы	4,900 „	1,970 „	
16. Электрическій телеграфъ	71,500 „	34,475 „	
17. Подвижной составъ .	2.174,110 „	1.896,520 „	
18. Оборудованіе мастерскихъ	65,000 „	65,000 „	[3])
19. Управленіе работами и содержаніе центральнаго управленія	835,000 „	436,085 „	[4])
20. Проценты за время постройки	718,000 „	718,000 „	
21. Проценты на залоги .	90,000 „	90,000 „	
22. Печатаніе акцій и облигацій	9,750 „	9,750 „	

[1]) По этой статьѣ мы взяли расходы на Привислянской дорогѣ пропорціонально количеству верстъ Рязанско-Козловской линіи.

[2]) Тоже.

[3]) Для этой статьи мы приняли цифру, показанную въ разцѣнкѣ Рязанско-Козловской дороги, такъ какъ подобный расходъ не зависитъ отъ длины дороги.

[4]) Для этой статьи мы взяли изъ цифры расхода Привислянской дороги сумму пропорціонально времени, употребленному на постройку Рязанско-Козловской дороги.

	Во что обошлись работы и поставки по Рязанско - Козловской дорогѣ.	Что они дѣйствительно могли стоить по цѣнамъ Привислянской дороги.
23. Коммиссія по уплатѣ % по облигаціямъ . .	5,062 „	5,062 „
24. Проценты и прибыль курса контрагенту . .	280,159 „	280,000 „
Итого . .	14.004,962 р.	7.786,942 р.

Въ разцѣнкѣ стоимости сооруженія Рязанско-Козловской дороги, напечатанной въ Сборникѣ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ, не показано, на какую валюту она сдѣлана. Но такъ какъ сюда не вошла стоимость реализаціи капитала, то мы и предполагаемъ, что она сдѣлана на кредитный рубль, иначе былъ бы дефицитъ. Свѣдѣній о судьбѣ остальной части капитала общества мы въ виду не имѣемъ. Замѣчательно, что въ Сборникѣ желѣзныхъ дорогъ за 1868 и 1869 годы реализація облигацій этого общества показана по 82%; слѣдовательно по реализаціи облигаціоннаго капитала должно было поступить 8.856,000 талеровъ, или 8.260,876 р. металлическихъ. А такъ какъ цифры втораго столбца нашей таблицы показаны, согласно разцѣнкѣ Привислянской дороги, въ металлическихъ рубляхъ, за исключеніемъ лишь цифръ, перенесенныхъ нами въ полной цифрѣ изъ разцѣнки Рязанско-Козловской, значащихся въ нашей вѣдомости подъ №№ 18, 20, 21, 22, 23 и 24, то общую сумму этихъ статей слѣдуетъ уменьшить на 20% по тогдашнему курсу. Поэтому общій итогъ по второму столбцу долженъ уменьшиться на сумму 233,562 руб. и представить цифру въ 7.553,380 руб., которая и выразитъ собою дѣйствительную стоимость сооруженія Рязанско-Козловской дороги по цѣнамъ, принятымъ для сооруженія Привислянской. А такъ какъ эта цифра на 707,496 руб. менѣе чѣмъ капиталъ, вырученный по реализаціи однѣхъ облигацій, и этой суммы съ избыткомъ достаточно для оборотнаго капитала, то мы имѣли полное право сказать, что никакого денежнаго взноса по акціямъ для сооруженія дороги не требовалось и что онѣ достались учредителю общества въ видѣ чистаго барыша.

При этомъ, мы должны обратить вниманіе читателя еще на два обстоятельства. Во-первыхъ, что земляныя работы и искусственныя сооруженія приняты нами согласно ихъ поверстной стоимости на Привислянской дорогѣ, тогда какъ на Рязанско-Р

ловской условія мѣстности гораздо болѣе благопріятны и слѣдовательно должны были обойтись дешевле. Во-вторыхъ, что цѣны на сооруженіе Привислянской дороги далеко выше дѣйствительной ихъ стоимости. Въ доказательство этого напомнимъ читателю ту борьбу, которая возникла при подпискѣ на акціи, и тѣ громадные расходы, которые должны были сдѣлать предприниматели, чтобъ удержать за собою постройку этой линіи. Само собою разумѣется, что эти расходы должны были упасть также на стоимость сооруженія и быть покрыты изъ барышей по постройкѣ. Мы не будемъ утомлять вниманіе читателя подробнымъ вычисленіемъ этихъ барышей, но не можемъ не замѣтить, что при внимательномъ изученіи разцѣночной вѣдомости Привислянской дороги, она представляетъ на нашъ взглядъ увеличеніе до $2^1/_2$ мил. рублей или болѣе 5,000 руб. на версту противъ дѣйствительной стоимости. Только этимъ увеличеніемъ и возможно объяснить борьбу, которая возникла при подпискѣ на акціи. Вслѣдствіе этого, дѣйствительная стоимость постройки Рязанско-Козловской дороги безъ значительной ошибки можетъ быть уменьшена еще на милліонъ рублей, что вмѣстѣ съ суммой, показаной по разцѣнкѣ въ пользу контрагента 280,000 руб., составитъ 1.280,000 руб. барыша изъ суммы, вырученной по реализаціи облигацій, независимо отъ акціонернаго капитала. Такимъ образомъ за исключеніемъ этой суммы изъ опредѣленной нами выше и съ прибавленіемъ къ ней стоимости реализаціи (7.553,380—1.280,000+1.813,463) получимъ полную стоимость 8.086,743 рубля или 41,050 руб. на версту.

Мы нарочно остановились такъ долго на стоимости сооруженія Рязанско-Козловской дороги, чтобы впослѣдствіи не возвращаться къ этому вопросу на другихъ дорогахъ. Изъ этого изслѣдованія мы можемъ также вывести, что самая большая часть издержекъ постройки одинакова на всѣхъ дорогахъ и что разница обусловливается количествомъ земляныхъ работъ и искусственныхъ сооруженій и разницею въ стоимости лѣсныхъ матеріаловъ. По цифрамъ, приведеннымъ во второмъ столбцѣ нашей вѣдомости, эти расходы составляютъ около 20% и только эта часть строительнаго капитала можетъ представлять сколько нибудь значительное колебаніе. Вся же остальная необходимая сумма, или $^4/_5$ стоимости постройки колеблется въ ничтожныхъ предѣлахъ и можетъ быть опредѣлена приблизительно вѣрно по числу верстъ протяженія дороги и количеству назначаемаго для нея подвиж-

наго состава. Исчисленіе стоимости сооруженія въ настоящее время облегчается кромѣ того существованіемъ биржевыхъ цѣнъ на всѣ необходимые предметы. Количество фабрикъ и заводовъ въ Европѣ, работающихъ для желѣзныхъ дорогъ, такъ велико и конкуренція между ними такъ значительна, что можно получить предложенія и заключить договоры на поставку всѣхъ принадлежностей дороги на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, даже не выходя изъ кабинета. Точно также легко сдать съ подряда производство земляныхъ работъ и станціонныхъ сооруженій, для которыхъ имѣются вполнѣ выработанные типы. Если и представляется нѣкоторое затрудненіе, то это только по части значительныхъ мостовыхъ сооруженій; для менѣе же значительныхъ также выработаны вполнѣ извѣстные типы. Стало быть постройка дорогъ и контроль за этой постройкой облегчены въ настоящее время до крайнихъ предѣловъ, а потому теперь нѣтъ никакой надобности искать такихъ благодѣтелей рода человѣческаго, какъ строитель Рязанско-Козловской линіи, оцѣнивающихъ слишкомъ дорого свои услуги государству. На этомъ основаніи мы считаемъ совершенно ошибочнымъ мнѣніе, что для правительства невозможно строить дороги простымъ подряднымъ способомъ. Только люди, не желающіе выпустить изъ рукъ средства для наживы, могутъ поддерживать это мнѣніе, вопреки полной очевидности. Если учрежденіе частныхъ обществъ еще имѣетъ какое нибудь значеніе въ этомъ дѣлѣ, то это только потому что подобный порядокъ ставитъ во главѣ дѣла не техниковъ, а людей практическихъ и дѣловыхъ. Мы не хотимъ этимъ сказать что нибудь непріятное для гг. техниковъ и не думаемъ этимъ отрицать значеніе техники въ дѣлѣ постройки дорогъ. Нѣтъ, мы совершенно далеки отъ этой мысли, но мы думаемъ, что самая спеціальность ихъ образованія, сосредоточивая постоянно ихъ вниманіе на вопросахъ, нисколько не касающихся обыденной практической жизни, мѣшаетъ вѣрному пониманію экономическаго и юридическаго значенія вопросовъ, представляющихся въ этомъ дѣлѣ на каждомъ шагу. Вполнѣ естественно, что въ глазахъ техника эти двѣ серіи вопросовъ всегда будутъ заслонены вопросами техническими, которые у него всегда будутъ на первомъ планѣ. Между тѣмъ какъ техника есть только средство къ достиженію цѣли, а далеко не самая цѣль. На этомъ основаніи роль техники въ каждомъ промышленномъ дѣлѣ должна быть чисто служебная и подчиненная. Мы не отрицаемъ того, что между техниками могутъ

встрѣтиться люди съ замѣчательными административными способностями, но это можетъ быть только исключеніемъ, и для того, чтобы сдѣлаться хорошимъ администраторомъ, техникъ долженъ позабыть, что онъ техникъ. Эти двѣ функціи требуютъ совершенно различнаго отношенія къ дѣлу. На этомъ основаніи неудовлетворительное положеніе желѣзнодорожнаго дѣла въ рукахъ правительства и нѣкоторый, повидимому только, успѣхъ его въ рукахъ частныхъ обществъ обусловливаются исключительно тѣмъ обстоятельствомъ, что въ первомъ случаѣ, во главѣ промышленнаго дѣла ставится техникъ, тогда какъ во второмъ техникъ подчиняется до извѣстной степени людямъ практическимъ, сознающимъ первостепенное значеніе хозяйственныхъ вопросовъ. Къ сожалѣнію, эта истина мало сознается въ нашихъ административныхъ сферахъ, и до сихъ поръ остается дѣйствующимъ правиломъ, что управляющимъ дорогою въ частныхъ обществахъ можетъ быть только техникъ, утвержденный правительственной властью, тогда какъ его дѣятельность имѣетъ характеръ скорѣе хозяйственно-распорядительный, чѣмъ техническій. Точно также непонятно, на какомъ основаніи признается необходимымъ имѣть техника въ должности начальника движенія, тогда какъ здѣсь нужна только распорядительность и умѣнье удовлетворить интересамъ публики, нуждающейся въ услугахъ желѣзной дороги. Совсѣмъ другое должно сказать о службѣ ремонта пути или подвижнаго состава: здѣсь техники необходимы, и только эти два вида желѣзнодорожной дѣятельности должны быть въ ихъ вѣдѣніи. Само собою разумѣется, что управляющимъ дороги долженъ быть человѣкъ образованный, хорошо знакомый съ желѣзнодорожною службой, долженъ понимать значеніе техническихъ вопросовъ и твердо знать границу, гдѣ кончается вопросъ хозяйственный и начинается техническій. Такого знанія не можетъ дать никакое спеціальное образованіе, всегда склонное преувеличивать значеніе спеціальныхъ вопросовъ: это знаніе дается только общимъ образованіемъ. Вотъ почему мы думаемъ, что желѣзнодорожное дѣло у насъ до тѣхъ поръ не станетъ на вѣрную дорогу, пока вліяніе техники въ немъ будетъ оставаться преобладающимъ и не будетъ поставлено въ надлежащіе предѣлы, т. е. пока это вліяніе не будетъ ограничено строгою необходимостію.

Но кто же мѣшаетъ правительству установить въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ порядокъ, основанный на этихъ началахъ? Конечно, мы вполнѣ убѣждены, что гг. техники сильно вооружатся

противъ нашего мнѣнія, но намъ кажется, что къ рѣшенію этого вопроса они не могутъ и не должны быть допущены, такъ какъ это вопросъ отнюдь не ихъ компетентности: это есть вопросъ чисто административный и только малое знакомство съ значеніемъ технической стороны дѣла могло установить существующій порядокъ вещей и предоставить дѣло чисто административное и хозяйственное исключительно въ вѣдѣніе техники, которая требуетъ отъ человѣка совершенно другаго склада ума и другихъ способностей и знаній, не имѣющихъ ничего общаго съ тѣмъ, что требуется отъ администратора. Разъ установившійся порядокъ вещей разумѣется поддерживается силою инерціи, такъ какъ практика рутинна по преимуществу, и мы понимаемъ вполнѣ какъ трудно усвоить обществу понятіе, что желѣзнодорожное дѣло отнюдь не есть какое-то священнодѣйствіе, которымъ могутъ завѣдывать только посвященные. Но разъ такой взглядъ будетъ устраненъ и во главѣ дѣла будутъ находиться просто образованные и практически опытные люди, возможность контроля надъ этими людьми сдѣлается для всѣхъ очевидною, и затѣмъ исчезнетъ и предубѣжденіе противъ правительственной иниціативы въ этомъ дѣлѣ.

Что такая иниціатива желательна и необходима, то это мы повидимому достаточно доказали, приведя цифры стоимости сооруженія Рязанско-Козловской дороги, и смѣемъ утверждать, что никакой безпорядокъ, никакія злоупотребленія со стороны агентовъ правительственной власти, не могли обойтись такъ дорого, какъ обошлось содѣйствіе частнаго предпринимателя. Намъ могутъ возразить, что правительству ничего не стоило устройство этой дороги и что даже гарантія чистаго дохода, выплаченная обществу за первое время, давно уже возвращена: но это плохой аргументъ противъ нашего мнѣнія. Доходъ, приносимый этой дорогой, есть слѣдствіе тѣхъ пожертвованій, которыя сдѣланы государственнымъ казначействомъ на постройку другихъ дорогъ, служащихъ ея продолженіемъ, и могъ принадлежать правительству, еслибъ дорога была построена на его счетъ. Предоставленіе въ частныя руки такого важнаго источника дохода, по всей справедливости принадлежащаго государству, есть чистѣйшій убытокъ, увеличивающій податныя тягости народа. Милліонные доходы строителя Рязанско-Козловской дороги не съ неба къ нему свалились, а поступаютъ изъ той же скудной сумы русскаго человѣка.

При дальнѣйшемъ разсмотрѣніи исторіи нашего желѣзнодорожнаго дѣла, мы найдемъ еще болѣе ясное доказательство этой

истины, такъ какъ цѣны на постройку дорогъ долго еще держались этихъ размѣровъ и до сихъ поръ представляются сильно преувеличенными, доказательствомъ чему служитъ та борьба, которая происходила при подпискѣ на акціи четырехъ дорогъ, утвержденныхъ въ 1873 году.

Во исполненіе постановленія Совѣта Министровъ 28 декабря 1864 г., о которомъ мы уже говорили выше и которымъ предписывалось строить дорогу отъ Москвы на Тулу, Орелъ и Курскъ до Кіева средствами государственнаго казначейства, Министерство Путей Сообщенія сдѣлало распоряженіе о производствѣ изысканій отъ Орла на Курскъ до Кіева; изслѣдованіе же Кременчугской линіи было предоставлено распоряженію новороссійскаго генералъ-губернатора. По этимъ изысканіямъ, произведеннымъ въ теченіи лѣта 1865 года, стоимость дороги отъ Орла до Курска опредѣлилась, не считая процентовъ на капиталъ за время постройки и стоимости реализаціи капитала, въ 55,235 руб. за версту, а за исключеніемъ стоимости рельсовъ и подвижнаго состава, въ 35,568 руб.—8 іюля 1865 года Высочайше повелѣно строить участокъ отъ Орла до Курска распоряженіемъ правительства на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и дорогу отъ Москвы до Орла, къ которой и присоединенъ этотъ участокъ съ назначеніемъ высшей предѣльной стоимости въ 35,000 руб. съ версты, кромѣ рельсовъ и подвижнаго состава. При этомъ напомнимъ читателю, что предѣльная цѣна дороги отъ Москвы до Орла при тѣхъ же условіяхъ назначена въ 45,000, и что разсчитывая на рельсы и подвижной составъ даже по 15,000 съ версты, вся дорога должна была стоить отъ Москвы до Орла 60,000, а отъ Орла до Курска 55,000 на версту. Такія цѣны установлены не смотря на то, что постройка полотна этой дороги назначена въ два пути, предѣльные уклоны въ 0,008 сажени, что только незначительное количество кривыхъ разрѣшено дѣлать радіусомъ въ 300 саж., а наибольшее ихъ количество радіусомъ въ 500 саж. Кромѣ того на этой дорогѣ встрѣчаются два моста чрезъ рѣки Москву и Оку, изъ которыхъ первый въ 88 саж. длины, а другой въ 249 саж. Въ виду такихъ условій постройки и въ виду гораздо болѣе перерѣзанной мѣстности, чѣмъ на Рязанско-Козловской линіи, предѣльная поверстная стоимость линіи могла считаться вовсе не высокой. На этомъ основаніи оказывается просто непонятнымъ, какимъ образомъ стоимость Рязанско-Козловской дороги въ одинъ путь и при значительно

менѣе затруднительныхъ условіяхъ могла быть утверждена по 91,000 руб. за версту, не смотря на то, что эта цѣна утверждена 12 марта, а стоимость постройки линіи отъ Москвы до Орла 23 февраля, т. е. гораздо ранѣе. Не могли же реализація капитала и проценты за время постройки поглотить болѣе трети всей вообще затраты.

Дѣйствительное исполненіе предположеній о постройкѣ Московско-Курской дороги подтвердило вполнѣ безошибочность сдѣланныхъ распоряженій, такъ какъ по указанію Сборника свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ изд. 1875 года стоимость ея за 1868 годъ составила 30.065,698 р., а за исключеніемъ стоимости рельсовъ и подвижнаго состава, которая (согласно того же изданія 1868 года) показана въ 9.978,929 руб., представляетъ цифру 20.086,769 р. или съ небольшимъ 40 т. руб. на версту. Такая умѣренная цифра стоимости сооруженія, въ особенности для того времени, повидимому, должна бы убѣдить всѣхъ и каждаго, что казна можетъ строить желѣзныя дороги и на свой счетъ, такъ какъ эта стоимость съ прибавленіемъ къ ней процентовъ за время постройки, а также 18% на реализацію капитала, составляетъ цифру 76,821 руб. съ версты, что далеко ниже стоимости сооруженія Рязанско-Козловской линіи и многихъ другихъ дорогъ впослѣдствіи устроенныхъ. Къ этому надо прибавить, что стоимость Московско-Курской дороги увеличивается дороговизной вѣтви, проходящей по городу Москвѣ, которая обошлась съ процентами за время постройки и стоимостію реализаціи капитала въ 150,763 руб. [1]) съ версты, а за 7 верстъ болѣе милліона руб.

Къ сожалѣнію этотъ опытъ не послужилъ ни къ чему и не убѣдилъ никого. Казенная постройка дорогъ продолжала и продолжаетъ считаться невыгодной, не смотря на то, что система избранная при постройкѣ Курской дороги далеко не представляетъ собою совершенства и могла быть значительно улучшена. — Что же касается эксплуатаціи, то она признается положительно убыточной, и это мнѣніе повело за собою продажу въ частныя руки выстроенныхъ уже казною дорогъ. Мы однакожъ вовсе не раздѣляемъ того мнѣнія, что казенная эксплуатація не можетъ быть правильно устроена, на томъ простомъ основаніи, что неудачные примѣры прежняго времени не могутъ служить доказательствомъ, а требуютъ только установленія другихъ порядковъ,

---

[1]) Сборникъ свѣд. о желѣзныхъ дорогахъ 1868 года.

при которыхъ, конечно, и результаты будутъ другіе. Тѣмъ не менѣе мы готовы согласиться, что установленіе этихъ новыхъ порядковъ довольно затруднительно и наблюденіе за правильностію дѣйствій мѣстнаго дорожнаго управленія усложнило бы обязанности центральнаго управленія. Но желаніе освободить центральную администрацію отъ подобной трудной обязанности вовсе не влечетъ за собою необходимость отчуждать казенныя дороги на 85 лѣтъ и установлять монополію частныхъ лицъ на такой длинный періодъ времени. Не только на 85 лѣтъ впередъ, но даже на 20 лѣтъ мы не можемъ предусмотрѣть тѣхъ условій, въ которыхъ будетъ находиться желѣзнодорожное дѣло, а между тѣмъ рѣшаемся заключать договоры на этотъ срокъ, имѣя въ виду только условія настоящаго времени. Почему знать, какія средства для извлеченія этихъ доходовъ будутъ тогда въ рукахъ правительства, а между тѣмъ мы,—только въ виду тѣхъ затрудненій, которыя намъ представляются въ настоящую минуту, — позволяемъ себѣ связывать свободу дѣйствій будущихъ поколѣній и налагать на нихъ такія обязательства, которыя для нихъ могутъ быть весьма обременительны. По свойству недвижимыхъ имуществъ вообще и желѣзнодорожныхъ въ особенности, которыя приносятъ доходъ постоянно возрастающій съ возрастаніемъ населенія и развитіемъ промышленности, въ договорахъ подобнаго рода вся невыгода лежитъ исключительно на сторонѣ правительства, и потому мѣра эта представляется намъ ни чѣмъ инымъ какъ кабалой будущаго, ни чѣмъ не оправдываемой. Если дѣйствительно трудно установить правильные порядки въ казенномъ желѣзнодорожномъ хозяйствѣ, то мы, конечно, не имѣемъ ничего противъ передачи его въ вѣдѣніе частныхъ лицъ. Но мы возражаемъ положительно противъ образованія для этой цѣли акціонерныхъ обществъ съ ограниченной отвѣтственностію и противъ передачи въ ихъ руки казенной собственности на такіе продолжительные сроки. Мы убѣждены въ томъ, что и двѣнадцатилѣтній періодъ времени совершенно достаточенъ для того, чтобы нашлись желающіе положить на это дѣло и свой трудъ и свои капиталы, тѣмъ болѣе, что для правительства нѣтъ никакой надобности требовать возврата капитальной стоимости сооруженія, а достаточно обусловить контрагентовъ взносомъ извѣстной арендной платы въ опредѣленные сроки. При такихъ условіяхъ желѣзнодорожное хозяйство, хотя и будетъ находиться въ частныхъ рукахъ, но такая передача казенной собственности будетъ производиться по

соображенію съ порядкомъ вещей болѣе современнымъ. Всякая ошибка при заключеніи арендного контракта не будетъ тяготѣть надъ будущими поколѣніями и можетъ быть исправлена при возобновленіи договора, тогда какъ существующій порядокъ вещей можетъ вести къ весьма вѣроятнымъ аномаліямъ, которыя устранить будетъ не легко. Что наши опасенія нисколько не преувеличены, мы представимъ въ примѣръ условія передачи Николаевской дороги. За 1867 годъ дорога эта доставила чистаго дохода 5.471,828 руб., и эта цифра принята основаніемъ при ея передачѣ главному обществу. Хотя при этой передачѣ, въ виду настоящаго возвышенія движенія, возвышеніе дохода предусмотрѣно и цифра платежей увеличена, но, конечно, никто не предполагалъ и не имѣлъ основанія предполагать, что возвышеніе пойдетъ въ такой сильной прогрессіи. Но вотъ проходитъ 8 лѣтъ и чистый доходъ этой дороги въ 1875 году возвышается до 12.136,608 р., т. е. возвышается на 121%. Кто можетъ поручиться, что въ слѣдующіе 8 или 10 лѣтъ доходъ этотъ не возрастетъ въ той же степени и т. д. Но вѣрнѣе всего, что съ развитіемъ производительности Россіи, прогрессія эта пойдетъ сильнѣе и сильнѣе. Конечно, при этомъ доходы государственнаго казначейства будутъ возрастать, но вмѣстѣ съ тѣмъ будутъ возрастать и доходы акціонеровъ главнаго общества безъ всякой съ ихъ стороны заслуги передъ обществомъ и государствомъ. Но спрашивается, на сколько справедливъ такой порядокъ вещей? Гдѣ же наконецъ предѣлъ этого возрастанія? И чѣмъ можно будетъ остановить подобную вопіющую несправедливость? Мы не видимъ для этого никакихъ средствъ, такъ какъ выкупъ подобныхъ правъ былъ бы слишкомъ обременителенъ. Юридическія права на сторонѣ акціонеровъ, и эти паразиты на русскомъ государственномъ организмѣ будутъ высасывать его жизненныя силы въ теченіи всѣхъ 85 лѣтъ. Вотъ плоды ошибочнаго взгляда на дѣло.

Отсюда можно вывести только одно практическое правило о положительномъ вредѣ передавать государственныя имущества вообще и возрастающіе источники государственнаго дохода въ особенности въ пользованіе частнымъ лицамъ на долгіе сроки, а тѣмъ болѣе предоставлять имъ полное право собственности на эти имущества.

Но возвратимся къ нашему изложенію. По изысканіямъ 1865 года правительственными инженерами стоимость дороги отъ Курска до Кіева, не считая моста черезъ рѣку Днѣпръ, опредѣли

лась въ 45,567 р. кредитныхъ, съ уплатою же процентовъ за время производства работъ въ 50,118 руб. съ версты; прибавляя къ этой цифрѣ на реализацію капитала 18%, поверстная цѣна составила бы цифру въ 59,139 руб. кредитныхъ. Вслѣдъ за окончаніемъ этихъ изысканій гг. фонъ-Дервизъ и фонъ-Мекъ въ январѣ 1866 года сдѣлали предложеніе о постройкѣ дороги отъ Орла черезъ Курскъ до Кіева до 56,010 руб. съ версты, при чемъ проценты за время постройки, а равно и стоимость реализаціи капитала, оставались на отвѣтственности правительства. Кромѣ того, контрагенты требовали себѣ полной свободы дѣйствій безъ предварительнаго разсмотрѣнія и утвержденія министромъ путей сообщенія проектовъ сооруженій и ограниченія правъ инспекторовъ и министерства при надзорѣ за производствомъ работъ. Не говоря уже о томъ, что означенная цѣна превышала почти на 10 т. руб. цѣну, опредѣлившуюся по правительственнымъ изысканіямъ, одно требованіе объ освобожденіи строителей отъ надзора министерства было уже достаточнымъ основаніемъ къ отклоненію подобнаго предложенія, что и было сдѣлано министерствомъ путей сообщенія. Если мы приводимъ фактъ подобнаго предложенія, то это только потому, что онъ въ нашихъ глазахъ служитъ извѣстнымъ признакомъ времени. Конечно, надо очень много думать о своемъ значеніи въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ и быть слишкомъ убѣжденнымъ въ затрудненіяхъ правительства, чтобъ позволить себѣ обратиться къ правительству съ подобными требованіями.

Въ такомъ положеніи, дѣло оставалось до конца 1866 года, т. е. до времени заключенія 2-го выигрышнаго займа. Съ этого времени, правительство получаетъ возможность оказывать содѣйствіе частнымъ обществамъ не одной гарантіей дохода, но и снабженіемъ денежными средствами. На этомъ основаніи задача частныхъ обществъ облегчается до нельзя, такъ какъ нѣтъ надобности хлопотать о реализаціи капитала. Примѣръ постройки Рязанско-Козловской дороги у всѣхъ передъ глазами и весьма убѣдительно доказываетъ, что нѣтъ никакой надобности реализовать акціонернаго капитала, а достаточно для постройки одного облигаціоннаго. Если же правительство снабдитъ общество суммой этого капитала, тогда не представится ни малѣйшихъ затрудненій предпринимателю. Само собою разумѣется, что такимъ выгоднымъ положеніемъ дѣла предприниматели поспѣшили воспользоваться.

Гг. фонъ-Дервизъ и фонъ-Мекъ исключили изъ своихъ предложеній всѣ условія, освобождающія ихъ отъ надзора инспекціи и министерства и вошли съ новымъ предложеніемъ о предоставленіи имъ постройки Курско-Кіевской дороги по договору, *имѣющему видъ концессіи* и состоящему изъ двухъ частей: одной собственно подрядной на постройку дороги за оптовую сумму со сдачею по окончаніи правительству и съ прекращеніемъ отвѣтственности строителей и ихъ отношеній къ правительству, — и другой, относящейся къ образованію акціонернаго общества для эксплуатаціи дороги по окончаніи постройки и по принятіи ея правительствомъ. Условія первой части состоятъ въ томъ, что контрагенты обязуются выстроить дорогу въ одинъ путь, полотно же и каменныя части мостовъ для двухъ путей; искуственныхъ сооруженій на дорогѣ было назначено: мостъ на Днѣпрѣ и мостовъ отъ 10 до 25 саж. 47. Оптовая плата за сооруженіе дороги назначена 1.200,000 фунтовъ стерл., что по тогдашнему курсу 7.80 к. за фунтъ составляетъ 9.360,000 руб. кредитныхъ и 20.469,425 кредитныхъ, а всего 29.829,425 р. при наибольшей длинѣ въ 440 верстъ; въ дѣйствительности же оказалось въ 438 верстъ. Поэтому поверстная стоимость постройки опредѣляется въ 68,103 руб. кред. съ версты. Средствами для этой уплаты должны были служить суммы государственнаго казначейства, а также суммы по выпуску учредителями облигацій на 3.000,000 ф. ст.; цѣна и условія продажи ихъ опредѣляются по соглашенію учредителей съ Министромъ Финансовъ. Условія второй части предложенія состояли въ томъ, что по окончаніи дороги образуется акціонерное общество съ акціонернымъ капиталомъ 1.500,000 фунт. стерлинговъ, изъ которыхъ четвертую часть удерживаютъ за собою учредители, по нарицательной ихъ цѣнѣ, а три четверти правительство впредь до окончанія дороги оставляетъ за собою, внося за оныя деньги также по нарицательной цѣнѣ (эти акціи до сего времени остаются за правительствомъ). Такимъ образомъ основной капиталъ предпріятія опредѣленъ въ 4.500,000 фунт. стерлинговъ или 35.100,000 кредитныхъ рублей и на этотъ капиталъ правительство гарантируетъ доходъ обществу въ 5% и $^1/_{12}$% погашенія.

Кромѣ этого правительство получило и другія предложенія на постройку Курско-Кіевской дороги отъ гг. Похитонова и К° и отъ гг. Де-Вріеръ и К° на основаніяхъ, сходныхъ съ первымъ предложеніемъ, при чемъ первое товарищество опредѣлило опт

вую цѣну постройки въ 28.858,508 р. и второе въ 28.829,000 руб. Такимъ образомъ эти два предложенія были почти на милліонъ рублей кредитныхъ выгоднѣе цѣнъ гг. Дервиза и Мекка, къ которымъ впослѣдствіи присоединился князь С. А. Долгоруковъ.

Независимо отъ этихъ предложеній, министерство путей сообщенія имѣло въ виду еще одно предложеніе гг. Мамонтова, Горбова и Бусурина, по которому лица эти обязывались выстроить дорогу во всемъ согласно съ требованіемъ министерства, не принимая на себя поставки рельсовъ, подвижнаго состава и машинъ для мастерскихъ. Эти предметы они предлагали правительству пріобрѣсти черезъ особыхъ контрагентовъ и въ мѣрѣ дѣйствительной надобности. Поверстную цѣну постройки они опредѣлили въ 28.100 руб. съ версты. По расчету министерства путей сообщенія, прибавляя сюда стоимость снабженія дороги всѣми необходимыми принадлежностями, поверстная цѣна обошлась бы въ 51.109 руб. кредитныхъ. Въ Сборникѣ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ не указано, входило ли въ эту разцѣнку устройство моста на Днѣпрѣ, а потому присоединяя къ этой цифрѣ стоимость этого сооруженія по 5,000 руб. на версту, что составитъ 2.200,000 руб. вся поверстная стоимость гг. Мамонтова и К° составляла 56,109 руб., т. е. почти на 13 руб. съ версты менѣе, чѣмъ предложеніе гг. Дервиза и К°. Министерство путей сообщенія, разсмотрѣвъ всѣ эти предложенія, высказалось въ пользу послѣдняго, какъ наиболѣе выгоднаго, и это весьма понятно. Имѣя въ виду, что заготовленіе рельсовъ и подвижнаго состава производится въ различныхъ государствахъ и при томъ въ большихъ размѣрахъ, министерство, по всей вѣроятности, не могло считать сколько нибудь затруднительнымъ пріобрѣтеніе всѣхъ необходимыхъ принадлежностей дороги и снабженіе ими строителей; а между тѣмъ это избавляло строителей отъ весьма серьезныхъ заботъ по заграничнымъ заказамъ и доставляло имъ возможность сосредоточить все свое вниманіе на болѣе выгодномъ сооруженіи дороги и зданій. Но еще важнѣе то обстоятельство, что строители освобождались этимъ путемъ отъ риска потерь на курсѣ, и слѣдовательно могли уменьшить цѣну, такъ какъ частное лицо, не имѣя въ виду тѣхъ причинъ, которыя обусловливаютъ пониженіе курса, необходимо должно считать шансы подобныхъ потерь гораздо выше дѣйствительныхъ. Еслибъ подобное предложеніе одержало верхъ надъ другими, то мы убѣждены въ томъ, что наше желѣзнодорожное дѣло пошло бы иначе и мы

имѣли бы дороги съ несравненно меньшими затратами, чѣмъ теперь. Система постройки, предложенная гг. Мамонтовымъ, Горбовымъ и К°, значительно упрощала дѣло, вводя впервые новое начало раздробительныхъ подрядовъ. Уменьшая цифру предпріятія, система эта дѣлала его доступнымъ для большаго числа конкурентовъ и тѣмъ, конечно, вызывала удешевленіе постройки. Явное доказательство этого послѣдняго обстоятельства представляетъ самое предложеніе этого товарищества, вслѣдствіе котораго стоимость сооруженія обходилась на 5.720,000 руб. дешевле перваго предложенія. Не смотря однакожъ на всѣ эти выгоды, было признано неудобнымъ принять это предложеніе на томъ основаніи, что оно имѣетъ видъ простаго подряднаго обязательства, вслѣдствіе чего при дальнѣйшихъ обсужденіяхъ оно было устранено (отношеніе Мин. Фин. 30-го сентября 1866 года № 6463; см. Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ 1867 года стр. 173).

Сравнивая однакожъ подобную систему постройки съ тѣми, которыя были предложены первыми тремя товариществами, мы не находимъ существеннаго въ нихъ различія, такъ какъ всѣ онѣ являются простымъ подряднымъ обязательствомъ, съ тою разницею, что гг. Мамонтовъ и К° не брались за снабженіе дороги рельсами и подвижнымъ составомъ, а остальныя товарищества рѣшались взяться и за это дѣло. Но такъ какъ министерство путей сообщенія не находило затрудненій въ этомъ случаѣ, то повидимому не было и основаній отвергать гораздо болѣе выгодный способъ постройки. Что же касается до того обстоятельства, что товарищество гг. Мамонтова и К° не предлагало ни какой финансовой комбинаціи для покрытія издержекъ, т. е. образованія акціонернаго общества, то во первыхъ, это представляло правительству полную свободу дѣйствій впослѣдствіи, слѣдовательно не могло считаться для него невыгоднымъ; во вторыхъ, какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, правительство покрывало издержки сооруженія своими средствами, а акціонерное общество образовывалось по окончаніи постройки и только для эксплуатаціи дороги; слѣдовательно постройка производилась во всякомъ случаѣ подряднымъ способомъ. Въ теченіи же четырехъ лѣтъ, назначавшихся для постройки линіи, правительство имѣло полную возможность учредить акціонерное общество для эксплуатаціи дороги помимо строителей и не связывая себя ни какими продолжительными сроками. Тѣмъ не менѣе предложен-

было отклонено какъ *неудобное* въ финансовомъ отношеніи, хотя это неудобство ни чѣмъ не подтверждается. Мы позволяемъ себѣ остановиться на подчеркнутомъ нами выраженіи, такъ какъ оно къ сожалѣнію очень часто встрѣчается въ нашей административной практикѣ. Повидимому у насъ считается достаточнымъ употребить это выраженіе, чтобъ доказать невозможность какого либо мѣропріятія, не прибѣгая ни къ какой другой аргументаціи, въ особенности, если можно указать на какія либо спеціяльныя соображенія въ родѣ финансовыхъ, судить о которыхъ по общепринятому мнѣнію могутъ только посвященные. Остальнымъ смертнымъ, хотя бы они принадлежали и къ высшимъ правительственнымъ сферамъ, вовсе не полагается имѣть въ виду, въ чемъ именно состоитъ признаваемое неудобство. Подобный взглядъ на дѣло тормозитъ очень часто успѣхъ нашей государственной дѣятельности. Такова къ сожалѣнію установившаяся практика, вслѣдствіе которой совершенно темное и непонятное выраженіе считается яснымъ и убѣдительнымъ.

За устраненіемъ наиболѣе выгоднаго предложенія гг. Мамонтова и Ко, три остальныя были внесены въ комитетъ министровъ и, по разсмотрѣніи въ особой коммиссіи изъ трехъ членовъ комитета желѣзныхъ дорогъ, предпріятіе оставлено за гг. Дервизомъ, Меккомъ и Долгоруковымъ по журналу комитета министровъ 24 декабря 1866 года. Дорога эта выстроена въ теченіи двухъ лѣтъ и открыта для движенія 17 декабря 1868 года. За тѣмъ акціонерное общество считается состоявшимся, хотя три четверти акцій принадлежатъ правительству, а четвертая часть оставлена за собою учредителями. Повидимому эта часть акцій съ самаго начала состоитъ въ однѣхъ и тѣхъ же рукахъ, такъ какъ ихъ въ продажѣ на биржѣ вовсе не имѣется и никогда не было. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что правительство, владѣя тремя четвертями акцій, пользуется лишь $^1/_4$ частью голосовъ въ общемъ собраніи и такимъ образомъ управленіе дорогой, выстроенной исключительно на казенныя средства, въ сущности состоитъ въ распоряженіи одного лица, имѣющаго полную возможность оставаться вполнѣ безотвѣтственнымъ, прикрываясь постановленіями общаго собранія акціонеровъ. Намъ могутъ возразить, что управленіе Курско-Кіевской дорогой идетъ вполнѣ безукоризненно и что слѣдовательно установленный порядокъ отнюдь не вредитъ дѣлу. Положимъ, что все это такъ въ настоящее время, и что дорога эта при валовомъ сборѣ, не достигающемъ $8^1/_2$ тысячъ

рублей съ версты, даетъ 4,376 руб. съ версты чистаго дохода. Но при этомъ не слѣдуетъ забывать, что права единственнаго акціонера во всякое время могутъ перейти къ другому лицу, вслѣдствіе его каприза или смерти, а установленный порядокъ управленія остается неизмѣннымъ въ теченіи 85 лѣтъ со дня открытія движенія. Кто же можетъ поручиться, что и при наслѣдникахъ нынѣшняго собственника акцій дѣло пойдетъ тѣмъ же порядкомъ и не обратится во вредъ государственнаго казначейства. Не лишнимъ будетъ также замѣтить, что эти права учредителей пріобрѣтены ими безъ малѣйшаго пожертвованія. Мы видѣли выше, что поверстная стоимость дороги превышала на 13 т. руб. предложенную цѣну гг. Мамонтовымъ и К°, что составляетъ 5.720,000 р., номинальная же цѣна стоимости акцій, удержанныхъ за собою учредителями, составляетъ по курсу 7 руб. 80 коп. за фунтъ стерлинговъ 2.925,000 руб., т. е. только половину той излишней суммы, которая была имъ выплачена въ сравненіи съ предложеніемъ, найденнымъ неудобнымъ по финансовымъ соображеніямъ. Если же сравнить съ поверстной стоимостію, опредѣленной по правительственнымъ изысканіямъ, которая составляла цифру въ 45,567 руб. и прибавить къ ней 5,000 руб. на постройку моста черезъ Днѣпръ, то передача за постройку линіи гг. Дервизу и К° дойдетъ до 17,536 руб. съ версты, что на всю линію составитъ 7.715,840 руб., а стоимость акцій, оставленныхъ за собою учредителями, представитъ только одну треть прибылей, ими полученныхъ.

Къ тому же 1866 году относится разрѣшеніе постройки двухъ дорогъ незначительной длины, но замѣчательныхъ по разницѣ взглядовъ на ихъ значеніе въ общей сѣти желѣзныхъ дорогъ. Мы говоримъ о Ряжско-Моршанской и Козлово-Воронежской дорогахъ. Ни о той, ни о другой до самаго 1866 года не упоминается вовсе. Все вниманіе, какъ правительства, такъ и соискателей на постройку, обращено на дороги отъ Москвы черезъ Тулу, Орелъ, Курскъ къ Азовскому морю, а также отъ Одессы къ Кіеву и Харькову. Объ юго-восточныхъ дорогахъ почти никто не думаетъ, а между тѣмъ здѣсь возникаетъ мысль о двухъ линіяхъ, изъ которыхъ одна даетъ начало замѣчательной линіи, долженствующей связать самыя восточныя наши губерніи съ западными окраинами и съ общей сѣтью европейскихъ дорогъ, другая же совершенно измѣняетъ значеніе юго-восточной линіи, обращая ее въ южную, становится линіею конкурирующею съ глав-

нымъ магистральнымъ путемъ къ югу и умаляетъ его значеніе на половину. Вышеозначенныхъ послѣдствій при разрѣшеніи постройки этихъ двухъ дорогъ вовсе предусмотрѣно не было и мы имѣемъ на это весьма ясныя доказательства. Только въ началѣ 1866 г. учредители общества моршанской желѣзной дороги (въ должности шталмейстера Высочайшаго двора Эммануилъ Дмитріевичъ Нарышкинъ, камергеръ дѣйствительный статскій совѣтникъ Александръ Дмитріевичъ Башмаковъ, флигель-адъютантъ полковникъ Воронцовъ-Дашковъ и Тамбовскій губернскій предводитель дворянства Сергѣй Дмитріевичъ Башмаковъ) представляютъ ходатайство о разрѣшеніи имъ постройки означенной линіи. Въ числѣ учредителей нѣтъ ни одного банкира или лица принадлежащаго къ промышленному или торговому міру: всѣ четверо передъ этимъ не заявили себя ни чѣмъ въ дѣловомъ мірѣ. Между тѣмъ ихъ ходатайство съ разу получаетъ всѣ шансы на утвержденіе и при пересмотрѣ 23-го апрѣля 1866 года измѣненій, которыя должны быть сдѣланы въ сѣти дорогъ, утвержденной въ 1862 году, ряжско-моршанская дорога упоминается какъ предстоящая къ постройкѣ, не смотря на то, что, судя по техническимъ условіямъ ея сооруженія, на нее можно смотрѣть только какъ на вѣтвь рязанско-козловской линіи, долженствующую соединить съ сѣтью дорогъ моршанскую пристань. Такъ смотрѣли на нее и сами учредители при испрошеніи уступочнаго договора. Вотъ почему вся дорога и даже каменныя части мостовъ предположены въ одинъ путь, а продольные уклоны по направленію къ Ряжску назначены въ 0,01 сажени въ тѣхъ видахъ, что отъ Ряжска будутъ идти большею частію порожніе вагоны. Ясно, что ни учредители, ни наши техническія учрежденія не предполагали будущаго значенія этой линіи. Концессія на эту дорогу выдана вышепоименованнымъ лицамъ 10 мая 1866 г. Что же касается Козлово-Воронежской линіи, то о постройкѣ ея даже въ апрѣлѣ 1866 года никакого предположенія не было, такъ какъ она вовсе не вошла въ сѣть, утвержденную 23 апрѣля 1866 года.

Концессія на постройку этой дороги выдана 12 августа 1866 года безъ особыхъ изслѣдованій и предположеній и притомъ безъ всякой конкуренціи, по ходатайству воронежскаго земства. Дорога эта представляетъ первый примѣръ спекулятивнаго предпріятія со стороны государственно-общественнаго учрежденія и притомъ совершенно вопреки земскому положенію и вообще существу по-

добныхъ учрежденій. Впослѣдствіи этимъ родомъ земской дѣятельности увлеклись многія земства и даже принимали на себя гарантію чистаго дохода въ пользу обществъ желѣзныхъ дорогъ, вовлекая, такимъ образомъ, плательщиковъ земскихъ налоговъ въ непосильные для нихъ платежи. Но объ этомъ наша рѣчь впереди. Теперь же мы замѣтимъ, что не знаемъ, какія выгоды получило земство отъ этого предпріятія, но думаемъ, что никакихъ, такъ какъ въ отчетахъ земскаго собранія объ этомъ не говорится ни слова. И такъ концессія на эту дорогу выдана безъ особыхъ изысканій и безъ внесенія ея въ сѣть предположенныхъ къ постройкѣ дорогъ. Она не представляетъ собою исполненія части общаго плана, но скорѣе составляетъ исключительное распоряженіе. Иначе этого и быть не могло, такъ какъ при обсужденіи сѣти дорогъ, конечно, было бы замѣчено, что кратчайшій путь отъ Воронежа къ Москвѣ идетъ не на Рязань, а на Тулу, и слѣдовательно дорога должна идти по этому направленію. Намъ кажется, что не далеко то будущее, когда промышленность пойметъ всю выгоду этого направленія и построитъ дорогу отъ Воронежа къ Ельцу, уже соединенному съ Тулой прямымъ путемъ. Тогда дорога отъ Воронежа къ Козлову потеряетъ половину своего значенія. Вотъ послѣдствія исключительныхъ распоряженій въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ.

Что касается финансовыхъ условій, на которыхъ построены названныя нами дороги, то они состоятъ въ слѣдующемъ. Основной капиталъ моршанской желѣзной дороги опредѣленъ въ 7.115,500 руб. металлическихъ, изъ котораго третью часть представляетъ акціонерный и $^{2}/_{3}$ облигаціонный капиталъ. На весь этотъ капиталъ правительство гарантировало $5^{1}/_{12}$% чистаго дохода съ погашеніемъ на 86 лѣтъ со дня открытія движенія.— Такимъ образомъ поверстная стоимость при длинѣ дороги въ 120 верстъ обходится въ 59,295 р. 83 коп., что по курсу 7 р. 80 коп. за фунтъ стер. составляетъ 74,000 р. кредитныхъ, а эта сумма превышаетъ на 29 тысячъ сумму, 45,000 руб., за которую баронъ Унгернъ-Штернбергъ строилъ Балто-Елизаветградскую дорогу. Но такъ какъ въ послѣднюю цѣну не входятъ ни проценты за время постройки, ни реализація капитала, то прибавляя къ ней на проценты 6,525 руб. на версту и на реализацію капитала 20%, стоимость ея окажется въ 61,830 руб. или на 12,170 руб. менѣе. Принимая же въ соображеніе, что на Балто-Елизаветградской дорогѣ условія мѣстности не идутъ

ни въ какое сравненіе съ условіями Ряжско-Моршанской, которая вся идетъ по совершенно ровной плоскости, земляное ея полотно, а равно и каменныя части мостовъ въ одинъ путь, тогда какъ на Балто-Елизаветградской дорогѣ какъ первое, такъ и послѣднія устроены для двухъ путей, нельзя не замѣтить, что поверстная стоимость Ряжско-Моршанской дороги чрезмѣрно высока. Кромѣ того число паровозовъ на этой дорогѣ назначено очень небольшое, а именно всего 14, т. е. 1 паровозъ на $8^1/_2$ верстъ, тогда какъ на другихъ дорогахъ число ихъ назначалось 1 паровозъ на 6 или даже на 5 верстъ, что обязывало бы дорогу имѣть лишнихъ 6 паровозовъ, а это составляетъ уменьшеніе стоимости по крайней мѣрѣ на 1000 р. съ версты.

Основный капиталъ воронежско-ростовской дороги опредѣленъ въ 7.495,000 руб. кредитныхъ акціонернаго капитала и въ 4.225,375 руб. металлическихъ облигаціоннаго, что по курсу въ 7 р. 80 коп. за фунтъ стер. составляетъ 12.685,900 руб., а при длинѣ дороги въ 170 верстъ 74,622 р. 94 коп. кредитныхъ на версту. На эту сумму правительство гарантировало $5^1/_{10}$% чистаго дохода съ погашеніемъ. Стоимость этой дороги также не можетъ считаться выгодною для правительства, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе неуспѣха помѣщенія акцій, правительство принуждено было оставить ихъ за собою на 2.500,000 мил. р. — Дорога эта въ видахъ ея продолженія къ югу проходитъ въ сторонѣ отъ Воронежа по гребню высотъ, лежащихъ съ восточной стороны города; для подхода же къ самому городу устроена отъ станціи Раздѣльной вѣтвь, которая потребовала громадныхъ земляныхъ работъ и нѣсколькихъ мостовъ черезъ рѣку Ворону и ея рукава, что, конечно, повело къ расходу въ нѣсколько милліоновъ рублей. Этихъ издержекъ вполнѣ можно было избѣжать, еслибъ дорога, направляясь отъ Тулы, подошла къ городу съ западной стороны.

Тоже или почти тоже можно сказать и объ орловско-витебской желѣзной дорогѣ, устройство которой обошлось также очень дорого. Она составляетъ часть линіи, предположенной еще въ 1857 году по договору съ главнымъ обществомъ и вошедшей также въ сѣть 1862 года; но это предположеніе оставалось безъ исполненія. 17 декабря 1865 года былъ заключенъ договоръ съ англичаниномъ серомъ Мортономъ Пито на сооруженіе и эксплуатацію дороги отъ Орла до Витебска на слѣдующихъ условіяхъ: онъ обязался составить общество съ капиталомъ въ

6.582,500 ф. стер. или 41.140,625 металлическихъ рублей путемъ выпуска акцій и облигацій, относительное число которыхъ должно было опредѣлиться по соглашенію съ Министромъ Финансовъ. Такимъ образомъ поверстная цѣна опредѣляется при длинѣ дороги въ 493 версты по курсу 780 к. за ф. ст. 104,145 руб. На этотъ капиталъ назначена гарантія правительства въ 5% чистаго дохода и ½% на погашеніе. Несмотря на то, что дешевизна лѣсныхъ матеріаловъ вдоль линіи и земель отходящихъ подъ дорогу, обиліе мѣстныхъ рабочихъ для земляныхъ работъ, а также болѣе выгодный провозъ всѣхъ принадлежностей дороги по заграничнымъ заказамъ, должны были имѣть значительное вліяніе на удешевленіе поверстной стоимости, цѣна опредѣленная въ договорѣ превышала цѣну постройки курско-кіевской дороги на 32,000 руб. съ версты, хотя мы видѣли выше, что предложенія товарищества гг. Дервизъ и Ком. имѣлось уже въ виду и притомъ, оно было выше другихъ предложеній и значительно выше дѣйствительной стоимости сооруженія. Эти данныя не помѣшали однакожъ принятію предложенія г. Пито, которое увеличивало цѣну постройки еще на 50%. Вглядываясь внимательно въ обстоятельства подобныхъ рѣшеній положительно недоумѣваемъ: какія соображенія могли привести къ принятію подобныхъ предложеній? Развѣ на ровной плоскости, которую занимаетъ наше отечество можетъ быть такое сильное колебаніе въ стоимости сооруженія желѣзныхъ дорогъ, которое доходило бы до 50%? Намъ могутъ возразить, что мы сравниваемъ номинальную цѣну предпріятія съ цѣной строительной, доплаченной гг. Дервизу и К°, и что номинальная цѣна курско-кіевской дороги представляетъ цифру въ 80,000 рублей на версту. Но принимая въ соображеніе даже эту послѣднюю цифру, всетаки оказывается, что въ договорѣ съ г. Пито стоимость орловско-витебской дороги увеличена на 25%, не смотря на то, что условія мѣстности болѣе выгодны, а въ цѣнѣ курско-кіевской дороги представляется передача отъ 13 до 17 т. рублей на версту. Ясно, что подобный договоръ можетъ быть объясненъ только положительнымъ отсутствіемъ данныхъ для сужденія какъ объ условіяхъ мѣстности, такъ и объ условіяхъ желѣзнодорожнаго дѣла вообще. Къ счастію Россіи, предпріятіе г. Пито не осуществилось и онъ не могъ до 1-го декабря 1866 года составить общество, не смотря на всю выгодность дарованныхъ ему условій. Такое явленіе необходимо наводитъ на мысль о при-

чинахъ его порождающихъ, тѣмъ болѣе, что оно встрѣчается не въ первый разъ, а повторялось довольно часто въ исторіи нашего желѣзнодорожнаго дѣла. Замѣчательно при этомъ, что неудачи постигали именно тѣхъ учредителей, которымъ обезпечены были наибольшія выгоды, тогда какъ предпріятія, повидимому обставленныя болѣе умѣренными требованіями, вполнѣ осуществлялись. Въ самомъ дѣлѣ, гдѣ причины подобнаго загадочнаго явленія? Не углубляясь, во избѣжаніе ошибки, въ закулисную сторону осуществленія акціонерныхъ обществъ вообще и желѣзнодорожныхъ въ особенности и не отрицая значенія этой стороны дѣла, мы не можемъ однакожъ не остановить вниманія читателя на одномъ соображеніи, въ которомъ не можетъ сомнѣваться человѣкъ практическій. Намъ кажется, что при очевидной выгодности предпріятія свободные капиталы не рѣшатся принять въ немъ участія только въ томъ случаѣ, если лицо предпринимателя не внушаетъ капиталистамъ довѣрія въ добросовѣстномъ и правильномъ осуществленіи дѣла. На этомъ основаніи, мы думаемъ, что лица, которымъ выданы были несостоявшіяся концессіи, не пользовались въ своемъ отечествѣ той степенью довѣрія, которая необходима для осуществленія подобныхъ предпріятій. Если обстоятельство это дѣйствительно было причиною неудачъ для нѣкоторыхъ заграничныхъ предпринимателей, то позволительно предложить вопросъ, почему степень довѣрія, которой пользуется извѣстное лицо въ своемъ отечествѣ, не была выяснена прежде, чѣмъ входить съ нимъ въ соглашеніе? Если же свѣдѣнія эти собирались и получены, какъ указываетъ опытъ, не вполнѣ вѣрныя, то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что офиціальныя свѣдѣнія о степени благонадежности лица, съ которымъ правительство предполагаетъ вступить въ какое либо промышленное предпріятіе едва ли могутъ имѣть то значеніе, которое придается имъ въ нашей административной практикѣ. Несостоятельность нѣкоторыхъ изъ нашихъ концессіонеровъ и необходимость поддерживать ихъ особыми субсидіями на окончаніе или улучшеніе дороги, а также неисправность многихъ крупныхъ оптовыхъ подрядчиковъ подтверждаютъ вполнѣ справедливость этой мысли.

Если же это такъ, если сужденіе о степени благонадежности контрагентовъ очень часто основано на весьма шаткихъ данныхъ, то поэтому позволительно сомнѣваться въ правильности той системы, при которой въ дѣлѣ постройки желѣзныхъ дорогъ

концессія предоставляется лицу или по выбору извѣстной власти, или вслѣдствіе ограниченной конкуренціи, къ которой допускаются лица по степени ихъ благонадежности. Мы думаемъ, что непогрѣшимость въ сужденіяхъ подобнаго рода немыслима, а между тѣмъ такой порядокъ устраняетъ отъ конкуренціи всѣхъ лицъ неизвѣстныхъ администраціи (число которыхъ конечнô гораздо болѣе, чѣмъ лицъ извѣстныхъ) и такимъ образомъ предпріятія подобнаго рода всегда остаются въ рукахъ тѣснаго круга предпринимателей, вступать въ конкуренцію съ которыми простые смертные и не могутъ и не желаютъ. Войти въ этотъ тѣсный кружокъ стоитъ большихъ усилій и пожертвованій, на которыя не всѣ способны и которыя могутъ остаться вполнѣ безуспѣшными безъ содѣйствія второстепенныхъ и третьестепенныхъ агентовъ власти, которые такимъ образомъ могутъ пользоваться своимъ положеніемъ и извлекать изъ него свои выгоды. Все это не можетъ не отражаться на высотѣ стоимости сооруженія желѣзныхъ дорогъ, которая возрастаетъ по мѣрѣ стѣсненія конкуренціи. Напротивъ того, снимите всѣ эти перегородки, заграждающія очень многимъ доступъ къ желѣзнодорожному дѣлу, обратите его въ простой подрядный способъ, примѣните къ нему принципъ раздѣленія труда, удешевившаго производство въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, т. е. раздѣлите по возможности работы и поставки по ихъ спеціальности,—и стоимость сооруженія желѣзныхъ дорогъ дойдетъ до своего minimum'а, а главное уничтожится деморализирующая общество возможность создавать милліонныя состоянія изъ ничего.

Быть можетъ намъ замѣтятъ, что всѣ эти практическіе выводы, которыми мы сопровождаемъ наше историческое изслѣдованіе, являются слишкомъ поздно, чѣмъ-то въ родѣ *горчицы послѣ ужина*, что главныя наши линіи уже построены и намъ остается теперь думать скорѣе не о дальнѣйшей постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, а о томъ, чтô возить по этимъ дорогамъ, такъ какъ большая часть ихъ остается бездоходною. Все это совершенно справедливо, и мы нисколько не отвергаемъ необходимости заботъ о томъ, чтобъ наши дороги могли приносить всю ту пользу, которую мы вправѣ отъ нихъ ожидать и перестали бы оставаться бременемъ для государственнаго казначейства, а слѣдовательно и для плательщиковъ государственныхъ налоговъ; но мы не думаемъ однакожъ, что сѣть нашихъ желѣзныхъ дорогъ закончена. Напротивъ, мы полагаемъ, что бездоходность нашихъ дорогъ

отчасти зависитъ отъ малаго ихъ развѣтвленія въ стороны, вслѣдствіе чего раіонъ, для удовлетворенія потребностей котораго предназначены наши дороги, ограничивается очень узкою полосой. Практика указываетъ, что дорога тѣмъ менѣе имѣетъ грузовъ, чѣмъ болѣе она выдается изъ общей сѣти желѣзныхъ дорогъ. Стало быть намъ предстоитъ еще значительно пополнить сѣть нашихъ дорогъ, такъ какъ внутри этой сѣти встрѣчаются громадныя пространства, равняющіяся цѣлымъ великимъ державамъ и не имѣющія не только никакихъ желѣзныхъ дорогъ, но даже никакихъ искуственныхъ путей сообщенія. Вся длина нашихъ дорогъ, раздѣленная на число квадратныхъ миль пространства одной Европейской Россіи, составляетъ немногимъ болѣе $^1/_5$ версты на квадратную милю, тогда какъ самая бѣднѣйшая изъ великихъ державъ,—Австрія имѣетъ желѣзныхъ дорогъ по 1 верстѣ на квадратную милю. На этомъ основаніи, чтобъ сравниться въ этомъ отношеніи съ Австріею, намъ необходимо вновь выстроить до 80,000 верстъ. Поэтому мы можемъ утверждать, что постройка нашихъ дорогъ далеко еще не закончена и что правильные пріемы ихъ сооруженія и изысканіе наиболѣе дешевыхъ къ тому способовъ вовсе не представляются у насъ вопросами праздными. Напротивъ того, отъ раціональнаго ихъ разрѣшенія зависитъ и будущее положеніе уже выстроенныхъ дорогъ и будущее развитіе нашихъ производительныхъ силъ.

Послѣ этого отступленія возвращаемся къ изложенію исторіи сооруженія орловско-витебской дороги. Вслѣдствіе несостоятельности баронета Пито земство Орловской губерніи вошло съ ходатайствомъ къ правительству о предоставленіи ему права на сооруженіе этой дороги. Оно уменьшало цифру необходимаго капитала, гарантируемаго правительствомъ, до 6 мил. фунтовъ стерлинговъ. Такъ какъ курсъ съ 1867 года повышается, то для дальнѣйшихъ сравненій мы будемъ брать металлическій рубль, тѣмъ болѣе, что мы не встрѣтимъ впослѣдствіи договоровъ, совершающихся на кредитный рубль. При длинѣ дороги въ $484^1/_2$ версты этотъ капиталъ составлялъ 77,479 руб. металлическихъ на версту и земство обязывалось построить дорогу вмѣсто 5 лѣтъ въ три года. Для осуществленія этого предпріятія земство просило о выдачѣ ему удостовѣренія въ томъ, что проектъ будетъ представленъ на утвержденіе, если земство въ теченіи 8 недѣль со дня выдачи удостовѣренія представитъ доказательство, что акціи на сумму превы-

шающую $^1/_4$ часть основнаго капитала разобраны со взносомъ 10% ихъ стоимости. Вмѣстѣ съ тѣмъ земство просило оказать ему содѣйствіе дарованіемъ ссуды въ размѣрѣ 6.000,000 руб. подъ залогъ облигацій вновь образуемаго общества. Означенное удостовѣреніе выдано имъ съ Высочайшаго разрѣшенія за подписью Министра Финансовъ и Министра Путей Сообщенія 29 января 1867 года. Въ февралѣ того же года уполномоченныя земства обратились къ правительству съ новымъ ходатайствомъ о дарованіи облигаціямъ общества безусловной гарантіи не со дня открытія дороги, а со дня ихъ выпуска съ тѣмъ, что взамѣнъ того, они отказываются отъ права на ссуду въ размѣрѣ 6.000,000 руб. Такое ходатайство было найдено уважительнымъ, и концессія на постройку дороги была утверждена 24 марта 1867 года.

Такимъ образомъ орловское земство, очень мало заботящееся о развитіи народнаго образованія, спѣшитъ воспользоваться примѣромъ воронежскаго и выступаетъ также на спекулятивную дѣятельность въ роли учредителя желѣзнодорожнаго общества. Благодѣтельныя послѣдствія учредительской дѣятельности г. фонъ-Дервиза заразили собою не одно воронежское, но и другія земства. Впрочемъ, мы не знаемъ, какъ благодѣтельны были результаты подобнаго рода дѣятельности для самаго земства, такъ какъ въ отчетахъ земскихъ управъ по этому поводу не имѣется никакихъ свѣдѣній и думаемъ, что земство Орловской губерніи было здѣсь не причемъ, а служило лишь тѣмъ забраломъ, которое прикрывало своимъ именемъ дѣйствующихъ лицъ и ихъ интересы. А интересы эти могли быть очень значительны въ виду поверстной стоимости, до которой была доведена услуга, оказанная земствомъ цѣлой Россіи! Въ самомъ дѣлѣ, 77,479 руб. металлическихъ на версту—цѣна громадная при условіи устройства земляного полотна въ одинъ путь и снабженія дороги ничтожнымъ количествомъ подвижнаго состава: одинъ паровозъ на $6^1/_3$ верстъ длины и менѣе 3 вагоновъ на версту. Цѣна эта превышаетъ поверстную стоимость даже рязанско-козловской дороги на 1,514 руб. Выше мы вполнѣ доказали несообразность цѣны этой послѣдней дороги; что же мы должны сказать объ Орловско-витебской, когда она превышаетъ поверстную стоимость даже этой дороги? Въ сравненіи же съ номинальной стоимостію курско-кіевской дороги, она превышаетъ послѣднюю на 13 тысячъ рублей съ версты, что на всю линію въ $484^1/_2$ версты пред-

ставляетъ солидную сумму въ 6.292,000 руб. А между тѣмъ васъ поражаетъ странное обстоятельство, — почему при подобной разцѣнкѣ не оказалось никакой экономіи въ пользу земства, тогда какъ напримѣръ г. фонъ-Дервизъ, построившш курско-кіевскую дорогу за 64 т. мет. руб. съ версты, не только не получилъ убытка, но нажилъ громадное состояніе. Намъ возразятъ, конечно, что реализація капитала стоила земству очень дорого. Положимъ, что это такъ, и посмотримъ, какъ велика стоимость реализаціи.

Руководствуясь указаніемъ Сборника свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ за 1868 и 1869 годы, мы можемъ довести до свѣдѣнія читателя, что акціи общества Орловско-витебской дороги реализованы по 80%, стоимость же реализаціи облигацій не показана; но такъ какъ другія дороги реализовали свои облигаціи въ тоже время не ниже 72%, то принимая въ соображеніе эти цифры, мы находимъ, что по реализаціи акцій выручено 1.200,000 фунтовъ и по реализаціи облигацій 3.240,000 фунтовъ, что составитъ 27.750,000 руб. металлическихъ или на версту дороги 57,334 руб., а такъ какъ мы видѣли, что цѣна курско-кіевской дороги могла обойтись не болѣе 50,557 руб. кредитныхъ или 44,630 метал. руб. при условіяхъ постройки менѣе выгодныхъ, то на этомъ основаніи можно смѣло утверждать, что земству Орловской губерніи за постройку Орловско-витебской дороги переплачено болѣе 6 мил. руб. Передача же земствомъ всѣхъ своихъ правъ акціонерному обществу, безъ всякаго вознагражденія, ясно указываетъ, что земство тутъ было не причемъ.

Для пополненія исторіи желѣзнодорожнаго дѣла за этотъ періодъ времени намъ слѣдуетъ разсмотрѣть то, что предпринималось для сооруженія желѣзныхъ дорогъ въ юго-западномъ краѣ. Выше мы изложили только тѣ распоряженія, которыя относились къ началу работъ по одесско-балтской дорогѣ и остановились на рѣшеніи вести продолженіе ея на Елизаветградъ. Результаты постройки одесско-балтской дороги, какъ перваго опыта и притомъ въ виду затруднительныхъ мѣстныхъ условій, оказались не вполнѣ удовлетворительными. Стоимость версты этой дороги обошлась правительству въ 74,743 руб., не считая процентовъ за время постройки и реализаціи капитала, но во всякомъ случаѣ не дороже того, во что обходилось сооруженіе при посредствѣ част-

ныхъ обществъ, не смотря на естественныя затрудненія, которыя не могутъ идти ни въ какое сравненіе съ тѣми, которыя встрѣчали на другихъ дорогахъ частные предприниматели.

Въ силу рѣшенія 28 декабря 1864 года новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ заключенъ контрактъ съ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ на постройку линіи отъ Балты до Елизаветграда на сумму, не превышающую 10.530,000 руб., что составляетъ по предполагавшейся длинѣ дороги въ 234 версты поверстную стоимость въ 45,000 руб. кредитныхъ. Предѣльные склоны предположены 0,008, но при дѣйствительномъ исполненіи они достигли лишь 0,0072; земляное полотно и каменныя части мостовъ въ два пути, самая же дорога и желѣзныя части мостовъ въ одинъ путь, причемъ одинъ мостъ черезъ Бугъ длиною въ 114 саж. и съ особымъ приспособленіемъ для обыкновеннаго проѣзда. Часть земляныхъ работъ должна была производиться въ каменистомъ грунтѣ, вслѣдствіе чего строитель согласился безъ увеличенія оптовой платы удлинить линіи на 10 вер.

Сбереженіе отъ постройки до 3% общей контрактной суммы обращается въ пользу контрагента, а затѣмъ дальнѣйшее остается въ пользу казны. По отчету барона Унгернъ-Штернберга, постройка дороги на протяженіи 244 верстъ обошлась въ 9.634,061 руб. 90 к., а съ прибавленіемъ къ ней 315,900 руб., составляющихъ барышъ контрагента, вся дорога обошлась въ 40,737 руб. съ версты. Такой опытъ экономной постройки дороги въ мѣстности довольно затруднительной, ясно подтверждаетъ все высказанное нами о дороговизнѣ остальныхъ линій. Тѣмъ не менѣе этотъ опытъ не убѣдилъ никого въ возможности у насъ дешевой постройки желѣзныхъ дорогъ: концессіи продолжали выдаваться по прежнимъ баснословнымъ цѣнамъ даже и впослѣдствіи. Единственнымъ результатомъ такого удачнаго сооруженія желѣзной дороги было предоставленіе барону Унгернъ-Штернбергу постройки елизаветградо-кременчугской дороги на тѣхъ же условіяхъ, но съ увеличеніемъ предѣльной поверстной стоимости до 47,209 руб. съ версты, при длинѣ дороги въ 130 верстъ. Барышъ контрагента не превышаетъ тоже 3% съ общей контрактной суммы.

Въ тоже время мысль о соединеніи Одессы съ Кіевомъ и съ сѣтью австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ не была оставлена и попытки къ осуществленію этого предположенія не прекращались. Еще въ ноябрѣ 1864 года въ главное управленіе путей сооб-

щенія новороссійскій генералъ-губернаторъ представилъ предложеніе директора австрійской львово-черновицкой дороги г. Офенгейма, прославившагося впослѣдствіи знаменитымъ процессомъ, который противъ него былъ возбужденъ австрійскимъ правительствомъ. Онъ предлагалъ построить дорогу отъ мѣстечка Новоселицы въ Бессарабіи на австрійской границѣ, до мѣстечка Порканъ на одесско-балтской дорогѣ, при рѣкѣ Днѣстрѣ. Сущность этого предложенія состояла въ томъ, что г. Офенгеймъ не опредѣлялъ дѣйствительную стоимость сооруженія, но просилъ гарантировать ему доходъ съ этого предпріятія въ 2.400,000 руб. металлическихъ. Длина дороги опредѣлена въ предложеніи Офенгейма въ 450 верстъ, по произведеннымъ же изысканіямъ она оказалась въ 355 верстъ. На этомъ основаніи, принимая въ соображеніе обыкновенную гарантію, при которой образовывались другія общества въ $5^{1}/_{12}\%$ и курсъ въ 7 р. 80 к. за фунтъ стерлинговъ оказывается, что поверстная стоимость, предложенная Офенгеймомъ, доходила 129,821 руб. кредитныхъ. Мы указываемъ на это предложеніе на томъ основаніи, что оно вполнѣ характеризуетъ взглядъ заграничныхъ аферистовъ на нашъ дѣловой міръ. Люди эти повидимому полагали, что у насъ, въ виду необходимости желѣзныхъ дорогъ, не съумѣютъ по достоинству оцѣнить тѣхъ благодѣяній, которыя они способны оказать сѣвернымъ варварамъ. Ихъ безцеремонность доходитъ до того, что они не находятъ даже нужнымъ точнѣе опредѣлить длину дороги или считаютъ возможнымъ преувеличить ее болѣе, чѣмъ на четвертую часть, затѣмъ не находятъ нужнымъ указать и размѣръ капитала, въ надеждѣ, что мы можемъ попасться даже на эту удочку, а они этими средствами покроютъ свои расходы по устройству дороги отъ Львова до нашей границы. Но этимъ еще не оканчивается дерзость этихъ аферистовъ. Они требуютъ владѣнія дорогой въ теченіи 90 лѣтъ съ открытія движенія, устройства дороги съ колеей въ ширину австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ; безплатнаго отвода земли близь Одесскаго порта для устройства складовъ и магазиновъ; освобожденія на этомъ пространствѣ отъ всякихъ податей сборовъ и налоговъ; исключительнаго права во всей Бессарабіи и Херсонской губ. розыскивать и добывать каменный уголь и наконецъ особой юрисдикціи для разрѣшенія недоразумѣній между обществомъ и правительственными лицами, т. е. третейскаго суда въ одномъ изъ иностранныхъ посольствъ. Довольно странно, что люди рѣшаются дѣлать подоб-

ныя предложенія съ какою нибудь надеждою на успѣхъ, но еще страннѣе, что эти предложенія серьезно обсуждаются и дважды вносятся на разсмотрѣніе въ комитетъ желѣзныхъ дорогъ, хотя и въ измѣненномъ видѣ. Г. Офенгеймъ, удостовѣрясь, что сумма испрашиваемой имъ гарантіи не можетъ быть утверждена, сбавляетъ ее разомъ на цѣлую треть и требуетъ гарантіи дохода только въ 1.600,000 р. металлическихъ. Но даже и въ этомъ измѣненномъ видѣ эта цифра представляется чѣмъ-то очень громаднымъ. Оставляя всѣ другія невозможныя требованія, одно уже то обстоятельство, что пониженіе могло быть сдѣлано въ такомъ размѣрѣ, ясно указываетъ или на отсутствіе всякаго пониманія дѣла со стороны контрагента или на его желаніе представить дѣло въ ложномъ свѣтѣ. На томъ основаніи такое предложеніе могло быть оставлено вовсе безъ вниманія; между тѣмъ оно принимается къ свѣдѣнію и для окончательнаго рѣшенія по этому вопросу назначается особое изслѣдованіе о наиболѣе выгодномъ направленіи линіи для соединенія Одессы съ сѣтью австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ. Такое рѣшеніе тѣмъ болѣе кажется страннымъ, что въ докладѣ комитета желѣзныхъ дорогъ, согласно съ заключеніемъ главноуправляющаго путями сообщеній, выведены очень вѣскіе аргументы противъ принятія подобнаго предложенія. Замѣчательно, что въ этомъ докладѣ сказано только, что испрашиваемая гарантія весьма высока, но вовсе не говорится о чрезмѣрной дороговизнѣ поверстной стоимости дороги, которая, въ особенности въ виду уже заключеннаго съ г. Унгернъ-Штернбергомъ договора, должна была броситься въ глаза, а между тѣмъ приведены такіе доводы, которые доказывали вредъ вообще всякаго соединенія Одесскаго порта съ сѣтью австрійскихъ желѣзныхъ дорогъ (такъ напр., что дорога эта приготовитъ намъ опаснаго соперника на азіятскихъ рынкахъ во вредъ будущности нашихъ мануфактуръ, пособитъ переходу части судоходства по Черному морю въ руки Австрійцевъ; увеличитъ въ Одессѣ число иностранныхъ торговыхъ домовъ въ ущербъ нашему торговому сословію). Казалось бы, что если эти соображенія имѣютъ значеніе, то они должны имѣть его и при другомъ направленіи дороги, которое впослѣдствіи утверждено и приведено въ исполненіе постройкой линіи отъ Балты къ Волочиску и которое оказалось по новымъ изслѣдованіямъ короче линіи, предложенной г. Офенгеймомъ на 35 верстъ. Мы приводимъ эти соображенія для того, чтобъ указать какъ шатки были въ то время воззрѣнія

на экономическое значеніе желѣзныхъ дорогъ. Въ самомъ дѣлѣ могла ли желѣзная дорога къ Одесскому порту вредить нашему судоходству на Черномъ морѣ? Напротивъ, она могла только увеличивать количество грузовъ, отправляемыхъ изъ Одессы, чѣмъ можно только развить наше судоходство. За тѣмъ, какимъ образомъ съ устройствомъ этой дороги наши фабрики и заводы могли скорѣе встрѣтить опасное соперничество на азіятскихъ рынкахъ? Развѣ провозъ по желѣзной дорогѣ стоитъ дешевле чѣмъ водянымъ путемъ внизъ по Дунаю, и развѣ перегрузка товаровъ съ желѣзной дороги на морскія суда въ Одессѣ можетъ стоить дешевле, чѣмъ провозъ этихъ товаровъ по дунайскимъ гирламъ? Мы бы не стали возражать противъ подобныхъ соображеній, еслибъ предполагалось оградить Россію отъ всякаго торговаго сношенія съ Австріею, такъ какъ подобныя мѣры оправдываются протекціонистскими тенденціями; но этого не было, такъ какъ предполагалось только замѣнить одну линію другою. Наконецъ, что могло быть опаснаго въ томъ случаѣ, еслибы число иностранныхъ торговыхъ домовъ въ Одессѣ увеличилось? — Единственное послѣдствіе подобнаго увеличенія было бы усиленіе конкуренціи между торговцами, вслѣдствіе чего какъ производители, такъ и потребители цѣлаго района Одесскаго порта могли только выиграть, а отнюдь не проиграть. Опасаться развитія конкуренціи между торговцами и принимать мѣры къ ея ограниченію, — значитъ искуственно увеличивать ту монополію, которой они пользуются при ограниченномъ количествѣ капиталовъ въ странѣ. Выгоды этихъ лицъ состоятъ въ возможно большей разницѣ тѣхъ цѣнъ, на которыя соглашаются производители и потребители, и только одна конкуренція между торговцами въ состояніи понизить эту разницу, что вполнѣ согласно съ интересами цѣлаго населенія. Вслѣдствіе этого, соображенія такого рода представляются намъ по меньшей мѣрѣ излишними и не выдерживающими критики. Совсѣмъ другое дѣло представляютъ тѣ соображенія, которыя относятся къ невыгодѣ этой дороги вслѣдствіе ея дороговизны, вслѣдствіе другой ширины ея колеи въ сравненіи съ нашими дорогами и въ тѣхъ исключительныхъ привиллегіяхъ, которыя испрашивалъ г. Офенгеймъ. Объ этомъ мы уже высказались довольно ясно.

Спеціальныя изысканія привели къ тому выводу, что линія черезъ Подольскую губ. къ Лембергу идетъ на протяженіи 174 верстъ до мѣстечка Станиславчика по направленію кіево-балтской

дороги, что она не требуетъ тоннелей и лишь 30 малыхъ мостовъ; тогда какъ линія, предложенная Офенгеймомъ, требуетъ 2 тоннеля, 4 большихъ моста и 93 малыхъ. Кромѣ того мѣстность, по которой проходитъ подольская линія, оказалась гораздо производительнѣе бессарабской. Въ стратегическомъ отношеніи, всѣ спеціалисты военнаго дѣла высказывались также за подольскую линію.

Между тѣмъ въ спеціальныхъ обществахъ, въ журналистикѣ и даже въ правительственныхъ учрежденіяхъ (какъ указываетъ Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ 1867 года), возникли горячія пренія по поводу предложенія г. Офенгейма, получившаго гласность. „Недавно, кажется, а вѣрится съ трудомъ". Невольно спрашиваешь себя при этомъ, какъ въ виду всего сказаннаго могли народиться защитники предложеній г. Офенгейма и невольно вспоминаешь слова Струсберга о великой силѣ желѣзнодорожныхъ королей.

По счастію для Россіи въ засѣданіи совѣта министровъ 17 февраля 1866 года, Государь Императоръ, по внимательномъ обсужденіи вопроса, Высочайше повелѣть соизволилъ: „въ виду рѣшительныхъ преимуществъ подольской линіи, предложеніе г. Офенгейма отклонить".

Вслѣдствіе сего предприняты были дѣятельныя мѣры къ осуществленію линіи отъ Балты къ Кіеву съ вѣтвью на Волочискъ. На сооруженіе этой линіи поступили въ 1865 и 1866 годахъ два предложенія: берлинскаго негоціанта Леви съ директоромъ лондонской компаніи металлическихъ сооруженій Брауномъ и бельгійскаго подданнаго Де-Вріера и К°. Мы не имѣемъ въ виду условій перваго предложенія. Что же касается условій послѣдняго, то по журналу комитета министровъ 17-го мая 1866 года они были одобрены, и сооруженіе дороги предоставлено этому товариществу простымъ подряднымъ способомъ. Ниже, мы изложимъ условія этого договора, а теперь позволимъ себѣ напомнить читателю соображенія, вслѣдствіе которыхъ предложенія гг. Мамонтова и Горбова на постройку курско-кіевской дороги были отклонены, не смотря на то, что они были признаны со стороны вѣдомства путей сообщенія наиболѣе выгодными. 25 мая 1866 года заключается простой подрядный контрактъ на постройку дороги отъ Балты къ Кіеву, а 30 сентября того же 1866 года отклоняется наиболѣе выгодное предложеніе на томъ основаніи, что оно представляется простымъ подряднымъ предложеніемъ. Не

правы ли мы были, говоря о шаткости воззрѣній на финансовые вопросы? Отсутствіе всякой системы невольно поражаетъ въ этомъ случаѣ безпристрастнаго наблюдателя. Какимъ образомъ въ маѣ мѣсяцѣ финансовыя соображенія не мѣшаютъ утвердить подрядный способъ, а въ сентябрѣ на основаніи тѣхъ же финансовыхъ соображеній его допустить становится невозможнымъ. Мы были бы готовы согласиться съ этимъ, еслибъ представлялась такая комбинація, которая не требовала бы вовсе затратъ государственнаго казначейства, но оказывается, что такой комбинаціи вовсе не было и что постройка даже Курско-Кіевской дороги производилась за оптовую плату изъ суммъ государственнаго казначейства. Объяснить это противорѣчіе трудно и мы не беремся за это.

Условія договора 25 мая 1866 года съ товариществомъ барона де-Вріера и К°. состояли въ слѣдующемъ. Товарищество обязывалось въ теченіи четырехъ лѣтъ со дня подписанія договора построить дорогу отъ Кіева до Балты въ 428 верстъ съ вѣтвями отъ Казатина къ Бердичеву въ 27 верстъ и отъ Жмеринки къ Волочиску въ 167 верстъ съ земляннымъ полотномъ и мостами подъ два пути, на участкѣ отъ Балты до Жмеринки, а на остальномъ протяженіи подъ одинъ путь. Всего на протяженіи 622 верстъ. Постройка послѣдней вѣтви въ договорѣ введена условно, такъ какъ она зависѣла отъ соглашенія съ австрійскимъ правительствомъ, и если бы она не состоялась, то поверстная стоимость сооруженія нѣсколько возвышалась. Количество подвижнаго состава опредѣлялось въ 90 паровозовъ и 1870 вагоновъ. Отчужденіе земель подъ дорогу оставалось на обязанности правительства. За работы и поставки товарищество получало по 21,484 р. 60 к. металлическихъ и 37,403 р. 24 к. кредитныхъ съ версты, что по курсу 7 руб. 80 коп. за фунтъ стерлинг. составляетъ 64,216 р. кредитныхъ, а вмѣстѣ съ отчужденіемъ земель, полагая по 1000 р. на версту, 65,216 руб., кромѣ процентовъ за время постройки и реализаціи капитала. Такія условія въ виду контрактовъ, заключенныхъ съ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ, не только нельзя считать выгодными, но приходится удивляться, какъ могли быть принимаемы подобныя предложенія и почему не были приняты мѣры къ установленію при казенной постройкѣ такихъ порядковъ, при которыхъ она была бы выгодна. Всѣ уступочные договоры были такъ убыточны, что повидимому слѣдовало бы никакъ не отвергать казенную по-

стройку, а напротивъ постараться улучшить ея систему. Но такой образъ дѣйствій не входилъ въ соображенія. Мы поняли бы эти соображенія, если бы наши частныя общества строили дороги также выгодно, какъ напр. общество Варшаво-Вѣнской дороги, которому поверстная стоимость сооруженія обошлась въ 36,626 руб. кредитныхъ съ подвижнымъ составомъ 1 паровозъ на 4,8 версты и почти по 5 вагоновъ на версту (Сбор. свѣд. о желѣзн. дорогахъ 1868 года). Но мы никакъ не можемъ понять защитниковъ дѣйствующей системы постройки, въ виду тѣхъ цѣнъ, на которыя мы указывали.

Для того, чтобы ускорить работы по сооруженію кіево-балтской дороги, еще прежде заключенія этого договора 24 февраля 1866 года испрошено было Высочайшее разрѣшеніе приступить съ 15 мая къ производству земляныхъ работъ на главной линіи посредствомъ войска, при чемъ товарищество обязывалось принять всѣ исполненныя работы и возвратить правительству сдѣланныя имъ затраты. Товарищество внесло правительству условленный по договору залогъ въ 875,000 руб. металлическихъ 23 іюля 1866 года, а съ 1 августа того же года приняло работы въ свое завѣдываніе.

Такимъ образомъ изъ общей сѣти дорогъ, утвержденной 1866 года апрѣля 23 дня, оставались только двѣ дороги, къ постройкѣ которыхъ не было еще приступлено: a) отъ Курска черезъ Харьковъ къ портамъ Азовскаго моря, b) отъ Харькова до Кременчуга. Что же касается третьей дороги отъ Поти до Тифлиса, то еще въ іюнѣ 1865 года, въ виду трудности пріисканія капиталовъ и для ускоренія сооруженія дороги, разрѣшено отпустить изъ государственнаго казначейства 1.000,000 р. въ теченіи двухъ лѣтъ для сооруженія земляного полотна съ употребленіемъ на работу войска. По журналамъ же кавказскаго комитета 22 и 24 октября 1865 года, Высочайше разрѣшено кромѣ построенія земляного полотна строить на счетъ правительства мосты и другія искуственныя сооруженія, на что ассигновано также въ теченіи двухъ лѣтъ 3.210,000 р. Такъ какъ работы по этой дорогѣ окончены акціонернымъ обществомъ, образовавшимся для этой цѣли, то о дальнѣйшей судьбѣ поти-тифлисской дороги мы будемъ говорить ниже, а теперь объяснимъ причины, по которымъ замедлилось сооруженіе южной дороги отъ Курска къ портамъ Азовскаго моря.

Въ мартѣ 1865 года, графъ Барановъ, князь Кочубей, графъ

Строгановъ и генералъ-маіоръ Марченко, вошли въ министерство путей сообщенія, съ предложеніемъ о сооруженіи дороги отъ Орла черезъ Курскъ и Харьковъ до Таганрога, съ вѣтвью къ Ростову на Дону, протяженіемъ въ 900 верстъ. Для этой цѣли они обязывались образовать акціонерное общество на 99 лѣтъ со дня окончанія дороги или на 104 года со дня заключенія уступочнаго договора. Капиталъ общества первоначально предполагалось образовать въ 62,500 руб. металлическихъ съ версты, а правительство обязывалось гарантировать обществу 5 1/2% чистаго дохода съ погашеніемъ на капиталъ въ такихъ размѣрахъ, которыхъ достигнутъ дѣйствительныя издержки сооруженія. Затѣмъ погашеніе предположено было производить въ теченіи 50 лѣтъ, а дорога должна была оставаться во владѣніи общества въ теченіи 99 лѣтъ. За послѣдовавшимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, участокъ отъ Орла до Курска строить средствами государственнаго казначейства, предложеніе учредителей было ограничено протяженіемъ отъ Курска до Таганрога и Ростова въ 727 верстъ. Затѣмъ это предложеніе было подвергнуто обсужденію. Само собою разумѣется, что правительство не могло принять такихъ неопредѣленныхъ предложеній и 21 октября 1865 года въ Совѣтѣ Министровъ послѣдовало слѣдующее Высочайшее повелѣніе: „объявить просителямъ, что гарантія по дѣйствительному расходу безъ ограниченія суммы дана быть не можетъ, но она можетъ быть допущена по предварительномъ соглашеніи съ Министрами Путей Сообщенія и Финансовъ предѣльной суммы, выше которой расходъ остается на отвѣтственности компаніи".

По объявленіи этого повелѣнія учредителямъ, они назначили за предѣлъ гарантированнаго капитала 122,000 руб. металлическихъ съ версты, но вслѣдствіе разъясненія преувеличенности этой цифры и въ особенности въ виду дѣйствительной стоимости сооруженія въ Россіи дорогъ уменьшили свое требованіе до 100,000 рублей. Съ своей стороны гг. Министры Путей Сообщенія и Финансовъ признавали достаточнымъ принять за высшій предѣлъ гарантированнаго капитала цифру въ 84,037 руб. метал. съ версты. Въ засѣданіи Комитета 8 февраля 1866 года Государь Императоръ изволилъ утвердить эту послѣднюю цифру за высшій предѣлъ гарантированнаго капитала. Вслѣдствіе этого по соглашенію съ учредителями 18 февраля того же года имъ выдано удостовѣреніе Министра Финансовъ въ томъ, что, по предъявленіи въ теченіи 4 мѣсяцевъ финансовыхъ дѣятелей предпріятія и

составленіи окончательныхъ условій, правительствомъ будетъ заключенъ съ ними договоръ на уступку курско-таганрогской линіи. Впослѣдствіи, согласно ходатайству учредителей имъ были даны три отсрочки,—по 5 сентября 1866 года, по 1 января 1867 года и наконецъ по 31 января 1867 года; но и затѣмъ предпріятіе не имѣло успѣха и данное учредителямъ удостовѣреніе потеряло силу.

Вникая въ сущность этихъ переговоровъ и сопоставляя ихъ со всѣмъ изложеннымъ выше, безпристрастный наблюдатель невольно останавливается на слѣдующихъ соображеніяхъ.

Во-первыхъ, очень понятно, что заграничные предприниматели, предлагая свои услуги правительству, не знали мѣстныхъ условій и, быть можетъ не пользуясь кредитомъ въ своемъ отечествѣ, увеличивали стоимость сооруженія въ видахъ скорѣйшей возможности привлечь къ дѣлу серьезныхъ капиталистовъ. Люди аферы и спекуляціи, они искали только барышей, которые они могли получить въ иностранномъ государствѣ, поэтому они не останавливались ни передъ какими средствами, чтобъ обезпечить за собою наибольшія выгоды. По окончаніи дѣла, они покинули бы Россію, до которой имъ, конечно, нѣтъ никакого дѣла. Опытъ однакожъ показалъ, что ни одинъ изъ этихъ спекулянтовъ, не смотря на то, что имъ случалось вступать въ договоры съ русскимъ правительствомъ на невѣроятно выгодныхъ условіяхъ, не могъ осуществить предпріятія, вѣроятно на томъ простомъ основаніи, что во-первыхъ всякій солидный капиталистъ опасается дѣлъ, приносящихъ громадные барыши, а во-вторыхъ, какъ мы замѣтили выше, что лица эти не пользовались кредитомъ у себя дома. Все это вполнѣ понятно, и излагая факты мы удивлялись только, какъ могли быть принимаемы подобныя предложенія, но намъ нисколько не было страннымъ, что эти предложенія дѣлались. Совсѣмъ другое впечатлѣніе выносится при внимательномъ разсмотрѣніи послѣдняго предложенія. Намъ непонятно, какъ могли русскіе люди утруждать правительство подобными предложеніями, какъ гарантія дохода на капиталъ, не ограниченный ни какими предѣлами или такими, какъ 122,000 и 100,000 руб. металлическихъ за версту. Русскимъ людямъ не могли же не быть извѣстны мѣстныя условія постройки дорогъ, а также и цѣна постройки напр. варшаво-вѣнской дороги; а въ январѣ 1866 года, когда происходили переговоры, конечно, были извѣстны также и условія барона Унгернъ-Штернберга, не говоря уже о

томъ, что ни одна концессія, строившихся въ то время дорогъ, не доводила поверстную стоимость до цифры 84,037 руб. металлическихъ,—что составляетъ 104,878 руб. кред., а мы видѣли, что высшая цѣна была заплачена за постройку орловско-витебской дороги, которая однакожъ доходила только до 96,615 руб. кредитныхъ, стало быть на 8,263 руб. ниже той цѣны, на которую согласились учредители Курско-Азовской дороги въ видѣ уступки. При этомъ необходимо принять въ соображеніе положеніе гг. предпринимателей въ нашемъ обществѣ, вслѣдствіе котораго нельзя думать, чтобъ единственнымъ мотивомъ дѣятельности этихъ людей были личныя выгоды, такъ какъ для нихъ государственный интересъ далеко не можетъ казаться безразличнымъ. Если люди этой категоріи могли требовать такихъ невѣроятныхъ условій, то отсюда можно вывести только одно заключеніе, что въ то время не имѣлось у насъ никакихъ свѣдѣній для правильнаго сужденія о стоимости постройки желѣзныхъ дорогъ. Если намъ возразятъ, что условія эти не заключаютъ въ себѣ чрезмѣрныхъ требованій, такъ какъ предпріятіе всетаки не состоялось, то на это мы замѣтимъ, что успѣхъ предпріятія, т. е. возможность реализовать необходимый капиталъ зависитъ не столько отъ выгодности предпріятія, сколько отъ того кредита, которымъ пользуется предприниматель. Поэтому невозможность составить общество отнюдь не была слѣдствіемъ безвыгодности предпріятія, но явилась только потому, что предприниматели не внушали своими именами достаточнаго довѣрія заграничнымъ капиталистамъ. Иначе, какъ же объяснить успѣхъ реализаціи капиталовъ со стороны другихъ предпринимателей нашихъ желѣзныхъ дорогъ въ теченіи того же 1866 г., отнюдь не болѣе извѣстныхъ на заграничныхъ рынкахъ?

Въ нашемъ изслѣдованіи мы дошли наконецъ до того момента желѣзнодорожнаго дѣла въ Россіи, когда возраставшій кредитъ Россіи далъ возможность правительству оказывать содѣйствіе желѣзнодорожнымъ обществамъ не одною гарантіею чистаго дохода, но и снабженіемъ ихъ денежными средствами. Второй выигрышный заемъ и реализація облигацій николаевской дороги положили основаніе особому желѣзнодорожному фонду, который было предположено пополнять выпусками консолидированныхъ пятипроцентныхъ облигацій и расходовать на пріобрѣтеніе облигацій, выпускаемыхъ обществами желѣзныхъ дорогъ. Такимъ образомъ съ 1867 г. вновь открываемыя общества освобождаются отъ зависимости загра-

ничныхъ и нашихъ банкировъ и правительство принимаетъ на себя реализировать всю сумму облигаціоннаго капитала. При такихъ условіяхъ возможность образованія желѣзнодорожныхъ обществъ облегчается до послѣдней крайности, въ особенности въ виду господствовавшаго, но совершенно ошибочнаго мнѣнія о дѣйствительной стоимости сооруженія. Весь механизмъ подобныхъ спекуляцій состоялъ только въ томъ, чтобъ разцѣночная вѣдомость работамъ и поставкамъ была раздута какъ можно сильнѣе и не роняла бы установившуюся поверстную стоимость постройки. Если предприниматель умѣлъ привести данныя, которыми оправдывалось возвышеніе цѣны, то это нисколько не уменьшало его шансовъ на то, что дѣло останется за нимъ, а напротивъ онъ могъ расчитывать, что его предложеніе обратитъ на себя вниманіе, какъ болѣе серьезное и болѣе основательное. Замѣчательно, что въ то время значительное пониженіе цѣны скорѣе могло вызвать недовѣріе къ предпринимателю, поселить убѣжденіе, что онъ желаетъ только перебить дѣло у другаго, но не будетъ въ состояніи его выполнить, а здѣсь, какъ тогда говорили, прежде всего нужна увѣренность, что дѣло будетъ сдѣлано.

Такое мнѣніе господствовало не только въ правительственныхъ сферахъ, но и въ обществѣ, оно проникало даже въ сдѣлки частныхъ лицъ: промышленная горячка и спекуляція создавали такое настроеніе, при которомъ мало заботились о цѣнѣ, лишь бы окончить дѣло скорѣе. На этомъ основаніи все дѣло состояло въ томъ, чтобъ расходы дѣйствительнаго сооруженія покрыть тою суммою капитала, которую правительство выдаетъ за облигаціи общества. Вслѣдствіе этого для образованія общества нужно только внести 10 или 20 процентовъ съ суммы акціонернаго капитала въ государственный банкъ въ доказательство, что акціи разобраны, а эта сумма всегда могла быть найдена посредствомъ залога акцій у какого нибудь банкира. Такимъ образомъ дѣло могло быть ведено вовсе безъ капитала и для успѣха нужны были только ловкость и умѣнье внушить къ себѣ довѣріе. Не предстояло никакой надобности въ образованіи какихъ бы то ни было обществъ, напротивъ эти общества могли только стѣснять предпринимателей, а потому они и существовали только на бумагѣ, только въ виду требованія закона и какъ возможность для предпринимателей вести громадное дѣло безъ всякой личной отвѣтственности. Обыкновенный порядокъ дѣятельности этихъ обществъ состоялъ въ томъ, что учредители и банкиры составляли

общее собраніе изъ близкихъ имъ людей, избирали правленіе и сдавали постройку дороги за оптовую сумму, вырученную по реализаціи бумагъ. Если строитель оказывался несостоятельнымъ, то онъ уходилъ въ сторону, а отвѣтственныхъ лицъ за подобныя дѣйствія не оказывалось въ наличности, такъ какъ все дѣлалось по постановленіямъ общихъ собраній съ перемѣнными личнымъ составомъ. Въ такихъ обстоятельствахъ правительству приходилось пополнять дефициты по постройкѣ и поддерживать такъ называемыя общества пособіями и ссудами, какъ напр. общества кіево-брестской и бресто-граевской дорогъ.

Что большинство нашихъ желѣзнодорожныхъ обществъ существуетъ только на бумагѣ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, и это не составляетъ секрета ни для кого. На этомъ основаніи позволительно предложить вопросъ: почему считается необходимымъ поддерживать порядокъ, фиктивность котораго, извѣстная всему свѣту, игнорируется только законодательствомъ, не смотря на то, что вслѣдствіе такого порядка администрація и въ особенности судъ, при обсужденіи каждаго желѣзнодорожнаго вопроса, становятся въ совершенно ложное положеніе, должны закрывать глаза на очевидность и сознательно утверждать то, чему по совѣсти не могутъ повѣрить? Да, когда вдумаешься серьезно въ тѣ послѣдствія, которыя возникаютъ изъ подобнаго положенія дѣлъ, то невольно заглядываешь въ будущее и спрашиваешь себя, что будутъ думать наши потомки объ тѣхъ понятіяхъ, которыя господствовали въ наше время? И для чего все это дѣлается? На этотъ послѣдній вопросъ отвѣчать довольно трудно, хотя мы объ этомъ часто думали. Остается предположить, что здѣсь заставляетъ такъ дѣйствовать ошибочное убѣжденіе о невозможности казеннаго хозяйства въ такомъ сложномъ дѣлѣ и о необходимости частной инпціативы; а такъ какъ отдѣльныя лица не могутъ представить государству достаточныхъ гарантій въ исполненіи обязательствъ на такія значительныя суммы, а дѣйствительныя акціонерныя общества у насъ образоваться не могутъ, вслѣдствіе нашей разрозненности, непривычки дѣйствовать общими силами и наконецъ бѣдности въ капиталахъ, то и признается необходимымъ закрывать глаза на дѣйствительность и показывать видъ, что мы какъ будто имѣемъ дѣло съ настоящими акціонерными обществами. До поры до времени намъ это удавалось, и мы послѣ пяти выпусковъ консолидированныхъ облигацій успѣли довести сѣть нашихъ дорогъ до настоящаго ея по-

ложенія. Но по видимому въ настоящее время надежды на доходность нашихъ желѣзныхъ дорогъ на заграничныхъ рынкахъ ослабѣваютъ и дальнѣйшій выпускъ этихъ бумагъ становится затруднительнымъ, такъ что настоящая система образованія обществъ должна измѣниться и этому нельзя не порадоваться.

Какова бы ни была однакожъ система постройки при посредствѣ частныхъ обществъ, съ 1867 года она примѣняется исключительно, и новыхъ попытокъ—строить на счетъ правительства хозяйственнымъ или подряднымъ способомъ—мы къ сожалѣнію не встрѣчаемъ, хотя опыты на московско-курской и балто-кременчугской дорогахъ оказались вполнѣ удовлетворительными и подавали надежду на возможность дальнѣйшихъ улучшеній. Мы не встрѣчаемъ также въ теченія 1867 г. примѣненія системы покупки облигацій правительствомъ, хотя образованіе желѣзнодорожнаго фонда относится именно къ этому году. Въ 1867 году выданы четыре концессіи, кромѣ орловско-витебской, о которой мы уже говорили, а именно на елецко-грязскую, шуйско-ивановскую, риго-митавскую и поти-тифлисскую дороги. Всѣ онѣ выданы еще на основаніи прежней системы съ выпускомъ акцій и облигацій отъ имени обществъ. За устройство же земляного полотна и техническихъ сооруженій на поти-тифлисской дорогѣ средствами правительства, общество обязывалось уплатить израсходованные 4.210,000 руб. акціями общества. Изъ этихъ дорогъ только одна поти-тифлисская, какъ уже находившаяся въ постройкѣ, вошла въ сѣть необходимыхъ дорогъ, утвержденную 23 апрѣля 1866 года; остальныя же дороги разрѣшены отдѣльными распоряженіями и до сихъ поръ остаются мало выгодными и требующими постоянной поддержки со стороны правительства, хотя первая изъ нихъ вошла въ составъ весьма длинной линіи, соединяющей низовья Волги съ Рижскимъ портомъ. Концессіи эти выданы при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Въ августѣ 1866 года елецкое земство представило проектъ уступочнаго договора отъ Ельца къ станціи Грязи козлово-воронежской дороги, но Комитетъ Министровъ по разсмотрѣнію этого предложенія нашелъ, что необходимо отложить выдачу этой концессіи на томъ основаніи, что линія эта составляетъ звѣно будущей дороги отъ Орла до Саратова, а потому необходимо прежде этого обсудить въ Комитетѣ желѣзныхъ дорогъ вопросъ о выборѣ наивыгоднѣйшаго направленія линіи между московско-курскою и козлово-воронежскою дорогами. Вслѣдствіе этаго Ми-

нистръ Путей Сообщенія внесъ этотъ вопросъ на обсужденіе Комитета желѣзныхъ дорогъ, который нашелъ, согласно съ мнѣніемъ Министра Путей Сообщенія, что дорогу отъ Ельца къ Грязямъ нужно вести черезъ Липецкъ до станціи Грязи, такъ какъ линія эта составляетъ кратчайшее соединеніе Ельца съ Воронежемъ и что весьма желательно, чтобъ оба участка отъ Ельца къ Грязямъ и къ Орлу были построены одновременно, что также совпадало съ мнѣніемъ Министра Путей Сообщенія, который предлагалъ елецкому земству строить дорогу одновременно до Орла, въ видахъ соединенія этой линіи посредствомъ орловско-витебской дороги съ Ригою. Тѣмъ не менѣе Комитетъ нашелъ, что елецкое земство, желая скорѣйшаго соединенія съ открытою уже козловскою дорогою, сдѣлало затраты на изысканія и внесло 10% акціонернаго капитала, и что поэтому откладывать выдачу концессіи на елецко-грязскую дорогу было бы неудобнымъ. Вслѣдствіе этого внесенный Министромъ Путей Сообщенія уступочный договоръ въ Комитетъ Министровъ былъ утвержденъ 1 марта 1867 года.

Въ смыслѣ общихъ экономическихъ интересовъ Россіи, конечно, можно многое возразить противъ подобнаго распоряженія. Дѣйствительно наибольшій интересъ въ эту минуту представляло продолженіе линіи къ югу отъ Курска черезъ Харьковъ къ портамъ Азовскаго моря. Эта линія была уже давно проектирована и входила въ утвержденныя сѣти дорогъ 1857, 1862 и 1866 годовъ, тогда какъ линія отъ Ельца къ Грязямъ, хотя и составляла звѣно саратовско-орловской линіи, предусмотрѣнной въ сѣти дорогъ 1862 года, но эта послѣдняя была уже исключена изъ сѣти 1866 года. Кромѣ того, она могла имѣть значеніе только при полномъ ея осуществленіи, въ настоящій же моментъ она отвлекала средства къ осуществленію другихъ, болѣе нужныхъ для Россіи дорогъ. На этомъ основаніи, казалось бы, не было никакого расчета затруднять возможность пріобрѣтенія средствъ для южной дороги разрѣшеніемъ строить побочную линію, тогда какъ съ 1 января 1867 года уже положительно было извѣстно, что учредители курско-азовской линіи не въ состояніи образовать общества. Съ другой стороны, даже и мѣстные интересы не согласовались съ избраннымъ направленіемъ, хотя объ этомъ и ходатайствовало мѣстное земство. Всѣ торговые интересы Ельца и окружающей его мѣстности всегда тяготѣли къ Москвѣ и Петербургу и предположить, что это тяготѣніе можетъ когда нибудь обратиться къ Ригѣ, было едва-ли возможно, такъ какъ разстоя-

ніе до Риги было на 150 верстъ длиннѣе, чѣмъ до Петербурга, и не имѣло на пути такихъ торговыхъ пунктовъ, какъ Москва и Петербургъ. Еще менѣе возможно было допустить тяготѣніе Ельца къ Воронежу или къ портамъ Азовскаго моря. На этомъ основаніи мѣстные интересы требовали постройки дороги вовсе не къ Грязямъ, а прямо вдоль существовавшаго уже почтоваго тракта отъ Ельца черезъ Ефремовъ до станціи Лазарево между Тулою и Орломъ, что составляло 150 верстъ и слѣдовательно было на 30 верстъ короче, чѣмъ разстояніе до Орла. Подобная дорога сократила бы разстояніе отъ Москвы до 390 вер., тогда какъ черезъ Орелъ оно увеличилось до 537 верстъ. Слѣдствіемъ этого было то, что грузы шли гужемъ до Лазарева и Тулы даже и послѣ постройки орловской дороги. Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы укажемъ на то обстоятельство, что соединеніе Ельца съ Тулою болѣе кратчайшимъ путемъ сдѣлалось впослѣдствіи необходимостію, и къ Ельцу проведена вѣтвь отъ одной изъ станцій ряжско-вяземской дороги въ 195 верстъ длины, которая однакоже не настолько сокращаетъ разстояніе между этими двумя городами, на сколько могла сократить елецко-лазаревская линія, которая на 45 верстъ короче этой вѣтви. Такимъ образомъ для исправленія прежней ошибки пришлось издержать около 8 мил. руб. лишнихъ безъ особенной пользы дѣлу, такъ какъ орловско-грязская линія приноситъ значительный убытокъ и врядъ ли когда нибудь будетъ выгодна. Намъ кажется, что въ виду означенныхъ соображеній, ходатайство елецкаго земства о постройкѣ дороги къ Грязямъ не только не могло служить доказательствомъ мѣстныхъ потребностей, но должно было возбудить опасеніе, что земство или ошибается въ оцѣнкѣ мѣстныхъ интересовъ или, что еще хуже, становится орудіемъ какихъ нибудь интересовъ отдѣльныхъ личностей. Къ сожалѣнію, опасенія этого не возникло, ходатайство было сочтено признакомъ дѣйствительной потребности мѣстнаго населенія и постройка побочной линіи была разрѣшена не смотря на то, что въ это время далеко еще не были обезпечены средства сооруженія главной южной линіи. Послѣдствія у всѣхъ на лицо: постоянная приплата гарантированнаго обществу дохода, приплата, которая съ 1876 года должна была увеличиваться, такъ какъ часть грузовъ отъ Ельца будетъ направляться на ряжско-вяземскую дорогу.

Акціонерный капиталъ общества опредѣленъ въ 3.021.500 руб. кредитныхъ, а облигаціонный въ 4.834.125 руб. металли-

ческихъ, что по современному курсу 7 руб. 8 коп. за фунтъ стерл. составляетъ вообще 7.501.309 р. металлическихъ. Такъ какъ длина дороги составляетъ 103 версты, то поверстная стоимость обошлась въ 72.828 р. металлическихъ; принимая же въ соображеніе одинъ облигаціонный капиталъ, оказывается, что на версту дороги приходится 57.549 р. металлическихъ, а такъ какъ, даже въ то время, у насъ строились многія дороги за суммы ниже этой цифры, то одного облигаціоннаго капитала было достаточно на постройку линіи.

Постройка шуйско-ивановской дороги разрѣшена также экспромптомъ, безъ внесенія ея предварительно въ сѣть желѣзныхъ дорогъ, и вѣроятно поэтому Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ не приводитъ никакихъ мотивовъ, по которымъ предпринята постройка этой, весьма второстепенной линіи гораздо прежде, чѣмъ окончена или даже обезпечена постройка главнѣйшей линіи къ югу отъ Курска. Вѣроятно объ этомъ было особое ходатайство мѣстныхъ жителей, о чемъ однако же мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Мы знаемъ только, что гг. Горбовъ и Вусуринъ, предлагавшіе въ 1866 году вмѣстѣ съ г. Мамонтовымъ принять на себя постройку курско-кіевской дороги по цѣнѣ болѣе выгодной, нежели гг. Дервизъ и Комп., черезъ семь мѣсяцевъ, т. е. 9 мая 1867 г., получаютъ концессію на постройку линіи отъ ст. Новки московско-нижегородской дороги черезъ городъ Шую до села Иванова. Капиталъ общества опредѣленъ въ 760.920 фунт. стерлинговъ или въ 4.755.750 руб. металлическихъ, что при длинѣ дороги въ 84 версты составитъ на версту 56.616 р. металлическихъ,—т. е. менѣе чѣмъ сумма одного облигаціоннаго капитала предыдущей дороги: стало быть мы имѣли полное право сказать, что акціонерный капиталъ елецко-грязской дороги остался чистымъ барышемъ отъ постройки. Общество шуйско-ивановской дороги получило гарантію 5% чистаго дохода и $^{4}/_{45}$% на погашеніе капитала. Сравнивая эти цифры между собою, рѣшительно недоумѣваешь вслѣдствіе какихъ причинъ можетъ быть такая громадная разница въ стоимости сооруженія двухъ дорогъ, которая доходитъ до 16.208 р. на версту и составляетъ $28^{1}/_{2}$%. Казалось бы, что разницу эту могутъ составлять только земляныя работы и мосты; а такъ какъ эти расходы, какъ мы видѣли выше, не превышаютъ $^{1}/_{5}$ всѣхъ вообще расходовъ и поэтому на шуйско-ивановской дорогѣ могли доходить только до 11.000 руб. на версту, то остается

непонятнымъ, какъ они могли обойтись въ 27 т. на елецко-грязской. Къ сожалѣнію мы не имѣемъ въ виду разцѣночныхъ вѣдомостей обѣихъ дорогъ и потому не можемъ сказать по этому поводу ничего положительнаго.

Въ томъ же 1864 году образовалось акціонерное общество для окончанія постройки и эксплуатаціи поти-тифлисской дороги. При этомъ невольно останавливаешься на вопросѣ: какія соображенія могли выставить эту дорогу на первый планъ въ то время, когда главныя магистральныя линіи не только не были окончены, но даже не были обезпечены средствами сооруженія. Не говоря уже о заграничномъ опытѣ, наша собственная практика уже достаточно указывала, что желѣзныя дороги только тогда имѣютъ дѣйствительное экономическое значеніе, когда онѣ находятся въ связи съ другими дорогами и водяными путями, охватываютъ довольно значительный районъ и притомъ проходятъ по мѣстности густо населенной и съ значительно развитой промышленностію. Доказательствомъ тому была Николаевская дорога, неимѣвшая значительныхъ грузовъ до тѣхъ поръ, пока она стояла одиноко. Развитіе движенія на этой дорогѣ начинается только съ открытіемъ рязанской дороги, а за тѣмъ рязанско-козловской, что въ 1867 году уже вполнѣ выяснилось. Ожидать же полезныхъ результатовъ въ экономическомъ отношеніи отъ поти-тифлисской дороги было невозможно, такъ какъ она проходитъ по мѣстности почти безъ всякихъ признаковъ промышленнаго развитія и безъ всякой возможности подвоза грузовъ, если бъ даже и нашлись таковые и притомъ среди полудикаго населенія. Крайніе пункты дороги Черное море и Тифлисъ ни въ какомъ случаѣ не могли доставить этой дорогѣ достаточной работы, такъ какъ продовольствіе мѣстнаго населенія обезпечено мѣстными средствами, а потребленіе мануфактурныхъ товаровъ и движеніе пассажировъ не настолько велико въ этой мѣстности, чтобы перевозка ихъ могла обезпечить существованіе желѣзной дороги. Но кромѣ того самыя условія постройки этой дороги таковы, что движеніе по ней сколько нибудь значительныхъ грузовъ дѣлается просто немыслимымъ. Достаточно указать на то обстоятельство, что при сооруженіи ея допущены были продольные уклоны въ 0,04 и радіусы кривыхъ въ 40 саженъ. Хотя дѣйствительное исполненіе и не достигло этихъ предѣльныхъ цифръ, но всетаки встрѣчаются уклоны въ 0,035 и очень крутые повороты: 4,8% всей длины дороги составляютъ

кривыя менѣе 150 саженъ и болѣе 12% длины идетъ уклонами превышающими 0,01 сажени. При такихъ условіяхъ сооруженія сильные паровозы ходить не могутъ, да если бы и могли, то въ состояніи везти только ничтожное число вагоновъ. Слѣдовательно даже при устройствѣ пути до Каспійскаго моря грузовое движеніе транзитомъ обходилось бы слишкомъ дорого и не могло бы получить сильнаго развитія. Желѣзныя дороги при подобныхъ условіяхъ могутъ существовать только для движенія пассажировъ, какъ самаго дорогаго груза, или же какъ питательныя вѣтви на небольшомъ разстояніи для спуска какихъ нибудь продуктовъ горной промышленности съ возвышенностей въ низменности, гдѣ груженые вагоны могутъ спускаться силою своей тяжести на однихъ тормозахъ и гдѣ нуженъ лишь обратный подъемъ пустыхъ вагоновъ. Но дорога въ 289 верстъ съ подобными подъемами и поворотами можетъ окупаться только пассажирскимъ движеніемъ при значительной населенности, развитомъ производствѣ и усиленномъ движеніи, котораго нѣтъ и не можетъ быть между Поти и Тифлисомъ. Если же при этомъ принять въ соображеніе то обстоятельство, что средства употребленныя на эту дорогу, могли бы идти на скорѣйшее довершеніе главныхъ магистральныхъ линій и что затраченныя такимъ образомъ они были бы употреблены вполнѣ производительно, то сооруженіе Поти-тифлисской дороги, въ виду ограниченности средствъ Государственнаго Казначейства, представляется мало понятнымъ.

Какъ бы то ни было, постройка этой дороги, какъ мы видѣли выше, была начата правительственными средствами съ 1865 года съ употребленіемъ на работы войскъ, на что и было издержано 4.210.000 р. На окончаніе этой дороги было представлено пять различныхъ предложеній. Четыре изъ нихъ были отклонены по невыгодности и только по предложенію гг. Бельвалетта и Стифеля выдано было удостовѣреніе отъ 30 іюня 1866 года въ томъ, что если лица эти представятъ положительныя и законныя удостовѣренія благонадежныхъ капиталистовъ въ ихъ участіи, то проектъ уступочнаго договора, представленный ими, будетъ подвергнутъ разсмотрѣнію правительства. Впрочемъ Сборникъ свѣдѣній о желѣзныхъ дорогахъ 1868 года къ сожалѣнію не указываетъ подробностей ни одного изъ этихъ предложеній, а потому и мы не можемъ объяснить почему осталось безъ послѣдствій ходатайство гг. Бельвалетта и Стифеля, хотя

потребованное отъ нихъ удостовѣреніе и было ими представлено. За тѣмъ на сооруженіе этой дороги 25 іюня 1867 года была выдана концессія англійскимъ предпринимателямъ баронету Томасу Августу Парвинсу и Фридерику Пауэру. Капиталъ общества опредѣленъ въ 17.650.000 р. металлическихъ, что при длинѣ дороги въ 289 верстъ представляло 61.072 руб. на версту. Капиталъ этотъ долженъ былъ образоваться путемъ выпуска на $^2/_5$ акцій и на $^3/_5$ облигацій. Общество обязывалось принять отъ правительства земляное полотно и искуственныя сооруженія, построенныя правительствомъ на сумму 4.210.000 руб., и уплатить за нихъ акціями общества по номинальной ихъ стоимости, а правительство гарантировало обществу 5% чистаго дохода и $^1/_{10}$% погашенія. Впрочемъ капиталъ этотъ вслѣдствіе невозможности окончанія дороги былъ увеличенъ до 28.240.000 р. металлическихъ пріобрѣтеніемъ со стороны правительства облигацій общества сперва на сумму 3 м., а потомъ на сумму 7.590.000 руб., такъ что нынѣ дорога эта стоитъ уже 98.062 руб. металлическихъ на версту. Поэтому она представляется наиболѣе дорогою изъ всѣхъ дорогъ кромѣ николаевской и требуетъ постоянной доплаты гарантіи. Дорога эта въ 1875 г. дала чистаго дохода только 43.736 руб, что составляетъ лишь 0,15% на затраченный капиталъ. Но въ силу вышеприведенныхъ условій дорога эта и не можетъ придти въ болѣе благопріятное положеніе. Даже постройка дороги отъ Тифлиса въ Баку не дастъ ей лучшихъ условій по затруднительности грузоваго движенія при такихъ продольныхъ склонахъ и кривизнахъ. Такимъ образомъ государственное казначейство осуждено въ теченіи 81 года выплачивать гарантію или приписывать къ долгу не полученные съ облигаціоннаго капитала проценты. Спрашивается: во что обойдется эта дорога въ концѣ концессіоннаго срока? При этомъ надо принять въ соображеніе и то обстоятельство, что по условіямъ мѣстности дорога эта подвергается частымъ поврежденіямъ и иногда въ такихъ размѣрахъ, что требуетъ не обыкновеннаго, но капитальнаго ремонта, который ни въ какомъ случаѣ не можетъ производиться изъ обыкновенныхъ средствъ эксплуатаціи, а требуетъ капитальнихъ затратъ. Все это должно бы обратить на себя особое вниманіе и возбудить вопросъ: можетъ ли быть продолжаема дальнѣйшая эксплуатація дороги въ томъ видѣ, въ какомъ она нынѣ находится, и не слѣдуетъ ли ее перестроить вновь, если это возможно

по мѣстнымъ условіямъ. Если же это не возможно, то не лучше ли будетъ воспользоваться рельсами и подвижнымъ составомъ этой дороги для устройства какой нибудь другой, которая находилась бы въ болѣе благопріятныхъ мѣстныхъ условіяхъ.

Послѣдняя дорога, разрѣшенная въ 1867 году, была риго-митавская. Дорога эта также не вошла въ сѣть, утвержденную 23 апрѣля 1866 года, хотя о постройкѣ ея и были ведены переговоры гораздо ранѣе и даже состоялось соглашеніе съ лифляндскимъ дворяниномъ Вегагель-фонъ-Адлерскрономъ о сооруженіи ея за сумму 52,172 руб. съ версты безъ правительственной гарантіи. Предпріятіе это однакоже не состоялось, не смотря на то, что контрагенту предоставлялась отсрочка. Въ началѣ 1867 года образовалось общество изъ курляндскихъ дворянъ и рижскаго купечества для сооруженія желѣзной дороги отъ Риги до Митавы; и для соединенія ея съ ковно-либавской дорогой, когда послѣдняя состоится. Общество просило при этомъ правительственную гарантію чистаго дохода. По разсмотрѣніи этого ходатайства въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ 13 марта 1867 года было признано, что хотя желаніе курляндскаго дворянства и рижскаго купечества заслуживаетъ полнаго вниманія, но что гарантія правительства на это предпріятіе дарована быть не можетъ, такъ какъ риго-митавская дорога не входитъ въ число тѣхъ, кои по Высочайше утвержденному 23 апрѣля 1866 года журналу комитета признаны первостепенными и на которыя рѣшено обратить всѣ средства и кредитъ государственнаго казначейства. Поэтому комитетъ полагалъ, не давая товариществу просимой имъ гарантіи правительства, предоставить ему, если найдетъ возможнымъ, приступить къ постройкѣ дороги безъ гарантіи правительства, при чемъ объявить, что гарантія можетъ быть дарована впослѣдствіи, когда Министръ Финансовъ найдетъ удобнымъ возобновить разрѣшеніе гарантій вообще для новыхъ желѣзнодорожныхъ предпріятій. Такое заключеніе было утверждено 21 марта 1867 года и по измѣненіи въ этомъ смыслѣ концессіи и устава общества они утверждены 9 іюня 1867 года.

Разсматривая это заключеніе комитета, нельзя не замѣтить, что такое заявленіе правительственной власти о возможности присвоенія гарантіи въ будущемъ, было равнозначительно съ дарованіемъ самой гарантіи, такъ какъ учредителямъ оставалось только изыскать средства для уплаты процентовъ на употребленный капиталъ за время подобной отсрочки, и они могли легко

сдѣлать это двумя средствами. Они могли или уменьшить издержки сооруженія и понизить цѣну своихъ бумагъ, или возвысить самую стоимость предпріятія увеличеніемъ срока постройки и внесеніемъ въ разцѣночную вѣдомость процентовъ за это время. Намъ кажется, что этотъ послѣдній способъ и былъ употребленъ учредителями, такъ какъ срокъ постройки незначительной линіи въ 39 верстъ, опредѣленный въ три года, представляется слишкомъ продолжительнымъ. Онъ оказался и въ дѣйствительности такимъ, такъ какъ дорога эта открыта для движенія гораздо ранѣе, а именно 21 ноября 1868 года. Такимъ образомъ трехлѣтній срокъ постройки и внесеніе въ разцѣночную вѣдомость суммы на уплату процентовъ за время постройки давали учредителямъ возможность выжидать правительственной гарантіи съ полной увѣренностію, что употребленный капиталъ вполнѣ гарантированъ правительствомъ. Хотя такая гарантія повидимому отсрочивалась, но въ сущности она была дарована съ перваго же момента, такъ какъ эта отсрочка возвышала стоимость сооруженія дороги.

Капиталъ общества опредѣленъ въ 2.652,000 руб. метал., который образуется выпускомъ акцій на 1.500,000 руб. и облигацій на 1.152,000 руб., слѣдовательно по 68,000 металлическихъ руб. на версту. При этомъ, на основаніи журнала комитета желѣзныхъ дорогъ 21 марта 1867 года, учредителямъ объявлено, что если товарищество приступитъ къ работамъ и изъ книгъ и счетовъ его окажется, что имъ израсходовано не менѣе половины всего капитала, тогда товариществу будетъ предоставлена гарантія чистаго дохода въ $5^1/_2$%, въ томъ случаѣ, если не встрѣтится особыхъ обстоятельствъ, препятствующихъ выдачѣ гарантій по частнымъ предпріятіямъ, но что во всякомъ случаѣ гарантія будетъ предоставлена обществу ко дню открытія дороги. При такихъ обстоятельствахъ позволительно сдѣлать вопросъ: къ чему же послѣ этого сводится отказъ въ выдачѣ гарантіи при самомъ утвержденіи устава и то различіе, которое установлено комитетомъ желѣзныхъ дорогъ между линіями первоклассными, вошедшими въ сѣть, и линіями второстепенными, въ нее не вошедшими?

Впослѣдствіи, при разрѣшеніи продолженія этой линіи до ковно-либавской дороги въ 1872 году, облигаціонный капиталъ общества увеличенъ на сумму 2.292,200 руб. металлическихъ и эти облигаціи правительство оставило за собою. Длина же линіи

увеличилась до 127,3 версты и слѣдовательно стоимость всей линіи обошлась въ 44,337 руб. съ версты. Цифра эта весьма знаменательна въ виду тѣхъ цѣнъ, которыя мы видѣли выше и которыя предстоитъ намъ разсмотрѣть впослѣдствіи.

Мы дошли въ нашемъ изслѣдованіи до 1868 года, который представляетъ начало новой системы въ условіяхъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Образованіе особаго желѣзнодорожнаго фонда и пополненіе его выпускомъ особыхъ консолидированныхъ облигацій желѣзныхъ дорогъ съ спеціяльной цѣлью реализаціи облигаціоннаго капитала вновь образуемыхъ обществъ даютъ нашей финансовой администраціи возможность оказывать обществамъ болѣе дѣятельную поддержку и вмѣстѣ съ тѣмъ облегчаетъ до крайнихъ предѣловъ возможность образованія этихъ обществъ. Такая система въ тоже время порождаетъ въ нашемъ обществѣ неудержимую желѣзнодорожную горячку: всѣ сколько нибудь предпріимчивые люди берутся за это дѣло и правительство осаждается безчисленнымъ количествомъ ходатайствъ и предложеній о сооруженіи новыхъ линій. Съ этого года не правительство ищетъ предпринимателей, а напротивъ между предпринимателями является конкуренція, такъ что на каждую линію является нѣсколько соискателей. Хотя этимъ число нашихъ концессіонеровъ, считающихся *благонадежными* строителями, и не очень увеличилось и попасть въ ихъ среду очень трудно, но во всякомъ случаѣ при такихъ обстоятельствахъ представлялось необходимымъ начертить новую сѣть желѣзныхъ дорогъ, опредѣлить извѣстную постепенность ихъ сооруженія и, въ видахъ удешевленія сооруженія, допустить конкуренцію между желающими взяться за одно и тоже дѣло.—Въ этотъ фазисъ наше желѣзнодорожное дѣло входитъ именно съ 1868 года, а такъ какъ наша статья достигла уже значительныхъ размѣровъ, то мы и отлагаемъ дальнѣйшее ея продолженіе до выхода слѣдующаго тома Сборника.

КРИТИКА

И

БИБЛІОГРАФІЯ.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Отношенія между Литовскимъ Статутомъ и Уложеніемъ царя Алексѣя Михайловича.

(По поводу „Исторіи Кодификаціи“ С. В. Пахмана. Спб. 1876 г.) [1]).

I.

Недавно вышедшій новый и большой трудъ извѣстнаго цивилиста — профессора С. В. Пахмана есть, конечно, сводъ (по мѣстамъ неполный, а иногда не совсѣмъ точный) того, что сдѣлано до сихъ поръ наукою по обширному и важному предмету, избранному авторомъ. Едвали онъ и самъ претендуетъ на болѣе высокое значеніе своего труда: одно подведеніе итоговъ ко всему сдѣланному наукою въ такой широкой сферѣ требуетъ уже гигантскихъ усилій, какія едвали подъ силу одному человѣку. Съ этой точки зрѣнія и долженъ быть оцѣниваемъ трудъ С. В. Пахмана.

Понятно, что работа почтеннаго ученаго отражаетъ на себѣ всю неполноту и всѣ ошибки предшествующихъ работъ: ему невозможно было исправить и пополнить ихъ всѣ [2]). Но именно этими своими недостатками „Исторія Кодификаціи“ оказала немалую услугу наукѣ; итоги подведены, — и вотъ со всею яркостью обнаружились въ ученой литературѣ дефициты, прежде скрывавшіеся за обманчивою массою печатной бумаги. Мы имѣемъ въ виду преимущественно русскій отдѣлъ „Исторіи Кодификаціи“ и еще въ большей мѣрѣ — славянскій. С. В. Пахманъ ошибочно говоритъ объ источникахъ Уложенія 1649 г.; но вина за ошибочность падаетъ на него только отчасти. Что нашелъ онъ въ ученой литературѣ по этому вопросу? Старую рѣчь Морошкина и еще двѣ неудовлетворительныя работы 40-хъ годовъ.

Неясностей, заблужденій, неполноты оказалось такъ много, что нужно

---

[1]) Объ этомъ трудѣ г. Пахмана была помѣщена въ III томѣ Сборн. Гос. Зн. (с. 38) рецензія *Н. В. Калачева*.

[2]) Къ сожалѣнію во многихъ мѣстахъ не приняты во вниманіе работы предшественниковъ, заслуживавшія вниманія, или приняты не съ должною осмотрительностію.

предположить геройскія усилія духа въ человѣкѣ, который рѣшается подводить имъ итогъ. По крайней мѣрѣ, читатель поистинѣ впадаетъ въ тяжкое уныніе предъ подавляющею массою работы, которую еще нужно сдѣлать.

Между русскими кодексами (включая въ то число и дѣйствующій Сводъ) въ историческомъ отношеніи безспорно самые цѣнные суть Уложеніе 1649 г. и Литовскій Статутъ. Въ нихъ резюмированы вся юридическая мысль и вся правовая жизнь, въ двухъ главныхъ ея проявленіяхъ—государствахъ Московскомъ и Литовско-русскомъ. Впослѣдствіи мы создавали лучшіе кодексы, но ихъ достоинства уже не результатъ нашей собственной жизни и мысли. Казалось бы, что въ русской наукѣ не осталось ни одного сомнительнаго пункта относительно этихъ двухъ кодексовъ, и особенно относительно ихъ взаимной связи. Оказалось—не то.

Требованіе, которое мы теперь заявляемъ, не есть требованіе точной, но мелкой археологической справки; нѣтъ, оно соприкасается съ цѣлымъ воззрѣніемъ на развитіе русскаго права и его источниковъ. Наука признала Литовско-Русское государство—русскимъ государствомъ; его право—русскимъ правомъ. Наука кое-что сдѣлала для того, чтобы опредѣлить связь этого права съ древнѣйшимъ русскимъ, т. е. съ правомъ удѣльнаго періода (мы имѣемъ въ виду статью Ѳ. И. Леонтовича: „Русская Правда и Литовскій Статутъ"); но она почти ничего не сдѣлала для опредѣленія связи его съ правомъ Московскаго государства. Даже напротивъ: въ исторической литературѣ съ особенною охотою отмѣчаются противуположность между правомъ того и другаго русскихъ государствъ. Такимъ образомъ становится удивительнымъ, почему оба государства называются русскими, когда между ними существуютъ только противуположности. Въ какомъ же изъ нихъ искать чистаго выраженія русскаго права? Въ свое время каждое изъ нихъ заявляло притязанія на наиболѣе чистое выраженіе русскихъ началъ. Мы можемъ уяснить и отдѣлить эти начала отъ постороннихъ примѣсей (азіятскаго и западно-европейскаго) только при помощи взаимнаго сличенія права того и другаго государства, для чего наилучшій матеріалъ представляютъ оба русскихъ кодекса и въ особенности ихъ взаимная связь.

Къ стыду нашему, мы узнаемъ, что въ этой работѣ насъ предупредилъ какой-то неизвѣстный-юристъ практикъ XVIII в. изъ малороссовъ. Въ нашихъ рукахъ есть рукопись [1]), озаглавленная: „Согласіе книги Статута Малороссійскихъ правъ съ государственнымъ Россійскимъ Уложеніемъ". Это—въ своемъ родѣ неудачная попытка исторіи кофидикаціи въ цѣломъ культурномъ мірѣ. „Статутъ, говоритъ онъ, не отъ другихъ какихъ книгъ взятъ, какъ изъ книгъ славнаго греческаго императора Юстиніана, который, за царствованія своего въ Константинополѣ 527 года, всѣ права римскія, приличныя христіанству, за помо-

---

[1]) Обязательно сообщенная мнѣ А. Ѳ. Кистяковскимъ. Къ сожалѣнію, она представляетъ рядъ разрозненныхъ листовъ и не даетъ возможности судить, какъ авторъ выполнилъ свою задачу.

щію и трудами знатнѣйшихъ юрисперитовъ, какъ то: Трибоніяна, Өеофила, Дороөея и прочихъ, собравъ въ едино, назвалъ Corpus juris, т. е. корпусъ права, который состоитъ изъ 4 книгъ институцій, 50 книгъ пандектовъ, 12 книгъ кодекса и новеллей".—Неизвѣстный авторъ имѣетъ въ виду не опредѣлить заимствованія изъ Литовскаго Статута въ Уложеніи, а сходство этихъ двухъ памятниковъ, хотя бы основанное вовсе не на заимствованіи; оттого у него нельзя найти точнаго указанія постановленій, рецепированныхъ изъ перваго въ послѣднее. Цѣль его попытки сличенія не столько научная, сколько практическая: онъ имѣетъ въ виду отдѣлить постановленія, сходныя въ обоихъ кодексахъ, для того, чтобы въ нихъ найти выраженіе „естественнаго и всеобщаго" права, которое всегда должно имѣть силу въ практикѣ; несходныя же постановленія обязаны, по его мнѣнію, своимъ происхожденіемъ случайностямъ времени и мѣста и потому или дѣйствительно отмѣнены послѣдующими законами, или должны быть отмѣнены и не подлежатъ выполненію. „Нынѣ, говоритъ онъ, многіе въ Уложеніи статьи, которыя по времени положены, т. е. взглядомъ состоянія и обычаевъ народа Россійскаго, Высочайшими отмѣнены указами, а содержатся ненарушимо только тѣ, кои съ естественнымъ и всеобщимъ народнымъ закономъ сходственны, потому, что всякое полагательное по времени, подвержено есть перемѣнѣ, а естественные и всенародные законы почитаются вездѣ за вѣчные, которые рѣдко гдѣ нарушими бываютъ, а по правильности никогда нарушаемы быть не должны, для того, что натура въ человѣкѣ—вѣчность, которая перемѣнамъ не подвергается.... Слѣдовательно естественные законы суть непремѣнны, а учиненные по обычаямъ, т. е. гражданскіе частымъ подлежатъ перемѣнамъ. И правильно... Решпектомъ сего и Статутъ нынѣ въ Польщѣ, во многихъ своихъ артикулахъ, кои по времени и обычаямъ тогдашняго народа учинены были, особливѣйшими конституціями отмѣненъ, такъ точно, какъ и государственное Уложеніе.—Чего для надобно всѣмъ Малороссійскимъ судамъ тонко о семъ разсуждать, гдѣ есть и что въ Статутѣ изъ закона естественнаго и что полагательное по времени и можетъ ли то нынѣ въ Малой Россіи быть исполняемо".—Эту-то практическую задачу онъ и хочетъ разрѣшить сличеніемъ Статута съ Уложеніемъ, при чемъ бьетъ далѣе цѣли: изъ сличенія двухъ русскихъ памятниковъ хочетъ опредѣлить и „всеобщее и вѣчное" право.

Разумѣется для насъ уже не существуетъ такой практической задачи: за то тѣмъ опредѣленнѣе и значительнѣе становится цѣль научная, именно *выводъ сравнительнымъ путемъ опредѣленія общерусскаго права.* Если сравнительнымъ методомъ, мы иногда пытаемся опредѣлить общечеловѣческія основы права, то съ меньшимъ рискомъ и большею надеждою можно примѣнить этотъ способъ для цѣлей менѣе широкихъ и скорѣе достижимыхъ. Хотя изъ заимствованій не такъ ясны искомыя основы общерусскаго права, чѣмъ изъ явленій сходныхъ безъ заимствованія, но ниже мы увидимъ, что и самое заимствованіе совершалось лишь въ силу національнаго сродства двухъ русскихъ кодексовъ: заимствовалось не все подъ рядъ и безъ разбора, а только то, что согласно съ духомъ и характеромъ національнаго права.

Таково значеніе этого вопроса въ общей исторіи русскаго права. Но онъ имѣетъ ближайшее соприкосновеніе съ другимъ, болѣе частнымъ, а именно съ вопросомъ о способѣ составленія Уложенія. Извѣстно, что царь и Боярская Дума въ распространенномъ составѣ (съ участіемъ духовнаго собора) 16 іюля 1648 г. рѣшили составить Сводъ дѣйствующихъ узаконеній. До 3 окт. не только былъ составленъ Сводъ коммиссіею, состоявшею не болѣе, какъ изъ 5 членовъ (изъ нихъ трое почетныхъ), но въ это же время были составлены и новыя постановленія, не найденныя въ источникахъ. Съ 3 октября составленный совсѣмъ проектъ Уложенія читанъ выборнымъ депутатомъ земли. Здѣсь все сомнительно; преимущественно же сомнительна быстрота составленія проекта. Для рѣшенія этого сомнѣнія уже Морошкинъ и потомъ г. Кавелинъ предложили гипотезу, что составители не внесли ничего или почти ничего новаго; г. Кавелинъ въ частности указалъ на указныя книги Приказовъ, въ которыхъ законодательный матерьялъ былъ уже подобранъ и обработанъ вполнѣ. Эта гипотеза, высказанная не на основаніи фактическихъ данныхъ и изслѣдованій, тѣмъ не менѣе подтвердилась впослѣдствіи (см. нашей Христоматіи по ист. рус. пр. вып. III). Однакожъ ею злоупотреблять не слѣдуетъ. Кромѣ частныхъ промаховъ, въ родѣ допущеннаго С. В. Пахманомъ, что глава XIII о Монастырскомъ Приказѣ взята изъ книгъ Монастырскаго Приказа [1]), который именно этою главою Уложенія и учрежденъ, какъ самостоятельное вѣдомство, — кромѣ говоримъ, такихъ неудачныхъ примѣненій гипотезъ г. Кавелина, можно допустить на основаніи ея много бездоказательныхъ предположеній, въ родѣ того напр., что гл. IV и V взяты изъ Тайнаго Приказа, который учрежденъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, по Неволину не позже 1658 г. (вѣроятно и немного раньше); во всякомъ случаѣ онъ не успѣлъ бы запастись своимъ сводомъ законовъ въ тотъ короткій промежутокъ времени, который прошелъ между воцареніемъ Алексѣя и 1648 годомъ. Ниже мы увидимъ, что обѣ эти главы взяты изъ Лит. Статута почти буквально.

Между тѣмъ, эта гипотеза можетъ оставаться въ силѣ, при тщательномъ и осторожномъ изслѣдованіи источниковъ Уложенія; тогда промахи, въ родѣ указанныхъ, будутъ уже невозможны. Тогда загадка быстроты составленія Уложенія разрѣшится сама собою.

Но вопросъ объ источникахъ Уложенія имѣетъ значеніе не для внѣшней только исторіи источниковъ; рѣшеніемъ его въ значительной степени уясняется самый характеръ московскаго права, на сколько онъ отразился въ Уложеніи. Мы будемъ справедливѣе къ этому праву, не будемъ приписывать ему тѣхъ странностей, какія нерѣдко находимъ въ законѣ; увидимъ, что многое должно быть отнесено къ неискусству редакціи, которая иногда не умѣла справиться съ тѣмъ источникомъ, изъ котораго черпала по преимуществу.

Разъясненіе всѣхъ этихъ положеній читатель найдетъ въ слѣдующихъ нашихъ замѣчаніяхъ о широтѣ заимствованій изъ Статута въ Уложеніе, объ основаніи, характерѣ и способѣ заимствованій.

---

[1]) Стр. 237.

II.

Уже со времени появленія сочиненія Строева: „Историко-юридическое изслѣдованіе Уложенія" (1833), и особенно съ появленія знаменитой рѣчи Морошкина объ „Уложеніи" (1839 г.) всѣмъ стало извѣстно, что Уложеніе, въ числѣ прочихъ своихъ источниковъ, имѣетъ и Литовскій Статутъ. Рѣчь Морошкина и до-сихъ-поръ остается лучшимъ изслѣдованіемъ источниковъ Уложенія. Затѣмъ Линовскій въ своемъ сочиненіи: „Изслѣдованіе началъ уголовнаго права, изложенныхъ въ Уложеніи царя Алексѣя Михайловича" (1847 г.), довольно подробно указалъ на тотъ же источникъ Уложенія, но, сообразно со своею цѣлію, обратилъ преимущественное вниманіе на уголовную часть этого памятника. Повидимому, вопросъ былъ совершенно исчерпанъ, когда въ 1850 г. г. Забѣлинъ публиковалъ въ „Архивѣ Историко-юридическихъ свѣдѣній" Н. В. Калачова „Свѣдѣнія о подлинномъ Уложеніи ц. Алексѣя Михайловича" (т. е. о подлинникѣ Уложенія, хранящемся въ Московской оружейной палатѣ). На поляхъ этого подлинника отмѣчено, вѣроятно при самомъ составленіи Уложенія, откуда взята въ него составителями та или другая статья. Казалось, что такое оффиціальное указаніе, сдѣланное въ самомъ законодательномъ памятникѣ, должно положить конецъ дальнѣйшимъ изысканіямъ относительно его источниковъ. Однако уже тогда оказалось, что на подлинникѣ отмѣчены взятыми изъ Статута далеко не всѣ статьи, даже и тѣ, происхожденіе которыхъ изъ Статута несомнѣнно доказано Строевымъ и Линовскимъ. Съ того же времени не появлялось ничего цѣннаго въ изслѣдованіяхъ Уложенія (включая и статью г. Есиповича: „Литературная разработка и общая характеристика Уложенія" въ Журн. Мин. Юст. 1859 г. № 1).

Имѣя предъ собою такую литературу, С. В. Пахманъ пятымъ источникомъ Уложенія называетъ Литовскій Статутъ, „откуда, по его словамъ, взято 66 статей", и въ примѣчаніи перечисляетъ ихъ всѣ (стр. 236). Изъ этого перечисленія оказывается, что наименьшее число заимствованій приходится на первыя главы Уложенія, а именно въ девяти первыхъ главахъ—только двѣ статьи (II, 1; VII, 30).

При первыхъ моихъ занятіяхъ по изученію Уложенія, я былъ пораженъ явнымъ, бьющимъ въ глаза сходствомъ Уложенія, именно въ первыхъ его главахъ, съ Лит. Статутомъ. Сходство это ощутительно даже безъ повѣрки всякому, кто лишь бѣгло и разновременно просмотрѣлъ оба памятника. Послѣ же провѣрки и сличенія ихъ оказалось, что первыя главы Уложенія, именно II, III, IV, V, VII и IX составляютъ цѣликомъ или буквальный переводъ, или довольно точный перифразъ Статута. I-я глава („О богохульникахъ и о церковныхъ мятежникахъ"), хотя и имѣетъ нѣкоторыя параллельныя статьи въ Статутѣ (напр. ст. 4 и 5=Стат. Розд. XI, арт. 3), но не носитъ явныхъ слѣдовъ заимствованія. Здѣсь можно видѣть естественное сходство въ постановленіяхъ о предметѣ, для всѣхъ народовъ одинаково священномъ. Вообще I-й главѣ нѣтъ соотвѣтствующаго Раздѣла въ Статутѣ и присутствіе ея въ Уложеніи можно объяснить только особымъ значеніемъ церкви въ Московскомъ государствѣ.

Иное отношеніе къ Статуту начинается со II-й главы. Эта глава („О государской чести и какъ его государское здоровье оберегать") есть переводъ Роздѣла 1-го. Лишь немногія статьи ея, не взятыя изъ Статута, составляютъ дальнѣйшее развитіе и примѣненіе заимствованныхъ. Для наглядности дѣла представляемъ параллель:

Статутъ.	Уложеніе.
Розд. 1, арт. 3:	*Гл. II.*
„Ображенье маестату нашого господаръского, въ чомъ ее розумети маеть, и яко за то карати".	Ст. 1, 2, 3, 5 и 6.
Розд. 1, арт. 6: „Хто бы колвекъ з панъства нашого до земли непріятельское утеклъ".	Ст. 7.
Розд. 1, арт. 7: „Естли бы отецъ отъ дѣтей утеклъ до земли непріятельское, также и которые близскіе, и о томъ хто бы такого поймалъ, або забилъ".	Ст. 8, 9, 10, 12 и 15.
Розд. 1, арт. 5: „О доводѣ ображенья маестату нашого господаръского".	Ст. 17.

Остальныя статьи 18—22, въ которыхъ понятіе о скопѣ и заговорѣ распространено на возстаніе противъ провинціальныхъ органовъ власти, очевидно прибавлены составителями въ виду тогдашнихъ живыхъ впечатлѣній бунтовъ въ Новгородѣ, Псковѣ и другихъ городахъ.

Для того, чтобы показать степень точности и пріемы рецензіи, приведемъ примѣръ:

Статутъ.	Уложеніе.
Разд. 1, арт 3:	*Ст. 1, 2 и 3*
Коли бы кто змову, або спикненье, або бунтъ учинилъ на здоровье наше господаръское, хотя бы панъ Богъ уховалъ, ижбы оная змова на была учинкомъ пополнена, таковый за слушнымъ доводомъ (яко о томъ нижей въ артыкуле пятомъ весего Роздѣлу есть описано) честь, горло и именья тратитъ. Тежъ маестатъ нашъ ображонъ бываетъ съ тое причины:	1) Будетъ кто какимъ умышленьемъ учнетъ мыслить на государское здоровье злое дѣло, и про то его злое умышленье кто извѣститъ, и по тому извѣту, про то его злое умышленье сыщется допряма, что онъ на царское величество злое дѣло мыслилъ и дѣлать хотѣлъ, и то по сыску казнити смертію. 2) Также будетъ кто, при дер-

[1]) Какъ эти, такъ и всѣ послѣдующія ссылки на Статутъ дѣлаются по изданію Мамоничей.

Кгды бы ся хто бунътовалъ, покой посполитый взрушаючи противъ насъ господаря, або ку шкоде речи посполитое, мынцу безъ воли нашое билъ, або по зейштью з сего свѣта нашомъ господаръскомъ, также и потомъковъ нашихъ королей Полскихъ и великихъ князей Литовъскихъ, хотечи кто осести и опановати тое панство В. князство и господаремъ на немъ быти, и войско—людъ служебный збиралъ, выводилъ. Хто бы тежъ з непріятельми нашими порозумене мѣлъ, листы до нихъ, або послы, радячи противъ намъ господару и речи посполитой, або остерегаючи, слалъ, тымъ непріятелемъ якую помочь давалъ.

Хтобы тежъ зáмокъ нашъ непріятелю здрадою подалъ, кромѣ причины голоду кгвалтовъного. Хтобы тежъ люди непріятельскіе въ панство наше В. Князство Литовское здродливе привелъ, а то бы на него слушне и справедливе было переведено такымъ же доводомъ, якъ ниже й написано, таковый с права и росудъку нашого с паны радами нашими В. князства Литовского, честъ и горло тратитъ.

жавѣ царскаго величества, хотя Московскимъ государствомъ завладѣть и государемъ быть и для того своего злого умышленья начнетъ рать збирать, или кто царскаго величества съ недруги учнетъ дружитися и совѣтными грамотами ссылатися и помочь имъ всячески чинить, чтобъ тѣмъ государевымъ недругамъ по его ссылкѣ Московскимъ государствомъ завладѣть, или какое дурно учинитъ, и про то на него кто извѣститъ, и по тому извѣту сыщется про тое его измѣну допряма, и такова измѣнника потомуже казнить смертію.

3) А будетъ кто царскаго величества недругу городъ здаетъ измѣною, или кто царскаго величества въ городы приметъ изъ иныхъ государствъ зарубежныхъ людей для измѣны же, а сыщется про то допряма, и такихъ измѣнниковъ казнить смертію же.

Мы приводимъ эти примѣры не только для того, чтобы убѣдить въ дѣйствительности заимствованія, но главнѣйше для показанія свойствъ этого заимствованія (чѣмъ и воспользуемся далѣе). Но чтобы понять теперь же нѣкоторую разницу въ приведенныхъ параллельныхъ текстахъ, замѣтимъ, что Статутъ соединяетъ въ одну статью всю массу преступленій политическихъ; Уложеніе разбиваетъ ее на отдѣльныя постановленія. Статутъ имѣетъ въ виду здѣсь вообще перечислить виды политическихъ преступленій, посвящая нѣкоторымъ изъ нихъ впослѣдствіи особые артикулы (такъ дѣланіе фальшивой монеты карается и опредѣляется въ арт. 17); Уложенію чужды такія вступительныя части, оно стремится къ точности въ подробностяхъ (къ тому же дѣланіе фальшивой монеты по Уложенію вовсе не относится къ разряду политическихъ). Наконецъ, Статутъ имѣетъ въ виду спеціальный видъ политическаго преступленія, свойственный только Литовско-Русскому государству—отдѣленіе этого государства отъ династіи польскихъ королей, т. е. разрушеніе Уніи. Неясныя слова Статута объ этомъ увлекли Уложеніе къ излишней и непонятной фразѣ: „при державѣ царскаго величества“.

Сдѣланныя сейчасъ замѣчанія о пріемахъ рецензіи нужно имѣть въ виду и при разсмотрѣніи источниковъ III-й главы Уложенія. Вся эта глава заимствована изъ Статута, а именно первыя семь статей составляютъ переводъ артикуловъ 9-го и 10-го Розд. I-го, а послѣдняя взята изъ Розд. XIV, арт. 22. Для полной доказательности необходимо и здѣсь привести образецъ заимствованія.

Стат.	Улож.
Розд. I, арт. 9.	*Гл. III, ст. 1.*
Уставуемъ згды бы хто будучи при дворе нашомъ, а не поважаючи пристойне зверхности нашего маестату, смелъ того ся важити, а на кого другого на палацу нашомъ торъгнути словы быстрыми ущипливыми, славе доброй и учтивости шляхтской шкодливыми, а о то бы ся укривъжоный до насъ утеклъ з жалобою, тогды мы о тую речь обража́оному справедливость неотволочную на завтреежъ, а надалѣй третего дня, маемъ с паны радами нашими, пры насъ на тотъ часъ будучими вделать, и найдетлися в томъ виннымъ, маемъ того за нашу вину везенеемъ на зàмку шесть недѣль карати, а жалобной стороне о прымовку справедливость водлѣ права учинити.	Будетъ кто при царскомъ величествѣ въ его государевѣ дворѣ, и въ его государскихъ палатахъ, не опасаючи чести царскаго величества, кого обезчеститъ словомъ, а тотъ, кого онъ обезчеститъ, учнетъ на него государю бити челомъ о управѣ, и сыщется про то допряма, что тотъ, на кого онъ бьетъ челомъ, его обезчестилъ: и по сыску за честь государева двора того, кто на государевѣ дворѣ кого обезчеститъ, посадити въ тюрьму на двѣ недѣли, чтобы на то смотря инымъ неповадно было впредъ такъ дѣлати. А кого онъ обезчеститъ, и тому указати на немъ безчестіе.
	Ст. 2.
А хто бы на кого передъ нами господаремъ, або хотя и не передъ обличностью нашою, але на палацу, въ зàмку и на дворѣ нашомъ торгнулся рукою и далъ кому другому поличокъ, таковый черезъ врядъ двору нашого маетъ быти заразъ пристигненъ и не спущаючи з зàмку, або з двору нашого, ставленъ передъ нами и сужонъ, а найдетъ ли ся то с права, же онъ и початокъ учинилъ и ударилъ, за тую вину нашу маеть быти каранъ везеньемъ седенымъ за замку нашомъ, где будетъ воля наша въ томъ панстве нашомъ чверть року, а оному обража́оному навезку водлугъ стану его совито маетъ заразомъ без складанія жадныхъ раковъ заплатити.	А будетъ кто въ государевѣ дворѣ кого задеретъ, и съ дерзости ударитъ рукою: и такова тутъ же изъимати и, не отпускаючи его про тотъ его бой сыскати, и, сыскавъ допряма, за честь государева двора посадити въ тюрьму на мѣсяцъ. А кого онъ ударитъ, и тому на немъ доправити безчестіе. А будетъ кого онъ ударитъ до крови, и на немъ тому, кого онъ окровавитъ, безчестіе доправити вдвое; да его же за честь государева двора посадити въ тюрьму на шесть недѣль.

А если при поличку роскривавить,
тогды навезку также совито плати-
ти маеть, и черезъ полрока везенье
терпѣти виненъ будетъ

Точно въ такомъ же порядкѣ и съ такою же точностію идетъ заимствованіе и далѣе. Сличающій замѣтитъ, конечно, нѣкоторую разницу въ терминахъ обоихъ памятниковъ; эта редакціонная разница, какъ она ни незначительна, однако обозначаетъ существенныя оригинальныя черты права въ обоихъ русскихъ государствахъ. Справедливость требуетъ, чтобы мы признали и отмѣтили ее здѣсь же. Статутъ говоритъ объ оскорбленіи словами „вредными для доброй славы и чести шляхетской"; Уложеніе говоритъ просто объ оскорбленіи. Извѣстно, что въ Литовско-русскомъ государствѣ честь понималась только какъ шляхетская и лишь впослѣдствіи законы о чести распространены въ нѣкоторой степени и на среднее сословіе. Ниже, говоря объ основаніяхъ и способахъ заимствованія, увидимъ, какую великую важность имѣютъ такія, повидимому, незначительныя редакціонныя поправки Уложенія. Другая интересная поправка Уложенія переводитъ слова: „за тую вину нашу"—словами: „за честь государева двора". Не говоря уже о томъ, что выраженіе—„вина наша" на великорусскомъ языкѣ имѣла бы значеніе обратное, интересъ поправки заключается въ томъ, что Уложеніе создаетъ особый объектъ преступленія — честь государева двора, — потому что всякое оскорбленіе всегда считалось преступленіемъ частнымъ и, повидимому, въ этомъ случаѣ нельзя было установить никакого уголовнаго наказанія, кромѣ штрафа въ пользу обиженнаго. Считаемъ нужнымъ это отмѣтить для того, чтобъ объяснить, почему Уложеніе караетъ гораздо мягче за честь государева двора, чѣмъ Статутъ; тамъ, гдѣ послѣдній назначаетъ шестинедѣльный арестъ, по Уложенію опредѣляется двухнедѣльный; гдѣ по Статуту 12-недѣльный, по Уложенію мѣсячный. Причина та, что Статутъ видитъ въ оскорбленіи частнаго лица на государевомъ дворѣ оскорбленіе величества („маестата"), а Уложеніе, какъ мы сейчасъ сказали, изъ благоразумной осторожности опредѣляетъ здѣсь новый объектъ преступленія.

Новые характерные образцы редакторскихъ пріемовъ при полной внѣшней зависимости отъ Статута обнаруживаетъ Уложеніе въ слѣдующихъ двухъ главахъ IV и V. Въ обѣихъ главахъ оно поправляетъ Статутъ, причемъ въ первой, поправка Статута привела его къ ошибкѣ, а во второй, напротивъ, спасла отъ ошибки. Обѣ эти главы составляютъ довольно точный перифразъ: 1-я — 16-го, а 2-я — 17-го артикуловъ Розд. I-го Статута. Въ первой изъ этихъ главъ невольно останавливаетъ вниманіе странная форма постановленія, изложеннаго въ ст. 3-й. Предъ тѣмъ было сказано, что поддѣлователи государственныхъ грамотъ и печатей, а равно и виновные въ простомъ подлогѣ частныхъ актовъ подлежатъ смертной казни (причемъ Уложеніе смягчаетъ кару Статута, полагая вмѣсто сожженія простую смертную казнь). Затѣмъ 3-ю ст. Уложеніе начинаетъ такъ: „А будетъ кто такія письма сдѣлавъ умретъ, а послѣ его тѣ письма объявятся у племени его", слѣдуетъ розыскъ —

знали ли они, что акты фальшивые. Постановленіе очевидно странное: всякій и совершившій подлогъ и пользующійся подложнымъ актомъ, само собою разумѣется, преступники. Почему же здѣсь рѣчь идетъ именно о наслѣдникахъ и душеприкащикахъ умершаго? Странность объясняется неловкостію заимствованія изъ Статута. Статутъ имѣетъ въ виду преимущественно акты на земли и, въ частности, жалованныя грамоты на имѣнія и рѣшаетъ вопросъ, какъ поступать съ такими имѣніями, которыя перешли по законному наслѣдству, но первоначальному пріобрѣтателю достались по фальшивому акту? Уложеніе, обобщивъ мысль Статута, упустило это изъ виду и, такимъ образомъ, дало въ результатѣ упомянутую неловкость.

Слѣдующая (IV) глава говоритъ о двухъ совершенно разпородныхъ преступленіяхъ: дѣланіи фальшивой монеты и подмѣси золотыхъ дѣлъ мастерами въ золотыя и серебряныя вещи неблагородныхъ металловъ. Но Уложеніе не смѣшиваетъ этихъ двухъ преступленій: за первое полагается квалифицированная смертная казнь, за второе — сравнительно ничтожное наказаніе, битье кнутомъ (даже не торговая казнь). Зачѣмъ же Уложеніе сопоставило ихъ? Виною того Статутъ; онъ разсматриваетъ оба эти преступленія вмѣстѣ и не даромъ; онъ считаетъ ихъ однородными и равными; за то и другое полагается одинаковое наказаніе — смертная казнь чрезъ сожженіе. Нѣтъ сомнѣнія, что этимъ абсурдомъ Статутъ обязанъ излишнему вниманію къ матеріальному составу преступленій: оба производятся одинаковымъ ремесломъ. Такимъ образомъ, Уложеніе, пожертвовавши логичностію редакціи закона, спасло здравый смыслъ его.

Такъ или иначе истинное пониманіе какъ формы закона въ Уложеніи, такъ и содержанія его возможно только при сличеніи его съ оригиналомъ — Статутомъ.

Сравнительно большая глава Уложенія VII-я: „О службѣ всякихъ ратныхъ людей Московскаго государства", глава, въ которой С. В. Пахманъ находитъ только одну (30-ю) статью заимствованною изъ Статута, также почти вся есть передѣлка Разд. II-го Статута („О оборонѣ земской").

Именно ст.	2— 7	суть варіаціи арт.	6
»	8— 9	»	10
»	10—16	»	17
»	17	»	11—12
»	19	»	14
»	21—25	»	19 и 20
»	26—27	»	25
»	30	»	18
».	32	(послѣдняя)	21

Изъ этого читатель видитъ, что по истинѣ удивительно, отъ чего посчастливилось быть замѣченною одной только 30-й статьѣ.

Промежуточныя статьи, опущенныя въ нашемъ перечисленіи, составляютъ также, какъ и въ предъидущихъ главахъ, не болѣе, какъ необходимое приспособленіе и развитіе постановленій взятыхъ изъ Статута, кромѣ 1-й ст., которая, хотя и вызвана первыми пятью артик., но

говоритъ о тѣхъ же вещахъ совсѣмъ другое, сообразно съ тѣмъ, какъ различны условія воинской службы въ Московскомъ и Литовскомъ государствахъ. Статутъ говоритъ о правѣ объявленія войны на сеймѣ и о томъ, что обязанность служить соразмѣряется съ количествомъ недвижимыхъ шляхетскихъ имуществъ. Въ Московскомъ государствѣ, гдѣ права Земскихъ Соборовъ и сословій уступали монархическому началу, такія опредѣленія были неумѣстны; они замѣняются одною 1-ю статьею, по которой ратные люди обязаны идти, когда „изволитъ государь кому своему государеву недругу мстити", а населеніе обязано платить на содержаніе войска.

Первый отдѣлъ главы (2—7 стат.), содержащій въ себѣ воспрещеніе войскамъ продовольствоваться насильственнымъ захватомъ продуктовъ у населенія собственнаго государства, повидимому, составляетъ ненужное повтореніе того, что изложено въ Уложеніи ниже въ ст. 21, 22, 23, 24 и 25, которыми точно также запрещаются войскамъ грабежи для собственнаго продовольствія. Этимъ повтореніемъ Уложеніе обязано Статуту, который (не безъ причины) сначала (въ арт. 6) воспрещаетъ такіе грабежи шляхтичамъ, идущимъ изъ своихъ домовъ на сборъ, а потомъ въ арт. 19-мъ воспрещаетъ тоже для войскъ, уже находящихся въ походѣ. И Уложеніе въ первыхъ статьяхъ постоянно замѣчаетъ: „идучи на государеву службу", а во-вторыхъ: „будучи на государевой службѣ"; но оно могло бы безъ всякаго вреда соединить ихъ вмѣстѣ, тѣмъ болѣе, что Статутъ въ первомъ случаѣ говоритъ объ этомъ лишь мимоходомъ, описывая способъ созыва арміи; а Уложеніе подробно развиваетъ указанные имъ предметы.

Въ такую же неточность и неловкость редакціи ввелъ Статутъ наше Уложеніе и въ слѣд. статьяхъ 8—9, въ которыхъ говорится о побѣгѣ ратныхъ людей *со службы*, слѣдуя артикулу 10. Между тѣмъ, ниже въ ст. 19, оно говоритъ о побѣгѣ *съ поля сраженія* (слѣдуя арт. 14-му), причемъ оба понятія имъ почти смѣшиваются.

Вопреки своему обыкновенію сокращать постановленія Статута, Уложеніе развиваетъ небольшой артикулъ 17-й въ цѣлый рядъ статей 10—16, объ отпускахъ ратнымъ людямъ. Эта черта — распространеніе источника проникаетъ всю VII главу Уложенія, очевидно, не безъ причины: Уложеніе хочетъ придать воинскому уставу бо̀льшую твердость и строгость, чѣмъ какую допускали шляхетскіе порядки Литовско-русскаго государства. Чтобы охарактеризовать эту новую черту рецепціи, приводимъ примѣръ:

Статутъ.	Уложеніе.
Розд. II, арт. 19.	*Гл. VII.*
Уставуемъ, кому бы с подданныхъ нашихъ будучи на войне, лежачы войскомъ на одномъ местьцы, живности на самого, або на кони его не доставало, таковый з вижомъ гетьманьскимъ маетъ ехати и взяти с потребу живности на себе и на	*Ст. 21:* А будетъ у кого, у ратныхъ людей, на государевѣ службѣ, запасовъ и конскихъ кормовъ не станетъ...; а для ратныхъ людей, по указу цар. величества и по воеводскому разсмотрѣнію будетъ въ то время хлѣбнымъ запасомъ и

кони, а заплатити водлугъ уставы, отъ насъ, або гетмана нашого на то положеное, подлугъ урожаю;
нижли дрова маютъ брати волно, где стояти будутъ, але домовъ разбирати, и плотовъ жечы, ставовъ и сажавокъ волочити, а ни спущати, житъ, яринъ умыслне травити, а хто бы таковый кому шкоду учинилъ, тотъ шкоду совито маетъ заплатити, а естли бы хто на збожахъ и яринахъ обозомъ умыслне положился, и шкоду учинилъ, таковаго панъ гетманъ карати водле шкодъ и выступу его маетъ з нагородою слушною въ томъ укривжоному;
а хто бы тежъ маючы живности у себе у в обозе досытъ, а предъ се ее не вживаючы, инъшое собе найдовалъ и за вижомъ бралъ, таковый то, што возметъ, тому, у кого взялъ совито ворочати, або платити маетъ.

конскимъ кормомъ положена указная цѣна...; воеводамъ посылати приставовъ.

Ст. 22: А будетъ кто служилые люди, будучи на государевѣ службѣ, учнутъ у кого имати хлѣбные запасы и конскіе кормы насильствомъ..."

Ст. 23: А для дровъ и для всякаго лѣсу, что надобно будетъ на становое строеніе, ѣздити служилымъ людемъ въ номѣстные и вотчинные лѣса повольно..."

Ст. 24: А будетъ кто ратные люди... лошадьми хлѣбъ потравятъ и вытолочатъ, или какой хлѣбъ пожанъ, свезутъ къ себѣ на станы лошадямъ на кормъ; и на томъ за потравленной хлѣбъ велѣть доправити деньги вдвое безъ всякіе пощады, по той цѣнѣ, чѣмъ тотъ потравленной хлѣбъ оцѣнятъ сторонніе люди, да имъ же за то чинити наказаніе по разсмотрѣнію.

Ст. 25: А будетъ кто служилой человѣкъ... похочетъ у кого хлѣбные запасы или конскіе кормы покупать указною цѣною, а у него и своихъ запасовъ и конскаго корму съ его росходъ будетъ..."

Но иногда и въ этой главѣ заимствованіе дѣлается буквальное. Боясь, чтобы наши слова не показались въ чемъ-либо бездоказательными, просимъ позволенія у читателя привести еще примѣръ, выбранный нами только по краткости его:

Статутъ.

Розд. II, арт. 21.

Тежъ уставуемъ, естли бы хто, будучи на служъбе нашой, будь въ обозе, або в тесненью на дорозѣ, одинъ на другого умысьлне, або обычаемъ зъвады, наехалъ, або нашолъ на обозъ, або на станъ кгвалтомъ, и кого забилъ, або ранилъ, а было бы то на него переведено, тотъ горло тратитъ;

а естли бы не ранилъ, але умысл-

Уложеніе.

Гл. VII, ст. 32.

А будетъ кто служилой человѣкъ, ѣдучи на государеву службу, или ѣдучи съ государевы службы, приѣдетъ къ кому на станъ по недружбѣ нарядныиъ дѣломъ для задору, и въ томъ межъ ими учинится брань и бой, и на бою будетъ тотъ, которой приѣдетъ на чужой станъ насильствомъ, кого убьетъ, или ранитъ, *или ограбитъ*:

не, або своволне нашедши ударилъ, а хотя и не ударилъ, але словы неучъстивыми соромотилъ, або шкоду якую учинилъ, таковаго панъ гетманъ за доводомъ слушнымъ карати маетъ водле бачения своего и водлугъ артыкуловъ, которые бы на онъ часъ о спокойномъ захованью у войску выданы были.

и того по сыску *за смертное убійство* казнити смертію.

А будетъ онъ на томъ стану только рукою ударитъ, а не до смерти убьетъ, и не ранитъ, или словомъ кого обезчеститъ, или *у кого грабежемъ что возметъ,* а сыщется про то допряма; и тому учинити наказаніе смотря по винѣ; да на немъ же велѣти тому, кого онъ рукою ударитъ, или словомъ обезчеститъ, доправити безчестіе и грабежъ вдвое.

Анализируя статью Уложенія безъ справки съ ея источникомъ, находимъ, что она караетъ за убійство совершенное при наѣздѣ на военный станъ, смертію; за ударъ и оскорбленіе словомъ—наказаніемъ „смотря по винѣ“, а о нанесеніи раны при тѣхъ же обстоятельствахъ, хотя и упоминаетъ, но не полагаетъ за него никакого наказанія. Кромѣ того, она два раза говоритъ о грабежѣ въ военномъ стану: однажды ставитъ его наряду съ убійствомъ, а потомъ наравнѣ съ словеснымъ оскорбленіемъ. Изслѣдователь, не подозрѣвающій чужаго источника 32-й ст., полагалъ бы, что по московскому праву нанесеніе ранъ въ этомъ случаѣ не подлежитъ наказанію, а о грабежѣ не зналъ бы что и подумать. Зная же источникъ, мы не будемъ приписывать этихъ странностей древнерусскому праву, а припишемъ ихъ неловкости реципторовъ и поймемъ, что тогдашніе судьи-практики имѣли возможность найтись среди такихъ ошибокъ редакціи закона, потому что лучше насъ знали, гдѣ искать ключа къ разгадкѣ ихъ.

Гл. IX („О мытахъ, перевозѣхъ и о мостахъ“) почти вся взята изъ артикуловъ 29, („О мытахъ новыхъ и о вольности засаженья местечокъ, и о будованью мостовъ або гробель въ именьяхъ шляхетьскихъ“) и 30 („О небранью мыта отъ шляхты и подводъ ихъ“) Розд. I-го. При этомъ московское Уложеніе почему-то сочло нужнымъ переставить послѣднее на мѣсто перваго; а именно первая часть главы (1—5) взята изъ 30-го арт.; а вторая (9—18) изъ 29-го.

Эта глава открываетъ намъ возможность сдѣлать слѣдующее новое наблюденіе. Составители Уложенія въ своихъ собственныхъ узаконеніяхъ имѣли источникъ для установленія закона о мытахъ: въ 1642 г., по особому челобитью дворянъ, былъ, между прочимъ, изданъ законъ о томъ, чтобы ихъ крестьяне не были отягощаемы мостами въ городахъ, и чтобы безъ особаго разрѣшенія правительства никто не заводилъ новыхъ мытовъ (см. Ук. Кн. Земск. Прик., ст. XXXI, п. 9,—въ нашей Христоматіи, вып. III, стр. 169). Хотя Уложеніе во многомъ согласно съ этимъ закономъ, однако очевидно, не изъ него почерпало свои подробныя и точныя опредѣленія, а изъ Статута, который былъ предпочтенъ даже собственнымъ — московскимъ узаконеніямъ. Москов-

скій законъ пригодился только въ дополненіе къ Статуту, именно изъ него буквально взяты двѣ послѣднія статьи IX-й главы—19-я и 20-я.

Это обстоятельство показываетъ, какой живой отзывъ и какіе готовые отвѣты находили себѣ въ Литовскомъ Статутѣ самые жизненные вопросы права, поднимаемые самимъ населеніемъ Московскаго государства: въ 1642 г., московскіе дворяне просятъ о томъ, что предрѣшено въ 1588 г. (и даже ранѣе) въ законѣ Литовско-русскаго государства.

Читатель самъ будетъ судить, съ какою точностію заимствуетъ IX глава изъ Литовск. Статута (въ ней у С. В. Пахмана не указано никакихъ заимствованій):

Статутъ.

Розд. I.

Арт. 29: Тежъ уставуемъ и приказуемъ, абы жадинъ человекъ въ томъ паньстве нашомъ великомъ князстве Литовъскомъ не смелъ новыхъ мытъ вымышляти, а ни на дорогахъ, ни на мостѣхъ, а ни на гребляхъ, а ни на рекахъ, а ни на перевозехъ, а ни въ торгахъ, а ни на местечкахъ и стодолахъ, або корчьмахъ, на гостинцахъ, въ именахъ своихъ, кромя которые бывали зъ стародавна уставлены, або мели на то листы продьковъ нашихъ, або наши.

А хтобы кольвекъ смелъ мыто подорожное и на торгахъ новые якоежъ кольвекъ самъ безъ данины нашое въ именью своемъ змышляти и установляти, або надъ старый звычай и данину нашу повытъшати, тогды тое именье, въ которомъ то будетъ хто чинилъ, гдѣ бы се то оказано за слушнымъ доводомъ, тратить и спадываетъ тое имѣнье на речь посполитую и на насъ господара до столу нашого великого князства литовскаго,

а которые здавна за привильями и листами нашими, мыто и мостовое на именьяхъ своихъ берутъ, тые властнымъ накладомъ своимъ въ тыхъ именьяхъ своихъ на дорогахъ гати мосты, гребли, ровы направовати маютъ.

А гдѣ бы кто мостовъ, гатей,

Уложеніе.

Гл. IX.

Ст. 9: А въ которыхъ селѣхъ и въ деревняхъ и по дорогамъ на мостахъ и на плотинахъ, и на рѣкахъ и на перевозѣхъ и на торгѣхъ изстари мыта не бывало, и въ тѣхъ мѣстѣхъ новыхъ мытовъ никому ни вымышляти и не заводити никоторыми дѣлы, опричь тѣхъ мѣстъ въ которыхъ мѣстѣхъ мыты и перевозы изстари били и на которые мыты и перевозы и мосты кому жаловальныя грамоты даны.

Ст. 10: А кто мытъ, или перевозъ, или мостовщину заведетъ вновь, для своего пожитку своимъ вымысломъ безъ указу, и у него то взяти на государя.

Ст. 11: А которые мосты и перевозы за кѣмъ въ вотчинѣ, или въ помѣстьѣ по жаловальнымъ грамотамъ изъ давныхъ лѣтъ, и тѣмъ людемъ въ тѣхъ своихъ вотчинахъ по дорогамъ гати и мосты и плотины починивати собою, и былибъ у нихъ тѣ гати и мосты крѣпки, чтобы на тѣхъ мостахъ и гатѣхъ проѣзжимъ всякимъ людемъ ни зачемъ простою и задержанія и задержанія и убытковъ не было.

Ст. 12. А будетъ кто помѣщикъ, или вотчинникъ въ помѣстьяхъ и въ вотчинахъ своихъ учнутъ мытъ и перевозъ и мостовщину збирати. А мостовъ и гатей

гребель, напраленыхъ не мелъ, а для того бы переѣздъ былъ трудный, а кому бы се на тыхъ местъцахъ шкода стала тому, тотъ же панъ хто мыто береть, воленъ будетъ шкоду оправити, и з накладомъ што ищучи шкоды наложить.

и плотинъ починивать не велятъ, а у проѣзжихъ служилыхъ и у всякихъ людей, будетъ въ тѣхъ мѣстѣхъ гдѣ худые мосты и плотины и гати, учнутъ какіе убытки чинитися у служилыхъ людей, будетъ въ тѣхъ мѣстѣхъ потонутъ, или погрязнутъ лошади, или запасы, или у кого у иного что нибуди, и тѣ всѣ убытки тѣмъ всѣмъ проѣзжимъ людемъ взяти по суду и по сыску, на тѣхъ помѣщикахъ и вотчинникахъ, у которыхъ тѣ худые мосты и плотины и гати будутъ, и велѣть тѣмъ вотчинникомъ и помѣщикомъ въ тѣхъ мѣстѣхъ здѣлати мосты и гати и плотины новые, чтобы однолично у нихъ на тѣхъ мостахъ и гатяхъ впередь проѣзжимъ людемъ ни за чѣмъ простою и убытковъ не было.

Вся разница между IX-ю главою Уложенія и двумя артикулами Статута заключается лишь въ томъ, что Уложеніе не вполнѣ истощило все содержаніе этихъ артикуловъ; а именно въ одномъ изъ нихъ содержится постановленіе о правѣ шляхтичей устраивать мѣстечки и торги въ своихъ имѣніяхъ; Московскіе дворяне этого права не имѣли.

Самою національною и безспорно самою важною главою Уложенія считается глава X — *о судѣ*. Дѣйствительно, на ней отразились характерныя черты Московскаго права съ особенною рельефностью; преимущественные источники ея — Судебникъ и Указная книга вѣдомства казначеевъ, а равно, вѣроятно и послѣдующія узаконенія, внесенныя въ Указныя книги Судныхъ Приказовъ, къ сожалѣнію, или потерянныя, или до-сихъ поръ не опубликованныя. Но и въ этой главѣ статей, заимствованныхъ изъ Статута гораздо больше, чѣмъ сколько указано у г. Пахмана, который (на стр. 236, прим. 1) перечисляетъ ихъ такъ: 22, 109, 116, 133, 142, 154, 183, 184, 186, 194—198, 202, 207, 208, 210, 211, 214, 217—221, 223, 234, 235, 238, 239, 244, 245, 280; итого 33 статьи.

Мы и здѣсь, для возстановленія истины, должны представить таблицу заимствованій, не ручаясь однако, что и въ ней не будетъ пропуска.

Улож. *Гл. X. Статьи.*	Стат. *Розд. и арт.*	Улож. *Гл. X. Статьи.*	Стат. *Розд. и арт.*
22		142	„ IV, „ 11
109		154	„ IV, „ 25
106	Р. IV, ар. 7	183—184	„ IV, „ 66
116	-	186	
133—134	„ I, „ 25	194—195	„ VII, „ 30

Уложеніе. Гл. X. Статьи	Статутъ. Розд. и арт.			
196	Р.	VII,	ар.	27
197	„	VII,	„	29
198—199	„	XI,	„	1
200	„	XI,	„	19
202	„	XI,	„	40
203	„	I,	„	27
207	„	XI,	„	48
208	„	XIII,	„	2
210				
211 } 213	„	IX,	„	22
214	„	X,	„	9
215	„	X,	„	10
216	„	X,	„	11
217	„	X,	„	12
218	„	X,	„	13

Уложеніе. Гл. X. Статьи.	Статутъ. Розд. и арт.			
219	Р.	X,	ар.	14
220	„	X,	„	15
221	„	X,	„	16
222				
223—225	„	X,	„	17
231—234	„	IX,	„	18
235				
238	„	IX,	„	21
239—241	„	X,	„	3
242	„	X,	„	4
244—245	„	VII,	„	18
247	„	VII,	„	26
280	„	III,	„	28
281—283	„	XIII,	„	13
284	„	XIII,	„	14

Приведемъ и здѣсь примѣръ запиствованія, характеристическій для вопроса о свойствѣ заимствованій:

Стат.

Р. X, ар. 17.

Тежъ обачывшы есмо въ томъ шкоду земъскую, ижъ которые яко ся одны з другими у суседъстве маючы васнь межы собою, такъ тежъ люди перееждчые у пущахъ на станехъ своихъ, и пастухы пасучы кони и быдло в пущахъ пожаръ от становъ своихъ пущаютъ, а тымъ дереву бортъному, пчоламъ, зверу и птахомъ шкоду великую чинять, уставуемъ на таковыхъ: хтобы *умысльне с вазни* одинъ противъ другому у пущы, у борехъ, гаехъ, лесехъ, дубровахъ огнемъ пожаръ пустилъ и шкоду въ попаленью дерева починилъ, тогды таковый за доводомъ слушнымъ правънымъ шкоду. . платити будетъ повиненъ. А если бы хто *неумысльне.... неопатрностью своею* або з якое иное *пригоды* пожаръ пустилъ, таковый, отъ присягнувшы ее..., отъ того воленъ быти мастъ.

Улож.

Гл. X, ст. 223.

А будетъ кто *по недружбѣ* учнетъ въ чьемъ лѣсу на станѣхъ огонь класти, и отъ того въ томъ лѣсу учинится пожаръ, или въ чьемъ лѣсу пожаръ учинится отъ конскихъ или иные животины отъ пастуховъ *небереженьемъ*, и такимъ пожаромъ учинятъ поруху бортному деревью и пчеламъ, и звѣрь и птицы тѣмъ пожаромъ отгонятъ, и въ томъ на нихъ будутъ челобитчики, и съ суда сыщется про то допряма, что такой пожаръ отъ кого учинится *нарочнымъ дѣломъ* или пастуховымъ *небереженьемъ*, и на техъ людехъ за такое пожарное разоренье взяти пеня, что Государь укажетъ, а исцу велѣть на нихъ доправити убытки по сыску. А будетъ отъ кого такое дѣло учинится *безъ хитрости*, и на немъ пени и исцова иску не имати.

Одно изъ свойствъ редакторскихъ пріемовъ составителей Статута заключалось въ томъ, что большинству постановленій они предпосылаютъ мотивы; изложеніе мотивовъ обыкновенно состоитъ въ описаніи вреда отъ того преступленія или проступка, которые законъ намѣревается карать, иногда же просто въ описаніи состава такого преступленія или проступка. Такъ и здѣсь въ артикулѣ Статута есть двѣ части: первая, описывающая разныя причины лѣсныхъ пожаровъ и вредъ, происходящій отъ нихъ, и вторая—собственно юридическая, гдѣ Статутъ различаетъ умышленное произведеніе пожара отъ неумышленнаго и неосторожнаго, причемъ преступная неосторожность сливается съ случайностью и во все избѣгаетъ наказанія. Уложеніе не допускаетъ мотивированій и потому, при заимствованіяхъ изъ Статута, смѣшиваетъ описательную часть съ юридическою, и въ слѣдствіе того впадаетъ въ затрудненія и ошибки. Такъ и въ этомъ случаѣ оно смѣшиваетъ дѣяніе злоумышленное съ преступною небрежностью. Это и помѣшало ему отличить сильный уголовный характеръ въ умышленномъ поджогѣ лѣса; оно должно было ограничиться денежною пенею и взысканіемъ убытковъ въ пользу истца, потому что казалось страннымъ карать жестокимъ уголовнымъ штрафомъ пастуха, который забылъ залить костеръ или сдѣлалъ это не съ должною тщательностью. Такимъ образомъ за неосторожнымъ пастухомъ скрылся въ законѣ и умышленный поджигатель. За то Уложеніе совершенно правильно отличило дѣяніе случайное отъ преступной небрежности и тѣмъ исправило ошибку Статута.

Минуя далѣе слѣдующія главы Уложенія, въ которыхъ заимствованія изъ Литовскаго Статута не столь значительны, остановимся на гл. XXII: „указъ, за какія вины кому чинити смертная казнь, и за какія вины смертію не казнити, а чинити наказаніе“. Уже одно то обстоятельство, что предшествующая XXI-я глава также посвящена вся уголовному праву, изъ чего слѣдовало бы, что нѣтъ нужды отдѣлять въ особую главу часть уголовныхъ постановленій, уже это обстоятельство наводитъ на мысль, что между тою и другою главою есть какое-либо существенное различіе. И дѣйствительно оказывается, что поразительная разница между ними и даже противоположность заключается въ свойствѣ источниковъ ихъ: первая буквально заимствована вся изъ Московскаго источника—Уставной книги Разбойнаго Приказа (за исключеніемъ ст. 88—91, взятыхъ изъ Статута), вторая вся взята изъ чужаго источника — Статута; отсюда двойственность, неоднородность уголовнаго права въ Уложеніи. Свойствомъ источниковъ опредѣляются и свойства постановленій московскаго закона; отсюда ясное и настоятельное значеніе исторіи (разумѣемъ надлежащей и точной) источниковъ закона для истиннаго пониманія права данной эпохи.

Въ „Исторіи кодификаціи“ указано семь статей, заимствованныхъ изъ Статута въ XXII гл., а именно 3—5, 7—9, 26. Между тѣмъ, почти вся эта, довольно большая глава (въ ней 26 статей) заимствована, какъ сказано, изъ Статута [1]); лишь нѣкоторыя статьи, не имѣю-

---

[1]) Кромѣ двухъ статей, взятыхъ изъ Прохирона.

щія въ Статутѣ буквальнаго оригинала, прибавлены Уложеніемъ въ *разъясненіе* и *развитіе* постановленій заимствованныхъ. Читатель убѣдится въ этомъ изъ слѣд. сличенія.

Статутъ.	Уложеніе.
	Гл. XXII.
Р. XI, арт. 7: „О забойцахъ отца, або матки, также о забитьи дитяти черезъ родича“.	Ст. 1—3.
Розд. VIII, арт. 7: „Причины, для которыхъ отецъ сыновъ, або дочокъ выречысе можетъ.	Ст. 4—6.
Розд. XI, арт. 8: „Если бы хто брата, або сестру забилъ“.	Ст. 7.
Розд. XI, арт. 9: „Который бы слуга забилъ, або ранилъ пана своего“.	Ст. 8—9.
Розд. XI, арт. 27: „О головщинахъ, о хроменью члонковъ и о навезкахъ шляхетскихъ“.	Ст. 10.
Розд. XI, арт. 28: „Хтобы шляхтича взялъ до везенья своего“.	Ст. 11.
	Ст. 12: примѣненіе того же постановленія къ „людямъ“ (слугамъ).
	Ст. 13 и 14 взяты изъ Прохирона.
Розд. XI, арт. 34: „О невесте беременъной, на смерть сказаной“.	Ст. 15.
Розд. XI, арт. 12: „О згалтованье девки и невесты“.	Ст. 16.
Розд. XI, арт. 15: „Где бы хто бременъную невесту шляхтянку збилъ, або конемъ потрутилъ и забилъ“.	Ст. 17—18.
Розд. XI, арт. 17: „О забитью, або раненью здрадливымъ, потаеннымъ обычаемъ“ (§ 2).	Ст. 19.
Розд. XI, арт. 23: „О неумысльномъ, а пригодномъ мужобойствѣ“.	Ст. 20.
Розд. XI, арт. 25: „Слуга, который бы пана своего боронечы кого забилъ, або ранилъ“.	Ст. 21—22.
	Ст. 23—24 (объ отравленіи и совращеніи).
Розд. XIV, арт. 31: „О караныю зводницъ“.	Ст. 25.
Розд. XI, арт. 60: „О караныю такихъ невестъ збытечныхъ, которые бы дети свои або иншыхъ губили“.	Ст. 26.

Примѣры буквальной точности заимствованій въ эту главу приведены будутъ ниже по другимъ поводамъ.

III.

При такомъ широкомъ заимствованіи изъ чужаго источника, уменьшается ли сколько-нибудь справедливость установившагося мнѣнія о нашемъ Уложеніи, какъ строго-національномъ кодексѣ? Должны ли мы понизить свое традиціонное уваженіе къ этому своду, признавъ его переводной компиляціей? Отнюдь нѣтъ. *Основанія для заимствованій заключались не въ отреченіи отъ историческихъ основаній права, а въ возвращеніи къ нимъ.* Замѣчательное дѣло: коммиссіи, составлявшей проектъ Уложенія, было указано самою верховною властію, какъ на *первый* источникъ — на постановленія апостольскія и св. отцовъ и на византійское право; между тѣмъ во всемъ Уложеніи едва можно насчитать десятокъ-другой статей, взятыхъ изъ этихъ источниковъ. Между тѣмъ Статутъ, прямо не указанный, сдѣлался обильнѣйшимъ родникомъ для московскаго свода. Мало того: кормчая книга, заключавшая въ себѣ первые источники, давно считалась дѣйствующимъ закономъ и дѣйствительно примѣнялась по крайней мѣрѣ въ церковныхъ судахъ. И такъ всѣ преимущества предъ Статутомъ были на ея сторонѣ. Однако всѣ эти преимущества остались втунѣ; не ей было суждено стать въ ближайшее родство съ Уложеніемъ. Между тѣмъ въ Прохиронѣ, и даже въ Эклогѣ можно было найти почти на всѣ вопросы отвѣты, притомъ формулированные съ большою строгостью формы и зрѣлостью юридической мысли.

Въ чемъ же разгадка такой странности? Уже упомянутый выше неизвѣстный авторъ „Согласія“ мѣтко угадалъ причину: „Нѣкоторые права, говоритъ онъ, изъ Статута, приличныя Россійскому государству, взяты и введены быть могли въ государственное Уложеніе, по большей части по причинѣ сходства въ языкѣ, а паче по единству вѣры, ибо тогда почти всѣ — и Литва, и Бѣлая Русь православной греческой придержались вѣры.“ Иначе говоря, основаніе для заимствованій заключалось въ единствѣ національности двухъ государствъ (что нашъ авторъ понимаетъ какъ единство языка и вѣры).

Мы назвали обращеніе составителей Уложенія къ Статуту возвращеніемъ къ историческимъ основаніямъ русскаго права, а не отреченіемъ отъ нихъ. Дѣйствительно: нѣкоторое отступленіе отъ древнѣйшихъ (а вмѣстѣ съ тѣмъ и основныхъ) началъ русскаго права совершилось въ Московскомъ государствѣ, но не въ эпоху Уложенія, а гораздо раньше, въ XIV и XV вв. Извѣстно, что въ исторіи русскаго права, если она обходитъ исторію права литовско-русскаго, обыкновенно является рѣзкій перерывъ: начáла Русской Правды, еще ясныя въ Псковской Судной грамотѣ, совершенно нераспознаваемы въ Судебникахъ. Между этими послѣдними и Русскою Правдою цѣлая пропасть, ничѣмъ не наполненная; содержаніе ихъ не только одностороннѣе и скуднѣе, но и качественно различается отъ содержанія Рус. Правды.

Мостъ между этими фазисами русскаго права можно отыскать только

въ Статутѣ. Онъ сберегъ въ бо̀льшемъ обиліи древнѣйшіе законы русскаго права (окрасивъ ихъ однако своимъ сословнымъ характеромъ).

Но здѣсь мы подходимъ къ той части нашей мысли, которая уже достаточно разъяснена другими (см. вышеназванную статью Ѳ. И. Леонтовича) и потому не требуетъ новаго разъясненія. Не можемъ обойтись только безъ слѣдующаго замѣчанія. Извѣстно, что начала русскаго права сохранены въ Литовскомъ Статутѣ не для всѣхъ граждан Лит.-русскаго государства, что городское населеніе подчинилось дѣйствію нѣмецкаго права, а сельское вовсе изъято изъ охраны, даруемой правомъ; такимъ образомъ общее право превратилось въ привилегію для одного высшаго класса; Статутъ есть сумма шляхетскихъ правъ. Поэтому отнюдь не слѣдуетъ думать, что вліяніе Статута, производимое имъ у себя дома, выше и цѣннѣе значенія Судебниковъ въ Московскомъ Государствѣ. Не слѣдуетъ думать, что мы, называя Статутъ ковчегомъ, сохранившимъ чистые остатки древнѣйшаго русскаго права, тѣмъ ставимъ на особую высоту какъ самый памятникъ, такъ и порядки, имъ гарантированные. Напротивъ, всякое право, благое и высокое, само по себѣ, способно принести великій вредъ, если къ пользованію его допускаются лишь нѣкоторые, за исключеніемъ отъ участія въ немъ всей прочей народной массы. Напр. драгоцѣнное право личной неприкосновенности безъ суда (Стат. Разд. III, арт. 10) превращается въ источникъ безправія, когда оно примѣнено только къ одному шляхетскому сословію: „каждый шляхтичъ оселый, подле права не позваный и непокананы правомъ, отъ насъ господара и отъ жадного враду иманъ и въ везенье сажонъ быти не маеть". Въ такомъ примѣненіи этотъ высокій принципъ могъ сдѣлаться (и сдѣлался) привилегіею для шляхтичей совершать преступленія безнаказанно. Тоже нужно разумѣть и о прочихъ личныхъ правахъ общаго характера, превращенныхъ въ шляхетскія. Уложеніе оказало бы плохую услугу русскому праву, если бы, вмѣстѣ съ содержаніемъ Статута, перенесло въ Московское Государство и сословный духъ его постановленій. Оно этого не дѣлаетъ. Оно, какъ извѣстно, опустило конституціонную часть Статута („о вольностяхъ шляхецскихъ" — Разд. III), между прочимъ именно вслѣдствіе сословнаго характера этихъ „вольностей".

Зато въ тѣхъ постановленіяхъ, которыя оно заимствуетъ, вездѣ уничтожаетъ оно сословную окраску; такъ артик. 27 Разд. XI-го говоритъ: „О головщинахъ, о хроменью члонковъ и о навезкахъ *шляхетскихъ*"; а 10-я ст. XXII главы Ул. говоритъ: „а будетъ кто... надъ *кѣмъ-нибудь* мучительское наругательство". Слѣдующій артикулъ Статута говоритъ: „хто бы *шляхтича* взялъ до везенья"; а слѣдующая статья Уложенія: „а будетъ такой поругатель *кого-нибудь* зазвавъ, или силою заволокши къ себѣ на дворъ..." и т. п. Нача̀ла русскаго права, такъ примѣненныя въ Литов. Статутѣ, оказали бы плохую услугу дальнѣйшему развитію этого права, если бы они не перешли чрезъ Уложеніе, задача котораго выражена при составленіи его такъ: „чтобы Московскаго государства всякихъ чиновъ людемъ, отъ большаго и до меньшаго чину, судъ и расправа была во всякихъ дѣлѣхъ всѣмъ равна".

Это приводитъ насъ къ разсмотрѣнію характера рецепціи постано-

вленій Статута въ Уложеніе. Если національныя основы рецепціи подсказывали составителямъ Уложенія, *что* слѣдуетъ заимствовать, то усвоенные ими пріемы рецепціи опредѣляли, *какъ* слѣдуетъ заимствовать.

IV.

Изъ сказаннаго сейчасъ само собою видно, что отношеніе Московскаго кодекса къ Литовско-русскому есть отношеніе свободное. Извѣстно, что, при заимствованіи чужихъ понятій, обычаевъ, учрежденій, законовъ, отношеніе къ нимъ рецептора бываетъ тѣмъ болѣе рабскимъ, чѣмъ дальше они отстояли отъ его прежнихъ понятій, обычаевъ и вѣрованій. Онъ не въ состояніи отличить въ нихъ существенное отъ несущественнаго, форму отъ содержанія; для него все одинаково ново, необычно. Такъ приверженность къ формѣ христіанства Московскихъ расколо-учителей указываетъ на то, что духъ христіанства былъ имъ чуждъ. Такъ приверженность къ формамъ европейской цивилизаціи послѣ Петра есть вѣрнѣйшій признакъ того, что эта цивилизація была чужда русскому обществу. Напротивъ, тотъ, кто встрѣчается съ знакомыми ему понятіями и явленіями, только лучше сознанными и выраженными, имѣетъ дѣло какъ бы съ явленіями собственнаго сознанія, а потому можетъ отнестись къ нимъ не какъ рабъ—темный и безгласный исполнитель, а какъ полновластный господинъ.

Рецепція Статута въ Уложеніе есть въ тоже время самостоятельное творчество права. Во всемъ Уложеніи едва можно отыскать двѣ-три статьи, въ которыхъ оно, слѣдуя буквальному смыслу Статута, потеряло чрезъ то свой собственный и всякій юридическій смыслъ (см. указанную 3-ю ст. IV-й гл. Уложенія).

Рецепція его основана: а) на внѣшней свободѣ. Мы видѣли, что при составленіи Уложенія никто не предписывалъ коммиссіи обратиться къ Лит. Статуту, какъ источнику для заимствованій [1]). И въ болѣе раннія времена, до составленія Уложенія, никакая власть никогда не признавала Статута кодексомъ, дѣйствующимъ въ Московскомъ государствѣ, или хоть субсидіарнымъ источникомъ права. Иной характеръ рецепціи и иные результаты ея можно видѣть въ примѣрахъ законодательства XVIII в. у насъ и въ эпохи, болѣе раннія у многихъ народовъ. Такъ въ Чехіи, въ пол. XIV в., Majestas Carolina, созданная Карломъ IV, не смотря на многія, несомнѣнныя свои достоинства, встрѣтила тотчасъ по изданіи сильнѣйшую оппозицію среди Чеховъ и императоръ принужденъ былъ взять ее назадъ; актомъ 1355 г. 6 окт. онъ уничтожилъ ея обязательность, прибѣгнувъ къ жалкому предлогу для спасенія своего авторитета, а именно къ слѣдующему: скрѣпленный и запечатанный имъ подлинникъ Каролины — сгорѣлъ! Причина такой оппозиціи заключалась въ томъ, что Чешская Каролина опиралась не на обычное право Чеховъ, а на нѣмецкое и римское право (объ этомъ интересномъ фактѣ не упоминается вовсе въ „Исторіи кодификаціи").

---

[1]) Сама ли коммиссія заимствовала изъ Статута, или (чтó, какъ увидимъ ниже, вѣроятнѣе) рецепція совершена ранѣе изд. Уложенія,—дѣло отъ этого не измѣняется.

Здѣсь, говоримъ мы, кончается точное слѣдованіе за системою Статута, въ виду крайней необходимости; нельзя было далѣе идти за Статутомъ, говорить о приданомъ и о вѣнѣ, потому что въ Московскомъ правѣ юридическія свойства приданаго опредѣлялись главнымъ образомъ свойствами вотчиннаго права, о которомъ еще ничего не было говорено. Словомъ и Статутъ и Уложеніе начинаютъ далѣе излагать гражданскія постановленія не только не сходныя по содержанію, но и по своеобразной системѣ. Что можно было взять изъ обязательственнаго и вещнаго права Статута, то включено въ гл. X-ю.

Такимъ образомъ и здѣсь, въ отношеніи къ системѣ, Уложеніе, не рабски слѣдуетъ Статуту: усвоивъ ее въ общемъ скелетѣ, и слѣдуя ей точно, пока было можно безъ нарушенія основныхъ началъ собственнаго права, Уложеніе перерабатываетъ, а по мѣстамъ и совсѣмъ оставляетъ ее, гдѣ требуетъ того духъ московскаго права.

Уже этотъ первый пріемъ рецепціи—заимствованіе системы, указываетъ и на второй пріемъ—заимствованіе вопросовъ права, предметовъ, которые предстоитъ рѣшить законодателю. Мы имѣемъ въ виду здѣсь тѣ части Уложенія, гдѣ оно очевидно натолкнуто на извѣстный предметъ указаніями Статута, но излагаетъ его совершенно своеобразно. Мы уже видѣли примѣръ этого выше (въ ст. 1-й гл. VII), въ постановленіи о томъ, кто имѣетъ право объявлять войну и собирать войско; Уложеніе говоритъ объ этомъ въ 1-й ст. своего воинскаго устава, потому что Статутъ говоритъ о томъ же въ 1-й ст. своего воинскаго устава. Но какая разница въ томъ, что они говорятъ! Статутъ говоритъ о рѣшеніи на сеймѣ вольномъ, Уложеніе говоритъ о волѣ государя мстить своему недругу. Точно такъ же въ уставѣ судоустройства и судопроизводства и Статутъ и Уложеніе одинаково говорятъ прежде всего, кому принадлежитъ судебная власть, но Статутъ говоритъ о „вольномъ обиранью вряду зѣмского, судей“ и т. д.; Уложеніе говоритъ: „Судъ *государя, царя и великого князя* судити боярамъ...“ и т. д. Думать надобно, что вся глава VI-я Уложенія: „О проѣзжихъ грамотахъ въ иныя государства“ вызвана артикуломъ 16-мъ Р. III-го; это единственный предметъ, изо всѣхъ конституціонныхъ правъ Статута, о которомъ Уложеніе сочло возможнымъ говорить; но Статутъ говоритъ „О вольности выеханья с панствъ нашихъ до иншихъ паньствъ христіанъскихъ“; а Уложеніе о томъ, чтобы безъ „проѣзжей грамоты не ѣздити“.

Этимъ свойствомъ рецепціи объясняется, почему Уложеніе весьма нерѣдко, въ уголовной части своей, говоритъ объ особыхъ видахъ преступленій отдѣльно, полагая, однако, за нихъ все одно и тоже наказаніе, именно то самое, которое положено уже вообще за это преступленіе. Напр. по Уложенію умышленное убійство карается простою смертною казнью; отцеубійство, братоубійство караются точно также; между тѣмъ Уложеніе говоритъ о нихъ отдѣльно и мы каждый разъ ожидаемъ какого-либо измѣненія въ наказаніи и каждый разъ ошибаемся. Зачѣмъ же ему нужно было вести о нихъ особую рѣчь? Это дѣлается потому, что въ источникѣ его квалифицированные виды убійства опредѣляются особо и влекутъ за собою квалифицированные виды смертной казни,

не принятые Уложеніемъ. Уложеніе усвоило предметъ (вопросъ), но не усвоило юридическихъ постановленій о немъ.

Мы видѣли выше, что Уложеніе, согласно со Статутомъ, заговорило о подмѣси въ золотыя и серебряныя вещи неблагородныхъ металловъ; заговорило въ слѣдъ за постановленіемъ о поддѣлкѣ монеты; но опредѣлило наказаніе совсѣмъ не то, какое постановлено въ Статутѣ. Опять оно усвоило только вопросъ.

Въ обоихъ представленныхъ примѣрахъ такая рецепція вопросовъ, не соединенная съ рецепціею рѣшеній ихъ, привела Уложеніе къ невыгоднымъ для него послѣдствіямъ: въ первомъ случаѣ результатомъ было *излишество* закона; во второмъ *неумѣстность* его (поставленіе не на мѣстѣ). Мы и взяли эти примѣры для того, чтобы лишь рельефнѣе оттѣнить анализируемое свойство рецепціи. Дѣйствительно, во многихъ случаяхъ Уложеніе страдаетъ этими обоими недостатками, и во всѣхъ этихъ случаяхъ оно обязано имъ анализируемому свойству рецепціи (См. напр. вышеуказ. ст. 2—7 гл. VII по слич. съ 21—25 той же главы). За то въ большинствѣ случаевъ Статутъ оказалъ неоцѣненныя услуги Уложенію, наводя его на обильный запасъ вопросовъ, которые нашъ кодексъ рѣшаетъ съ мужественною и стойкою свободою.

Заимствованіе системы и вопросовъ права касается собственно редакціонной стороны закона. Во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, которыя приведены выше, какъ заимствованныя, рецепція идетъ глубже: въ нихъ заимствуются самыя правовыя опредѣленія. Не имѣя возможности приводить здѣсь всю сумму права, взятую Уложеніемъ изъ Статута, укажемъ на нѣкоторые только предметы, о которыхъ прежніе памятники Московскаго права вовсе молчали. Таково напр. понятіе о необходимой оборонѣ (Улож. X, 200); таково опредѣленіе ненаказуемой неосторожности (XXII, 20), при чемъ это понятіе характеризуется тѣми же самыми признаками и примѣрами какъ въ Статутѣ, такъ и въ Уложеніи, а именно: если кто убьетъ человѣка, стрѣляя въ звѣря, или птицу, или въ цѣль, если каменщикъ и плотникъ, строя домъ, уронитъ дерево или камень, которымъ будетъ убитъ кто-либо (Уложеніе сокращаетъ здѣсь текстъ Статута). Необходимымъ признакомъ этого понятія и въ Уложеніи и въ Статутѣ является отсутствіе вражды между дѣятелемъ и потерпѣвшимъ, что должно быть доказано на судѣ. Однако и въ этихъ случаяхъ, когда естественно ожидать полнаго подчиненія одного кодекса другому, рецепирующій кодексъ сохраняетъ полную свободу; такъ въ приведенномъ сейчасъ примѣрѣ постановленіе о ненаказуемой неосторожности въ Статутѣ оканчивается слѣд. образомъ: „таковый на горло и везеньемъ каранъ не будетъ, ведле головщизну, водле стану забитого, дѣтемъ, або близскимъ его заплатити будетъ повиненъ". А въ Уложеніи заключается такъ: „За такое убійство никого смертію не казнити и въ тюрьму не сажати потому, что такое дѣло учинится грѣшнымъ дѣломъ, безъ умышленья". Такая разница опредѣленій закона, при совершенномъ тождествѣ во взглядахъ на предметъ опредѣляемый, объясняется тѣмъ, что по свойству Московскаго права частное вознагражденіе за голову убитаго было вмѣстѣ и уголовнымъ штрафомъ. И нельзя не согласиться, что раціональность на сторонѣ Московскаго

кодекса: нельзя установить гражданскаго взысканія изъ уголовнаго иска, по которому обвиняемый оправданъ.

Нѣсколько менѣе свободно отношенія Московскаго кодекса къ Литовскому относительно формы узаконеній. Давно признано, что въ нашемъ Уложеніи господствуетъ форма казуистическая. Это не совсѣмъ справедливо, если сравнивать наше Уложеніе съ средневѣковыми кодексами другихъ государствъ; но вполнѣ справедливо, если сравнивать Уложеніе съ другими, даже древнѣйшими законами русскими. Въ памятникѣ уголовнаго права, непосредственно предшествующемъ Уложенію, именно въ Уставной книгѣ Разбойнаго Приказа, казуистическіе пріемы замѣтны гораздо менѣе. Несомнѣнно, что этимъ свойствомъ Уложеніе обязано Статуту. Даже знаменитая форма, съ которой начинается почти всякая статья Уложенія: „А будетъ кто", есть переводъ столь же обыкновенной формы въ Статутѣ: „кгды бы хто". Иногда Статутъ, своимъ казуистическимъ способомъ опредѣленія уголовныхъ понятій, вовлекаетъ Уложеніе въ смѣшеніе и искаженіе этихъ понятій. Образцовый примѣръ такой зависимости содержанія отъ формы представляетъ ст. 17-я XXII-й гл. Улож.

Статутъ.	Уложеніе.
Розд. XI, арт. 15.	*Гл. XXII, ст. 17.*
Уставуемъ, естли бы хто, не будучи примушоны жадною пригодою..., одно *з уфалства*, або *опилства* своего, або *умысле* то учынилъ—невесту беременъную шляхтянку, будь тежъ и инъшого стану, бегаючи на кони *потрутивъ*, або ее чимъ колвекъ *збилъ*, и *образилъ*, такъ ижъ бы плодъ мертвый поронила, а сама жыва зостала, тогды, за доводомъ слушнымъ, маетъ ее водлугъ стану навезати, и за тую вину у везенью в замку, або у дворе нашомъ того повету чверть году седети... Лечъ естли бы обое, то есть и плодъ и матка съ причыны его змерли, тогды онъ тежъ самъ за то на горло маетъ быти каранъ...	А будетъ кто *съ похвалы*, или *съ пьянства*, или *умысломъ* наскачетъ на лошади на чью жену, и лошадью ея *стопчетъ* и *повалитъ*, и тѣмъ ея *обезчеститъ*, или ея тѣмъ боемъ *изувѣчитъ*, и беременная будетъ жена отъ того его бою дитя родитъ мертво, а сама будетъ жива, а съ суда сыщется про то допряма, и тому, кто такъ учинитъ, за такое его дѣло учинити жестокое наказаніе, велѣти его бити кнутомъ нещадно, да на немъ же доправити той женѣ безчестье и увѣчье вдвое, да его же вкинути въ тюрьму на три мѣсяца. А будетъ отъ того его бою та жена и сама умретъ, и его за такое его дѣло самого казнити смертію.

Немного найдется въ Уложеніи статей съ такими сбивчивыми, невѣрными и даже нелѣпыми понятіями. Въ субъективномъ моментѣ преступленія смѣшаны въ одну массу: похвальба (удальство, не имѣющее никакой прямой преступной цѣли), опьяненіе и умыслъ! Въ объективномъ моментѣ слиты и спутаны: нанесеніе побоевъ, оскорбленіе чести, изувѣченіе и причиненіе преждевременныхъ родовъ съ мертвымъ выкидышемъ. Все это разсматривается какъ разныя дѣянія, имѣющія одно послѣдствіе. Въ наказаніи соединены въ одно: битье кнутомъ, тюремное

заключеніе и уплата безчестія. Правда, Уложеніе вовлечено въ эти противоестественныя нелѣпости буквальными словами Статута, на который и должна пасть за нихъ первая отвѣтственность (хотя Уложеніе идетъ въ нихъ дальше Статута, который описательнымъ образомъ опредѣляетъ собственно одно преступленіе — причиненіе преждевременныхъ родовъ, а Уложеніе описательные пріемы Статута раздѣляетъ въ особыя преступленія). Но откуда же и въ Статутъ могли проникнуть такія дикія понятія о субъективномъ составѣ преступленія, когда мы знаемъ, что въ другихъ своихъ частяхъ онъ держится ясныхъ понятій объ умыслѣ и неумышленности? Очевидно, что Статутъ былъ вовлеченъ (а за собою увлекъ и Уложеніе) казуистическимъ пріемомъ. Онъ имѣетъ въ виду опредѣленный случай, когда нѣкто наскакиваетъ верхомъ на лошади на проходящую женщину и около этого факта группируетъ различные мотивы и различныя послѣдствія дѣянія. Законодательная мысль запуталась фактическимъ приращеніемъ понятія до того, что въ этой общей сумятицѣ законъ едва могъ спасти идею случайности („пригоды"). Онъ не могъ отвлечься отъ казуса, сообразить, что причиненіе выкидыша можетъ быть произведено и не верховымъ, а пѣшимъ, не чрезъ лошадь, а непосредственно.

Такъ въ этомъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, дорого поплатилось наше Уложеніе за подчиненіе казуистической формѣ Статута.

Однако даже здѣсь оно пыталось выпутаться изъ сѣтей такой формы. Въ приведенной статьѣ литовскій кодексъ, по своему обычаю, вдается въ слѣдующую лишнюю фактичность: „если кто собьетъ конемъ *шляхтянку*, или женщину другаго сословія". Зачѣмъ это перечисленіе, если сущность дѣла отъ того неизмѣняется? Уложеніе опускаетъ эту (хотя въ данномъ случаѣ и безразличную) сословную окраску закона; оно говоритъ: „чью жену". Нужно отдать честь Уложенію: въ большей части постановленій оно старается отбросить фактическую оболочку съ юридическихъ понятій, возвыситься въ нихъ до чистоты и простоты идеи, чего и достигаетъ въ бóльшей или меньшей степени. Мы привели выше примѣръ относительно постановленій о ненаказуемой неосторожности; изъ него видно, что Статутъ хотѣлъ исчислить всѣ фактическіе виды ея; онъ описываетъ, какъ камень вырывается у рабочаго съ высоты стѣны строящагося дома, какъ бревно летитъ внизъ изъ рукъ неосторожнаго плотника на голову столь же неосторожнаго прохожаго. Все это дѣйствительно вело бы къ хорошей цѣли, если бы законъ хотѣлъ только уяснить понятіе примѣромъ; но онъ очевидно намѣревается истощить всѣ фактическія примѣненія понятія. Уложеніе сжимаетъ эту драматическую форму въ сухое опредѣленіе: „кто какимъ-нибудь обычаемъ кого убьетъ до смерти деревомъ или камнемъ, или чѣмъ-нибудь, *ненарочнымъ дѣломъ*".

Чрезъ это Уложеніе почти вездѣ достигаетъ сокращенія текста постановленій, взятыхъ изъ Статута.

Въ приведенномъ выше примѣрѣ (ст. 2-я III-й гл. Улож., арт. 9-й Р. I-го Стат.) о нанесеніи кому-либо удара на государевомъ дворѣ, Статутъ повторяетъ особые признаки преступленія, уже обозначенные предъ тѣмъ, говоря, что здѣсь разумѣется ударъ, нанесенный въ при-

сутствіи государя, или безъ присутствія его въ его палацѣ, или въ замкѣ или во дворѣ... Уложеніе все это сокращаетъ въ два слова. Особенное свойство языка Статута, это обиліе синонимовъ, ничего не прибавляющихъ къ ясности понятія (это свойство общее всѣмъ законодательнымъ памятникамъ Литовско-Русскаго государства, чѣмъ они обязаны средневѣковому латинскому языку законовъ и актамъ нѣмецкимъ, служившимъ для нихъ образцомъ). Статутъ говоритъ напр., что кто будетъ *измышлять* и *установлять* мытъ, тотъ подлежитъ такой-то карѣ. Уложенію чужды эти прикрасы языка (хотя и въ этомъ Статутъ иногда увлекаетъ его за собою: см. статью предшествующую той, о которой мы сейчасъ говорили); оно съ трезвою простотою говоритъ: „кто заведетъ вновь". Далѣе Статутъ въ значительной степени страдаетъ общимъ недугомъ законовъ первобытныхъ — стремленіемъ въ каждомъ положенія сосредоточить всю сумму юридическихъ опредѣленій, съ которыми оно соприкасается. Напр. дѣло идетъ о нанесеніи увѣчья; само собою разумѣется, что обвиняемый будетъ наказанъ только тогда, когда обвиненіе будетъ доказано на судѣ уликами, установленными вообще въ тогдашнемъ процессѣ; но Статутъ ихъ напомнитъ и повторитъ при этомъ случаѣ; это не помѣшаетъ ему еще разъ повторить ихъ, когда рѣчь зайдетъ о побояхъ, личномъ оскорбленіи и т. д. И наше Уложеніе, благодаря Статуту, не чуждо этихъ недостатковъ; и оно постоянно повторяетъ: „а доведутъ на него допряма". Но за то Уложеніе и сокращаетъ до этой голой фразы процессуальныя надбавки къ уголовнымъ постановленіямъ.

Къ этому же свойству рецепціи примыкаетъ и упомянутое выше опущеніе въ нашемъ Уложеніи мотивированій закона, которыми такъ богатъ Статутъ. Было уже сказано, что это мотивированье большею частію заключается въ описаніи фактическаго состава преступленія (если дѣло идетъ объ уголовномъ постановленіи). Такимъ пріемомъ рецепціи Уложеніе опять спасаетъ себя елико возможно отъ наитія казуистики. Но если дѣло касается другихъ сферъ права, то въ Статутѣ эта вводная часть постановленій заключается въ поученіяхъ о полезности мѣры и т. д. Уложеніе, выбрасывая ее, только сокращаетъ текстъ закона.

Мы отмѣтили въ бѣгломъ обзорѣ только выдающіеся пріемы рецепціи, которые казались намъ поучительными для исторіи кодификаціи. Но тотъ, кто бы подробнѣе подвергъ анализу оба сравниваемые кодекса въ этомъ отношеніи, нашолъ бы (смѣемъ ручаться) богатѣйшій рудникъ интереснѣйшихъ наблюденій и сближеній.

V.

Мы совершенно покончимъ со своимъ предметомъ, если отвѣтимъ на вопросъ: *какимъ способомъ* заимствованы постановленія Статута въ Уложеніе? Никакъ нельзя думать, что заимствованіе совершалось непосредственно, при самомъ составленіи Уложенія. Такое предположеніе не облегчило бы, а затруднило рѣшеніе недоумѣній на счетъ быстроты составленія московскаго кодекса: составителямъ Уложенія пришлось бы обозрѣвать весь обширный Литовско-русскій кодексъ, дѣлать выборъ

статей, переводить ихъ на оффиціальный великорусскій языкъ, согласовать съ прочими—туземными законами, наконецъ размѣщать въ разныхъ главахъ. Изъ предыдущаго очерка нашего видно, что заимствованіе въ большинствѣ случаевъ не было рабскимъ, но было только списываньемъ и переводомъ. Едва ли такая работа была бы легче составленія новыхъ статей.

Недоумѣніе мало облегчается и тѣмъ весьма достовѣрнымъ предположеніемъ, что составители Уложенія такъ знакомы были со Статутомъ, что имъ не стоило никакого труда обращаться съ нимъ. За такое предположеніе говоритъ распространенность Статута въ XVII вѣкѣ въ Москвѣ въ средѣ лицъ, вѣдавшихъ судъ и управленіе, какъ показываютъ описи имуществъ этихъ лицъ, опубликованныя теперь. Мы принимаемъ это предположеніе во всей его силѣ, но находимъ что оно не уничтожаетъ затрудненій при вопросѣ о быстротѣ составленія проекта Уложенія. Какъ бы ни освоились Грибоѣдовъ и Леонтьевъ со Статутомъ; но механическая сторона работы тѣмъ не менѣе требуетъ времени. Мы должны рѣшительно склониться къ слѣдующей гипотезѣ: рецепція всѣхъ или почти всѣхъ статей, вошедшихъ въ Уложеніе изъ Статута, сдѣлана была раньше составленія Уложенія, предлежала уже готовою въ Указныхъ Книгахъ Приказовъ. Законодательные памятники Литовско-Русскаго государства давно обращались въ рукахъ юристовъ-практиковъ московскихъ. Отношенія между двумя государствами не все были только враждебныя; была между ними и органическая, жизненная связь — общеніе литературы и права. Историкамъ литературы она давно и хорошо извѣстна. Историки права, остановившись на мысли Морошкина и на догматѣ объ узко-національномъ характерѣ московскаго права, игнорировали эту связь. Замѣчательно, что духовное общеніе между двумя русскими государствами въ особенности усилилось послѣ кроваваго и критическаго столкновенія въ началѣ XVII в. между ними, когда дѣло шло о конечной гибели одного изъ нихъ въ пользу другаго. Къ этому времени, именно къ 20-мъ и 30-мъ годамъ XVII в. нужно отнести и усиленіе знакомства Московскихъ властей съ литовско-русскимъ правомъ, хотя мы не будемъ отвергать, что оно началось гораздо раньше.

Но не о простомъ знакомствѣ мы говоримъ. Мы говоримъ о неоффиціальной и полуоффиціальной рецепціи чужаго права и чужаго закона. Тотъ, кто занялся бы изученіемъ бытоваго усвоенія западно-русскаго права въ обычаяхъ и воззрѣніяхъ москвичей XVII в., тотъ имѣлъ бы благодарный и поучительный предметъ передъ собою. Мы хотимъ сказать только о полуоффиціальной рецепціи *закона*. Явленіе это въ исторіи источниковъ права многихъ народовъ давно извѣстно. Въ самомъ Литовско-Русскомъ государствѣ усвоено такимъ образомъ Саксонское Зерцало, а въ его комментаріяхъ — фрагменты римскаго права (перешедшіе, замѣтимъ мимоходомъ, чрезъ Литовскій Статутъ и въ наше Уложеніе, хотя въ самыхъ минимальныхъ дозахъ). Въ русскомъ правѣ такимъ же образомъ усвоено византійское право. Вездѣ, гдѣ чувствуется недостатокъ закона, является необходимость прибѣгнуть къ какимъ-нибудь суррогатамъ; иногда учебники, написанные юристами, чрезъ упо-

требленіе становались закономъ; на нихъ суды основывали свои приговоры и ссылались на параграфы ихъ, какъ на статьи закона.

Московскіе Приказы несомнѣнно обнаруживали во многихъ случаяхъ законодательную дѣятельность, не будучи призваны къ законодательству; имъ не только принадлежала инціатива законовъ, подготовка законодательныхъ вопросовъ (см. нашу „Христоматію по Ист. русскаго права" вып. 3-й, стр. 69 – 70), но имъ же принадлежала и заключительная работа: редактированіе даннаго указа въ догматическую форму изъ докладной,—обращеніе словесныхъ указовъ въ писанный законъ (Ук. кн. вѣдом. казн. ст. XI) и т. п.

Они же, наконецъ, прибѣгали поневолѣ и къ другому способу пополненія недостающаго закона — рецепціи его. Не имѣя возможности каждый разъ обращаться съ законодательными вопросами къ верховной власти, Приказы искали, при недостаткѣ закона, общихъ основаній для рѣшенія, которое бы въ тоже время казалось лишь частнымъ примѣненіемъ существующаго закона и не противорѣчило ему. Юристъ нашего времени находитъ такое основаніе въ научныхъ положеніяхъ; судья временъ болѣе древнихъ, предшествующихъ Московскому государству, находилъ его въ обычномъ правѣ и собственной совѣсти. Въ Московскомъ же государствѣ въ распоряженіи судей — приказныхъ людей оставались только прецеденты судебной практики. Но эти послѣдніе, очевидно, годятся только для повторяющихся явленій. При возникновеніи казуса новаго (быть можетъ новаго только для извѣстнаго Приказа) приказные дѣльцы были безпомощны. Но вотъ въ ихъ рукахъ кодексъ, въ которомъ на бо́льшую часть вопросовъ даются подробные (иногда слишкомъ подробные) законодательные отвѣты. Конечно, судья знаетъ, что этотъ законъ чужой и онъ не можетъ сослаться на него въ рѣшеніи; онъ и не ссылается; онъ пользуется имъ такъ сказать для себя, для уясненія себѣ самому вопроса, какъ поступить въ затруднительномъ случаѣ. На этой первой ступени пользованіе чужимъ источникомъ не есть еще рецепція; назовемъ такое пользованіе научнымъ; оно (хотя въ самой слабой степени) замѣняло юридическое образованіе.

Далѣе судья, пользующійся Статутомъ, находитъ, что далеко не все въ немъ примѣнимо непосредственно къ порядкамъ московскимъ, что полезно бы выдѣлить пригодный матеріалъ для прямаго и легчайшаго употребленія въ практикѣ. Начинаются выписки изъ Статута и такимъ образомъ научное пользованіе цѣлымъ памятникомъ превращается въ практическое пользованіе частями его. Такія выписки дѣйствительно и дѣлались въ Московскихъ Приказахъ. Въ Архивѣ историко-юридическихъ свѣдѣній Н. В. Калачова (кн. 2-й пол. 1-я, отд. 2-й, стр. 79—84) напечатаны изъ Эрмитажнаго Сборника дополнительныхъ статей къ Судебнику статьи, взятыя изъ Литовскаго Статута. Такое заимствованіе очевидно сдѣлано Приказомъ: статьи приписаны къ Судебнику вслѣдъ за указами, дополнявшими его, заключены въ Сборникъ, который несомнѣнно оффиціальнаго происхожденія и характера. Но съ другой стороны, еще нельзя думать, что онѣ уже тѣмъ самымъ приравнялись къ закону, нельзя видѣть въ нихъ вполнѣ оффиціальной рецепціи. Бо́льшая часть этихъ статей впослѣдствіи вошла въ Уложеніе, но въ формѣ уже пере-

работанной и приспособленной. Форма статей въ Эрмитажномъ Сборникѣ обнаруживаетъ еще грубое, буквальное заимствованіе, передачу содержанія источника въ сыромъ видѣ, притомъ иногда съ пониманіемъ неточнымъ, съ языкомъ неправильнымъ, далекимъ отъ строгихъ и точныхъ формъ оффиціальнаго, приказнаго языка того времени. Сравнивая ихъ съ тѣми же статьями, какъ онѣ изложены въ Уложеніи, приходишь къ мысли, что нужно было довольно времени, чтобы переварить и ассимилировать содержаніе Статута до той степени ясности и приспособленности, въ какой оно вошло въ Уложеніе. Напр. статьи Эрмитажнаго Сборника (см. въ нашемъ изд. Христом. по ист. русск. пр. ст. 16 на стр. 87) предписываютъ предавать за отцеубійство извѣстной мучительной и варварской казни: возя по рынку, терзать тѣло клещами, затѣмъ зашить въ мѣшокъ вмѣстѣ съ разными нечистыми (по тогдашнимъ понятіямъ) животными и утопить. Накакъ нельзя думать, чтобы эта казнь, вовсе не обычная въ Москвѣ, дѣйствительно выполнялась потому только, что постановленіе о ней реценировано въ Указную книгу Приказа.

Для нагляднаго указанія того, какъ переходило содержаніе Статута въ Уложеніе чрезъ приказную рецепцію представляемъ нѣсколько примѣровъ:

Статутъ. *Р. X, ар. 14.*	**Дополнит. статьи.** *Ст. 4.*	**Уложеніе.** *Гл. X, ст. 219.*
Хто бы кому пчолы выбралъ *неподлажоные*, а дерева не сказилъ, тогды повиненъ будетъ за каждые таковые пчолы заплатити *две копе грошей*; хтобы кому въ дому, албо въ пасеце, албо въ лесе на дереве з улья, або с коренника поставеного пчолы выдралъ, албо з ульемъ взялъ, а дошли бы его с сокою, албо якою просокою, тогды маетъ заплатити три рубли грошей, *окромъ есмибы* кого з лицомъ поимано, — таковаго маютъ сказати яко злодея на горло. А хто бы свепетъ въ чыемъ лесе умысне порубалъ и медъ вы бралъ, тотъ маетъ за то шесть рублей грошей заплатити.	А кто будетъ у кого пчелы выдралъ *неподлаживаючы*, а дерево не портилъ, тому повиненъ будетъ заплатить за всякіе пчелы по *полутора рубли*. А кто будетъ у кого во дворѣ, или въ пасецѣ пчолы выдралъ, и въ томъ его уличать люди или крестнымъ цѣлованьемъ, и тому платить три рубли, а *кромѣ того,* кого пойманотъ съ поличнымъ, и того казнити смертною казнью.	А будетъ кто у кого пчелы выдеретъ, а бортей не испортитъ: и на немъ за всякія пчелы доправити по полутора рубли. А будетъ кто у кого въ дому, или во пчельникѣ, или въ лѣсу покрадетъ ульи со пчелами, и сыщется про то допряма; и на немъ доправити за всякій улей по три рубли; да ему же за то учинити жестокое наказаніе, бити кнутомъ. А будетъ кто въ чьемъ лѣсу умысломъ подсѣчетъ дуплястое дерево со пчелами, и медъ изъ того дерева выдеретъ: и на немъ за то доправити шесть рублевъ, и отдать истцу.

Статутъ имѣетъ въ виду здѣсь слѣдующія преступленія: 1) кражу меда изъ бортнаго дерева въ лѣсу; 2) кражу ульевъ изъ пасѣки; 3) умышленную порчу бортныхъ деревьевъ. Изъ нихъ въ дополнительныхъ статьяхъ опущена рѣчь о послѣднемъ преступленіи, очевидно потому, что рецепторъ не понялъ смысла словъ Статута о бортномъ деревѣ. Сверхъ того Статутъ, говоря о кражѣ ульевъ, различаетъ (согласно съ общимъ духомъ литовско-русскаго права) кражу безъ поличнаго и съ поличнымъ, полагая за первую лишь штрафъ въ три рубля, за вторую — смертную казнь; при этомъ слова его: „окромъ того" значатъ: „исключая тотъ случай"; Московскій рецепторъ передалъ ихъ буквально: „кромѣ того", чѣмъ совсѣмъ затемнилъ смыслъ. Въ Уложеніи слова Статута поняты совершенно правильно; но за то въ немъ уничтожено все несогласное съ духомъ московскаго права, а именно уничтожены различіе между татьбою съ поличнымъ и безъ поличнаго и смертная казнь за первое; за то всякая татьба, вполнѣ доказанная на судѣ, влечетъ за собою не одинъ денежный штрафъ, но и тѣлесное наказаніе.

Статутъ. *Р. X, ар. 11—12.*	Дополнит. статьи. *5.*	Уложеніе. *Гл. X, ст. 216—217.*
Хто бы учинилъ принады на птахи на своемъ кгрунтѣ власномъ, а другой бы тые принады кгвалтовнѣ порубалъ и попсовалъ, або птахи приважоные отогналъ, або на готовыхъ чужыхъ принадахъ помъкнулъ помовилъ, а то бы на него слушне въ правѣ переведено, тотъ маетъ тому заплатити чые принады шесть рублей грошей, и птахи половленые заплатити ценою въ семъ Статутѣ описаною.	А кто приводы птичьи порубитъ, и про то сыщется въ правду, на томъ взяти виноватомъ 6 рублевъ.	А кто сдѣлаетъ въ своемъ угодьѣ птичью приваду, и у той привады птицъ прикормитъ, а иной кто по недружбѣ ту птичью приваду *испортитъ*, и птицъ отъ той привады отгонитъ, или у той привады учнетъ птицы ловити насильствомъ, или учнетъ стрѣляти, а тотъ, чья та привада, учнетъ на него бити челомъ Государю, и съ суда сыщется про то его насильство допрята, и на немъ велѣти истцовъ искъ доправити по сыску, и отдати истцу.
Тежъ хто бы чые прынады злодейскимъ обычаемъ показилъ, дегтемъ, або чеснокомъ подьмазалъ, або чымъ кольвекъ попсовалъ, а переведено бы то на него правомъ, тогды маетъ заплатити тому,	А будетъ кто у кого привады злымъ умышленіемъ попортитъ или подсѣчетъ, и въ томъ его уличатъ въ правду, и на томъ виноватомъ доправити исцу 3 рубли денегъ.	А будетъ кто такую птичью чужую приваду *испортитъ*, измажетъ дегтемъ, или чеснокомъ, или инымъ чѣмъ-нибудь, и тѣмъ птицъ отъ тоя привады отгонитъ, —

чые принады тры рубли грошей. Тымъ же обычаемъ хто бы кому шатеръ тетеричый, або есть куропатнюю на прыхадахъ укралъ, тотъ маеть заплатити вины три рубли грошей, а за шатеръ тетеричный заплатитъ три рубли грошей, а за куропатнюю сеть рубль грошей.	Или кто украдетъ шатеръ птичей, и на томъ доправити 3 рубли жъ денегъ.	или кто тетеривиной шатеръ или куропатную сѣтку украдетъ, и въ томъ на него будутъ челобитчики, и съ суда про то сыщется допряма: и на немъ за то доправити истцу за шатеръ тетеревиной три рубли, а за куропатную сѣть рубль; а за то, что онъ птичью приваду испортитъ, учинить ему наказанье, бить батоги нещадно, чтобъ ему и инымъ такимъ неповадно было впредь такъ дѣлать.

Здѣсь опять дополнительныя статьи (но за ними и Уложеніе) поняли смыслъ Статута неправильно и не точно. Статутъ говоритъ: 1) объ уничтоженіи привады; 2) о порчѣ ея, причемъ она, оставаясь цѣлою, уже не можетъ исполнять своего назначенія; но Статутъ употребилъ въ обоихъ случаяхъ слово „попсовалъ" въ различныхъ смыслахъ (что впрочемъ въ немъ не затемняетъ существенно значенія двухъ артикуловъ). Между тѣмъ въ Московскихъ законахъ, особенно же въ Дополнительныхъ статьяхъ, отсюда явилась не только неточность, но даже нелѣпость: за простое истребленіе привады полагается штрафу 6 рублей; а за подсѣченіе ея „съ злымъ умышленіемъ" только три рубля.

Уложеніе впадаетъ въ другую ошибку: смѣшавши порчу привады и кражу тетеривинаго шатра и куропатной сѣтки, назначаетъ за послѣднюю только взысканіе въ пользу истца (3 или 1 рубль), а за первую, не назначая никакого вознагражденія истцу, опредѣляетъ уголовное наказаніе — битье батогами нещадное. Это еще примѣръ того, какъ осторожно слѣдуетъ, на основаніи Уложенія, опредѣлять свойства и характеръ древне-русскаго уголовнаго права. Многія странности въ этой, равно какъ и въ прочихъ сферахъ права, должны быть приписаны не московскому праву, а закону, благодаря тому, что этотъ послѣдній неясно понималъ свои источники.

Но изъ сличенія и этихъ текстовъ ясно, что Уложеніе понимаетъ Статутъ все-таки точнѣе и полнѣе, чѣмъ дополнительная статья, составляющая лишь первый пробный пріемъ редакціи.

Статутъ. *Р. XI, ар. 7.*	**Дополн. статьи.** *16—17.*	**Уложеніе.** *Гл. XX, ст. 1, 2 и 2.*
Уставуемъ — кгды бы синъ, або дочка отца,	Кто убьетъ до смерти отца или матерь,	Будетъ которой сынъ или дочь учинитъ отцу

матку або свою умысльне, з якое запаметалости забилъ и якимъ кольвекъ обычаемъ *родича* своего о горло приправилъ, тогды таковый сынъ, або девка, которая причиною своею о горло родича своего приправитъ, не толко горломъ маеть быти каранъ, але и почтивость и вси именья и маетности стратить, на иньшую братью, сестры, або близкихъ своихъ, звлаща того учинку невинъныхъ. А такою карностью, смертью ганебною маеть каранъ быти: по рынку возячи, клещами тело торгати, а потомъ в мехъ скураный, всадивши до него пса, куря, ужа, котку, и тое все посполу въ мехъ всадивши изшить и где наглубей до воды пустити;

или кто хоти сродича своего убьетъ, и тому сыну муку: въ торгу его возити, и тѣло клещами рвати, и потому посадити на него собаку, куря, и ужа и кота, и то все вмѣстѣ собравши съ нимъ въ водѣ затопить. А которая дочь отца убьетъ или матерь, и указъ тотъ же.

своему, или матери смертное убійство, и ихъ за отеческое, или за матерне убійство казнити смертію же безо всякія пощады.

тымъ же тежъ обычаемъ и помочники его, которыхъ онъ поволаеть, або на нихъ правомъ переведено будетъ мають быти карана.

А которои съ нимъ были въ заговорѣ, что отца убить или матерь, и ихъ казнити смертною казнію.

А будетъ которой сынъ или дочь отцу своему, или матери смертное убійство учинятъ съ иными съ кѣмъ, а сыщется про то допряма, и по сыску тѣхъ, которые съ ними такое дѣло учинятъ, казнити смертію же безо всякія пощады.

А ежели бы се трафилородичомъ дитя свое забити не съ пригоды, а ни за вину, але умысльне, тогды таковый отецъ и матка мають быти карани за тое годъ и шесть недѣль на зàмку нашомъ седети у вежи. А вы-

А которой отецъ или мать убьетъ сына или дочерь до смерти, и отцу за то, или матери сидѣть въ башнѣ въ городѣ годъ и шесть недѣль, и послѣ того приходити къ соборной церкви и постъ держати и

А будетъ отецъ или мать сына или дочь убіетъ до смерти, и ихъ за то посадити въ тюрьму на годъ, а отсидѣвъ въ тюрьмѣ годъ, приходити имъ къ церкви Божіи объявляти тотъ свой грѣхъ всѣмъ лю-

седевши годъ и 6 недѣль маеть еще до годы чотыри краты при церкви при костеле якого набоженства християньского будеть покутовати и вызнавати явный грехъ свой передъ всими людми собранья християнского. А въ такой речи врядъ гродскій виненъ инъстыкговать и за выведаньемъ певнымъ виньнныхъ такъ карати.	грѣхъ свой объявляти предо всѣми людми.	демъ въ слухъ, а смертію отца и матери за сына и за дочь не казнити.

Дополнительная статья, не понявши слова „родича“, перевела: „хоти сродича своего“, т. е. распространила ужасную. и варварскую казнь за отцеубійство на убійство родственниковъ. Уложеніе уже не повторило этой грубой ошибки. Но за то Уложеніе, отвергнувъ квалифированную казнь за это преступленіе (и такимъ образомъ возвысившись надъ своимъ источникомъ), впало въ другую ошибку: оно опустило признакъ умышленности въ опредѣленіи какъ отцеубійства, такъ и дѣтоубійства. Этимъ оно въ обоихъ случаяхъ увеличило строгость наказанія. Статутъ вовсе освобождаетъ отъ наказанія отца или мать, убившихъ сына или дочь при упражненіи своего права наказывать ихъ; Уложеніе не безъ основанія отвергло это.

Изъ сказаннаго выше о статьяхъ Эрмитажнаго Сборника видно, что это еще не есть вполнѣ законодательная рецепція, что составители Уложенія не могли воспользоваться ими прямо и безъ дальнѣйшей передѣлки.

Думаемъ, что раньше составленія Уложенія рецепція литовскаго права перешла уже въ другую стадію: въ нѣсколькихъ приказахъ (преимущественно Судныхъ и Разбойномъ) было уже усвоено изъ Статута почти все то, что вошло потомъ въ Уложеніе. На эту мысль наводятъ слѣд. соображенія. Въ Уложеніи, статьи изъ одного и того же раздѣла Статута размѣщены, повидимому безъ всякихъ основаній, въ различныхъ главахъ; напр. въ X-й гл. Уложенія есть заимствованія изъ разд. XI, т. е. изъ уголовной части Статута, именно заимствованы постановленія объ убійствѣ, совершенномъ при наѣздѣ (ст. 198) и др. Между тѣмъ само Уложеніе все главное содержаніе разд. XI-го передало въ своей уголовной части въ гл. XXII-й. Почему же оно нашло нужнымъ частицу уголовныхъ постановленій вырвать изъ ихъ естественной среды и перенести въ совсѣмъ чуждую имъ сферу („О судѣ“)? Чѣмъ объяснить это? Мы полагаемъ, что только слѣдующимъ соображеніемъ: постановленія, включенныя въ X-ю главу, уже прежде были рецепированы однимъ изъ Судныхъ Приказовъ, а постановленія, вошедшія въ XXII-ю главу, прежде усвоены Разбойнымъ Приказомъ; тѣ и другія получены Уложеніемъ въ готовомъ видѣ.

Къ этому же предположенію ведетъ и то обстоятельство, что на

подлинникѣ Уложенія отмѣчены взятыми изъ Литовскаго Статута далеко не всѣ статьи, дѣйствительно взятыя оттуда. Отъ чего это зависѣло? Если признать что отмѣтки сдѣланы самими составителями Уложенія (а признать это кажется намъ не только возможнымъ, но и необходимымъ), то хотѣли ли составители Уложенія скрыть свои источники, или они сами не знали подлиннаго источника нѣкоторыхъ своихъ постановленій? Для перваго не было никакихъ причинъ, по крайней мѣрѣ мы ихъ придумать не можемъ. Остается второе. Составители Уложенія дѣйствительно могли не знать въ нѣкоторыхъ случаяхъ своихъ источниковъ, если постановленія Статута были уже ассимилированы, слиты съ туземными законами такъ, что слѣды ихъ иноземнаго происхожденія совсѣмъ изчезли. А это послѣднее могло случиться только тогда, когда рецепированныя постановленія уже исполнялись и прежде какъ законъ. Но даже и тѣ постановленія, которыя отмѣчены въ подлинникѣ Уложенія какъ заимствованныя изъ Статута, едва-ли могутъ быть признаны заимствованными непосредственно составителями Уложенія. Извѣстно, что законодательной коммиссіи верховная власть указала подробно источники, изъ которыхъ она должна была почерпать законы, а именно: правила св. Апостоловъ и св. Отцевъ, градскіе законы греческихъ царей (т. е. свѣтское византійское право), по скольку они согласуются съ характеромъ государственныхъ и земскихъ дѣлъ Московскаго государства,—указы предшествующихъ государей, боярскіе приговоры; два послѣдніе источника должны быть „справлены"—сличены съ Судебниками (царскимъ и великокняжескимъ); наконецъ коммиссіи предоставлено въ тѣхъ случаяхъ, когда она не найдетъ на какой-либо вопросъ отвѣта въ источникахъ, составлять проекты новыхъ постановленій. Вотъ всѣ источники; между ними нѣтъ Литовскаго Статута. Рѣшилась ли коммиссія самопроизвольно включить въ число ихъ Статутъ? Едва-ли. Скорѣе можно предположить, что и статьи, отмѣченныя въ подлинникѣ заимствованными изъ Статута, найдены составителями также въ Указныхъ книгахъ Приказовъ, но съ указаніемъ слѣдовъ, откуда онѣ попали въ Указныя книги.

Сознаемся, что эта реставрація скрытой для насъ исторіи рецепціи литовско-русскаго права, основана преимущественно на догадкахъ. Мы и рѣшились представить эти догадки (не выдавая ихъ за несомнѣнную истину) только для того, чтобы отмѣтить невольно поднимающіеся вопросы и обратить на нихъ вниманіе людей науки.

Въ заключеніе, считаемъ своею нравственною обязанностію повторить, что этотъ очеркъ сдѣланъ не въ осужденіе труда С. В. Пахмана, который хотѣлъ одинъ поднять на своихъ плечахъ неподсильную задачу. Время гигантскихъ построеній изъ циклопическахъ камней прошло; постройки нашихъ дней дѣлаются изъ мелкихъ кирпичей. Мы будемъ счастливы, если намъ удалось этимъ очеркомъ положить одинъ такой незначительный кирпичъ въ зданіе недостроенной науки.

М. Вл. Будановъ.

профессоръ императорскаго университета св. владиміра.

Кіевъ. 1876 г.
дек. 16.

ИСТОРІЯ.

Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ. Соч. *С. Соловьева.* Т. XXVI. М. 1876.

Почитатели ученыхъ заслугъ С. М. Соловьева поднесли ему осенью прошлаго года бюваръ, на серебряной крышкѣ котораго вычеканены вокругъ медальона историка виды Кіева и Москвы и изображенія четырехъ памятниковъ поставленныхъ: тысячелѣтію, крещенію, Петру и Екатеринѣ. Трудно было проще и художественнѣе выразить значеніе ученаго и патріотическаго подвига, принятаго на себя и 26 лѣтъ неуклонно продолжаемаго почтеннымъ московскимъ профессоромъ. «Исторія Россіи» есть подвигъ патріотическій. Мы легко впадаемъ въ уныніе, сравнивая успѣхи цивилизаціи у насъ съ успѣхами цивилизаціи на западѣ, иногда даже преувеличивая процвѣтаніе запада и всегда почти принимая на вѣру то, что говорятъ на западѣ о себѣ и о насъ; въ такомъ настроеніи, мы начинаемъ обличать въ безсиліи не только наше прошлое, но и все наше племя, осужденное будто бы на вѣчное подражаніе самоновѣйшимъ европейскимъ образцамъ; иногда и представители исторической науки (или почитаемые за таковыхъ) поддерживаютъ въ обществѣ это минорное настроеніе; указывая на дурныя стороны прошлаго, они слишкомъ долго останавливаются на нихъ, выдвигаютъ ихъ на первый планъ и забываютъ дать имъ надлежащее объясненіе; въ научной сферѣ вѣра въ показаніе иностранцевъ также вредно дѣйствуетъ, какъ и въ средѣ общественной: наука и общество поддерживаютъ другъ друга. Заслуга С. М. Соловьева состоитъ именно въ томъ, что не покидая почвы дѣйствительности, не входя въ область мечтаній, онъ изображаетъ намъ постепенные успѣхи гражданственности въ русской землѣ, постоянную, упорную борьбу нашихъ предковъ съ невыгодными физическими и экономическими условіями, съ одной стороны, и съ враждебными сосѣдями съ другой; такимъ образомъ, то, что является въ страстномъ эфектномъ разсказѣ обличеніемъ и лицъ и племени въ покойномъ, научномъ изложеніи служитъ къ лучшему пониманію прошлаго и укрѣпляетъ надежду на будущее.

Появившійся прошлою осенью (1876 г.) томъ заключаетъ въ себѣ три главы, изъ которыхъ двѣ заняты изложеніемъ событій 1764 и 1765 годовъ, а третья посвящена состоянію русскаго просвѣщенія за десять лѣтъ: отъ основанія московскаго Университета до смерти Ломоносова (1755—65). Въ документальномъ, объективномъ изложеніи автора ясно выходятъ тѣ внутреннія и внѣшнія затрудненія, которыя правительство той эпохи встрѣчало на каждомъ шагу: къ общимъ явленіямъ, нераздѣльно связаннымъ съ экономическими условіями страны (разсѣянность населенія при обширной территоріи, слабость производительности, недостатокъ въ деньгахъ), степенью ея общественнаго и умственнаго развитія (дурная администрація, грубость нравовъ и т. п.) присоединяется еще шаткость положенія лица, стоящаго во главѣ го-

сударства, шаткость, при которой дѣло Мировича, какъ оно ни ничтожно само по себѣ, вызываетъ опасенія съ одной стороны, преувеличенныя надежды съ другой. Французскій посланникъ въ Стокгольмѣ Бретейль, бывшій нѣкогда въ Россіи, сообщалъ министру Пралену: «Всѣ извѣстія, приходящія изъ Россіи, согласно говорятъ, что неудовольствіе и духъ возмущенія тамъ со дня на день увеличиваются.... изъ писемъ Беранже я вижу, что лица, заслуживающія вниманія и мнѣ извѣстныя, дѣлали ему предложенія и увѣряли въ своей преданности, если будутъ обезпечены покровительствомъ въ случаѣ несчастія и получатъ теперь денежную помощь... я увѣренъ, что онъ очень способенъ вести ихъ далѣе съ благоразуміемъ, если вы это ему поручите и если королю угодно будетъ пожертвовать 4000 или 5000 ливровъ, чтобы попытаться *низвергнуть Екатерину со всѣми взгроможденными ею планами*». Берже доносилъ о томъ же, на что Праленъ и писалъ ему: «Вы хорошо поступаете, дѣйствуя съ крайнею осторожностію; однако вы должны употребить всю свою дѣятельность, чтобы проникнуть чувства и намѣренія націи; но вы должны ободрять людей, повѣряющихъ вамъ свои тайны единственно для того, чтобы извѣщать ихъ о ходѣ дѣла, никакъ не рискуя подавать совѣты въ такомъ деликатномъ дѣлѣ». Англійскій посолъ высказывалъ свои соображенія нѣсколько сдержаннѣе французовъ; но и онъ готовъ былъ вѣрить въ шаткость трона Екатерины: «мнѣ кажется, говоритъ графъ Бекингэмъ — что послѣднія событія скорѣе упрочили, чѣмъ поколебали положеніе Е. В. и нѣтъ основанія опасаться революціи, хотя вслѣдствіе той природной довѣрчивости ко всякому обману и ко всякому пустому слуху, примѣры которой столь часты въ исторіи этой страны, а также вслѣдствіе того постояннаго недовольства настоящимъ и ежечаснаго желанія перемѣнъ, котораго невозможно не замѣтить, познакомившись съ русскими министрами, событія такого рода здѣсь менѣе изумительны, чѣмъ въ другихъ государствахъ» («Сборникъ Русск. Истор. Общ.» XII, 173 — 174). Что бы однакоже не думали современники, но «низвергнуть Екатерину со всѣми взгроможденными ею планами» оказалось на дѣлѣ не такъ легко, какъ казалось это французскимъ дипломатамъ: черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ она провела русскій корабль между скалами, болѣе опасными чѣмъ мели придворныхъ интригъ или заговоръ двухъ гвардейскихъ офицеровъ; она счастливо кончила турецкую войну, усложняемую и волненіями въ Польшѣ, и московскою чумою, и страшнымъ пожаромъ пугачовщины, грозившихъ найдти сочувствія въ самой Москвѣ. Все было преодолѣно и Россія вышла изъ всѣхъ затрудненій крѣпче внутри и сильнѣе извнѣ. Зная заранѣе такой результатъ, читатель слѣдитъ съ напряженіемъ за подробнымъ разсказомъ историка. Принятая имъ въ томахъ, посвященныхъ новой исторіи, хронологическая система, много помогаетъ уясненію дѣла, ибо ненадо забывать, что до его книги мы знали новую нашу исторію или по отрывочнымъ матеріаламъ или по немногимъ и неполнымъ монографіямъ или по устарѣлымъ, составленнымъ на основаніи поверхностнаго знакомства съ немногими источниками, обзорамъ; на страницахъ «Исторіи Россіи» мы имѣемъ первое связное и полное изложеніе событій нашей послѣ петровской исторіи, слѣдова-

тельно, чего никогда не должно терять изъ виду, книга эта должна служить основаніемъ для полнаго знакомства съ эпохою. Въ двухъ первыхъ главахъ обозрѣваемаго тома на первомъ планѣ стоятъ сношенія дипломатическія: читатель «Исторіи Россіи» уже знаетъ, что подробное изложеніе внѣшнихъ сношеній Россіи составляетъ одну изъ важнѣйшихъ заслугъ этого капитальнаго труда, заслугъ тѣмъ болѣе важныхъ, что въ русской ученой литературѣ нѣтъ нетолько изложенія нашихъ дипломатическихъ сношеній, ибо знаменитый трудъ Бантыша-Каменскаго остается въ рукописи, неговоря уже о томъ, что принятая имъ метода обозрѣвать по странамъ, съ которыми Россія находилась въ сношеніяхъ, а не по царствованіямъ, очень удобная для цѣлей практическихъ, затруднительна для занятій историческихъ — нѣтъ даже полнаго изданія памятниковъ дипломатическихъ сношеній: начатое изданіе памятниковъ допетровскихъ (Австріи и Италіи) прекратилось; а изданіе сношеній со времени Вестфальскаго мира только-что почти начато и на этотъ разъ опять посчастливилось Австріи; да и самое изданіе обнимаетъ лишь документы, а не самые переговоры. Замѣчаніе редактора не замѣняетъ этого недостатка, и наши сношенія со Швеціею, Польшею, Крымомъ, Турціею, Среднею Азіею до сихъ поръ извѣстны не вполнѣ, то по напечатаннымъ случайно документамъ (извѣстно, что въ „Полномъ Собраніи Законовъ" можно иногда не найдти и оффиціальныхъ актовъ), то по монографіямъ, преимущественно касающимся паденія Польши. При такомъ положеніи дѣлъ нельзя не сознавать полезности хронологическаго обозрѣнія внѣшнихъ сношеній Россіи, которое мы находимъ въ трудѣ С. М. Соловьева. Въ разсматриваемомъ томѣ на первомъ планѣ стоятъ дѣла Польскія, Шведскія и Турецкія и условливаемыя ими отношенія къ Пруссіи, Австріи, Франціи и Англіи. Общее значеніе русской политики въ Польшѣ, авторъ изображаетъ съ обычною ясностью и логичностью, свойственными его общимъ характеристикамъ. Эти качества невольно наводятъ на мысль, что если бы „Исторія Россіи" начата была при другомъ состояніи исторической литературы, если бы автору ея не приходилось бы принимать себѣ слишкомъ много черной работы, она имѣла бы другой видъ. Не можемъ воздержаться отъ искушенія познакомить читателя съ этой характеристикой. Сказавъ въ началѣ, что Польша, завладѣвъ Западной Русью, рѣшилась превратить ея населеніе въ польское, отнявъ у ея населенія основу народности и православную вѣру, что повело къ религіозной борьбѣ, авторъ продолжаетъ:

„Въ XVII в. эта борьба кончилась съ большимъ ущербомъ для Польши, которая должна была уступить часть западно-русскихъ областей Великой Россіи, уступить ей Кіевъ. Но понятно, что такой исходъ борьбы могъ только усилить стремленіе поляковъ отнять у русскаго народонаселенія, оставшагося за Польшею, его вѣру и народность. Усиленіе мѣръ противъ православія приводило къ желаннымъ результатамъ въ одномъ самомъ важномъ для Польши пунктѣ. Польша была государство шляхетское, одна шляхта имѣла представительство, голосъ на сеймѣ, слѣдовательно необходимо было, чтобы это сословіе представляло полное единство, состояло изъ однихъ поляковъ и католиковъ, исклю-

ченіе изъ представительства русской православной шляхты или обращеніе этой шляхты черезъ католицизмъ въ Польшѣ освобождало республику отъ вліянія сильной Россіи, которое проводилось бы русскими депутатами, русскими должностными людьми, отнятіе политическихъ правъ у некатолической шляхты всего болѣе содѣйствовало переходу ея въ католицизмъ, такъ что въ описываемое время православной шляхты, по крайней мѣрѣ значительной, было уже очень много. Поляки тѣмъ удобнѣе могли проводить свои мѣры противъ православія, что Россія была занята другими дѣлами: Петръ В. велъ войну съ Швеціей, при чемъ долженъ былъ стараться держать Польшу при своей сторонѣ. Петръ однако никакъ не хотѣлъ позволить гоненія въ Польшѣ на православныхъ: видя, что дипломатическія представленія ни къ чему не ведутъ, онъ отправилъ своего коммиссара въ Польшу наблюдать, чтобы этого гоненія не было и православнымъ дана была полная управа въ обидахъ. Поднялся страшный крикъ противъ такого небывалаго вмѣшательства русскаго государя во внутреннія дѣла Рѣчи Посполитой, но крикомъ все и кончилось: съ Петромъ ссориться было нельзя. Послѣ Петра эта мѣра не была возобновляема, даже и въ царствованіе его дочери, ибо отношенія къ Пруссіи, семилѣтняя война, не давали возможности ссориться съ Польшею, и заступничество Россіи за единовѣрцевъ, на которое они имѣли и формальное право по московскому договору, ограничивалось по прежнему дипломатическими представленіями. Но Екатерина находилась въ самомъ благопріятномъ положеніи сравнительно съ своими предшественниками, и она рѣшилась воспользоваться этимъ положеніемъ, чтобы, возведя на польскій престолъ короля, всѣмъ ей обязаннаго, порѣшить всѣ споры съ Польшею въ пользу Россіи. Дѣло о защитѣ православныхъ было, разумѣется, важнѣе всѣхъ, въ немъ была особенно заинтересована слава императрицы, ибо легко понять, какое впечатлѣніе должно было произвести на народъ покровительство, оказываемое единовѣрцамъ, и покровительство, увѣнчавшееся небывалымъ успѣхомъ. Выигрывая необыкновенно въ расположеніи собственнаго народа этимъ народнымъ подвигомъ, получая черезъ него такъ сказать вторичное, закрѣпляющее всѣ права вѣнчаніе русскою, православною государынею, что для Екатерины было такъ важно, она не могла быть равнодушна и къ той славѣ, которую должны были протрубить вожди общественнаго мнѣнія на западѣ, къ славѣ побѣдительницы фанатизма, нетерпимости, къ славѣ государыни, которая прекратила религіозное гоненіе, возвратила спокойствіе и гражданскія права людямъ, лишеннымъ ихъ вслѣдствіе религіозной нетерпимости народа, живущаго подъ сильнымъ вліяніемъ ненавистнаго католицизма. Далѣе слѣдовали другіе разсчеты: возвращеніемъ правъ диссидентовъ вводился въ польскія правительственныя отправленія элементъ, который естественно долженъ былъ находиться подъ русскимъ вліяніемъ и привязывать, особенно въ дѣлахъ внѣшней политики, Польшу къ Россіи. При существованіи такого элемента казалось безопаснымъ позволить Польшѣ выйдти изъ страшнаго безнарядья и черезъ это пріобрѣсти нѣкоторую силу. Въ Петербургѣ не могли вполнѣ сочувствовать внушеніямъ, наставленіямъ, приходившимъ изъ Берлина, чтобъ ни подъ какимъ видомъ не позво-

лять Польшѣ измѣнять свою конституцію. Въ Пруссіи, какъ и въ другихъ западно-европейскихъ государствахъ, выработалась вѣрность системѣ, основанной на самоохраненіи и пріобрѣтеніи извѣстныхъ выгодъ, расширеніи государственной области и т. п. Эта національная система проводится настойчиво, никакія другія соображенія въ разсчетъ не принимаются, все должно быть принесено въ жертву системѣ; политика черезъ это является узкою, своекорыстною, но легкою по своей простотѣ. Россія, введенная Петромъ В. въ общую жизнь европейскихъ народовъ, представляла въ этомъ отношеніи замѣтное различіе. Россію можно было упрекнуть въ неимѣніи ясно сознанной національной политики, по крайней мѣрѣ въ отсутствіи настойчивости въ достиженіи цѣлей этой политики; можно было упрекнуть относительно медленности въ возстановленіи полнаго господства русской народности въ западномъ краѣ и т. п. причинъ этого явленія можно было искать въ племенномъ и народномъ характерѣ, въ юности русскаго народа, его неразвитости, новости въ общенародной жизни, недостатки просвѣщеннаго взгляда на свои внутреннія и внѣшнія отношенія, въ привычкѣ сдѣлавши какое-нибудь дѣло складывать руки, непользоваться побѣдою. Всѣ эти объясненія въ извѣстной степени могутъ быть приняты; но не должно забывать и того обстоятельства, что Россія, войдя въ XVIII в. въ общую жизнь европейскихъ народовъ, принесла такую обширную государственную область, которая не давала развиваться въ русскомъ народѣ хищности, желанію чужаго, наступательному движенію, а могла развить качества, противоположныя и въ своихъ крайностяхъ вредныя, такъ нежеланіе чужаго могло перейти въ невниманіе къ своему и т. д. Русскіе государственные дѣятели, разумѣется, не были чужды честолюбію, желанію усилить значеніе Россіи, но для этого они придумывали особенныя средства, идиллическія въ глазахъ западныхъ политиковъ; чуждые стремленіямъ пріобрѣтать что-нибудь для себя, расширять свою государственную область, они придумывали союзы съ чисто-охранительнымъ значеніемъ, въ которыхъ сильныя государства были вмѣстѣ съ слабыми, и первыя, разумѣется, принимали на себя обязанность блюсти выгоды послѣднихъ, какъ свои собственныя. Таковъ былъ знаменитый *сѣверный аккортъ*, который такъ старался осуществить Панинъ [1]). Въ этотъ сѣверный союзъ должны были войти Россія, Пруссія, Англія, Швеція, Данія, Саксонія, Польша, и если Польша входила въ союзъ, разумѣется вѣчный и непоколебимый, то почему же не дать ей возможности выйти изъ анархіи и усилиться, этимъ усиленіемъ она будетъ только полезна союзу. Идиллія, приводившая въ бѣшенство Фридриха II, который ждалъ перваго удобнаго случая, чтобы попользоваться на счетъ Польши, Саксоніи, Швеціи, Даніи, а тутъ заставляютъ его блюсти ихъ интересы! Также наивно было предполагать, что Англія станетъ любить своихъ союзниковъ какъ сама себя.

---

[1]) Мысль объ этомъ аккортѣ принадлежитъ, какъ показываетъ въ другомъ мѣстѣ этого тома С. М. Соловьевъ (стр 110) барону Корфу, бывшему русскимъ посланникомъ въ Даніи.

„Но всѣ эти легкія построенія сокрушились подъ тяжелыми стопами исторіи, когда диссидентскій вопросъ подималъ въ двусоставной Польшѣ ожесточенную борьбу между двумя народностями. Князь Репнинъ, находясь на мѣстѣ, предвидѣлъ страшныя, неодолимыя препятствія къ рѣшенію диссидентскаго вопроса; онъ представлялъ, что католическій фанатизмъ неодолимъ. Ненадобно забывать причинъ, усиливавшихъ этотъ фанатизмъ. Прошли цѣлые вѣка борьбы, въ которой поляки, пользуясь своими государственными средствами, давили православное народонаселеніе; послѣднее питало сильную вражду къ притѣснителямъ; но вражда притѣснителей къ притѣсненнымъ бываетъ еще сильнѣе (ненавижу человѣка, котораго обидѣлъ); у православныхъ русскихъ отняты были права; они являлись людьми низшаго разряда; католикъ, съ молокомъ матери всасывалъ къ нимъ вражду и презрѣніе; еще сильнѣе была вражда отступниковъ и потомства отступниковъ: и вотъ является требованіе, чтобы отношенія совершенно измѣнились, чтобъ православные не только получили полную свободу и безопасность относительно отправленія своей религіи, но получили бы назадъ равныя права съ католиками; человѣкъ, который нынче идетъ съ поникшею головою, гонимый и презрѣнный, завтра подниметъ голову и явится всюду, какъ полноправный согражданинъ, явится съ свѣжею памятью объ обидѣ и со средствами мести; но если бы обиженный, отъ радости, забылъ объ обидѣ, то обидчикъ о ней не забудетъ; духовные католическіе не могутъ себѣ представить, какъ архіерей, священникъ презрѣнной мужицкой (хлопской) вѣры, трепетавшіе до сихъ поръ при видѣ католическихъ духовныхъ лицъ, получили равное съ ними положеніе. Наконецъ, если бы кто-нибудь изъ поляковъ былъ чуждъ религіозной нетерпимости и способенъ забыть установившіяся отношенія, то онъ не хотѣлъ забыть того, что республика его, двусоставная на дѣлѣ, стала путемъ насилія одной части народа надъ другою, единою по праву, ибо представительство и власть принадлежать однимъ полякамъ-католикамъ, а теперь, если уступить требованію уравненія правъ диссидентовъ это единство должно рушиться. Но каковы бы ни были побужденія, знамя для всѣхъ былъ одинъ интересъ религіозный; а что означало поднятіе этого знамени, какъ ни новую борьбу между двумя частями народонаселенія, искусственно, насильственно сплоченнаго. Диссидентскій вопросъ былъ поднятъ не Екатериною II; онъ былъ поднятъ исторіею: это былъ окончательный разсчетъ по сдѣлкѣ Ягайлы и послѣдняго изъ его потомковъ".

Такіе общіе выводы, вытекающіе изъ основательнаго знанія предмета, глубоко продуманные и прочувствованные и потому выраженные въ такой ясной, простой и всѣмъ понятной формѣ, очень важны въ историческихъ сочиненіяхъ. Внимательный читатель съумѣетъ часто приложить подобный выводъ ко многимъ однороднымъ вопросамъ и уяснить себѣ то, что иногда остается неяснымъ въ событіяхъ совершенно другаго времени.

Изъ дипломатическихъ сношеній особенно подробно изложены Шведскія дѣла; но въ особенности привлекаютъ вниманіе дѣла Турецкія: въ Константинополѣ сосредоточиваются враждебныя намъ интриги; здѣсь

стараются возбудить противъ насъ Поляки изъ партіи Браницкаго, Франція, недовольная нашею политикою въ Польшѣ, Австрія, со страхомъ смотрящая на нашъ союзъ съ Пруссіею; сама Пруссія, видящая разницу между нашей и ея политикой. Историкъ передаетъ любопытный эпизодъ Прусской интриги въ Константинополѣ, когда Прусскій посланникъ Рексинъ предлагалъ даже Портѣ заключить вѣчный оборонительный союзъ съ Пруссіею противъ всѣхъ христіанскихъ и сосѣднихъ съ Пруссіею и Портою державъ, стало быть неисключая Россіи. Хотя Фридрихъ и отрекался потомъ отъ дѣйствій своего посланника, но по свидѣтельству англійскаго посланника въ Турціи Гренвилля «нерѣшительность и безпокойство Порты по дѣламъ польскимъ происходитъ болѣе отъ внушеній Рексина, чѣмъ отъ министровъ непріязненныхъ Россіи дворовъ». Рейсъ-еффенди говорилъ русскому посланнику Обрѣзкову: «нежалуйтесь на противниковъ потому, что мнимые ваши друзья больше вамъ вредятъ».

Изъ дѣлъ внутреннихъ особую важность имѣетъ уничтоженіе Гетманства и новое устройство Малороссіи. По поводу этихъ событій авторъ останавливается на записки Теплова о состояніи Малороссіи (напечатано у П. А. Кулиша въ «Запискахъ о Южной Россіи») и доказываетъ, что она должна относиться къ этому времени. Помнится, что по случаю этой записки были нѣкоторыя замѣчанія М. А. Максимовича. Жаль, что они непринята во вниманіе въ «Исторія Россіи». Большинство дѣлъ внутреннихъ изложены (видное исключеніе кромѣ Малороссіи составляетъ дѣятельность Сиверса въ Новгородской губерніи, изложенная главнымъ образомъ по книги Блюма) по дѣламъ сенатскимъ и представляютъ вѣрную фотографію общаго хода дѣлъ. Любопытны замѣчанія по поводу ревизіи на извѣстное показаніе Екатерины о первомъ времени своей дѣятельности; подобныя же замѣчанія, встрѣчаемыя и въ 25-мъ томѣ свидѣтельствуютъ какъ добросовѣстно и отчетливо относится историкъ къ своимъ источникамъ.

Послѣдняя глава XXVI тома начинается блистательною характеристикою французской литературы той эпохи и ея вліянія на Россію; слѣдующее за тѣмъ обозрѣніе умственной жизни Россіи, въ первое десятилѣтіе послѣ основанія Московскаго Университета, сдѣлано полно и обстоятельно. Томъ этотъ, обильный содержаніемъ, представляющій новые факты и въ первый разъ изображающій въ цѣльности это время, едва ли не менѣе другихъ годовъ царствованія Екатерины останавливавшее на себя вниманіе, обнимаетъ только два года; а Екатерина царствовала послѣ 1765 г. еще 30 лѣтъ; стало быть сообразно съ объемомъ этого тома, еще 15 томовъ будутъ посвящены царствованію Екатерины; не слѣдуетъ забывать что были года въ ея жизни богаче событіями, чѣмъ 1764 и 65 года. Быть можетъ впрочемъ историкъ найдетъ средство, не жертвуя богатствомъ новыхъ фактовъ, не допустить уже такихъ большихъ размѣровъ. Во всякомъ случаѣ однако спѣшимъ прибавить, что значеніе книги для науки выигрываетъ отъ ея подробности.

К. Бестужевъ-Рюминъ,

профессоръ императорскаго С.-Петербургскаго университета.

Архивъ юго-западной Россіи издаваемый Временною Коммиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденнаго при Кіевскомъ, Подольскомъ и Волынскомъ генералъ-губернаторѣ. Ч. VI, т. II. Кіевъ. 1876.

Архивъ юго-западной Россіи — изданіе мало распространенное и далеко не общеизвѣстное, хотя ему скоро исполнится 20 лѣтъ существованія (съ 1859 г.) и оно не скрывается подъ спудомъ, подобно нѣкоторымъ другимъ изданіямъ этого рода. Архивъ юго-западной Россіи выходитъ серіями. Первый отдѣлъ его составляютъ „акты относящіеся къ исторіи православной церкви въ юго-западной Россіи (пять томовъ)"; второй отдѣлъ — „постановленія дворянскихъ провинціальныхъ сеймовъ въ юго-западной Россіи"; третій — „акты о козакахъ (3 т.); четвертый — „акты о происхожденіи шляхетскихъ родовъ"; пятый — „акты о городахъ"; шестой — „акты объ экономическомъ и юридическомъ бытѣ крестьянъ XVIII вѣка". Второй томъ этой части, вышедшій еще въ 1870 г., заключаетъ въ себѣ акты XVIII вѣка; первый же томъ, состоящій изъ двухъ книгъ, обнимаетъ акты съ 1498—1795 годъ. При этомъ каждый томъ собранія актовъ сопровождается изслѣдованіемъ, относящимся къ ихъ содержанію. Изслѣдованія эти принадлежатъ покойному Н. И. Иванишеву и П. Ѳ. Мѣдынцеву, С. Терновскому и В. Б. Антоновичу, но преимущественно послѣднему. Редакціею двухъ послѣднихъ книгъ занимались гг. Козловскій и Новицкій, который помѣстилъ и вводную статью къ изданнымъ актамъ.

Въ первой книгѣ помѣщено 185, а во второй 186 актовъ: это привилегіи и указы королей, относящіеся къ имѣніямъ; уставы королевскихъ имѣній"; уставныя грамоты частныхъ владѣльцевъ; жалованныя грамоты пановъ, данныя лицамъ, поселившимся въ ихъ имѣніяхъ; инвентари городовъ, селъ и замковъ съ перечисленіемъ имущества, населенія и крестьянскихъ повинностей: акты объ освобожденіи крестьянъ, универсалъ Богдана Хмельницкаго о повиновеніи крестьянъ своимъ панамъ; рѣшенія судовъ по разнымъ искамъ; рядъ актовъ, обнимающихъ другія юридическія отношенія (жалобы, купчія, продажи, закладныя, завѣщанія и т. п.); но въ особенности много матеріаловъ, относящихся къ такъ называемымъ „наѣздамъ на имѣнія", съ которыми постоянно приходилось считаться крестьянамъ. Наѣзды эти нерѣдко не уступали непріятельскимъ нашествіямъ, какъ напр. указываетъ жалоба берестейскаго воеводы Гаврилы Горностая на воеводича Фридриха Тышкевича о томъ, что онъ, собравъ толпу своихъ слугъ и крестьянъ, въ числѣ до 600 чел., вооруженныхъ разнымъ оружіемъ, напалъ на его имѣніе, уничтожилъ на полѣ хлѣбъ, билъ и увѣчилъ крестьянъ, однихъ вѣшалъ, другихъ потопилъ и т. п. Всѣ эти факты засвидѣтельствованы вознымъ (1 авг. 1587 г. Т. I, ст. LXIV, стр. 175—188; ср. также другіе подобные стр. 302, 390, 127, т. II, 200, 486 и т. п.). Замѣчательно, что какъ подобныя насилія, такъ и притѣсненія со стороны владѣльцевъ весьма часто свидѣтельствуются мѣстными властями; но еще болѣе жалобъ самихъ владѣльцевъ на ихъ арендаторовъ, которые старались отмщать на крестьянахъ

всѣ свои проторы и убытки. Отъ ихъ произвола и насилія крестьяне нерѣдко совсѣмъ оставляли свои земли и расходились въ разныя стороны (Т. I, стр. 254, 295, 353, 409, 419; т. II, 75, 95, 227, 296, 317, 319, 413, 526, 551 и др.). Повѣшеніе (напр. за кражу скота) было обычнымъ наказаніемъ для крестьянъ (т. I, 72); владѣльцы, отдавая въ аренду имѣнія, передавали иногда временному владѣльцу и право казнить крестьянъ смертью (т. I, 263, 353). Изъ этого права не исключались даже арендаторы—евреи, въ рукахъ которыхъ нерѣдко сосредоточивались обширныя владѣнія (см. арендный листъ 1601 г., выданный княземъ Сангушко и его женою на городъ Гороховъ и 11 селъ, стр. 283) [1]). Наѣзды пановъ и ихъ челяди также сопровождались висѣлицами, которыя ставились, для устрашенія, на всемъ пути, подвергавшемся ихъ опустошенію (т. I, стр. 175, 308, 390); пытки (нерѣдко посредствомъ огня) были обыкновенныхъ средствомъ дознанія; но иногда крестьянъ ожидала еще худшая участь: ихъ сожигали на кострахъ (стр. 254). Если въ 1768 г. состоялось постановленіе, воспрещавшее панамъ осуждать крѣпостныхъ людей на смертную казнь, то оно все таки не вошло въ силу.

Напомнимъ здѣсь два распоряженія, сдѣланныя уже представителями русской власти въ тамошнемъ краѣ, опредѣляющія намъ степень ея вліянія на самый народъ. Въ ордерѣ князя Потемкина, данномъ имъ управлявшему его имѣніемъ, купленнымъ у князя Ксаверія Любомирскаго, читаемъ слѣдующія знаменательныя строки: „Всѣ, находящіяся въ купленномъ мною у кн. Любомирскаго польскомъ имѣніи, *висѣлицы* предписываю тотчасъ приказать сломать, *не оставляя и знаку оныхъ;* жителямъ же объявить, чтобы они исполняли приказанія господскія изъ должнаго повиновенія, а не изъ страха казни“ (Изъ дѣлъ князя Потемкина; хранящихся въ Моск. отд. общ. Архива Глав. Штаба, Рус. Архивъ„ 1869, стр. 920—22).

Другое, не менѣе интересное распоряженіе, принадлежитъ князю Н. В. Репнину (1795), бывшему литовскимъ генералъ-губернаторомъ. Въ немъ говорится: „но къ непремѣнному наблюденію здѣсь объявляется, что благостію законоположеній, отъ Ея И. В. России данныхъ, пытки, или жестокія тѣлесныя наказанія и смертная казнь неизвѣстны у народовъ, скипетромъ ея управляемыхъ и ею вовсе ниспровержены; почему и подтверждается наикрѣпчайше, чтобы никакое судебное мѣсто не дерзало по сему роду уголовныхъ дѣлъ само собою по своему повелѣнію или приговору исполненіе дѣлать, ни въ которомъ изъ оныхъ отнюдь не употреблять, въ изысканіи истины и для достиженія оной, пытокъ, или какихъ подобныхъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній, и надлежитъ во всѣхъ тѣхъ изысканіяхъ достигать до истины свидѣтельствами посторонними, объясняющими дѣло, краткими

---

[1]) См. также интересный актъ, подтверждающій право помѣщика казнить крестьянъ смертію, т. II, стр. 209—217. Въ недавно вышедшемъ 3 томѣ Славян. Сборника помѣщенъ переводъ весьма важной политической брошюры 1790 г., представляющей судьбы польскихъ крестьянъ съ древнѣйшихъ временъ до означеннаго времени (стр. 69—139).

увѣщаніями, судіями дѣлаемыми..... и самою въ послѣдней крайности присягою, дабы довести подсудимаго до признанія (Сборн. Рус. историч. общества, XVI, 358—359).

Сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о статьѣ, служащей введеніемъ къ изданнымъ актамъ. Она состоитъ изъ пяти главъ, въ которыхъ разсматриваются: 1) Общественно-бытовое устройство Литовско-Русскаго великаго княжества въ періодъ до изданія Статута; 2) постановленія Статутовъ о крестьянахъ и измѣненія въ юридическомъ положеніи послѣднихъ въ теченіе XVI вѣка (съ изложеніемъ примѣненія этихъ постановленій на основаніи прилагаемыхъ матеріаловъ); 3) подати и повинности крестьянъ въ XVI вѣкѣ, уставъ о высокихъ, уставъ о похожихъ людяхъ; обзоръ инвентарей; 4) инвентари первой половины XVII вѣка; возстаніе Хмельницкаго и вліяніе козацкихъ войнъ на бытъ крестьянскаго населенія; 5) злоупотребленія владѣльцевъ, вліяніе аренды и заставы; реакція со стороны крестьянъ, выражавшіяся въ бѣгствѣ и постоянныхъ переходахъ, въ открытыхъ бунтахъ и аграрныхъ преступленіяхъ.

Выводы автора клонятся къ слѣдующимъ положеніямъ. Находя аналогію въ феодальной системѣ Литовско-Русскаго государства съ помѣстною системою восточной Руси (допуская впрочемъ существенное различіе въ ихъ дальнѣйшемъ развитіи), онъ утверждаетъ что первая изъ нихъ не была подражаніемъ нѣмецкимъ образцамъ, какъ полагаютъ нѣкоторые, а развилась, главнымъ образомъ, изъ отношеній князей къ дружинникамъ, путемъ замѣны денежнаго жалованья — земельными. Въ періодъ господства этой системы междусословныя отношенія не были еще точно опредѣлены; большинство земледѣльческаго населенія сохраняло личную свободу, подчинялось общему суду или пользовалось судомъ общиннымъ, несло податныя тягости въ пользу государства и не было лишено права землевладѣнія, которое было одинаково условно какъ для него, такъ и для высшихъ классовъ. Но экономическія условія быта крестьянъ были обратно пропорціональны степени заселенности страны; они были тѣмъ тяжелѣе, чѣмъ болѣе возрастало населеніе въ той или другой области государства, и потому были легче въ юговосточной части его, въ слѣдствіе обилія незаселенныхъ мѣстъ, сосѣдства татаръ и казаковъ и продолжавшейся колонизаціи лѣваго берега Днѣпра. Ограниченіе крестьянскихъ правъ шло постепенно: начавшись съ суда, оно распространилось за тѣмъ на право налога, перешедшее къ землевладѣльцамъ и наконецъ выразилось въ отрицаніи крестьянскаго права землевладѣнія и личной свободы. Эти ограниченія замѣчаются во второй половинѣ XV в., но особенно развиваются въ XVI в., въ эпоху общихъ законодательныхъ реформъ и окончательно опредѣляются третьимъ Статутомъ, уничтожившимъ по имени рабство, а на самомъ дѣлѣ обратившемъ въ несвободное состояніе земледѣльческій классъ, тогда какъ землевладѣльцы получили теперь обширныя права. Послѣ этого началось постоянное возвышеніе крестьянскихъ повинностей, особенно тягостныхъ тамъ, гдѣ существовали временные владѣльцы. Все это вызвало, съ одной стороны, бѣгство крестьянъ и рядъ аграрныхъ преступленій, а съ другой, открытыя возстанія, результатомъ

которыхъ было присоединеніе части этого края къ русскому государству; но въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя остались за Польшею, не смотря на многократныя раззоренія страны съ 1648—1720 гг., снова возникаютъ прежнія условія быта, а повинности крестьянъ снова и постоянно возрастаютъ. Съ присоединеніемъ же этого края къ Россіи, помѣщичья власть, хотя и была ограничена въ своихъ размѣрахъ, но въ оставленныхъ ей предѣлахъ получила даже извѣстную обезпеченность, въ слѣдствіе обязательнаго содѣйствія ей со стороны исполнительной власти, пока не послѣдовало совершенной отмѣны ея правъ.

Съ особенною подробностью разсмотрѣны авторомъ постановленія статутовъ относительно крестьянъ и составъ инвентарей. [1])

В. Иконниковъ,

профессоръ императорскаго университета св. владиміра.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО.

Англійская свободная торговля. Историческій очеркъ развитія идей свободной конкурренціи и началъ государственнаго вмѣшательства. *И. Янжулъ.* Выпускъ первый. I. Періодъ меркантильный. Москва, 1876 г.

Книга г. Янжула представляетъ собою историческій очеркъ происхожденія и развитія идей свободной конкурренціи въ экономической литературѣ и жизни Англіи. Изложивъ въ началѣ сочиненія причины, вызвавшія меркантильную политику и теорію меркантилизма въ Англіи, авторъ шагъ за шагомъ слѣдитъ за видоизмѣненіями, происходившими въ той и въ другой подъ вліяніемъ перемѣны самихъ жизненныхъ условій страны. Чтобы охарактеризовать различныя стадіи, пройденныя меркантилизмомъ, г. Янжулъ излагаетъ и критически оцѣниваетъ сочиненія важнѣйшихъ его представителей, причемъ съ особенною подробностью останавливается для перваго періода меркантилизма (такъ называемой теоріи денежнаго баланса) на Виллькамѣ Стаффордѣ, а для втораго (теоріи торговаго баланса) на Томасѣ Мёнѣ (Mun).

Очеркъ меркантилизма служитъ въ сочиненіи г. Янжула естественнымъ введеніемъ къ главной его темѣ. Первые проблески идей экономической свободы являлись реакціей противъ господствующаго направленія, и потому становятся понятными только при сопоставленіи съ послѣднимъ. Г. Янжулу удалось выслѣдить теоріи свободной конкур-

---

[1]) Замѣтимъ кстати, что этими послѣдними воспользовался еще въ 1861 г. г. Мордовцевъ, въ своей статьѣ: «крестьяне въ юго-западной Руси XVI вѣка» (Архивъ историко-юрид. свѣд. о Россіи, Калачева, III, 19—64), хотя онъ и не располагалъ тогда такимъ обиліемъ матеріала какъ теперь авторъ указанной статьи (очеркъ Мордовцева составленъ преимущественно по «Памятникамъ», изд. Врем. Ком. въ Кіевѣ).

ренціи при самомъ ея зарожденіи въ трудѣ совершенно неизвѣстнаго въ исторіи литературы замѣчательнаго писателя первой четверти XVII вѣка Миссельдена. Затѣмъ авторъ излагаетъ постепенный ростъ теоріи въ сочиненіяхъ Рали, Чайльди, Петти, Д. Норта, Джи-Стьюарта, Давида Юма и окончательное ея развитіе въ трудахъ Ад. Смита, Рикардо, Джемса Милля и Мальтуса.

Говоря о качествѣ книги г. Янжула, нельзя прежде всего не обратить вниманія на самый выборъ темы. Вопросъ о предѣлахъ государственнаго вмѣшательства есть въ настоящую минуту самый живой въ экономической наукѣ, и нельзя не согласиться съ авторомъ, что давнишній споръ между приверженцами свободной конкурренціи и сторонниками государственнаго вмѣшательства можетъ быть если не разрѣшенъ окончательно, то подвинутъ впередъ путемъ добросовѣстнаго историческаго изслѣдованія. Но, къ сожалѣнію, такого изслѣдованія по отношенію къ старой англійской литературѣ не существуетъ не только на русскомъ языкѣ, но даже и на другихъ, ибо единственная монографія по этому предмету, принадлежащая В. Рошеру [1]), какъ составленная внѣ Англіи, страдаетъ неполнотою и даже иногда невѣрностью передачи взглядовъ писателей. Продолжительныя занятія въ Британскомъ музеѣ дали г. Янжулу возможность познакомиться со старыми англійскими писателями изъ первыхъ рукъ и, благодаря этому, возстановить истинное содержаніе ихъ мыслей, затемненное послѣдующими компиляторами, и даже пополнить исторію экономической литературы открытіемъ одного важнаго, но вполнѣ забытаго писателя (Миссельдена).

Что касается до способа выполненія принятой на себя задачи, то здѣсь прежде всего нужно отдать справедливость методу автора. Согласно съ истинными требованіями историко-литературнаго изслѣдованія, г. Янжулъ не ограничивается передачей мыслей разсматриваемыхъ авторовъ и критикой ихъ съ точки зрѣнія господствующей теперь теоріи, но напротивъ стремится уловить многоразличныя обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ складывались эти взгляды. Исторія хозяйственной идеи является въ книгѣ г. Янжула въ непосредственной связи съ исторіей самаго хозяйства. Благодаря богатымъ пособіямъ Британскаго Музея, равно какъ обстоятельному знакомству съ исторіей Англіи, г. Янжулу удалось провести эту связь съ такой подробностью и наглядностью, какой мы напрасно стали бы искать въ тождественной по предмету книгѣ Рошера. Изложеніе книги, отличаясь повсюду научною серьезностью, не оставляетъ ничего желать въ отношеніи ясности и живости. Г. Янжулъ умѣетъ ярко очертить самые тонкіе оттѣнки мысл разсматриваемыхъ имъ теорій (напримѣръ разницу денежнаго и торговаго баланса) и ясно передать относительное значеніе каждаго изъ многоразличныхъ и притомъ взаимодѣйствующихъ вліяній, съ которыми ему приходится имѣть дѣло при объясненіи излагаемыхъ имъ литературныхъ фактовъ (напримѣръ при разборѣ Ад. Смита).

---

[1]) W. Roscher. Zur Geschichte der englischen Volkswirthschaftslehre im 16 und 17 Jahrhundert. 1852.

Такимъ образомъ книга г. Янжула является весьма цѣннымъ вкладомъ въ нашу экономическую литературу, и мы не можемъ не выразить желанія, чтобы возможно скорое появленіе втораго выпуска, который, по плану автора, долженъ коснуться болѣе близкой къ намъ эпохи, поддержало въ читателяхъ интересъ, возбужденный первымъ выпускомъ.

Общинное землевладѣніе. *А. Посниковъ.* Выпускъ I-й. Ярославль, 1875 г.

Сочиненіе г. Посникова касается одного изъ самыхъ существенныхъ вопросовъ русской жизни. Уже давно тянется въ нашей литературѣ споръ о значеніи общиннаго землевладѣнія, этой обычной формы поземельнаго устройства крестьянъ въ Великороссіи. Съ особенною живостью велась полемика по вопросу объ общинѣ въ концѣ 50 годовъ, передъ крестьянской реформой; но съ тѣхъ поръ она было замолкла на время. Въ послѣдніе годы толки объ общинѣ раздались снова. Высочайше учрежденная коммиссія по изслѣдованію сельскаго хозяйства и сельско-хозяйственной производительности въ Россіи, собравъ множество разнообразныхъ данныхъ и мнѣній о вліяніи общиннаго земельнаго устройства на крестьянскій бытъ, привлекла къ нему всеобщее вниманіе. Съ другой стороны нѣкоторыя земскія собранія обратились къ правительству съ ходатайствомъ объ облегченіи перехода отъ общиннаго пользованія землей къ подворному. Само правительство еще въ 1875 году распорядилось собрать свѣдѣнія о количествѣ крестьянъ, раздѣлившихъ свои общинныя земли, и о вліяніи этой мѣры на тѣ хозяйства.

Когда заходитъ рѣчь объ общинномъ землевладѣніи, то первый представляющійся рѣшенію вопросъ заключается въ томъ, въ какой степени совмѣстима эта форма земельнаго устройства съ успѣхами земледѣлія. Чтобы обезпечить средства продовольствія для возрастающаго народонаселенія, каждой странѣ приходится выбирать одно изъ двухъ: или занимать новыя дотолѣ не обработывавшіяся земли, или же, при помощи лучшихъ пріемовъ земледѣлія, добывать большее количество продуктовъ на поляхъ, уже находящихся подъ обработкой. Прибѣгать къ первому способу возможно лишь до извѣстнаго предѣла,—до тѣхъ поръ, пока не заняты всѣ свободныя земли. Но какъ скоро такое занятіе совершилось, для страны остается одно средство удовлетворить потребностямъ прибавляющагося населенія, именно, переходъ къ высшимъ ступенямъ земледѣльческой культуры. Можно спорить о томъ, наступилъ ли для Россіи моментъ такого перехода, но во всякомъ случаѣ, рано или поздно, онъ сдѣлается необходимостью. Поэтому способность господствующей нынѣ въ большинствѣ Россіи формы крестьянскаго землевладѣнія воспринять необходимыя земледѣльческія усовершенствованія есть существенное условіе сохраненія ея въ будущемъ.

Г. Посниковъ избралъ предметомъ для своего изслѣдованія разборъ тѣхъ возраженій, которыя обыкновенно приводятся противъ общиннаго землевладѣнія, и на первый разъ остановился на оцѣнкѣ хозяйствен-

выхъ послѣдствій, проистекающихъ отъ свойственныхъ этой формѣ пользованія землей періодическихъ передѣловъ полей. При рѣшеніи задачи, поставленной авторомъ, всего ближе, казалось бы, обратиться къ изслѣдованію положенія крестьянскаго хозяйства въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ община съ передѣлами. Но, къ сожалѣнію, относительно внутренняго хозяйственнаго быта нашего простонародья до сихъ поръ существуетъ слишкомъ мало данныхъ. Если бы, впрочемъ, и находилось достаточно свѣдѣній о крестьянскихъ хозяйствахъ, едва-ли возможно было бы, на основаніи ихъ, придти къ какому-либо окончательному заключенію, такъ какъ наше отечество по причинамъ, независящимъ отъ формы землевладѣнія, стоитъ на относительно низкой ступени земледѣльческой культуры. Не имѣя такимъ образомъ возможности путемъ прямаго индуктивнаго изслѣдованія разрѣшить избранную задачу, г. Посниковъ прибѣгъ къ удачному косвенному пріему. Распространенное мнѣніе о несовмѣстимости высокой земледѣльческой культуры съ общинной формой землевладѣнія основывается обыкновенно на томъ соображеніи, что членъ общины, владѣя землей только временно, отъ одного передѣла до другаго, не имѣетъ достаточныхъ мотивовъ затрачивать въ землю трудъ и капиталъ въ той мѣрѣ, въ какой это требуется при интенсивныхъ системахъ земледѣлія, такъ какъ онъ не обезпеченъ въ возможности воспользоваться всѣми плодами затраты. Чтобы провѣрить справедливость этого положенія, г. Посниковъ разсматриваетъ исторію земледѣльческихъ улучшеній въ такихъ странахъ, гдѣ существуетъ классъ лицъ, занимающихся сельскимъ хозяйствомъ на чужихъ земляхъ и пользующихся землею только временно, и гдѣ, съ другой стороны, хозяйство достигло высокой степени. Къ числу такихъ странъ принадлежитъ прежде всего Англія, почему г. Посниковъ и посвящаетъ ея хозяйственнымъ отношеніямъ значительную часть своей книги.

Г. Посниковъ пересматриваетъ всѣ извѣстные виды земельныхъ улучшеній, изъ которыхъ слагается высшая земледѣльческая система, и по отношенію къ каждому разбираетъ, дѣлается ли оно фермеромъ или же фермеръ, какъ временный владѣлецъ, не въ состояніи производить его на свой счетъ. Изслѣдованіе англійскаго фермерства приводитъ автора къ выводу, что, исключая работъ, производимыхъ на общегосударственный счетъ, временный владѣлецъ земли, фермеръ, предпринимаетъ всякое изъ земельныхъ улучшеній, къ какому бы виду оно ни принадлежало. Большинство улучшеній дѣлается самимъ фермеромъ прямо на его собственныя средства, безъ всякаго посторонняго участія. Если же работа превышаетъ силы одного лица, или, если проэктируемое улучшеніе затрогиваетъ интересы многихъ владѣльцевъ, то оно производится при участіи правительственной власти соединенными усиліями многихъ лицъ, въ большинствѣ случаевъ на занятой капиталъ; а на обязанность фермера возлагается въ такомъ случаѣ уплата всего долга, причитающагося на долю его фермы. Къ тому же заключенію приводитъ автора опытъ и тѣхъ немногихъ изъ континентальныхъ странъ, гдѣ встрѣчается развитое арендное хозяйство, именно Ломбардіи и Бельгіи. Съ другой стороны, наблюденія надъ странами, гдѣ хозяйство ведется самими собственниками непосредственно или при помощи наемныхъ рабо-

чихъ (напримѣръ Пруссіи), указываютъ, что самыя цѣнныя и трудныя улучшенія, каковы, напримѣръ, осушеніе и орошеніе, осуществляются лишь при дѣятельномъ участіи правительства, путемъ компаніи изъ землевладѣльцевъ, на занятой капиталъ.

Такимъ образомъ принципъ временности владѣнія самъ по себѣ отнюдь не служитъ тормазомъ земледѣльческихъ улучшеній. Однакоже при господствѣ одной и той же системы мы встрѣчаемъ значительную разницу въ хозяйственныхъ результатахъ: въ одномъ случаѣ, какъ, напримѣръ, въ Бельгіи, фермеръ ведетъ правильное хозяйство; въ другомъ, какъ въ большинствѣ графствъ Ирландіи, вся цѣль его состоитъ въ истощеніи земли. Чтобы разъяснить эту разницу, г. Посниковъ обращается къ разсмотрѣнію тѣхъ частныхъ условій, на которыхъ земля передается въ пользованіе временнаго владѣльца. Первымъ изъ такихъ условій представляются сроки арендныхъ контрактовъ. Г. Посниковъ приводитъ рядъ мнѣній англійскихъ хозяевъ, доказывающихъ, что длинный срокъ арендъ отнюдь не гарантируетъ ни прогресса земледѣлія, ни затратъ фермера. Такую гарантію даетъ только право фермера на вознагражденіе за всѣ сдѣланныя имъ, но еще не окупившіяся затраты (такъ называемое tenant right), —право, на которомъ все болѣе сосредоточиваются желанія фермеровъ и хозяевъ въ Англіи. Поэтому г. Посниковъ подробно разсматриваетъ исторію возникновенія этого права и его формы въ Англіи, Фландріи и Даніи. Въ Англіи различаютъ два типа tenant right право фермера, существующее въ сѣверной части Ирландіи, въ провинціи Ильстеръ (Ulster), узаконенное актомъ 1870 года, отъ того, которое существуетъ въ Линкольнширѣ. По Ольсторскому праву фермеръ, оставляющій арендуемую землю по своей волѣ или по волѣ собственника, получаетъ отъ своего намѣстника или отъ своего собственника отступныя деньги; но размѣръ этой суммы, завися отъ отношенія спроса къ предложенію, заключаетъ въ себѣ не одну стоимость улучшенія, а также плату собственно за десятину владѣнія землей. По Линкольнширскому обычаю, уходящій фермеръ получаетъ по оцѣнкѣ вознагражденіе только за улучшенія земли, которыми онъ не успѣлъ воспользоваться. Оцѣнка производится чрезъ посредниковъ, выбираемыхъ обѣими сторонами, собственникомъ и фермеромъ, къ которымъ выбранныя лица присоединяютъ еще третьяго по собственному избранію. Каждому земельному улучшенію соотвѣтствуетъ извѣстное время, въ теченіе котораго оно, согласно обычному предположенію, должно окупить израсходованный на него капиталъ. Сообразно этому, если фермеръ, совершивъ затрату на какое-либо улучшеніе, долженъ передать землю прежде срока, когда, какъ полагается, увеличившійся доходъ оплатилъ бы его расходъ, то въ такомъ случаѣ онъ имѣетъ право на пропорціональное вознагражденіе. Такъ, если фермеръ предпринимаетъ проложеніе дренажа исключительно на свой счетъ, безъ поддержки собственника, всѣ его расходы должны окупиться, какъ полагаетъ обычай, въ теченіи семи лѣтъ; а потому, если бы фермеръ оставилъ арендуемую землю до истеченія этого срока, онъ имѣетъ право на вознагражденіе за каждый недодержанный годъ въ размѣрѣ $^1/_7$ его расхода. Общественное мнѣніе въ Англіи энергически требуетъ примѣненія фер-

мерскаго права именно въ этой послѣдней формѣ. Въ пользу Линкольнширскаго обычая свидѣтельствуетъ уже цвѣтущее состояніе земледѣльческой культуры въ этомъ графствѣ; благодаря ему, линкольнширскіе фермеры, несмотря на крайнюю краткосрочность арендныхъ контрактовъ, въ состояніи были предпринять огромныя затраты, которыя на сравнительно плохой почвѣ развили хозяйство, едва-ли не лучшее въ Англіи.

Послѣднюю часть своего разсужденія г. Посниковъ посвящаетъ вопросу о степени примѣнимости tenant right къ нашему общинному пользованію землей. Авторъ находитъ, что приложеніе начала вознагражденія при общинномъ пользованіи землей даже проще и легче, нежели при арендной системѣ. При послѣдней приходится вознаграждать владѣльца за всѣ улучшенія, какого бы рода они ни были: временныя, продолжительныя или постоянныя. Напротивъ, при общинномъ пользованіи нѣтъ повода распространять вознагражденіе на всѣ виды улучшеній; по самой сущности этой формы пользованія землей, вознагражденіе отдѣльнаго члена ограничивается улучшеніями въ той части земли, на которую оказываютъ вліяніе передѣлы. Но передѣлъ не имѣетъ отношенія прежде всего къ такимъ улучшеніямъ, какъ ирригація, регулированіе рѣкъ, сооруженіе плотинъ, лѣсоразведеніе и пр., которыя превосходятъ силы отдѣльнаго члена общины и размѣръ его небольшаго временнаго владѣнія. Подобныя улучшенія въ предѣлахъ общинъ такъ же, какъ и на земляхъ частныхъ собственниковъ, не могутъ быть проведены безъ принудительнаго вмѣшательства государства, къ которому и привела жизненная необходимость въ Великобританіи и Пруссіи. Не оказывая такимъ образомъ ни малѣйшаго вліянія на улучшенія, для которыхъ требуются соединенныя усилія цѣлой общины, передѣлъ не касается также улучшеній, доступныхъ силамъ отдѣльнаго лица. Сюда относятся расходы на постройки, воздвигаемыя на усадебной землѣ, обыкновенно находящейся въ наслѣдственномъ владѣніи членовъ общины, равно какъ на скотъ и земледѣльческія орудія, составляющія предметъ частной собственности отдѣльныхъ членовъ.

Такимъ образомъ, за исключеніемъ перечисленныхъ улучшеній, остается только та ихъ часть, которая касается исключительно пахатной земли, отводимой общинникамъ отъ одного передѣла до другаго. Главнѣйшее изъ подобныхъ улучшеній есть удобреніе земли, къ которому собственно и придется примѣнить принципъ вознагражденія.

Изъ представленнаго краткаго очерка, плана и содержанія сочиненія г. Посникова видно, какъ много интересныхъ свѣдѣній можетъ оно сообщить русскому читателю. Независимо отъ сопоставленія общиннаго землевладѣнія съ фермерствомъ, сопоставленія, хотя и дѣлавшагося вскользь ранѣе, но въ первый разъ въ книгѣ г. Посникова проведеннаго съ полною подробностью, мы находимъ въ ней любопытную картину современнаго состоянія и стремленій англійскихъ фермеровъ, равно какъ весьма поучительныя, но вовсе неизвѣстныя у насъ данныя о возникновеніи въ Англіи tenant right—этого удачнаго корректива темныхъ сторонъ временнаго владѣнія землей. Остроумно построенныя доказательства удобоприлѣнимости tenant right къ общинному хозяйству разсѣ-

ваютъ одно изъ главнѣйшихъ сомнѣній, обыкновенно являющихся при мысли о будущности господствующей у насъ формы крестьянскаго землевладѣнія. Затѣмъ нельзя не обратить вниманія на нѣкоторыя частныя изслѣдованія, разбросанныя въ разныхъ мѣстахъ книги, напримѣръ, на исторію работъ по осушенію и орошенію земель въ Великобританіи и Пруссіи, на очеркъ современной формы фермерства въ Россіи, на обзоръ правительственной политики по отношенію къ общиннымъ и частно владѣльческимъ лѣсамъ и проч.

Заключенія г. Посникова построены повсюду на тщательномъ изученіи многочисленныхъ и большею частію у насъ мало извѣстныхъ матерьяловъ, заключающихся въ специальной англійской литературѣ и особенно въ парламентскихъ изслѣдованіяхъ по вопросамъ землевладѣнія и земледѣлія.

Пробѣлы печатныхъ источниковъ наполнены авторомъ чрезъ личные распросы во время путешествія по сельскимъ округамъ Англіи и Шотландіи. Но главная сила автора заключается въ умѣньѣ воспользоваться этимъ обширнымъ матерьяломъ для своей цѣли. Связь между извѣстной формой землевладѣнія и состояніемъ сельскаго хозяйства лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можетъ быть доказана путемъ прямаго опыта, ибо, при разнообразіи факторовъ, которымъ обусловливается въ дѣйствительности движеніе земледѣльческой культуры, всегда можетъ оставаться мѣсто для сомнѣнія, не зависитъ ли данное ея состояніе отъ какихъ-либо иныхъ причинъ, кромѣ формы землевладѣнія. Чтобы обойдти эту трудность, г. Посниковъ искусно разлагаетъ общіе вопросы на нѣсколько частныхъ и уже въ примѣненіи къ послѣднимъ пользуется фактами опыта. Такъ весь трудъ объ общинномъ владѣніи разбитъ авторомъ на четыре частныхъ изслѣдованія, изъ которыхъ каждое имѣетъ своимъ предметомъ только одинъ признакъ, свойственный этой формѣ землевладѣнія: въ разсматриваемомъ выпускѣ авторъ разобралъ послѣдствія временности владѣнія землей; въ послѣдующихъ выпускахъ онъ предположилъ изслѣдовать вопросъ о принудительной обработкѣ полей (Flurzwang), о дробленіи полей и о чрезполосности. Тотъ же пріемъ приложенъ, какъ мы видѣли, къ изслѣдованію роли фермеровъ въ земледѣльческомъ прогрессѣ Англіи: раздѣливъ всѣ земледѣльческія улучшенія на нѣсколько категорій, авторъ разсматриваетъ, кѣмъ обыкновенно предпринимается каждое изъ нихъ, собственниками или фермерами. Нельзя не согласиться, что подобный аналитическій пріемъ сообщаетъ аргументаціи несравненно большую убѣдительность, нежели какой возможно было бы достигнуть при помощи одного голаго опыта.

Сводя въ одно цѣлое все сказанное, мы приходимъ къ заключенію, что по возможности избранной темы, по обилію обработаннаго научнаго матерьяла, по искусству въ постановкѣ и рѣшеніи вопросовъ и, наконецъ, по изящной простотѣ изложенія, книга г. Посникова имѣетъ полное право на серьезное вниманіе специалистовъ и публики.

А. И. Чупровъ,

профессоръ Императорскаго Московскаго Университета.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Государство и законы о народномъ образованіи.

(По поводу сочиненія Лоренца Штейна: Внутреннее управленіе. Первоначальное и профессіональное образованіе въ Германіи, Англіи, Франціи и другихъ государствахъ). Die Innere Verwaltung. Das Elementar-und das Berufsbildungswesen in Deutschland, England, Frankreich und andern Ländern. Stuttgart. 1868.

I.

Право народнаго образованія. Дѣленіе народнаго образованія на главныя отрасли. Ихъ характеристика.

Правовая сторона народнаго образованія остается доселѣ очень мало разработанною. На сколько богата педагогическая литература, на столько бѣдна литература права, относящагося къ народному образованію. Уставовъ и положеній, опредѣляющихъ устройство, управленіе и порядокъ дѣятельности ученыхъ, учебныхъ и воспитательныхъ учрежденій, издано въ Европѣ, а въ томъ числѣ и въ Россіи, очень много (не говоря уже о правилахъ, регулятивахъ, инструкціяхъ и пр.); но во всей этой массѣ законовъ и административныхъ распоряженій, преобладаетъ не юридическій элементъ, т. е. не нормированіе правомъ общественныхъ отношеній, а начала педагогіи. Поэтому законы о народномъ образованіи, часто столь же мало заключаютъ въ себѣ юридическаго элемента, какъ напр. русскій лѣсной уставъ, который содержитъ въ себѣ цѣлое наставленіе, относительно способа разведенія, сохраненія и рубки лѣса. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ, что законы о народномъ образованіи должны быть чужды педагогіи: они должны принимать въ разсчетъ добытыя ею положенія, но принимать на столько, на сколько эти положенія сообразны съ правомъ.

Книга Штейна „Das Bildungswesen", представляетъ въ этомъ отношеніи выдающееся явленіе: автору впервые удалось подмѣтить и выдѣлить правовую стихію; если на его книгу будутъ ссылаться, какъ поборники, такъ и противники учебныхъ преобразованій, подобно тому, какъ въ Адамѣ Смитѣ видятъ основателя своихъ ученій и послѣдователи либеральнаго направленія, и соціалисты, то въ трудѣ Штейна все-таки есть твердо установившіяся воззрѣнія. Ссылки, которыя могутъ быть сдѣланы на него представителями противуположныхъ направленій,

объясняются его широкимъ взглядомъ на предметъ изслѣдованій, на вопросы о назначеніи гимназій, о свободѣ университетскаго образованія, объ учебныхъ планахъ, о системахъ испытаній и т. п. [1]).

Штейнъ отличаетъ въ народномъ образованіи три отрасли: начальное, профессіональное и общее образованіе. Профессіональное образованіе дѣлится у него на ученое, реальное (хозяйственное) и художественное, и каждый изъ этихъ трехъ отдѣловъ заключаетъ въ себѣ образованіе какъ приготовительное (Vorbildung), такъ и окончательное (Fachbildung). Затѣмъ, общее образованіе обнимаетъ собою полицію нравовъ, общественныя образовательныя учрежденія—академіи, ученыя общества, библіотеки, музеи, театръ, общества для распространенія образованія и печать.

Начальное образованіе, по Штейну, составляетъ условіе для пріобрѣтенія и профессіональнаго, и общаго образованія. Оно не имѣетъ твердо установленныхъ границъ и расширяется или съуживается, вмѣстѣ съ развитіемъ или упадкомъ профессіональнаго и общаго образованія. Профессіональное образованіе заключаетъ въ себѣ условіе для достиженія извѣстной практической или спеціальной цѣли въ жизни: ученому — соотвѣтствуетъ наука, реальному — пріобрѣтеніе имущества, художественному — разныя свободныя профессіи. Ученое приготовительное образованіе дается въ гимназіяхъ, атенеяхъ, коллегіяхъ; окончательное — въ университетахъ; реальное приготовительное — въ реальныхъ училищахъ и реальныхъ гимназіяхъ, а окончательное — въ факультетахъ реальныхъ наукъ и въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ; художественное, приготовительное и окончательное образованіе — въ академіяхъ, консерваторіяхъ и пр. Профессіональное образованіе всегда спеціально, строго ограничено, и опредѣляется самою профессіею и развитіемъ общества.

Общее образованіе выводитъ человѣка за предѣлы его спеціальности и обусловливаетъ собою его свободное развитіе; оно обнимаетъ всю духовную жизнь человѣчества и связываетъ органически всѣ профессіи между собою. Мѣриломъ цивилизаціи служитъ то, въ какой степени общее образованіе становится задачею общества и предметомъ правильной его дѣятельности.

Приведенная характеристика народнаго образованія и главныхъ его отраслей представляетъ много свѣтлыхъ сторонъ. Но едва-ли можно признать вѣрное пониманіе Штейномъ начальнаго образованія; едва-ли также удачно подраздѣлено имъ то, что онъ обнимаетъ общимъ терминомъ: „профессіональное образованіе"; наконецъ, едва-ли можно признать все значеніе, которое приписываетъ авторъ общему образованію. Нельзя не согласиться съ тѣмъ, что характеристика главныхъ видовъ профессіонального образованія, разсчитанная на обобщеніе, впадаетъ вслѣдствіе

---

[1]) Въ Университетскихъ Извѣстіяхъ (Кіевскихъ, сентябрь, 1876 г.), изложено мною содержаніе сочиненія Штейна о начальномъ и профессіональномъ образованіи въ Германіи, Франціи и Англіи, въ странахъ, представляющихъ [illegible] типическія формы. Настоящая статья посвящается разбору книги Штейн[illegible] чемъ я ограничиваюсь разсмотрѣніемъ народнаго образованія и его за[illegible]тельства въ трехъ названныхъ странахъ.

этого въ односторонность. *Всякое профессіональное образованіе имѣетъ научный элементъ и ведетъ къ пріобрѣтенію имущества.* Равнымъ образомъ неоспоримо, что *наука составляетъ такую же свободную профессію, какъ и искусство.* Еще неопредѣленнѣе понятіе объ общемъ образованіи. Несмотря на то, что Штейнъ отводитъ для него особую область и дѣлаетъ его предметомъ отдѣльнаго изслѣдованія, въ разныхъ мѣстахъ своей книги о начальномъ и профессіональномъ образованіи, Штейнъ относитъ къ общему образованію географію, исторію въ извѣстной мѣрѣ классицизмъ и философію, или тѣ отрасли знаній, которыя имѣютъ задачею своею не только приготовленіе человѣка къ извѣстной профессіи, но его развитіе вообще. Затѣмъ еще труднѣе объяснить включеніе полиціи нравовъ въ систему общаго образованія, а еще болѣе отнесеніе академіи наукъ къ общеобразовательнымъ учрежденіямъ. Если академіи считали своею миссіею распространеніе открытій и изобрѣтеній, то эту задачу слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ популяризаціи знаній, а какъ распространеніе ихъ въ ученыхъ сферахъ. Главныя же цѣли, которыя преслѣдуютъ академіи и de jure, и de facto, состоятъ въ обогащеніи наукъ. Наконецъ, печать не есть только средство для распространенія общаго образованія; она служитъ образованію и начальному и профессіональному.

Принимая, вмѣстѣ съ Штейномъ, дѣленіе профессіональнаго образованія на ученое, реальное и художественное, можно скорѣе всего отнести его къ тремъ отраслямъ человѣческаго вѣдѣнія: знаній общественныхъ въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, знаній физико-математическихъ и знаній, принадлежащихъ къ области искусства. Каждая изъ этихъ отраслей имѣетъ и свою научную, и свою практическую сферу— область идей и область ремесла, нерѣдко чуждую науки. Многія изъ лицъ, принадлежащихъ къ ученымъ профессіямъ, по своему развитію и по роду своей дѣятельности, не стоятъ выше тѣхъ, которыя получили реальное приготовительное образованіе, и на оборотъ, окончательное реальное образованіе имѣетъ вполнѣ научный характеръ, при чемъ задачею жизни становится не одно пріобрѣтеніе имущества, но и духовная дѣятельность. Въ этихъ главныхъ отрасляхъ умственнаго развитія вырабатывается непрерывно масса свѣдѣній, которыя дѣлаются достояніемъ общества, предметомъ общаго образованія. Послѣднее слагается, какъ изъ свѣдѣній, передаваемыхъ школою, и необходимыхъ для каждаго образованнаго человѣка, такъ и изъ тѣхъ знаній, которыя пріобрѣтаются чтеніемъ, и для которыхъ ученыя учрежденія, музеи и пр., служащіе для высшаго окончательнаго образованія, даютъ матеріалъ, если можно такъ выразиться, для нагляднаго популярнаго изученія.

II.

Характеристическія черты общественнаго устройства и права народнаго образованія въ Англіи, Франціи и Германіи. Начала, которыя вносить государство въ право народнаго образованія.

Главныя отрасли народнаго образованія поставляются Штейномъ въ непосредственную связь съ формами общественной жизни (съ устрой-

ствомъ родовымъ, сословнымъ и гражданскаго общества), развивающимися совмѣстно съ государствомъ, которое вноситъ въ образованіе новую стихію, равноправность и единство. Родовое устройство составляетъ особенность классическаго міра, греко-римскаго, сочетаніе началъ сословнаго и гражданскаго общества представляется намъ у ново-европейскихъ народовъ, и притомъ въ типическихъ формахъ, въ Англіи, Франціи и Германіи.

Въ Англіи сохранилось сословное устройство. Порядокъ гражданскаго общества уничтожилъ только привилегіи вотчинника и опирается на индивидуальную свободу; государство не достигло до самостоятельнаго вмѣшательства въ сферу дѣятельности частныхъ лицъ.

Во Франціи, побѣда гражданскаго общества, въ эпоху революціи, была побѣдою власти. Правительство, какъ представитель общества, господствуетъ подъ фирмою свободы. Въ Англіи нѣтъ государственной организаціи управленія, нѣтъ регулирующаго законодательства и публичное административное право предписываетъ только границы, въ предѣлахъ которыхъ можетъ дѣйствовать частное лицо; во Франціи, каждая общественная власть есть органъ государства, все регулируется его законами и административными распоряженіями и воля народа въ дѣлахъ управленія находится постоянно подъ надзоромъ государства.

Въ Германіи, господство гражданскаго общества ограничивается правами сословій, изъ которыхъ создается самоуправленіе; государство имѣетъ только право надзора. Государство и самоуправленіе не разъединены; споры между ними рѣшаетъ наука – сила, создающая право.

Послѣ этого Штейнъ дѣлаетъ характеристику народнаго образованія въ Англіи, Франціи и Германіи.

Въ Англіи, образованіе не составляетъ цѣли государства. Здѣсь нѣтъ ни общаго законодательства, ни организованнаго управленія, ни обязательнаго начальнаго обученія, ни системы административнаго надзора, ни правительственнаго содѣйствія, ни учащаго сословія. Все образованіе составляетъ задачу самоуправленія, корпорацій, личныхъ союзовъ и отдѣльныхъ лицъ; оно разсматривается какъ дѣло личное, причемъ могучая личность достигаетъ бо́льшаго чѣмъ гдѣ либо, а слабая гибнетъ.

Совершенную противуположность представляетъ Франція. Торжество началъ свободы и равенства, въ эпоху французской революціи, повело къ признанію права всѣхъ на равное образованіе и, при единствѣ въ законодательствѣ и въ управленіи, это право могло быть осуществлено только правительственною властью, которая регулировала все образованіе, оставляя какъ можно менѣе простора для личности. Французскій университетъ есть іерархія низшихъ и среднихъ школъ, подчиненныхъ центральнымъ учрежденіямъ и наконецъ министерству. Начальное образованіе изъято изъ вѣдѣнія общинъ, профессіональное не знаетъ самостоятельнаго сословія учащихся, индивидуальная свобода дѣятельности принесена въ жертву формальному единству. Наравнѣ съ этой системою существуетъ другая, въ видѣ частныхъ учебныхъ учрежденій, неподчиненныхъ государству и несостоящихъ подъ его надзоромъ. Они ничѣмъ не связаны между собою. Изъ высшихъ учеб-

ныхъ заведеній Collége de France съ его свободнымъ порядкомъ составляетъ аномалію въ ряду учрежденій правительственныхъ.

Въ Германіи, при административномъ единствѣ, которое имѣетъ (въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ) своего представителя въ министерствѣ народнаго просвѣщенія самостоятельность въ начальномъ образованіи достигается правомъ общинъ на завѣдываніе школами, въ профессіональномъ — самоуправленіемъ учащаго сословія (Lehrstand) и его правомъ. Въ этой формѣ достигается соединеніе дѣятельности государства, сословнаго порядка и гражданскаго общества.

Народное образованіе, сложившееся подъ вліяніемъ изложенныхъ общественныхъ условій, нормируется правомъ, которое не можетъ не принять въ разсчетъ стихій, изъ которыхъ слагается народная жизнь. Сословный элементъ вводитъ самоуправленіе съ привилегированнымъ характеромъ; гражданское общество вноситъ индивидуальность и свободу въ самоуправленіе; государство проводитъ равноправность и единство. Подъ вліяніемъ этихъ началъ слагается право народнаго образованія, которое опредѣляетъ организацію управленія, порядокъ учрежденія учебныхъ заведеній, устройство ихъ, надзоръ за ними, связь между учебными учрежденіями, относящимися къ разнымъ отраслямъ народнаго образованія, которое проводитъ начало обязательности въ начальномъ обученіи, требуетъ отъ получающихъ образованіе профессіональное minimum'а свѣдѣній удостовѣряемаго системою испытаній и учебнымъ планомъ и предоставляетъ свободу въ тѣхъ случаяхъ, когда профессія имѣетъ значеніе для лица, а не для общества. Право неразрывно связано съ участіемъ государства въ дѣлѣ образованія, но государство и право не исключаютъ ни дѣятельности частной, ни участія личныхъ союзовъ, ни сословнаго и мѣстнаго самоуправленія; наконецъ государство узаконяетъ сословіе учащее и отводитъ ему въ самоуправленіи опредѣленную сферу дѣйствій.

Понятно, послѣ этого, что область права народнаго образованія неодинакова тамъ, гдѣ государство относится къ школѣ пассивно, гдѣ все совершается по индивидуальной иниціативѣ союзами личными, сословными и мѣстными, какъ въ Англіи, и тамъ, гдѣ общественная власть и государство, какъ ея представитель, принимаютъ на себя дѣятельную и первенствующую роль. Но если въ первомъ случаѣ, оказываются пробѣлы въ законодательствѣ, то за это во второмъ, представляются въ правѣ недостатки и несоотвѣтствіе задачамъ, которыя преслѣдуетъ государство.

Штейну безспорно принадлежитъ заслуга мастерскаго уясненія этихъ пробѣловъ въ правѣ и присущихъ ему недостатковъ. Его можно упрекнуть въ одномъ — въ нѣкоторой идеализаціи общественной жизни и права народнаго образованія въ Германіи. Но, не слѣдуетъ спѣшить порицаніемъ автора за односторонность и за пристрастіе къ своему отечественному. Излагая систему профессіональнаго образованія въ Англіи, авторъ сознается самъ, что Германія не осуществляетъ его идеала, такъ какъ юридическія нормы, установленныя для профессіональнаго образованія, учебные планы и испытанія обусловливаются недостаткомъ

публичности, народнаго представительства и самоуправленія. Приговоръ строгій, къ которому придется возвратиться еще разъ.

Прежде чѣмъ перейти къ праву начальнаго и профессіональнаго образованія, необходимо уяснить еще общія начала, которыя вноситъ государство.

Эти начала суть: *равноправность и единство*; они не исключаютъ ни свободы, ни системы.

Равноправность требуетъ общедоступности образованія вообще, однородности и обязательности начальнаго образованія. Единство, по мнѣнію Штейна, установляется тѣмъ, что начальное образованіе перестаетъ служить извѣстнымъ классамъ населенія, и служитъ подготовленіемъ для дальнѣйшаго образованія всѣхъ и каждаго. Вообще же единство создается наукою и законодательствомъ и получаетъ внутреннее содержаніе въ системѣ народнаго образованія и внѣшній образъ въ его управленіи.

Управленіе слагается изъ министерства, подчиненной ему мѣстной учебной администраціи съ единоличнымъ или коллегіальнымъ характеромъ, съ болѣе или менѣе широкимъ кругомъ дѣятельности, относительно завѣдыванія учебными заведеніями или надзора надъ ними.

При этомъ, государству предстоитъ опредѣлить область свободной дѣятельности — индивидуальной, личныхъ союзовъ и самоуправленія, а въ самой системѣ образованія провести свободу выбора профессій и свободу ученія, требуя лишь minimum'а профессіональныхъ знаній въ тѣхъ случаяхъ, когда профессія получаетъ публичный характеръ и не составляетъ только личной, частной цѣли. Въ области самоуправленія предстоитъ опредѣлить участіе учащаго сословія и самостоятельную сферу для его дѣятельности.

Послѣ этого очерка основныхъ началъ права народнаго образованія, представляется возможнымъ уяснить системы дѣйствующаго законодательства въ Германіи, Франціи и Англіи, какъ относительно начальныхъ школъ, такъ и профессіональныхъ — приготовительныхъ и окончательныхъ.

III.

Германская система. — Учебныя заведенія, ихъ подраздѣленіе. — Управленіе, его обязанности. — Начальныя школы. — Классическія гимназіи и университеты. — Реальныя училища и гимназіи. — Окончательное реальное образованіе. — Художественное образованіе.

Въ Германіи, при обязательномъ начальномъ обученіи, начальныя училища суть, по преимуществу, публичныя учрежденія, содержимыя на счетъ общинъ, и ведущія къ профессіональному образованію, приготовительному и окончательному. Реальное приготовительное образованіе подраздѣляется Штейномъ на получаемое въ реальныхъ училищахъ и въ реальныхъ гимназіяхъ (съ латинскимъ языкомъ). Оно дается въ школахъ, устроенныхъ главнымъ образомъ по почину отдѣльныхъ лицъ или обществъ, сословій и мѣстныхъ учрежденій. Государство не только регулируетъ ихъ законами, но принимаетъ участіе въ ихъ учреж-

денія. Окончательное реальное образованіе, готовящее къ торговлѣ, должно быть свободно; готовящее къ производству—должно быть устроено правительствомъ. Ученое образованіе приготовительное дается въ гимназіяхъ, классическихъ школахъ, окончательное — въ университетахъ.

Тѣ и другія учрежденія относятся къ государственнымъ, хотя могутъ быть исключенія (школы приготовительнаго ученаго образованія, устроенныя частными лицами).

Управленіе всѣми учебными заведеніями сосредоточивается въ министерствѣ и ввѣряется подчиненнымъ ему органамъ. Ближайшее участіе въ завѣдываніи начальною школою принадлежитъ мѣстному самоуправленію, и только тамъ, гдѣ послѣдняго не существуетъ, заступаетъ его мѣсто административная власть. Съ появленіемъ обязательнаго обученія, учрежденіе школы составляетъ повинность общины. Община строитъ домъ для школы, даетъ, по общему правилу, помѣщеніе учителю, назначаетъ для него содержаніе, которое имѣетъ законный наименьшій размѣръ, установляетъ съ разрѣшенія управленія плату за ученіе, отъ которой освобождаетъ бѣдныхъ и покрываетъ расходы раскладкою добавочныхъ налоговъ.

Преподаватели подготовляются въ учительскихъ семинаріяхъ и являются съ характеромъ должностныхъ лицъ, опредѣленіе которыхъ зависитъ, по большей части, отъ администраціи; сохранилось впрочемъ и утвержденіе администраціею лицъ, избранныхъ общиною Послѣдній способъ Штейнъ считаетъ единственно правильнымъ. Участіе учителей, при обсужденіи дидактическихъ и дисциплинарныхъ вопросовъ, въ качествѣ членовъ корпорацій, завѣдывающей школою, или въ составѣ общиннаго управленія, или въ организованныхъ учительскихъ съѣздахъ (Австрія) служитъ выраженіемъ самостоятельности сословія учащихъ и открываетъ для нихъ особую область самоуправленія.

Наконецъ, начальная школа, съ ея подраздѣленіями—колыбельнями (Krippen), пріютами (Warte, Kleinkinderschule), усвояваетъ себѣ классную систему, которая связываетъ эти училища съ профессіональнымъ образованіемъ.

Хотя германская система народнаго образованія даетъ начальной школѣ высокое общественное значеніе, но начальное образованіе пріобрѣтается болѣе достаточными классами и въ частныхъ школахъ, имѣющихъ впрочемъ очень подчиненное значеніе. Во всякомъ случаѣ, онѣ предполагаютъ разрѣшеніе и подлежатъ надзору, а затѣмъ начальное образованіе получается достаточными классами отчасти дома, отчасти въ низшихъ классахъ профессіональныхъ приготовительныхъ школъ.

Съ признаніемъ профессіональнаго образованія условіемъ общественнаго благосостоянія, является для государства обязанность опредѣлить порядокъ открытія учебныхъ заведеній сначала для ученаго образованія, потомъ для реальнаго и художественнаго.

Управленіе учебными заведеніями завѣдываетъ во 1-хъ, ихъ хозяйственными средствами, во 2-хъ, ихъ личнымъ составомъ, въ 3-хъ учебнымъ порядкомъ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ участіе государства зависитъ отъ средствъ, которыя оно даетъ на содержаніе учебныхъ заведеній; въ тѣхъ отрасляхъ образованія, которыя готовятъ къ обще-

ственнымъ должностямъ, государство должно имѣть рѣшительный голосъ также и въ установленіи учебнаго порядка. Во-первыхъ, оно должно учредить надзоръ и поставить въ зависимость право на преподаваніе отъ публичнаго удостовѣренія въ достаточной подготовкѣ къ нему. Во-вторыхъ, оно должно требовать, чтобы общіе предметы — древніе языки, исторія и философія, — не допускающіе подавленія нравственнаго элемента спеціальнымъ образованіемъ, входили въ составъ предметовъ приготовительнаго и окончательнаго образованія. Въ третьихъ, необходимо опредѣлить положеніе корпораціи учащихъ. Самостоятельность этой корпораціи есть первое и самое важное послѣдствіе профессіональнаго образованія учащаго сословія, залогъ духовной свободы, въ предѣлахъ опредѣленнаго правомъ учебнаго порядка. Эта духовная свобода составляетъ великую основу истиннаго развитія, и можно сказать съ увѣренностію, что мѣра самоуправленія, даннаго ученымъ корпораціямъ отдѣльныхъ учрежденій, вообще есть мѣрило духовной свободы, предоставленной народу.

Сущность свободы въ профессіональномъ образованіи состоитъ въ свободѣ выбора профессій, въ правѣ свободнаго вступленія и выхода изъ учебнаго заведенія, и наконецъ въ правѣ перехода отъ одной спеціальности къ другой, что, въ свою очередь, обусловливается системою приготовительнаго образованія.

Наконецъ, законъ долженъ опредѣлить права, пріобрѣтаемыя образованіемъ, т. е. испытаніемъ, или правильнѣе свидѣтельствомъ о выдержанномъ испытаніи. Сущность этого права имѣетъ не дидактическое, но административное значеніе.

Отъ этихъ общихъ замѣчаній, которыми характеризуетъ Штейнъ тотъ идеалъ профессіональнаго образованія, который, по его мнѣнію, въ возможной мѣрѣ осуществляется въ Германіи, слѣдуетъ перейти къ разсмотрѣнію трехъ главныхъ отраслей, какъ приготовительнаго, такъ и окончательнаго образованія въ Германіи.

Гимназія, какъ ученая школа, готовящая къ университетскому образованію, прошла въ Германіи чрезъ нѣсколько фазисовъ, и по мнѣнію Штейна, организація ея не можетъ считаться законченною. Эти переходныя формы обусловливаются появленіемъ потребности въ реальномъ образованіи. Гимназія есть ученая приготовительная школа съ классическимъ образованіемъ. Когда общественное сознаніе потребовало, чтобы образованіе было общимъ для всѣхъ отраслей, и чтобы образованіе, даже приготовительное было образованіемъ для жизни и ея потребностей, тогда классическое образованіе оказалось къ этому непригоднымъ. Отсюда сначала явилось стремленіе включить реальное образованіе въ классическое, а затѣмъ, съ тѣхъ поръ какъ Ф. А. Вольфъ нашелъ въ изученіи классиковъ источникъ высшаго духовнаго образованія и развитія вообще, признано, что классическое образованіе въ гимназіяхъ должно служить основою, а практическія знанія должны занять настолько мѣста въ преподаваніи, чтобы они не обращались въ ущербъ основательному классическому приготовительному образованію.

При этомъ учебный порядокъ долженъ сдѣлать доступнымъ переходъ въ реальныя училища. Остается затѣмъ еще одинъ нерѣшенный гимна-

зическій вопросъ: какимъ образомъ сдѣлать приготовительныя учебныя заведенія для ученаго образованія способными давать образованіе болѣе законченное, которое не предполагало бы дальнѣйшаго университетскаго образованія. Штейнъ видитъ возможность достиженія этой цѣли въ дополнительныхъ классахъ съ преподаваніемъ исторіи, философіи, государствовѣдѣнія и естественныхъ наукъ, подобно тому, какъ это практиковалось, а отчасти и еще практикуется въ атенеяхъ и лицеяхъ Бельгіи.

Система современнаго права гимназій состоитъ въ слѣдующемъ:

1) Гимназіи суть государственныя учрежденія, подчиненныя мѣстному учебному управленію, а при его посредствѣ — министерству. Во главѣ гимназіи стоитъ лицо по назначенію отъ правительства (ректоръ). Внутреннее управленіе устраивается по образцу университетскаго; оно основывается на началѣ самоуправленія учебною частью, ввѣренною корпораціи учащихъ, рѣшающей учебные вопросы. Государство несетъ расходы при участіи земства; корпорація учащихъ можетъ выражать въ этомъ отношеніи только желанія.

2) Учителя приготовляются въ учительскихъ или филологическихъ семинаріяхъ при университетахъ — это должностныя лица, съ правомъ на содержаніе и на пенсію.

Сумма за ученіе дѣлится между ними поровну.

3) Учебный порядокъ основывается на строго и систематически устроенной классической системѣ, со вступительными, переводными и окончательными испытаніями.

4) Подлѣ этихъ государственныхъ учебныхъ заведеній существуютъ частныя, съ правомъ выпуска въ университетъ по аттестатамъ зрѣлости. Штейнъ считаетъ эти частныя гимназіи признакомъ недостатка въ системѣ приготовительнаго научнаго образованія и полагаетъ, что онѣ ослабляютъ строгость послѣдняго.

Прослѣдивъ исторію окончательнаго научнаго образованія, Штейнъ находитъ, что современные университеты суть государственныя учрежденія для профессіональнаго образованія. Государство опредѣляетъ ихъ спеціальную учебную задачу и содержитъ ихъ.

Университеты подчиняются общему гражданскому праву и изъ сословной эпохи, сохраняютъ учебное самоуправленіе въ законныхъ предѣлахъ. Отношеніе государства къ университетскому самоуправленію у Штейна недостаточно разъяснено.

Авторъ не касается правъ государства и университетской корпораціи на замѣщеніе должностей и самой организаціи самоуправленія, а останавливается лишь на вопросѣ объ учебномъ планѣ и свободѣ, какъ преподаванія, такъ и слушанія лекцій.

Въ учебномъ планѣ государство имѣетъ въ виду:

1) Предписать преподаваніе исторіи и философіи, которыя составляютъ законно признанную составную часть окончательнаго ученаго образованія и сохраняютъ за университетомъ то значеніе, которое онъ имѣлъ какъ Universitas litterarum.

2) Сдѣлать спеціальное ученое профессіональное образованіе предметомъ права, которое предписываетъ ходъ учебныхъ занятій, и опредѣляетъ minimum спеціальнаго образованія.

Въ связи съ установленіемъ учебнаго плана находится обязательность слушанія лекцій.

Считая учебные планы произведеніемъ полицейской эпохи, противъ которыхъ точно также какъ противъ обязательности слушанія лекцій долженъ былъ возстать духъ свободы въ гражданскомъ обществѣ, Штейнъ полагаетъ, что безъ нихъ можно было бы обойтись только въ томъ случаѣ, если бы испытанія достаточно обезпечивали пріобрѣтеніе minimum'а профессіональнаго образованія.

Начиная съ прошлаго столѣтія, опытъ указалъ на необходимость практической подготовки, которую удалось устроить на нѣкоторыхъ факультетахъ — на богословскомъ, философскомъ и въ особенности медицинскомъ.

Обращаясь къ реальному образованію, Штейнъ ставитъ очень высоко систему, выработанную въ Германіи.

Приготовительное реальное образованіе обнимаетъ два рода школъ: во 1-хъ для лицъ, которыя уже избрали для себя родъ занятій (воскресныя и промышленныя школы, первыя приравниваются къ начальнымъ); во 2-хъ для лицъ, которыя готовятся къ окончательному образованію. Послѣднія подраздѣляются на реальныя школы и реальныя гимназіи. Реальная гимназія не только готовитъ къ окончательному реальному образованію, но составляетъ переходъ отъ реальнаго къ ученому. Эта связь устанавливается латинскимъ классицизмомъ.

Великій вопросъ будущаго, который въ правѣ не можетъ считаться второстепеннымъ, состоитъ въ томъ: можетъ ли и въ какой мѣрѣ выпускной экзаменъ изъ реальной гимназіи давать право на поступленіе въ университетъ? Можно предвидѣть, говоритъ Штейнъ, что это право непремѣнно будетъ дано относительно нѣкоторыхъ профессій.

Основныя начала этого права, по Штейну, заключаются въ слѣдующемъ:

1) Учрежденіе реальныхъ приготовительныхъ заведеній составляетъ дѣло общинъ, или даже частныхъ лицъ. Наибольшее участіе принимаетъ государство въ устройствѣ высшихъ реальныхъ училищъ.

2) Приготовленіе учителей, въ принципѣ, есть дѣло государства; назначеніе ихъ предоставляется мѣстному самоуправленію.

3) При пособіи со стороны правительства, учебный порядокъ въ реальныхъ училищахъ и гимназіяхъ утверждается государствомъ, которое, во всякомъ случаѣ, имѣетъ право надзора.

4) Обязательнаго испытанія не требуется, но испытанія переводныя обусловливаются классной системою, а выпускныя полученіемъ аттестата для поступленія въ высшія реальныя учебныя заведенія. Въ школахъ ремесленныхъ испытаніе можетъ быть замѣнено выставками и преміями.

Окончательное реальное образованіе, развиваясь не изъ научнаго единаго цѣлаго (университета), а изъ отдѣльныхъ спеціальностей, еще не достигло единства, и самое отношеніе между нимъ и приготовительнымъ реальнымъ образованіемъ не имѣетъ еще ничего установившагося и однороднаго. Общими объединяющими предметами являются не философія, не исторія, а административное право, которое выясняетъ задачи

благоустройства и наука внутренняго управленія, которая устанавляетъ нормы для дѣятельности управленія въ области благоустройства.

Окончательныя реальныя учебныя заведенія, предназначенныя для изученія производствъ, должны быть отнесены къ государственнымъ учрежденіямъ, подчиненнымъ надзору управленія, но въ духовной и научной дѣятельности они должны пользоваться правомъ самоуправленія въ лицѣ корпораціи учащихъ. Это начало перенесено въ нихъ изъ университетовъ.

Учрежденіе училищъ торговыхъ должно быть свободно, но правительство, выдавая пособія, можетъ поставить свои условія.

Въ учебной системѣ рѣшаются три вопроса:

1) Чего требовать отъ приготовительнаго реальнаго образованія? Для поступленія въ окончательныя учебныя заведенія, въ которыхъ изучаются производства, требуется окончаніе курса реальной гимназіи, для поступленія въ коммерческія учебныя заведенія — прохожденіе ея низшихъ классовъ.

2) Чего долженъ требовать учебный планъ?

Въ учебномъ планѣ слѣдуетъ требовать изученія общихъ наукъ — административнаго права и науки внутренняго управленія. Планъ очень подробенъ, строгъ и разсчитанъ на то, чтобы почти замѣнить самодѣятельность работами въ заведеніи и для заведенія.

3) Въ какой мѣрѣ могутъ быть допущены свобода ученія и система испытаній? Свободы ученія еще не существуетъ; но она наступитъ и здѣсь, такъ какъ ученіе состоитъ изъ усвоенія знаній и личной самодѣятельности. Испытаніе обязательно въ тѣхъ случаяхъ, когда по существу дѣла необходимо требовать minimum'а знанія, въ другихъ случаяхъ оно необязательно и составляетъ право на полученіе аттестата.

Въ художественномъ образованіи Штейнъ отличаетъ три періода. Въ первомъ, оно имѣетъ чисто личный характеръ: учитель давалъ образованіе ученику, его мастерская служила школою. Во второмъ періодѣ, монархическая власть собираетъ произведенія искусства, устраиваетъ учрежденія для искусства — театры, консерваторіи и академіи художествъ, съ начатками преподаванія. Въ третьемъ, относящемся къ настоящему столѣтію, искусство признается основой промышленности, являются учебныя заведенія, отчасти устроенныя правительствомъ. Элементъ искусства проникаетъ въ народную школу и, насколько онъ доступенъ, въ профессіональное образованіе.

IV.

Система учебныхъ заведеній во Франціи. — Управленіе. — Начальныя училища, лицеи, коллегіи, академіи и ихъ факультеты; реальное образованіе, художественное образованіе.

Во Франціи революція отмѣнила всѣ сословныя различія и признала народъ однороднымъ соціальнымъ цѣлымъ; но безусловное равенство повело лишь къ безусловному единству управленія и къ полнѣйшей его централизаціи, къ отрицанію самоуправленія и свободы.

Система народнаго образованія обнимаетъ школы начальныя, пуб-

личныя и частныя, профессіональныя приготовительныя заведенія, лицеи, общинныя коллегіи (colléges communaux), частныя свободныя среднія школы, духовныя семинаріи (petits séminaires), профессіональныя школы (écoles professionelles), профессіональныя учебныя заведенія, консерваторіи искусствъ и ремеслъ, французскую коллегію (collége de France).

Управленіе, сосредоточенное въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, имѣетъ строго іерархическій характеръ. Мѣстное управленіе принадлежитъ ректору академіи и префектамъ. Ректору подчинены инспекторы академій, инспекторамъ академій — инспекторы окружные (собственно для начальнаго образованія).

Среднія учебныя заведенія, съ ихъ мѣстнымъ начальствомъ, подчиняются ректорамъ академіи.

Эта организація выяснится при изложеніи учрежденія устройства и дѣятельности разныхъ видовъ учебныхъ заведеній.

Бюрократическія формы смягчаются, но очень слабо, совѣтами, безсильными и безправными (conseil academique, conseil departamental, conseil général de l'instruction publique).

Спеціальныя учебныя заведенія состоятъ внѣ вѣдѣнія университета.

Начальное образованіе дается въ публичныхъ школахъ (écoles publiques), вполнѣ зависимыхъ отъ правительства, и въ écoles libres, свободныхъ школахъ, совершенно изъятыхъ изъ его вѣдѣнія.

Публичная начальная школа подчинена ректору и префекту, инспектору академіи, инспектору окружному, наконецъ меру, какъ представителю власти префектурной, который можетъ удалить учителя и священника.

Учрежденіе начальныхъ школъ (публичныхъ) обязательно для общины, но само начальное обученіе не обязательно. Содержаніе школы падаетъ отчасти на общину, отчасти на департаменты и на государство.

Община даетъ помѣщеніе, содержаніе учителю, иногда установляетъ въ школѣ безплатное обученіе, но школа съ 1850 года изъята изъ ея вѣдѣнія.

Учителями назначаются воспитанники нормальныхъ начальныхъ школъ (нѣчто въ родѣ учительскихъ семинарій), лица, выдержавшія установленное очень поверхностное испытаніе, наконецъ помощники учителя (stages), прослужившіе въ этой должности три года. Учитель вполнѣ зависитъ отъ администраціи и назначается префектомъ. Общинѣ предоставлено только право просить о назначеніи учителемъ или свѣтскаго, или духовнаго лица.

Законъ 1850 года уничтожилъ высшіе классы въ начальныхъ школахъ, съ преподаваніемъ началъ естествознанія, исторіи, географіи и геометріи, и разрѣшилъ écoles spéciales, intermédiaires professionelles, среднія промышленныя для тѣхъ лицъ, которыхъ призваніе влечетъ за предѣлы начальнаго обученія.

Частныя или свободныя начальныя училища съ пансіонами — écoles libres — разрѣшаются окружнымъ инспекторомъ, который не вмѣшивается въ обученіе, а наблюдаетъ только за здоровьемъ и за нравственностію учениковъ.

Такимъ образомъ, по словамъ Штейна, начальное образованіе представляетъ полное раздвоеніе: объ образованія недостаточныхъ дѣтей заботится государство, о дѣтяхъ достаточныхъ родителей заботятся сами родители.

Затѣмъ начальныя школы не входятъ въ общую систему школъ, какъ необходимое звено; школы публичныя совершенно порабощены администраціею, община и учащіе лишены всякой самостоятельности; за то школы свободныя изъяты отъ всякаго надзора.

Въ профессіональномъ образованія, во Франціи, не проведено строгой границы между ученымъ и реальнымъ и система интернатовъ (пансіоновъ) преобладаетъ не только въ приготовительномъ, но и въ спеціальномъ окончательномъ образованіи, за исключеніемъ академій. Наравнѣ съ правительственными учрежденіями, существуютъ частныя, не только для средняго, но съ 1875 года и для высшаго образованія.

Приготовительное образованіе дается въ лицеяхъ, въ общинныхъ коллегіяхъ, въ среднихъ свободныхъ школахъ и въ малыхъ семинаріяхъ (послѣднія предназначены собственно для духовенства).

Лицеи, съ устроенными при нихъ пансіонами (могутъ быть и полупансіонеры и приходящіе), суть приготовительныя училища для достаточнаго класса, совмѣщающія въ себѣ и классическое, и реальное образованіе. До 1864 г. въ лицеяхъ существовала такъ называемая бифуркація, т. е. въ высшихъ классахъ одни воспитанники продолжали классическое образованіе и готовились къ факультетамъ словесности (des lettres); другіе готовились къ факультетамъ наукъ (des sciences), безъ обязательнаго классическаго образованія, которое восполнялось математикою и добавочными уроками. Въ 1864 г. бифуркація отмѣнена, но въ лицейское преподаваніе введенъ, послѣ окончанія 8-го класса, курсъ элементарной математики, который ведетъ къ спеціальной математикѣ.

Начальникъ лицея (proviseur), подчиненный ректору, полный хозяинъ лицея. Преподаватели не имѣютъ ни самостоятельности, ни вліянія на управленіе лицеемъ. Они опредѣляются изъ высшей нормальной школы — учительскаго института, въ которомъ соединяются предметы факультетовъ словесности и наукъ. За недостаткомъ преподавателей, изъ нормальной школы опредѣляются agrégés (до 1852 г. по конкурсу, а съ 1852 г. по усмотрѣнію начальства, по предварительномъ испытаніи).

По окончаніи курса, производится коммиссіею два испытанія зрѣлости—на баккалавра словесности es lettres и на баккалавра наукъ — ès sciences.

Общинныя коллегіи (collèges communaux) отчасти соотвѣтствуютъ лицеямъ, отчасти рельнымъ гимназіямъ и училищамъ. Ректоръ академіи назначаетъ въ нихъ административный совѣтъ, содержаніе падаетъ на общины. Испытанія такія же, какъ и въ лицеяхъ.

Среднія свободныя школы (écoles secondaires libres) суть частныя школы и пансіоны, готовящіе къ степени баккалавра. Онѣ могутъ получать пособія отъ государства и отъ общинъ.

Высшее образованіе дается въ факультетахъ. Нѣсколько факультетовъ образуютъ академію. Но академія не есть университетъ въ смыслѣ германскомъ: въ ней нѣтъ общихъ, объединяющихъ предметовъ.

Среднія учебныя заведенія и степень баккалавра не готовятъ къ поступленію въ факультеты вообще: званіе баккалавра словесности открываетъ для слушателя двери факультетовъ словесныхъ; званіе баккалавра наукъ—факультетовъ математическихъ, съ теоретически-реальнымъ образованіемъ. Бифуркація здѣсь продолжается. Испытанія на лиценціата и доктора производятся въ теченіи курса испытательными коммиссіями. На медицинскомъ факультетѣ есть одна только степень доктора. Управленіе академіею, какъ сказано, ввѣряется ректору; во главѣ факультетовъ находятся деканы. Профессоры не образуютъ корпорацію. Всѣ эти лица назначаются отъ правительства.

Подлѣ факультетовъ существуетъ особое учрежденіе, французская коллегія, Collège de France, которая пользуется самоуправленіемъ. Въ ней читаются публичные курсы по филологіи, философіи и по естественнымъ наукамъ.

Для высшаго реальнаго образованія предназначаются непринадлежащія къ составу университета специальныя учебныя заведенія, между которыми выдающееся положеніе принадлежитъ консерваторіи искусствъ и ремеслъ—родъ технологическаго института, обнимающаго и приготовительное, и окончательное образованіе. Преподаватели назначаются министерствомъ торговли. Корпорація учащихъ даетъ заключенія по предлагаемымъ ей вопросамъ отъ министерства.

Художественное образованіе дается въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, главнымъ образомъ сосредоточенныхъ въ Парижѣ.

V.

Система учебныхъ заведеній въ Англіи. Управленіе, школы начальныя. Профессіональное образованіе.

Въ Англіи, система народнаго образованія обнимаетъ: 1) школы начальнаго образованія, предназначенныя, главнымъ образомъ, для бѣдныхъ; 2) старыя коллегіи, или школы грамматики, приготовляющія къ ученому образованію; 3) университеты. Независимо отъ этихъ учебныхъ заведеній, существуютъ еще, по Штейну, три вида школъ: однѣ изъ нихъ готовятъ также къ университету (хотя нѣкоторыя имѣютъ характеръ реальныхъ гимназій); другія пытаются совмѣстить приготовительное образованіе ученое съ реальнымъ; третьи собственно промышленныя въ разныхъ видахъ, большинство изъ нихъ имѣетъ элементарный характеръ. Для высшаго реальнаго образованія существуетъ политехническій институтъ (Polytechnic Institution), плохая копія съ парижскаго Consérvatoire des arts et métiers.

Художественное образованіе не имѣетъ особыхъ учрежденій. Королевская Академія наукъ на вырученныя выставками деньги содержитъ школу, главнымъ образомъ, рисованья и живописи.

Управленія, завѣдывающаго народнымъ образованіемъ, въ Англіи не существуетъ: нѣтъ ни министерства народнаго просвѣщенія, ни администраціи, которой порученъ надзоръ за школами, ни законодательства, которое регулируетъ ихъ устройство и ихъ дѣятельность. Исключеніе изъ общаго правила составляютъ школы для бѣдныхъ дѣтей. Онѣ организо-

ваны законом, и состоять подъ наблюденіемъ инспекторовъ и комитета для образованія, который распредѣляетъ между ними пособія. Департаментъ народнаго образованія, учрежденный для начальныхъ школъ, имѣетъ временный характеръ. Государство и администрація замѣняются въ Англіи самоуправленіемъ, которое слагается изъ общественныхъ стихій. Школы, коллегіи и университеты относятся къ учрежденіямъ частнымъ, обязаннымъ своимъ существованіемъ или частной инниціативѣ, или инниціативѣ личныхъ союзовъ, или союзовъ сословныхъ. Вслѣдствіе этого, пріобрѣтеніе образованія въ Англіи есть дѣло личное и правительство также мало заботится о немъ, какъ и о пріобрѣтеніи лицомъ его имущества.

Начальное образованіе представляется или въ видѣ школъ для свободнаго частнаго образованія, или публичныхъ школъ для бѣдныхъ.

До 4-го десятилѣтія XIX вѣка школы для бѣдныхъ составляли дѣло частное. Государство дѣлаетъ ихъ предметомъ законодательства и правительственнаго надзора со времени принятія билля Сера Роберта Пиля (отца) о работѣ дѣтей на фабрикахъ (42 Georg. III, 73), которымъ фабриканту вмѣнено въ обязанность учредить школу, нанять учителя для обученія дѣтей, въ теченіи 4-хъ лѣтъ, чтенію, письму и счету. Съ 1840 г. введено обязательное ученіе. Учитель избирается или родителями, или инспекторомъ школы. Родители подвергаются штрафамъ, если они не посылаютъ дѣтей въ школу, а фабрикантъ, если онъ принимаетъ дѣтей на фабрику безъ свидѣтельства отъ школы. Родители платятъ за ученіе не болѣе 2-хъ пенсовъ въ недѣлю. Инспекторы надзираютъ за школами и предлагаютъ учрежденіе новыхъ.

Кромѣ школъ фабричныхъ, учреждены, по образцу ихъ, школы рабочихъ домовъ и наконецъ промышленныя школы для бродягъ, съ которыми соединились школы оборванцевъ (ragged schools), устроенныя частными лицами.

Такимъ образомъ, обязательность народнаго образованія составляетъ мѣру только полицейскую, которая предписана только относительно дѣтей—бродягъ. Но правительство не отказываетъ въ пособіяхъ школамъ (которыя могутъ или принять его, или отклонить); выдачею пособій администрація пріобрѣтаетъ право требовать публичнаго испытанія, назначать учителей и наблюдать за санитарнымъ устройствомъ.

Школы содержатся общинами, которыя обязаны содержать бѣдныхъ. Сборъ училищный простирается до ${}^{1}/_{8}$ всего налога въ пользу бѣдныхъ. Учителя подготовляются въ особыхъ училищахъ (Training Colleges) съ пособіями отъ правительства, на одинаковыхъ съ другими школами условіяхъ. Между воспитанниками есть также и королевскіе стипендіаты.

Основныя черты англійскаго профессіональнаго образованія заключаются въ слѣдующемъ.

До конца XVIII вѣка въ Англіи существовало только одно профессіональное образованіе господствующаго сословія въ коллегіяхъ и университетахъ, которымъ чужды и специальное окончательное образованіе, и испытанія, установленныя законами, и требованіе аттестата по экзамену, какъ условія для занятія общественныхъ должностей или профессій.

Неподчиненныя государству учебныя заведенія подвергаются случай-

ностямъ, испытываемымъ частными предпріятіями; имъ не достаетъ единства, системы и однообразія.

Ученое образованіе ограничивается классическимъ, какъ основою для вступленія на общественное поприще, и имѣетъ цѣлію приготовить, главнымъ образомъ, публичнаго оратора, или удовлетворить существующей потребности.

Среднія учебныя заведенія, коллегіи, въ которыхъ учатъ кромѣ математики классической филологіи, при выпускѣ послѣ строгаго испытанія даютъ степень баккалавра; они не ведутъ къ университету и ими часто заканчивается образованіе.

Гораздо позднѣе введены переводныя испытанія изъ коллегій въ университеты. Въ университетахъ читаются предметы образованія окончательнаго по богословію, праву, медицинѣ, естественнымъ наукамъ, но чтенія состоятъ лишь изъ общихъ введеній и не разсчитаны на сообщеніе окончательнаго образованія.

Въ продолженіи курса студентъ держитъ испытанія, а по окончаніи курса получаетъ по экзамену степень Baccalaurei artium, которая соотвѣтствуетъ степени лиценціата. Высшія ученыя степени суть чисто университетскія. Дальнѣйшаго окончательнаго образованія не существуетъ. Inns of court — никто не назоветъ юридическими школами. Курсы, читаемые при большихъ госпиталяхъ для медиковъ-практиковъ, составляютъ частную спекуляцію.

Недостатокъ свѣдѣній, пріобрѣтаемыхъ въ коллегіяхъ и университетахъ, восполняется личною самодѣятельностію, которая вызывается англійскими учрежденіями. Безъ послѣднихъ коллегіи и университеты были бы разсадниками сословной ограниченности и духовной одичалости. Но конституція Англіи все исправляетъ: она принуждаетъ человѣка, который хочетъ пользоваться уваженіемъ, пріобрѣсть сильный характеръ и въ формахъ жизни, и въ публичной сферѣ быть джентельменомъ. Этой цѣли служитъ самое воспитаніе. Учебныя заведенія въ Англіи, допускающія приходящихъ, по преимуществу закрытыя, но въ нихъ обращено вниманіе не на дисциплину, а на образованіе характера.

Гражданское образованіе, которое возникло въ Англіи въ XIX вѣкѣ, въ противуположность сословному, составляетъ также плодъ индивидуальныхъ и общественныхъ усилій, но не дѣло правительства. Вызванное потребностями общества, оно отдѣляетъ только не полно приготовительное образованіе отъ окончательнаго и научное образованіе отъ реальнаго, но безъ надлежащей системы.

Учебныя заведенія этого рода не представляютъ ни ученаго, ни реальнаго окончательнаго образованія, ни публичной системы испытаній. Таково профессіональное образованіе въ Англіи. Результаты его могутъ быть поняты и оцѣнены лишь въ связи съ общественнымъ и политическимъ устройствомъ страны. Полная свобода и дѣятельность народнаго представительства и самоуправленія даютъ возможность образованному человѣку высказать на дѣлѣ публично чему онъ учился и что онъ знаетъ. Неспособность и незнаніе сами находятъ свою кару и пріобрѣтенное образованіе получаетъ награду и признаніе, безъ испытанія и аттестата.

Въ борьбѣ лучшихъ духовныхъ силъ каждый образованный человѣкъ

сталкивается съ другимъ и находитъ мѣру своего образованія не въ предписанномъ minimum'ѣ, а въ образованіи другихъ и долженъ самъ, безъ посредства испытательной коммиссіи заявить о достоинствѣ и достаточности своихъ познаній [1]).

VI.

Система испытаній.

Дополненіемъ характеристики народнаго образованія въ Германіи, Франціи и Англіи служитъ система испытаній.

Испытанія раздѣляются Штейномъ: а) на учебныя (пріемныя, переходныя и выпускныя); б) на профессіональныя окончательныя, удостовѣряющія въ пріобрѣтеніи свѣдѣній, необходимыхъ для профессіи; и в) на служебныя, удостовѣряющія способность къ занятію должностей. Государство, установляя систему испытаній, опредѣляетъ minimum требованій отъ лицъ, готовящихъ себя къ извѣстнымъ профессіямъ, получившимъ общественный характеръ.

а) Учебныя испытанія, въ приготовительныхъ учебныхъ заведеніяхъ, независимо отъ педагогической цѣли, даютъ право на поступленіе въ высшія окончательныя учебныя заведенія (испытанія выпускныя). Во Франціи — испытаніе на баккалавра есть и учебное, и родъ профессіональнаго образованія.

Учебныя испытанія въ окончательныхъ учебныхъ заведеніяхъ не составляютъ общаго правила; они введены во Франціи, въ Австріи на нѣкоторыхъ факультетахъ, и въ Англіи.

б) Профессіональныя окончательныя испытанія въ сословную эпоху замѣнялись пріемомъ въ составъ сословія. Первыми испытаніями профессіональными съ предоставленіемъ степеней были церковныя (doctor legens); за тѣмъ испытанія медиковъ, аптекарей и юристовъ (doctor non legens). Такъ было въ первую эпоху. Во вторую эпоху (образованія корпорацій), каждая корпорація опредѣляетъ сама изъ чего слѣдуетъ испытывать. Замкнутость корпораціи и стремленіе ея устранить изъ своей среды новыхъ членовъ обращаютъ испытаніе въ гнетъ; по этому съ возникновеніемъ гражданскаго общества и съ развитіемъ вліянія государства, возникаетъ система современныхъ испытаній, основанная на правилахъ, изданныхъ государствомъ и подъ его надзоромъ.

Окончательныя профессіональныя испытанія въ правительственныхъ учебныхъ заведеніяхъ даютъ права; въ частныхъ производятся ради полученія аттестата или рекомендаціи.

Испытанія эти представляютъ двѣ системы.

---

[1]) Для поступленія на государственную службу учреждены однако въ Англіи съ 1850-хъ годовъ государственные экзамены (см. объ этомъ статью *В. Безобразова* «Объ условіяхъ поступленія на государственную службу въ европейскихъ государствахъ» въ Журн. Мин. Народн. Просв. 1876 г.). *Ред.*

Одна признаетъ корпорацію учащихъ органовъ испытаній (испытанія на ученыя степени); другая устанавливаетъ для испытаній особые органы— коммиссіи, которыя или вмѣщаютъ въ себѣ корпорацію учащихъ или замѣняютъ ее (государственныя испытанія).

При первой системѣ профессіональныя испытанія, собственно испытанія на ученыя степени, по общему правилу, не даютъ особыхъ правъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда они замѣняютъ собою государственное испытаніе, какъ напримѣръ на медицинскую степень доктора правъ (въ университетахъ малыхъ германскихъ государствъ). Испытанія же въ реальныхъ окончательныхъ учебныхъ заведеніяхъ производятся исключительно корпораціею учащихся.

При второй системѣ государственныхъ испытаній профессіональныя испытанія сохранили съ нѣкоторыми лишь измѣненіями докторское испытаніе, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ.

в) Отъ предъидущихъ испытаній слѣдуетъ отличить 3-ю категорію служебныхъ испытаній (Dienstprüfungen).

Испытанія эти очень разнообразны и находятся въ связи съ системами управленія. Они производятся разными правительственными учрежденіями, иногда требуютъ окончательнаго, а иногда не требуютъ даже приготовительнаго образованія (почты, телеграфы).

Обращаясь къ отдѣльнымъ государствамъ, относительно окончательныхъ профессіональныхъ и служебныхъ испытаній должно замѣтить слѣдующее:

1) Въ Германскихъ государствахъ и въ Пруссіи окончательное профессіональное испытаніе на ученыя степени производится университетами.

Испытанія служебныя производятся особыми учрежденіями.

Въ Австріи окончательныя профессіональныя испытанія суть или на докторскую степень по 4-мъ факультетамъ, или служебныя съ множествомъ подраздѣленій.

Во Франціи, окончательное профессіональное испытаніе есть дѣло jury (jury назначается деканомъ, степени раздаетъ министръ) и требуется для опредѣленія на должности медицинскія, преподавательскія и судебныя.

Служебныхъ испытаній не существуетъ.

Въ Англіи испытанія на ученыя степени производятся корпораціею учащихъ и не подчиняются никакимъ законамъ. Служебныя испытанія введены для производителей начальныхъ школъ, получающихъ пособіе отъ государства, съ 1853 года — для служащихъ въ Остъ-индіи, а затѣмъ позднѣе для всѣхъ клерковъ (дѣлопроизводителей) въ министерствахъ.

VII.

Задачи государственнаго управленія и самоуправленія.

Таковы главныя черты народнаго образованія и его права въ Германіи. Франціи и Англіи

Изъ сказаннаго явствуетъ, что раціональная система народнаго образованія не можетъ сложиться по одному типу, и что въ каждой странѣ

правовой порядокъ долженъ сообразоваться съ условіями, подъ вліяніемъ которыхъ развилась общественная жизнь. Но, при всемъ томъ, есть извѣстныя стремленія общія всѣмъ новоевропейскимъ народамъ, есть начала права которыя должны быть положены въ основу каждой раціональной системы учебныхъ заведеній.

Какъ бы ни была широка свобода, какъ бы далеко ни простиралось самоуправленіе, нельзя не признать, что въ современныхъ обществахъ вліяніе государства на дѣло образованія составляетъ непремѣнное условіе всякаго дальнѣйшаго успѣха, что необходимъ надзоръ государства и что участіе государственной власти должно быть тѣмъ значительнѣе, чѣмъ крупнѣе матеріальное содѣйствіе, которое государство оказываетъ школамъ. При этомъ не должно забывать, что помощь государства и административное его вмѣшательство имѣютъ въ виду не устраненіе индивидуальной инициативы и самоуправленія, а привлеченіе всѣхъ общественныхъ силъ къ дѣятельности, установленіе равноправности, единства и свободы, наконецъ удовлетвореніе общественной потребности въ профессіональномъ образованіи. Государство нуждается въ начальномъ образованіи своихъ гражданъ и также нуждается въ гарантіяхъ со стороны лицъ, посвящающихъ себя профессіальной дѣятельности.

Дѣло законодательства разрѣшить эти задачи.

Отсюда ясно, что потребность въ государственномъ управленіи, завѣдывающемъ учебными заведеніями, составляетъ фактъ всеобщій, и что она ощущается въ самой Англіи, гдѣ образованіе (кромѣ народныхъ школъ для дѣтей бѣднаго класса) разсматривается пока, какъ дѣло частное.

Съ такою же очевидностію представляется необходимость въ корпоративной дѣятельности учащаго сословія, въ его самоуправленіи.

Оставимъ въ сторонѣ вопросъ, какъ далеко должны простираться эти корпоративныя права, т. е. какъ велика должна быть область самоуправленія; несомнѣнно однако, что дѣятельность учащихъ предполагаетъ съ ихъ стороны живое самостоятельное отношеніе къ своей задачѣ, и хотя государство даетъ преподавателямъ должностной характеръ, но тѣмъ не менѣе, оно не можетъ обратить ихъ въ простые исполнительные органы административной власти. Сословіе учащихъ должно быть хранителемъ школьныхъ преданій, интересовъ, цѣлей и задачъ образованія; его совмѣстная дѣятельность, его отношенія къ учащимся является какъ результатъ собственнаго развитія и педагогической опытности, выработанной общими условіями, результатъ, недостижимый путемъ внѣшнихъ распоряженій и предписаній.

Судьями въ дѣлѣ науки и воспитанія могутъ быть только люди науки и представители профессіональнаго ученаго сословія. Необлеченные авторитетомъ непогрѣшимости и непризванные къ тому, чтобы рѣшать вопросы права въ дѣлѣ образованія, они, при научномъ исполненіи требованій государства и права, при рѣшеніи вопросовъ въ области знанія и педагогіи — о методахъ, учебномъ порядкѣ, и пр., — сохраняютъ однако всѣ свои права.

Обращаясь затѣмъ къ разсмотрѣнію задачъ, предстоящихъ законодательству въ области образованія, не трудно намѣтить ихъ въ общихъ чертахъ.

VIII.

Задача права въ области начальнаго образованія.

Вопросъ о начальномъ образованіи и объ отношеніи къ нему государства можно считать окончательно рѣшеннымъ. Начальное образованіе должно быть *всеобщимъ и одинаковымъ для всѣхъ*. На немъ зиждется государственная и гражданская жизнь цивилизованныхъ народовъ. Если всеобщность не достигается индивидуальными усиліями, личными союзами и мѣстнымъ самоуправленіемъ (этого почти никогда не бываетъ), то государству предстоитъ сдѣлать начальное образованіе обязательнымъ и разсматривать его какъ государственную потребность. Установляя обязательность, государство должно устроивать школы и приготовлять наставниковъ; но и его средства и его силы также недостаточны для водворенія всеобщаго начальнаго образованія; послѣднее есть плодъ общественной жизни, а потому государство должно призвать на помощь силы самаго общества и должно опираться на учащее сословіе. Сразу всего этого исполнить нельзя. Всеобщность начальнаго образованія поэтому составляетъ конечную цѣль, а обязательность должна быть установлена лишь тогда, когда достиженіе цѣли становится возможнымъ. Одна изъ труднѣйшихъ задачъ состоитъ въ томъ, чтобы дать голосъ учителю начальной школы и притомъ въ предѣлахъ его компетентности. Забитый, загнанный школьный учитель, столь же безполезенъ, сколько можетъ быть вреденъ учитель, считающій себя единственно призваннымъ къ рѣшенію любаго вопроса, касающагося школы, и разсматривающій установленный надъ школою административный надзоръ, какъ стѣсненіе. Отсюда необходимость дать школьному учителю долю нравственной свободы въ его служебномъ положеніи, участіе въ школьномъ совѣтѣ, которому ввѣрено ближайшее завѣдываніе школою; отсюда потребность въ съѣздахъ учителей, но для цѣлей исключительно педагогическихъ и воспитательныхъ.

Однородность начальнаго образованія, которое какъ выше было замѣчено, должно быть одинаковымъ для всѣхъ, слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что начальная школа должна сообщать свѣдѣнія, необходимыя для всѣхъ безъ исключенія. Но кругъ предметовъ начальнаго образованія можетъ и долженъ расширяться или съуживаться не только въ разныхъ государствахъ, но даже въ разныхъ областяхъ одного и того же государства, смотря потому какого уровня достигло образованіе въ данной мѣстности. Затѣмъ, не должно забывать, что начальное образованіе для многихъ можетъ быть окончательнымъ и что начальная школа, нисколько не утрачивая своего характера, должна при классной системѣ, вмѣстить въ себѣ нѣкоторые предметы общаго образованія и образованія реальнаго (ремесла, рисованіе, и пр.), если только она хочетъ удовлетворять общественнымъ потребностямъ. Само собою разумѣется, что это не можетъ быть общимъ правиломъ и что расширеніе начальной школы должно быть дѣломъ не государства, а мѣстнаго самоуправленія.

Отсюда возникаетъ необходимость въ такой класной системѣ, которая, независимо отъ соблюденія требованій педагогики, ставила бы начальную

школу съ одной стороны въ общую связь съ системою школъ приготовляющихъ къ окончательному образованію, а съ другой въ тѣсное согласіе съ ближайшими потребностями и цѣлями огромной массы населенія, неполучающаго ни средняго, ни высшаго образованія.

IX.

Задача права въ области приготовительнаго образованія.

Несравненно труднѣе установить юридическія нормы для двухъ главныхъ отраслей профессіональнаго образованія, ученаго и реальнаго, на двухъ его ступеняхъ, приготовительной и окончательной.

Кромѣ опредѣленія участія администраціи въ устройствѣ профессіональнаго образованія и системы послѣдняго, кромѣ опредѣленія отношенія между дѣятельностію администраціи и самоуправленіемъ, государству предстоитъ еще устраивать, какъ учебный порядокъ въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, такъ и гарантіи необходимыя для общества и для государства, относительно дѣйствительнаго пріобрѣтенія профессіональнаго образованія (система испытаній).

Если въ Англіи законодательство почти не касается этихъ предметовъ, такъ какъ индивидуальныя усилія и личные союзы стремятся къ тому, чтобы профессіональное образованіе выполняло тѣ требованія, которыя предъявляетъ къ нимъ общество, то въ континентальной Европѣ общественная жизнь и стихіи, изъ которыхъ она сложилась, дали государству рѣшительный голосъ въ дѣлѣ профессіональнаго образованія и послѣднее сложилось при помощи государственно-финансовыхъ средствъ. Ученое образованіе, — а въ извѣстной и притомъ довольно значительной степени и реальное, — дается въ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Гимназіи въ особенности, а затѣмъ и реальныя училища, устроенныя или частными лицами, или при содѣйствіи мѣстныхъ учрежденій, далеко не составляютъ общаго правила. Окончательныя учебныя заведенія, за исключеніемъ свободныхъ университетовъ или факультетовъ, во Франціи и въ Бельгіи, суть учрежденія государственныя. Да при томъ и свободные факультеты во Франціи составляютъ еще дѣло будущаго. Такимъ образомъ, государству принадлежитъ и управленіе своими, и надзоръ за частными учебными заведеніями.

Но тамъ, гдѣ государство обнимаетъ столь обширный кругъ дѣятельности, естественно, что оно должно провести въ этой сферѣ тѣ руководящія начала, которыя дѣлаютъ его представителемъ интересовъ всего общества, хранителемъ блага всѣхъ и каждаго.

Отсюда слѣдуетъ, что государство обязано удовлетворить потребности во всѣхъ отрасляхъ образованія; оно должно сдѣлать ихъ доступными т. е. обезпечить для лица свободу выбора профессіональнаго образованія, сообразно съ его призваніемъ; оно должно обезпечить стройность и систему образованія; наконецъ оно должно установить правильный способъ пріобрѣтенія послѣдняго.

Главнѣйшую трудность представляетъ устройство приготовительнаго профессіональнаго образованія. Съ тѣхъ поръ какъ образованіе ученое или

классическое, отдѣлилось отъ реальнаго, а реальное, какъ образованіе окончательное, пріобрѣло огромное значеніе и начало отличаться своимъ научнымъ направленіемъ отъ ремесленнаго или промышленнаго, понятно, что раздвоеніе въ приготовительномъ образованіи вызвало столкновеніе между приготовительнымъ ученымъ и приготовительнымъ реальнымъ образованіемъ, стремленіе или вытѣснить одно другимъ, или слить ихъ въ одно цѣлое, или разграничить, какъ двѣ области, при чемъ одни требовали равноправности для обѣихъ системъ, другіе преобладающей роли для одной системы и подчиненной — для другой.

Въ этихъ спорахъ соображенія педагогическія занимали главное мѣсто, соображенія юридическія, государственныя, очень рѣдко принимались во вниманіе. Сущность юридической точки зрѣнія заключается въ слѣдующемъ. Несовершеннолѣтній состоитъ подъ опекою; но право опеки не простирается такъ далеко, чтобы лишить человѣка возможности, по достиженіи нѣкоторой зрѣлости, сдѣлать свободный выборъ профессіи. Рѣзкое разграниченіе приготовительнаго образованія классическаго и реальнаго, начиная съ 11—12-ти-лѣтняго возраста, создаетъ эту невозможность и, такъ сказать, уже опредѣляетъ будущую профессію ученика. Классическое образованіе открываетъ ему путь въ университетъ, реальное — въ высшія техническія училища, притомъ не всегда и далеко не во всѣ, такъ какъ реальное образованіе иногда низводится на степень промышленнаго съ нѣкоторыми предметами общаго образованія.

Реальныя гимназіи съ однимъ латинскимъ языкомъ, которымъ Штейнъ предсказываетъ великую будущность, едвали представляютъ удовлетворительное рѣшеніе вопроса. Такихъ гимназій, по словамъ Штейна, всего только пять въ Баваріи; за тѣмъ, по мнѣнію автора, онѣ должны открывать только дорогу въ факультеты, которые онъ называетъ факультетами (реальныхъ) хозяйственныхъ наукъ.

При этомъ, очевидно, переходъ съ одного факультета на другой становится невозможнымъ; да и самое понятіе о реальныхъ факультетахъ очень неопредѣленно. Подъ ними Штейнъ разумѣетъ и то, что у французовъ называется факультетами наукъ (facultés des sciences), и отчасти факультетъ юридическій. Относительно медицинскаго его взглядъ неясенъ. Потому, образованіе гимназій реальныхъ, которыя готовятъ лишь къ нѣкоторымъ факультетамъ, тогда какъ классическія готовятъ ко всѣмъ, привело бы къ неменьшимъ неудобствамъ, чѣмъ система бифуркаціи въ лицеяхъ и коллегіяхъ Франціи, сначала принятая, а потомъ отмѣненная, (впрочемъ на словахъ, но не на дѣлѣ).

Итакъ, первое юридическое требованіе отъ приготовительнаго профессіональнаго образованія состоитъ въ томъ, чтобы оно не установляло вначалѣ того разграниченія между классическимъ и реальнымъ, которое прикрѣпляетъ человѣка съ ранняго дѣтства къ извѣстной профессіи.

Эта цѣль достижима лишь въ томъ случаѣ, если приготовительное образованіе распадается на двѣ ступени—на низшую, общую для всѣхъ учащихся и высшую—самостоятельныя учебныя заведенія, для приготовленія или къ ученому, или къ реальному образованію, въ которую поступаютъ ученики, достигшіе 14—15-лѣтняго возраста.

Опредѣленіе предметовъ преподаванія, объема ихъ и способовъ обученія

не касается права; это вопросы чисто педагогическіе, которые только санкціонируются правомъ, и при томъ въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо въ видахъ общихъ государственныхъ.

Потребность въ самоуправленіи учащаго сословія въ приготовительныхъ учебныхъ заведеніяхъ ощущается въ большей степени, чѣмъ въ начальныхъ. Границы между дѣятельностію администраціи и самоуправленія опредѣляются мѣрою матеріальнаго содѣйствія народному образованію со стороны государства, степенью участія въ дѣлахъ общественныхъ со стороны мѣстныхъ и личныхъ союзовъ.

Автономія и самоуправленіе учащаго сословія имѣютъ главный свой корень въ области педагогической. Голосъ учащаго сословія долженъ быть принятъ во вниманіе, когда дѣло идетъ о томъ, чему учить и въ какомъ объемѣ, а затѣмъ, когда рѣшеніе этихъ вопросовъ уже перешло въ область права, тогда остается еще способъ исполненія, который составляетъ опять дѣло учащаго сословія, подчиненнаго надзору, не исключающему впрочемъ свободы для того, чтобы дѣятельность преподавателей не сдѣлалась автоматическою, лишенною живой личной инипіативы.

Сообразно съ этимъ и весь учебный порядокъ въ приготовительныхъ школахъ слагается подъ вліяніемъ закона, административныхъ распоряженій и самоуправленія учащаго сословія. Всѣ частности, всѣ данные случаи, рѣшаются учащими, при наблюденіи со стороны контролирующей ихъ власти. Далѣе этого, самоуправленіе учащихъ не простирается; они не выбираютъ своего состава, потому что право на преподаваніе дается не по ученымъ заслугамъ, а по оцѣнкѣ педагогическихъ способностей, по удовлетворенію извѣстнымъ условіямъ.

Наконецъ, въ приготовительныхъ учебныхъ заведеніяхъ, испытанія и порядокъ ихъ производства, относящіеся къ сферѣ учебной, должны быть подчинены, если не законамъ, то правиламъ на законахъ основаннымъ и по возможности общимъ для всѣхъ однородныхъ учебныхъ заведеній, по крайней мѣрѣ для государственныхъ. Испытанія эти, съ юридической точки зрѣнія, должны имѣть своею задачею свободу перехода изъ одного учебнаго заведенія въ другое, однородное и даже неоднородное, по предметамъ и по объему преподаванія, но принадлежащее къ разряду приготовительныхъ учебныхъ заведеній. Наконецъ, испытанія выпускныя должны открывать доступъ къ окончательному профессіональному образованію.

Таковы задачи, предстоящія праву. Нельзя сказать, чтобы онѣ были имъ удовлетворительно рѣшены. Педагогія еще не выработала необходимыхъ для этого элементовъ; она не пріискала еще почвы для соглашенія классическаго съ реальнымъ образованіемъ: всѣ попытки отрѣшиться отъ того, что завѣщано вѣковымъ опытомъ, были безплодны; всѣ средніе пути не вели къ органическому единству.

Есть другая задача приготовительнаго образованія, которой касается Штейнъ, говоря о приготовительномъ ученомъ образованіи. Это сообщеніе ему законченности, необходимой для лицъ, не поступающихъ въ университеты и въ спеціальныя учебныя заведенія. Штейнъ находитъ, что эта задача наилучшимъ образомъ разрѣшается такъ называемыми атенеями, т. е. гимназіями съ дополнительными классами; но она суще-

ствуетъ и для реальныхъ приготовительныхъ учебныхъ заведеній и здѣсь находится въ такомъ же пренебреженіи, какъ и въ классическихъ.

При значительномъ числѣ лицъ, не получающихъ высшаго образованія, при стремленіи не только спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній ограничить преподаваніе и изученіе тѣмъ, чего требуетъ опредѣленная профессія, а еще болѣе при той задачѣ, которую нерѣдко имѣютъ въ виду университеты—научить заниматься самостоятельно,—приготовительное образованіе должно быть по возможности законченнымъ.

Вопросъ какимъ образомъ дать эту законченность — не разрѣшенъ въ педагогическомъ отношеніи и даже едва затронутъ законодательствомъ. Атенеи или гимназіи съ высшими классами представляются по большей части не необходимою составною частію системы народнаго образованія вообще, а учрежденіями, случайно усвоившими себѣ этотъ характеръ.

X.

Задачи права въ области окончательнаго образованія.

Высшее, то есть окончательное образованіе, ученое—главнымъ образомъ университетское—и реальное, по преимуществу сообщаемое въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ во многихъ отношеніяхъ противуположны другъ другу. Въ университетахъ, отдѣльныя спеціальности представляютъ только развѣтвленіе наукъ, составляющихъ какъ бы одно цѣлое; въ реальныхъ окончательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, спеціальности еще не достигли объединенія. Университеты представляютъ высшую степень самоуправленія учащаго сословія, свободы преподаванія и ученія; окончательныя реальныя учебныя заведенія, за исключеніемъ немногихъ, мало знакомы съ самоуправленіемъ и свободою науки. Наконецъ и самыя испытанія, удостовѣряющія пріобрѣтеніе профессіональныхъ знаній, требуютъ въ университетахъ по преимуществу научной, въ реальныхъ, кромѣ научной, непремѣнно и практическую подготовку.

Эти различія обусловливаются нестолько сущностію двухъ главныхъ отраслей окончательнаго образованія, сколько историческимъ ихъ развитіемъ. Новыя требованія жизни вызывали необходимость въ новыхъ учебныхъ заведеніяхъ, для которыхъ университеты не представляли ни необходимыхъ пособій, ни учебнаго порядка, приноровленнаго къ послѣдовательному систематическому изученію. По этому, не смотря на то, что отдѣленія камеральныхъ наукъ и медицинскій факультетъ не менѣе реальны, чѣмъ агрономическія академіи и политехническіе институты, но эти послѣднія учрежденія выдѣлились изъ университетовъ, какъ спеціальныя учебныя заведенія. Отыскивая науки, объединяющія какъ ученое университетское, такъ и реальное образованіе, едвали Штейнъ совершенно правъ, полагая, что университетъ можетъ найти эти науки въ исторіи и философіи, а высшія реальныя учебныя заведенія — въ административномъ правѣ и наукѣ внутренняго управленія. Если исторія необходима для медика, то она должна быть необходима и для инженера, и на оборотъ, если наука внутренняго управленія должна быть общимъ предметомъ въ высшемъ реальномъ образованіи, то можетъ ли она быть чужда историку,

юристу, математику и медику? Очевидно, что здѣсь дѣло идетъ не просто о наукахъ, объединяющихъ или университетское, или реальное образованіе, а о чемъ-то другомъ—именно о предметахъ общаго образованія, кругъ которыхъ значительно расширяется, при пріобрѣтеніи окончательнаго профессіональнаго образованія.

Переходя за тѣмъ къ самоуправленію учащаго сословія, свободѣ преподаванія и свободѣ слушанія, которыя рѣзко оттѣняютъ окончательное ученое образованіе отъ реальнаго, нельзя не замѣтить, что въ послѣднемъ самоуправленіе болѣе ограничено и что свобода преподаванія и свобода слушанія замѣняются установленнымъ порядкомъ ученія. Штейнъ полагаетъ, что окончательнымъ реальнымъ учебнымъ заведеніямъ предстоитъ усвоить болѣе твердый учебный порядокъ, тогда какъ въ ученыхъ ограниченіе свободы извѣстными юридическими нормами должно сдѣлаться неизбѣжнымъ, если система испытаній не дѣлаетъ эти ограниченія излишними, и если болѣе развитая гражданственность, публичность, народное представительство и самоуправленіе не могутъ замѣнить формальную строгость въ ученомъ профессіональномъ образованіи.

Относительно самоуправленія не можетъ быть сомнѣнія тѣмъ болѣе, что въ реальныхъ окончательныхъ учебныхъ заведеніяхъ производство испытаній составляетъ всецѣло обязанность состава преподавателей, а слѣдовательно и учебный порядокъ долженъ быть дѣломъ людей науки, а не администраціи, оставаясь лишь подъ ея контролемъ. Несравненно сложнѣе вопросъ, относящійся къ ученому университетскому образованію. Но и здѣсь главная доля недоразумѣній возникаетъ, во первыхъ, изъ неясности представленій о свойствѣ самоуправленія учащаго сословія, о кругѣ его дѣятельности и объ отношеніи къ нему администраціи, а во вторыхъ, изъ неопредѣленности воззрѣній на окончательныя учебныя заведенія.

Самоуправленіе учащаго сословія, представляемое германскими университетами, не есть та автономія, которою пользуются старинныя англійскія университетскія корпораціи. Права учащаго сословія опредѣляются государствомъ и относятся: къ выбору личнаго состава, къ учебной части и къ учебному порядку въ предѣлахъ, установленныхъ закономъ.

Штейнъ почти не касается самоуправленія университетовъ, относящагося къ назначенію личнаго состава преподавателей и къ завѣдыванію учебно-вспомогательными учрежденіями. Вопросы, которымъ придается у насъ капитальное значеніе, едва обращаютъ на себя вниманіе въ Европѣ.

Въ Англіи, корпоративная самостоятельность университетовъ, въ Франціи — административная зависимость академій — исключаютъ ихъ въ принципѣ.

Въ Германіи, конкурренція между отдѣльными государствами, относительно качественнаго улучшенія состава преподавателей въ университетахъ, при широкомъ выборѣ между лицами, пріобрѣвшими себѣ почетную ученую извѣстность, устраняла сама собою вопросъ о томъ: слѣдуетъ ли и въ какой мѣрѣ предоставить участіе университетской корпораціи преподавателей въ привлеченіи новыхъ силъ? Университеты довольствуются тѣмъ, что они могутъ предлагать своихъ кандидатовъ; министерство, кромѣ

того, имѣетъ право самостоятельнаго назначенія, не стѣсняясь даже предложенными кандидатами.

Вотъ, что говоритъ по этому предмету К. Д. Кавелинъ (Русскій Вѣстникъ 1865. Кн. 2, стр. 539 и слѣд.): „Въ способѣ опредѣленія на службу профессоровъ, до сихъ поръ сохранился, въ нѣкоторыхъ старинныхъ университетахъ, или хотя и новыхъ, но устроенныхъ по старинному образцу, отголосокъ корпоративнаго университетскаго и факультетскаго быта. Тогда какъ во многихъ университетахъ, особливо новыхъ, профессоры опредѣляются по непосредственному усмотрѣнію и выбору министерствъ и центральныхъ правительствъ, и этотъ способъ опредѣленія становится все болѣе и болѣе общимъ; въ статутахъ нѣкоторыхъ университетовъ за факультетами удержалось право представлять правительству кандидатовъ на открывающіяся вакансіи ординарныхъ профессоровъ. На основаніи этого права, факультеты представляютъ правительству нѣсколькихъ, обыкновенно трехъ, выбранныхъ ими кандидатовъ, и правительство опредѣляетъ одного изъ нихъ. Такимъ образомъ, факультетская корпорація какъ бы возобновляется сама собою, только подъ авторитетомъ правительства. Теперь такимъ правомъ пользуются университеты Берлинскій, Боннскій, Лейпцигскій и Тюбингенскій. Но въ Боннскомъ университетѣ право предложить кандидата на вакантную каѳедру принадлежитъ и сенату, и попечителю университета, въ Лейпцигскомъ оно ограничивается, кажется, одиѣми старыми каѳедрами; факультеты, сколько мы знаемъ, не имѣютъ права предлагать кандидатовъ на вакансіи, открывающіяся по новымъ каѳедрамъ (novae fundationes). Наконецъ, Тюбингенскій университетъ представляетъ въ этомъ отношеніи, какъ во многихъ другихъ, замѣчательныя особенности. Въ немъ неизмѣнно дѣйствуетъ правило, что вакансія ординарнаго профессора ни въ какомъ случаѣ не замѣщается помимо согласія и желанія факультета; мало того: изъ числа представленныхъ или одобренныхъ факультетомъ кандидатовъ никогда не назначается второй по порядку помимо перваго. Однако и въ Тюбингенскомъ университетѣ право предлагать кандидатовъ принадлежитъ не одному факультету, но и сенату, и министерству, и канцлеру, или, когда нѣтъ канцлера, ректору лично, только всѣ эти предложенія окончательно обсуждаются факультетомъ, и опредѣленіе профессора всегда дѣлается согласно съ факультетскимъ заключеніемъ. Факультетъ не обязанъ, впрочемъ, предлагать непремѣнно трехъ кандидатовъ; онъ можетъ ограничиться двумя и даже однимъ, когда не имѣетъ въ виду другихъ. Если бы правительство опредѣлило профессора помимо факультета, то послѣдній имѣетъ право возражать противъ такого распоряженія (jus remonstrandi).

„Нигдѣ, сколько мы знаемъ, это право факультетовъ не сохраняется такъ строго и неприкосновенно какъ въ Тюбингенскомъ университетѣ; во всѣхъ другихъ, которые намъ удалось посѣтить, и гдѣ оно существуетъ на бумагѣ, оно далеко не всегда соблюдается. Въ Лейпцигскомъ существуетъ тоже право возражать противъ назначенія профессоровъ правительствомъ, безъ соблюденія установленныхъ правилъ; но это право существуетъ только на бумагѣ, и право факультетовъ предлагать кандидатовъ (jus denominandi) нисколько не обязываетъ правительство опредѣлить непремѣнно одного изъ предложенныхъ. Случается, что оно опре-

дѣляетъ отъ себя другаго, не стѣсняясь предложеніями. Право факультета протестовать противъ назначеній профессоровъ существуетъ также, сколько мы знаемъ, и въ Мюнхенскомъ университетѣ, хотя онъ и не представляетъ кандидатовъ на вакантныя каѳедры; протестъ, слѣдовательно, можетъ имѣть мѣсто только въ такомъ случаѣ, когда профессоръ не соединяетъ въ себѣ требуемыхъ условій, напримѣръ не имѣетъ ученой степени. Но существуетъ ли право протеста въ другихъ университетахъ, которымъ предоставлено статутами предлагать кандидатовъ, намъ неизвѣстно; кажется, что нѣтъ; въ Боннѣ, напримѣръ, назначеніе профессоровъ помимо предложенныхъ кандидатовъ дѣло довольно обыкновенное".

И однако этотъ порядокъ замѣщенія преподавательскихъ должностей, какъ замѣчаетъ г. Кавелинъ, не возбуждаетъ въ Германіи пререканій. «Многіе, съ которыми намъ удалось говорить объ этотъ, въ томъ числѣ даже профессоры, находятъ, что юридическое участіе университетовъ въ замѣщеніи вакантныхъ каѳедръ вредно, потому что на выборъ кандидатовъ имѣютъ вліяніе партіи и интриги, личныя соображенія, духъ касты или узко и односторонне понимаемые мѣстные интересы, сепаратизмъ и партикуляризмъ, которыми страдаетъ Германія; находятъ, что Тюбингенскій университетъ, благодаря именно этому обстоятельству, болѣе и болѣе уединяется, получаетъ односторонній характеръ, становится исключительно мѣстнымъ университетомъ и наполняется главнымъ образомъ одними Швабами, съ возможнымъ устраненіемъ другихъ уроженцевъ; что, напротивъ, Мюнхенскій университетъ обновился и расцвѣлъ именно потому, что правительство, ничѣмъ не стѣсняемое въ выборѣ профессоровъ, могло привлечь туда лучшія силы. Основываясь на этомъ, многіе радуются, когда министерство, не обращая вниманія на предложенныхъ кандидатовъ, назначаетъ отъ себя другихъ и считаетъ очень благопріятнымъ условіемъ для университета, когда обновленіе его учебнаго состава зависитъ исключительно отъ правительства, безъ участія факультетовъ. Вопросъ о томъ, какой способъ замѣщенія каѳедръ лучше, едва ли разрѣшимъ теоретически. Участіе факультетовъ въ обновленіи своего личнаго состава имѣетъ свои дурныя стороны, это безспорно, но развѣ обновленіе его однимъ министерствомъ не имѣетъ ихъ, по крайней мѣрѣ въ той же степени? То же пристрастіе, односторонность и духъ партій могутъ руководить и имъ, какъ и факультетами. Примѣры, и недавніе, есть въ Германіи на лице, даже тамъ, гдѣ, въ большинствѣ случаевъ, выборъ профессоровъ до сихъ поръ отличался самымъ просвѣщеннымъ безпристрастіемъ".

„Все сказанное относится къ ординарнымъ профессорамъ или каѳедрамъ. Что касается до экстраординарныхъ и почетныхъ профессоровъ, а также лекторовъ и учителей, преподающихъ въ университетахъ, то они вездѣ опредѣляются правительствомъ по его непосредственному усмотрѣнію, безъ всякаго права участія въ томъ университета или факультетовъ. Разумѣется на дѣлѣ правительство можетъ спросить и нерѣдко спрашиваетъ объ имѣющихся въ виду кандидатахъ мнѣнія академическаго сената или факультета; но мы говоримъ здѣсь не о томъ, какъ бываетъ на дѣлѣ, а о правахъ факультетовъ и университета. Изъ этого

общаго правила есть одно только изъятіе. Званіе экстраординарнаго профессора дается нерѣдко, въ видѣ повышенія, лучшимъ изъ приватъ-доцентовъ, которые въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ съ успѣхомъ преподавали въ университетѣ. Въ Берлинскомъ и Боннскомъ университетахъ факультеты, по просьбѣ приватъ-доцента о повышеніи, если признаютъ ее заслуживающею уваженія, могутъ отъ себя предложить министерству о дарованіи просителю званія экстраординарнаго профессора".

Такимъ образомъ, вопросъ объ избраніи и назначеніи профессоровъ, который получилъ у насъ въ литературной полемикѣ такой жгучій, страстный характеръ, не есть вопросъ столько о принципахъ, объ основахъ университетской жизни, о развитіи ихъ учебной дѣятельности, сколько вопросъ о разрѣшеніи извѣстной задачи наиболѣе удовлетворительнымъ способомъ. Тамъ, гдѣ наука имѣетъ многочисленныхъ представителей, гдѣ приходится цѣнить не людей, подающихъ надежду, какъ у насъ, а пріобрѣвшихъ или славу, или почетную извѣстность, тамъ, понятно, способъ выбора и назначенія безразличенъ. Можетъ быть слѣпа и пристрастна университетская коллегія, можетъ быть слѣпа и пристрастна администрація, но той и другой указаны лица достойныя, устраненіе которыхъ можетъ быть дѣломъ или ошибки, или злоупотребленія.

Злоупотребленіе, конечно, имѣетъ менѣе шансовъ, если выборъ кандидатовъ предоставленъ факультетамъ и совѣтамъ университетовъ, а утвержденіе или неутвержденіе избранныхъ административной власти, сохраняющей право самостоятельнаго назначенія по прошествіи извѣстнаго срока. Таковы дѣйствующія постановленія нашего университетскаго устава 1863 года. Естественно предполагать, что при возможности отказа въ утвержденіи, университетская корпорація будетъ осмотрительнѣе въ выборахъ, равно какъ и въ виду гласности забракованія достойнаго ученаго, администрація должна относиться къ своему праву съ большею осторожностью, такъ какъ злоупотребленіе этимъ правомъ поколебало бы его нравственный авторитетъ въ глазахъ людей науки и образованнаго общества. Административная власть можетъ, впрочемъ, и въ настоящемъ случаѣ удержаться на высотѣ полнѣйшаго безпристрастія, если рѣшеніе спорныхъ вопросовъ о научномъ достоинствѣ кандидата рѣшается ею, не на основаніи отзывовъ подчиненныхъ административныхъ инстанцій, или доклада, составленнаго канцелярскимъ образомъ, а на основаніи заключеній особаго совѣта, въ который могутъ быть призваны спеціалисты.

Но злоупотребленія, при выборѣ лицъ, не составляютъ правила. Несравненно опаснѣе ошибки—и эти ошибки тѣмъ вѣроятнѣе, чѣмъ труднѣе сдѣлать оцѣнку преподавателя-ученаго, когда приходится составить о немъ заключеніе, не по однимъ дѣйствительнымъ его заслугамъ, но по тому, что можно отъ него ожидать. Въ такомъ положеніи находятся русскіе университеты.

При ограниченномъ выборѣ, приходится цѣнить часто не заслуги, но только способности, и вотъ почему отзывы факультетовъ и совѣтовъ университетскихъ имѣютъ большое значеніе для власти, опредѣляющей преподавателей на профессорскія мѣста. Власть всегда можетъ отвергнуть выборъ, если она имѣетъ основаніе считать его ошибочнымъ или пристрастнымъ, но сама она едва-ли можетъ разсчитывать на болѣе компетентную оцѣнку

изготовляющихъ доклады чиновниковъ, чѣмъ на доклады, исходящіе отъ ученаго сословія. Если власть можетъ ошибаться, санкціонируя составившіяся у насъ эфемерныя репутаціи, то тѣмъ легче ей впадать въ погрѣшности, если она приметъ на себя разгадывать и опредѣлять репутаціи будущаго.

За государствомъ и учрежденнымъ имъ управленіемъ остается затѣмъ право требовать, чтобы учебная часть и учебный порядокъ соотвѣтствовали постановленіямъ университетскаго устава. Если въ этомъ послѣднемъ отношеніи самоуправленіе учащаго сословія не согласовано съ требованіями государства и администраціи, то это главнымъ образомъ потому, что понятія объ университетскомъ образованіи, о свободѣ преподаванія и ученія остаются невыясненными и смутными. Одни смотрятъ на университеты, какъ на учрежденія учебныя, предназначенныя для сообщенія высшаго образованія; другіе, какъ на учрежденія ученыя, обязанныя разработывать и двигать науку впередъ. Первые требуютъ отъ профессоровъ систематическаго обученія предметамъ, прохожденія полныхъ курсовъ, при чемъ одни желаютъ выполненія обязательной программы, *составленной для преподавателя*, другіе—или выполненія преподавателемъ *собственной программы*, или только руководства при изученіи науки, какъ науки, независимо отъ программъ. Вторые полагаютъ, что студенты, избравшіе себѣ извѣстную спеціальность, должны пріобрѣсть лишь навыкъ къ ученымъ трудамъ, изучить пріемы и способы разработки науки, а предметомъ университетскихъ чтеній полагаютъ самостоятельныя изслѣдованія преподавателей. Эти взгляды перекрещиваются и смѣшиваются, смотря по личнымъ вкусамъ, и не только университетское самоуправленіе, но и противники его, во имя административной организаціи университетовъ, не даютъ себѣ яснаго отчета въ томъ, чего они хотятъ. Если университетское самоуправленіе не проводитъ строго и послѣдовательно опредѣленной системы, предоставляя однимъ преподавателямъ требовать знанія только прочитаннаго на лекціяхъ, другимъ болѣе подробнаго знакомства съ литературою предмета, третьимъ читать спеціальные курсы, и требовать отъ студентовъ опыты спеціальныхъ занятій, то нельзя сказать, чтобы и противники самоуправленія имѣли твердо установившійся взглядъ на университетское преподаваніе и ученіе.

Послѣдніе, возставая противъ литографированныхъ курсовъ, считаютъ полезнымъ записываніе лекцій и мирятся съ изученіемъ по тетрадкамъ обыкновенно болѣе переполненнымъ промахами слушателей, чѣмъ проредактированные литографическіе курсы. Выдавая себя поборниками свободной науки, они хотятъ, чтобы эта наука укладывалась въ рамки учебнаго плана и программы; требуя изученія и притомъ систематическаго, они цѣнятъ однако высоко самостоятельныя занятія и поощряютъ ихъ, хотя бы въ ущербъ систематическому изученію.

Такимъ образомъ недостатки университетскаго образованія, выставляемые противниками самоуправленія, какъ принадлежность послѣдняго, усвоиваются и ими въ предлагаемой системѣ.

Прежде всего не должно забывать, что студентамъ, поступающимъ въ университетъ, предстоитъ пріобрѣтеніе окончательнаго образованія, пріобрѣтеніе извѣстнаго круга спеціальныхъ знаній, и что поэтому нельзя

допустить, чтобы студенты не проходили систематическихъ курсовъ. Безъ знанія предмета невозможно и самостоятельныя имъ занятія. Курсъ этотъ не можетъ обнимать всей науки, во всѣхъ ея подробностяхъ, но онъ долженъ заключать въ себѣ всѣ ея существенныя части. Очевидно, что этотъ курсъ долженъ и можетъ быть только курсомъ самаго преподавателя, прочитаннымъ, по собственному плану и по своей программѣ, если только преподаватель считаетъ возможнымъ самъ разрабатывать свой предметъ и не избираетъ для себя чужаго руководства.

Преподаватель университетскій, не простой грамотѣй, который слѣдуетъ данной указкѣ, не истолкователь чужаго, а дѣятель самостоятельный. Наука застыла бы и не двигалась впередъ, если бы не было возможности непрерывно раздвигать ея рамки и разрабатывать ея содержанія, передавая ее слушателямъ. Отсюда возникаетъ потребность въ руководствѣ преподавателя, въ изданной имъ книгѣ, въ литографированныхъ имъ запискахъ, въ записанныхъ со словъ его лекціяхъ. Первая форма безспорно самая лучшая, послѣдняя наименѣе удовлетворительна, потому что диктовка убиваетъ живое слово, а стенографія передаетъ курсъ удачно только тогда, когда профессоръ умѣетъ говорить съ отчетливостію изложенія, предполагаемаго въ печати.

Послѣднее невсегда бываетъ и не составляетъ даже достоинства, если профессоръ обладаетъ способностію оживить содержаніе лекцій, примѣрами и поясненіями, утомительными въ книгѣ.

Если бы студенты знали одни только курсы, прочитанные профессорами, то этимъ далеко не достигалась бы задача профессіональнаго образованія въ университетѣ, по крайней мѣрѣ для молодыхъ людей, отличающихся незаурядными дарованіями. Двѣ-три прочитанныя книги по данному предмету сверхъ руководства, служащаго для испытанія, открываютъ новый міръ для учащагося и позволяютъ ему сознательно относиться къ предмету изученія. Эти занятія могутъ быть особенно плодотворны, когда они ведутся студентами сообща, подъ руководствомъ профессора.

Требовать эти занятія по всѣмъ предметамъ, отъ всѣхъ студентовъ, невозможно; они должны быть или добровольны, или обязательны только для извѣстнаго круга наукъ, образующихъ въ данной спеціальности особую группу. Отсюда слѣдуетъ уже переходъ къ чисто свободнымъ самостоятельнымъ занятіямъ, подъ руководствомъ преподавателя, въ видахъ пріобрѣтенія навыка къ ученымъ трудамъ и усвоенія точныхъ научныхъ пріемовъ.

Параллельно съ этой программой для занятій студентовъ должно быть организовано преподаваніе: чтеніе систематическихъ курсовъ, практическія занятія и бесѣды съ студентами, наконецъ чтеніе спеціальныхъ курсовъ, разсчитанныхъ на слушателей, знакомыхъ съ предметомъ, на возбужденіе ихъ къ самостоятельной научной дѣятельности, и на облегченіе послѣдней.

Остается разсмотрѣть: примѣнимо-ли при такихъ условіяхъ самоуправленіе въ учебной области, возможно-ли осуществленіе свободы преподаванія и свободы слушанія лекцій и чѣмъ можетъ быть или должна быть контролирована свобода университетской дѣятельности въ разнообразныхъ ея проявленіяхъ.

Очевидно, что начертанный ходъ университетскихъ занятій несовмѣстимъ ни съ регламентаціею, данною извнѣ, ни съ произволомъ преподавателей. Если бы законъ установилъ программы для чтенія общихъ и спеціальныхъ курсовъ, для практическихъ и самостоятельныхъ занятій, то университетскую науку пришлось бы заключить въ тѣсныя, неподвижныя рамки, впредь до новаго пересмотра программъ.

Подробная, предписанная программа для курса, составляетъ такую же норму для требованій, какъ одобренный учебникъ для гимназій; но она хуже учебника, потому что послѣдній представляетъ самое выполненіе программы ея составителемъ, а программа, данная для курса, безъ учебника, обязываетъ преподавателя отказаться отъ самостоятельнаго взгляда на науку и такъ сказать насиловать свою мысль, угадывать содержаніе науки.

Еще въ большей мѣрѣ относится сказанное къ спеціальнымъ курсамъ (предназначеннымъ для ознакомленія университетскихъ слушателей съ наиболѣе выдающимися вопросами науки и съ самостоятельными работами преподавателя), или къ практическимъ занятіямъ студентовъ, въ которыя онъ вноситъ свой личный опытъ, примѣняясь къ своей аудиторіи, къ степени ея развитія и подготовки.

Если что либо можетъ быть регламентировано, то развѣ послѣдовательность изученія предметовъ. Нельзя начать медицинское образованіе клиникою, и окончить физіологіею и анатоміею; нельзя юристу начать изученіе съ уголовнаго и финансоваго права и окончить энциклопедіею и политическою экономіею. Но распредѣленіе предметовъ въ извѣстномъ порядкѣ не составляетъ вопроса труднаго и спорнаго; порядокъ этотъ устанавливается самою природою вещей, и отступленія отъ него обусловливаются не капризомъ университетскихъ корпорацій, а случайными обстоятельствами, надъ которыми администрація не властна. Отсутствіе преподавателя составляетъ пробѣлъ, который приходится пополнить, хотя и несвоевременно; ожидаемый перерывъ въ преподаваніи заставляетъ читать курсъ ранѣе, чѣмъ бы слѣдовало. Итакъ, въ этомъ отношеніи, ограниченіе права университетовъ распредѣлять предметы не привело бы ни къ какому существенному результату. Власть была бы принуждена измѣнять установленный ею порядокъ по обстоятельствамъ: она должна требовать полноты университетскаго преподаванія и смотрѣть за тѣмъ, чтобы не было пробѣловъ.

Переходя къ программамъ курсовъ, дѣйствительно необходимо требовать, чтобы произволъ преподавателя имѣлъ границы, чтобы читалась наука, а не отрывки изъ нея и не пародія на науку. Но въ этомъ отношеніи, при полной самостоятельности преподавателя и учащаго сословія, контроль несравненно легче, чѣмъ обыкновенно думаютъ.

Достаточно, чтобы программы чтеній были напечатаны, были гласны для того, чтобы контролирующая власть имѣла всѣ данныя для повѣрки, и можно полагать съ полнымъ правомъ, что гласность программъ для чтеній и испытаній, сама по себѣ, приведетъ къ желанной цѣли. Ибо, если предположить, что контролирующее управленіе не можетъ слѣдить за преподаваніемъ по печатнымъ программамъ преподавателей, то что же ручается за контроль надъ чтеніями по программамъ, составленнымъ по

распоряженію администраціи? Вопросъ можетъ быть о послѣдствіяхъ неисполненія предъявляемыхъ требованій, но не о томъ, удобнѣе-ли контроль тогда, когда програмы составлены или предписаны управленіемъ, или тогда, когда онѣ выработаны преподавателями.

Признавая полезными въ видахъ полноты и послѣдовательности университетскаго преподаванія планы и програмы, исходящіе отъ университетовъ и составленные ихъ преподавателями, должно замѣтить, что этимъ достаточно ограждается свобода преподаванія, и контроль надъ нею.

Если вопросъ о свободѣ преподаванія не представляетъ особыхъ затрудненій при его разрѣшеніи, то этого нельзя сказать о свободѣ слушанія.

Въ понятіи о свободѣ слушанія смѣшиваются свобода выбора предметовъ, т. е. право слушать или не слушать предметъ вовсе, затѣмъ право слушать предметы въ томъ или другомъ порядкѣ, какъ желаютъ слушатели, и свобода посѣщать или не посѣщать лекціи. Между этими двумя противуположными системами существуютъ разные придуманные порядки для того, чтобы слушатели были заохочены или вынуждены прослушать всѣ предметы въ установленномъ порядкѣ и не уклонялись отъ посѣщенія лекцій.

Свобода слушать или не слушать вовсе тѣ или другіе предметы можетъ быть допущена только тогда, когда посѣщеніе лекцій не имѣетъ въ виду изученія совокупности факультетскихъ наукъ и пріобрѣтенія ученой степени, или извѣстныхъ правъ по испытанію. Такой свободы, по общему правилу, въ университетскомъ образованіи не существуетъ.

Свобода выбора порядка изученія предметовъ можетъ имѣть значеніе, если студентъ намѣренъ слушать лекціи въ разныхъ университетахъ; но если онъ хочетъ прослушать курсъ факультетскихъ наукъ въ одномъ университетѣ, то она не имѣетъ смысла, потому что при уклоненіи отъ установленнаго порядка, представилась бы невозможность выслушать въ установленный періодъ времени всѣ факультетскіе предметы.

Наконецъ, принудительное посѣщеніе лекцій отвергается лучшими представителями науки.

Для преподавателя нѣтъ никакого интереса читать лекціи передъ аудиторіею, которая его не слушаетъ и сидитъ на скамьяхъ, для удовлетворенія требованіямъ полицейскаго порядка.

Итакъ, въ дѣйствительности, не можетъ быть и рѣчи о свободѣ слушанія тѣхъ или другихъ предметовъ, ни объ установленіи порядка ихъ изученія по усмотрѣнію слушателей, можетъ быть только одна свобода— учиться или не учиться.

Регламентація, придуманная для того, чтобы при мнимомъ сохраненіи свободы, сдѣлать посѣщеніе лекцій обязательнымъ, ни къ чему не ведетъ, если она разсчитана лишь на наполненіе аудиторій безучастною толпою. Сюда относятся: листы, представляемые студентами преподавателю для отмѣтки, что они слушали науку и т. п.

Но къ такимъ мѣрамъ, конечно, не могутъ быть отнесены обязательныя практическія занятія въ кабинетахъ, лабораторіяхъ и клиникахъ, которыя входятъ косвеннымъ образомъ въ составъ испытаній, или которыми обусловливается пріобрѣтеніе ученыхъ степеней или дальнѣйшее прохожденіе курсовъ.

Далѣе этого регламентація идти не можетъ.

Мнѣнія Штейна по этому предмету нѣсколько смутны. Возставая противъ слишкомъ подробныхъ, установленныхъ закономъ учебныхъ плановъ, подобныхъ введеннымъ въ недавнее время въ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, Штейнъ полагаетъ, что совершенная отмѣна обязательнаго посѣщенія лекцій служитъ поводомъ къ лѣности, къ совершенно произвольному профессіональному образованію.

Большая неясность въ представленіи о свободѣ ученія, говоритъ авторъ, состоитъ именно въ томъ, что человѣка, долженствующаго получить образованіе, разсматриваютъ какъ человѣка взрослаго; между тѣмъ, примѣняя слишкомъ строгій учебный планъ къ человѣку, достигающему зрѣлости, поступаютъ съ нимъ какъ съ школьникомъ. Достоинство учебнаго порядка не опровергается тѣмъ, что практика и здравый смыслъ установляютъ мѣру посѣщенія лекцій, и безъ предписаній закона, и что исполненіе послѣдняго, въ единичномъ случаѣ, не можетъ быть вынуждено. Если принять первое основаніе, то всякое административное предписаніе оказалось бы излишнимъ; второе раздѣляетъ эту участь съ многими другими административными предписаніями.

Въ предъидущемъ заключается и много справедливаго, и много парадоксальнаго.

Учебный планъ, который заключаетъ въ себѣ подробности и разсматриваетъ человѣка, достигающаго зрѣлости, какъ школьника, безспорно составляетъ аномалію. Учебный планъ, который установляетъ только систему или порядокъ изученія и требуетъ отъ слушателя послѣдовательнаго выполненія извѣстныхъ работъ и представленія отчета въ пріобрѣтенныхъ знаніяхъ, составляетъ принадлежность правильнаго окончательнаго образованія; но отсюда еще далеко до обязательности посѣщенія лекцій, и если нельзя положиться на здравый смыслъ слушателей, то тѣмъ болѣе безполезно увеличивать массу неисполняемыхъ административныхъ предписаній или законовъ, которые на практикѣ раздѣляли бы участь другихъ подобныхъ юридическихъ нормъ.

Если вводить обязательное посѣщеніе лекцій, то необходимо, чтобы оно было обезпечено принудительною силою закона и его карами; но превращенія университета въ школу не хотятъ самые ревностные поборники обязательности слушанія лекцій.

Остаются затѣмъ попытки регламентировать университетскіе порядки, такъ, чтобы слушаніе сдѣлалось общимъ правиломъ, помимо всякаго принужденія.

Въ этихъ видахъ предлагали у насъ ввести гонораръ, развить приватъ-доцентуры, и изъять испытанія изъ непосредственнаго вѣдѣнія университетовъ.

Разсуждая отвлеченно, можно признать всѣ эти мѣры соотвѣтствующими своему назначенію. Если слушатели имѣютъ выборъ между преподавателями, платятъ имъ за посѣщеніе курсовъ, и при испытаніи не зависятъ отъ преподавателей; то повидимому можно ожидать, что сами слушатели будутъ выбирать преподавателей, отъ которыхъ они скорѣе всего разсчитываютъ чему-нибудь научиться, будутъ исправно посѣщать лекціи, за которыя они вносятъ плату и будутъ гарантированы въ свободѣ выбора пре-

подавателя тѣмъ, что знаніе читаемаго послѣднимъ курса на экзаменѣ необязательно, а обязательно только знаніе науки. Но, на дѣлѣ, эти предположенія оказываются иллюзіею. Приватъ-доценты приготовляются профессорами, которые или не захотятъ создавать для себя конкуррентовъ или допустятъ ихъ безъ ограниченій, но въ томъ случаѣ, когда такое соперничество нисколько не опасно.

Затѣмъ, конкурренція возможна только при курсахъ параллельныхъ, т. е. когда въ одни и тѣ-же часы читается одинъ и тотъ же предметъ двумя или нѣсколькими лицами. Распредѣленіе лекцій, при двойномъ или тройномъ числѣ преподавателей, безъ совпаденія въ одни и тѣ-же часы, немыслимо. Гонораръ, даже умѣренный, не по силамъ большинству слушателей, но и болѣе высокій недостаточенъ для обезпеченія приватъ-доцентовъ. Число студентовъ, могущихъ вносить плату за слушаніе лекцій, колеблется въ нашихъ университетахъ между 200 и 600 челов., что при размѣрѣ отъ 40 до 50 р. въ годъ составляетъ 8—10, 24—30 т. руб. Гонораръ, сколько-нибудь обезпечивающій преподавателя, долженъ дать отъ 1½ до 2 тысячъ въ годъ. Отчисливъ только половину гонорара на профессоровъ, занимающихъ мѣста по штату, останется отъ 4 до 15 т. руб. на всѣхъ приватъ-доцентовъ, слѣдовательно на число отъ 2 до 10 преподавателей. Если затѣмъ принять во вниманіе число студентовъ по факультетамъ, то окажется, что гонораръ, который могутъ дать студенты факультетовъ историко-филологическаго, физико-математическаго и юридическаго, едва-ли въ состояніи обезпечить содержаніе одного приватъ-доцента на каждомъ факультетѣ.

Кромѣ того, приватъ-доценты по предметамъ, для изученія которыхъ необходимы лабораторіи, коллекціи, клиники и проч., не могутъ наравнѣ съ профессорами, завѣдывающими этими учрежденіями, распоряжаться въ нихъ самостоятельно, а между тѣмъ немыслимо, чтобы для приватъ-доцентовъ устраивались особыя учебныя учрежденія.

Такимъ образомъ, о серіозной конкуренціи со стороны одного, много 2—3 лицъ, на каждомъ изъ факультетовъ, кромѣ медицинскаго, не можетъ быть рѣчи. Усиленіе личнаго состава приватъ-доцентовъ возможно лишь, при назначеніи имъ или штатнаго содержанія, или пособія отъ казначейства, но тогда окажется очевидная аномалія: содержаніе правительствомъ двойнаго числа преподавателей, въ предположеніи, что половина ихъ не удовлетворяетъ требованіямъ преподаванія, но безъ достаточной гарантіи, чтобы этотъ удвоенный штатъ состоялъ изъ достойныхъ представителей науки, ибо критеріумомъ не можетъ служить и посѣщаемость лекцій. Мнѣніе аудиторіи о профессорѣ вообще составляется довольно правильно, и лучшіе студенты на послѣднихъ курсахъ оказываются довольно компетентными судьями. Но трудно допустить, чтобы масса лицъ, приступающихъ къ изученію науки, могла быть хорошимъ судьею въ научной оцѣнкѣ преподавателя, и опытъ показываетъ, что современный интересъ предмета, или извѣстной его части, и что даръ изложенія, независимо отъ содержанія лекцій, привлекаютъ скорѣе массу слушателей въ аудиторію, чѣмъ серіозное и объективное изложеніе истины.

Испытаніе, изъятое изъ вѣдѣнія университета, должно гарантировать свободный выборъ преподавателя слушателями, и превратить приготовленіе

къ экзамену по запискамъ преподавателя въ болѣе самостоятельное, всестороннее, серіозное и полное изученіе науки. Но эта мѣра, которая должна по видимому подѣйствовать такъ благотворно и на преподаваніе науки, и на изучающихъ ее слушателей, хотя и болѣе легкая относительно внѣшняго своего осуществленія, чѣмъ развитіе приватъ-доцентуры и созданіе конкуренціи преподавателямъ, назначеннымъ государствомъ, не можетъ привести къ предположенной цѣли. Испытаніе, изъятое изъ вѣдѣнія университета по предметамъ теоретическимъ только тогда будетъ дѣломъ серіознымъ, когда его поручатъ не только *ученымъ*, но и *преподавателямъ* (ученые не преподаватели, никогда не занимаются всѣми частями наукъ и для удовлетворенія ихъ требованіямъ нужно призаняться ихъ спеціальностію) и сверхъ того непринадлежащимъ къ числу тѣхъ, которые читаютъ студентамъ лекціи. Отсюда слѣдуетъ, что система предполагаетъ три комплекта ученыхъ: нуженъ комплектъ профессоровъ для чтенія лекцій, нуженъ комплектъ приватъ-доцентовъ, которые возбуждали бы въ профессорахъ соревнованіе къ дѣятельности, нуженъ комплектъ ученыхъ экзаменаторовъ, которые контролировали бы знанія учащихся на экзаменахъ. Найти эти три комплекта невозможно не только въ Россіи, но и въ богатыхъ учеными силами странахъ, потому что дѣло идетъ не объ ученыхъ вообще, но о лицахъ способныхъ производить испытанія.

Составленіе экзаменаціонныхъ коммисcій изъ служащихъ по разнымъ вѣдомствамъ практиковъ повело бы къ пожертвованію наукою рутинѣ; привлеченіе въ составъ коммиссій университетскихъ преподавателей сохранило бы за экзаменомъ, въ большей или меньшей мѣрѣ, прежній его характеръ и только оставило бы студентовъ въ неизвѣстности, относительно требованій, которыя будутъ имъ предъявлены, такъ какъ предполагается, что экзаменаторъ имъ долженъ быть не извѣстенъ. Если экзаменаторомъ можетъ быть одно изъ двухъ лицъ, придерживающихся разныхъ воззрѣній на науку, разныхъ методъ и системъ, то студенту придется готовить отвѣты самаго разнообразнаго свойства. По одному предмету — это еще возможно, но по всѣмъ предметамъ даже немыслимо.

Могутъ сказать, что испытываемаго должна ограждать отъ произвола экзаменатора утвержденная программа. Но тогда одно изъ двухъ: или программа заключаетъ въ себѣ перечень вопросовъ, по которымъ будутъ спрошены испытуемые, или конспектъ, предполагающій отвѣты въ извѣстномъ смыслѣ и съ извѣстнымъ содержаніемъ. Въ первомъ случаѣ не будетъ никакого огражденія; во второмъ изученіе науки сводится къ данному шаблону и дѣло идетъ уже не о серіозныхъ занятіяхъ, а объ усвоеніи того руководства (manuel), по которому, какъ выразился одинъ прусскій министръ, относительно философскаго учебнаго плана, будетъ происходить „die fabrikmässige Abrichtung der jungen Leute in den Brotfächern".

Наконецъ, если профессора не заслуживаютъ довѣрія, какъ экзаменаторы, то почему же этого довѣрія будутъ непремѣнно заслуживать испытательныя коммиссіи со смѣшаннымъ составомъ, или за исключеніемъ профессоровъ.

Окончательный выводъ изъ всего сказаннаго состоитъ въ слѣдующемъ: законъ долженъ опредѣлить составъ наукъ, входящихъ въ окончательное профессіальное образованіе. Послѣдовательность ихъ изученія можетъ быть

также установлена закономъ, но съ тѣмъ, чтобы корпорація преподавателей, въ виду особыхъ обстоятельствъ, имѣла право видоизмѣнять этотъ порядокъ, съ разрѣшенія высшей административной власти. Преподаваніе должно происходить по печатнымъ программамъ, составленнымъ преподавателями и одобреннымъ факультетами или совѣтами учебныхъ заведеній. Программы эти подлежатъ контролю администраціи, которая имѣетъ право требовать объясненія, относительно полноты и соотвѣтствія ихъ съ предметами, читаемыми преподавателями. Высшая администрація, опираясь на мнѣніе ученаго совѣта, необходимаго для подобной цѣли, можетъ настаивать на включеніи въ программу пропущеннаго, или на исключеніи посторонняго, не относящагося къ курсу. Признанное постороннимъ, не входящимъ въ составъ науки, можетъ быть предметомъ спеціальнаго курса. Преподаваніе подлежитъ контролю на испытаніи, которое должно производиться по программамъ тоже составленнымъ преподавателями, но печатнымъ, одобреннымъ ученою корпораціею и представленнымъ высшей администраціи, которая имѣетъ относительно ихъ тѣже права и обязанности, какія она имѣетъ относительно программъ преподаванія.

Въ этихъ границахъ, преподаваніе должно оставаться совершенно свободнымъ. Посѣщеніе лекцій не должно быть принудительнымъ, но прохожденіе курса наукъ должно обусловливаться выполненіемъ извѣстныхъ требованій учебныхъ испытаній, въ той мѣрѣ, въ какой это необходимо для дальнѣйшаго профессіональнаго образованія. Таково напримѣръ знаніе анатоміи и теоретическихъ предметовъ для медика, имѣющаго намѣреніе посѣщать клиники и т. п.

Учебныя испытанія и практическія занятія могутъ быть опредѣлены или закономъ, но лишь въ самыхъ общихъ чертахъ, или высшею административною властію, по представленію коллегій изъ учащихъ.

Высшая административная власть должна основывать всѣ свои рѣшенія по вопросамъ учебнымъ на мнѣніяхъ или экспертовъ, или учебныхъ и ученыхъ корпорацій, и дѣйствія ея въ этомъ отношеніи должны имѣть публичный характеръ.

XI.

Права профессіональныхъ испытаній.

Остается въ заключеніе сказать нѣсколько словъ объ опредѣленіи закономъ окончательныхъ профессіональныхъ испытаній.

Испытанія эти совершенно основательно подраздѣлены Штейномъ на *университетскія*, или соотвѣтствующія имъ въ другихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, и на *государственныя*, окончательныя испытанія, производимыя особыми коммиссіями съ участіемъ или безъ участія профессоровъ. Особый разрядъ составляютъ испытанія *служебныя* на отправленіе разныхъ спеціальныхъ должностей.

Всѣ эти испытанія должны удостовѣрять въ томъ, что испытуемый пріобрѣлъ minimum свѣдѣній, необходимыхъ для профессіи. Первыя, въ однихъ государствахъ даютъ извѣстныя права, въ другихъ не даютъ

почти никакихъ правъ. Вторыя, т. е. государственныя испытанія, иногда предполагаютъ уже выдержанное университетское испытаніе на доктора, а иногда замѣняютъ это испытаніе или сливаются съ нимъ, и всегда даютъ служебныя, или профессіональныя права. Третьи, не имѣютъ собственно значенія окончательнаго профессіональнаго испытанія, а только служатъ удостовѣреніемъ въ практической подготовкѣ къ исполненію извѣстной обязанности и въ обладаніи свѣдѣніями, которыя для этой цѣли могутъ быть необходимы.

Послѣ всего, что было высказано выше, ясно, что окончательныя испытанія, производимыя учащими, составляютъ необходимую составную часть экзаменовъ, каковы бы ни были юридическія ихъ послѣдствія. Они существуютъ и въ Англіи, гдѣ испытанія не даютъ служебныхъ правъ, правъ на занятіе общественною профессіею, во Франціи (отчасти) и въ Россіи, гдѣ экзамены въ университетахъ и въ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ даютъ эти права и замѣняютъ собою государственныя испытанія. Экзамены, производимые учащими, имѣютъ по преимуществу теоретическій характеръ и не исключаютъ государственнаго испытанія, требующаго практической подготовки, не въ смыслѣ одной рутины, но и болѣе спеціальнаго изученія той или другой отрасли знаній. Такія испытанія, по характеру своему, приближаются къ служебнымъ.

Здѣсь у мѣста испытаніе не ученою коллегіею, но смѣшанною коммиссіею, состоящею изъ преподавателей и изъ ученыхъ практиковъ.

Наконецъ, служебныя испытанія въ собственномъ смыслѣ, не всегда предполагающія высшее профессіональное образованіе и имѣющія цѣлію убѣдиться въ технической подготовкѣ къ рутиннымъ занятіямъ, не составляя безусловной необходимости (самыя занятія могутъ служить школою) должны облегчить только поступленіе на должности, безъ прохожденія этой школы, замѣняя собою болѣе или менѣе продолжительный искусъ. Введеніе такихъ испытаній зависитъ отъ того, въ какой мѣрѣ они требуются интересами службы и выборомъ служащихъ.

Установленіе испытаній 3-хъ категорій, сохраняя за научнымъ образованіемъ полную самостоятельность, но признавая послѣднее непремѣнно условіемъ будущей практической дѣятельности (именно если при допущеніи къ государственному экзамену требуется уже ученая степень), не низводитъ науки на степень ремесла, не обращаетъ ее въ то, что называютъ нѣмцы—die Brodstudien—хлѣбное ученіе, но устраняетъ въ извѣстной мѣрѣ отчужденіе отъ жизни, въ которомъ нерѣдко упрекаютъ теоретическое образованіе.

Съ другой стороны, государственное испытаніе, въ этомъ видѣ, получаетъ совершенно иной характеръ: его программа представляетъ не повтореніе того, что требовалось отъ испытанія на ученую степень, и становится средствомъ для убѣжденія не только въ знаніи, но и въ способности пользоваться пріобрѣтенными свѣдѣніями въ сферѣ строго ограниченной профессіональной дѣятельности.

Программа эта должна обнимать собою не курсы наукъ, изъ которыхъ уже испытывалось лицо, пріобрѣвшее ученую степень, а свѣдѣнія, входившія въ кругъ предметовъ ученаго или реальнаго образованія лишь въ общихъ чертахъ.

Самое испытаніе можетъ состоять не столько изъ устныхъ отвѣтовъ, сколько изъ письменныхъ работъ, рѣшенія задачъ, и пр., которыя позволяютъ судить о способности исполнять профессіональныя обязанности.

XII.

Заключеніе.

Таковы (по мыслямъ Л. Штейна) общія основанія законодательства, относящагося къ области народнаго образованія.

Законодательство это требуетъ:

1) Управленія правильно организованнаго на различныхъ его ступеняхъ, администраціи, основывающей свои сужденія на мнѣніи ученыхъ совѣтовъ, при рѣшеніи вопросовъ учебныхъ и педагогическихъ. Управленіе имѣетъ слѣдующія задачи: устроить всю систему народнаго образованія, завѣдывать учебными заведеніями, основанными государствомъ и контролировать какъ ихъ дѣятельность, такъ и дѣятельность частныхъ училищъ;

2) Устройства мѣстнаго самоуправленія учебною частію и дѣятельности личныхъ союзовъ въ той области народнаго образованія, которая создается мѣстными интересами и почином общества;

3) Устройства внутренняго самоуправленія учебныхъ учрежденій, организованнаго изъ учащихъ, съ тѣмъ однако же, чтобы кругъ дѣятельности этого самоуправленія не выходилъ изъ области ученыхъ задачъ въ предѣлахъ установленныхъ закономъ;

4) Начальное образованіе, всеобще-обязательное, составляя задачу государства, должно быть не замкнутымъ, а допускать свободное развитіе, служить не для одного элементарнаго обученія, а для общаго образованія.

5) Приготовительное ученое и реальное образованіе, составляя — первое главную задачу государства, а второе — какъ государства, такъ и общества,—не должно быть на столько разъединено, чтобы оно предназначало дѣтей съ ранняго возраста къ извѣстной профессіи ученой или реальной, но позволяло бы человѣку сдѣлать сознательный выборъ въ ту пору, когда опредѣляются его наклонности и за тѣмъ обладало бы извѣстною степенью законченности, необходимой въ томъ случаѣ, когда пріобрѣтеніе окончательнаго образованія оказывается невозможнымъ.

5) Окончательное ученое и реальное образованіе еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ приготовительное, составляетъ задачу государства. Послѣднему принадлежитъ управленіе и надзоръ за принятымъ учебнымъ порядкомъ, но это участіе въ дѣлѣ высшаго образованія не исключаетъ ни самоуправленія учащихъ въ области учебной, ни свободы преподаванія и ученья. Согласованіе административнаго вліянія съ самоуправленіемъ, учебнаго порядка съ свободою преподаванія и изученія, составляетъ главную задачу законодательства, въ области высшаго образованія;

7) Система испытаній учебныхъ должна установить связь между разными ступенями образованія и служить опорою для учебнаго порядка; система окончательныхъ испытаній ведетъ къ удостовѣренію въ пріобрѣ-

тенія учащимися minimum'а профессіональныхъ знаній и къ повѣркѣ степени подготовки къ практической дѣятельности. Первое составляетъ задачу учебныхъ заведеній и при гласности требованій, предъявляемыхъ корпораціею учащихъ, контролируется управленіемъ, завѣдывающимъ образованіемъ. Второе относится къ спеціальнымъ отраслямъ профессіональной дѣятельности, и не имѣя строго научнаго систематическаго характера, можетъ принимать разнообразныя формы — испытаніе въ коммиссіи, прохожденіе низшихъ должностей, выслугу сроковъ и т. п. Строгое разграниченіе между обоими родами испытаній, изъ которыхъ одни даютъ ученую степень, но безъ профессіальныхъ правъ, а другія лишь профессіональныя права тѣмъ, которые имѣютъ ученую степень, довершаетъ систему испытаній, требующую научной подготовки. Что же касается профессіональныхъ испытаній на должности низшаго рода, почтовыхъ чиновниковъ, телеграфистовъ, и т. д., то ученая степень не должна быть признаваема его непремѣннымъ условіемъ. Можно довольствоваться свидѣтельствами объ окончаніи приготовительнаго училища и даже начальной школы.

Строгость испытательныхъ постановленій находится въ связи съ распространеніемъ образованія вообще. Чѣмъ болѣе разлито просвѣщеніе въ массахъ населенія, тѣмъ слабѣе долженъ быть испытательный контроль для профессій, неимѣющихъ должностнаго характера, въ которыхъ оцѣнка принадлежитъ обществу, и тѣмъ строже долженъ быть этотъ контроль для профессій, входящихъ въ кругъ дѣятельности государственнаго управленія, такъ какъ частнымъ лицамъ легче сдѣлать оцѣнку подготовки лица, а управленію легче путемъ испытаній возвысить свои требованія при выборѣ достойныхъ кандидатовъ для замѣщенія должностей.

Н. Х. Бунге,
профессоръ императорскаго университета св. владиміра.

Кіевъ, февраль 1877 г.

Свѣдѣнія о современной Сербіи.

(По поводу книги М. Ю. Миличевича „Кнежевина Србија". Бѣлградъ. 1876 г.).

Отдѣляясь отъ Австрійской имперіи рѣкою Савой до Бѣлграда и далѣе на востокъ до Оршовы Дунаемъ, а еще далѣе на востокъ отъ Румыніи Дунаемъ же, до устья р. Тимока, Сербское княжество, со всѣхъ другихъ сторонъ, прилежитъ къ тѣмъ злополучнымъ странамъ, которыя доселѣ остаются подъ турецкимъ игомъ, именно: на востокѣ къ Болгаріи, частью по Тимоку, частью по горамъ, на югѣ къ такъ называемой Старой Сербіи по горамъ, а на западѣ къ Босніи, частью по горамъ, частью по Дринѣ. Оно занимаетъ 791 квадр. милю. Значительныя продтранства въ немъ, такъ же какъ и вокругъ него заняты горными возвышенностями, то соединенными въ хребты, то раздѣленными однѣ отъ другихъ долинами, по которымъ протекаютъ рѣки и рѣчки или горные ручьи. Самая важная изъ рѣкъ, протекающихъ по Сербіи, есть Мо-

рава, по имени которой когда-то и самый край, ею омываемый, назывался Моравой: проходя почти по срединѣ Сербіи, по значительному ея пространству прежде съ запада на востокъ, гдѣ она называется Западною Моравой, а потомъ съ юга на сѣверъ въ Дунай, она стягиваетъ къ своему руслу много притоковъ, и въ большей части своего теченія, судоходна. Ея водостоки отдѣляются горными водораздѣлами отъ водостоковъ другихъ рѣкъ. Послѣ Моравы, одна изъ самыхъ важныхъ рѣкъ Сербіи, кромѣ пограничныхъ Дрины и Тимока, есть Колубара, текущая между Дриной и Моравой въ Саву. Между Колубарой и Моравой расположилась, покатостями къ этимъ обѣимъ рѣкамъ и къ Савѣ и Дунаю, одна изъ важнѣйшихъ частей Сербіи, Шумадія, заключающая въ себѣ нынѣшніе округи: Бѣлградскій, Смедеревскій, Рудницкій, Крагуевацкій и Ягодинскій. Ея середину занимаютъ Рудницкія возвышенности. И онѣ, и всѣ другія горы, прилегающія къ Шумадіи, прославились издавна своими лѣсами, давшими всему краю названіе лѣснаго края (отъ *шума*— лѣсъ). На западъ отъ Колубары и Шумадіи къ Дринѣ лежитъ Мачва, состоящая изъ округовъ: Подринскаго, Шабачскаго и Валевскаго, со склонами и стоками къ Савѣ, Колубарѣ и Дринѣ и съ вершинами Павлена, Ябланика и Медведника, достигающими почти до 3000 футовъ высоты надъ уровнемъ моря. На югъ отъ Мачвы и Шумадіи за Западною Моравой лежитъ страна Истоковъ, состоящая изъ округовъ: Ужицкаго, Чачанскаго и Крушевацкаго, самая возвышенная часть Сербіи, исполосованная въ разныхъ направленіяхъ грядами высотъ, изъ которыхъ нѣкоторыя поднимаются на 3000—4000 футовъ и выше надъ моремъ. Самая важная связь горъ есть юго-восточная, поднимающаяся всего выше на самомъ югѣ у границы горою Копаоникъ (около 6000 ф.). Въ возвышенностяхъ этого края идутъ истоки Моравы съ ея верхними притоками и впадающихъ въ нее съ юга Ибара съ Рашкою и другихъ притоковъ, а также и нѣкоторые изъ притоковъ той Моравы, которая соединяется съ вышеупомянутой Сербской Моравой тамъ, гдѣ эта поворачиваетъ съ запада на сѣверъ, которая и называется Болгарскою или восточною Моравой. И эта восточная Болгарская Морава и Ибаръ съ Рашкой и еще нѣкоторыя рѣчки втекаютъ въ Сербію изъ за границы. Въ этой странѣ истоковъ много лѣсовъ по горамъ, но много и голыхъ скалъ. За Моравою и Шумадіей на востокъ по склонамъ къ Моравѣ и къ Дунаю лежитъ Браничево, край, къ которому принадлежатъ округи: Пожаревайскій и Чупрійскій, край то-же довольно гористый, и нѣкоторыя изъ возвышенностей, какъ напр. Гомольскія, поднимаются на 3000 и 4000 футовъ. Съ горъ въ Моравскую широкую долину течетъ въ Дунай рѣка Млава; съ горъ и промежду горъ восточнѣе течетъ въ Дунай рѣка Пекъ. По восточной границѣ Браничева тянется гористый водораздѣлъ, отдѣляющій водостоки Моравы и Тимока. Онъ упирается въ самый Дунай, текущій тутъ довольно долго въ горахъ, которыя и на немъ образуютъ опасные пороги и водовороты. За этимъ водораздѣломъ на востокъ къ границѣ и отъ Дуная на югъ къ Болгарской Моравѣ лежитъ послѣдняя пятая часть Сербіи Тимокская Краина, въ которой находятся округи: Краинскій, Черноржецкій, Алексинацкій и Княжевацкій. Склоны возвышенностей направлены къ Тимоку, а нѣкоторые изъ самыхъ

южныхъ къ Болгарской Моравѣ. И здѣсь нерѣдки голыя скалы и утесистые обрывы съ ущельями, а равно и вершины въ 3000 и болѣе футовъ вышины, каковы: Столацъ, Църни върхъ, Брезовина, Луковица, Ртань, Озренъ и др.

Горы въ Сербіи почти всѣ вторичной и третичной формаціи. Кромѣ разныхъ полезныхъ плитняковъ, особенно известковыхъ, каменнаго угля и т. п. находятъ въ нихъ, какъ находили уже давно, разные металлы, какъ желѣзо, мѣдь, серебро вмѣстѣ съ оловомъ и пр. Почти вездѣ въ нихъ находятъ источники разной минеральной воды. Лѣса дубовъ разныхъ породъ, буковъ, берестовъ, ясеней, липъ и другихъ лиственныхъ деревъ, а равно кое-гдѣ и боры сосновые и еловые покрываютъ значительныя пространства, особенно по склонамъ горъ; другіе скаты и долины покрыты роскошною травою. — Почва, за исключеніемъ нѣкоторыхъ скалистыхъ и песчаныхъ мѣстъ, очень плодородна. Разныя плодовыя деревья и кустарники растутъ и въ лѣсахъ, а въ садахъ даютъ прекрасные плоды; во многихъ мѣстахъ есть хорошіе виноградники; вездѣ легко и обильно зрѣютъ разные хлѣба и овощи. Все есть, что можно ожидать отъ плодородной страны, лежащей подъ 43 — 45 град. широты.

Страна эта была населена издавна, на чтò есть множество свидѣтельствъ, начиная, если не идти глубже въ древность, со сказаній Геродота о Трибаллахъ, за которыми слѣдуютъ сказанія о Скордискахъ, а далѣе сказанія о вторженіяхъ, завоеваніяхъ и поселеніяхъ Римлянъ. Значительно позже является тамъ народъ славянскій, именуемый Сербами, а когда именно, можно сказать только по еще болѣе позднимъ и сказочнымъ преданіямъ. Лѣтописи новой христіанской Европы знаютъ тамъ только Сербовъ. Тѣ-же Сербы и нынѣ населяютъ Сербію вмѣстѣ со многими окрестными землями между Савой и Адріатическимъ моремъ. Не-Сербовъ въ Сербіи, какъ будетъ указано, очень немного.

Въ настоящемъ своемъ положеніи Сербія питаетъ около 1,400,000 душъ (въ концѣ 1874 г. считалось 1,352,522 д.), т. е. болѣе чѣмъ по 1,700 д. на квадр. милю, именно:

Въ Шумадіи на	174,55	кв. м.	401,133	= 1 : 2300
„ Мачвѣ	124,32	„ „	219,657	= 1 : 1656
„ странѣ Истоковъ	225,91	„ „	255,525	= 1 : 1131
„ Браничевѣ	109,56	„ „	222,488	= 1 : 2031
„ Тимокской Краинѣ . . .	156,66	„ „	253,719	= 1 : 1620
Итого	791		1.352,522	= 1 : 1700

Изъ этого перечня очевидно, что населеніе болѣе густо у Савы, Дуная и Нижней Моравы—въ Шумадіи и Браничевѣ, значительно рѣже у границъ западной и восточной — въ Мачвѣ и Тимокской Краинѣ и всего рѣже у южной границы въ странѣ Истоковъ.

Сербы вездѣ составляютъ главное населеніе; не-Сербы, какъ народъ почвы, живутъ почти исключительно въ восточной части. Болгаръ болѣе всего на сѣверѣ Браничева, но и тамъ они составляютъ только

около $^1/_{20}$ доли населенія—не болѣе 10,000. Гораздо болѣе Румуновъ: въ пяти округахъ у Моравы, Дуная и Тимока (Смедеревскомъ, Пожаревацкомъ, Краинскомъ, Чюпрійскомъ и Чернорѣчскомъ) живетъ ихъ болѣе 140,000, такъ что они составляютъ тамъ болѣе $^1/_3$ доли всего населенія (135,000 изъ 380,266 по счету 1866 г.). Кромѣ того, въ Сербіи живутъ разные инородцы: Цыгане (около 25,000?), Турки (около 5,000?), Евреи (около 2,000?) разные Европейцы (около 4,000?). Всего—на-всего не-Сербовъ въ Сербіи около 190,000, менѣе $^1/_7$ доли всего населенія.

За десять лѣтъ передъ этимъ, въ 1866 г. жителей было 1.216,346, т. е. по 1,540 на кв. м.; за двадцать лѣтъ, въ 1855 г. было ихъ 933,496, т. е. по 1,240 д. на кв. милю; за тридцать лѣтъ, въ 1846 г. было ихъ 892,315 д., т. е. по 1130 на кв. милю. Выходитъ, что въ продолженіи тридцати лѣтъ населеніе возросло на 500,000, на каждой квадр. милѣ почти на 600 д.; вообще больще, чѣмъ на третью долю.

При этомъ, какъ можно было вывести изъ наблюденій за годы 1862—1873, ежегодно рождалось круглымъ числомъ по 54,000, а умирало слишкомъ по 38,000, т. е. отъ каждаго года оставалось излишка, круглымъ числомъ, около 16,000: это естественное умноженіе народонаселенія само собою указываетъ на силу его самоумножаемости.

Столько же на жизненную силу населенія Сербіи указываетъ численное отношеніе между полами. Въ 1846 г. изъ 892,315 д. было мужескаго пола 459,315 д., а женскаго 433,000; въ 1855 г. изъ 983,496 д. было муж. п. 507,432, а жен. п. 476,064; въ 1866 г. изъ 1.216,346 д. было муж. п. 626,891 д., а жен. п. 589,455 д. Изъ этихъ показаній видно, что мужеская доля населенія постоянно была болѣе женской доли на $^6/_{100}$, т. е., что на 100 жен. приходилось 106 муж., или же на 100 муж. 94 жен. Замѣчательно, что гдѣ населеніе гуще, тамъ и отношеніе между количествомъ половъ болѣе рѣзко въ пользу мужескаго: въ Браничевѣ на 1000 муж. приходится 937 жен.; а въ Шумадіи (съ Бѣлградомъ) только 920; въ Тимочской Краинѣ 948, въ Мачвѣ 952; въ странѣ Истоковъ 958.

Населеніе Сербіи есть главнымъ образомъ сельское: горожане, занимая 17 городовъ (варошей) и 32 мѣстечка (варошицы) и то не всѣ ведя жизнь чисто городскую, составляютъ только менѣе чѣмъ десятую долю населенія, менѣе 140,000. Изъ городовъ только Бѣлградъ, заключающій въ себѣ не много болѣе 27,000 жителей, сравнительно съ другими есть нѣсколько значительный городъ; въ пяти городахъ (Смедеревѣ, Паланкѣ Смедеревскаго округа, Крагуевцѣ, Шабцѣ и Пожаревцѣ) болѣе чѣмъ по 5,000, но менѣе чѣмъ по 7,000 ж.; въ каждомъ изъ осьми другихъ (Ягодинѣ, Валевѣ, Ужицахъ, Крушевцѣ, Алексинцѣ, Княжевцѣ, Заечарѣ, Неготинѣ) болѣе 3,000, но менѣе 5,000 ж.; въ нѣкоторыхъ изъ остальныхъ около 2,000—3,000 или же и менѣе 1,000 ж. Вообще всего болѣе горожанъ въ Шумадіи ($^1/_6$ доля) и Браничевѣ ($^1/_8$ доля) — тамъ же, гдѣ и населеніе гуще; менѣе въ Тимочской Краинѣ ($^1/_9$ доля) и Мачвѣ ($^1/_{12}$ доля); всего менѣе, только $^1/_{17}$ доля всего населенія, въ землѣ Истоковъ и особенно въ Ужицкомъ округѣ этой части Сербіи, имѣющемъ только одинъ городъ съ $^1/_{34}$ долею всего населенія.

Сельчане живутъ вообще не малыми деревнями: населенныхъ сель-

скихъ мѣстъ считается въ Сербіи 2,590 и слѣдовательно круглымъ числомъ на каждое приходится около 350 обывателей. Но этотъ средній размѣръ дается исключительно тремя юго-восточными округами, гдѣ сельскихъ населенныхъ мѣстъ 927, т. е. болѣе трети всего количества, а населенія, какъ указано выше, менѣе чѣмъ гдѣ, — такъ что приходится на одинъ поселокъ около 130 жителей; значительно крупнѣе деревни (всего ихъ 435) въ Мачвѣ, гдѣ на каждую приходится около 440 жителей; еще значительнѣе онѣ въ Шумадіи, гдѣ на каждую (всѣхъ 610) приходится слишкомъ по 500 жителей, и въ Тимочской Краинѣ, гдѣ круглымъ числомъ на каждую (изъ 347) приходится безъ малаго по 600 жителей; всего значительнѣе по величинѣ деревни Браничева, гдѣ на каждую (изъ 271) приходится по 643.

Сербы живутъ въ своихъ домикахъ (кучахъ) посемейно, — такъ что на каждый домикъ круглымъ числомъ приходится по шести человѣкъ съ дѣтьми. Нельзя при этомъ не замѣтить, что на домъ городской, за исключеніемъ только Бѣлграда, приходится обитателей менѣе чѣмъ на сельскій: на сельскій болѣе шести, а на городской менѣе пяти, и только въ Бѣлградѣ болѣе семи. Всего болѣе домовъ сравнительно съ жителями въ Браничевѣ (одинъ съ небольшимъ на 5), нѣсколько менѣе въ Тимочской Краинѣ и Шумадіи (1 : 6), еще менѣе въ странѣ Истоковъ (1 : 6 слишкомъ), всего менѣе въ Мачвѣ (1 : 7 слишкомъ).

Прошло только шестьдесятъ лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Сербія освободилась изъ-подъ Турецкаго ига, только пятьдесятъ со времени признанія ея княжествомъ; да и это незначительное количество лѣтъ не прошло мирно для блага народа: приходилось и воевать съ Турками, и перетерпѣвать внутреннія смуты. Не смотря на это, благосостояніе и благоустройство земли видимо возвышались и само собою и въ слѣдствіе нѣкоторыхъ добрыхъ правительственныхъ мѣръ.

Чтобъ удостовѣриться положительно, какъ воспользовались Сербы въ княжествѣ своимъ освобожденіемъ, довольно всмотрѣться въ ходъ народнаго просвѣщенія, на сколько оно выражается въ дѣлѣ училищъ.

Что учители и ученики (если не чего другого, то хоть чтенія и письма) были въ Сербіи и до ея освобожденія, это предполагается самымъ существованіемъ церквей и монастырей и причта въ нихъ: въ Сербіи было тоже, что и доселѣ есть на границахъ Сербіи—въ Сербіи старой въ Герцеговинѣ, въ Боснѣ—скорѣе менѣе чѣмъ болѣе. Кромѣ монастырскихъ училищъ, и то бѣдныхъ и малыхъ, не было незадолго до освобожденія никакихъ другихъ, такъ что Георгія Черняго считаютъ основателемъ первыхъ училищъ, независимыхъ отъ монастырей. Училища учреждены были тогда во многихъ городахъ и въ нѣкоторыхъ селахъ. Въ Бѣлградѣ были три училища: два малыхъ и одно большое, старшее (велика школа). Въ это старшее училище принимались ученики уже грамотные и учились тамъ исторіи, географіи, ариѳметикѣ, начальной физикѣ, искусству писать письма, нравоученію, праву и нѣмецкому языку. Учились три года у трехъ учителей. Это училище оставалось впрочемъ недолго: съ паденіемъ Георгія Черняго и оно пало, а съ нимъ вмѣстѣ, вѣроятно, если не всѣ, то хоть нѣкоторыя изъ другихъ новоучрежден-

ныхъ. Милошь Обреновичь, утвердивъ въ Сербіи независимое управленіе, содѣйствовалъ возстановленію прежде бывшихъ училищъ и учрежденію новыхъ по мѣрѣ возможности. Въ 1836 году при обзорѣ училищъ оказалось ихъ 72, въ томъ числѣ правительственныхъ 26, общинныхъ 27 и частныхъ 19; въ нихъ было въ каждой по одному учителю, а учениковъ всего 2,514. Содержаніе этихъ училищъ стоило 5,078 талеровъ, изъ которыхъ правительство платило 3,200 тал., т. е. около 125 талеровъ на каждое училище. Въ 1838 году раздѣлились эти училища на два разряда: младшія и старшія школы. Въ младшихъ учили чтенію, письму, молитвамъ, священной исторіи, ариеметикѣ; въ старшихъ—катехизису, граматикѣ сербской, второй части ариеметики, исторіи сербской, церковному пѣнію, нѣмецкому языку,— по два года въ каждомъ. Еще ранѣе этого учрежденъ правительственный надзоръ за училищами. Въ 1845 году было въ Сербіи уже 213 училищъ, въ томъ числѣ только 12 частныхъ съ 6,201 учен.; на содержаніе ихъ въ годъ употреблено 14,328 талеровъ. Улучшенію училищъ правительство стало помогать содѣйствіемъ изданію учебниковъ, содѣйствуя вмѣстѣ съ тѣмъ и учрежденію отдѣльныхъ женскихъ училищъ, болѣе же всего выражало свою дѣятельность разными постановленіями о подробностяхъ устроенія училищъ, о распредѣленіи предметовъ обученія по учебнымъ годамъ, полугодамъ и урокамъ, о пріемахъ обученія, о распредѣленіи учителей по ихъ значенію и т. д. Всѣ эти постановленія измѣнялись довольно часто и не всегда сообразно съ прямыми потребностями народа. Такъ напр. обученіе нѣмецкому языку то забраковывалось, то вновь вводилось, пока наконецъ въ 1860 году надолго найдено было излишнимъ. Количество училищъ между тѣмъ все росло. Въ 1862 году ихъ было уже 301, въ томъ числѣ 28 женскихъ съ 327 учителями и 36 учительницами, и въ нихъ учащихся было 10,725, въ томъ числѣ 1,376 дѣвочекъ. Вслѣдствіе все большаго признанія въ народѣ нужды учиться, а равно и облегченія открытія школъ и улучшенія какъ училищъ, такъ и положенія учащихъ по жалованью (отъ 100 до 300 талеровъ) и пенсіи (до 60 талеровъ за десятилѣтнюю службу), количество училищъ возрастало быстро. Къ 1867 году ихъ было уже 378, въ томъ числѣ 35 женскихъ съ 417 учителями и 53 учительницами, и въ нихъ учащихся было 17,407, въ томъ числѣ 2,048 дѣвочекъ. Въ это же время, число грамотныхъ въ Сербіи считалось слишкомъ 50,000, въ томъ числѣ слишкомъ 42,000 горожанъ и слишкомъ 18,000 сельчанъ. Къ 1874 году число училищъ возросло до 537, въ томъ числѣ женскихъ 47. Всего болѣе училищъ было въ это время, а слѣдовательно остается и теперь, въ Шумадіи и Браничевѣ, гдѣ одно училище приходится менѣе чѣмъ на двѣ тысячи жителей; болѣе чѣмъ на 2,000 приходится одно училище въ Тимочской Краинѣ; болѣе 2,500 въ Мачвѣ; всего же менѣе училищъ, именно слишкомъ на 3,500 одно въ странѣ Истоковъ. — Независимо отъ этихъ, такъ называемыхъ основныхъ народныхъ училищъ, гдѣ ученіе, кромѣ мѣсяцевъ отдыха и праздниковъ, продолжается весь годъ ежедневно, есть еще воскресныя училища; они явились въ первый разъ въ 1845 году и съ тѣхъ поръ открывались и открываются въ разныхъ мѣстахъ; но такъ какъ они открываются для всѣхъ желаю-

щихъ, болѣе всего для взрослыхъ, свободно учащихся, то за ходомъ ихъ и нѣтъ особеннаго статистическаго надзора.

Для желающихъ получить болѣе основательное образованіе учреждено въ Сербіи нѣсколько особенныхъ училищъ, какъ общеобразовательныхъ, такъ и спеціальныхъ.

Въ ряду общеобразовательныхъ первое мѣсто занимаютъ гимназіи. Первая гимназія учреждена была въ Бѣлградѣ въ 1830 г. подъ названіемъ великой школы. Она переведена была въ Крагуевацъ, а позже въ Бѣлградѣ учреждена другая гимназія. Теперь кромѣ этихъ двухъ гимназій есть еще восемь полугимназій или, какъ онѣ теперь называются, низшихъ гимназій: въ Бѣлградѣ 2, въ Шабцѣ, въ Неготинѣ, въ Пожаревцѣ, Ягодинѣ, Ужицахъ и Крушевцѣ. Эти гимназіи и полугимназіи устроены по примѣру австрійскихъ.

Ихъ современное состояніе такое:

		Учителей.	Учащихся.	
Гимназія	Бѣлградская. . . .	15	около	350
„	Крагуевацкая . . .	13	„	200
Полугимназія	Бѣлградская 1 . .	6	„	200
„	„ 2 . .	7	болѣе	100
„	Шабацкая	7	„	100
„	Неготинская . . .	6	около	100
„	Пожаревецкая. . .	7	„	100
„	Ягодинская. . . .	4	„	100
„	Ужицкая	4	болѣе	50
„	Крушевацкая . . .	6	около	100
		75	около	1,400

Есть въ Сербіи и реальныя училища, устроенныя или отдѣльно или при основныхъ училищахъ:

въ Бѣлградѣ	учителей	9	учащихся	около	85
„ Смедеревѣ	„	5	„	„	50
„ Валевѣ	„	4	„	„	55
„ Лозницѣ	„	4	„	„	25
„ Чачкѣ	„	4	„	„	65
„ Алексинцѣ	„	4	„	„	40
„ Княжевцѣ	„	4	„	болѣе	30
„ Заечарѣ	„	3	„	около	50
		37		около	400

Высшее общеобразовательное женское училище есть „виша женска школа“, что-то въ родѣ женской гимназіи, въ Бѣлградѣ. Начиная первыми основаніями наукъ, она доводитъ учениць до знанія нравственнаго богословія, теоріи словесности, исторіи общей и сербской словесности, политической исторіи и географіи общей и сербской, началъ алгебры, основныхъ знаній естествовѣдѣнія съ опытной физикой и хи-

міей, психологіи, педагогики, діететики, давая возможность поучиться красиво писать, рисовать, играть на фортепіано, пѣть, шить, вышивать, вязать, кроить, стирать и гладить, а также и по нѣмецки. Учителей и учительницъ въ этомъ заведеніи 22, а ученицъ болѣе 200.

Для высшаго общаго и специальнаго образованія юношества мужескаго пола есть такъ же нѣсколько учрежденій. Главное изъ нихъ, замѣняющее для Сербіи университетъ, есть „велика школа" или „академія". Основаніе этому учрежденію подъ названіемъ лицея положено въ 1838 г.; въ то время оно давало юношамъ возможность познакомиться съ основаніями разныхъ частей философіи, естественнаго права и евангельскаго ученія, съ нѣкоторыми подробностями всеобщей исторіи и статистики, съ нѣкоторыми частями математики, съ нѣмецкимъ и французскимъ языками. Позже прибавлено еще положительное право, архитектура и сельское хозяйство. Еще позже раздѣлилось преподаваніе на два отдѣленія: философское и юридическое, а потомъ и на три: общее, юридическое и естественно-техническое. Это позволило увеличить количество преподаваемыхъ предметовъ, въ число которыхъ въ 1851 году вошли исторія сербская и сербская словесность, а съ 1853 года филологія, естетика, исторія словесности Славянъ и главныхъ Европейскихъ народовъ, политическая экономія, финансы, энциклопедія и исторія права, римское право, международное право и разныя части сербскаго права, общее естествовѣдѣніе, физика, химія, психологія, нѣкоторыя практическія знанія, педагогія. Въ 1863 г. это учрежденіе переименовано въ „великую школу или академію" и въ нѣкоторой степени переустроено. Тогда явилось въ немъ три факультета: философскій изъ двухъ отдѣленій, историко-филологическаго и физико-математическаго, техническій и юридическій; разныя научно-вспомогательныя заведенія поставлены въ значительно лучшее состояніе. Преподавателей въ немъ теперь болѣе 20, а слушателей постоянныхъ около 200. Науки богословскія излагаются вмѣстѣ съ общими въ особенномъ училищѣ богословскомъ. Оно основано въ 1836 г. и переустроено подъ названіемъ „Богословія" въ 1863 г. Оно снабжаетъ священствомъ и учителями не только Сербію, но и тѣ сербскія земли, которыя остаются подъ властью Туровъ, и потому раздѣлено на два отдѣленія: въ главномъ 18 наставниковъ и около 175 воспитанниковъ, а въ добавочномъ 9 наставниковъ и болѣе 60 воспитанниковъ. Независимо отъ учителей, воспитываемыхъ въ „Богословіи", учители получаютъ образованіе въ особенномъ учительскомъ училищѣ, открытомъ въ Крагуевцѣ въ 1871 году: въ немъ 12 наставниковъ и болѣе 60 учащихся.—Въ 1837 году основано военное училище въ Пожаревцѣ; немного позже оно перенесено въ Бѣлградъ, потомъ въ Крагуевацъ, и въ 1838 году закрыто. Въ 1843 г. открыто инженерное училище, но и оно просуществовало только до 1849 года. Въ 1850 г. открыто артиллерійское училище въ Бѣлградѣ сначала только для образованія артиллерійскихъ офицеровъ, потомъ для образованія офицеровъ вообще, вслѣдствіе чего измѣнено было и его названіе: съ 1851 года оно носило названіе военной академіи. Въ этомъ заведеніи, при 10 преподавателяхъ, получаютъ образованіе около 40 юношей. Въ немъ излагаются и общія науки, и математическія, и есте-

ственныя, и чисто военныя, а равно и два новыхъ языка: французскій и нѣмецкій.

Говоря объ успѣхахъ просвѣщенія въ Сербіи, нельзя забыть еще одного замѣчательнаго учрежденія, сосредоточивающаго въ себѣ научно-литературную дѣятельность Сербія: это Ученое Сербское Общество, съ 1841 г., когда было основано, до 1864 называвшееся Обществомъ Сербской словесности, и затѣмъ преобразованное въ 1847. Это общество издаетъ „Гласникъ"—сборникъ трудовъ своихъ членовъ довольно объемистыми книгами, и издало ихъ уже 43. Сборникъ этотъ драгоцѣненъ, какъ собраніе очень важныхъ трудовъ преимущественно по исторіи, народознанію и географіи Сербіи и другихъ сербскихъ земель, такъ и вообще какъ рядъ наглядныхъ доказательствъ научныхъ успѣховъ Сербовъ. При Ученомъ Сербскомъ Обществѣ замѣчательный архивъ, не бѣдная библіотека съ замѣчательными рукописями и музей.

Кромѣ этого главнаго и общаго научнаго общества есть еще и другія: Общество Сельскохозяйственное, богатое денежными средствами, Общество Торгово-Промышленное, Общество Лѣкарское.

Есть у Сербовъ и значительный Народный Музей, почти исключительно для храненія остатковъ древности и старины. Есть Народная Библіотека, въ которой для общаго пользованія собрано уже около 15,000 произведеній. Есть кромѣ того и Народная Читальница съ музеемъ. Есть библіотеки и при нѣкоторыхъ особенныхъ учрежденіяхъ, между прочимъ и при театрѣ. Кстати отмѣтить, что театръ открытъ въ особенномъ зданіи въ 1869 г., а до того играли въ частныхъ домахъ. Все это въ Бѣлградѣ. Въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ есть только читальницы. Въ Бѣлградѣ же есть пять типографій, изъ которыхъ одна правительственная, и въ нихъ печатается до 18-ти повременныхъ изданій; въ Крагуевцѣ есть также двѣ типографіи.

Само собою разумѣется, что всѣ эти учрежденія—учебныя, ученыя, вспомогательно-образовательныя и просвѣтительныя—должны были произвести свое дѣйствіе какъ на возвышеніе уровня общенароднаго просвѣщенія и еще болѣе въ высшихъ слояхъ общества, такъ и на ходъ общественной дѣятельности и на успѣхи общественнаго устройства, промышленности, торговли и т. п.

За прошедшее можно радоваться, на будущее надѣяться. Въ какой степени умѣстно то и другое въ отношеніи къ тому, что остается какъ прочный слѣдъ прошедшаго, объ этомъ нельзя судить окончательно ни по какимъ частнымъ случайностямъ, ни вообще по внѣшнему виду. Невидное довольно часто важнѣе виднаго, и видимое такъ же часто вовсе не то, на что указываетъ. Невольно приходятъ при этомъ на умъ слова М. И. Миличевича: „Цѣль всѣхъ учрежденій (въ Сербіи) помочь и въ частности и вообще всему народу устроиться, утвердить свою силу и самосознаніе и обезпечить себѣ какъ можно лучшее и болѣе достойное положеніе въ свѣтѣ. Всѣ училища, общія и особенныя, должны заговорить (нека заговоре) языкомъ истины, языкомъ знанія, и тогда враждебной силы мрака не станетъ. А великая школа, это училище надъ училищами, должно быть (нека буде) всегда живымъ источникомъ

науки, должно стараться (нека снажи) оживлять своимъ дыханіемъ всѣ среднія и основныя училища, течь (нека протиче) безпрерывно освѣтляя и укрѣпляя жизнь умственную, торговую, промышленную народа, быть (нека буде) каждому Сербу свѣточемъ на пути всякаго успѣха и развитія. И если это *такъ* будетъ, тогда нечего будетъ страшиться (не треба се одна бојати) ни какого нападенія, ни какого мирнаго завоеванія". Тутъ не одни краснорѣчивыя выраженія; тутъ высказана мысль о томъ чего еще Сербія должна ожидать и желать какъ еще неисполнившагося. Въ другомъ мѣстѣ, М. И. Миличевичь высказалъ почти тоже, только частнѣе, подробнѣе: „Если бы могли (кад би могле) училища наши, особенно среднія, ознакомить учениковъ своихъ съ роднымъ языкомъ, если бы могли доказать имъ цѣну своего языка и своей словесности, и если бы они воспитывали въ своихъ ученикахъ вмѣстѣ съ историческимъ сознаніемъ благородную любовь къ своей народности; тогда бы наша молодежь, оживленная такимъ духомъ и обогащенная нужными знаніями, умѣла цѣнить и свое родное добро съ добромъ принимаемымъ со стороны, на сколько въ немъ есть нужда. Иначе и быть не можетъ. Человѣкъ стремится къ тому, что считаетъ хорошимъ, добрымъ и истиннымъ, и только не зная, что это добро есть дома, хватается за то, что находитъ на чужбинѣ, и усвоивастъ его, всюду къ нему заявляя свое расположеніе". Очевидно, чего не достаетъ въ Сербіи; не достаетъ, можетъ быть, въ Сербіи и кое-чего другого, о чемъ бы могъ родолюбъ Сербъ такъ же ясно, хотя и такъ же скромно, высказаться своимъ пожеланіемъ всего лучшаго своему отечеству; тѣмъ не менѣе всѣ пожеланія свои онъ можетъ, не отѣняя ихъ увѣренностью въ ихъ неисполнимости, поддерживать въ себѣ и настаивать на нихъ припоминаніями того, что дѣлалось, сдѣлано и дѣлается.

Право всякаго, владѣющаго самостоятельною силою ума и чувства, глядѣть на успѣхи Сербовъ въ Сербіи съ радостью и надеждою, можетъ увѣренно опереться на томъ, что сдѣлано и дѣлается въ Сербіи для народнаго самосознанія и познанія земли сербской. Правда, что большія книги о Сербіи и Сербахъ, и вообще книги и книжки, по которымъ изучаютъ все сербское внѣ Сербіи и въ самой Сербіи цѣнятся болѣе или менѣе высоко, написаны не по сербски; правда, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ есть справедливыя и важныя свѣдѣнія; но правда и то, что если бы самими Сербами не было сдѣлано въ этомъ отношеніи того, что сдѣлано, то и большая часть этихъ книгъ не могла бы явиться на свѣтъ Божій, а многія другія, еслибы и явились, то въ такомъ искаженномъ видѣ представили бы Сербію и Сербовъ, что годились бы только для читателей крайне легкомысленныхъ и для тѣхъ, которые умѣютъ брать имъ нужные звуки на струнахъ этого легкомыслія. Не говоря о явленіяхъ этого послѣдняго рода, все болѣе увеличивающихся въ числѣ и даже въ значеніи, довольно вспомнить хоть о нѣкоторыхъ изъ гораздо болѣе достойныхъ уваженія по положительности сообщеній: была ли бы возможна Сербская грамматика Я. Гримма, исторія новой Сербіи Л. Ранка, описаніе Сербіи въ „La Turquie d'Europe", А. Буэ разныя сочиненія о народной Сербской словесности — безъ того,

что написано и сообщено Караджичемъ? Была ли бы возможна „Serbien“ Ф. Каница или и превосходный трудъ Н. А. Попова объ исторіи новой Сербіи безъ того, что сдѣлано для этого Сербами, и что Н. А. Поповымъ отчетливо указано, а Каницемъ прикрыто? Почти все наиболѣе важное, цѣнное по вѣрности для познанія Сербіи и Сербовъ сдѣлано самими Сербами. Всего этого такъ много, что пользуясь данными только изъ этого источника, можно составить обширное, довольно полное и очень подробное описаніе Сербской земли и народа въ отношеніяхъ: географическомъ, экономическомъ, этнографическомъ, лингвистическомъ, историческомъ, политическомъ, историко-литературномъ и т. д. Всего болѣе пробѣловъ выказалось бы въ этомъ сводномъ трудѣ въ отношеніи къ древностямъ и къ древней исторіи Сербіи; но эти пробѣлы пополнить нельзя и трудами иностранцевъ, особенно тѣхъ западныхъ, которые не знаютъ языка, нравовъ и быта Сербовъ нынѣшнихъ и прежнихъ, и которые къ древности сербской не могутъ имѣть даже и такого чувства, какое могутъ внушить имъ къ себѣ древность ассирійская, вавилонская, египетская, индійская, не говоря уже о древности греческой и римской. Большихъ книгъ сербскихъ о чемъ нибудь сербскомъ, такихъ какъ большая часть произведеній В. С. Караджича, І. Вунча, І. Гавриловича, С. Милутиновича, Д. Медаковича, В. Петрановича, В. Якшича, Ю. Даничича, С. Новаковича и нѣкоторыхъ другихъ, сравнительно очень немного; но за то статей большихъ и малыхъ, разсыпанныхъ по разнымъ повременнымъ изданіямъ, по сборникамъ годичнымъ и мѣсячнымъ и по газетамъ, статей болѣе или менѣе дѣльныхъ и нужныхъ, написанныхъ со знаніемъ дѣла и отчетливо, огромное количество. Чтобы въ этомъ убѣдиться, довольно разсмотрѣть вышедшія доселѣ 43 Гласника Сербскаго Ученаго Общества. Правда, что ни въ какомъ другомъ повременномъ изданіи нѣтъ такого множества статей, необходимыхъ для того, кто изучаетъ Сербію и Сербовъ; но и въ самомъ Гласникѣ не разъ были указанія на то, что и въ другихъ сборникахъ есть такія же важныя статьи.

Чтобы не остаться при голословномъ утвержденіи знаменательной дѣятельности сербскихъ писателей по отношенію Сербіи и сербскаго народа, останавливаюсь на одномъ изъ нихъ, на Миланѣ Миличевичѣ, дѣятелѣ еще полномъ силъ и надеждъ, но до послѣдняго времени, до недавняго появленія его большой книги о Сербіи, не выходившаго рѣзко изъ ряду дѣятелей, какихъ между Сербами есть нѣсколько.

М. Ю. Миличевичъ, какъ и многіе другіе сербскіе писатели, началъ свою литературную дѣятельность переводами. Одни изъ нихъ имѣли цѣлью ознакомить съ нѣкоторыми изъ произведеній западной, преимущественно французской и русской литературы: другіе увеличить запасъ свѣдѣній о Сербіи и Сербахъ. Въ числѣ этихъ были переводы нѣкоторыхъ сочиненій А. Ѳ. Гильфердинга: Письма объ исторіи Сербовъ и Болгаръ (1857—1860), описаніе Босны (1859), о Славянскихъ народахъ въ Австріи (1859); изъ Убичини о Юріи Бранковичѣ (1870) и др. Одинъ изъ первыхъ опытовъ его собственной наблюдательности и размышленія былъ обзоръ задружнаго быта сербскихъ сельчанъ (Прегледъ

задружнога стяня Срба селяка. 1857 г. Гласникъ. IX: 145 [1]). Въ 1858—1859 гг. онъ издалъ нѣкоторые изъ своихъ трудовъ въ сборникѣ Часы отдыха (Часове одмора. I—III). Въ 1859 г. явилась его брошюра о Славянахъ въ Австріи и Турціи (неколико речи о Славенским народима у Аустрији и Турској), разсердившая австрійское правительство и запрещенная въ Австріи. Въ 1860 г. изданъ его историческій набросокъ о смерти Милана Обреновича и вступленіе кн. Михаила. Въ 1860 г. Миличевичъ завѣдывалъ изданіемъ Сербскихъ новинъ, газеты политической и литературной, и въ ней сталъ помѣщать свои труды. Въ 1862 г. и въ Новинахъ и отдѣльно изданы его замѣтки по пути черезъ пять округовъ Сербіи (Билежке узъ путъ крозъ петь окружія). Въ томъ же родѣ его письма съ пути (Путничка писма) отъ Зворника до Крушевца, изданныя въ 1865 г. Черезъ годъ послѣ этого (1867) вышли, кромѣ сообщеній меньшаго размѣра (каково о Васоевичахъ. Гласникъ XXII: 67) два его важные сборника наблюденій и изслѣдованій: одинъ о монастыряхъ въ Сербіи (Гласн. XXI и отдѣльно), другой о бытѣ сербскихъ селянъ (Гласн. XXII и отдѣльно). Довольно скоро послѣ этого (1868) вышло и еще одно его описаніе такого же рода, объ училищахъ въ Сербіи (Школе у Србији. Гласн. XXIV и отдѣльно), и Письма съ пути по разнымъ странамъ Сербіи о Сербіи (Путничка писма съ разнихъ страна Србіе о Сербии—въ литературно-научной газетѣ Вила. IV. и отдѣльно). Особенное, конечно не менѣе важное направленіе его литературной дѣятельности, соотвѣтствующее его служебной должности (перваго секретаря при министерствѣ народнаго просвѣщенія и церковныхъ дѣлъ), направленіе педагогическое, обогатившее его усердіемъ сербскую литературу нѣсколькими полезными книгами, какъ бы можно было подумать, отвлекло его отъ работъ по изученію Сербіи и Сербскаго народа [2]); но и нѣкоторыя небольшія работы (каковы напр. его второе собраніе замѣчаній о бытѣ сельчанъ. Гласникъ. XXXVII), а еще болѣе огромный трудъ, недавно изданный, доказали противное.

Книга эта, одна изъ очень замѣчательныхъ въ Сербской литературѣ даже по своему объему (81 печат. листъ въ большую 8-у), называется

КНЕЖЕВИНА СРБИЈА

ГЕОГРАФИЈА — ОРОГРАФИЈА — ХИДРОГРАФИЈА — ТОПОГРАФИЈА — АРХЕОЛОГИЈА—ИСТОРИЈА—ЕТНОГРАФИЈА—СТАТИСТИКА—ПРОСВЕТА—КУЛЬТУРА—УПРАВА.

(т. е. Княжество Сербія, (ея) географія, описаніе горъ, водъ, мѣстностей, ея древности, исторія, этнографія, статистика, просвѣщеніе и образо-

---

[1]) Задругою у Сербовъ называется союзъ нѣсколькихъ родственныхъ семей, живущихъ вмѣстѣ какъ одна семья и имѣющихъ одно общее хозяйство подъ управленіемъ одного старшины.

[2]) Съ 1868 г. онъ началъ издавать педагогическое повременное изданіе: Школа, лист за учителе родителе и децу, и помѣщать тамъ разныя педагогическія статьи и замѣтки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и издавать особыя книжки для дѣтей; въ 1871 году издалъ большую книгу: «Историја педагогије» и пр.

ванность, управленіе) [1]. Одно печатаніе этого произведенія (на счетъ правительства въ слѣдствіе разсмотрѣнія и одобренія особенной коммиссіи) должно было занять не мало времени; значительно болѣе времени нужно было употребить на приведеніе въ порядокъ и окончательную обработку данныхъ, которыя въ ней сообщены; еще болѣе времени нужно было для того чтобы собрать обширный запасъ данныхъ, которыя должны были войдти въ это произведеніе въ должной полнотѣ и должномъ соотвѣтствіи. Конечно, въ запасъ этотъ должно было войдти многое, такъ или иначе приготовленное другими, — и съ этой стороны обширный трудъ г. Миличевича очень пригоденъ какъ послѣднее доказательство того, что Сербы успѣли и съумѣли много сдѣлать по изученію своего отечества; но очевидно такъ же, что г. Миличевичь потрудился и самъ очень много, и смогъ дополнить разные пробѣлы и собрать въ народѣ разныя свѣдѣнія о бытѣ и обычаяхъ народа, о лицахъ, о событіяхъ, народу памятныхъ и т. д. Нельзя при этомъ не отмѣтить того, что, какъ г. Миличевичь самъ объяснилъ въ предисловіи, очень многіе изъ его соотечественниковъ ему помогли въ его трудѣ (означено болѣе 60 пособниковъ изъ разныхъ концевъ Сербіи, изъ чиновниковъ, даже изъ министровъ, изъ духовенства, изъ простыхъ гражданъ и сельчанъ).

Вся книга, за исключеніемъ предисловія съ оглавленіемъ и послѣсловія, съ указателемъ и дополненіями, раздѣлена на пять отдѣловъ — по Областямъ Княжества Сербскаго: А Шумадія (стр. 1—358, Б. Мачва (стр. 359—574), В. Рујно, Стари Влах, Рашка (стр. 575—770), Г. Тимочка Крајина (стр. 771—1014), Д. Браничево (стр. 1015—1143). Каждый изъ этихъ отдѣловъ начинается общимъ географико-статистическимъ, сводныхъ обозрѣніемъ области, и затѣмъ слѣдуетъ подробное описаніе отдѣльно каждаго округа, входящаго въ границы Области (въ Шумадіи отдѣльно о Бѣлградѣ). Такимъ образомъ, кромѣ двухъ самыхъ общихъ, въ предисловіи и заключеніи, касающихся всей Сербіи, и пяти частныхъ, касающихся каждой изъ пяти областей, сводныхъ географико-статистическихъ обозрѣній, въ книгѣ г. Миличевича помѣщено 18 отдѣльныхъ подробныхъ описаній—столицы княжества Бѣлграда и каждаго изъ 17 округовъ княжества. Эти отдѣльныя описанія составлены по совершенно одинаковому плану, такъ что ни въ одномъ изъ нихъ ни одинъ изъ частныхъ, напередъ составителемъ себѣ заданныхъ вопросовъ не опущенъ, и ни одному изъ отвѣтовъ не дано болѣе мѣста, чѣмъ бы можно было ожидать отъ правильной выдержки строя всего труда. Само собой разумѣется, что въ описаніе города Бѣлграда не могли войдти отвѣты на такіе вопросы, которые не касаются города, а нѣкоторые другіе явились въ другомъ видѣ. Въ описаніи Бѣлграда находимъ отвѣты по слѣдующимъ предметамъ: 1) природное положеніе Бѣлграда; 2) его исторія; 3) нынѣшній Бѣлградъ въ отношеніи стати-

---

[1]) Напечатана въ Бѣлградѣ въ концѣ 1876 г.: 8°. XXIV—1253 и два листка картъ.

стическомъ; 4) замѣчательные люди, умершіе и погребенные въ Бѣлградѣ; 5) замѣчательныя постройки и мѣстности въ Бѣлградѣ; 6) власти, управленіе и заведенія, преимущественно касающіяся просвѣщенія; 7) народныя пѣсни, въ которыхъ поминается о Бѣлградѣ. Каждый округъ описанъ съ слѣдующими подробностями: 1) границы и горы съ подробностями ихъ размѣщенія по округу; 2) воды, т. е. рѣки, рѣчки и потоки въ подробности отдѣльно, въ связи и по значенію; минеральныя воды, съ обозначеніемъ ихъ положенія и важности; 3) равнины съ подробностями о ихъ расположеніи, положеніи и особенностяхъ; 4) лѣса, ихъ положеніе, степень обилія и истребленія, ихъ качества; 5) горное богатство: металлы, камни, уголь, глины, песокъ; 6) остатки древности и старины по мѣстностямъ, гдѣ находятся, съ подробностями о нѣкоторыхъ болѣе важныхъ или сдѣлавшихся болѣе извѣстными; 7) жители: а) исторія края, б) извѣстія о замѣчательныхъ лицахъ, жившихъ въ этомъ краѣ или въ немъ родившихся, в) мѣстности, особенно почему нибудь замѣчательныя съ историческими свѣдѣніями, г) города, села, дома: топографико-статистическія данныя, д) занятія и состояніе жителей со статистическими данными, е) народная одежда жителей, мужская и женская, общая и особенная, ж) говоръ въ лингвистическомъ отношеніи: кое-какія важныя и неважныя замѣтки, з) пѣсни, игры, преданія и т. т. п., и) дѣленіе края въ отношеніи къ управленію и учрежденія по благоустройству, і) новыя постройки (дороги, церкви).

Изъ этого обозначенія вопросовъ, вошедшихъ въ книгу г. Миличевича, видно, что они вообще двухъ родовъ: одни — географо-статистическіе, другіе — историко-этнографическіе. Свѣдѣній и по тѣмъ и по другимъ вопросамъ дано очень много; но нельзя сказать, чтобы они правильно дополнялись одни другими. Географико-статистическія свѣдѣнія собраны, какъ видно, тщательно и расположены правильно; но едва-ли были для самого писателя занимательны на столько, чтобы онъ могъ увлекаться ихъ собираніемъ и обработкой. Нельзя того же сказать о свѣдѣніяхъ историко-этнографическихъ, за исключеніемъ только чисто лингвистическихъ: видимо, что этого рода свѣдѣнія были питательны для души писателя, что онъ каждымъ изъ нихъ дорожилъ, и не давалъ въ книгѣ мѣста развѣ только тѣмъ изъ нихъ, которыя или не касались родного ему народа, или же не могли быть даны равномѣрно по каждому изъ округовъ Сербіи, не считая вмѣстѣ съ тѣмъ нужнымъ касаться ни того что принадлежитъ общей исторіи Сербіи, ни тѣхъ чертъ нравовъ, быта и обычаевъ народа, которыя всюду въ Сербіи одинаковы. Свѣдѣнія историческія сообщены въ статьяхъ объ исторіи каждаго изъ округовъ, а болѣе частныя въ статьяхъ о мѣстностяхъ чѣмъ-нибудь памятныхъ и лицахъ замѣчательныхъ, въ народныхъ пѣсняхъ и ихъ объясненіяхъ, и въ припоминаніяхъ объ остаткахъ старины и древности. Въ этихъ историческихъ свѣдѣніяхъ нѣтъ почти ничего по исторіи древней и старинной Сербіи; очень немногое даже сказано о военныхъ событіяхъ прошедшаго вѣка и о томъ, что можно назвать ново-современнымъ; но за то очень многое и очень любопытное находимъ о лицахъ и событіяхъ времени Георгія Чернаго и Милоша Обреновича, времени освобожденія и первоначальнаго устроенія Сербіи. Какъ ни много напи-

сано объ этихъ лицахъ и событiяхъ и самими Сербами, начиная съ Вука С. Караджича, и не Сербами, начиная съ Ранке, все еще остается много недосказаннаго или неясно и невѣрно представляющихся воображенiю читателя сказанiй по недостатку подробностей, уясняющихъ сцѣпленiе обстоятельствъ и значенiе ихъ. Этими-то подробностями, ихъ собиранiемъ отъ самовидцевъ, отъ лицъ, бывшихъ близкими къ людямъ дѣйствовавшимъ, отъ ихъ родственниковъ и вообще отъ тѣхъ, которые по преданiю знаютъ чтобы-то ни было относящееся къ событiямъ означеннаго времени, г. Миличевичъ занялся съ увлеченiемъ и собранное имъ сообщилъ, насколько это было возможно, въ томъ самомъ видѣ, какъ ему было сообщено. Держась, повидимому, строго такого правила, онъ и не свелъ собранныхъ свѣдѣнiй въ общiе разсказы, а привелъ частные разсказы о лицахъ и событiяхъ, по мѣстностямъ, гдѣ эти лица дѣйствовали и событiя совершались. Такимъ образомъ о Карагеоргiи и Милошѣ сравнительно очень немногое внесено въ рядъ свѣдѣнiй о нихъ, какъ о замѣчательныхъ лицахъ,—одного по роду принадлежащаго Крагуевацкому округу,—другого по особеннымъ причинамъ отнесеннаго къ Рудницкому округу; и вмѣстѣ съ тѣмъ о томъ и о другомъ сообщено множество подробностей въ частныхъ разсказахъ о лицахъ и событiяхъ всѣхъ округовъ Сербiи. Передавая частные разсказы, г. Миличевичъ не охолодилъ ихъ мертвенными приличiями и украшенiями книжнаго языка, а старался сохранить ихъ жизненность вмѣстѣ съ живою силою народной рѣчи, силою владѣющей богатствомъ и словъ, и выраженiй, и образовъ ихъ сопоставленiй. Видно, что г. Миличевичъ владѣетъ знанiемъ и чутьемъ своего родного языка, такъ же какъ знанiемъ и чутьемъ цѣны того, что дорого его народу. Правда, что образъ изложенiя, принятый г. Миличевичемъ не легко поддается разумѣнiю иностранца; но онъ и писалъ не для иностранцевъ. Что касается до свѣдѣнiй этнографическихъ, то они не менѣе богаты различными подробностями о жилищахъ, одеждѣ, забавахъ, пѣсняхъ и т. д., но къ сожалѣнiю еще менѣе доступны тому, кто не близко знакомъ съ тѣмъ, что обще всѣмъ Сербамъ княжества и даже внѣ княжества живущимъ. Г. Миличевичъ какъ будто остерегался сказать то, что извѣстно и безъ него, и безъ помощи другихъ книгъ. Позволяю себѣ думать, что, несмотря на значительную близость высшихъ слоевъ сербскаго общества и жителей городовъ къ быту и обычаямъ селянъ, все-таки найдется, кажется, не очень мало и Сербовъ, которые менѣе знаютъ подробности сельскаго быта, чѣмъ заставляетъ предполагать книга г. Миличевича.

Какъ бы то ни было, эта книга—драгоцѣнный вкладъ не только въ литературу сербскую, но и въ обще-славянскую, если не болѣе, и вмѣстѣ съ тѣмъ (повторю сказанное выше) очень наглядное и живое доказательство успѣховъ Сербовъ въ отношенiи къ требованiямъ научнымъ вообще и особенно къ потребностямъ самопознанiя.

И. Срезневскiй,

дѣйствительный членъ императ. академiи наукъ.

СТАТИСТИКА.

Statystyka porównawcza Królewstwa Polskiego. Opracowana przez *Witolda Załęskiego*. Ludność i stosunki ekonomiczne. Warszawa. 1876. Cena Rsr. 4. (Сравнительная статистика Царства Польскаго Обработана Витольдомъ Залэнскимъ. Народонаселеніе и экономическія отношенія. Варшава. 1876).

По степени населенности, по состоянію промышленности, сельскаго хозяйства и наконецъ грамотности Царство Польское безспорно занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между остальными провинціями Россійской Имперіи. Мы не говоримъ уже о той особой важности, какую представляетъ для насъ этотъ край въ политическомъ отношеніи, какъ пограничный съ западною Европою и переходившій въ теченіи менѣе чѣмъ одного столѣтія уже нѣсколько разъ изъ рукъ однѣхъ державъ во власть другихъ. Не смотря на все это о Царствѣ Польскомъ до настоящаго времени у насъ менѣе извѣстно, чѣмъ о многихъ губерніяхъ Россіи, находящихся на значительно низшихъ ступеняхъ развитія. Ни въ русской, ни въ польской, ни тѣмъ менѣе въ иностранной литературѣ нѣтъ ни одного сочиненія, въ которомъ сколько нибудь обстоятельно было бы изслѣдовано состояніе привислинскаго края.

Это тѣмъ болѣе поражаетъ, что Царство Польское по организаціи своей оффиціальной статистики не только не уступаетъ остальной Россіи, но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже превосходитъ ее. Въ то время какъ въ Имперіи свѣдѣнія о состояніи народонаселенія до сихъ поръ собираются крайне несовершеннымъ образомъ посредствомъ составленія такъ называемыхъ ревизскихъ сказокъ относительно всѣхъ податныхъ классовъ общества, въ губерніяхъ Царства Польскаго, еще со времени существованія Варшавскаго Герцогства, были заведены постоянные текущіе реестры населенія, по которымъ во всякое время можно получить свѣдѣнія о немъ почти во всѣхъ отношеніяхъ. Это такъ называемыя *книги постояннаго и непостояннаго народонаселенія*, существующія пока въ немногихъ странахъ, но введеніе которыхъ во всѣхъ государствахъ было рекомендуемо Санктпетербургскимъ Международнымъ Статистическимъ Конгресомъ, какъ лучшее средство для правильной регистраціи народонаселенія. Мы не скажемъ, чтобы эти книги, въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ теперь, можно было выставлять за образецъ точности. Безъ сомнѣнія способъ веденія ихъ и особенно ежегодной провѣрки на практикѣ оставляютъ желать очень многаго. Но этотъ упрекъ не можетъ быть обращенъ исключительно къ книгамъ народонаселенія привислинскаго края. Подобной же неточностью, хотя быть можетъ въ нѣсколько меньшей степени, страдаютъ и книги народонаселенія Пруссіи, Бельгіи, Баваріи и Нидерландовъ. Иначе не зачѣмъ было бы этимъ странамъ прибѣгать къ однодневнымъ переписямъ, безъ которыхъ обходится Швеція, опредѣляя цифру своего народонаселенія единственно по подобнымъ же текучимъ реестрамъ. Точно также и регистрація движенія народонаселенія давно уже была усовершенствована въ губерніяхъ Царства Польскаго введеніемъ одновре-

менно съ Кодексомъ Наполеона, на мѣсто приходскихъ списковъ, такъ называемыхъ *актовъ гражданскаго состоянія*, составляющихся при условіяхъ, обезпечивающихъ большую точность и правильность въ констатированіи рожденій, браковъ и смерти, чѣмъ прежнія книги приходскаго духовенства. Судебная статистика была организована въ Привислинскомъ краѣ на болѣе или менѣе правильныхъ основаніяхъ тоже значительно ранѣе чѣмъ въ Имперіи. Данныя о состояніи промышленности, сельскаго хозяйства, торговли, путяхъ сообщенія, числѣ учащихся и проч. собирались также ежегодно за весь періодъ XIX столѣтія и нерѣдко обнародовались въ оффиціальныхъ польскихъ и русскихъ повременныхъ изданіяхъ.

Не смотря на довольно богатый запасъ свѣдѣній, собранныхъ въ различное время правительственными учрежденіями о различныхъ сторонахъ общественнаго быта и на нѣкоторыя значительныя преимущества даже въ самой организаціи оффиціальной статистики губерній Царства Польскаго предъ остальными провинціями Имперіи, научная разработка статистики Привислинскаго края до послѣдняго времени находилась почти въ непочатомъ состояніи. Вся статистическая литература по изслѣдованію этого края не болѣе еще какъ лѣтъ пять тому назадъ состояла изъ двухъ небольшихъ сочиненій на русскомъ языкѣ и нѣсколькихъ журнальныхъ и календарныхъ статей на польскомъ, съ присоединеніемъ къ нимъ не дурно составленныхъ краткихъ статистическихъ таблицъ, напечатанныхъ въ Варшавѣ Родецкомъ въ 1830 году и то сообщающихъ данныя за одинъ только 1827 годъ.

Изъ сочиненій первымъ по времени была „Статистика Царства Польскаго“ Завелѣйскаго, составленная по Высочайшему повелѣнію въ началѣ сороковыхъ годовъ (Спб. 1842). Въ нее вошли общія цифры народонаселенія съ распредѣленіемъ по вѣроисповѣданіямъ за періодъ начиная съ 1819 года, цифры движенія народонаселенія за послѣднее двухлѣтіе, нѣкоторыя данныя по судебной статистикѣ, крайне отрывочныя и не полныя свѣдѣнія о состояніи сельскаго хозяйства, промышленности и торговли и наконецъ описаніе городовъ и различныхъ государственныхъ и общественныхъ учрежденій въ Царствѣ, занимающее самое большое мѣсто въ книгѣ. Книга сама по себѣ небольшая (около 14 печатныхъ листовъ) и составлена очень небрежно. Авторъ напримѣръ не потрудился подвести итоговъ показываемыхъ имъ же самимъ цифръ народонаселенія городовъ и количества въ нихъ зданій за 1841 годъ, а предпочелъ взять эти итоги прямо изъ таблицъ Родецкаго за 1827 годъ и отнести ихъ къ 1841 году.

Вторымъ сочиненіемъ были „Географическіе и статистическіе очерки Царства Польскаго“ безъименнаго автора, напечатанные въ С.-Петербургѣ въ 1863 году типографіей Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи. Авторъ останавливается съ наибольшей подробностью на описаніи характера, почвы, рѣкъ, племеннаго состава населенія и городовъ; остальныхъ отдѣловъ статистики касается слегка, сообщая данныя большею частью за одинъ только 1860 годъ. Очерки составлены съ знаніемъ дѣла, но, согласно своему названію, по большинству вопросовъ ограничиваются сообщеніемъ только самыхъ необходимыхъ краткихъ свѣдѣній.

Въ семидесятыхъ годахъ русская статистическая литература по Цар-

ству Польскому обогатилась новыми двумя сочиненіями и то, впрочемъ, только по спеціальнымъ вопросамъ. Въ 1873 году было напечатано въ С.-Петербургѣ „Статистическое описаніе Царства Польскаго по отраслямъ промышленности, имѣющимъ значеніе для интендантскаго вѣдомства", составленное въ Интендантскомъ Управленіи Варшавскаго Военнаго Округа. Книга небольшая (9 печат. листовъ), сообщающая свѣдѣнія только за четырехлѣтіе съ 1867 по 1870 годъ включительно, но составлена очень обстоятельно на основаніи оффиціальнаго статистическаго матеріала, имѣвшагося въ распоряженіи интендантскаго вѣдомства.

Въ 1875 году вышли въ Радомѣ „Очерки экономическаго положенія крестьянъ въ губерніяхъ Царства Польскаго въ 1873 году. Статистическій сборникъ изъ 25 картъ съ краткимъ объясненіемъ, составленный подъ редакціей Анучина на основаніи оффиціальныхъ данныхъ". Изданіе очень роскошное и сообщающее драгоцѣнныя свѣдѣнія для оцѣнки современнаго положенія крестьянъ и выясненія того вліянія, которое оказали на нихъ великія реформы 1864 года. Къ сожалѣнію по цѣнѣ эти очерки совершенно недоступны для большинства читающей публики: съ атласомъ они стоятъ до 100 рублей. Г-ну же Анучину принадлежитъ помѣщеніе въ ежегодно выходящей „Памятной книжкѣ Радомской губерніи" извлеченія изъ всеподданнѣйшихъ губернаторскихъ отчетовъ всѣхъ начальниковъ губерній Царства Польскаго, начиная съ 1871 года.

Въ дополненіе къ перечисленнымъ трудамъ можно указать на нѣкоторыя общія сочиненія по статистикѣ для всей Россіи, какъ напр. на „Военно-статистическій сборникъ Обручева", на вышедшую недавно статистику Делиброна и нѣкоторыя другія, въ которыхъ встрѣчаются краткія статистическія свѣдѣнія о Царствѣ Польскомъ. Но и то, впрочемъ, далеко не всѣ общія сочиненія по статистикѣ Россіи касаются Привислинскаго края. Многія изъ очень солидныхъ ученыхъ изслѣдованій, какъ напр. всѣмъ извѣстныя „Объясненія Вильсона къ сельско-хозяйственному атласу Россіи, изданному Министерствомъ Госуд. Имуществъ", совершенно исключили изъ своего содержанія данныя по статистикѣ Царства Польскаго. Даже изъ оффиціальныхъ изданій С.-Петербургскаго Центральнаго Статистическаго Комитета нѣкоторыя данныя по Царству Польскому впервые были помѣщены „въ Статистическомъ Временникѣ" 1872 года и то преимущественно только касающіяся народонаселенія.

Еще менѣе богата польская литература трудами по статистикѣ привислинскаго края. Послѣ статистическихъ таблицъ Родецкаго кромѣ журнальныхъ статей ничего не печаталось на польскомъ языкѣ. Изъ статей же этихъ безспорно самое видное мѣсто занимаютъ „Матеріалы по статистикѣ Царства Польскаго" Людвига Вольскаго, бывшаго управляющаго Статистическимъ Отдѣленіемъ Правительственной Коммиссіи Вн. и Дух. Дѣлъ. Матеріалы эти печатались въ повременныхъ польскихъ изданіяхъ, преимущественно же въ „Календарѣ Варшавской Астрономической Обсерваторіи" за періодъ съ 1867 по 1871 годъ. Въ большинствѣ случаевъ авторъ не ограничивается простой передачей оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ, но стремится освѣтить ихъ сравнительнымъ сопоставленіемъ съ соотвѣтствующими данными для другихъ странъ. Одна изъ статей г. Вольскаго была переведена на русскій языкъ и помѣщена въ

„Вѣстникѣ С.-Петербургскаго Географическаго Общества" (т. XXVII, отд. III) подъ названіемъ „Статистика движенія народонаселенія Царства Польскаго съ 1816 по 1856 годъ включительно".

Въ общихъ сочиненіяхъ по статистикѣ на польскомъ языкѣ можно найти нѣкоторыя отрывочныя цифры для Царства Польскаго въ „Сравнительной статистикѣ главнѣйшихъ европейскихъ державъ" Козловскаго, довольно недурно составленной и напечатанной въ Варшавѣ въ 1849 году. Но страннымъ образомъ, ни въ этой статистикѣ, ни въ вышедшихъ позже сочиненіяхъ Марассе (О понятіи и задачѣ статистики. Краковъ. 1868) и Кожибскаго (Вступленіе въ теорію статистики. Историческій очеркъ развитія статистической науки. Варшава 1870), сообщающихъ довольно подробныя свѣдѣнія объ исторіи возникновенія и организаціи статистики въ различныхъ странахъ, начиная съ древнѣйшихъ временъ, нельзя найти въ тоже время ни малѣйшихъ указаній на этотъ предметъ для статистическихъ учрежденій Привислинскаго края. Собирались ли какія либо статистическія свѣдѣнія въ эпоху самостоятельнаго существованія въ Польшѣ, что было сдѣлано для статистики этой страны въ эпоху болѣе чѣмъ 15-лѣтняго господства въ ней Пруссіи и Австріи, за тѣмъ во время существованія „Варшавскаго Герцогства", созданнаго Наполеономъ I, и наконецъ послѣ образованія Вѣнскимъ конгрессомъ теперешняго Царства Польскаго — все это вопросы, о которыхъ ничего не упоминается въ польскихъ сочиненіяхъ, трактующихъ объ исторіи возникновенія и развитія статистики вообще.

Трудъ г. Залэнскаго, заглавіе котораго помѣщено въ началѣ этой статьи, тоже совершенно не касается исторіи статистики въ Привислинскомъ краѣ. Но онъ заслуживаетъ вниманія какъ первая и единственная книга на польскомъ языкѣ, спеціально посвященная сообщенію статистическихъ свѣдѣній по Царству Польскому. Не удивительно поэтому, что она имѣла большой успѣхъ въ польской литературѣ и вызвала во всѣхъ польскихъ журналахъ и повременныхъ изданіяхъ самые лестные отзывы.

При указанной только что нами крайней бѣдности статистической литературы польской и русской и при отсутствіи въ тоже время данныхъ по статистикѣ Царства Польскаго даже въ оффиціальныхъ изданіяхъ Центральнаго Статистическаго Комитета — безспорно, нельзя не привѣтствовать всякій трудъ, сообщающій ко всеобщему свѣдѣнію необнародованный статистическій матеріалъ, а тѣмъ болѣе, всякую попытку разработать этотъ матерьялъ научнымъ образомъ, путемъ сравнительнаго метода. Въ виду же еще такъ недавно совершившихся великихъ реформъ во всемъ общественномъ и экономическомъ строѣ Царства Польскаго, находящихся въ непосредственной связи съ реформами во всей Имперіи, для оцѣнки послѣдствій этихъ реформъ, матерьялъ, сообщаемый г. Залэнскимъ, пріобрѣтаетъ особенный интересъ не только въ глазахъ мѣстнаго населенія привислинскаго края, но и въ глазахъ мыслящихъ людей всей Россіи. Самъ авторъ въ предисловіи къ своей книгѣ ставитъ на первый планъ только что указанный нами интересъ сообщаемыхъ имъ свѣдѣній. „Мы постановили, говоритъ онъ, прежде всего остановиться на важнѣйшихъ отдѣлахъ статистики, касающихся народонаселенія и матерьяльныхъ интересовъ края, и затѣмъ замкнуться въ послѣднемъ десяткѣ лѣтъ, *чтобы видѣть какое*

вліяніе на народонаселеніе и его средства существованія оказали происшедшія перемѣны какъ общественныя, такъ и административныя".

Трудъ, выполненный г. Залэнскимъ, былъ задуманъ, какъ онъ говоритъ въ томъ же предисловіи, уже давно бывшимъ редакторомъ польскаго журнала „Экономистъ", г. Зоммеромомъ. Онъ первый созналъ всю необходимость такого труда и просилъ г. Залэнскаго о содѣйствіи ему въ выполненіи его; но тяжкая болѣзнь не позволила ему осуществить своихъ намѣреній и вскорѣ затѣмъ свела въ могилу. Такимъ образомъ статистика г. Залэнскаго, по заявленію самого автора, является не книгой написанной на скорую руку, но трудомъ, вся важность задачъ котораго была сознана авторомъ. Посмотримъ же насколько удалось ему достигнуть своей цѣли и къ какимъ выводамъ пришелъ онъ при разсмотрѣніи „вліянія на народонаселеніе и его средства существованія происшедшихъ въ послѣднее десятилѣтіе общественныхъ и административныхъ перемѣнъ".

Какъ на главный источникъ, изъ котораго г. Залэнскій черпалъ содержаніе своей статистики, онъ указываетъ на губернаторскіе всеподданнѣйшіе отчеты. Понятно, что такое пользованіе статистическимъ матеріаломъ изъ первыхъ рукъ должно придавать книгѣ г. Залэнскаго особый интересъ новизны и достовѣрности. Съ другой стороны, многіе пробѣлы въ ней должны объясняться пробѣлами въ этомъ матеріалѣ. Поэтому въ предисловіи же авторъ останавливается на общей характеристикѣ содержанія губернаторскихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ и указываетъ ихъ слабыя стороны. „Къ слабымъ сторонамъ этихъ отчетовъ слѣдуетъ отнести, говоритъ г. Залэнскій, недостатокъ въ большей части ихъ свѣдѣній о народонаселеніи губерній, о раздѣленіи его по полу и возрасту, о размѣщеніи его по отдѣльнымъ уѣздамъ; но что особенно странно о раздѣленіи его по мѣсту жительства на народонаселеніе городовъ и селъ, нельзя найти цифръ почти ни въ одномъ изъ отчетовъ, не смотря на то, что въ таблицахъ движенія народонаселенія и въ нѣкоторыхъ другихъ дѣлается постоянно различіе между случаями, относящимися къ городскому населенію и случаями относящимися къ сельскому населенію. Возрастъ умершихъ и вступившихъ въ бракъ показывается только въ нѣкоторыхъ губерніяхъ. Рѣдко въ какомъ отчетѣ можно найти свѣдѣнія о количествѣ пахатной земли и другихъ угодій. Въ цифрахъ сельско-хозяйственной производительности совершенно не указывается количества сѣна собираемаго съ луговъ; производство гороху, проса и сурѣпицы соединено подъ общей рубрикой „другихъ яровыхъ хлѣбовъ; о производствѣ льна и конопли совершенно нѣтъ никакихъ свѣдѣній; производство свекловицы показано только для одной Варшавской губерніи. Напрасно мы искали въ тѣхъ же отчетахъ свѣдѣній о количествѣ казенныхъ лѣсовъ и доходовъ съ нихъ. Нѣтъ также свѣдѣній о состояніи казеннаго горнозаводства". Затѣмъ, г. Залэнскій останавливается съ нѣкоторой подробностью на недостаточно осмотрительномъ сведеніи итоговъ въ губернаторскихъ отчетахъ и обиліи опечатокъ. Мы не будемъ слѣдовать за авторомъ „Сравнительной статистики Царства Польскаго" въ этомъ отношеніи; замѣтимъ только, что пробѣлы указанные имъ въ большинствѣ отчетовъ дѣйствительно существуютъ, за исключеніемъ впрочемъ перваго пробѣла — общей цифры народонаселенія губерній. Иначе откуда самъ г. Залэнскій взялъ бы цифры

его за 1872 и 1873 г. для каждой губерніи, помѣщенныя въ таблицѣ № 2? Недостатокъ общихъ цифръ народонаселенія, показываемыхъ въ губер. отчетахъ, только тотъ, что нѣкоторыя изъ этихъ цифръ основаны не на непосредственной провѣркѣ въ началѣ каждаго года книгъ постояннаго и непостояннаго народонаселенія, какъ требуется Инструкціею Совѣта Управленія отъ 11 (23 февраля) 1865 года, организовавшею въ новѣйшее время эти книги, но на простой прибавкѣ къ цифрѣ народонаселенія предшествующаго года разности въ цифрѣ родившихся и умершихъ въ теченіи года. Понятно, что для тѣхъ губерній, въ которыхъ такимъ путемъ опредѣляется количество народонаселенія, становится невозможнымъ вычисленіе быстроты *дѣйствительнаго* ежегоднаго приращенія народонаселенія отъ *естественнаго*, зависящаго исключительно отъ перевѣса числа родившихся надъ числомъ умершихъ. Между тѣмъ какъ знаніе быстроты приращенія того и другаго, отдѣльно взятыхъ, можетъ служить довольно важнымъ указаніемъ на болѣе или менѣе благопріятныя условія, въ которыя поставлено развитіе народонаселенія каждой губерніи.

Къ сожалѣнію, приведенное нами мѣсто изъ предисловія къ книгѣ г. Залэнскаго есть почти единственное, въ которомъ онъ дѣлаетъ общую характеристику и оцѣнку статистическаго матерьяла, бывшаго у него подъ рукой. Въ большинствѣ случаевъ, особенно при сравнительномъ сопоставленіи новѣйшихъ статистическихъ данныхъ съ данными за прежніе годы, авторъ не только не относится критически къ матерьялу, изъ котораго онъ черпалъ содержаніе своей книги, но даже не даетъ никакихъ историческихъ указаній на возникновеніе его и характеръ, безъ чего этотъ матерьялъ теряетъ нерѣдко всякую свою научную цѣнность. Такъ, первой статистической таблицей, помѣщенной въ книгѣ г. Залэнскаго, служатъ цифры народонаселенія Царства Польскаго за всѣ годы, начиная съ 1816 г. по 1873 годъ включительно съ пропускомъ почему-то цифръ въ промежутокъ между 1816 и 1829 годомъ. Соотвѣтственно большей или меньшей быстротѣ приращенія и убыли народонаселенія въ различные годы, авторъ дѣлитъ все время, протекшее съ 1816 по 1873 годъ, на пять главныхъ періодовъ и показываетъ въ процентахъ или въ абсолютныхъ цифрахъ, какъ велика было прибыль или убыль населенія въ каждый изъ этихъ періодовъ. Изъ приводимыхъ имъ цифръ оказывается, что періодъ съ 1816 по 1829 годъ включительно превосходитъ всѣ послѣдующіе періоды по необыкновенно большой быстротѣ приращенія народонаселенія. Въ это время, по вычисленію автора, народонаселеніе Царства Польскаго ежегодно возрастало въ среднемъ выводѣ по 3,3%. Въ слѣдующій за этимъ періодъ отъ 1831 по 1846 годъ включительно ежегодная прибыль населенія простиралась всего только до 1,73%, слѣдовательно уменьшилась почти въ два раза. Для остальныхъ періодовъ авторъ не вычисляетъ процентовъ, а указываетъ прямо, что съ 1847 по 1855 годъ включительно была убыль населенія, простиравшаяся до 193,260 душъ обоего пола; съ 1856 по 1862 годъ — прибыль въ 298,324 души и наконецъ съ 1863 по 1873 годъ — прибыль на 1.426,600 человѣкъ [1]). Вычисливъ

---

[1]) Г. Залэнскій приводитъ слѣдующія цифры народонаселенія за крайніе годы каждаго изъ періодовъ: Въ 1816 году 2.717,287 душъ; въ 1829 году 4 137,634

на основаніи этихъ цифръ проценты ежегоднаго приращенія народонаселенія въ три послѣдніе періода для сравнительнаго сопоставленія съ процентами предшествующихъ періодовъ, мы получимъ за время отъ 1844 по 1855 годъ среднюю ежегодную убыль населенія въ 0,44%, въ періодъ отъ 1856 по 1862 годъ включительно ежегодную прибыль въ 0,89% и наконецъ въ послѣдній одинадцатилѣтній періодъ, заканчивающійся 1873 годомъ, ежегодную прибыль въ 2,6%. Такимъ образомъ какъ ни велика ежегодная прибыль народонаселенія Царства Польскаго въ послѣдній періодъ, она все-таки далеко уступаетъ ежегодной прибыли въ первый періодъ съ 1816 по 1830 годъ. Но процентъ ежегоднаго приращенія народонаселенія въ первый періодъ (въ 3,3), показанный г. Залэнскимъ, самъ по себѣ такъ великъ, что съ перваго взгляда поражаетъ своей несообразностью и потому долженъ былъ бы побудить автора вникнуть основательнѣе въ цифры населенія, приводимыя имъ за 1816 и 1829 годы, и рѣшить, не кроется ли въ нихъ серіозной погрѣшности. Если бы г. Залэнскій сколько-нибудь былъ бы послѣдователенъ въ примѣненіи сравнительнаго метода къ разсматриваемымъ въ его книгѣ вопросамъ и привелъ бы проценты ежегодной прибыли населенія въ другихъ странахъ для тѣхъ же самыхъ періодовъ, на которые онъ распредѣлилъ движеніе народонаселенія въ Царствѣ Польскомъ, то онъ увидѣлъ бы, что ни въ одинъ изъ этихъ періодовъ ни одна изъ европейскихъ странъ не представляетъ примѣровъ подобнаго громаднаго ежегоднаго приращенія населенія, какое вычислено авторомъ для Царства Польскаго за время отъ 1816 по 1830 годъ.

Различныя европейскія страны отличались слѣдующей быстротой возрастанія народонаселенія за время, ближайшее къ эпохѣ отъ 1816 по 1830 годъ [1]).

Страны.	Годы.	Цифра населенія.	Процентъ приращенія за весь періодъ.	Ежегодный процентъ приращенія.
Пруссія . . .	1816	10.349,031		
„ . . .	1831	13.038,960	25,99	1,73
Австрія . . .	1819	30.479,776		
„ . . .	1827	33.507,316	9,93	1,24
Великобританія безъ Ирландіи	1811	12.050,120		
Великобританія.	1831	16.364,893	35,86	1,79
Франція . . .	1821	30.461,875		
„ . . .	1831	32.569,223	6,93	0,69
Сардинія . .	1819	3.419,538		
„ . .	1830	3.992,490	16,75	1,12
Норвегія . .	1815	883,038		
„ . .	1825	1.051,318	19,05	1,90

душъ; въ 1831 году 3.762,003; въ 1846 году 4.867,129; въ 1847 г. 4.857,700; въ 1855 г. 4.673,869; въ 1856 г. 4.696,919; въ 1862 г. 4.972,193; въ 1863 г. 4.986,230; въ 1873 г. 6.398,793.

[1]) Цифры народонаселенія для большинства странъ мы беремъ изъ «Allgemeine Bevölkerungsstatistik» von *Wappäus*, т. I, стр. 127—130. Проценты же вычислили сами.

Страны.	Годы.	Цифра населенія.	Процентъ приращенія за весь періодъ.	Ежегодный процентъ приращенія.
Швеція . . .	1815	2.465,066		
„ . . .	1825	2.771,252	12,44	1,24

Въ мелкихъ германскихъ государствахъ около же этого времени ежегодный прироcть народонаселенія колебался между 0,70 какъ minimum'омъ и 1,79, какъ maximum'омъ, встрѣчавшимся въ одной только Саксоніи [1]). Если авторъ „Сравнительной статистики Царства Польскаго" не хотѣлъ взять на себя труда вычислить только что приведенные нами проценты для сравнительнаго сопоставленія ихъ съ соотвѣтствующими процентами для Царства Польскаго, то у него была подъ рукою Statistique de la France Мориса Блока, изъ которой онъ черпалъ значительную часть статистическихъ данныхъ для иностранныхъ государствъ по другимъ менѣе важнымъ вопросамъ статистики народонаселенія. Изъ процентовъ быстроты приращенія народонаселенія, вычисленныхъ въ статистикѣ Блока для многихъ государствъ [2]), онъ могъ бы видѣть, что ни одно изъ нихъ въ теченіи всего XIX столѣтія не представляло такого невѣроятно большаго процента ежегодной прибыли населенія, какой вычисленъ г. Залэнскимъ для Царства Польскаго за время до 1830 года.

Еще правильнѣе было бы сопоставить въ этомъ отношеніи привислинскій край съ сосѣдними ему провинціями Австріи и Пруссіи съ почти одинаковымъ племеннымъ составомъ народонаселенія, т. е. съ Галиціей и Познанью. Въ Галиціи въ 1819 году народонаселеніе состояло изъ 3.854,029; въ 1828 году оно увеличилось до 4.435,435 [3]); слѣдовательно ежегодная прибыль населенія была не свыше 1,48. Въ Познани въ 1816 году народонаселеніе состояло изъ 575,341 души обоего пола; въ 1831 г. оно возрасло до 703,047 душъ [4]); слѣдовательно ежегодный процентъ приращенія за это время былъ 1,48.

Возможно ли послѣ этого, чтобы въ Царствѣ Польскомъ приращеніе населенія простиралось до 3,3% въ годъ! Г. Залэнскій этого сопоставленія не дѣлаетъ, хотя по другимъ, нерѣдко мелочнымъ вопросамъ, сравненія съ Галиціей у него преизобилуютъ на всякомъ шагу.

Г. Залэнскій имѣлъ другое еще средство убѣдиться въ ошибочности принятой имъ цифры. Чѣмъ поразительнѣе была величина процента ежегодной прибыли населенія, принятой имъ за періодъ до 1830 года, тѣмъ необходимѣе было для него прослѣдить на цифрахъ отдѣльныхъ годовъ, какъ именно совершилось это приращеніе. Между тѣмъ г. Залэнскій какъ будто нарочно пропускаетъ въ своей статистикѣ цифры народонаселенія Царства Польскаго за всѣ промежуточные годы между 1819 и 1829 го-

---

[1]) См. *Viebahn*. Statistik des zollvereinten und nördlichen Deutschlands, Berlin. 1862, томъ 2-й, стр. 40.

[2]) См. *M. Block*. Statistique de la France comparée avec les divers pays de l'Europe. Paris. 1875, т. I, стр. 36—42.

[3]) *Becher*. Die Bevölkerungs-Verhältnisse der österreichischen Monarchie. Wien. 1846, стр. 293.

[4]) *Meitzen*. Die Boden-und die landwirthschaftlichen Verhältnisse des Preussischen Staates. Berlin. 1868, томъ I, стр. 331.

домъ, чѣмъ лишаетъ читателя всякой возможности убѣдиться въ степени основательности сдѣланнаго имъ вычисленія быстроты приращенія народонаселенія за этотъ періодъ. Такой пропускъ тѣмъ болѣе страненъ, что цифры за эти годы помѣщены въ тѣхъ же самыхъ источникахъ, изъ которыхъ взяты г. Залэнскимъ цифры за послѣдующіе годы по 1859 г., т. е. изъ „Матеріаловъ по статистикѣ Царства Польскаго" г. Вольскаго и изъ статистики, изданной по Высочайшему повелѣнію, г. Завелѣйскаго. Въ нихъ указывается количество народонаселенія въ Царствѣ Польскомъ въ 1819 году въ 3.538,718; въ 1820 году въ 3.420,355; въ 1821 г. въ 3.612,040; въ 1822 г. въ 3.658,729; въ 1823 г. въ 3.704,306 и т. д. Если бы авторъ привелъ эти цифры, то онѣ само собою легко разсѣяли бы недоразумѣніе и указали бы на недостовѣрность цифры за 1816 годъ, приводимой имъ. Народонаселеніе ежегодно возрастало отъ 1819 по 1830 годъ, какъ видно изъ этихъ цифръ, не болѣе какъ по 70,000 въ годъ, или по 2,03 процента въ среднемъ выводѣ. Въ теченіи всего этого десятилѣтняго періода оно увеличилось всего только на 698,916 душъ. По цифрѣ же народонаселенія, принятой г. Залэнскимъ за 1816 годъ, въ 2.717 287 душъ, въ одинъ только трехлѣтній періодъ отъ этого года по 1819 г. народонаселеніе увеличилось бы на 721,431 человѣка, т. е. болѣе чѣмъ по 240,000 ежегодно или 8,8 процента въ годъ въ среднемъ выводѣ! Возможно ли и вѣроятно ли это явленіе? Это такая несообразность, что при сколько нибудь критическомъ отношеніи къ статистическому матерьялу, она бросается сама собою въ глаза каждому.

За 1816 годъ есть указаніе цифры населенія въ Царствѣ Польскомъ болѣе вѣроятной, чѣмъ принятая г. Залэнскимъ, но въ сочиненіи, повидимому, совершенно неизвѣстномъ послѣднему. Въ 1816 году была напечатана на польскомъ языкѣ въ г. Бреславлѣ талантливой рукой составленная книга безъименнаго автора подъ именемъ „Краткаго Географическаго Сборника Царства Польскаго". Въ ней опредѣляется количество народонаселенія только-что возникнувшаго тогда на вѣнскомъ конгрессѣ Царства Польскаго въ 3.195,397 душъ обоего пола [1])—цифра, безъ сомнѣнія, болѣе вѣроятная, хотя то-же болѣе или менѣе гадательнаго качества. Если бы г. Залэнскій взялъ на себя трудъ ознакомиться съ исторіей развитія статистики въ привислянскомъ краѣ, съ тѣмъ, какъ и когда стали собираться статистическія свѣдѣнія въ немъ, то онъ увидѣлъ бы, что сколько нибудь вѣрныхъ цифръ народонаселенія Царства Польскаго и нельзя искать ранѣе 1818 года, а слѣдовательно нельзя и основывать на цифрахъ за предшествующіе годы сколько нибудь солидные научные выводы.

Хотя въ 1810 году и была произведена въ Варшавскомъ Герцогствѣ народная перепись для составленія вводившихся тогда постоянныхъ текущихъ реестровъ или книгъ народонаселенія, но вслѣдствіе военныхъ бурь, посѣтившихъ это герцогство во время наполеоновскихъ войнъ, книги эти

---

[1]) «Po odradnieniu w tym roku od Polski departamentu Poznańskiego i Bydgŏstkiego, говорится въ этой книгѣ, ludność teraźnieyska królestwa Polskiego wynosi do 3.195,397». См. Krótki zbiór jeografii królestwa Polskiego. Wroçlaw. 1816, стр. 25.

съ 1812 года перестали ежегодно провѣряться и пришли въ крайне безпорядочное состояніе. Вообще съ 1812 по 1818 годъ почти никакихъ статистическихъ свѣдѣній въ привислинскомъ краѣ не собиралось вслѣдствіе неурядицы того времени. Въ 1818 году было повелѣно составить новыя книги народонаселенія, которыя съ 1819 года и провѣрялись ежегодно. На основаніи этой провѣрки получаемыя ежегодно цифры народонаселенія дошли до насъ за все время до 1830 года. Не довѣрять достовѣрности этихъ цифръ мы не имѣемъ никакого основанія. По этимъ же цифрамъ ежегодный приростъ народонаселенія простирался всего только до 2,03%, слѣдовательно на ½ процента менѣе, чѣмъ въ современный намъ послѣдній періодъ отъ 1862 по 1874 годъ, когда это приращеніе простиралось до 2,6%. Правда, что и на величину этого процента не осталось безъ вліянія улучшеніе книгъ народонаселенія вслѣдствіе генеральной ревизіи ихъ, предпринятой въ 1865 и 1866 годахъ, такъ что въ сущности теперешній процентъ ежегоднаго приращенія населенія немногимъ превышаетъ процентъ періода до 1830 года. Тѣмъ не менѣе движеніе народонаселенія отъ 1819 по 1830-й годъ является въ очень неблагопріятномъ свѣтѣ въ сравненіи съ движеніемъ его въ настоящее время, если мы вспомнимъ, что до 1830 года быстрота приращенія народонаселенія обусловливалась чисто искусственными поощреніями со стороны правительства. Всѣ люди женатые освобождались тогда отъ рекрутской повинности, что побуждало большинство мужескаго народонаселенія жениться возможно ранѣе. На это обстоятельство, какъ на главную причину тогдашней быстроты приращенія народонаселенія, указывается во многихъ рѣчахъ и докладахъ, читанныхъ на сеймахъ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ графомъ Мостовскимъ. Притомъ нельзя забыть и то, что послѣ опустошительныхъ войнъ Наполеона I-го почти во всѣхъ европейскихъ странахъ до 1830 года замѣчается нѣсколько большая быстрота ежегоднаго приращенія народонаселенія, чѣмъ въ послѣдующіе періоды. Царство Польское не представляло въ этомъ случаѣ исключенія изъ общаго правила. Кромѣ того, благодаря значительнымъ привилегіямъ и субсидіямъ, раздававшимся тогда въ привислинскомъ краѣ щедрою рукою иностранному промышленному населенію, соглашавшемуся на переселеніе въ него, это населеніе могло приливать постоянно въ губерніи Царства Польскаго и быстро поднять въ нихъ развитіе фабрикъ и ремеслъ. Вотъ единственныя причины, содѣйствовавшія тогда довольно большему ежегодному приращенію народонаселенія. Въ настоящее время всѣхъ этихъ причинъ не существуетъ. Правительство не поощряетъ искусственнымъ образомъ народонаселеніе къ вступленію въ бракъ. Напротивъ, теперешній періодъ отличается меньшею, чѣмъ когда либо цифрою ежегодно заключаемыхъ браковъ. И несмотря на это, народонаселеніе края растетъ теперь быстрѣе, чѣмъ когда либо, но растетъ не вслѣдствіе большой рождаемости, какъ прежде, а вслѣдствіе малой смертности, слѣдовательно, благодаря увеличенію средней продолжительности жизни. А это служитъ, какъ извѣстно, самымъ благопріятнымъ признакомъ въ движеніи народонаселенія, указывающимъ на серьезныя улучшенія въ благосостояніи края. Крестьянскія реформы 1864 года произвели столь коренныя улучшенія во всемъ общественномъ и экономическомъ быту сельскаго народонаселенія, что они не

замедлили повліять на движеніе его болѣе благотворнымъ образомъ, чѣмъ какія бы то ни было прежнія искусственныя поощренія его. Условія развитія промышленнаго населенія то же улучшились. Фабричная и ремесленная производительность шла быстро впередъ, но не вслѣдствіе субсидій и привилегій, раздававшихся иностранцамъ, а вслѣдствіе той внутренней солидарности, въ которой находится почти вездѣ развитіе сельскаго хозяйства съ развитіемъ промышленности.

Г. Залэнскій не признаетъ, повидимому, благотворнаго вліянія на развитіе привислинскаго края тѣхъ „общественныхъ и административныхъ перемѣнъ“, которыя произошли въ немъ въ послѣднее время и склоненъ думать, что онѣ повліяли довольно дурно на народонаселеніе и его средства существованія. Во второй главѣ своего труда, посвященной вопросу о движеніи народонаселенія, онъ дѣлаетъ изъ приводимыхъ имъ цифръ такіе общіе выводы, которые рисуютъ современный экономическій бытъ Царства Польскаго далеко въ не благопріятномъ свѣтѣ. Мы постараемся передать эти выводы, по возможности, его собственными словами.

Первый фактъ, констатируемый авторомъ „Сравнительной статистики Царства Польскаго“, въ теперешнемъ движеніи народонаселенія этого края, состоитъ въ сильномъ уменьшеніи рождаемости. „Сравнивая отношеніе числа ежегодныхъ рожденій къ числу народонаселенія въ три послѣдніе года (1871—1873), съ тѣмъ же отношеніемъ въ предшествующихъ годахъ, мы находимъ, говоритъ г. Залэнскій, значительное уменьшеніе рождаемости. Во всѣхъ годахъ, за которые только мы имѣемъ свѣдѣнія, это отношеніе было болѣе выгодно, чѣмъ теперь. На 100 жителей считалось рожденій въ 1827 году 4,60; въ 1838 году 4,40; въ 1840 г. 4,80; въ 1858 г. 4,90; въ 1862 г. 5,10 и въ 1863 г. 4,90; между тѣмъ какъ для трехъ послѣднихъ лѣтъ мы получили далеко меньшія числа: 4,31, 4,04 и 4,27“.

Еще большее уменьшеніе авторъ „Сравнительной Статистики“ показываетъ въ цифрѣ ежегодно заключаемыхъ браковъ по отношенію къ народонаселенію. На 100 жителей считалось браковъ 1,2 въ 1827 году; 0,9 въ 1838 году; 1,4 въ 1858 г. и 0,94 въ 1863 году. Между тѣмъ какъ въ три послѣдніе года отношеніе браковъ къ цифрѣ народонаселенія достигало только 0,75 въ 1871 году, 0,71 въ 1872 году и 0,73 въ 1875 году.

Сравнивая отношеніе числа браковъ къ народонаселенію въ Царствѣ Польскомъ съ таковымъ же отношеніемъ ихъ въ другихъ европейскихъ странахъ, авторъ показываетъ, что въ то время какъ въ Россіи болѣе всего совершается браковъ, привислинскій край занимаетъ по относительному количеству ихъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ ряду другихъ странъ, ибо въ немъ считается браковъ менѣе, чѣмъ въ среднемъ выводѣ для всей Европы, въ которой на 100 жителей приходится 0,86 браковъ или 1 бракъ на 116 жителей. „Въ Царствѣ же Польскомъ, замѣчаетъ г. Залэнскій, едва насчитывается 0,73 браковъ на 100 жителей или 1 бракъ на 138 жителей. Отношеніе гораздо лучше въ Галиціи, гдѣ одинъ бракъ приходится на 104 жителя; во Львовѣ по средней цифрѣ, выведенной за 16 лѣтъ (1857—1872), одинъ—на 106 или 0,94 браковъ на 100 жителей; точно также и въ Краковѣ одинъ бракъ приходится на 106 жителей“.

Переходя къ возрасту, въ которомъ заключаются браки, г. Залэнскій на основаніи цифръ, имѣющихся для Плоцкой, Радомской, Варшавской и Сѣдлецкой губерній за 1872 и 1873 годы, показываетъ, что въ привислинскомъ краѣ болѣе чѣмъ $^{3}/_{4}$ всего числа браковъ (именно отъ 74% до 88%) заключается мужчинами въ возрастѣ моложе 35 лѣтъ, а женщинами моложе 30 лѣтъ. Сравнивая процентъ вступившихъ въ бракъ въ этихъ возрастахъ въ 1872 году съ процентомъ ихъ въ 1873 году, онъ показываетъ уменьшеніе этого процента для послѣдняго года. Число мужчинъ, женившихся моложе 35 лѣтъ, въ Радомской губерніи низошло съ 85% до 81%, въ Варшавской съ 82% до 80%, въ Плоцкой съ 76% до 74%. „Подобное же уменьшеніе находимъ, говоритъ г. Залэнскій, и для женщинъ при сравненіи 1873 года съ предшествующимъ 1872 годомъ; *изъ этого можно заключить, что основаніе новыхъ семействъ съ каждымъ годомъ* (*corаз*) *становится болѣе и болѣе затруднительнымъ*" (стр. 45). Затѣмъ авторъ приводитъ проценты вступающихъ въ бракъ въ каждомъ возрастѣ для города Львова и показываетъ, что въ немъ большинство мужчинъ и женщинъ заключаютъ брачные союзы значительно позже, чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. Сравнивая же 1873 годъ съ предшествующими годами, онъ находитъ, что число мужчинъ, женившихся въ самыхъ молодыхъ лѣтахъ, т. е. 24 лѣтъ, уменьшилось во Львовѣ на 1,14%; число же мужчинъ, женящихся въ наиболѣе соотвѣтствующемъ возрастѣ отъ 24 до 30 лѣтъ, увеличилось на 7,69%, „*что есть*, заключаетъ онъ, *признакъ увеличивающейся съ каждымъ годомъ легкости заключенія супружескихъ союзовъ*".

Относительно распредѣленія браковъ по предшествующему семейному положенію лицъ, вступающихъ въ нихъ, въ статистикѣ г. Залэнскаго приходятся цифры только для двухъ губерній—Радомской и Варшавской, за 1872 и 1873 годы. На основаніи ихъ онъ дѣлаетъ слѣдующее заключеніе: „изъ нихъ видимъ, говоритъ онъ, что число браковъ между холостыми мужчинами и дѣвицами уменьшилось въ обѣихъ губерніяхъ и притомъ въ довольно значительной степени (въ Варшавской съ 69% до 64%, въ Радомской съ 70% до 62%), *что никакъ не служитъ признакомъ идущаго впередъ развитія и возвышенія народнаго благосостоянія*. За то увеличилось число другихъ категорій браковъ. Брачные союзы между вдовцами и дѣвицами увеличились съ 15% на 19% въ обѣихъ губерніяхъ и вдовцовъ со вдовами съ 9% на 10% въ Варшавской губерніи и съ 8% на 10% въ Радомской. *Свидѣтельствуетъ это о трудности основанія новыхъ семействъ*" (стр. 46). Въ противоположность этому, г. Залэнскій указываетъ на большое преобладаніе во Львовѣ и во Франціи браковъ между холостыми мужчинами и дѣвицами, простирающееся въ первомъ до 80,62% и во второй до 84,77%; между тѣмъ какъ въ городѣ Варшавѣ они составляютъ только 70%.

Самымъ важнымъ признакомъ народнаго благосостоянія статистиками принято считать большую или меньшую смертность народонаселенія. Вычисливъ отношеніе числа умершихъ къ народонаселенію въ 1871, 1872 и 1873 годахъ, г. Залэнскій заключаетъ, что „*смертность въ Царствѣ Польскомъ, повидимому, вообще возрастаетъ* (wogóle zdaje się powiększać), ибо одинъ умершій находился въ 1871 году на 41 жителя, въ 1872 г.

на 34 жителя и въ 1873 году на 27 жителей". Сравнивая же съ предшествующими періодами онъ находитъ, что смертность хотя и уменьшилась, но въ очень незначительной степени и то только вслѣдствіе уменьшенія рождаемости. „Въ 1827 году, говоритъ онъ, считался одинъ смертный случай на 28 жителей, въ 1840 г. на 34 жителя, въ 1858 г. на 31 и въ 1862 г. на 30 жителей. *Затѣмъ смертность 1873 года была больше смертности всѣхъ предшествующихъ лѣтъ*, ибо простиралась до одного случая на 27 жителей; смертность 1872 года была такою же, какъ въ 1840 году, т. е. одинъ умерщій на 34 жит., и только смертность 1871 года была наименьшею, простиралась до одного умершаго на 41 жителя" (стр. 47).

Такимъ образомъ движеніе народонаселенія въ Царствѣ Польскомъ за послѣдніе года далеко не доказываетъ, по мнѣнію г. Залэнскаго, благотворнаго вліянія на народонаселеніе и его средства къ существованію тѣхъ великихъ перемѣнъ, которыя произошли въ недавнее время въ общественномъ и административномъ быту привислинскаго края.

Читатель, даже мало знакомый съ статистическою наукою, легко можетъ замѣтить, на сколько поверхностны заключенія г. Залэнскаго, основанныя большею частью всего только на трехлѣтнемъ періодѣ съ 1871 по 1874 годъ и даже на двухлѣтнемъ съ 1872 по 1874 годъ. Это столь краткій промежутокъ времени, что дѣлать какіе бы то ни было общіе выводы изъ сравненія цифръ 1873 года съ цифрами 1872 и 1871 годовъ въ пользу или противъ улучшенія народнаго благосостоянія намъ кажется болѣе чѣмъ рискованнымъ. Въ статистикѣ цифры за тотъ или другой отдѣльно взятый годъ не имѣютъ особой важности; онѣ имѣютъ значеніе только для указанія случайныхъ и скоропреходящихъ обстоятельствъ, вліяющихъ въ томъ или другомъ направленіи на явленія, изучаемыя статистикой. Для статистики, какъ науки, важны только среднія цифры, выведенныя за цѣлый рядъ лѣтъ и при томъ на столько значительный, чтобы въ немъ могли уравновѣшивать другъ друга и нейтрализировать свою силу случайныя и скоропреходящія причины. Только на основаніи этихъ среднихъ цифръ можно составить понятіе объ обыкновенномъ состояніи общества, о причинахъ постоянно дѣйствующихъ на него и обусловливающихъ его развитіе. Если же кто нибудь изъ статистиковъ вздумалъ бы дѣлать общіе выводы, опираясь на цифры, взятыя случайно за отдѣльные годы, то онъ рисковалъ бы принять случайное, быть можетъ, впослѣдствіи крайне рѣдко встрѣчающееся состояніе, въ которомъ находилось общество въ тотъ или другой отдѣльно разсматриваемый имъ годъ, за нормальное состояніе; другими словами, онъ рисковалъ бы принимать отступленія отъ общаго правила за самое правило. Такой именно характеръ имѣютъ всѣ только что приведенные нами выводы г. Залэнскаго о движеніи народонаселенія въ Царствѣ Польскомъ за послѣдніе годы. Такъ г. Залэнскій заявляетъ нашему времени очень важный упрекъ въ томъ, что теперь дѣлается болѣе и болѣе труднымъ основаніе и содержаніе новыхъ семействъ. Доказательство этому онъ видитъ въ томъ, что процентъ браковъ заключаемыхъ мужчинами въ возрастѣ до 35 лѣтъ и женщинами до 30 лѣтъ уменьшился въ 1873 году сравнительно съ процентомъ ихъ въ 1872 году. Точно также, основываясь на

томъ, что процентъ браковъ между холостыми мужчинами и дѣвицами уменьшился въ 1873 году въ сравненіи съ предшествующимъ годомъ и увеличился въ тоже время процентъ прочихъ категорій браковъ, онъ замѣчаетъ, что это никакъ не служитъ признакомъ идущаго впередъ развитія края и возвышенія благосостоянія народонаселенія. Но два года — столь краткій промежутокъ времени, что на сравненіи цифръ ихъ другъ съ другомъ самое большое, что можно основать, — это объясненіе причинъ, дѣйствовавшихъ благопріятно или неблагопріятно въ каждый изъ этихъ годовъ въ отдѣльности, но никакъ не заключенія о ходѣ развитія вообще народонаселенія въ послѣднее время; ибо съ исчезновеніемъ этихъ временно дѣйствовавшихъ обстоятельствъ, цифры слѣдующихъ же годовъ могли легко показать всю неосновательность подобнаго заключенія. Это именно и случилось съ г. Залэнскимъ. Цифры распредѣленія браковъ по возрастамъ вступающихъ въ нихъ и по семейному положенію за 1874 и 1875 годы, не успѣвшія войти въ статистику его, представляютъ столь значительное увеличеніе процента браковъ въ возрастѣ мужчинъ до 35 лѣтъ и женщинъ до 30, а также браковъ между холостыми мужчинами и дѣвицами съ уменьшеніемъ процентовъ вторичныхъ и смѣшанныхъ браковъ, что всякаго рода предположенія о возрастающей съ каждымъ годомъ (coraz) трудности основанія новыхъ семействъ, а равно объ идущемъ назадъ развитіи народнаго благосостоянія разлетаются сами собою въ пыль. Дѣйствительно, въ 1873 году число мужчинъ, вступающихъ въ бракъ до 35-лѣтняго возраста, уменьшилось въ Варшавской губерніи съ 82%, какъ въ предшествующемъ году, до 80%; но за то въ слѣдующемъ же 1874 году оно снова возвысилось до 82%, а въ 1875 году даже почти до 85% (84,79); въ Радомской губерніи уменьшившись съ 85% до 81% въ 1873 году, возвышается въ 1874 году до 83%, а въ 1875 г. даже до 86%; въ Плоцкой губерніи послѣ уменьшенія съ 76% до 74% увеличивается въ 1874 году до 75%, а въ 1875 году почти до 79% (78,86). [1]) Подобнымъ же образомъ въ 1874 и 1875 годахъ возрастаетъ процентъ женщинъ, вступающихъ въ бракъ до 30 лѣтъ въ сравненіи съ предшествующими двумя годами.

Тоже явленіе повторяется и съ браками по семейному положенію лицъ, вступающихъ въ нихъ. Число браковъ между холостыми мужчинами и дѣвицами уменьшившись въ Варшавской губерніи съ 67% до 64% въ 1873 году, въ слѣдующіе два года снова увеличивается, достигая въ 1874 году 68% и въ 1875 году даже до 73%. Въ Радомской губерніи съ 62% въ 1873 году оно увеличивается до 64% въ 1874 году и 70% въ 1875 году. Соотвѣтственно этому конечно, уменьшаются въ два послѣдніе года проценты вторичныхъ и смѣшанныхъ браковъ.

Предположеніе г. Залэнскаго объ упадкѣ въ развитіи народнаго благосостоянія и возрастающей трудности содержанія семействъ, основанныя на уменьшеніи процента раннихъ и первичныхъ браковъ въ 1873 году,

---

[1]) Проценты вычислены нами на основаніи цифръ, помѣщенныхъ въ губернаторскихъ всеподданнѣйшихъ отчетахъ, которые послужили источникомъ за предшествующіе годы и для г. Залэнскаго.

тѣмъ болѣе странно, что ему не могло не быть извѣстнымъ посѣщеніе въ этомъ году губерній Царства Польскаго холерною эпидеміею. 1873 годъ былъ холернымъ годомъ, въ который эпидемія свирѣпствовала такъ сильно, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ этого края число умершихъ превысило даже число родившихся. Въ такіе эпидемическіе годы, понятно, что вслѣдствіе расторженія значительнаго количества браковъ смертью одного изъ супруговъ, многіе изъ только что овдовѣвшихъ супруговъ снова вступаютъ въ бракъ и слѣдовательно, увеличивая пропорцію вторичныхъ и смѣшанныхъ браковъ, уменьшаютъ этимъ самымъ процентъ первыхъ браковъ, т. е. между холостыми мужчинами и дѣвицами. Увеличеніе въ эпидемическіе годы процента вторичныхъ и смѣшанныхъ браковъ естественно влечетъ за собою уменьшеніе процента браковъ, заключаемыхъ въ раннихъ возрастахъ, ибо лица, успѣвшія уже овдовѣть и вторично вступающіе въ бракъ, конечно, находятся въ болѣе пожилыхъ лѣтахъ, чѣмъ большинство холостыхъ мужчинъ и дѣвицъ, заключающихъ между собою брачные союзы.

Точно также нельзя не удивляться какимъ образомъ у г. Залэнскаго одинъ и тотъ же фактъ уменьшенія процента браковъ въ раннихъ возрастахъ, служащій для народонаселенія Царства Польскаго признакомъ возрастанія трудности основанія новыхъ семействъ, для народонаселенія города Львова можетъ служить признакомъ постоянно увеличивающейся легкости вступленія въ бракъ. Для Львова г. Залэнскій доказываетъ эту легкость тѣмъ, что въ 1873 году относительное количество мужчинъ, женящихся въ слишкомъ молодомъ возрастѣ, именно до 24 лѣтъ, уменьшилось на 1,14°/о въ сравненіи съ предшествующими годами и увеличилось въ тоже время на 7,69°/о число мужчинъ женящихся въ наиболѣе соотвѣтствующемъ возрастѣ, отъ 24 до 30 лѣтъ (см. стр. 45). Если г Залэнскій потрудится заглянуть въ сдѣланныя имъ самимъ же въ таблицѣ № 17 вычисленія процентовъ мужчинъ, женившихся приблизительно въ тѣхъ же возрастахъ въ губерніяхъ Царства Польскаго въ 1873 году, и сравнитъ эти проценты съ соотвѣтствующими процентами для 1872 года, то онъ увидитъ, что именно въ тотъ же злополучный для Царства Польскаго 1873 годъ относительное количество мужчинъ, женившихся до 25 лѣтъ, точно также какъ и во Львовѣ уменьшилось, а женившихся въ наиболѣе соотвѣтствующихъ лѣтахъ отъ 25 до 30 увеличилось, тоже какъ и во Львовѣ. Въ Варшавской губерніи количество первыхъ уменьшилось именно на 7,47°/о, въ Плоцкой на 5,78°/о, въ Радомской на 5,96°/о. Относительное же колкчество вторыхъ, т. е. женившихся отъ 25 до 30 лѣтъ, увеличилось въ тоже время въ Варшавской губерніи на 4,89°/о и въ Плоцкой на 1,02°/о.

Нѣтъ сомнѣнія, что большое количество браковъ, заключаемыхъ въ самомъ раннемъ возрастѣ, особенно до 20 лѣтъ, не можетъ быть желательнымъ и выгоднымъ для народнаго благосостоянія. Статистикою доказано, что самые ранніе браки, именно до 20 лѣтъ, оказываютъ неблагопріятное вліяніе на народное здравіе, вызывая усиленную смертность между мужескимъ населеніемъ, вступающимъ въ нихъ [1]). Тѣмъ не менѣе

[1]) См. Annuaire de l'économie politique за 1859 годъ, стр. 10 и за 1875 годъ стр. 20.

большая пропорція ихъ сама по себѣ служитъ положительнымъ, а не отрицательнымъ признакомъ процвѣтанія страны, наравнѣ съ большимъ количествомъ браковъ, заключаемыхъ въ возрастѣ отъ 20 до 25 лѣтъ, такъ какъ она показываетъ все-таки присутствіе въ странѣ достаточнаго запаса средствъ къ содержанію вновь возникающихъ семействъ [1]). Г. Залэнскій можетъ смотрѣть другими глазами на этотъ вопросъ, видя въ уменьшеніи раннихъ браковъ въ городѣ Львовѣ признакъ возрастающей легкости основанія новыхъ семействъ. Но логика требуетъ, чтобы онъ по крайней мѣрѣ держался того же правила и для Царства Польскаго. Иначе какимъ образомъ одно и тоже явленіе для Галиціи будетъ доказывать одно, а для губерній Царства Польскаго другое?

Что касается указываемаго г. Залэнскимъ большаго процента во Львовѣ и во Франціи браковъ, заключаемыхъ между холостыми мужчинами и дѣвицами, и малаго процента ихъ въ Варшавѣ и губерніяхъ Царства Польскаго, то это есть, повидимому, результатъ вліянія большаго количества преждевременныхъ браковъ, которымъ отличается Царство Польское вмѣстѣ съ остальной Россійской Имперіей отъ всѣхъ европейскихъ странъ. Россія съ Царствомъ Польскимъ занимаютъ первое мѣсто въ ряду европейскихъ странъ по наибольшему количеству преждевременныхъ и раннихъ браковъ, которое само по себѣ считается въ статистической наукѣ за положительный, а не отрицательный признакъ народнаго благосостоянія. Тѣмъ не менѣе это не остается безъ вліянія на большой процентъ вторичныхъ и смѣшанныхъ браковъ, ибо преждевременные браки часто и рано расторгаются смертью одного изъ супруговъ. Вторичное вступленіе въ бракъ значительнаго количества рано овдовѣвшихъ супруговъ, понятно, должно вліять на уменьшеніе процента брака между холостыми мужчинами и дѣвицами. Эту связь большаго колиества преждевременныхъ браковъ съ малымъ количествомъ первыхъ браковъ можно легко прослѣдить и на распредѣленіи браковъ по семейному положенію лицъ вступающихъ въ нихъ по отдѣльнымъ провинціямъ Австріи. Галиція, Буковина и Далмація отличаются самымъ большимъ количествомъ преждевременныхъ браковъ и въ то же время самымъ большимъ количествомъ браковъ между овдовѣвшими супругами, что конечно отзывается на маломъ процентѣ первыхъ браковъ, т. е. между холостыми мужчинами и дѣвицами. Во всей Галиціи пропорція браковъ между холостыми мужчинами и дѣвицами не превышаетъ той же пропорціи для губерній Царства Польскаго. Въ періодъ съ 1859 по 1868 годъ, по оффиціальнымъ статистическимъ даннымъ, эти браки въ среднемъ выводѣ составляли всего только 69% всего числа браковъ. Если во Львовѣ они достигали 80%, какъ указываетъ г. Залэнскій, то это есть уже результатъ особыхъ условій, въ которыя поставлено развитіе городскаго населенія. Населеніе города Львова отличается значительно болѣе позднимъ вступленіемъ въ браки въ сравненіи съ населеніемъ остальной Галиціи. Въ то время какъ во Львовѣ преждевременные браки мужчинъ до 24 лѣтъ, по цифрамъ, приводимымъ г. Залэнскимъ, составляютъ 9,60% всего числа браковъ въ этомъ городѣ, во всей Галиціи, по оффи-

---

[1]) См. Wappäus. Bevölkerungsstatistik, томъ II-й, стр. 271.

ціальнымъ даннымъ за періодъ отъ 1859 по 1868 годъ, они составляли 23,07% [1]). Почему именно г. Залэнскій говоря о распредѣленіи браковъ по семейному положенію въ губерніяхъ Царства Польскаго приводитъ при сравненіи цифры для одного только города Львова, а не для всей Галиціи,—трудно рѣшить. Но нельзя не видѣть, что такого рода отрывочныя, не систематичныя сопоставленія цифръ для сравненія, какія дѣлаетъ постоянно г. Залэнскій въ своей книгѣ, не только не могутъ выяснять характера изучаемыхъ статистикою общественныхъ явленій каждой страны, но скорѣе затемняютъ его.

Это отсутствіе всякой системы въ примѣненіи сравнительнаго метода поражаетъ читателя почти на каждой страницѣ книги г. Залэнскаго не только тогда, когда онъ сравниваетъ состояніе Царства Польскаго въ какомъ нибудь отношеніи съ другими европейскими странами, но также и тогда, когда онъ сравниваетъ какія нибудь явленія общественнаго быта привислянскаго края за послѣдніе годы съ тѣми же самыми явленіями за прежніе годы. Понятно, что вслѣдствіе такого способа изложенія сравнительной статистики онъ приходитъ къ выводамъ крайне неправильнымъ. Такъ приводя цифры смертности за трехлѣтіе съ 1871 по 1873 годъ включительно и указывая на довольно значительное увеличеніе смертности въ послѣднемъ году въ сравненіи съ предшествующими годами, онъ заключаетъ, что „смертность вообще, повидимому, возрастаетъ въ Царствѣ Польскомъ“, ибо, говоритъ онъ, въ то время какъ въ 1871 году одинъ умершій приходился на 41 жителя, въ 1872 году онъ приходится на 34 жителя, а въ 1873 году на 27 жителей. Но г. Залэнскій не принимаетъ того въ соображеніе, что 1873 годъ былъ холернымъ годомъ. Про посѣщеніе холерою здѣшняго края въ 1873 году г. Залэнскій совершенно умалчиваетъ и строитъ свои выводы такъ, какъ будто бы это былъ нормальный годъ. Впрочемъ, авторъ „Сравнительной Статистики“ не ограничивается, какъ мы видѣли, сопоставленіемъ цифръ за 1873 годъ съ цифрами двухъ предшествующихъ лѣтъ. Онъ пытается провести сравнительную паралель между смертностью послѣднихъ лѣтъ и смертностью многихъ другихъ лѣтъ, взятыхъ изъ различныхъ періодовъ XIX вѣка. Указывая цифры смертности за 1827, 1840, 1858 и 1862 годы, онъ приходитъ къ заключенію, что *„смертность 1873 года была затѣмъ большею, чѣмъ во всѣ предшествующіе годы“*. Къ сожалѣнію, при этомъ г. Залэнскій не объясняетъ, какими научными соображеніями онъ руководился въ сопоставленіи цифръ смертности именно за эти годы, цифръ, приведшихъ его къ столь печальному заключенію о состояніи народнаго здравія въ 1873 г. Для того, чтобы общіе выводы имѣли научное значеніе, г. Залэнскому слѣдовало въ этомъ случаѣ сравнить цифру умершихъ въ 1873 году съ цифрами смертности не первыхъ попавшихся подъ руку лѣтъ, но именно съ смертностью тѣхъ лѣтъ, въ которыя тоже свирѣпствовала холерная эпидемія въ Царствѣ Польскомъ. Сравненіе цифръ умершихъ за эти годы показало бы ему, что въ сущности смертность 1873 года далеко не была столь сильною, чтобы примѣровъ, подобныхъ

---

[1]) См. *Glatter*. Oesterreich in Ziffern. Wien. 1872, стр. 40, таб. XVII.

ей, нельзя было найти ни въ одинъ изъ предшестьующихъ годовъ. Напротивъ, многіе изъ прежнихъ холерныхъ лѣтъ по смертности населенія привислинскаго края далеко оставляютъ позади себя 1873 г. Въ этомъ году число умершихъ превысило число родившихся только въ нѣкоторыхъ губерніяхъ (въ Кѣлецкой, Радомской); во всемъ же Царствѣ Польскомъ— была прибыль, хотя и небольшая, а не убыль населенія. Между тѣмъ какъ есть годы, въ которые во всемъ Царствѣ Польскомъ число умершихъ превышало число родившихся. Такъ именно было въ 1847, 1848, 1852, 1854 и 1855 годахъ. Въ это время смертность простиралась отъ одного умершаго на 26 жителей, какъ было въ 1847 году, до одного умершаго на 16 жителей, какъ было въ 1855 году. Г. Залэнскій не можетъ сказать, чтобы смертность этихъ лѣтъ ему не была извѣстна, такъ какъ въ предисловіи къ своей книгѣ онъ упоминаетъ про „Матеріалы по статистикѣ Царства Польскаго" г. Людвига Вольскаго, какъ объ одномъ изъ источниковъ, изъ котораго онъ черпалъ содержаніе своей „Сравнительной Статистики". Въ этихъ же матерьялахъ не только показаны цифры умершихъ въ Царствѣ Польскомъ почти за всѣ годы съ 1827 по 1860 годъ, но и вычислено отношеніе ихъ къ числу народонаселенія за каждый годъ. Какой же смыслъ имѣетъ въ такомъ случаѣ сопоставленіе г. Залэнскимъ смертности холернаго 1873 года съ смертностью нормальныхъ лѣтъ, указанныхъ имъ?

Еслибы г. Залэнскій дѣлалъ свои заключенія не на основаніи цифръ за отдѣльные годы, выхваченные произвольно изъ различныхъ періодовъ, а вывелъ среднія цифры за каждый періодъ особо и сравнилъ эти среднія цифры между собою, - что составляетъ единственно вѣрный способъ для правильныхъ умозаключеній въ статистической наукѣ, — то навѣрное онъ пришелъ бы къ совершенно инымъ выводамъ о движеніи народонаселенія въ Царствѣ Польскомъ въ послѣднее время въ сравненіи съ движеніемъ его въ предшествующіе періоды.

Ни въ одинъ изъ предшествующихъ періодовъ смертность въ Привислинскомъ краѣ не была столь мала, какъ въ настоящее время, начиная съ 1867 года, т. е. съ того именно времени, когда реформы 1864 года успѣли уже проявить свое благотворное вліяніе на развитіе края. Для настоящаго времени можно принять за среднюю ежегодную смертность въ Царствѣ Польскомъ 1 умершаго на 36 жителей. Такой небольшой средней ежегодной смертности не встрѣчалось ни въ одномъ изъ прежнихъ періодовъ, на которые дѣлитъ самъ же г. Залэнскій движеніе народонаселенія этого края (см. стр. 27). Въ двадцатыхъ годахъ текущаго столѣтія 1 умершій приходился на 27 жителей; въ послѣдующій періодъ до 1846 г. 1 умершій на 31 жителя; въ третій періодъ до 1856 года 1 умершій на 24 жителя и въ четвертый до 1862 года 1 умершій на 31 жителя. Объяснять столь значительное уменьшеніе смертности въ настоящій періодъ уменьшеніемъ рождаемости было бы несправедливо; ибо рождаемость хотя и уменьшилась, но сравнительно въ очень небольшой степени. За среднюю ежегодную рождаемость можно принять для послѣднихъ лѣтъ, начиная съ 1867 года, 1 рожденіе на 23 жителя. Въ двадцатыхъ годахъ одно рожденіе приходилось на 22 жителя, во второй періодъ — на 23 ж., въ третій на 25 ж., въ четвертый на 21 жителя. Именно вслѣдствіе того, что

рождаемость уменьшилась въ очень небольшой степени сравнительно съ очень большимъ въ то же время уменьшеніемъ смертности, средній ежегодный перевѣсъ въ числѣ родившихся надъ умершими достигъ въ настоящее время столь значительнаго maximum'а въ сравненіи съ прежними періодами, что подобное ему отношеніе можно встрѣтить только въ видѣ исключенія за очень немногіе изъ прежнихъ лѣтъ: на 100 умершихъ теперь приходится около 156 рождающихся, между тѣмъ какъ прежде приходилось всего только 130, какъ въ двадцатыхъ годахъ и 147 какъ въ послѣдующіе періоды — за исключеніемъ третьяго, заканчивающагося 1856 годомъ, когда была даже убыль въ населеніи. Отсюда понятно, что быстрота ежегоднаго естественнаго приращенія населенія настоящаго времени должна превышать быстроту прежнихъ періодовъ и при томъ превышать не вслѣдствіе усиленной рождаемости, а вслѣдствіе уменьшившейся смертности; что̀, какъ извѣстно, служитъ самымъ благопріятнымъ явленіемъ въ движеніи народонаселенія.

Изъ всѣхъ приведенныхъ нами выводовъ г. Залэнскаго о движеніи народонаселенія можно согласиться только съ однимъ: цифра ежегодно заключаемыхъ браковъ въ Царствѣ Польскомъ безспорно сильно уменьшилась въ послѣднее время въ сравненіи съ цифрами прежнихъ лѣтъ. Но чтобы такое уменьшеніе могло служить указаніемъ на ухудшеніе народнаго благосостоянія — этого не рѣшается утверждать даже и г. Залэнскій. Онъ констатируетъ только фактъ, оставляя его безъ всякихъ объясненій. Намъ кажется, что этотъ фактъ есть признакъ скорѣе благопріятный, чѣмъ неблагопріятный въ движеніи народонаселенія. Количество ежегодно заключаемыхъ браковъ въ странѣ служитъ до извѣстной степени выраженіемъ народной предусмотрительности. Предусмотрительность же бываетъ развита только въ народонаселеніяхъ, пользующихся значительной степенью зажиточности и усвоившихъ извѣстныя привычки къ комфорту жизни. Тамъ, гдѣ народонаселеніе бѣдно и предусмотрительность развита въ слабой степени, цифра ежегодно заключаемыхъ браковъ обыкновенно бываетъ очень велика. Профессоръ статистики въ вѣнскомъ университетѣ г. Нейманъ въ одной изъ своихъ замѣчательныхъ статей по сравнительной статистикѣ, помѣщенныхъ въ «Jahrbücher für National-Oekonomie und Statistik», издаваемомъ Бруно Гильдебрандомъ [2]), показываетъ, что въ Пруссіи провинціи съ наименѣе зажиточнымъ народонаселеніемъ, отличающимся наименѣе развитыми привычками къ удобствамъ жизни и наименьшей предусмотрительностью, отличаются обыкновенно большой рождаемостью, какъ послѣдствіемъ большаго количества ежегодно заключаемыхъ браковъ. Къ числу бѣднѣйшихъ провинцій Пруссіи онъ относитъ Познань и находитъ, что даже въ ней наибольшею рождаемостью отличаются бѣднѣйшія мѣстности съ мазуро-польскимъ населеніемъ. Подобная же связь степени зажиточности народонаселенія и его предусмотрительности съ большею или меньшею цифрою ежегодно заключаемыхъ браковъ была указана въ недавнее время другимъ австрійскимъ статистикомъ, г. Глаттеромъ, при

---

[1]) См. этотъ журналъ за 1872 годъ, статью Unsere Kenntnisse von den socialen Zuständen um uns, стр. 331—333.

сравненіи различныхъ провинцій Австріи. Сопоставляя количество косвенныхъ налоговъ, приходящихся на душу въ каждой изъ нихъ, также количество сберегательныхъ кассъ и величину вкладовъ въ нихъ сравнительно съ населеніемъ, этотъ статистикъ показываетъ, что Галиція, Буковина и Далмація отличаются самой малой цифрой косвенныхъ налоговъ, приходящихся въ среднемъ выводѣ на душу, что служитъ, конечно, признакомъ малой зажиточности народонаселенія этихъ провинцій. Судя же по очень малому числу въ нихъ сберегательныхъ кассъ, небольшому количеству вкладчиковъ и ничтожной цифрѣ вкладовъ, приходящихся въ среднемъ выводѣ на каждаго вкладчика, есть основаніе заключать, что населеніе этихъ провинцій отличается и самой слабой степенью предусмотрительности. Между тѣмъ цифра ежегодно заключаемыхъ въ нихъ браковъ оказывается самой большой. Такъ въ 11-тилѣтній періодъ съ 1858 по 1868 годъ заключалось въ Галиціи, по вычисленію Глаттера, 950 браковъ на каждые 100,000 жителей. Въ Нижней же Австріи, платящей самую высокую цифру косвенныхъ налоговъ сравнительно съ населеніемъ, обладающей самымъ большимъ количествомъ сберегательныхъ кассъ и при томъ съ вкладчиками, вносящими наиболѣе значительныя суммы (на каждаго жителя приходится въ среднемъ выводѣ 39 гульденовъ и 80 крейцеровъ вмѣсто 1 гульдена и 16 крейц., какъ въ Галиціи), количество ежегодно заключаемыхъ браковъ простирается всего только до 777 на каждые 100,000 жителей [1]).

Въ Россіи въ эпоху господства крѣпостнаго права предусмотрительность въ народныхъ массахъ была такъ слабо развита, что даже наступленіе неурожайныхъ и бѣдственныхъ годовъ, вызывающее обыкновенно въ западно-Европейскихъ государствахъ уменьшеніе цифры браковъ, у насъ нерѣдко не оказывало почти никакого вліянія въ этомъ отношеніи. На этотъ фактъ обратилъ вниманіе еще Рославскій-Петровскій въ своемъ извѣстномъ руководствѣ по сравнительной статистикѣ, указывая что въ Россіи въ неурожайный 1833 годъ было заключено браковъ почти столько же, какъ и въ благопріятный 1832 годъ; а въ роковомъ 1848 году, когда надъ Россіей разразилось разомъ три несчастія — повсемѣстный неурожай, цынготная болѣзнь на югѣ и холера въ большей части Европейской Россіи, такъ что число умершихъ превысило число родившихся на 332,000 человѣкъ—въ тоже время браковъ было заключено болѣе, чѣмъ когда либо.

Многими экономистами давно уже доказано, что ничто не содѣйствуетъ въ большей степени развитію предусмотрительности въ народныхъ массахъ, какъ обладаніе поземельной собственностью. [2]) Поэтому надѣлъ послѣ указа 19 февраля 1864 года, особенно при ограниченіи дробимости поземельной крестьянской собственности, не могъ не влiять благопріятно на развитіе предусмотрительности въ народонаселеніи Царства Польскаго, отозвавшейся уменьшеніемъ цифры браковъ. Къ этому

---

[1]) См. *Glatter*. Oesterreich in Ziffern, таблицы XIII и XIV.

[2]) Въ Россіи на бо́льшую цифру браковъ оказываетъ положительное вліяніе общинное владѣніе. *Ред.*

присоединилось еще особое обстоятельство, — введеніе съ 1867 года правильныхъ рекрутскихъ наборовъ. Послѣ окончанія Крымской войны и до самыхъ смутъ 1862 г. рекрутскихъ наборовъ совсѣмъ даже не производилось. Введеніе постоянныхъ наборовъ и при томъ такой системы, при которой каждое лицо, подлежащее конскрипціи, должно было до наступленія извѣстнаго возраста (27 лѣтъ) три раза въ различные последовательные сроки тянуть жребій и во все это время оставаться неувѣреннымъ въ своемъ освобожденіи отъ военной службы, многихъ удерживало отъ вступленія въ бракъ. Новая система рекрутскихъ наборовъ, такъ - называемая всеобщая повинность, введенная въ 1874 году, при которой для каждаго изъ конскриптовъ, вынувшаго разъ на 21-мъ году своей жизни жребій, опредѣляется ясно, въ главныхъ основаніяхъ, его положеніе относительно дѣйствительнаго несенія военной службы, не замедлитъ вызвать и, судя по цифрамъ браковъ, имѣющимся у насъ подъ рукою за 1874 и 1875 годы, успѣло уже вызвать значительное увеличеніе числа браковъ въ оба эти годы, особенно въ послѣдній [1]).

Но какъ ни похвально само по себѣ въ народонаселеніи воздержаніе отъ легкомысленнаго основанія новыхъ семействъ, тѣмъ не менѣе это воздержаніе, къ сожалѣнію, не обходится безъ нѣкоторыхъ неблагопріятныхъ послѣдствій. Оно вездѣ неизбѣжно вызываетъ увеличеніе незаконныхъ связей и незаконныхъ рожденій. Это увеличеніе числа незаконныхъ рожденій замѣчается и въ Царствѣ Польскомъ въ настоящее время въ сравненіи съ прежними годами, на что вполнѣ вѣрно указываетъ г. Залэнскій въ своей статистикѣ, приводя цифры незаконныхъ рожденій за нѣкоторые отдѣльные годы. Но большой цифры незаконныхъ рожденій обыкновенно не могутъ избѣжать страны съ наиболѣе зажиточнымъ и наиболѣе предусмотрительнымъ населеніемъ. Такъ, та же Нижняя Австрія, на которую было уже указано, какъ на провинцію съ зажиточнымъ населеніемъ, отличающимся наибольшей степенью предусмотрительности, судя по очень большой цифрѣ сберегательныхъ кассъ, числу вкладчиковъ и величинѣ вкладовъ, въ то же время занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ по большой пропорціи незаконныхъ рожденій въ ряду другихъ австрійскихъ провинцій. Эта пропорція доходитъ до 45 незаконныхъ дѣтей на 100 законныхъ. Между тѣмъ въ Галиціи съ небольшой цифрой косвенныхъ налоговъ, платимыхъ народонаселеніемъ ея, съ ничтожной цифрой сберегательныхъ кассъ и поступающихъ въ нихъ вкладовъ, на 100 законныхъ рожденій приходится всего только 15 незаконныхъ. А въ Буковинѣ, Прибрежьѣ, Тиролѣ и Далмаціи, провинціяхъ тоже съ мало зажиточнымъ и предусмотрительнымъ населеніемъ, она нисходитъ даже до 11, 9, 6 и 4 незаконныхъ дѣтей на 100 законныхъ. Успѣхи цивилизаціи на ряду съ свѣтлыми сторонами вездѣ имѣютъ и свои темныя стороны. Это всеобщій законъ несовершенства всѣхъ дѣлъ человѣческихъ.

---

[1]) Цифры эти читатель найдетъ въ печатающейся въ настоящее время нашей «Статистикѣ народонаселенія Царства Польскаго», которая выйдетъ въ свѣтъ не позже октября текущаго года.

Такимъ образомъ мы видимъ, что тѣ главныя заключенія, которыя дѣлаетъ г. Залэнскій, основываясь на явленіяхъ движенія народонаселенія за послѣдніе годы,—объ упадкѣ народнаго благосостоянія, о возрастающей трудности существованія для большинства населенія привислянскаго края,—оказываются ни на чемъ не основанными. Въ этомъ, повидимому, ему пришлось убѣдиться и самому, при изложеніи остальныхъ отдѣловъ его „Сравнительной Статистики Царства Польскаго". Какъ ни пессимистично было настроеніе духа, въ которомъ началъ онъ свою книгу разработкой статистики народонаселенія, но сообщеніе имъ вслѣдъ затѣмъ данныхъ по сельско-хозяйственной и промышленной статистикѣ показало ему столь очевидные признаки быстрыхъ успѣховъ народнаго производства почти во всѣхъ отрасляхъ, что пессимизмъ г-на Залэнскаго не могъ не исчезнуть самъ собою. Вотъ къ какимъ выводамъ онъ приходитъ относительно успѣховъ сельскаго хозяйства въ послѣднее десятилѣтіе:

Сравнивая прежде всего хлѣбные посѣвы за отдѣльные годы, мы находимъ, что общее количество засѣваемаго хлѣба постоянно возрастало и это возрастаніе въ десятилѣтній періодъ простиралось на 50%; съ 5.481,000 четвертей въ 1864 году хлѣбные посѣвы возрасли до 8.662,000 въ 1873 году. Болѣе всего увеличился посѣвъ картофеля; въ теченіи десяти лѣтъ онъ удвоился (съ 1.898,000 четвертей въ 1864 г. достигъ до 3.881,000 четверти въ 1873 году); менѣе увеличились засѣвы яроваго хлѣба; это увеличеніе простиралось на 34% (съ 1.835,000 четвертей до 2.458,000 четвертей); еще меньшимъ было увеличеніе посѣвовъ озимаго хлѣба; оно простиралось на 33% (съ 1.748,000 четв. въ 1864 г. до 2.3 2,000 четв. въ 1873 г.).

„Столь же очевиднымъ образомъ увеличились и хлѣбные сборы; въ теченіи десяти лѣтъ они возросли на 70%, ибо въ 1864 году простирались всего только до 24.323,000 четв., а въ 1873 г. до 41,324,000 четвертей. Болѣе всего увеличился сборъ картофеля: съ 7.895,000 четв. въ 1864 г. онъ возросъ до 20.304,000 четв., т. е. на 157%. Менѣе увеличились сборы яроваго хлѣба: съ 8.129,000 четв. въ 1864 г. до 11.388,000 четв. въ 1873 г., т. е. только на 40%. Наконецъ еще менѣе возросли сборы озимаго хлѣба: съ 8.299,000 четв., въ 1864 г. до 9.632,000 четв. въ 1873 г., слѣдовательно на 16%".

По цифрамъ, приводимымъ г. Залэнскимъ, не меньшіе успѣхи сдѣлало луговодство въ послѣднее десятилѣтіе въ Царствѣ Польскомъ. До 1864 года ежегодно сборъ сѣна простирался всего только до 23.965,000 пудовъ; въ періодъ же съ 1867 по 1870 годъ онъ колебался ежегодно между 51.181,000 пудовъ, какъ minimum'омъ и 60.746,000 пудовъ, какъ maximum'омъ.

Свекловодство, по цифрамъ, помѣщеннымъ въ статистикѣ г-на Залэнскаго, тоже двинулось впередъ; въ короткій промежутокъ времени, съ 1866 по 1870 годъ число десятинъ, обрабатываемыхъ подъ свекловицу, возросло съ 17,252 до 23,600 десятинъ.

Сопоставляя количество хлѣба, засѣваемаго въ Царствѣ Польскомъ съ цифрою народонаселенія, г. Залэнскій, правда, не находитъ, чтобы произошло сколько нибудь значительное измѣненіе въ отношеніи коли-

чества засѣваемаго хлѣба къ числу народонаселенія въ послѣднее время. Въ цифрахъ же ежегодно собираемаго хлѣба по отношенію къ числу народонаселенія онъ замѣчаетъ даже нѣкоторое уменьшеніе въ относительномъ количествѣ хлѣба. Но это происходитъ исключительно отъ того, что авторъ вмѣсто сравненія относительнаго количества хлѣба за послѣдніе годы съ относительнымъ количествомъ его въ 1864 году, или какомъ либо еще изъ болѣе раннихъ годовъ, сравниваетъ въ этомъ отношеніи только слишкомъ близкіе по времени другъ къ другу годы, когда, конечно, и не могло быть серьозной разницы. „Количество собраннаго хлѣба, говоритъ онъ, за періодъ съ 1867 по 1870 годъ приходилось въ среднемъ выводѣ на душу 6,25 четвертей; въ 1871 году 5,58 четв.; въ 1872 г. 5,04 и въ 1873 г. 6,46 четвертей“ (см. стр. 22). Такой способъ сравненія тѣмъ болѣе страненъ, что въ источникахъ, указываемыхъ самимъ же г. Залэнскимъ въ предисловіи къ его книгѣ, можно найти цифры хлѣбныхъ сборовъ и посѣвовъ за многіе изъ предшествующихъ лѣтъ; а нѣкоторыя изъ этихъ цифръ, именно за трехлѣтіе съ 1864 по 1866 годъ, взяты г. Залэнскимъ изъ Военно-Статистическаго Сборника, а также за 1860 и 1862 годъ взятыя изъ статьи Вѣржхлейскаго, вошли даже въ составъ таблицъ, помѣщенныхъ въ самой книгѣ г. Залэнскаго (см. таб. № 43). Если бы г. Залэнскій взялъ среднюю цифру хлѣбныхъ сборовъ въ Царствѣ Польскомъ въ концѣ пятидесятыхъ годовъ и сопоставилъ ее съ цифрою тогдашняго населенія, то онъ увидѣлъ бы, что относительное количество хлѣба не только не уменьшилось въ настоящее время, въ сравненіи съ прежними годами, но сильно возрасло. По даннымъ, взятымъ нами изъ обнародованнаго статистическаго матеріала, мы вычислили въ нашемъ „Очеркѣ экономическаго развитія Привислянскаго края со времени реформъ 1864 г.“, напечатанномъ въ журналѣ „Русское сельское хозяйство“ за 1874 годъ и въ „Варшавскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“ за тотъ же годъ, что въ концѣ пятидесятыхъ годовъ на одного жителя приходилось зерноваго хлѣба въ среднемъ выводѣ 2,4 четверти; въ концѣ же шестидесятыхъ и началѣ 70-хъ годовъ его приходилось около $3^1/_2$ четвертей на душу. Картофеля въ 1-й періодъ приходилось менѣе двухъ четвертей на человѣка, а во 2-й періодъ приходится болѣе трехъ четвертей. Если взять цифры хлѣбнаго сбора 50-хъ годовъ, помѣщенныя въ первомъ выпускѣ „Энциклопедіи сельскаго хозяйства“, печатающейся въ настоящее время въ Варшавѣ на польскомъ языкѣ, подъ редакціей гг. Ставискаго и Любомірскаго, то надо будетъ признать относительное количество хлѣба за эти годы еще меньшимъ противъ вычисленнаго нами. По даннымъ, собраннымъ, какъ говорится въ „Энциклопедіи“ *изъ наиболѣе заслуживающихъ довѣрія источниковъ*, сборъ зерноваго хлѣба во всемъ Царствѣ Польскомъ простирался до 14.430,400 корцевъ (8.835,600 четвертей) и картофеля 14.391,000 корцевъ (8.811,400 четвертей). При этихъ цифрахъ количество хлѣба, приходящагося на душу въ настоящее время еще болѣе будетъ превышать относительное количество его въ 50-хъ годахъ, чѣмъ указано нами въ нашемъ „Очеркѣ“.

Столь же страненъ и выводъ г. Залэнскаго объ относительномъ уменьшеніи количества скота въ послѣднее время, основанный на сопостав-

ленія цифръ скота съ народонаселеніемъ только за 1868 и 1870 годы. „Сравнивая общую цифру домашнихъ животныхъ съ народонаселеніемъ, мы видимъ, говоритъ г. Залэнскій, что въ 1870 году приходилось на 100 жителей 59 штукъ; между тѣмъ какъ въ 1868 году было 64 штуки; слѣдовательно количество домашняго скота уменьшилось по отношенію къ народонаселенію“ (см. 99). Періодъ времени, протекшій между 1868 и 1870 годомъ, такъ незначителенъ, что какъ можно основывать общій выводъ объ относительномъ уменьшеніи или увеличенія скота на сопоставленіи цифры его за эти два года — положительно для насъ непонятно. Такой способъ сравненій и обобщеній тѣмъ болѣе поражаетъ въ данномъ случаѣ, что самъ же г. Залэнскій въ началѣ главы о „домашнихъ животныхъ“, въ которой онъ дѣлаетъ такіе оригинальные выводы, упоминаетъ, что ему удалось найти въ статьѣ г. Вѣржхлѣйскаго цифры скота въ Царствѣ Польскомъ за длинный рядъ лѣтъ, начиная съ 1822 по 1862 годъ. Изъ этихъ цифръ онъ впрочемъ почему-то помѣщаетъ въ своихъ таблицахъ (см. № 52) только число различныхъ видовъ скота за 1822, 1827 и 1862 годы.

Если въ приведенной нами характеристикѣ сельско-хозяйственной производительности Царства Польскаго, дѣлаемой г. Залэнскимъ, еще можно найти слѣды пессимистическаго отношенія его къ современной дѣйствительности, то въ слѣдующемъ отдѣлѣ его статистики, посвященномъ фабричной промышленности, исчезаетъ, повидимому, уже всякій слѣдъ пессимизма подъ напоромъ самыхъ очевидныхъ успѣховъ, сдѣланныхъ промышленностью края въ послѣднее время. Объ этихъ успѣхахъ мы предоставимъ говорить опять самому же автору:

„Успѣхъ, дѣлаемый въ *хлопчатобумажномъ* производствѣ Царства Польскаго, очевиденъ. Хотя общее число фабрикъ и заведеній въ послѣдніе три года нѣсколько уменьшилось (съ 10,499 до 7,565), но это есть уже результатъ поглощенія мелкихъ заведеній большими фабриками. Число работниковъ въ 1873 году увеличилось на 94% въ сравненіи съ числомъ ихъ въ 1866 году; въ этотъ же періодъ цѣнность хлопчатобумажнаго производства края удвоилась... Въ производствѣ *писчебумажномъ* въ періодъ съ 1866 по 1873 годъ число рабочихъ увеличилось на $28^1/_2$ процентовъ; стоимость же продуктовъ писчебумажныхъ фабрикъ Царства Польскаго возрасла на 86%. Число *кожевенныхъ* заведеній и рабочихъ въ нихъ въ послѣднее восмилѣтіе уменьшилось, но общая цѣнность производства ихъ увеличилась въ тоже время на 87%. Число *салотопенныхъ* и *мыловаренныхъ* заводовъ, а равно и рабочихъ въ нихъ увеличилось; цѣнность продукціи ихъ тоже возрасла, именно на 48% до 1866 года. *Кирпичные* заводы увеличились и по своему числу и по числу находящихся въ нихъ рабочихъ. Цѣнность кирпичнаго производства въ періодъ отъ 1866 по 1873 годъ утроилась; особенно быстрое увеличеніе этой цѣнности было въ послѣдніе три года: она почти удвоивалась съ каждымъ изъ послѣднихъ трехъ лѣтъ. Фабрики *машинъ и различныхъ орудій* въ теченіи одного только трехлѣтія съ 1871 по 1873 годъ увеличили свою производительность съ 2 миліоновъ рублей до 2.876,000 руб. Въ эти же три года цѣнность *мукомольнаго* производства возрасла на 150%, именно съ 4 миліо-

новъ руб. въ 1871 году почти до 10 милiоновъ руб. въ 1873 году. Столь же очевиденъ значительный успѣхъ *свекловсахарнаго* производства въ Царствѣ Польскомъ. Хотя число свеклосахарныхъ заводовъ постоянно уменьшалось и въ три послѣдніе года простиралось всего только до 38, тѣмъ не менѣе въ сравненіи съ 1866 годомъ число трудящихся въ нихъ рабочихъ увеличилось на 21%. Точно также и цѣнность продукціи ихъ въ теченіи этого семилѣтія увеличилась, именно на 80%; съ 5 милiоновъ руб. въ 1866 году она возрасла до 9½ милiона руб. въ 1873 году. *Винокуренные* заводы въ періодъ отъ 1866 по 1873 годъ хотя и сильно уменьшились въ своемъ числѣ (на 34%) и въ числѣ рабочихъ, занятыхъ (на 32%), но цѣнность продукціи ихъ увеличилась; въ 1866 году она простиралась только до 6½ милiоновъ руб., а въ 1873 году возрасла до 16 милiоновъ руб., слѣдовательно на 144%. Уменьшеніе числа винокурень и увеличеніе размѣровъ производства тѣхъ изъ нихъ, которыя остались, свидѣтельствуетъ о чисто промышленномъ направленіи, принятомъ послѣдними, и объ упадкѣ малыхъ винокурень, содержимыхъ въ цѣляхъ чисто сельско-хозяйственныхъ; вслѣдствіе многократнаго возвышенія акциза малыя винокуренныя заведенія оказались не въ силахъ конкурировать съ большими. *Пивоваренныя* и *медоваренныя* заведенія стали сильно увеличиваться въ послѣдніе три года; цѣнность продукціи ихъ въ это время удвоилась: съ 1.786,000 р. въ 1871 году она возросла до 3.120,000 руб. въ 1873 году. Изъ остальныхъ заводовъ слѣдуетъ обратить вниманіе также на *лѣсопильные* заводы. Въ 1873 году продукція ихъ возрасла до суммы 1.262,000 руб. вмѣсто 378,000 руб., какъ было въ 1871 году. Это служитъ указаніемъ, что на торговлю лѣсомъ съ заграницею и на постройки въ деревняхъ употребляется ежегодно огромное количество лѣснаго матеріала."

Къ числу производствъ, уменьшившихся въ своихъ размѣрахъ въ послѣднее время, авторъ „Срав. Статистики Царства Польскаго" относитъ очень немногія, именно шерстяное и суконное производство, шелковое, каменноугольное, фаянсовое, зеркальное и немногія другія изъ имѣющихъ второстепенную важность.

Въ общихъ результатахъ успѣхи промышленности выразились, по вычисленію г. Залэнскаго, въ увеличеніи всего числа промышленныхъ заведеній на 27% и въ увеличеніи числа рабочихъ въ нихъ на 61%, въ періодъ отъ 1866 по 1873 годъ. Цѣнность всего промышленнаго производства въ Царствѣ Польскомъ въ 1857 году простиралась отъ 51 до 53 милiоновъ руб. Въ 1873 году, она возвысилась до 106 милiоновъ руб. Слѣдовательно, заключаетъ г. Залэнскій въ теченіи 16-тилѣтняго періода отъ 1857 по 1873 годъ она удвоилась. Въ 1845 году, по вычисленію автора, каждое промышленное заведеніе производило въ среднемъ выводѣ на 1,618 р., въ 1857 на 3,389 р., а въ 1873 году на 6,087 р. Каждый фабричный и заводскій работникъ производилъ въ среднемъ выводѣ въ 1845 году на 366 руб., въ 1857 году на 754 руб., а въ 1873 году на 1,155 руб. „Это, заключаетъ г. Залэнскій, успѣхъ *довольно значительный*, который ежегодно возрасталъ. По отношенію ко всему народонаселенію точно также постоянно возрастала фабричная производительность. Въ 1845 году на каждаго жителя приходилось въ

среднемъ выводѣ фабричныхъ издѣлій на 3 руб. 50 коп.; въ 1857 г. на 9 руб.; а въ 1873 г. на 13 руб. 20 коп.“

Если по цифрамъ, приводимымъ самимъ же г. Залэнскимъ, столь значительны успѣхи, сдѣланные привислянскимъ краемъ въ послѣдніе годы въ экономическомъ быту, то какъ объяснить тѣ опасенія и печальныя предположенія объ упадкѣ народнаго благосостоянія, которыя онъ такъ смѣло высказываетъ при характеристикѣ современнаго движенія народонаселенія? Этихъ тревожныхъ опасеній и предположеній не было бы въ его книгѣ, еслибы онъ при сообщеніи статистическаго матерьяла придерживался болѣе научнаго метода. Соблюденіе научныхъ пріемовъ не дозволило бы ему сравнивать между собою цифры изъ кратковременнаго трехлѣтняго, а иногда даже и двухлѣтняго періода и на этомъ сравненіи основывать заключенія о всемъ современномъ ходѣ общественнаго развитія въ томъ или другомъ отношеніи. Еще менѣе оно могло бы допустить его сравнивать между собою цифры за отдѣльные годы, взятыя наугадъ и не рѣдко не имѣющія между собою ничего общаго. Статистика должна характеризовать общественное состояніе и ближайшія причины, вызвавшія его. Состояніе общества можетъ характеризоваться правильнымъ образомъ только средними числами, устраняющими всякія случайныя колебанія въ немъ. У г-на же Залэнскаго вездѣ сопоставляются вмѣсто среднихъ чиселъ только цифры за отдѣльные годы, и на этомъ сопоставленіи строятся общіе выводы и заключенія. Такой способъ освѣщенія дѣйствительности статистическими цифрами вмѣсто того, чтобы выяснять истинное положеніе дѣлъ, можетъ легко представлять его въ совершенно ложномъ свѣтѣ, что лучше всего видно на тѣхъ выводахъ, къ которымъ пришелъ г. Залэнскій о движеніи народонаселенія въ Царствѣ Польскомъ. Въ своихъ выводахъ о современномъ состояніи сельскаго хозяйства и промышленности г. Залэнскій былъ нѣсколько счастливѣе: 1871, 1872 и 1873 годы, на цифры которыхъ онъ опираетъ главнымъ образомъ свои заключенія, были нормальными годами для развитія сельскаго хозяйства и промышленности въ привислянскомъ краѣ. Неудивительно поэтому, что и заключенія г-на Залэнскаго на этотъ счетъ оказались правильными. Но правильность эта, очевидно, чисто случайная, независѣвшая отъ соображеній автора „Сравнительной статистики Царства Польскаго“. При томъ способѣ изслѣдованія, котораго держится онъ, могло выдти совершенно наоборотъ. Что касается выясненія ближайшихъ причинъ, вызвавшихъ то или другое явленіе, характеризуемое статистическими цифрами, то авторъ въ большинствѣ случаевъ не входитъ въ разсмотрѣніе этихъ причинъ. Вслѣдствіе этого изложеніе его сравнительной статистики Царства Польскаго поражаетъ читателя своей сухостью, нагроможденіемъ массы цифръ безъ всякихъ объясненій. Если г. Залэнскій дѣйствительно поставилъ задачей своего труда *возбудить любовь* къ статистическимъ занятіямъ, *пріохотить* другихъ къ дальнѣйшей разработкѣ статистики Царства Польскаго, какъ онъ утверждаетъ въ предисловіи къ своей книгѣ, то принятая имъ крайне безжизненная форма изложенія менѣе всего можетъ содѣйствовать достиженію подобной цѣли. Изъ образованныхъ людей, незанимающихся

специально статистикой, едва ли у кого либо хватить терпѣнія на столько, чтобы прочесть хотя нѣсколько страницъ сряду изъ его книги. Для специалистовъ по статистикѣ и другимъ общественнымъ наукамъ книга г. Залэнскаго могла бы имѣть значеніе какъ заключающая въ себѣ нѣкоторыя новыя, необнародованныя въ другихъ изданіяхъ статистическія данныя, изъ губернаторскихъ всеподданнѣйшихъ отчетовъ за 1873 годъ, и еще болѣе, какъ сборникъ статистическаго матерьяла по Царству Польскому, разбросаннаго въ разнородныхъ русскихъ и польскихъ повременныхъ изданіяхъ. Но именно въ послѣднемъ отношеніи она оказывается мало удовлетворительной потому, что въ нее почему то не вошли очень многія статистическія данныя даже изъ тѣхъ источниковъ, на которые ссылается самъ авторъ, какъ въ предисловіи къ своей книгѣ, такъ и въ самомъ текстѣ ея. Такъ, почему-то авторъ нашелъ необходимымъ выбросить за бортъ почти весь драгоцѣнный статистическій матерьялъ, собранный очень старательно и съ знаніемъ дѣла бывшимъ управляющимъ Статистическимъ Отдѣленіемъ при Правительственной Коммисіи Внутреннихъ Дѣлъ, г-мъ Лудвигомъ Вольскимъ, печатавшійся своевременно въ польскихъ же повременныхъ изданіяхъ. Между тѣмъ этотъ матерьялъ далъ бы г-ну Залэнскому возможность опираться въ своихъ выводахъ при сравненіи настоящаго времени съ предшествующими періодами XIX вѣка не на цифрахъ за отдѣльные, случайно попавшіе ему подъ руку годы, а на среднихъ числахъ, выведенныхъ изъ наблюденій за цѣлый рядъ послѣдовательно идущихъ другъ за другомъ лѣтъ, принадлежащихъ къ различнымъ періодамъ XIX вѣка. Для г-на Залэнскаго не можетъ служить въ этомъ случаѣ извиненіемъ то, что онъ, какъ сказано въ предисловіи къ его книгѣ, *„рѣшился замкнуться въ послѣднемъ десяткѣ лѣтъ*, чтобы видѣть, какое вліяніе на народонаселеніе и его средства существованія оказали перемѣны, какъ административныя, такъ и общественныя, происшедшія въ краѣ“. Видѣть этого нельзя безъ сравненія послѣдняго десятка лѣтъ съ предшествующими періодами. А для правильности такого сравненія необходимо было для автора книги основательно ознакомиться и самому со всѣмъ относящимся сюда своевременно обнародованнымъ статистическимъ матерьяломъ и ознакомить съ нимъ, если не со всѣмъ, то по крайней мѣрѣ съ главными выводами изъ него, своихъ читателей, чего авторъ не потрудился сдѣлать. Это тѣмъ менѣе простительно для него, что этотъ матерьялъ, какъ мы показали въ началѣ нашей рецензіи, далеко не такъ обширенъ, чтобы ознакомленіе съ нимъ могло представлять очень большую трудность. Если бы авторъ ограничился даже простымъ изданіемъ извлеченія изъ приведеннаго въ порядокъ статистическаго матерьяла, имѣвшагося у него подъ рукой, по изслѣдуемымъ въ его книгѣ вопросамъ, то отъ этого въ сущности его книга не проиграла бы, а выиграла. Она была бы безпритязательной, но полезной и даже необходимой книгой для всѣхъ, кто захотѣлъ бы сколько нибудь основательно ознакомиться съ современнымъ положеніемъ привислянскаго края. Какъ ни бѣденъ обнародованный уже статистическій матерьялъ по Царству Польскому, но чтобы ознакомиться съ нимъ, надо не мало употребить времени на разыскание его въ разнород-

ныхъ повременныхъ изданіяхъ и книгахъ, изъ которыхъ нѣкоторыя сдѣлались уже почти библіографической рѣдкостью. Но г. Залэнскій не хотѣлъ ограничиться скромною ролью толковаго издателя статистическаго матерьяла по Царству Польскому. Онъ претендуетъ на научное значеніе своего труда и даетъ громкое названіе своей книгѣ „Сравнительной Статистики Царства Польскаго“. Въ чемъ же заключается его сравнительный методъ? Въ томъ, что онъ, сообщивъ тѣ или другія статистическія данныя для Царства Польскаго, нагромождаетъ затѣмъ безъ всякой системы массу имѣвшихся у него подъ рукою цифръ для другихъ странъ, не обращая часто вниманія на то, представляетъ ли этотъ матерьялъ удобосравниваемыя величины съ тѣми, которыя имѣются для привислинскаго края или не представляетъ; будетъ ли вести къ уясненію дѣла или, напротивъ, можетъ только затемнять его или наконецъ составлять совершенно не нужный для цѣлей его книги простой цифровый баластъ. Чаще всего г. Залэнскій обращается къ Галиціи за сравненіями статистическихъ данныхъ для нея съ данными для Царства Польскаго и въ этомъ отношеніи онъ вполнѣ правъ, ибо населеніе Галиціи по своему племенному составу подходитъ довольно близко къ населенію губерній Привислинскаго края. Но на томъ же основаніи не безъинтересны были бы подобныя же сопоставленія многихъ явленій и для Познани. Между тѣмъ авторъ совершенно игнорируетъ послѣднюю. Игнорированіе Познани и предпочтеніе къ Галиціи и особенно къ городу Львову, со стороны г. Залэнскаго, объясняются, по нашему мнѣнію, только тѣмъ, что во время составленія имъ „Сравнительной Статистики Царства Польскаго“ у него были подъ рукою только-что вышедшія тогда на польскомъ языкѣ въ Львовѣ „Статистическія свѣдѣнія о мѣстныхъ отношеніяхъ“, изданныя Львовскимъ статистическимъ бюро подъ редакціей Пилата [1]), а для Познани въ данную минуту таковыхъ же свѣдѣній у г. Залэнскаго подъ рукой не оказалось. Не менѣе часты сравненія въ его книгѣ съ Франціей то-же по той только простой причинѣ, что въ то время только-что вышло новое изданіе Statistique de la France comparée avec les divers pays l'Europe par Maurice Block. Paris. 1875. Изъ нея авторъ черпалъ почти исключительно сравнительныя статистическія данныя и для другихъ странъ и потому чего нѣтъ въ этой статистикѣ Мориса Блока, того не слѣдуетъ искать для иностранныхъ государствъ и въ книгѣ г-на Залэнскаго. Но если бы г. Залэнскій имѣлъ подъ рукою даже и болѣе богатый статистическій матерьялъ для иностранныхъ государствъ, то при современномъ состояніи сравнительной статистики, какъ науки, для научнаго значенія его книги слишкомъ было бы мало одного только сравнительнаго сопоставленія цифръ для различныхъ странъ. Для этого необходимо было бы кромѣ того освѣтить эти цифры объясненіемъ ближайшихъ причинъ, обусловливающихъ различіе сходства замѣчаемыхъ между отдѣльными сторонами относительно каждаго явленія, констатируемаго сравнительною статисти-

---

[1]) Wiadomosci statystyczne otosunkach krajowych wydane przez krajowe bióro statystyczne, pod redak. prof. dr. Tadeusza Pilata. II. Lwow. 1875.

кою. Г. Залэнскій тѣмъ менѣе, конечно, берется за этотъ трудъ, что онъ почти не касается выясненія даже причинъ непосредственно вызывавшихъ различія въ явленіяхъ констатируемыхъ статистикою Царства Польскаго за послѣднее десятилѣтіе въ сравненіи съ предшествующими періодами XIX-го столѣтія въ развитіи этого края. Безъ выясненія же этихъ причинъ статистическія данныя, сообщаемыя книгою г. Залэнскаго, будутъ имѣть значеніе простаго только статистическаго матерьяла, но никакъ не научнаго изслѣдованія.

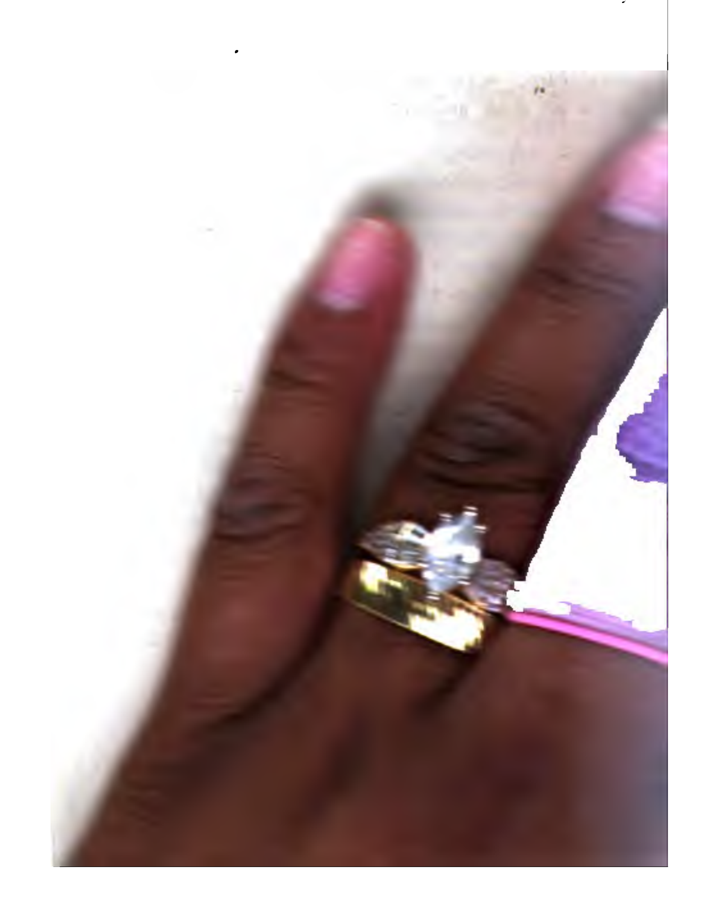
Виды г. Залэнскаго не ограничиваются впрочемъ одними только притязаніями на научное значеніе своего труда. Въ своихъ притязаніяхъ онъ идетъ гораздо далѣе: онъ хочетъ положить основаніе для дальнѣйшей разработки статистики Царства Польскаго;. онъ хочетъ, какъ мы видѣли, *возбудить любовь* къ статистическимъ занятіямъ, *пріохотить* другихъ къ продолженію его трудовъ. Притязанія эти, по нашему мнѣнію, слишкомъ нескромны и при томъ крайне обидны даже для его предшественниковъ въ польской статистической литературѣ. Такіе статистическіе труды, какими заявили себя въ польской литературѣ начиная еще съ 20-хъ годовъ—Родецкій, въ сороковыхъ—Козловскій, въ пятидесятыхъ—Вольскій, въ настоящее время Боцарскій и Маковецкій при всей безпритязательности ихъ на особыя научныя достоинства, стоятъ неизмѣримо выше труда г. Залэнскаго. Поэтому претендовать на роль основателя въ разработкѣ статистики Царства Польскаго со стороны г-на Залэнскаго неумѣстно.

При разобранныхъ нами недостаткахъ книги г. Залэнскаго, трудно понять тѣ почти восторженные отзывы, которыми было привѣтствовано въ польской журналистикѣ появленіе его въ свѣтъ въ прошломъ году.

Мы бы не подвергли подробному критическому разбору книги г. Залэнскаго, если бы не имѣли въ виду этихъ отзывовъ, высказанныхъ почти во всей польской журналистикѣ.

Григорій Симоненко,

профессоръ императорскаго варшавскаго университета.

ОБОЗРѢНІЕ

ДВИЖЕНІЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

и

ГОСУДАРСТВЕННАГО УПРАВЛЕНІЯ.

ЗА 1876 г.

1

Лондонскій протоколъ, какъ результатъ дипломатическихъ переговоровъ въ 1876 г., и его послѣдствія. — Церковь. — Центральныя государственныя учрежденія. — Текущее международное право. — Войско и военная организація. — Государственное управленіе и государственная служба вообще; празднованіе юбилеевъ. — Государственные финансы. — Государственное хозяйство; преміи за успѣхи по лѣсному хозяйству; казенные горные заводы. — Судебная часть. — Народное образованіе; Имп. Медико-хирургическая Академія; гимназіи, реальныя и народныя училища; разныя спеціальныя учебныя заведенія. — Ученая часть. — Мѣстное управленіе; обязательныя постановленія мѣстныхъ административныхъ властей. — Гражданское право.

Во главѣ нашего обозрѣнія законодательства и государственной дѣятельности Россіи за 1876 г., мы должны поставить лондонскій протоколъ 19 (31) марта 1877 г., и его дальнѣйшія послѣдствія; хотя этотъ актъ международнаго европейскаго законодательства состоялся только въ нынѣшнемъ году, но онъ всецѣло принадлежитъ прошедшему, составляя результатъ дипломатическихъ переговоровъ и всего напряженія правительственныхъ силъ нашего отечества въ 1876 г. Безъ этого чрезвычайнаго напряженія дипломатической дѣятельности къ мирной развязкѣ международныхъ замѣшательствъ, возникшихъ въ Константинополѣ, и безъ событій на Балканскомъ полуостровѣ ихъ вызвавшихъ, наша государственная жизнь въ 1876 г., не имѣла бы никакого историческаго смысла; только въ связи съ этими событіями, которыя взволновали весь общественный и государственный нашъ бытъ съ 1875 г. и дали ему совсѣмъ новый историческій поворотъ, объясняется движеніе нашего законодательства и государственнаго управленія за 1876 годъ. Уже въ 1875 г. (какъ мы объ этомъ говорили въ заключеніи нашего Обозрѣнія за этотъ годъ, въ III томѣ Сборн. Гос. Зн. стр. 35 и 36-я), это движеніе замедляется, отчасти подъ вліяніемъ внутреннихъ причинъ, гораздо ранѣе возъимѣвшихъ свое дѣйствіе, и также вслѣдствіе отвлеченія всѣхъ лучшихъ и мыслящихъ умовъ нашего общества къ событіямъ Турціи. Къ внутреннимъ историческимъ причинамъ, обусловившимъ тотъ характеръ нашей государственной жизни, какой выступилъ наружу въ 1875

г., присоединились внѣшнія обстоятельства, которыя посреди глубочайшаго затишья и въ Россіи и во всей Европѣ, незамѣтно развернулись изъ ничтожной герцоговинской тучи въ грозныя международныя бури и подготовили цѣлый переломъ въ нашемъ государственномъ организмѣ. Необходимость этого перелома впрочемъ давно чувствовалась. Уже въ 1875 г. мы замѣтили, что наша законодательная дѣятельность пріостановилась; въ 1876 г. она какъ бы совсѣмъ замираетъ. Съ одной стороны, всѣ заботы правительства сосредоточены исключительно на дипломатическихъ переговорахъ по восточному вопросу, и на неизбѣжныхъ распоряженіяхъ по усиленію военной организаціи, а съ другой стороны, и въ оффиціальной и частной общественной средѣ, всѣми чувствуется близость на пути государственнаго развитія, новаго историческаго поворота, который долженъ опредѣлить и для государства и для общества новое направленіе жизни, въ ту или другую сторону.

Прежде чѣмъ окончательно опредѣлится этотъ поворотъ, съ тѣмъ или другимъ разрѣшеніемъ внѣшнихъ политическихъ затрудненій, уже съ 1875 г. ощущается всѣми и въ правительствѣ и въ обществѣ, неуклонная потребность, какъ будто пріостановиться въ продолженіи всего стараго и начатаго,—въ продолженіи дальнѣйшаго хода того движенія, которому положили начало восточная война и вслѣдъ за нею нынѣшнее великое царствованіе. И вотъ теперь дѣйствительно наступила, со второю восточною войною, поворотная точка къ новой государственной эпохѣ Россіи, которая, ясно для всѣхъ мыслящихъ людей, обозначилась съ подписаніемъ упомянутаго дипломатическаго акта въ Лондонѣ.

Изъ этого акта мгновенно выросла между Россіей и западной Европой, между воззрѣніями той и другой на восточный вопросъ, та стѣна, дальше которой не могли простираться миролюбивѣйшія усилія миролюбивѣйшаго изъ государей и которая могла быть сокрушена на пользу христіанскаго міра и европейской цивилизаціи только силою русскаго оружія. «Исчерпавъ до конца свое миролюбіе», Русскій Императоръ, посвятившій всѣ 23-хъ-лѣтніе труды своего царствованія исключительно дѣламъ мира и въ Россіи и въ Европѣ, былъ «вынужденъ высокомѣрнымъ упорствомъ Порты приступить къ дѣйствіямъ болѣе рѣшительнымъ». Эти дѣйствія были встрѣчены единодушнымъ восторгомъ всей русской земли, давно нетерпѣливо ожидавшей разрѣшенія томительныхъ дипломатическихъ переворотовъ. Историческое значеніе, открывающейся передъ нами новой государственной эпохи въ судьбахъ нашего отечества

можетъ опредѣлиться только дальнѣйшимъ развитіемъ событій, предугадать которыя не въ силахъ человѣческій разумъ; но мы твердо вѣруемъ, что по неисповѣдимой Волѣ Провидѣнія, переломъ въ нашей государственной и общественной жизни, неизбѣжность котораго давно предвидѣлась, будетъ для нея во всѣхъ отношеніяхъ цѣлителенъ.

Обозрѣніе событій внутреннихъ и международныхъ не входитъ въ задачу этой части нашего изданія; мы ихъ касаемся здѣсь лишь на сколько они отпечатлѣваются въ формальныхъ государственныхъ актахъ, ихъ производятъ и ихъ объясняютъ. Поэтому говоря объ лондонскомъ протоколѣ 19 (31) марта 1877 г., мы не могли пройти молчаніемъ великой политической драмы, которая послѣдовала за этимъ актомъ и должна обновить всѣ наши государственныя силы, — если бы впрочемъ подобное молчаніе и было для кого нибудь возможно въ нашемъ отечествѣ, въ настоящую минуту.

По важности упомянутаго акта завершившаго собою дипломатическую кампанію 1875 и 1876 гг., мы считаемъ необходимымъ напечатать здѣсь его полный текстъ:

«Державы, предпринявшія сообща умиротвореніе Востока и способствовавшія въ этихъ видахъ созванію конференціи въ Константинополѣ, признаютъ, что самый вѣрный способъ къ достиженію предположенной ими цѣли состоитъ, прежде всего, въ поддержаніи столь счастливо установившагося между ними согласія и въ новомъ совмѣстномъ утвержденіи принимаемаго ими совокупнаго участія— въ улучшеніи судьбы христіанскаго населенія Турціи и въ реформахъ, имѣющихъ быть введенными въ Босніи, Герцеговинѣ и Болгаріи, и которыя Порта приняла подъ условіемъ самостоятельнаго ихъ примѣненія.

Державы принимаютъ къ свѣдѣнію заключеніе мира съ Сербіею.

Что касается Черногоріи, то Державы считаютъ желательнымъ, въ видахъ болѣе прочнаго и долговременнаго умиротворенія, чтобы границы ея были исправлены и допущено свободное плаваніе по Боянѣ.

Въ состоявшемся уже и еще имѣющемъ состояться соглашеніи между Портою и обоими Княжествами, Державы видятъ шагъ, сдѣланный на пути къ умиротворенію, составляющему предметъ ихъ общаго желанія.

Онѣ приглашаютъ Порту еще болѣе упрочить это умиротвореніе—возвращеніемъ войскъ на положеніе мирнаго времени, за исключеніемъ того ихъ количества, которое необходимо для поддержа-

нія порядка, и приведеніемъ въ исполненіе, въ возможно непродолжительномъ времени, реформъ необходимыхъ для спокойствія и благосостоянія тѣхъ провинцій, участью коихъ была озабочена конференція. Державы признаютъ, что Порта изъявила готовность привести въ исполненіе большую часть этихъ реформъ. Онѣ особенно принимаютъ къ должному свѣдѣнію циркуляръ Порты отъ 13-го февраля 1876 года и заявленія, сдѣланныя оттоманскимъ правительствомъ во время конференціи и за тѣмъ послѣ нея, чрезъ посредство его представителей.

Въ виду такихъ благихъ намѣреній Порты и явной пользы для нея отъ немедленнаго приведенія ихъ въ исполненіе, Державы полагаютъ, что есть основаніе надѣяться, что Порта воспользуется настоящимъ успокоеніемъ для того, чтобы энергически примѣнить мѣры, долженствующія принести дѣйствительное улучшеніе въ положеніе христіанскаго населенія, улучшеніе, единодушно сознаваемое крайне необходимымъ для спокойствія Европы, и что Порта, вступивъ однажды на этотъ путь, пойметъ, что ея честь и польза требуютъ добросовѣстнаго и неуклоннаго по нему слѣдованія.

Державы намѣрены имѣть бдительный надзоръ, посредствомъ своихъ представителей въ Константинополѣ и чрезъ мѣстныхъ агентовъ за выполненіемъ обѣщаній турецкаго правительства.

Если бы Державы еще разъ ошиблись въ своихъ ожиданіяхъ, и положеніе христіанскихъ подданныхъ Султана не было бы улучшено въ такой мѣрѣ, чтобы предотвратить возвращеніе тѣхъ усложненій, которыя періодически нарушаютъ спокойствіе на Востокѣ, то онѣ считаютъ долгомъ заявить, что такое положеніе вещей было бы несогласно съ интересами ихъ и Европы вообще.

Въ такомъ случаѣ онѣ оставляютъ за собою право совмѣстно разсудить о тѣхъ мѣрахъ, которыя онѣ признаютъ наиболѣе дѣйствительными для обезпеченія благосостоянія христіанскаго населенія и выгодъ всеобщаго мира. (Составленъ въ Лондонѣ $^{19}/_{31}$ марта 1877 года. (Подписали) Мюнстеръ. Бейстъ. Д'Аркуръ. Дерби. Менабреа. Шуваловъ)».

Декларація Императорскаго Посла въ Лондонѣ, графа Шувалова, отъ того же 19-го (31-го) марта 1877 г. «Если миръ съ Черногоріею будетъ заключенъ, если Порта приметъ совѣты Кабинетовъ, выкажетъ готовность возвратиться къ мирному положенію и приступить на дѣлѣ къ выполненію реформъ, упомянутыхъ въ протоколѣ, то пусть она пришлетъ въ С.-Петер-

бургъ особаго уполномоченнаго для переговоровъ о разоруженіи, на которое въ такомъ случаѣ согласится также съ Своей стороны Его Величество Государь Императоръ. Разумѣется, что если бы произошли новыя избіенія, подобныя тѣмъ, которыя обагрили кровію Болгарію, то мѣры къ разоруженію, по необходимости, будутъ остановлены.»

Къ протоколу присоединены, кромѣ декларацін русскаго посла, слѣдующія письменныя заявленія графа Дерби и генерала Менабреа (итальянскаго посла). Заявленіе графа Дерби: «такъ какъ Англія согласилась на подписаніе протокола лишь въ интересахъ европейскаго мира, то само собою разумѣется, что въ случаѣ недостиженія этой цѣли, т.-е. взаимнаго разоруженія Россіи и Турціи, и мира между ними, протоколъ слѣдуетъ считать недѣйствительнымъ и лишеннымъ всякаго значенія». Заявленіе генерала Менабреа: «подписывая настоящій протоколъ, Италія принимаетъ на себя обязательство лишь въ той мѣрѣ, въ какой будетъ сохранено согласіе между всѣми Державами, столь счастливо установленное тѣмъ же протоколомъ».

Послѣ сообщенія Высокой Портѣ лондонскаго протокола, она не только отказалась, въ циркулярѣ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ къ Европейскимъ Державамъ (10 апрѣля), отъ исполненія указаній, данныхъ ей въ этомъ международномъ актѣ по единодушному соглашенію всѣхъ шести великихъ державъ, но и «протестовала» во имя международнаго европейскаго права противъ правильности этого акта, заявляя, что считаетъ его «на сколько онъ касается Турціи лишеннымъ всякой справедливости и потому не имѣющимъ для нея никакой обязательной силы».

Великія Державы, подписавшія лондонскій протоколъ, не возражали (до сихъ поръ) противъ этого непризнанія, со стороны Порты, законной силы заключеннаго ими международнаго акта и противъ присвоенной себѣ Портою (въ упомянутомъ циркулярѣ турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ) власти быть единственною истолковательницею не только юридическаго смысла своихъ международныхъ отношеній къ Европѣ, но и всего международнаго права, которое въ ней дѣйствовало и представителями и органами котораго были въ ней до сихъ поръ ея великія державы. Одно русское правительство не нашло возможнымъ оставить европейское международное право въ такомъ бездѣйственномъ состояніи передъ лицемъ азіятскаго правительства, принятаго въ европейскую семью (въ силу парижскаго трактата 1856 г.) лишь на особыхъ условіяхъ, и не могло признать совмѣстнымъ съ своимъ достоинствомъ оставаться долѣе въ мир-

ныхъ отношеніяхъ къ Портѣ. Вслѣдъ за турецкимъ циркуляромъ немедленно послѣдовала нота нашего государственнаго канцлера къ турецкому повѣренному въ дѣлахъ въ С.-Петербургѣ, отъ 12 апрѣля 1877 г., слѣдующаго содержанія:

«Такъ какъ переговоры особой важности, которые Императорскій Кабинетъ велъ съ Портою Оттоманскою, въ видахъ прочнаго умиротворенія Востока, не привели къ желаемому соглашенію, то вслѣдствіе сего Его Императорское Величество, мой Августѣйшій Повелитель, съ сожалѣніемъ, признаетъ Себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ силѣ оружія.

Благоволите увѣдомить ваше правительство, что Россія отнынѣ считаетъ себя въ войнѣ съ Турціею.

Первымъ послѣдствіемъ этого, является прекращеніе дипломатическихъ сношеній между обоими Государствами.

Покорнѣйше прошу Васъ доставить свѣдѣнія о числѣ и званіяхъ лицъ, составляющихъ оттоманское посольство въ С.-Петербургѣ, для того, чтобы мы могли препроводить къ вамъ надлежащіе паспорты.

Что касается до проживающихъ въ Россіи оттоманскихъ подданныхъ, то тѣ изъ нихъ, которые того пожелаютъ, вольны оставить страну; тѣ же, которые предпочтутъ остаться въ ней, могутъ съ полною увѣренностью положиться на покровительство законовъ.»

Въ тотъ же самый день, 12 апрѣля 1877 г., былъ подписанъ Высочайшій манифестъ, повелѣвшій нашимъ войскамъ вступить въ предѣлы Турціи, и былъ обнародованъ циркуляръ нашего государственнаго канцлера къ россійскимъ посламъ въ Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Римѣ, отъ 7 апрѣля. Содержаніе этого циркуляра слѣдующее:

«Императорскій Кабинетъ тщетно исчерпывалъ, съ самаго начала Восточнаго кризиса, всѣ имѣвшіяся въ его власти средства для того, чтобы при содѣйствіи Великихъ Державъ Европы достигнуть прочнаго умиротворенія Турціи.

Всѣ предложенія, послѣдовательно сдѣланныя Портѣ, по установившемуся между Кабинетами соглашенію, встрѣтили съ ея стороны непреодолимое сопротивленіе.

Протоколъ, подписанный въ Лондонѣ 19-го (31-го) марта сего года, былъ послѣднимъ выраженіемъ совокупной воли Европы.

Императорскій Кабинетъ предложилъ его какъ крайнюю попытку къ примиренію. Онъ заявилъ декларацією отъ того же числа, сопровождавшею протоколъ, такія условія, которыя, будучи честно и искренне приняты и исполнены Оттоманскимъ Правительствомъ,

могли восстановить и упрочить миръ. На все это Порта отвѣтила нынѣ новымъ отказомъ.

Это обстоятельство не было принято въ соображеніе лондонскимъ протоколомъ. Выражая желанія и рѣшенія Европы, онъ ограничился постановленіемъ условія, что въ случаѣ если бы Великія Державы обманулись въ надеждѣ на энергическое выполненіе со стороны Порты мѣръ, долженствовавшихъ повести къ улучшенію положенія христіанскаго населенія, единодушно признанному необходимымъ для спокойствія Европы, то онѣ оставляютъ за собою право совмѣстно обсудить средства, которыя признаютъ наиболѣе удобными для обезпеченія благосостоянія этого населенія и сохраненія общаго мира.

Такимъ образомъ, Кабинеты предусматривали случай невыполненія Портою обѣщаній, которыя она могла бы дать, но не предвидѣли случая отказа ея на требованія Европы.

Вмѣстѣ съ тѣмъ декларація, сдѣланная лордомъ Дерби вслѣдъ за подписаніемъ протокола, заявляла, что такъ какъ Правительство Ея Величества Королевы согласилось на подписаніе сего акта только въ видахъ обезпеченія общаго мира, то слѣдовало разумѣть, что протоколъ долженъ считаться недѣйствительнымъ и неимѣющимъ значенія въ томъ случаѣ, если бы предположенная цѣль,—а именно совмѣстное разоруженіе и сохраненіе мира между Россіею и Турціею—не была бы достигнута.

Отказъ Порты и побужденія, на которыхъ онъ основанъ, не оставляютъ никакой надежды на то, что она приметъ въ уваженіе желанія и совѣты Европы, и не даютъ никакого ручательства въ томъ, что предложенныя для улучшенія участи христіанскаго населенія реформы будутъ введены; они дѣлаютъ невозможными миръ съ Черногоріею и выполненіе условій, которыя могли бы привести къ разоруженію и умиротворенію. При такихъ обстоятельствахъ, попытки къ примиренію теряютъ всякую вѣроятность успѣха, и остается одно изъ двухъ — или допустить продолженіе положенія дѣлъ, признаннаго Державами несовмѣстнымъ съ ихъ интересами и интересами Европы вообще, или же попытаться достигнуть путемъ принужденія того, чего единодушныя усилія Кабинетовъ не успѣли получить отъ Порты путемъ убѣжденія.

Нашъ Августѣйшій Монархъ рѣшилъ принять на Себя совершеніе дѣла, къ выполненію котораго, вмѣстѣ съ Нимъ, Онъ приглашалъ Великія Державы.

Онъ далъ Своимъ войскамъ повелѣніе перейти границу Турціи.

Благоволите довести объ этомъ рѣшеніи до свѣдѣнія того Правительства, при которомъ вы аккредитованы.

Возлагая на Себя это бремя, нашъ Августѣйшій Монархъ выполняетъ тѣмъ самымъ долгъ, налагаемый на Него интересами Россіи, мирное развитіе которой задерживается постоянными смутами на Востокѣ. Его Императорское Величество сохраняетъ увѣренность, что съ тѣмъ вмѣстѣ Онъ дѣйствуетъ соотвѣтственно чувствамъ и интересамъ Европы».

Независимо отъ великой для Россіи исторической важности всѣхъ этихъ дипломатическихъ документовъ, которые невозможно было не занести въ наше изданіе, мы привели ихъ съ тѣмъ, чтобы теперь же указать на ихъ общій международный смыслъ, который не можетъ измѣниться ни отъ какихъ дальнѣйшихъ событій. Первое вооруженное дѣйствіе Россіи въ Европѣ, послѣ двадцати-трехлѣтнихъ мирныхъ трудовъ нынѣшняго царствованія, происходитъ не для завоеваній, не для усиленія могущества Россіи, не для видовъ честолюбія, а только ради прочной охраны европейскаго мира, смущаемаго государственною неурядицею турецкой имперіи, и на точномъ основаніи европейскаго международнаго права, обезпечивающаго этотъ миръ. Дѣйствующее въ Европѣ международное право,— какъ и всякое разумное и не мечтательное право,— заключаетъ въ себѣ столько-же право мира, сколько и право войны. Всякое человѣческое право, столько-же во внутренней, какъ и въ международной государственной жизни, было бы безсмысленно, если бы оно не было вооружено мечемъ противъ людей, насилующихъ право и противящихся ему. Въ это послѣднее положеніе поставила себя Высокая Порта передъ Европой и ея правомъ,—въ особенности послѣ лондонскаго протокола. Порта отказалась ему подчиниться.

Условія, на которыхъ Турція была принята въ европейскій концертъ—коренныя реформы въ управленіи ея областей и освобожденіе христіанскихъ народонаселеній отъ ига ея азіатской администраціи и могамеданскаго фанатизма,—не были исполнены Портой. Этотъ фактъ буквально подтвержденъ лондонскимъ протоколомъ 19 марта 1877 г., въ которомъ указываются необходимость и обязательность для Порты упомянутыхъ реформъ. Но этотъ плачевный международный актъ былъ мертворожденный, какъ вслѣдствіе не

сдѣланныхъ въ немъ прямыхъ указаній на принудительныя мѣры противъ Порты, въ случаѣ ея отказа подчиниться волѣ Европы, такъ и вслѣдствіе оговорки представителя Великобританіи, который, такъ сказать, засвидѣтельствовалъ на немъ мертворожденную натуру этого дипломатическаго документа. Не только было бы нелѣпо разоруженіе Россіи вслѣдъ за подписаніемъ этого акта, но напротивъ того, требовалось въ силу его постановленій вооруженіе, — одной Россіи или въ соединеніи съ другими подписавшими державами,—для исполненія велѣній Европы въ Турціи. «Случай отказа Турціи на требованія Европы не былъ предусмотрѣнъ кабинетами въ ихъ протоколѣ», какъ выразился нашъ канцлеръ въ своемъ циркулярѣ, отъ 7 апрѣля. Такимъ образомъ этотъ странный, единственный въ своемъ родѣ, дипломатическій актъ, подписанный въ Лондонѣ, — подписанный великобританскимъ правительствомъ, по увѣренію его, только для охраны европейскаго мира,—заключалъ въ нѣдрахъ своихъ войну Россіи съ Турціей, — «самостоятельное дѣйствіе» Русскаго Императора къ освобожденію единокровныхъ и единовѣрныхъ Россіи племенъ Турціи. Въ неминуемости этого *самостоятельнаго дѣйствія*, въ случаѣ отказа Порты покориться волѣ Европы и бездѣйствія Европейскихъ Державъ къ обузданію своеволія Турціи, не могли сомнѣваться ни Европа, ни Россія, послѣ незабвенной царской и всенародной рѣчи, произнесенной въ московскомъ Кремлѣ, 27 октября 1876 г., передъ лицомъ представителей всѣхъ сословій русской земли. Вся русская земля восторженно привѣтствовала тогда твердую волю своего Вѣнчаннаго Вождя, также какъ она теперь готова, по первому его слову, выслать поголовно всѣхъ своихъ сыновъ и напрячь всѣ свои силы для спасенія своихъ христіанскихъ и славянскихъ братьевъ отъ вѣковаго рабства Азіи и ислама.

Такимъ образомъ, какъ бы ни были священны сами по себѣ историческія и національныя задачи, разрѣшаемыя нынѣ Россіей на Балканскомъ полуостровѣ, она можетъ быть сверхъ того довольна, что твердо стоитъ для выполненія этихъ задачъ на почвѣ права образованнаго міра. Нарушеніе и поруганіе этого права были совершены не ею. Исторія этого не забудетъ, и не даромъ пройдутъ для Россіи дипломатическіе переговоры 1876 г., казавшіеся столь томительными для ея славы и чести, — не даромъ подвергнулись тяжкимъ испытаніямъ миролюбіе и долготерпѣніе нашего Государя. Русскія войска вступили въ предѣлы Турціи для охраны всеобщаго европейскаго международнаго права противъ своеволія Порты,—хотя

бы и не всѣмъ европейскимъ правительствамъ угодно было нынѣ-же признать это право. Оно будетъ признано въ свое время.

Кромѣ оффиціальнаго и дипломатическаго толкованія международнаго права существуетъ еще ученое, которое именно въ этой области публичнаго права имѣетъ особенную силу; къ помощи этой силы не разъ вынуждены были прибѣгать самыя могущественныя европейскія правительства. Замѣчательнѣйшіе европейскіе публицисты (въ томъ числѣ даже нѣкоторые англійскіе) и представители современной науки международнаго права высказались за право и обязанность Европы принять принудительныя международныя мѣры противъ Турціи для обузданія произвола ея мусульманскихъ правителей надъ ея христіанскими народонаселеніями и для водворенія, вопреки желанію Порты, новыхъ государственныхъ порядковъ на Балканскомъ полуостровѣ. Между прочимъ не можемъ не упомянуть здѣсь (не говоря обо многихъ другихъ), что въ этомъ смыслѣ громко высказались, еще въ 1876 г., предсѣдатель и секретарь Института Международнаго Права, соединяющаго въ своей средѣ всѣ авторитеты этой отрасли знаній въ Европѣ. Предсѣдатель Института, знаменитѣйшій ученый представитель и коментаторъ дѣйствующаго международнаго права Европы, г. Блунчли, [1]) объяснилъ, что общепризнанный между европейскими государствами международный принципъ *невмѣшательства* во внутреннія государственныя дѣла не примѣнимъ, въ силу самаго права, къ Турціи, хотя она и ссылается на этотъ принципъ, въ своемъ упрямомъ отказѣ подчиниться рѣшеніямъ европейскихъ державъ. Доказывая тоже самое, почтенный секретарь Института международнаго права, г. Роленъ-Жакеминъ, [2]) энергически взываетъ къ Россіи, чтобы она одна выступила съ своимъ оружіемъ противъ Порты, если соединенная Европа, при своихъ раздорахъ и политическихъ предразсудкахъ, безсильна принять *полицейскія международныя мѣры* къ осуществленію европейскаго права. До этихъ полицейскихъ мѣръ, Европа (скажемъ мы), при своемъ глубокомъ разъединеніи, еще очевидно не доросла, какъ это съ полною осязательностью подтверждено лондонскимъ протоколомъ.

---

[1]) См. Völkerrechtliche Briefe, von Bluntschli (въ берлинскомъ изданіи «Die Gegenwart» 1876 г.).

[2]) Le droit international et la question d'orient, par G. Rolin-Jacquemyns. Gand. 1876. Nouvelle étude sur la question d'orient, par G. Rolin-Jacquemyns. Gand. 1877.

Съ своей стороны Россія не можетъ однако пожалѣть, что этотъ международный актъ оказался несостоятельнымъ и мертвымъ при самомъ своемъ рожденіи. Не пожалѣютъ объ этомъ и единовѣрныя намъ племена Балканскаго полуострова, если, по благословенію Божьему, успѣхъ будетъ сопровождать дѣйствія русскаго оружія въ Турціи. Его побѣды должны привести эти племена къ неизмѣримо большему освобожденію ихъ отъ турецкаго ярма, чѣмъ могло бы это сдѣлать самое точное выполненіе лондонскаго протокола.

Безъ этого краткаго объясненія международныхъ актовъ, составляющихъ послѣдствіе дипломатической дѣятельности нашего правительства въ теченіе всего 1876 г., мы не могли приступить къ предстоящему намъ обозрѣнію законодательства за этотъ годъ. Весьма естественно, что внѣшнія обстоятельства поглотили всѣ правительственныя заботы въ 1876 году. Движеніе внутреннихъ правительственныхъ дѣлъ представляется, какъ мы сказали, необычайно тихимъ въ прошедшемъ году; это можно видѣть изъ нижеслѣдующаго перечня законодательныхъ актовъ.

По *церковному* управленію состоялись въ 1876 г. слѣдующія постановленія и распоряженія. Изданъ (согласно Выс. утв. 22 ноября 1875 г. М. Г. С.) новый штатъ заграничныхъ православныхъ церквей, состоящихъ въ вѣдѣніи Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, съ значительнымъ усиленіемъ назначаемыхъ на нихъ по государственному бюджету денежныхъ средствъ (съ 106 до 158 тысячъ рублей въ годъ). Улучшеніе положенія нашихъ заграничныхъ православныхъ церквей, которыя не только удовлетворяютъ спеціальныя личныя потребности членовъ Императорскаго Дома, пребывающихъ въ иностранныхъ государствахъ, и нашихъ дипломатическихъ миссій, но также служатъ разсадниками православія, особенно важно нынѣ, когда всюду, въ христіанскомъ мірѣ, усиливаются движенія къ сближенію съ вселенскою православною церковью.

Въ 1876 г. произошли нѣкоторыя, впрочемъ незначительныя, перемѣны въ *центральныхъ государственныхъ учрежденіяхъ*. Съ судебною реформою совершенно измѣняется и сокращается дѣятельность по судебной части Коммиссіи Прошеній, на Высочайшее Имя приносимыхъ. Поэтому изданъ новый штатъ канцеляріи Коммиссіи, которая будетъ постепенно сокращаема въ своемъ составѣ (Выс. утв. 20 янв. 1876 г. М. Г. С.). Учреждена должность Помощника Управляющаго дѣлами IV Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи и издана

подробная инструкція ему (Высоч. повел. 31 января и 17 апрѣля 1876 г.). Собственная Е. И. В. Канцелярія по Дѣламъ Царства Польскаго закрыта (Имен. Выс. указъ Сенату 26 августа 1876 г.).

По текущему международному праву состоялась *метрическая* конвенція (между Россіей, Германіей, Австро-Венгріей, Бельгіею, Великобританіею, Аргентинскимъ Союзомъ, Даніею, Испаніею, Соединенными Американскими Штатами, Франціею, Италіею, Швеціею и Норвегіею, Швейцарскимъ Союзомъ, Турціею и Венесуельскою республикою), заключенная въ Парижѣ 8 (20) мая 1875 г. и обнародованная лишь въ 1876 г. Эта конвенція, при всей спеціяльности своего предмета, есть новый признакъ непрерывно развивающагося международнаго элемента дѣятельности въ жизни образованныхъ народовъ, даже не въ одной Европѣ, а на всемъ земномъ шарѣ. Признаки этого развитія (до метрической конвенціи была заключена почтовая) какъ нарочно усилились передъ жесточайшимъ разногласіемъ образованной Европы, которымъ ознаменовался 1877 г. по восточному вопросу. Метрическая конвенція имѣетъ цѣлію основать и содержать на общій счетъ всѣхъ договорившихся державъ ученое и постоянное международное бюро вѣсовъ и мѣръ въ Парижѣ. Это бюро дѣйствуетъ подъ надзоромъ международнаго комитета, который въ свою очередь подчиненъ общей конференціи изъ представителей всѣхъ правительствъ. На международное бюро возложены: всѣ сравненія и повѣрки новыхъ прототиповъ метра и килограмма, храненіе прототиповъ, сравненія національныхъ образцевъ съ международными, сравненія нормальныхъ термометровъ, клейменіе и сравненіе геодезическихъ линеекъ, и сравненіе разныхъ нормальныхъ образцевъ и масштабовъ, служащихъ для опредѣленія точности измѣреній, когда повѣрка ихъ будетъ требоваться правительствами, учеными обществами, или учеными и художниками. Въ 1876 г. обнародованъ трактатъ, заключенный 27 апрѣля (7 мая) 1875 г. въ С.-Петербургѣ между Императоромъ Всероссійскимъ и Императоромъ Японскимъ (съ дополнительною статьею, подписанною въ Токіо 10 (22) августа 1875 г.), объ уступкѣ со стороны Японіи въ пользу Россіи части территоріи остр. Сахалина (Крафто), не бывшей въ ея владѣніи, и объ уступкѣ за это со стороны Россіи въ пользу Японіи группы Курильскихъ острововъ. Въ силу этого трактата весь островъ Сахалинъ принадлежитъ нынѣ къ русскимъ владѣніямъ. Въ 1876 г. обнародована международная телеграфная конвенція, заключенная 10 іюля 1875 г., между Россіей, Германіей, Австро-Венгріей, Бельгіей, Даніей, Испаніей, Франціей, Гре-

ціей, Италіей, Нидерландами, Персіей, Португаліей, Швеціей и Норвегіей, Швейцаріей и Турціей. Заключена конвенція объ наслѣдствахъ и консульская конвенція между Россіей и Испаніей, 11 февраля и 14 (26) іюня 1876 г.

По организаціи нашихъ *военныхъ силъ* состоялись слѣдующія узаконенія. Въ дополненіе къ положенію 8 іюня 1874 г. о преобразованіи воинской квартирной повинности, постановлено, что начальники отдѣльныхъ воинскихъ частей могутъ (при своемъ на то согласіи и съ разрѣшенія каждый разъ Военнаго Министра) получать въ непосредственное свое распоряженіе отъ губернскихъ распорядительныхъ комитетовъ суммы, причитающіяся на расквартированіе подвѣдомственныхъ имъ частей, съ отопленіемъ и освѣщеніемъ (Выс. утв. 25 ноября 1875 г. М. Г. С.). Вслѣдствіе новаго положенія 1874 г. объ управленія корпусами изданы положенія (Высоч. утвержд. 20 окт. 1876 г.) о корпусномъ комендантѣ и объ завѣдующемъ обозомъ корпуса въ военное время. Въ дополненіе къ положенію и штату полеваго управленія войскъ въ военное время, учреждена при главнокомандующемъ арміею особая должность завѣдующаго гражданскими дѣлами съ канцеляріею при немъ (Высоч. Пов. 16 ноября 1876 г.). Для исполненія полицейскихъ обязанностей при войскахъ въ мирное и военное время образованы особыя кадровыя жандармскія команды (Высоч. Пов. 27 авг. 1876 г.). Упразднены должность и управленіе инспектора стрѣлковыхъ батальоновъ и вмѣсто нихъ учреждены должность инспектора стрѣлковой части въ войскахъ и при немъ управленіе (Выс. утв. 14 сент. 1876 г. Пол. Воен. Сов.).

Изъ суммъ, поступившихъ отъ продажи выкупныхъ рекрутскихъ квитанцій (по прежнему порядку отправленія воинской повинности) и находившихся въ завѣдываніи Военнаго Министерства, образованъ, при Министерствѣ Финансовъ, особый капиталъ для устройства воинскихъ казармъ (Выс. утв. 17 февр. 1876 г. М. Г. С.). Приняты нѣкоторыя особыя мѣры къ увеличенію числа военныхъ врачей и врачей вообще въ Имперіи: увеличены оклады медицинскихъ чиновниковъ вѣдомствъ военнаго, морскаго и Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, увеличено число казенныхъ медицинскихъ стипендій въ университетахъ, присвоены нѣкоторыя преимущества своекоштнымъ медицинскимъ студентамъ, поступающимъ на службу по военному и морскому вѣдомствамъ, усилены пособія казеннымъ стипендіатамъ при поступленіи ихъ на службу, и усилены пособія сту-

дентамъ, опредѣляемымъ на службу въ университетскія клиники (Выс. утв. 2 марта 1876 г. М. Г. С.).

И въ 1876 г., также какъ въ 1875 г., продолжались разъясненія и дополненія устава объ воинской повинности 1874 г. Въ составъ губернскихъ и областныхъ присутствій введенъ Вице-губернаторъ (Выс. утв. 20 января 1876 г. М. Г. С.). Для предотвращенія недоразумѣній при уклоненіи евреевъ отъ правильнаго исполненія воинской повинности указаны нѣкоторыя правила, дополняющія статьи устава о воинской повинности, которыя относятся къ этому предмету (Выс. утв. 3 февраля 1876 г. М. Г. С.). Льгота третьяго разряда по семейному положенію (уст. о воинск. пов. ст. 45) предоставлена лицу, непосредственно слѣдующему за братомъ, находящимся по призыву на дѣйствительной службѣ или умершимъ на ней, не только въ томъ случаѣ, когда поступившій въ войска по призыву не отбылъ еще срока дѣйствительной службы (ст. 17 и 18), но также и въ томъ случаѣ, когда онъ добровольно остался на службѣ, сверхъ срока (Выс. утв. 2 марта 1876 г. М. Г. С.). Разъяснено, что лица, сосланныя въ каторжныя работы или на поселеніе съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, должны считаться для семействъ, за ними не послѣдовавшихъ на мѣсто ссылки, въ гражданскомъ отношеніи умершими, и потому они не могутъ присвоивать сыновьямъ (прижитымъ до ссылки и за ними непослѣдовавшими въ ссылку) никакихъ льготъ по воинской повинности (Выс. утв. 2 марта 1876 г. М. Г. С.). Измѣнена редакція пункта г. ст. 46 уст. о воинск. пов. (Выс. утв. 16 марта 1876 г. М. Г. С.). Лицамъ выдержавшимъ испытаніе въ знаніи полнаго курса гимназій, за исключеніемъ древнихъ языковъ, предоставлена льгота втораго разряда по образованію (Выс. утв. 4 мая 1876 г. М. Г. С.).

Въ кругу узаконеній, относящихся къ *государственной службѣ* вообще, состоялось постановленіе о порядкѣ празднованія юбилеевъ (Выс. утв. 6-го февраля 1876 г. Пол. Ком. Мин.). Это постановленіе было вызвано непомѣрнымъ развитіемъ въ нашемъ обществѣ, въ теченіи послѣднихъ лѣтъ, разнородныхъ юбилейныхъ празднествъ. Имъ установлено между прочимъ то общее начало, что *безъ предварительнаго разрѣшенія высшаго начальства* не допускается празднованіе юбилеевъ не только лицъ, состоящихъ въ государственной службѣ или занимающихъ должности съ утвержденія правительственныхъ учрежденій, но и лицъ, служащихъ въ благотворительныхъ учрежденіяхъ и всякаго рода обществахъ, находя-

щихся въ вѣдомствѣ или подчиненіи правительственныхъ учрежденій. Чѣмъ болѣе, это постановленіе въ свое время было сочувственно встрѣчено общественнымъ мнѣніемъ, которое въ образованныхъ нашихъ кругахъ уже давно возмущалось многими странными явленіями въ развитіи нашихъ юбилейныхъ торжествъ, тѣмъ болѣе можно сожалѣть, что для ограниченія этихъ явленій понадобилась правительственная регламентація. Въ свободномъ движеніи самой общественной жизни должно было бы найтись противудѣйствіе преувеличеннымъ, часто фальшивымъ формамъ, въ которыхъ у насъ проявлялись не разъ всѣ эти публичныя чествованія общественныхъ дѣятелей. Искренности этихъ чествованій общественное мнѣніе большею частію само не довѣряетъ. При увѣренности въ чистосердечіи и безъискусственности ихъ, всякая правительственная регламентація была бы излишня.

По части *государственныхъ финансовъ*, упомянемъ объ новыхъ законодательныхъ постановленіяхъ, состоявшихся въ 1876 г. Въ законодательствѣ о питейныхъ заведеніяхъ въ городахъ сдѣланы нѣкоторыя перемѣны. Росписанія о числѣ мѣстъ раздробительной продажи крѣпкихъ напитковъ, ежегодно составляемыя городскими думами, должны быть теперь представляемы на утвержденіе не губернскихъ правленій, какъ было прежде (согласно примѣч. I къ ст. 310-й уст. о пит. сб. по продолж. 1869 г.), а губернскимъ по городскимъ дѣламъ присутствіямъ; при этомъ думы могутъ указывать на мѣстности, въ которыхъ такія заведенія совсѣмъ не могутъ быть открываемы. Вмѣстѣ съ тѣмъ разъяснено примѣч. 3 къ 310 ст. уст. о пит. сб., въ томъ смыслѣ, что сила этого примѣчанія, воспрещающаго сельскимъ обществамъ приговоры о продажѣ крѣпкихъ напитковъ со взысканіемъ платы за право торговли въ свою пользу или же объ отдачѣ права этой торговли, въ видѣ монополіи, одному или нѣсколькимъ лицамъ, распространяется и на городскія общества. При этомъ объяснено, что питейный доходъ (т. е. сборъ за право торговли крѣпкими напитками) всецѣло принадлежитъ государственному казначейству, и вообще полученіе городами прямо или косвенно платы за разрѣшеніе питейной торговли и ограниченіе ея помѣщеніями, принадлежащими городу, признаются противузаконными (Выс. утв. 1 янв. 1875 г. М. Г. С.). Все это постановленіе было неизбѣжнымъ послѣдствіемъ порядка свободной питейной торговли, установленнаго у насъ съ упраздненіемъ питейной монополіи и откуповъ. Городскія и сельскія общества пользовались очень часто предоставлен-

нымъ имъ по закону правомъ воспрещать, при извѣстныхъ условіяхъ, открытіе питейныхъ заведеній, для извлеченія изъ этого права дохода въ свою пользу и для монополизированья питейной торговли. Законъ долженъ былъ положить предѣлъ этимъ злоупотребленіямъ, нисколько не противудѣйствующимъ развитію пьянства. Если противудѣйствіе этому злу и было цѣлію иныхъ подобныхъ распоряженій городскихъ и сельскихъ обществъ, то эта цѣль должна быть достигнута другими мѣрами, законодательными и административными, которыя не нарушали бы свободы питейной торговли и не создавали бы изъ нея привиллегію, тождественную съ прежними откупами. На необходимость этихъ мѣръ, давно ожидаемыхъ, сдѣланъ намекъ въ упомянутомъ постановленіи, въ которомъ сказано, что оно издается «впредь до разрѣшенія общаго вопроса объ ограниченіи числа питейныхъ заведеній». Въ Закавказскомъ краѣ возвышенъ акцизъ съ выкуриваемаго вина (до 7 к. съ градуса) и сдѣланы нѣкоторыя измѣненія въ правилахъ устава о питейномъ сборѣ, дѣйствующихъ въ этомъ краѣ (Выс. утв. 26-го мая 1876 г. Пол. Кавказск. Ком.).

Отмѣнены дававшія самый ничтожный доходъ казнѣ и стѣснявшія развитіе горнаго производства подати со всѣхъ горныхъ произведеній, кромѣ золота, серебра, платины, чугуна и мѣди (Выс. утв. 17 февраля 1876 г. Мн. Г. С.). Для возбужденія и поощренія нашего горнаго и металлическаго производства приняты и разныя другія мѣры. Къ развитію рельсоваго произдвоства установленъ цѣлый рядъ такихъ мѣръ въ Высоч. утв. 14-го мая 1876 г. Положеніи Комитета Министровъ: воспрещенъ впредь безпошлинный пропускъ рельсовъ для нашихъ желѣзныхъ дорогъ, велѣно включать въ новые уставы желѣзно-дорожныхъ компаній обязательство для нихъ пріобрѣтать въ Россіи половину рельсовъ какъ для постройки, такъ и ремонта всѣхъ линій, учреждены отъ казны преміи въ пользу рельсовыхъ заводовъ (въ 50, 35, 30, 25 и 20 к. за каждый выдѣланный пудъ стальныхъ рельсовъ, при извѣстныхъ условіяхъ), и сверхъ того установлены казенные заказы заводамъ стальныхъ рельсовъ изъ русскаго чугуна. Сюда же принадлежитъ и отмѣна процентной подати (Высоч. повел. 10-го ноября 1876 г.), долженствующая поощрить развитіе нашего золотаго промысла. Изданіемъ положенія о комплектованіи войскъ лошадьми введена у насъ новая *натуральная повинность конская* (Выс. утв. 24-го окт. 1876 г. М. Г. С. и указъ Сенату отъ того же числа). Эту мѣру, хотя и вызванную но-

выми условіями военной организаціи, должно указать здѣсь совокупно съ постановленіями, относящимися къ области государственныхъ налоговъ и повинностей.

Разсмотрѣніе государственнаго бюджета на 1876 г. и общаго нашего финансоваго положенія нужно отложить до будущаго тома Сборника, когда будетъ опубликованъ отчетъ государственнаго контроля объ исполненіи упомянутаго бюджета. Впрочемъ объ общемъ нынѣшнемъ положеніи нашихъ финансовыхъ силъ было достаточно сказано въ «Обозрѣніи» III т. Сборника, по поводу контрольнаго отчета за 1875 г. Сверхъ всего этого, финансовыя силы государства принадлежатъ во время войны къ боевымъ его силамъ, обсужденіе которыхъ неудобно въ военное время, и совершенно излишне, при невозможности серьезныхъ финансовыхъ реформъ въ такое время.

По *государственному хозяйству* приняты слѣдующія мѣры. Высочайшимъ Повелѣніемъ 19 января 1876 г. (по докладу Министра Государственныхъ Имуществъ) установлены *преміи*, на счетъ суммъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, за успѣхи и труды по *лѣсоразведенію и устройству* лѣсовъ: сто сорокъ премій по 100 р., при серебряной медали каждая, за разведеніе лѣса и посадку деревьевъ на крестьянскихъ земляхъ, въ губ.: Херсонской, Екатеринославской, Саратовской, Самарской, Тамбовской, Воронежской, Харьковской, Курской, Полтавской, Орловской, Тульской, Московской, Кіевской и Подольской, и сто сорокъ медалей (безъ премій) на тѣ-же губерніи; двѣ преміи по 500 полуимперьяловъ, при золотой медали каждая, и пять золотыхъ медалей (въ видѣ вторыхъ премій) за наибольшіе труды и успѣхи по лѣсоразведенію, и на земляхъ частныхъ владѣльцевъ въ вышеупомянутыхъ губерніяхъ и сверхъ того въ губ.: Таврической, Бессарабской, Черниговской и Симбирской; двѣ преміи по 200 полуимперьяловъ каждая, при золотой медали, и пять золотыхъ медалей за наилучшее устройство лѣсныхъ дачъ частныхъ владѣльцевъ какъ во всѣхъ вышепоименованныхъ губерніяхъ, такъ и Пензенской, Казанской, Нижегородской, Владимірской, Рязанской, Калужской, Смоленской, Псковской, С.-Петербургской, Тверской и Ярославской. Упомянутыя преміи на крестьянскихъ земляхъ учреждены на 5 лѣтъ и первыя преміи должны быть присуждены въ началѣ 1877 г.; преміи на земляхъ частныхъ владѣльцевъ учреждены на 4 года и первыя преміи должны быть присуждены въ началѣ 1878 г. Раздача премій на крестьянскихъ земляхъ предоставлена губернскимъ земскимъ управамъ, а въ губерніяхъ, еще неимѣю-

щихъ земскихъ учрежденій, — губернаторамъ. Присужденіе премій на земляхъ частныхъ владѣльцевъ предоставлено Совѣту Министра Государственныхъ Имуществъ, съ утвержденія Министра и по представленіямъ губернаторовъ, губернскихъ земскихъ управъ, управленій государственныхъ имуществъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ. При назначеніи премій принимаются въ соображеніе только работы и успѣхи, оказавшіеся съ начала 1876 г. Министерство Государственныхъ Имуществъ по всей вѣроятности опубликуетъ въ свое время результаты этой мѣры, весьма у насъ новой, къ поощренію успѣховъ лѣсоразведенія и правильнаго лѣснаго хозяйства. Лѣсоистребленіе и настоятельность болѣе раціональнаго пользованія нашимъ лѣснымъ хозяйствомъ обращаютъ на себя съ нѣкоторыхъ поръ общественное мнѣніе. Практическія послѣдствія мѣры, изложенной выше и принятой по этой важной части Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, которое есть вмѣстѣ съ тѣмъ и наше министерство сельскаго хозяйства, будутъ весьма интересны.

Срокъ дѣйствія временныхъ правилъ 1871 г. объ нарядахъ (заказахъ), дѣлаемыхъ казеннымъ горнымъ заводамъ Военнымъ и Морскимъ Министерствами, истекавшій въ 1876 г., продолженъ, Высочайшимъ повелѣніемъ 29 декабря 1875 г. (по всеподданнѣйшему докладу Министра Государственныхъ Имуществъ), на 1877 г. Это распоряженіе обращаетъ на себя вниманіе въ особенности потому, что въ изложеніи означеннаго Высочайшаго повелѣнія упоминается объ невозможности составленія окончательныхъ по этому предмету правилъ вслѣдствіе «предположеннаго преобразованія казенныхъ горныхъ заводовъ», и возложена выработка этихъ окончательныхъ правилъ (для 1878 г.) на особую коммиссію изъ представителей отъ горнаго, артиллерійскаго и морскаго вѣдомствъ. По этому случаю, нельзя не припомнить обширныя и многолѣтнія работы, которыя были посвящены въ Министерствѣ Финансовъ (между прочимъ въ особенности въ Податной Коммиссіи) изученію положенія и преобразованію нашихъ казенныхъ горныхъ заводовъ. Передача ихъ изъ Министерства Финансовъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ естественнымъ образомъ пріостановила приведеніе въ исполненіе реформы, предполагавшейся на основаніи всѣхъ этихъ работъ, за исключеніемъ впрочемъ передачи казенныхъ заводовъ въ частныя руки; эта операція, составлявшая одно изъ важнѣйшихъ условій проектированной Министерствомъ Финансовъ реформы, уже приводится въ исполненіе Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ, хотя и въ порядкѣ нѣсколько другомъ, чѣмъ какой былъ

указанъ Податною Коммиссіей. Коренное измѣненіе системы *нарядовъ* или заказовъ, которые дѣлаются у насъ на казенныхъ горныхъ заводахъ для арміи и флота, входило въ составъ проектированной реформы, какъ главный вопросъ, ибо этими нарядами опредѣляются все существованіе и вся будущность этихъ заводовъ, неприносящихъ ни казнѣ, ни государству никакой другой пользы и сопряженныхъ съ огромными убытками для государственнаго бюджета. Въ то время, когда проектировалась упомянутая реформа нашего государственнаго горнаго хозяйства и всего горнаго законодательства, и сухопутное и морское военныя вѣдомства сами настоятельно желали быть освобождены отъ обязательности этихъ нарядовъ, которые ихъ стѣсняютъ въ выборѣ наиболѣе цѣлесообразныхъ средствъ (посредствомъ заказовъ на частныхъ заводахъ въ Россіи и заграницей) для заготовленія военныхъ запасовъ и матерьяловъ и не обезпечиваютъ той строгой (коммерческой) отвѣтственности за исправность этого заготовленія, какая достигается черезъ контракты съ частными лицами. Поэтому выработка окончательныхъ правилъ объ нарядахъ, *на новыхъ началахъ*, возложенная въ 1876 г. (какъ выше сказано) на Министерство Государственныхъ Имуществъ, составляетъ важный государственный вопросъ не только для нашего казеннаго горнаго хозяйства, но и вообще. Между тѣмъ, если политическія событія 1876 и 1877 гг. должны были пріостановить движеніе всѣхъ внутреннихъ реформъ, то это въ особенности должно отразиться на этомъ вопросѣ: въ военное время отношенія правительства къ казеннымъ заведеніямъ, заготовляющимъ военный матерьялъ, не могутъ быть тѣ-же, какъ въ мирное время, въ особенности когда, въ мирное время, не былъ заблаговременно организованъ порядокъ этихъ заготовленій на случай войны. За то нынѣшнія чрезвычайныя вооруженія послужатъ плодотворнымъ опытомъ для окончательнаго опредѣленія способности и силы нашихъ казенныхъ горныхъ и металлургическихъ заведеній къ удовлетворенію военныхъ потребностей государства и для окончательнаго выясненія вопроса объ степени ихъ государственной необходимости. Надо думать, что по минованіи военныхъ обстоятельствъ, этотъ вопросъ, какъ и многіе другіе въ нашей государственной жизни, не будетъ болѣе предметомъ тѣхъ продолжительныхъ и безплодныхъ споровъ между разными вѣдомствами, какіе происходили въ Податной Коммиссіи (въ концѣ 60-хъ годовъ), и что онъ быстро приблизится къ своему законодательному разрѣшенію.

Для управленія и полиціи каспійскихъ рыбныхъ и тюленьихъ

промысловъ изданы новыя правила, отчасти измѣняющія и дополняющія нѣкоторыя статьи устава 25 мая 1865 г. по этой части (Выс. утв. 27 янв. 1876 г. М. Г. С.). Опредѣленъ порядокъ водворенія въ оренбургскомъ краѣ переселенцевъ, арендующихъ въ этомъ краѣ частныя земли и пріобрѣтающихъ въ немъ собственность (Высоч. утв. 28 янв. 1876 г. Полож. Главн. Комит. объ устр. сельск. состоянія). Столь важное для успѣховъ народнаго хозяйства развитіе телеграфныхъ сообщеній получило значительный для себя толчекъ черезъ распоряженіе объ открытіи вспомогательныхъ телеграфныхъ станцій (Выс. Пов. 30 янв. 1876 г.). Эти станціи, отдаваемыя въ завѣдываніе частныхъ лицъ (за вознагражденіе) подъ надзоромъ телеграфной администраціи, будутъ открываемы въ такихъ пунктахъ, въ которыхъ, при недостаточности корреспонденціи, не могутъ быть устроены государственныя телеграфныя станціи, сопряженныя съ большими расходами. Подобно комитету съѣзда представителей комерческихъ банковъ (объ которомъ было говорено въ «Обозрѣніи» III Т. Сб.), учрежденъ комитетъ представителей земельныхъ банковъ (Выс. утв. 12 марта 1876 г. Пол. Ком. Мин.). Въ видахъ усиленія правительственныхъ поощреній къ производству лошадей для кавалеріи, установлены (независимо отъ наградъ для коннозаводчиковъ) золотыя медали, выдаваемыя имъ отъ главнаго управленія государственнаго коннозаводства за лучшихъ лошадей ежегодныхъ ремонтовъ (Выс. Пов. 15 марта 1876 г.). Изданы новыя правила о выдѣлкѣ и продажѣ игральныхъ картъ, Высочайше утвержденныя 3 апрѣля 1876 г. по докладу Главноуправляющаго IV отдѣленіемъ собственной Е. И. В. Канцеляріи. Изданы правила о поземельномъ устройствѣ половниковъ, проживающихъ на владѣльческихъ земляхъ Вологодской губерніи, объ ихъ переселеніи на казенныя земли, объ пріобрѣтеніи ими въ собственность земель у частныхъ владѣльцевъ и объ денежныхъ пособіяхъ, оказываемыхъ имъ казною въ этихъ случаяхъ (Выс. утв. 27 апрѣля 1876 г. М. Г. С.). Для предупрежденія и прекращенія чумы на рогатомъ скотѣ установлены нѣкоторыя новыя правила, въ дополненіе правилъ, изданныхъ 2 декабря 1868 г., относительно прогона скота (Выс. утв. 30 мая 1876 г. М. Г. С.). Лѣса, состоящіе при казенныхъ горныхъ заводахъ, находившіеся въ горномъ вѣдомствѣ, переданы въ общее лѣсное управленіе (Выс. утв. 13 августа 1876 г. Пол. Ком. Мин.). Надо надѣяться, что эта мѣра послужитъ къ улучшенію хозяйства въ этихъ лѣсахъ, чрезвычайно разстроеннаго.

По *судебной части* продолжались развитіе и распространеніе

новыхъ судебныхъ установленій 1874 г. Усилены штаты судебныхъ должностей въ разныхъ мѣстностяхъ внутренней Россіи: въ области войска донскаго, на сѣверномъ Кавказѣ, въ закавказскомъ краѣ, въ Одессѣ (Высоч. утв. 20 дек. 1875 г., 20 янв., 17 окт., 2 ноября 1876 г. М. Г. С.). Въ устройствѣ мировыхъ судебныхъ установленій на Кавказѣ и за Кавказомъ сдѣланы нѣкоторыя перемѣны (Выс. утв. 2 марта 1876 г. М. Г. С.). На Московскій Коммерческій Судъ возложено производство взысканій по протестованнымъ векселямъ и вслѣдствіе этого изданъ новый дополнительный штатъ этого суда (Выс. утв. 15 мая 1876 г. М. Г. С.). На мѣсто варшавскаго коммерческаго трибунала учрежденъ варшавскій коммерческій судъ (Выс. утв. 30 іюня 1876 г. Журналъ Ком. по дѣламъ Царст. Польск.). Въ варшавскомъ судебномъ округѣ введено въ дѣйствіе общее уложеніе объ наказаніяхъ изд. 1866 г. (Имен. Выс. указъ Сенату 13 сент. 1876 г.). Измѣнены сроки (вмѣсто годоваго и двухгодоваго установленъ четырехмѣсячный) подачи всеподданнѣйшихъ жалобъ (черезъ Коммиссію прошеній, по ст. 13 ея учрежденій) по дѣламъ тяжебнымъ и уголовнымъ (Высоч. утв. 17 окт. 1876 г. М. Г. С.). Въ дополненіе къ судебной реформѣ въ привислянскомъ краѣ, въ видѣ временной мѣры, сохранена въ губерніяхъ варшавскаго судебнаго округа за чинами администраціи власть по наложенію взысканій въ извѣстныхъ случаяхъ (Выс. утв. 20 сент. 1876 г. Журн. Ком. Мин.).

Въ области *народнаго образованія* и учебныхъ заведеній состоялись слѣдующія постановленія. Съ 1 января 1876 г. Высочайше разрѣшено открыть, на особыхъ *временныхъ* основаніяхъ, дѣйствія конференцій Имп. медико-хирургической академіи, возложенныя въ ноябрѣ 1874 г. (вслѣдствіе безпорядковъ) временно на особую коммиссію. Эта коммиссія однако еще не упразднена и за нею оставлено главное управленіе дѣлами медико-хирургической академіи и ея учебно-вспомогательныхъ учрежденій по учебной, административной и хозяйственной частямъ. Такимъ образомъ, продолжается временной характеръ организаціи управленія въ этомъ высшемъ ученомъ и учебномъ учрежденіи, которое имѣетъ такое обширное у насъ значеніе, какъ въ научномъ, такъ и въ государственномъ практическомъ отношеніи. Вопросъ объ устройствѣ управленія Имп. Медико-хирургической Академіи и ея отношеніяхъ къ центральнымъ органамъ государственной администраціи неоднократно возникалъ, по поводу разныхъ обстоятельствъ во внутренней жизни этого учрежденія, обращавшихъ на него вниманіе

правительства и публики. Изъятіе этого учрежденія изъ общей системы университетскаго образованія, къ которому оно не отъемлемо принадлежитъ по своему существу и задачѣ, и подчиненіе его военному вѣдомству, объяснимое только историческою случайностью, составляютъ явленіе слишкомъ аномальное и единственное у насъ въ своемъ родѣ, чтобы оно могло долго оставаться. Этимъ явленіемъ обусловлены и разныя исключительныя обстоятельства во внутренней жизни этого учрежденія, не встрѣчающіяся въ нашихъ университетахъ и въ ихъ медицинскихъ факультетахъ. Другое распоряженіе въ 1876 г. относилось также къ Имп. Медико-хирургической Академіи и къ одному важному вопросу (объ женскомъ медицинскомъ образованіи), который былъ ею поставленъ, и также разрѣшился бы болѣе правильно на университетской почвѣ. Открытые въ 1872 г. при Академіи женскіе врачебные курсы отдѣлены отъ нея и перенесены въ николаевскій военный госпиталь съ подчиненіемъ надзору главнаго его врача и главнаго военно-медицинскаго инспектора (Высоч. Повел. 4 марта 1876 г.). При этомъ за конференціей Академіи сохранено однако право выдавать слушательницамъ этихъ курсовъ, по испытаніи ихъ, аттестаты на акушерскую, женскую и дѣтскую врачебную практику. Къ сожалѣнію, это учрежденіе остается и послѣ этого распоряженія въ неопредѣленномъ положеніи, при которомъ оно можетъ приносить болѣе вреда, чѣмъ пользы женскому образованію, и общему и спеціальному: до сихъ поръ, какъ было и съ самаго начала этихъ курсовъ, остается неяснымъ, къ какому призванію они должны готовить своихъ слушательницъ, къ чисто акушерскому или къ медицинскому?

И въ 1876 г. продолжалось развитіе общей системы, положенной Министерствомъ Народнаго Просвѣщенія въ основаніе народнаго образованія; дѣйствіе этой системы распространялось на тѣ мѣстности, къ которымъ она еще не была примѣнена, и вновь учреждались входящія въ ея планъ учебныя заведенія. Полная гимназія вновь учреждена въ г. Омскѣ (Высоч. утв. 23 декабря 1875 г. М. Г. С.); въ полную гимназію преобразована шестиклассная прогимназія въ г. Ананьевѣ Херсонской губ., на совокупныя средства казны, земства и городскаго общества (Выс. утв. 27 янв. 1876 г. М. Г. С.).

Вновь учреждены *прогимназіи:* четырехъ-классныя, въ г. Евпаторіи, Таврической губ., на совокупныя средства казны, земства и городскаго общества (Выс. утв. 22 ноября 1875 г. М. Г. С.), въ г. Вознесенскѣ Херсонской губ., на тѣ-же средства (Выс. утв. 9 дек.

1875 г. М. Г. С.); *четырехклассныя* прогимназіи — въ г. Ялтѣ Таврической г., въ г. Стерлитамакѣ Уфимской губ., въ г. Бѣлевѣ Тульской г., въ посадѣ Азовѣ Екатериносл. губ., въ г. Жиздрѣ Калужской губ., въ г. Краснослободскѣ Пензенской губ., на совокупныя средства казны и городскихъ обществъ (Выс. утв. 23 дек. 1875 г.; 27 янв., 4 мая, 18 мая 1876 г. М. Г. С.); четырехклассныя прогимназіи — въ г. Житомірѣ и въ г. Благовѣщенскѣ Приморской обл. на счетъ казны (Выс. утв. 18, 30 мая 1876 г. М. Г. С.). *Четырехклассная* прогимназія преобразована въ шестиклассную въ г. Шуѣ Владимірской губ., на совокупныя средства казны и городскаго общества (Выс. утв. 17 февр. 1876 г. М. Г. С.).

Реальныя училища вновь учреждены: шестиклассное, съ основнымъ и коммерческимъ отдѣленіемъ, съ высшимъ дополнительнымъ классомъ и механико-техническимъ въ немъ отдѣленіемъ, въ г. Перми, на совокупныя средства казны, земства и городскаго общества; шестиклассное съ основнымъ отдѣленіемъ и съ дополнительнымъ классомъ, въ составѣ двухъ отдѣленій, общаго и механико-техническаго, въ г. Полтавѣ, на совокупныя средства казны, земства и городскаго общества (Выс. утв. 27 апрѣля 1876 г. М. Г. С.); шестиклассное съ основнымъ и коммерческимъ отдѣленіемъ въ г. Смоленскѣ, на совокупныя средства земства и казны (Выс. утв. 30 мая 1870 мая М. Г. С.); шестиклассное съ основнымъ отдѣленіемъ въ высшихъ двухъ классахъ и съ общимъ отдѣленіемъ дополнительнаго класса (Выс. утв. 20 іюля 1876 г. М. Г. С.). Пятиклассное съ химико-техническимъ отдѣленіемъ, — въ г. Вологдѣ, на тѣ же совокупныя средства; четырехклассное, — въ г. Херсони, на тѣ же средства (Выс. утв. 27 янв. 1876 г. М. Г. С.); полное реальное училище въ двухъ старшихъ классахъ—въ г. Троицко-Савскѣ Забайкальской области, на совокупныя средства казны и кяхтинскаго городскаго общества (Выс. утв. 17 февр. 1876 г. М. Г. С.); четырехклассное реальное училище съ коммерческимъ отдѣленіемъ въ двухъ старшихъ классахъ — въ г. Астрахани, на совокупныя средства казны и городскаго общества (Выс. утв. 27 апр. 1876 г. М. Г. С.).

На Уфимскую губернію распространено дѣйствіе положеній о начальныхъ народныхъ училищахъ 25 мая 1874 г. и о мѣрахъ къ развитію начальнаго народнаго образованія (Выс. утв. 22 ноября 1875 г. М. Г. С.). Отчасти также распространена сила этихъ положеній и на Архангельскую губ., въ которой учреждены должности директора и инспектора народныхъ училищъ, согласно упомянутому

положенію 25 мая 1874 г. (Выс. утв. 9 дек. 1875 г. М. Г. С.). Въ кавказскомъ учебномъ округѣ утверждено сверхъ дирекціи народныхъ училищъ Тифлисской губ., еще 6 такихъ дирекцій (Высоч. утв. 27 янв. 1876 г. М. Г. С.). Въ губерніяхъ, имѣющихъ земскія учрежденія, увеличено число инспекторовъ народныхъ училищъ на 24, съ ассигнованіемъ на ихъ содержаніе 148,000 руб. ежегодно (Выс. утв. 29 апр. 1876 г. М. Г. С.). Само собою разумѣется, что развитіе и распространеніе всей этой формальной стороны администраціи народныхъ училищъ еще нисколько не обезпечиваетъ успѣховъ нашего начальнаго образованія, хотя въ послѣдніе годы все вниманіе было у насъ сосредоточено на эту формальную сторону административнаго механизма народныхъ училищъ.

Въ кругу *спеціальнаго народнаго образованія* состоялись слѣдующія распоряженія. Барономъ Штиглицемъ пожертвованъ капиталъ въ одинъ милліонъ рублей «для устройства и содержанія въ С.-Петербургѣ училища техническаго рисованья». Это заведеніе будетъ состоять въ вѣдѣніи Министерства Финансовъ. Въ правительственномъ постановленіи (Выс. пов. 9 января 1876 г.), въ которомъ объявлено о принятіи упомянутаго пожертвованія, сказано: отъ 300 до 350 тыс. р. изъ него будетъ употреблено на сооруженіе зданія и полное устройство этого училища и что «если впослѣдствіи оказалось бы необходимымъ увеличить расходы училища, то на Министерство Финансовъ возлагается изыскать къ тому средства (не обращаясь къ барону Штиглицу или его наслѣдникамъ)». Какія могутъ еще понадобиться денежныя средства, сверхъ огромнаго пожертвованія бар. Штиглица, на учебное заведеніе съ означенною выше весьма скромною спеціальною задачею, понять теперь трудно, когда размѣры даже этого пожертвованія слишкомъ далеко превышаютъ потребности этой задачи. При подобныхъ фактахъ въ нашей общественной жизни, нельзя не вспомнить, какъ еще неразборчиво и безотчетно тратятся у насъ не только казенныя, но и частныя деньги, часто при наилучшихъ намѣреніяхъ и правительственныхъ и частныхъ лицъ! Это размышленіе въ особенности умѣстно въ области нашего народнаго образованія, которому, — подлѣ роскоши по инымъ затѣйливымъ предпріятіямъ, — недостаетъ необходимыхъ денежныхъ средствъ для многихъ самыхъ насущныхъ нуждъ. При всемъ этомъ нисколько не должно однако отрицать важности «техническаго рисованья» для успѣховъ нашей промышленности. Но пока будетъ сооружено с.-петербургское высшее училище техническаго рисованья барона Штиглица, ежегодный доходъ

отъ милліона капитала, имъ пожертвованнаго, могъ бы быть достаточенъ для содержанія нѣсколькихъ десятковъ *рисовальныхъ школъ*, въ которыхъ такъ нуждаются наши промышленныя губерніи для воспитанія рабочаго и промышленнаго класса и которыя, не смотря на желанія нѣкоторыхъ земствъ, не учреждаются, за недостаткомъ денежныхъ средствъ.

По вѣдомству военнаго образованія учреждены три новыя военныя гимназіи (въ Москвѣ, Псковѣ и Ярославлѣ), на мѣсто трехъ прогимназій (Выс. утв. 13 іюня 1876 г. Пол. Воен. Сов.). Непрерывно продолжающееся развитіе и возрастаніе этихъ учебныхъ заведеній, хотя спеціально и предназначенныхъ для комплектованія военныхъ училищъ, но занимающихся исключительно общеобразовательными учебными предметами, безъ всякой почти примѣси военнаго воспитанія, напоминаетъ объ этой особой системѣ общаго образованія, которая, въ томъ же самомъ кругу правительственной дѣятельности по народному образованію, конкурируетъ съ другою системою—вѣдомства народнаго просвѣщенія. Оба вѣдомства существуютъ у насъ на государственный счетъ, безусловно игнорируя одно другое. Такимъ образомъ, народное образованіе въ государствѣ, требующее единства, ради самыхъ первостепенныхъ интересовъ государственной и національной жизни, болѣе и болѣе раздвоивается у насъ на два разнородныхъ типа, которые находятся между собою какъ будто въ антагонизмѣ. Рано или поздно эта двойственность воспитанія и потому двойственность всѣхъ понятій въ подростающихъ нынѣ поколѣніяхъ можетъ принести свои горькіе плоды. Не могутъ же первостепенные интересы государства быть приносимы въ жертву разрозненнымъ интересамъ вѣдомствъ?

По военному образованію приняты еще слѣдующія мѣры. Измѣнены нѣкоторыя статьи положенія объ юнкерскихъ училищахъ, для согласованія его съ новымъ уставомъ о воинской повинности (Выс. утв. 13 іюня 1876 г. Пол. Воен. Сов.). Усиленъ и дополненъ штатъ главнаго управленія Военно-Учебныхъ заведеній (Выс. утв. 13 іюня 1876 г. Пол. Воен. Сов.).

По ученой части усиленъ составъ Николаевской (пулковской) главной астрономической обсерваторіи (Выс. утв. 22 ноября 1875 г. Мн. Гос. Сов.). Нельзя не порадоваться развитію средствъ этого ученаго учрежденія, одного изъ полезнѣйшихъ въ Россіи и замѣчательнѣйшихъ въ Европѣ; оно свято хранитъ высокія преданія науки, завѣщанныя его знаменитымъ основателемъ (Струве), служитъ разсадникомъ русскихъ астрономовъ и сверхъ того дѣя-

тельно содѣйствуетъ достиженію разныхъ практическихъ государственныхъ цѣлей (между прочимъ топографическимъ работамъ).

Въ кругу *мѣстнаго управленія* состоялись слѣдующія узаконененія. Городское самоуправленіе, на основаніи Городоваго Положенія 16-го іюня 1870 г., продолжало распространяться на города, къ которымъ это положеніе еще не было примѣнено. Оно было введено въ 1876 г. въ г. Поти Кутаисской губ. По устройству *мѣстнаго управленія* была принята въ 1876 г. одна мѣра, которая произвела нѣкоторое впечатлѣніе въ политическомъ смыслѣ и возбудила толки въ печати не только русской, но и иностранной. Мы говоримъ объ упраздненіи, по Именному Высочайшему указу 25 января 1876 г., должности лифляндскаго, эстляндскаго и курляндскаго генералъ-губернатора. Хотя въ указѣ не объяснено никакихъ мотивовъ этой мѣры, но она не могла быть ни чѣмъ инымъ, какъ самымъ естественнымъ продолженіемъ постепеннаго и непрерывнаго упраздненія генералъ - губернаторской власти во всей Имперіи, съ прекращеніемъ историческихъ обстоятельствъ, вызвавшихъ учрежденіе этой власти на всѣхъ нашихъ окраинахъ. Не было причины не распространять этой разумной мѣры и на прибалтійскую окраину и оставлять ее долѣе въ исключительномъ и обособленномъ отъ общей центральной администраціи положеніи. Если независимо отъ этого слишкомъ яснаго смысла упомянутаго распоряженія, оно имѣло еще политическое значеніе (уничтоженіе всякихъ историческихъ слѣдовъ существованія прибалтійской окраины какъ отдѣльной, государственно-административной единицы, то и это значеніе, которое въ этомъ распоряженіи старались (съ разныхъ сторонъ) отыскать, соотвѣтствуетъ здравымъ началамъ государственнаго управленія, обязаннаго противудѣйствовать политическому обособленію областей съ уваженіемъ къ *административнымъ* ихъ особенностямъ, которыя пока и сохранены въ Прибалтійскихъ губерніяхъ.

На противуположной восточной нашей окраинѣ образована область Ферганская изъ завоеванной и составлявшей Коканское ханство территоріи. Временное управленіе этою областью устроено на подобіе другихъ завоеванныхъ нами мѣстностей средней Азіи,—Заравшанскаго и Аму-Дарьинскаго отдѣловъ (Высоч. повел. и Именной указъ Сенату 19 февраля 1876 г.). Въ Кубанской области (на Кавказѣ) учреждены два новые уѣзда,—Закубанскій и Кавказскій, и вмѣстѣ съ тѣмъ въ областяхъ Кубанской и Томской усиленъ составъ областныхъ и уѣздныхъ управленій (Выс. утв. 27-го янв.

1876 г. М. Г. С.). Министру Внутреннихъ Дѣлъ предоставлено право сокращать, по своему усмотрѣнію, личный составъ губернскихъ правленій и губернскихъ канцелярій во всѣхъ краяхъ Имперіи, управляемыхъ по общему положенію, и по своему усмотрѣнію усиливать содержаніе остающихся чиновъ на счетъ упраздняемыхъ (Выс. утв. 9-го марта 1876 г. М. Г. С.). Упомянутыя выше губернскія учрежденія несомнѣнно требуютъ сокращенія своего состава, съ развитіемъ мѣстныхъ органовъ земскаго и городскаго самоуправленія, которые въ значительной степени замѣнили собою дѣятельность казенныхъ губернскихъ властей, но вышеозначенное, предоставленное Министру Внутреннихъ Дѣлъ право измѣнять, по своему личному («ближайшему», какъ выражено) усмотрѣнію, составъ и штаты правительственныхъ учрежденій выходитъ за предѣлы нормальныхъ атрибутовъ административной власти и служитъ новымъ примѣромъ постояннаго, нисколько нежелательнаго расширенія у насъ власти административной на счетъ законодательной.

Въ Восточной Сибири усилены канцелярскія средства полицейскаго управленія (Выс. утв. 30 марта 1876 г. М. Г. С.).

Въ дополненіе къ ст. 76 Положенія о земскихъ учрежденіяхъ, Министру Внутр. Дѣлъ предоставлено, въ случаяхъ, заслуживающихъ особаго уваженія, разрѣшать, по ходатайству уѣздныхъ и губернскихъ земскихъ собраній или управъ, открытіе собраній позднѣе установленныхъ сроковъ съ тѣмъ: 1) чтобы промежутокъ времени между губернскими и уѣздными собраніями былъ достаточенъ какъ для своевременнаго представленія губернатору уѣздныхъ смѣтъ и раскладокъ, такъ и для разсмотрѣнія ихъ губернаторомъ; 2) чтобы открытіе губернскихъ собраній назначаемо было не позднѣе 1-го февраля слѣдующаго года, и 3) чтобы отсрочки губернскаго собранія не препятствовали своевременному исполненію обязательныхъ для земства расходовъ и повинностей (Выс. утв. 26-го апрѣля 1876 г. М. Г. С.).

По мѣстному управленію состоялось въ 1876 г. очень важное законодательное постановленіе, имѣющее не малое значеніе для всего нашего государственнаго строя и законодательства. Высочайше утвержденнымъ 13 іюля 1876 г. Положеніемъ Комитета Министровъ предоставлено мѣстнымъ административнымъ властямъ издавать «обязательныя постановленія». Нельзя сперва не пожалѣть, что такая значительная законодательная мѣра не была обсуждена въ нашей высшей законодательной инстанціи (Государственномъ Совѣтѣ), а принята рѣшеніемъ высшаго административнаго органа,

каковъ по своему существу Комитетъ Министровъ. На это обстоятельство должно обратить вниманіе, потому что оно не случайное и не исключительное: одинъ изъ существенныхъ пороковъ нашей государственной жизни, нисколько не неизбѣжный (какъ полагаютъ многіе) при образѣ нашего правленія, это несоблюденіе правъ законодательной власти и безпрерывное нарушеніе административною властію точно-указаннаго закономъ законодательнаго порядка для установленія въ государствѣ новыхъ законодательныхъ нормъ. Административныя распоряженія, т. е. распоряженія административныхъ властей, отъ самыхъ высшихъ до самыхъ низшихъ, и во всѣхъ возможныхъ формахъ (повелѣній, указовъ, предписаній, приказовъ и приказаній, письменныхъ и словесныхъ, циркуляровъ, инструкцій) ежедневно безъапелляціонно вторгаются въ законодательную сферу и подкапываютъ правомѣрный или законный порядокъ въ государствѣ. Этотъ порядокъ (какъ доказала Германія, и въ особенности Пруссія въ своемъ до-конституціонномъ періодѣ) возможенъ и въ неограниченной монархіи; поддерживать и развивать его необходимо съ просвѣщенной, консервативной точки зрѣнія, для постепенности въ дальнѣйшемъ развитіи политической жизни, для избѣжанія толчковъ и порывистыхъ скачковъ, при будущихъ переходахъ отъ однѣхъ формъ государственнаго строя къ другимъ. Усиленіе элемента законности въ государствѣ можетъ соединить всѣ формы правленія въ одинъ непрерывный радъ стройнаго историческаго перерожденія ихъ изъ однѣхъ въ другія. Все это разсужденіе какъ нельзя болѣе умѣстно при обсужденіи упомянутаго выше постановленія.

Самые существенные пункты этого постановленія заключаются въ слѣдующемъ: 1) Всѣ генералъ-губернаторы, губернаторы и градоначальники, независимо отъ принадлежащаго по закону, какъ имъ, такъ и полицейскимъ учрежденіямъ, права принимать мѣры, относящіяся къ отдѣльнымъ случаямъ, могутъ издавать въ предѣлахъ ихъ вѣдомства постановленія, въ видахъ *правильнаго и успѣшнаго исполненія*, сообразно съ нѣкоторыми условіями, *узаконеній* объ общественномъ благочиніи, порядка и безопасности. Постановленія эти могутъ относиться къ *цѣлому ряду опредѣленныхъ и однородныхъ случаевъ* или быть предназначаемы для предупрежденія и пресѣченія того или другаго вида нарушенія законовъ, обезпечивающихъ общественный порядокъ, но *ни въ какомъ случаѣ не должны противурѣчить существующимъ законамъ* и карательнымъ постановленіямъ уложенія о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми

судьями, *а также постановленіямъ высшихъ правительственныхъ лицъ* и учрежденій. 2) Постановленія, изданныя упомянутыми административными властями въ силу 1 пункта, *обязательны* для всѣхъ жителей той мѣстности, которая подвѣдома каждой изъ этихъ властей. 3) Виновные въ неисполненіи этихъ административныхъ постановленій *привлекаются къ отвѣтственности на общемъ основаніи*, по дѣйствующимъ узаконеніямъ (и между прочимъ ко взысканіямъ по ст. 29 уст. о наказ. нал. мир. суд.). 4) Издаваемыя административныя постановленія *публикуются* въ данныхъ мѣстностяхъ указаннымъ порядкомъ. 5) Мѣстныя административныя власти обязаны немедленно представлять Министру Внутреннихъ Дѣлъ копіи съ изданныхъ имъ постановленій и объяснить при этомъ причины, почему онѣ приняли ту или другую мѣру. 6) «Жалобы частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій на означенныя постановленія приносятся въ *общеустановленномъ порядкѣ, но подача жалобъ не освобождаетъ частныя лица и общественныя учрежденія отъ обязанности исполненія изданныхъ постановленій.*» 7) *Отъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ зависитъ какъ по жалобѣ*, такъ и по непосредственному усмотрѣнію сдѣлать распоряженіе о дополненіи, измѣненіи или отмѣнѣ изданныхъ мѣстными властями постановленій. Тоже самое право предоставлено генералъ-губернаторамъ относительно постановленій подчиненныхъ имъ губернаторовъ. Вся эта мѣра (изложенная нами почти буквально, по тексту положенія комитета министровъ) возбуждаетъ много серьезныхъ вопросовъ, относящихся къ нашему государственному управленію; мы укажемъ здѣсь только на самыя главныя изъ нихъ. Прежде всего нельзя не замѣтить, что эта общая мѣра (какъ сказано въ обнародованныхъ мотивахъ Положенія Комитета Министровъ) состоялась по представленію г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ, который проектировалъ ее *лишь какъ временную*, впредь до изданія общихъ правилъ по этому предмету, обсуждаемыхъ особою Высочайше учрежденною Коммиссіею (изъ Министровъ Внутреннихъ Дѣлъ и Юстиціи, Главноуправляющаго II отдѣленіемъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи и Шефа Жандармовъ) и предполагалъ примѣнить эту мѣру пока только къ Генералъ-Губернаторамъ Московскому и Варшавскому и Градоначальникамъ С.-Петербургскому и Одесскому. Такимъ образомъ, вопреки первоначальному предположенію, эта мѣра, чрезвычайно расширяющая права административной власти, превращена Комитетомъ Министровъ изъ временной въ постоянную и распространена, вмѣсто весьма ограниченнаго района дѣйствія, на

всю Имперію. Черезъ это она обошлась безъ той предварительной и всесторонней разработки, которая для нея первоначально предполагалась въ вышеупомянутой Коммиссіи (съ участіемъ одного изъ важнѣйшихъ органовъ нашей законодательной части) и послѣ которой она могла получить (уже не какъ временная административная мѣра, а какъ весьма существенная для всего государственнаго управленія законодательная норма) дальнѣйшій ходъ въ общеустановленномъ законодательномъ порядкѣ. Въ такомъ случаѣ, вѣроятно, подвергнулись бы болѣе подробному и продолжительному обсужденію многіе вопросы, возбуждаемые этою мѣрою. Однако все таки нельзя думать, чтобъ всѣ они были уже окончательно рѣшены вышеприведеннымъ Положеніемъ Комитета Министровъ, такъ какъ въ немъ ничего не упомянуто объ упраздненіи Высочайше учрежденной Коммиссіи, на которую была возложена разработка этихъ вопросовъ; поэтому, въ виду дальнѣйшаго вѣроятнаго движенія этого дѣла, будутъ неизлишни нижеслѣдующія замѣчанія. Нельзя не признать правильности разсужденія Комитета Министровъ, изложеннаго въ мотивахъ его положенія, что «органы административной власти, по самому значенію ихъ въ общемъ порядкѣ государственнаго строя, должны быть снабжены и необходимыми средствами для правильнаго и успѣшнаго исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей по охраненію общественнаго благочинія, порядка и безопасности», и что «законодательство по симъ предметамъ не можетъ предусмотрѣть всѣхъ зависящихъ отъ мѣстныхъ и временныхъ обстоятельствъ условій, коими опредѣляется необходимость принятія тѣхъ или другихъ мѣръ, какъ относящихся до какихъ нибудь отдѣльныхъ и чрезвычайныхъ случаевъ, такъ и касающихся *цѣлаго ряда опредѣленныхъ и однородныхъ случаевъ*». — Все это безусловно неоспоримо и всюду признано, въ благоустроенныхъ государствахъ; вышеуказанный «рядъ опредѣленныхъ и однородныхъ случаевъ» въ административной практикѣ вызываетъ, для дополненія дѣйствующихъ законовъ, въ частностяхъ ихъ примѣненія, измѣнчивыхъ по обстоятельствамъ времени и мѣста, тѣ административныя распоряженія, которыя на техническомъ языкѣ административной науки называютъ въ западной Европѣ «регулятивами», назывались у насъ прежде «циркулярами и инструкціями» и названы теперь «обязательными постановленіями». Всюду, въ образованной Европѣ, съ тѣмъ усложненіемъ подробностей административной дѣятельности, которая сопровождаетъ возрастающее разнообразіе общественнаго быта и быстроту его движенія, усиливается потреб-

ность въ этихъ общихъ регулятивахъ или постановленіяхъ, издаваемыхъ по усмотрѣнію административной власти, въ дополненіе и разъясненіе законовъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ всюду ощущается и неменьшая необходимость въ опредѣленіи строгой административной и въ особенности судебной отвѣтственности лицъ, облеченныхъ административною властью, — необходимость въ развитіи прочныхъ, обезпеченныхъ закономъ, гарантій противъ нарушенія этими административными распоряженіями, въ ущербъ отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ народонаселеній, общей силы законовъ. Иначе упразднилась бы всякая законодательная власть, и всякій общественный порядокъ превратился бы въ порядокъ беззаконный, какъ бы онъ ни былъ превосходенъ и благодѣтеленъ, чего не можетъ допустить (за исключеніемъ чрезвычайныхъ государственныхъ эпохъ военной диктатуры) гражданское сознаніе современныхъ образованныхъ націй. Согласно этому сознанію, совокупно съ развитіемъ прерогативъ административной власти, развиваются и положительныя, точно опредѣленныя, доступныя каждому частному лицу, обезпеченія отвѣтственности ея представителей за законопротивныя дѣйствія. Съ этой точки зрѣнія, всего важнѣе взглянуть на изложенное выше узаконеніе и искать въ немъ отвѣтовъ на указанные нами вопросы. Положенію Комитета Министровъ 13 іюля нельзя сдѣлать упрека въ томъ, чтобъ въ немъ не былъ ясно и опредѣлительно выраженъ основной принципъ правильности «обязательныхъ постановленій» административныхъ властей, — что они «ни въ какомъ случаѣ не должны противурѣчить существующимъ законамъ», но противъ нарушенія представителями администраціи этого принципа указана лишь слѣдующая гарантія: «жалобы частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій на означенныя постановленія приносятся въ *общеустановленномъ порядкѣ*». Этотъ общеустановленный порядокъ заключается какъ извѣстно ни въ чемъ иномъ, какъ въ подачѣ «жалобы по начальству», т. е., въ ходатайствѣ передъ высшими административными инстанціями объ взысканіи (по ихъ усмотрѣнію) съ низшихъ, и въ случаѣ надобности, при неудовлетвореніи жалобы со стороны высшихъ инстанцій, въ обращеніи съ жалобою уже на нихъ въ Правительствующій Сенатъ (по 1 Департаменту). Этотъ послѣдній путь удовлетворенія личныхъ интересовъ (и въ случаѣ надобности, ихъ вознагражденіе за обиды и убытки, часто встрѣчающееся), при противузаконныхъ распоряженіяхъ административныхъ лицъ, защищаемыхъ своимъ начальствомъ, — этотъ путь, представляющій собою нѣкоторыя судебныя

гарантія (гарантіи независимаго отъ администраціи суда) чрезвычайно затруднителенъ и медленъ для мелкихъ ежедневныхъ дѣлъ, изъ которыхъ слагается жизнь большинства людей, и почти невозможенъ для публики, живущей въ провинціи. Во всемъ остальномъ, указанный въ Положеніи Комитета Министровъ порядокъ жалобы не носитъ на себѣ даже и этой тѣни судебной (сенатской) процедуры. Итакъ съ значительнымъ расширеніемъ, въ силу этого Положенія, объема административной власти и съ совершенно новымъ развитіемъ ея прерогативъ или полномочій нисколько не увеличился объемъ ея отвѣтственности и не дано никакого новаго развитія законнымъ обезпеченіямъ частныхъ лицъ (и съ ними даже общественныхъ учрежденій) противъ злоупотребленій въ пользованіи этими новыми полномочіями. Между тѣмъ, въ тоже время, односторонняя отвѣтственность частныхъ лицъ и общественныхъ учрежденій за неисполненіе распоряженій административныхъ властей усилена, ибо «подача жалобы (какъ сказано въ Полож. Ком. Мин.) не освобождаетъ частныя лица и общественныя учрежденія отъ исполненія изданнаго постановленія. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній, нельзя считать весь этотъ правительственный актъ окончательнымъ рѣшеніемъ всѣхъ первостепенныхъ государственныхъ вопросовъ, входящихъ въ его предметъ и имъ выдвигаемыхъ на очередь, еще болѣе чѣмъ было прежде: къ первому ряду этихъ вопросовъ принадлежатъ тѣ, на которыхъ было постоянно сосредоточено особенное вниманіе нашего изданія, — объ отношеніяхъ административной власти къ законодательной и судебной [1]) и объ устройствѣ административной юстиціи (судебной процедуры по конфликтамъ, — взаимнымъ между разными административными инстанціями и между административною властью и частными лицами и общественными учрежденіями). Эта юстиція находится у насъ только въ зародышномъ состояніи (въ видѣ административно-судебной компетенціи 1 Департамента Сената), хотя и заключающемъ въ себѣ добрыя начала для правильнаго будущаго развитія. Разработкѣ упомянутыхъ важныхъ вопросовъ наше изданіе будетъ продолжать всѣми своими силами содѣйствовать, въ полной увѣренности, что они получатъ практическое у насъ движеніе въ близкомъ будущемъ. На эту мысль наводитъ между прочимъ и одно свѣдѣніе, сообщаемое въ мотивахъ изложеннаго выше ука-

---

[1]) См. статью *А. Д. Градовскаго* въ I томѣ Сборника: «Законъ и административное распоряженіе по русскому праву».

коненія: вопреки первоначальному предположенію (въ представленіи Министра Внутреннихъ Дѣлъ) объ установленіи *особаго порядка обжалованія* административныхъ постановленій комитетъ министровъ отклоняя это предположеніе, положилъ сохранить «общеустановленный порядокъ». Нельзя вообще не замѣтить, что Комитетъ Министровъ отклонилъ по всѣмъ частямъ этого дѣла *разныя ограниченія* новыхъ полномочій административной власти, *предполагавшіяся* въ представленіи г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ и расширилъ эти полномочія (распространивъ ихъ между прочимъ на всю имперію) далеко за предѣлы этого представленія. Это обстоятельство также заставляетъ думать, что правительство само считаетъ всю эту мѣру временною и не оставитъ озаботиться разрѣшеніемъ общихъ вопросовъ, выше намѣченныхъ. Иначе думать нельзя, впрочемъ главнѣйше потому, что начала законности и правомѣрности, которыя такъ энергически были вложены въ государственный строй и управленіе, нынѣшнимъ царствованіемъ, посредствомъ изданія судебныхъ уставовъ 1864 г., не могутъ быть парализованы, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи.

По общему *гражданскому праву* изданы только новыя правила объ усыновленіи личными дворянами (Выс. утв. 17 февраля 1876 г. М. Г. С.).

16 Апрѣля 1877 г.

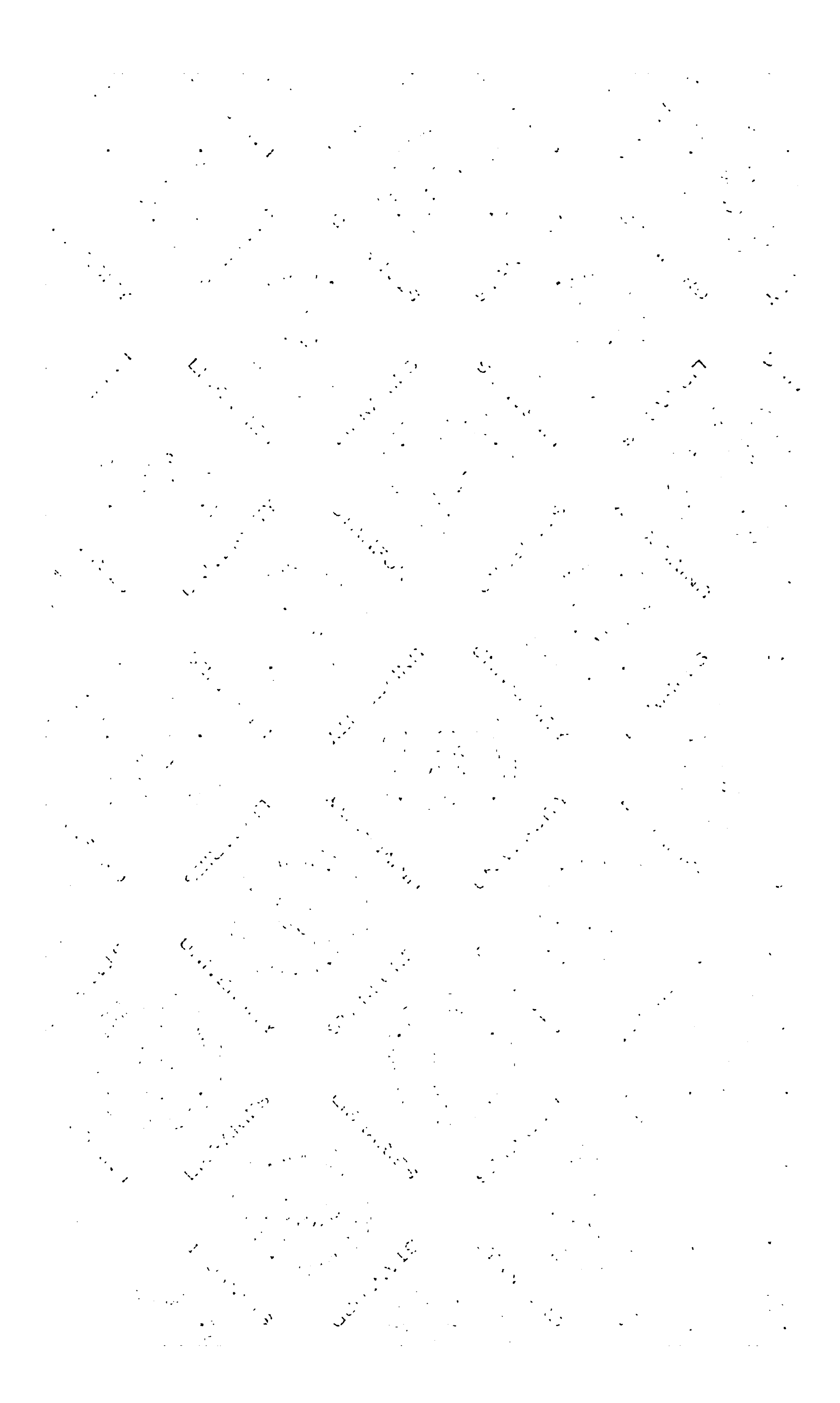
манская пресса рабочихъ, профессора А. Гельда. — **Гражданское право.** Прусскіе гипотечные законы 5 мая 1872 г. со введеніемъ и примѣчаніями Вернера. — Артельное законодательство въ Германіи, Д. Германа Зихерера. — Политика гражданскихъ законовъ или наука сравнительнаго законодательства, бар. Ф. де-Портала. **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія** (за первую половину 1874 г.). Уставъ о воинской повинности. Прочія постановленія по военной части.— Международныя конвенціи. — Высшія государственныя учрежденія. — Государственная служба. — Сословныя права. — Управленіе: общая организація. — Финансы, бюджетъ на 1874 г., гербовый уставъ. — Государственныя имущества. — Государственное хозяйство; желѣзныя дороги. — Акціонерныя компаніи. — Благотворительность и призрѣніе. — Полиція. — Судебная часть; новыя правила о повѣренныхъ. — Народное образованіе; начальныя училища. **Цѣна 3 руб.**

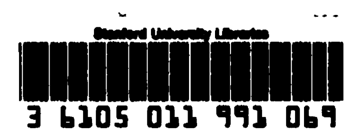
ТОМЪ II. — СОДЕРЖАНІЕ: Земскіе соборы въ Московскомъ государствѣ, *В. И. Сергѣевича.* — Акціонерныя общества, *Ѳ. Г. Тернера.* — Устройство правильной переписи населенія въ Россіи, *Ю. Э. Янсона.* — Земскія повинности и мѣстные налоги, *В. А. Лебедева.* — Земледѣльческіе отхожіе промыслы, въ связи съ переселеніемъ крестьянъ (съ картою), *В. И. Чаславскаго.* — Международное вмѣшательство, *М. Н. Капустина.* — Научная постановка церковно-суднаго права, *М. И. Горчакова.* — Значеніе подготовки къ войнѣ вообще и подготовительныхъ стратегическихъ операцій въ особенности, *Г. А. Леера.* — Моменты исторіи законодательства печати, *И. Я. Фойницкаго.* — Замѣтка по поводу акціонернаго законодательства, *Д. П. Скуратова.* **Критика и библіографія.** **Русская литература. Церковь.** Мнѣнія духовныхъ консисторій относительно проекта преобразованія духовно-судебной части. — *М. И. Горчакова.* — Мнѣнія епархіальныхъ преосвященныхъ относительно проекта преобразованія духовно-судебной части. — *М. И. Горчакова.* — Исторія русской церкви, соч. архіепископа Макарія.—*М. И. Горчакова.*— Общіе способы призрѣнія священно-церковно-служителей и ихъ семействъ, протоіерея Чижевскаго. — *М. И. Горчакова.* — О церковномъ хозяйствѣ, протоіерея Чижевскаго. — *М. И. Горчакова.* — Судьбы уніи въ русской Холмской епархіи, соч. Нила Попова. — *М. И. Горчакова.* **Государственное право (исторія).** Древніе города Россіи, соч. Д. Я. Самоквасова. — *Ѳ. И. Леонтовича.* **Государственное управленіе.** Основныя положенія Лоренца Штейна по полицейскому праву, соч. И. Тарасова. — *И. Е. Андреевскаго.* — Очеркъ основъ санитарной дѣятельности, соч. А. Доброславина. — *Г. И. Архангельскаго.* **Международное право.** Начало невмѣшательства. — *Гр. Л. Комаровскаго.* — Начало невмѣшательства, соч. гр. Л. Камаровскаго. — *Ф. Ф. Мартенса.*—Характеристика международныхъ отношеній и международнаго права въ историческомъ развитіи, соч. Иванова. — *Ф. Мартенса.* — Международное право, соч. М. Н. Капустина. — *Ф. Мартенса.* **Исторія.** Благовѣщенскій іерей Сильвестръ и его писанія, соч. Д. П. Голохвастова и архимандрита Леонидова. — *Е. Е. Замысловскаго.* — Записки иностранцевъ о Россіи въ XVIII столѣтіи: Записки фельдмаршала графа Миниха, С. Н. Шубинскаго.—*А. Брикнера.* — Древности права балтійскихъ славянъ, соч. А. Котляревскаго, ч. I. — *В. С. Иконникова.* — Исторія Россійской Академіи, М. И. Сухомлинова, вып. 1. — *Я. К. Грота.* — Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, соч. С. Соловьева, т. XXIV.—*К. Н. Бестужева-Рюмина.* **Статистика.** Сводъ статистическихъ свѣдѣній по дѣламъ уголовнымъ, изд. Мин. Юст. — ъ. — Статистическое обозрѣніе Россійской Имперіи, сост. Д. Ливрономъ. — ъ.— Холерныя эпидеміи въ Европейской Россіи въ 50-лѣтній періодъ 1823 — 1872 г., соч. Архангельскаго. — ъ. Курсъ статистики, соч. Н. Карасевича. — ъ. **Финансы.** Опытъ изслѣдованія англійскихъ косвенныхъ налоговъ: Акцизъ. Соч. И. Янжула. — *Л.* **Иностранная литература. Церковь.** Письмо къ проф. Трейчке по поводу нѣкоторыхъ его сужденій о русской православной церкви, соч. Н. Н. *М. И. Горчакова.* — **Государственное управленіе.** Ученіе о военномъ дѣлѣ, какъ часть государствовѣдѣнія. Лоренца Штейна. — *Г. С.* **Исторія.** Орденъ іезуитовъ, его организація, ученія, дѣятельность и исторія, соч. Губера. Іезуиты, соч. Губера, пере-

[6|?]

водъ А. Маршанда. — *В. Бауера.* **Статистика.** Столица Берлинъ; результаты исчисленія и описанія его народонаселенія; соч. д-ра Швабе.—ъ. **Государственное и народное хозяйство.** Исторія политической экономіи въ Германіи, Вильгельма Рошера. — *К.* **Финансы.** Руководство къ финансовой наукѣ, Лоренца Штейна. — *К.* **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за вторую половину 1874 г.).** Брюссельская международная конференція для установленія правилъ и обычаевъ войны. — Текущее международное право. — Войско и военная организація. — Государственная служба вообще —Финансы. — Государственное хозяйство — Полиція. — Судебная часть. — Народное образованіе. — Мѣстное управленіе; преобразованіе губернскихъ и уѣздныхъ учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ. — Гражданское право; раскольничьи браки. **Цѣна 5 руб.**

ТОМЪ III. — СОДЕРЖАНІЕ: Свобода совѣсти и отношенія Государства къ Церкви, *Ѳ. Г. Тернера.*— Поступательное движеніе Россіи въ средней Азіи, *М. И. Венюкова.*— Республика или монархія установится во Франціи? *В. Н. Герье.*- Ансильонъ и Кругъ, *Б. Н. Чичерина.*— Національный вопросъ, *А. Д. Градовскаго.* — **Критика и библіографія. Русская Литература. Государственное право (теорія).** Русское государственное право, Т. I.— Н. Андреевскаго.— Пособіе къ изученію русскаго государственнаго права.— А. Романовича-Славатинскаго.— Начала русскаго государственнаго права Т. I.— А. Градовскаго.— *Н. М. Коркунова.*— **Государственное право (исторія).** Древніе города Россіи.— *Д. Я. Самоквасова.*— Возраженіе г. Самоквасову. *Ѳ. И. Леонтовича.*— **Исторія права.** Исторія Кодификаціи гражданскаго права.— С. В. Пахмана.— *Н. В. Калачова.*— Сочиненіе Н. Д. Иванишева.— *П. Е. Андреевскаго.*— Обычное право, выпускъ первый.—Е. Якушкина.— *П. А. Матвѣева.*- Значеніе общенароднаго гражданскаго права.— Боголѣпова.— *П. Л. Карасевича.*— **Исторія.** Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ, т. XXV.— С. Соловьева.— *К. Н. Бестужева-Рюмина.*—**Гражданское право.** Законы о ипотекахъ, дѣйствующіе въ Царствѣ Польскомъ.—К. Юзефовича.—*Ѳ. И. Шмигельскаго.*—**Государственное и народное хозяйство.** Обзоръ развитія главнѣйшихъ отраслей промышленности и торговли въ Россіи.—Д. А. Тимирязева.—*А. Я. Шмидта.* **Иностранная Литература. Международное право.** Институты практическаго международнаго права въ мирное время.—А. Гартмана.—*Ѳ. Эйхельмана.* Практика, теорія и кодефикація международнаго права. - Бульмеринга —*Ѳ. Эйхельмана.* Ежегодникъ Института Международнаго Права.—*Гр. Л. Комаровскаго.* **Исторія.** Территоріальное расширеніе Россіи.— Д. Макензи-Уолласа. — *М. Капустина.* Исторія Россіи и европейской политики 1814 до 1831 г.—Бернгарди. — *А. Г. Брикнера.* Изслѣдованія политическихъ явленій древней и новой исторіи и вліяніе состоянія войны и мира.— Дево.—*П. Л. Карасевича.* Исторія государственныхъ учрежденій древней Франціи, часть первая.—Фюстель-де-Куланжа. — *П. Л. Карасевича.* **Статистика.** 1) Свѣдѣнія о числѣ родившихся и умершихъ въ Лифляндской губерніи 1863 — 1872 г.; 2) Матеріалы для статистики Лифляндской губерніи.— В. Андерса.—*А. Я. Шмидта.* **Народное хозяйство.** Матеріализмъ и Славянство. — Д-ра Осипа Сернеца. — *И. А. Бодуэна-де-Куртенэ.* **Философія права.** Очеркъ курса естественнаго права, или историческое и философское введеніе въ изученіе права вообще. — Тиссо. — *П. Л. Карасевича.* **Обозрѣніе движенія законодательства и государственнаго управленія (за 1875 г.).** Вступленіе. — Церковь; возсоединеніе греко-уніатовъ.— Международное право; всеобщій почтовый союзъ. — Войско и военная организація: развитіе устава 1874 г. о воинской повинности; преобразованія въ центральной и мѣстной военной администраціи; развитіе способовъ къ мобилизаціи боевыхъ силъ. — Государственное управленіе; организація центральныхъ органовъ и государственная служба вообще. — Финансы; упраздненіе государственнаго земскаго сбора; податная реформа; исполненіе бюджета.— Государственное хозяйство; съѣздъ представителей банковъ.—Полиція.—Судебная часть; судебная реформа въ привислянскомъ краѣ. — Народное образованіе; лицеи, сельскія школы, среднія учебныя заведенія.—Ученая часть; административная статистика.—Мѣстное управленіе.—Гражданское право.—Заключеніе.

Stanford University Libraries
3 6105 011 991 069

